

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**
17–19 мая 2017 года

Часть IV

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**

17–19 мая 2017 года

Часть IV

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2017**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук.

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 978-5-7937-1432-7

© ВИМАИВиВС, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© СПбГУПТД, 2017

С.А. Пивоварчик (Гродно, Республика Беларусь)

ПОЛЬСКИЕ УКРЕПЛЕННЫЕ РАЙОНЫ В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

ФОРТИФИКАЦИОННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ территории и охрана границы были одними из важных задач каждого государства. В разные времена пограничные укрепления, не меняя своего содержания, принимали различные формы. Первая мировая война показала, что крепости в прежнем понимании с их круговыми и малой глубины позициями как фортификационная форма потеряли свое значение. Идея классической «круглой» (замкнутой) крепости дискредитировала себя еще в начале Первой мировой войны, когда бельгийские крепости, на которые их строители возлагали столь большие надежды, пали в течение нескольких дней. В то же время, долговременные оборонительные сооружения новых конструкций показали свою способность выдерживать длительный обстрел снарядами самого крупного калибра.

В 20-е гг. XX в. в печати многих стран среди заинтересованных кругов прошло широкое обсуждение новой фортификационной формы – широкой укрепленной полосы, расположенной преимущественно вдоль границ государства. В результате во многих европейских странах в 20–30-е гг. XX в. были приняты решения о возведении на своих границах системы укрепленных районов. Под укрепленными районами (УР) стали понимать рубежи, подготовленные с широким использованием инженерных и технических средств борьбы, прикрывающие важные в политическом, стратегическом и экономическом отношении районы и направления, в них выводящие¹. Наиболее известные: во Франции – так называемая «Линия Мажино», в Финляндии – «Линия Маннергейма», в Греции – «Линия Метаксаса». Строили свои пограничные ук-

репления нового типа Бельгия, Голландия, Германия, Югославия, Чехословакия, Польша.

После заключения Рижского договора 1921 г. белорусские и украинские земли были разделены между Советским Союзом и Польшей, которые в стратегических планах рассматривались как противники в вероятном конфликте. Проблема фортификационного укрепления границ была тесно связана с проблемой «начального периода войны». Из опыта Первой мировой войны считалось, что этот период будет охватывать промежуток времени от объявления войны до завершения развертывания и начала решающих операций главных сил враждующих сторон. В 20–30-е гг. XX в. советские военные теоретики и военачальники (М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, А.И. Егоров, А.А. Свечин, Я.А. Шиловский и ряд других) в своих работах рассматривали различные аспекты начального этапа войны. Они пришли к выводу, что главное в начальном периоде – надежно задержать агрессора в приграничных районах, чтобы иметь время провести мобилизацию и развернуть войска. Для этого предлагалась целая система мероприятий военного и организационного характера, наиболее важное из них – масштабное строительство по линии государственной границы укрепленных районов². С конца 20-х гг. до начала Второй мировой войны в СССР была осуществлена программа строительства УРов на восточной и западной границе. В Белорусском и Киевском военных округах, которые находились на западном операционном направлении, было построено 16 укрепрайонов (12 – в Украине, 4 – в Белоруссии)³.

Идея строительства непрерывной фортификационной линии вдоль линии границ была воспринята и военным руководством Польши. Оборонительная подготовка на границе с Советским Союзом началась в 1926 г. по приказу Генерального инспектората Вооруженных сил. Тогда же армейские инспекторы начали оперативные исследования и исследования на местности соответствующих приграничных районов. Эти исследования позволили создать в 1928 г. предварительный оперативный план военных действий на восточном фронте. Он предусматривал на первом этапе войны ведение боевых действий по прикрытию границы. К решающему сражению советские войска должны были подойти с наибольшими потерями.

В действиях по прикрытию должны были принять 2/5 польских вооруженных сил, разделенные на 6 армий: «Вильно», «Лида», «Барановичи», «Полесье», «Волынь», «Подолье». Восточные зем-

ли были разделены на оперативные участки соответственно зонам действий соответствующих армий⁴.

Наиболее важным был расположенный в центральной части укрепленный участок «Полесье». Благодаря преобладанию болотистых и лесистых территорий, неразвитой сети коммуникаций и малому количеству населения, он создавал препятствие, разделяющее советские силы нападения. На тылах участка можно было безопасно собрать войска, предназначенные для решающего сражения. На участке «Полесье» было начато строительство наиболее мощных фортификационных сооружений, оснащенных специально созданным вооружением и предназначенных для занятия специальными частями. Созданные запасы боеприпасов и продовольствия должны были обеспечить ведение длительной обороны.

Территории, расположенные на юг и на север от Полесья, давали значительно более выгодные условия для оперативных действий. Ожидалось, что на них будут сосредоточены два основных советских концентрических удара, направленных на Варшаву: один из Белоруссии через Барановичи и Белосток, другой – из Украины через Волынь.

Задачей армий, занимающих эти территории, было проведение сдерживающих действий против войск противника. В противоположность району Полесья тут не планировалось создание единой устойчивой линии обороны, а предусматривалось устройство оборонительных позиций, которые неприятель должен был захватывать последовательно друг за другом. Сооружения, возводимые на этом участке, были предназначены для временной обороны.

Территория к северу от Полесья была разделена на два участка: «Вильно» и «Барановичи». Исключительно невыгодное расположение линии государственной границы, а также угроза со стороны Литвы не давали шансов на успех обороны участка «Вильно». Планировалось содержать на этом участке только укрепления самого города Вильно. Поддержку армии «Вильно» и сокращение линии фронта на случай ее отхода должна была обеспечить армия «Лида»⁵.

Более удобным для обороны был укрепленный участок «Барановичи». Его северная часть упиралась в Неман, создавая вместе с Налибокской пущей обширное оперативное препятствие. Южная часть – многочисленные болота Полесья. Эти препятствия ограничивали наступательные возможности Красной армии для центрального удара по Барановичам. Дороги, проходящие в этом направлении,

пересекались реками Уша, Лань, Сервеч, Щара, которые протекали по лесистым и заболоченным местам. Эти совсем небольшие с виду препятствия были трудными для преодоления из-за сильно заболоченных берегов. Доступ к мостам в основном по гатям и дамбам, а переправа в других местах становилась очень сложным делом.

Подготовку на местности предполагалось проводить частично в мирное время. Работы были разделены на две группы: 1) фортификационно-водные с целью усиления водных преград путем создания затоплений и заболачиваний местности; 2) фортификационные – строительство системы железобетонных сооружений для создания огневых позиций, а также наблюдательных сооружений⁶. Необходимо отметить, что советскому термину «укрепленный район» соответствовал польский термин «odcinek» (участок). «Odcinek» состоял из «podocinek» (подучасток), «sektor» (сектор), «rejona» (район) количество которых было различное в зависимости от протяженности и топографических особенностей местности. Соответственно количество долговременных сооружений («schronow») и их типы были различные.

Фортификационное строительство на восточной границе Польши осуществлялось в два этапа: на первом этапе в 1931–1936 гг. была проведена модернизация укреплений, возведенных немцами в результате стабилизации линии фронта в годы Первой мировой войны, а также было построено небольшое количество новых долговременных сооружений; на втором этапе в 1937–1939 гг. на основе новых тактическо-фортификационных планов производилось строительство долговременных сооружений нового, более совершенного типа. Большое влияние на польскую фортификацию оказала французская фортификационная школа и опыт строительства так называемой «Линии Мажино».

До начала Второй мировой войны наиболее значительные работы были произведены на укрепленных участках «Барановичи» и «Полесье»: по оценке польских историков фортификации, было закончено около 80 % от запланированного объема работ. Согласно генеральному проекту 1936 г., на Полесье (три участка – «Лунинец», «Ганцевичи», «Сарны») на протяженности 430 км планировалось построить 660 долговременных сооружений. К сентябрю 1939 г. поляки успели выполнить наибольший объем фортификационных работ на укрепленном участке «Сарны» – построили 188 долговременных огневых точек. А вот на участках «Лунинец» и «Ганцевичи» были только про-

ведены работы по рекогносцировке и составлены тактико-фортификационные планы⁷.

Советское военное командование считало польские укрепления серьезным препятствием и предполагало, что их преодоление повлечет большие потери. Маршал Михаил Тухачевский в своих показаниях на следствии по делу «военного заговора» в Красной армии в 1937 г. утверждал, что командующий Белорусским военным округом Иероним Уборевич разрабатывал план овладения польскими укреплениями с использованием только конницы, без участия пехоты. Однако в сентябре 1939 г. советские войска, которые перешли советско-польскую границу, вообще не встретили в укреплениях польских войск и беспрепятственно заняли Барановичи, Новогрудок и другие белорусские пограничные города. К 17 сентября польские армии, которые должны были защищать восточную границу Польши, были переброшены на запад и боролись против немецких войск. И только в районе города Сарны на Полесье советские войска встретили сопротивление польских войск, занявших долговременные фортификационные сооружения и организовавших оборону⁸.

Сразу же после окончания боевых действий в сентябре 1939 г. Военным советам Белорусского и Украинского фронтов было дано указание немедленно произвести обследование польских фортификационных сооружений, оказавшихся на территории СССР, и предоставить доклады об их состоянии и возможности дальнейшего использования. Эти документы были выявлены нами в Российском государственном военном архиве и представляют интерес с точки зрения определения состояния польской фортификации накануне Второй мировой войны и развития планов советского военного руководства по военно-инженерному обеспечению новой границы с фашистской Германией⁹.

Доклад отдела инженерных войск Украинского фронта по состоянию и использованию Сарненского укрепленного района (именно так именовался укрепленный участок «Сарны» в советских документах) был составлен 11 октября 1939 г. В докладе дана характеристика фортификационных сооружений, представлены тактическая характеристика УР, общее состояние его хозяйства, сформулированы выводы и предложения. Подписал документ начальник инженерных войск Украинского фронта военный инженер 1-го ранга Леонтий Захарович Котляр¹⁰.

Сарненский УР, закрывающий железнодорожный узел Сарны с востока и юго-востока, строился Польшей в период 1933–1939 гг.

В первую очередь была построена восточная часть УР, в последние три года велось строительство юго-восточной и южной части, а также окончание монтажа старых сооружений. Общая протяженность фронта УР достигала 80 км. Количество забетонированных сооружений, выявленных советскими инженерами – 193, как правило, одноэтажные, с бронеколпаками от 1 до 5 штук на сооружение.

Толщина стен и покрытий от 1,30 до 2,10 м. Железобетон имеет значительное армирование, толщина прутьев железа доходит до 20 мм. Щебень из местного гранита и базальта прочностью не ниже 2000 кг на см². Цемент частично со Здолбунова и других заводов.

Все напольные стены сооружений закрыты мощной присыпкой из камня и земли. Земляная обсыпка вымощена крупным камнем, что вызывало рикошет снарядов. Сооружения многоамбразурные, большая часть капониров с парными амбразурами на каждое направление. Обстрел дополняется из бронеколпаков, имеющих прорези для кругового наблюдения и обстрела.

Во всех сооружениях вход защищен ружейно-пулеметными амбразурами. Почти каждое сооружение запроектировано, индивидуально сходных типовых построек было мало.

Каждое законченное сооружение обеспечено колючей оцинкованной проволокой в три ряда на металлических кольях и металлических рогатками. Промежутки между сооружениями, как правило, закрыты колючей проволокой в три ряда на металлических кольях (на всем протяжении восточного участка УР).

Внутреннее оборудование продумано и выполнено хорошо. Каждое законченное сооружение имеет дизельную установку водоснабжения, фильтры, электрооборудование и все бытовые устройства. Большинство сооружений связано подземным бронированным кабелем. Они замаскированы на поверхности бетона цветной краской – камуфляж по холсту – над амбразурами сетки, по виду из морской травы.

Посадка сооружений произведена хорошо, с учетом фронта огня на восток и юго-восток. Входы расположены с обратной стороны. Впереди лежащая местность – равнинная, болотистая – простреливается без значительных мертвых пространств. Река Случь подготовлялась в трех местах к большому подпору воды шлюзованием и сама по себе являлась также значительным препятствием.

Завершая характеристику сооружений и тактическое назначение УР, начальник инженерных войск фронта приходит к следующему

выводу: «Учитывая наличие сильных препятствий в виде проволочных заграждений, прочность сооружений и возможность сильного обстрела из них, считаю, что при надежном и полном гарнизоне прорыв УРа представлял бы весьма большие трудности. Недостатком УРа, особенно центральной части Чудель-Богуши, является линейное расположение точек – отсутствие глубины. Опорные пункты и узлы сопротивления не выявлены, отсутствуют противотанковые препятствия (надолбы только заготовлялись)»¹¹.

В третьей части доклада характеризовалось общее состояние хозяйства УР. Восточная часть укрепрайона строилась с базы Сарны. Южная – базы ст. Моквин, управление Костополь. УР имеет центральные мастерские, склады и депо узкоколейной ж/д на ст. Моквин, а также склады по группам объектов. Все точки соединены, общее протяжение узкоколейки составляло не менее 200 км. Имелось более 10 паровозов, мотодрезины и значительный парк платформ и вагонов. В тылу УР располагались 10 жилых городков для гарнизона, для размещения до одной роты в каждом.

Командованием фронта были назначены комендант УР – полковник Васильев и военком – батальонный комиссар Саморуков. Охрану объектов укрепрайона на севере до д. Чудель осуществлял стрелковый полк 60-й дивизии, к югу – УРОВский батальон из Новоград-Волынского. Все сооружения к северу от д. Чудель были закрыты с наличным имуществом и боеприпасами (двери приварены). Взорванные и испорченные 34 сооружения не охранялись, а незаконченные фортсооружения на юге были обнесены сплошным дощатым забором. Из поврежденных сооружений оборудование демонтировалось, на станции Моквин проводился сбор и учет всего имущества укрепрайона.

В заключение начальник инженерных войск фронта Л.З. Котляр формулирует выводы и предложения: «Использование точек для наших целей не представляется возможным, т.к. все они обращены ходами на запад и на север. Поворот фронта точек на запад технически очень сложен, так как точки посажены на низких местах с большим бетонным ограждением для гидроизоляции. Кроме того, на большом протяжении позади точек будет в тылу проходить река Случь. Все казарменные городки при этом окажутся перед фронтом.

Считаю целесообразным полную ликвидацию Сарнского УРа за исключением казарменных городков. С помощью взрывания выбрать

все бронеколпаки, бронезаслонки, двери, предварительно сняв все оборудование. Затем сильными взрывами уничтожить сооружения, освободить и выбрать арматуру, а камень использовать для дорожных целей на месте. Проволоку снять. После вывоза сего оборудования и металла, узкоколейную сеть снять. Все материалы и оборудование использовать для строительства новых УРов.

Считаю целесообразным сохранение группы сооружений в северной части УРа для организации артиллерийского и инженерного (УРовского) полигона»¹².

Доклад Военного Совета Белорусского фронта был подписан его руководством: командующим фронтом М.П. Ковалевым, членом Военного совета И.З. Сусайковым и заместителем начальника штаба В.Е. Климовских и датируется 10 ноября 1939 г. В документе отмечается, что согласно телеграммы Наркома обороны № 45 от 25 сентября 1939 г. комиссиями от Управления оборонительного строительства и войсковых штабов было произведено обследование состояния долговременных оборонительных сооружений на территории бывшей Польши¹³. Система бывших польских долговременных сооружений состояла из следующих позиций:

восточная граница:

а) старая германская позиция времен войны 1914–1918 г.,

б) Барановичский укрепленный район;

северная граница (против Восточной Пруссии):

а) Августов и р. Нетта,

б) Гониондзь, Осовец, Визна, Новогруд.

Старые русские крепости на территории Западной Белоруссии – Гродно, Брест-Литовск, Ломжа – как крепости поляками не восстановливались.

Старогерманские позиции (восточная граница)

Поляки строительством УР занимались в период 1932–1939 гг. В первый период работы велись по восстановлению сооружений, разрушенных уходящими немцами, в 1920 г. – РККА и местными жителями, а с 1938 г. приступили к строительству новых сооружений по всем районам.

По всему фронту старогерманских позиций (за исключением Барановичского УР) поляки новых сооружений не строили, их работа сводилась к производству затирки, наружной штукатурки, одерновке и устройству дворигов в старых немецких сооружениях.

Сооружения бетонные, в некоторых применена арматура. Ряд сооружений состоит из деревянного каркаса, залитого бетоном, а в перекрытиях некоторых из них имеются рельсы сплошным настилом. Конфигурация сооружений чрезвычайно сложна, почти нет совпадающих по типам построек. На главных направлениях их средняя плотность на один км составляет 12,5, при средней глубине 3,5 км, количество убежищ преобладает над другими типами сооружений. Например, участок Сморгонь – Любча на протяжении 140 км имеет: огневых точек – 319, наблюдательных пунктов и командных пунктов – 128, убежищ – 1310, артиллерийских позиций – 18. Итого: 1775 объектов.

Все рубежи выбраны хорошо, идут по командным высотам. Фланговый огонь в системе организован весьма слабо, искусственные препятствия не сохранились и вновь поляками не построены (исключение: Барановичский УР). Посадка сооружений в большинстве случаев произведена хорошо с применением маскировки. Вся система УРов организована исходя из немецких тяжелых форм полевой фортификации периода 1916–1917 гг. (мелкие фортификационные формы).

Барановичский УР

Польский Барановичский УР имеет общую протяженность 110 км. Этот район в империалистическую войну 1914–1918 гг. являлся немецким укрепленным рубежом, впоследствии (1930–1939 гг.) усилен поляками новыми, более усовершенствованными сооружениями – «схронами». Они построены по переднему краю на направлениях дорог: Варшавское шоссе, Клецк, Ляховичи, Барановичи, Несвиж-Барановичи с противотанковыми препятствиями типа надолб из рельсов, частично в сочетании с эскарпами, плотинами для заболачивания и затопления пойм рек Сервечь и Щара, противопехотными препятствиями от 3 до 12 рядов проволочных заграждений на некоторых участках. Противотанковые и противопехотные препятствия построены в 1939 г.

Основу обороны УР составляли пулеметные точки фронтального действия и небольшое количество сооружений типа пулеметных капониров и полукапониров, дающих фланговый огонь, артиллерийских капониров и полукапониров (всего один). Сооружения постройки 1938–1939 гг. имеют самостоятельные наблюдательные устройства в виде металлических колпаков, подземная связь отсутствует. Отопление при посредстве чугунных печей, канализация отсутствует. Осве-

щение предполагалось керосиновое, герметизация не произведена. Приточно-вытяжной вентиляции нет.

Качество бетона на сооружениях 1915–1918 гг., а также на постройках до 1938 г. крайне низкое, он легко откалывается от ударов молота. В сооружениях 1938–1939 г. качество бетона удовлетворительное.

Противотанковые препятствия устроены из рельсов, поставленных вертикально, высота над землей 0,75 м. Рельсы (надолбы) забиты в 4 ряда, с интервалом в рядах 1 м, и дистанция между рядами 2 м.

На основных дорожных сооружениях в береговых устоях мостов и плотин устраивались фугасные колодцы для возможности минирования их.

Плотины построены двух типов: первый представляет разборную плотину, состоящую из двух береговых устоев и нескольких промежуточных опор в виде опускных металлических форм; второй – шандорную плотину с бетонными береговыми устоями и промежуточными быками. Пролетное строение моста, идущего по верху плотины, соединено с опорами специальным замком, дающим возможность сбрасывать проезжую часть на флюдбет, не нарушая при этом работу плотины.

Комиссия приходит к следующему выводу: *«Все сооружения на старой германской позиции, построенные для ведения огня на восток и расположенные на восточных скатах возвышенностей, использовать для организации системы огня на запад не предоставляется возможным, а поэтому вся укрепленная полоса подлежит немедленному сносу. Имеющиеся плотины на р. Щара разобрать и использовать в других местах. Противотанковые и противопехотные препятствия в настоящее время разбираются и все материалы сосредотачиваются на склады, расположенные в районе Барановичи»*¹⁴.

Северная граница Августов – р. Нетта (против Восточной Пруссии)

Оборонительные сооружения проходят: Чарны Бруд – Августов – р. Нетта – Промишки. Протяженность фронта составляет около 30 км. Всего сооружений на данном участке 28, из которых 6 железобетонных и 32 деревоземляных. Плотность сооружений примерно равна одному на километр. В качестве противотанкового препятствия используется Августовский канал и р. Нетта, которые были подготовлены к затоплению.

Характеристика сооружений: временные огневые точки представляют собой деревоземляные сооружения на 1–2 пулемета, построй-

ки разных сроков. Удачное расположение создает необходимость использования их как временных огневых точек против немцев.

Железобетонные сооружения – в основном капониры постройки 1939 г., в которых еще не закончены основные работы. Они должны выдержать попадание снарядов до 203 мм. Оборудования нет, в боях не участвовали. Расположены удачно и после оборудования вполне могут быть использованы для охраны границ Советского Союза.

Северо-западная граница: Гониондз, Осовец, Визна, Новогруд (против Восточной Пруссии)

Представлены следующие типы сооружений: пулеметные капониры, полукапониры, командно-наблюдательные пункты и пулеметные ДОТ. На участке Гониондз – Осовец: пулеметные полукапониры – 9, москит-пулеметы – 8, капониры – 2; Визна: пулеметные капониры – 8, москит-пулемет – 1, командно-наблюдательный пункт – 1; Новогруд: пулеметные капониры – 11, пулеметные полукапониры – 7, орудийный полукапонир – 1, наблюдательные пункты – 4.

Большинство сооружений имеют бронеколпаки, которые могут быть с небольшими конструктивными изменениями приспособлены для стрельбы из пулемета.

Большинство сооружений УР, за исключением сооружений участка «Гониондз», участвовали в боях и имеют частичные повреждения: откол железобетона в верхней закругленной части напольных и боковых стен; частично повреждены основные башенные амбразуры; в некоторых сооружениях испорчены герметические двери и разрушены воздухозаборы.

Все сооружения одноэтажные, большинство не имеет тупиков (сквозников). Броневая дверь из первого тамбура выходит непосредственно наружу.

Внутреннее оборудование не сохранилось, за исключением нескольких фильтров и обсадных труб в стенках. Во многих сооружениях сохранились пулеметные станки.

Амбразуры двух типов прямоугольного сечения с заслонками, открывающимися наружу на две стороны и круглого сечения диаметром 22 см. Внутренние двери герметические из железа, толщиной от 5 до 15 мм.

В сооружениях, как правило, силовая и фильтровентиляционная установки запроектированы в одном помещении. Санитарно-техническое оборудование отсутствует. В сооружениях имеется в стенах

большое количество закладных отверстий в виде труб диаметром 250, 200, 100, 38 и 19 мм.

Конструктивные части фортификационных сооружений следующие: высота помещений – 2 м, толщина фундамента – 60–80 мм, толщина боевого покрытия – 130–150 см с утолщением у бронебашен до 170–190 см. В районе «Визна» в одном случае имеется сооружение с толщиной покрытия 200 и фундамента 120 см. Толщина стен сооружений: амбразурная – 100–130 см, тыльная – 60–100, напольная – 150–170, внутренние стены 50–80, редко 20 и 30 см.

Арматура фундамента состоит из 5 сеток с ячейками 25 x 25 см. Арматура стен аналогична нашей, только вместо диаметра 16 применяется диаметр 20 мм.

Противооткольная одежда стен встречается редко и состоит из сетки заводского приготовления, ячейки сетки ромбовидные, проволока квадратного сечения 3 x 3 мм. Противооткольная одежда боевого покрытия состоит из балок двутавровых № 18–20, поставленных на расстоянии 30 см по осям, между балками положено железо толщиной 6 мм.

Бронебашни поставлены двух типов: 1) внутренний диаметр 120–150 см, толщина брони 17–20 см, имеет 4 боевые амбразуры и 2 наблюдательные; 2) внутренний диаметр 190 см, толщина брони 24 см, имеет 6 амбразур (круговой обстрел). Высота башни 170–200 см. Выступ башни над боевым покрытием 60–70 см.

Во всех сооружениях кроме фильтровентиляционной установки предусматривалась вентиляция отдельно каждого каземата, для чего в каждом каземате имеется свой воздухозабор с противовзрывной решеткой. Существующее количество закладных частей фильтровентиляционной системы обеспечивает установку нашего фильтра оборудования. Газоотсосная система из боевых казематов не предусмотрена.

Электрооборудование во всех сооружениях отсутствует, но имеющиеся в стенах закладные части в виде трубок 19 мм позволяют осуществить нашу систему электроосвещения с незначительным добавлением новых отверстий. Во всех фортсооружениях полностью смонтированного санитарно-технического оборудования нет. Имеются некоторые закладные части. Источника водоснабжения в сооружениях нет. Имеются отверстия и закладные части во всех внутренних стенах, позволяющие в основном осуществить разводку системы водопроводных труб, с дополнительной пробивкой но-

вых отверстий. Запасных резервуаров и бачков в сооружениях нет. Имеются установки чугунных писсуаров. В больших объектах предусмотрены помещения для уборной – габариты уборной позволяли разместить советское оборудование.

В докладе отмечается, что многие фортсооружения участвовали в боях, подвергались обстрелу немецкой артиллерии и из крупнокалиберных пулеметов, причем сопротивляемость железобетонных оказалась хорошей. По некоторым сооружениям и металлическим колпакам немцами был проведен опытный обстрел, его результаты видны. Сооружения нуждаются в приведении их в боевую готовность, для чего даны указания начальнику Управления строительством Минского укрепрайона произвести требуемый ремонт объектам, заменить негодный бронеколпак, навесить новые двери, там, где нет пулеметных станков – установить, используя для этого пульстанки, имеющиеся на складах Барановичского УР. Кроме этого, произвести обкладку бутовым камнем и обсыпку напольных стен, а также маскировку. Все работы должны быть закончены к 1 декабря 1939 г. Распоряжением Военного совета фронта для занятия ДФС в районе Осовец – Визна – Новогруд в конце октября 1939 г. был передислоцирован 13-й отдельный пулеметный батальон Минского УР.

Крепость «Осовец»

Крепость представляет собой три кольцеобразных форта, связанных между собой огнем и скрытыми ходами сообщения. Поляками Осовец, особенно форт № 2, был приведен к оборонительному состоянию. По оставшимся материалам и некоторым подготовительным работам поляки готовили огневое соединение Осовец – Гродно, что особенно доказывается наличием уже построенных железобетонных полукапониров, расположенных от форта № 2 до Давидовщизна. Заготовленные камень и другие материалы на левому берегу р. Бебжа, были складированы на линии Карповичи – Домброво – Гродно. Крепость Осовец могла быть крепким узлом сопротивления.

Форт № 1 представляет систему сооружений замкнутого кольца, прикрытого с севера р. Бебжа и обведенного кольцом канала. Сооружения форта предназначены для складов, размещения людей и лошадей. Огневые позиции преимущественно вынесены на вал. Через бойницы защищаются лишь подступы к сооружениям.

Система сооружений форта № 2, в отличие от форта № 1, предназначена для огневого сопротивления в северном, северо-восточном

и северо-западном направлениях. В двух сооружениях имеются выдвигающиеся броневые башни с обстрелом 360°. Сами сооружения имеют современное оборудование – пулеметные станки, систему вентиляции, охлаждения, водоснабжения и электроосвещения. Форт расположен на весьма выгодном рубеже с большим обзором и обстрелом, обведен каналом, перед фортом простирается болотистая местность.

Форт № 3 представляет систему сооружений замкнутого кольца, обнесенного земляным валом, в центре с северо-востока и на юго-запад разделен земляным валом. С севера и запада прикрывается р. Бебжа. Стрелковые позиции вынесены на вал.

Форт № 4 разрушен, но имеет три убежища для расчетов батарей и вынесенные земляные артиллерийские позиции.

Комиссия пришла к общему выводу о боеготовности крепости: *«Общая совокупность новых сооружений и фортов крепости Осовец является достаточно надежным узлом сопротивления и может быть взята лишь длительным блокированием с применением артиллерии крупного калибра. Отход артиллерии с северо-запада, севера и северо-востока вследствие ограниченного количества дорог и большой заболоченной площади затруднен. Необходимо крепость привести в порядок, вооружить и включить в общую систему обороны участка Гониондз – Осовец»*¹⁵.

О достаточно высоком уровне развития польской фортификации свидетельствует тот факт, что в 1941 г. в Военно-инженерной академии Красной армии был издана монография «Железобетонные фортификационные сооружения Польши»¹⁶. В предисловии отмечается, что монография – это дополненные и уточненные «Основы проектирования долговременных фортификационных сооружений», разработанные в Высшей школе инженеров в Варшаве в 1938 г. Фактически академическое издание представляло собой переведенную на русский язык часть общего курса долговременной фортификации, которая служила не только пособием для обучения слушателей польской инженерной школы, но и указанием для проектирования фортификационных сооружений укрепленных районов Польши. Нам представляется вполне возможным, что дополнения и уточнения были внесены после изучения советскими военными инженерами польских фортификационных сооружений. Подготовив «Основы проектирования долговременных фортификационных сооружений», Высшая школа инженеров произвела коренные изменения в соответствующую

щих положениях долговременной фортификации, существовавших в Польше до 1938 г. Переворот был вызван вмешательством в строительство польских укрепленных районов французских инженеров, которые, используя опыт строительства «Линии Мажино», внесли значительные коррективы как в форму и конструкцию фортификационных сооружений, так и во внутреннее оборудование. Положения Высшей школы инженеров были значительно изменены по ряду вопросов в ходе строительства укрепленных районов. Поэтому выдвинутые бывшей польской инженерной школой предложения в области долговременной фортификации, безусловно, заслуживали внимания советских специалистов, даже при условии, что эти предложения в полной мере не были осуществлены и проверены боевыми действиями в ходе войны.

---

¹ Шперк В.Ф. История фортификации. М.: Военно-инженерная академия имени Куйбышева, 1953. С. 249.

² История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 225.

³ Пивоварчик С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941). Гродно: ГрГУ, 2006. С.139, 149.

⁴ Kot M. Wshodnie umocnienia Rzeczypospolitej. Odcinek „Baranowicze” // Archeologia Wojskowa. 1994. № 1 (4). S. 36.

⁵ Там же. С. 36–37.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Pruski Z. Bastion Polesie. Polskie fortyfikacje na Polesiu w latach 1920–1939. Prasnysz, 2000. S. 128.

⁸ Там же. С. 105–122.

⁹ Российский государственный военный архив. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 273. Иностранцы УР, их использование, опыт иностранных армий. 1939–1940 гг.

¹⁰ Там же. Л. 112–115. Доклад отдела инженерных войск Украинского фронта ВС УФ по состоянию и использованию Сарненского УР.

¹¹ Там же. Л. 113.

¹² Там же. Л. 115.

¹³ Там же. Л. 6–14. Состояние польских долговременных фортификационных сооружений.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Половнев С.А. Железобетонные фортификационные сооружения Польши. М., 1941. 77 с.

Г.Д. Пилишвили (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ БОЙЦОВ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ НКВД В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРОЦЕСС ОРГАНИЗАЦИИ истребительных батальонов на территории Курской области начался в конце июня 1941 г. Этому предшествовало принятие 24 июня 1941 г. СНК СССР двух постановлений: «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе» за номером № 299¹. Истребительные батальоны НКВД организовывались для выполнения следующих задач: «борьбы с вражескими диверсантами, шпионами, лазутчиками, охраны объектов военного значения, промышленных предприятий, имущества колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, мостов, предприятий связи, коммунального хозяйства»².

26 июня 1941 г. Курским обкомом ВКП(б) и исполкомом облсовета депутатов трудящихся принимается постановление по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Указанное постановление определило конкретный план по организации батальонов. Первые секретари районных комитетов ВКП(б) и начальники районных отделов НКВД без промедления приступили к организации истребительных батальонов во всех районах Курской области. Численность устанавливалась от ста до двухсот человек (исходили из конкретных условий и расположения района). Первым секретарям районных комитетов ВКП(б) приказано было выделить в распоряжение НКВД нужное количество членов и кандидатов ВКП(б), проверенных членов ВЛКСМ и советского акти-

ва, которые могли владеть оружием, из числа лиц, которые не подлежали мобилизации.

Начальниками истребительных батальонов назначались, а затем утверждались на бюро районных комитетов ВКП(б) проверенные оперативные работники НКВД. Руководство истребительными батальонами по всей области было возложено на начальника УНКВД Курской области капитана госбезопасности А.И. Поташева. Также секретари районных комитетов ВКП(б) должны были направлять проверенных работников районного комитета ВКП(б) (утвержденных предварительно на бюро) на должности заместителей начальников батальонов политической части. Начальники райсоветов депутатов трудящихся начали подыскивать и передавать в распоряжение начальникам истребительных батальонов НКВД нужное количество единиц транспорта (автомашины, мотоциклы, велосипеды, лошади и подводы), а также особое право пользоваться в случае необходимости всеми видами местной связи³.

В конце июня – начале июля 1941 г. по всей Курской области заканчивается процесс формирования и укомплектования истребительных батальонов НКВД. Дискуссионен вопрос относительно количества самих истребительных батальонов, сформированных по области на начало лета 1941 г. Например, в более поздних документах (на осень 1941 г.), взятых из штаба истребительных батальонов НКВД, можно встретить цифру 70 (4 в г. Курске и 66 в районах) с численным составом 10 544 бойца (в районах области – 10 184, а в Курске 360 бойцов)⁴. Но более приближенным к реалиям (данные на 29 июля 1941 г.) являются цифры в 68 батальонов (66 в районах и 2 в г. Курске) с количественным составом 10 650 бойцов – взяты из доклада бюро Курского обкома ВКП(б)⁵.

Необходимо указать на то, что истребительные батальоны НКВД укомплектовывались на добровольной основе, из числа тех, кто по разным причинам (состояние здоровья, возраст и т. д.) не подлежал мобилизации в армию. Среди бойцов-истребителей можно было встретить рабочих, колхозников, служащих, представителей интеллигенции, студентов, выпускников школ. В истребительных батальонах в основном службу несли мужчины, хотя иногда встречался и женский контингент. Руководство деятельностью всех истребительных батальонов по области осуществлялось областным управлением внутренних дел. Впоследствии при нем был создан штаб истребительных батальонов. Батальоны обеспечивались оружием,

боеприпасами, средствами передвижения, хотя и в недостаточном количестве⁶. Например, в начальный период функционирования истребительных батальонов за ними числилось следующее количество оружия: станковых пулеметов – 8, ручных пулеметов – 2, винтовок модернизированных кавалерийских и пехотных – 6668, АВС (самозарядных) – 2167, винтовок иностранного образца – 155, карабинов – 61, револьверов – 15, гранат РГД-33 – 10 000, клинков кавалерийских – 1382, боепатронов винтовочных – 1 115 000, боепатронов револьверных – 3 048 000 шт.⁷ Впоследствии численность оружия и боеприпасов у истребительных батальонов постоянно изменялась из-за участия последних в боевых операциях, а также передачи определенной части оружия полкам народного ополчения, частям Красной армии и пр.

По своей структуре истребительные батальоны НКВД соответствовали армейскому образцу (имелось деление на роты, взводы, отделения). Все истребительные батальоны в районах области (исключая батальоны г. Курска), в своем составе располагали конными группами в количестве от 15 до 25 всадников. Были и такие батальоны, в которых существовали пулеметные отделения и отделения связи⁸.

Работа по дальнейшему совершенствованию структуры и деятельности истребительных батальонов шла на протяжении всего лета 1941 г. Например, 11 августа 1941 г. прошло заседание бюро Курского обкома ВКП(б). На нем был принят ряд важных решений: вместо ежедневных учебных занятий истребительным батальонам было предложено проводить занятия 3 раза в неделю (10 часов), используя выходной день для занятий в поле; для несения ночных дежурств при штабах истребительных батальонов теперь стала организовываться дежурная часть в количестве от 9 до 11 человек. Командирам батальонов в приказном порядке было указано на организацию регулярных занятий по политико-воспитательной работе среди бойцов, а для повышения качества всей боевой подготовки истребительных батальонов командиры должны были регулярно проходить командирскую учебу. Что касается недостающего военного снаряжения и имущества, то секретарям районных комитетов ВКП(б) и председателям исполкомов райсоветов было предложено организовать на местном уровне его изготовление или приобретение. Управлению НКВД предлагалось ввести в каждом районе области систему для оповещения бойцов истребительных

батальонов. Она была необходима как для сбора по боевой тревоге, так и для учебного сбора⁹.

Для организации боевой подготовки личного состава истребительных батальонов НКВД составляется учебный план в объеме 258 учебных часов. Дополнительно к нему для подготовки медработников отводилось 56 часов. Исходя из учебного плана, была разработана программа по всем дисциплинам, на основе которой составлялось расписание занятий на 10–15 дней. Занятия устанавливались для двух категорий бойцов-истребителей: кто был расположен на казарменном положении – 10 часов в сутки; а для тех, кто призывался в батальоны без отрыва от производства – 8 часов в неделю в установленные расписанием часы¹⁰.

Главная задача при обучении бойцов в истребительных батальонах состояла в следующем: добиться умения в ведении одиночного и группового огня из различных образцов оружия, состоящего на вооружении; ведении штыкового боя; технике метания гранат и уничтожении танков; наступательных действиях в составе подразделения, взвода и батальона, сочетая огонь и движение; самоокапывании и приспособлении к обороне местных предметов; преследовании отступающего противника, его окружении и уничтожении; ведении оборонительного огня в полевых условиях и населенном пункте, действия в условиях воздушного и химического нападения и опознания типов вражеских самолетов; подрыве технических сооружений. Например, с 3 июля по 15 августа 1941 г. программа занятий предусматривала строевую подготовку в количестве 12 ч., рукопашного боя – 8 ч., посадки на машины – 2 ч., огневой подготовки – 4 ч., изучения оружия – 14 ч., знакомства с типами самолетов – 2 ч., политической подготовки – 32 ч. (в итоге – 98 часов)¹¹. По политической подготовке батальонам был роздан перечень тем для проведения бесед, информации и докладов во внеучебное время. При проведении боевой подготовки бойцов-истребителей были учтены методы и способы борьбы Красной армии с немецкими войсками. Для контроля и оказания практической помощи в районы расположения истребительных батальонов начинается выезд инспекторов и оперативных работников 4-го отдела УНКВД по Курской области¹².

В большинстве батальонов занятия проводились строго по расписанию, хотя были районы, где они шли нерегулярно. В документах мы встречаем случаи, когда в районах (Микояновский, Валуйский, Томаровский и т. д.) в истребительных батальонах самовольно было

уменьшено количество занятий до двух–трех в неделю. По донесениям начальников райотделений НКВД посещаемость занятий бойцами составляла 70–80 %, но при инспекциях оказалось, что реальная посещаемость была значительно ниже. Это касалось и качества занятий, оно во многих батальонах было низким. Часто оперштаб истребительных батальонов НКВД не проводил семинары с командирами батальонов, а лишь рассылал письменные указания. Сами руководящие районные работники помощи батальонам в деле боевой подготовки оказать не смогли, так как в большинстве своем в военном отношении были не подготовлены. Например, когда в Кореневском истребительном батальоне возникла необходимость применить гранаты РГД-33, то умеющих обращаться с ними не оказалось. Вопросы были и к дисциплине в батальонах, не только относительно посещаемости занятий, но имелись случаи, когда бойцы приходили в нетрезвом виде (например, в 1-м Курском и Львовском батальонах). Все это в конечном счете сказывалось не в лучшую сторону на боеспособности батальонов. Причем недисциплинированность бойцов выражалась не только в неявке на занятия¹³.

Весь объем занятий по организации, обучению, вооружению, боевой и оперативной обстановке приходилось совершать в короткие сроки, что не с положительной стороны сказалось на качестве – допускались перегибы и ошибки, о которых речь шла пошла на заседании бюро Курского обкома ВКП(б) 11 августа 1941 г. Остановимся на основных ошибках и недочетах. Организация истребительных батальонов НКВД в основном была закончена к 29 июня 1941 г. По численному составу они оказались неодинаковы. Например, наименьшим по численности был батальон в Солнцевском районе – 80 человек, а наибольшим – Обоянский, насчитывавший 386 человек. Все это сказывалась не в лучшую сторону при организации и управлении таким количеством людей¹⁴.

Да и в самом личном составе батальонов часто наблюдалась большая текучесть. К примеру, в течение месяца Стрелецкий истребительный батальон был обновлен на 40–50 %. Все это можно было объяснить несколькими причинами. Первая – секретарями районных комитетов ВКП(б) и начальниками районных отделов НКГБ и районных отделов НКВД при первоначальном составлении списков были допущены ошибки и халатность: в них были включены в большом количестве лица, подлежащие призыву по мобилизации в Красную армию. Вторая – большой процент из состава батальонов был взят

по особой мобилизации, которую провел обком ВКП(б). Третья – в батальоны довольно часто зачислялись лица, не годные по физическому состоянию для несения службы и обучению военному делу (впоследствии были отсеяны). Четвертая – в некоторых районах в батальоны зачислили большой процент женщин. Например, в Глазуновском истребительном батальоне был создан взвод медсестер в количестве 33 человек (на каждые четыре бойца приходилась одна медсестра). В дальнейшем прикрепление женского контингента к истребительным батальонам ограничило до 3–4 на батальон. Пятая – в состав батальонов оказались включенными руководящие работники районов (секретари райкомов, председатели райисполкомов и др.) которые числились в списках, но в силу специфики своей работы посещать занятия и выезжать на операции были не в состоянии (позже и они были из состава батальонов исключены)¹⁵. Из-за большой текучести личного состава батальонов было затруднено их сплочение, это также плохо сказывалось и на организации правильной боевой подготовки. Поэтому основной задачей в начале осени 1941 г. стало удаление «лишних» людей и закрепление оставшегося годного к службе личного состава, сведя текучесть до минимума¹⁶.

В начале осени 1941 г. все имевшееся оружие (за исключением небольшого резерва при УНКВД) было распределено и направлено в истребительные батальоны по области. В итоге личный состав истребительных батальонов был на 80 % обеспечен современным боевым оружием и имел достаточное количество автоматического. Отсутствие пулеметов компенсировалось наличием автоматов. Кроме того, для довооружения бойцов истребительных батальонов НКВД у местного населения были собраны охотничьи ружья – 1177 штук и малокалиберные винтовки – 345 штук.¹⁷ Нужно оговориться: для этого оружия в районах оказалось мало пороха, дроби и малокалиберных патронов, вследствие чего его применение было затруднительным. Оружие, а особенно боевые патроны, между батальонами оказались распределены крайне неравномерно. К примеру, одна часть батальонов имела в своем распоряжении патроны по 8800 штук, а другая часть – по 44 000. Это стало возможным из-за того, что склады РККА, расположенные на территории Воронежской области, запросов до конца не выполнили, и восточные районы Курской области оказались с заниженными нормами патронов. А чтобы перераспределить патроны и доставить их по батальонам, требовалось большое количество бензина, которого было мало. В некото-

рых батальонах количество оружия превышало количество бойцов; например, в Михайловском батальоне при численности 100 человек имелось 110 винтовок, в Стрелецком – на 95 человек 100 винтовок, а в Октябрьском – на 92 бойца 100 штук¹⁸.

В истребительных батальонах имелось достаточное число конного транспорта, однако для большей оперативности и мобильности они нуждались в автомобилях. И несмотря на указания со стороны облисполкома, в батальоны было передано малое число машин. Например, по расчетам, выданным председателем облисполкома в районы области, за истребительными батальонами должно было быть закреплено 210 грузовых автомобилей, а по состоянию на 25 июля 1941 г. их имелось только 118 штук. Часть из машин оказалась без шоферов, другая – требовала ремонта. К примеру, в первом Курском истребительном батальоне на 6 машин имелось 2 шофера¹⁹. Что интересно, когда неисправный автомобиль попадал в истребительный батальон и там приводился в порядок, то райвоенкомы через некоторое время включали его для поставок в армию, и батальон опять оставался без машины.

Осенью 1941 г. большинство из вышеуказанных недостатков было устранено, и хотя выброски немецких парашютистов на территории Курской области летом 1941 г. не было, а диверсионных групп не появлялось, батальоны уже имели практические навыки по поиску парашютистов. Например, в течение июля 1941 г. было зафиксировано много тревог из-за появления в районах неизвестных лиц, да и просто из-за слухов о якобы имевшихся случаях выброса парашютистов. Проведенные операции, кроме практики, а также задержания дезертиров, иных результатов не дали.

Подводя итог, отметим, что на основании двух постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 г. в прифронтовой полосе в кратчайшие сроки начался процесс создания истребительных батальонов. На территории Курской области батальоны начинают формироваться, исходя из постановления бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета депутатов трудящихся от 26 июня 1941 г. Был определен конкретный план по организации истребительных батальонов на территории области.

На территории Курской области летом 1941 г. было сформировано 70 батальонов, их создание шло на добровольной основе. Многие из бойцов не были обучены военному делу, поэтому была разработана специальная программа обучения. Основная цель – обучение

бойцов обращаться с оружием, вести бой, участвовать в наступлении, операциях в составе подразделения, сочетая огонь и движение, окапывание в обороне на местности, преследование отступающего противника – была достигнута. Если обратить внимание на пункты программы и проанализировать дальнейшие действия истребительных батальонов, становится ясно, что эта программа способствовала быстрому и эффективному обучению бойцов. На начальный период войны бойцы-истребители были слабо вооружены, в дальнейшем они часто будут использовать трофейное оружие, захваченное в результате успешных операций или подобранное в местах боев. Все это в дальнейшем (октябрь–ноябрь 1941 г.) позволит им наравне с подразделениями Красной армии (2-я гвардейская стрелковая дивизия считывала не более 800 бойцов) принять участие в боях за областной центр – г. Курск и держать оборону несколько дней (31 октября – 2 ноября 1941 г.), отойдя за город лишь по приказу.

---

¹ Биленко С.В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., М., 1988. С. 3.

² Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 8.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П-1. Оп. 27. Д. 2609. Л. 59–61.

⁴ Архив УВД Курской области (АУВД КО). Ф. 38. Оп. 7. Д. 5. Л. 41.

⁵ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2473. Л. 7.

⁶ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. С. 8.

⁷ Пилишвили Г.Д. Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (1941–1945 гг.). Курск, 2007. С. 50.

⁸ Гришков И.Г. Истребительные батальоны: помощь фронту // Политический диалог. 1991. № 10. Л. 6.

⁹ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 2616. Л. 59–61.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2773. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² АУВД КО. Ф. 38. Оп. 7. Д. 8. Л. 20.

¹³ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2773. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

И.Б. Пинк (Тула)

**ОПЫТНЫЕ МАГАЗИННЫЕ ВИНТОВКИ
КОНСТРУКЦИИ С.И. МОСИНА
80–90-х гг. XIX в. В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ**

МАГАЗИННАЯ ВИНТОВКА, принятая на вооружение российских войск 16 апреля 1891 г. указом императора Александра III¹, и ее модификации, в том числе карабины, сыграли важную роль в отечественной военной истории, став самым массовым оружием российской пехоты на протяжении более 50 лет. (Официально винтовка обр. 1891/30 гг. была снята с производства постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 января 1944 г.²)

Вопрос о ее авторстве продолжает вызывать оживленную дискуссию³.

Краткая история данной полемики рассматривалась ранее⁴. Следует отметить, что практически все образцы стрелкового оружия императорской российской армии, начиная с 60-х гг. XIX в., создавались на базе иностранных образцов и являлись итогом коллективной деятельности конструкторов⁵, и винтовка обр. 1891 г. не является здесь исключением. Однако это нисколько не умаляет ведущей роли С.И. Мосина в проектировании этой модели.

Тем не менее, конструктивные особенности опытных систем С.И. Мосина представляют существенный интерес с точки зрения истории военной техники. Особое значение имеют сохранившиеся до нашего времени образцы. Задачей статьи является введение в научный оборот опытных винтовок С.И. Мосина из собрания Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО).

На примере экспонатов ТГМО были рассмотрены некоторые конструктивные особенности опытных конструкций С.И. Мосина в работах А.Я. Шайденко⁶. Описания нескольких опытных образцов из собрания музея были опубликованы в каталоге выставки ТГМО,

посвященной 150-летию со дня рождения С.И. Мосина⁷, а отдельные модели представлены в работе В.В. Глазкова⁸ и каталоге наиболее интересных образцов стрелкового и холодного оружия из собрания ТГМО⁹.

Однако подробный анализ данной коллекции ранее не проводился.

Собрание опытных образцов С.И. Мосина в ТГМО можно разделить по конструкции на три группы.

Наиболее раннюю из них образуют переделочные образцы с речно-прикладным магазином.

В мае 1878 г. перед Отделом по оружейной части Артиллерийского комитета была поставлена задача испытания магазинных ружей. По указанию военного министра П.С. Ванновского в мае 1883 г. была создана Особая комиссия для испытания магазинных ружей при Офицерской стрелковой школе. Председателем комиссии был назначен постоянный член Артиллерийского комитета генерал-майор Н.И. Чагин. В июле 1883 г. в комиссию были введены прибывший из Тулы заведующий мастерской Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) С.И. Мосин и заведующий оружейной мастерской Офицерской стрелковой школы гвардии капитан Е.К. Кабаков¹⁰.

Частым способом введения на вооружение новых видов стрелкового оружия в XIX в., который производился, прежде всего, в целях экономии, являлась переделка старых образцов. Поэтому вполне естественно, что разработка армейского магазинного оружия началась с попытки использовать базу казнозарядных винтовок.

В 1879–1889 гг. в России рассматривались различные способы такой переделки состоящих на вооружении винтовок обр. 1870 г. (Бердан № 2). С.И. Мосин предложил свой первый вариант в 1883 г. На базе прикладного магазина Шульгофа он разработал собственный восьмизарядный речно-прикладный магазин. В 1885 г. С.И. Мосин предложил модель, в которой увеличил емкость магазина до 12 патронов. Образец 1885 г. был рекомендован Особой комиссией по испытанию магазинных ружей для войсковых испытаний. Для этой цели в 1886 г. на Тульском оружейном заводе было заказано 1000 винтовок. Однако по результатам проведенных стрельб комиссия отклонила такой вариант переделки¹¹.

В собрании музея представлены четыре опытные винтовки с речно-прикладным магазином конструкции С.И. Мосина 1885 г. (ТГМО КП-694, ТГМО КП-704, ТГМО КП-729, ТГМО КП-730). Устройство речно-прикладных магазинов было рассмотрено в ряде работ¹².

Анализ конструкции винтовки 1886 г. на примере образцов из собрания ТГМО произвел А.Я. Шайденко. Особенно подробно им рассмотрено устройство реечно-прикладного магазина. А.Я. Шайденко отметил, что в конструкции винтовки 1886 г. уже имеются решения, которые сохраняются в последующих образцах С.И. Мосина, например, общая компоновка затвора и спускового механизма¹³.

Описание и фотографии деталей магазина винтовки 1886 г. приведены ранее в некоторых изданиях¹⁴.

Три винтовки с серийными номерами 133 (ТГМО КП-730), 261 (ТГМО КП-694), 292 (ТГМО КП-704) относятся к партии из 1000 винтовок, заказанных для испытаний и изготовленных в 1886 г. на Тульском оружейном заводе. Среди них выделяется образец с серийным номером 133, поверхность стальных деталей которого не имеет оксидирования.

Затвор винтовки с инв. № ТГМО КП-729 отличается от затвора «серийных» винтовок 1886 г. На нескольких деталях ее затвора выбито: 2 обр. Этот образец представляет собой усовершенствованный вариант «серии» 1886 г. и является одной из последних конструкций винтовок С.И. Мосина с реечно-прикладным магазином¹⁵.

Вторую группу музейного собрания опытных образцов данного конструктора составляют «малокалиберные» однозарядные винтовки.

В 1889 г. по распоряжению военного министра П.С. Ванновского вопрос о перевооружении российской армии был разделен на две задачи: 1) создание однозарядной винтовки уменьшенного калибра, 2) разработка магазинной винтовки¹⁶.

Ранее Особая комиссия для испытания магазинных ружей поручила С.И. Мосину приспособить его магазин к стволам уменьшенного калибра. Из инструментального отдела Санкт-Петербургского патронного завода были высланы на ИТОЗ 5 стволов калибра 3,15 линии (8 мм)¹⁷. По-видимому, один из этих стволов использован в образце однозарядной винтовки с инв. № ТГМО КП-702, которая, таким образом, является наиболее ранней из второй группы.

В настоящее время у этого образца отсутствует затвор, но его конструкция приведена в работах А.Я. Шайденко. Приведем это описание (сохранена орфография оригинала): «затвор имел запирающие выступы, расположенные на стебле. Соединительная планка отсутствовала и курок предохранялся от отвинчивания специальным винтом. Затворная задержка представлена винтом с головкой, диа-

метр которой больше, чем прорезь в ствольной коробке для гребня затвора»¹⁸.

На казенной части ствола данной винтовки выбито: СМ под зубчатой короной, 1888 г. Очевидно, это клеймо можно считать инициалами «Сергей Мосин».

Аналогичное клеймо можно увидеть на патроннике винтовки 1889 г. из собрания ТГМО (ТГМО КП-702). Интересно, что ниже года изготовления на этом образце выбито еще одно клеймо, образованное перекрещенными линиями под такой же короной. Определить его в настоящее время не удалось.

В отличие от винтовки 1888 г. затвор модели 1889 г. уже имеет отдельную боевую личинку с двумя запирающими выступами и соединительную планку.

Особенностью этой винтовки является конструкция затворной задержки. В отличие от затворов более поздних моделей, которые вынимаются из ствольной коробки при нажатии на спусковой крючок, затворная задержка винтовки 1889 г. представляет собой отдельную деталь, подвижно прикрепленную к затвору на винте. Освободить затвор можно, если поставить задержку в определенное положение.

И, наконец, конструкция затвора однозарядной винтовки С.И. Мосина 1890 г. имеет такое же устройство, как и затвор магазинной винтовки обр. 1891 г. В собрании ТГМО хранятся винтовки 1890 г., выпущенные на Тульском оружейном заводе, с серийными номерами 408 (ТГМО КП-731) и 460 (ТГМО КП 697).

Справа на прикладе винтовки с № 408 выбито клеймо приемной комиссии. На затворе винтовки с № 460 выбито клеймо: П.

Третью группу в собрании ТГМО образуют опытные модели с се-рединным магазином.

В середине февраля 1890 г. С.И. Мосин представил на рассмотрение Комиссии для выработки малокалиберного ружья модель магазинной винтовки. В марте того же года конструктор подготовил ее модернизированный вариант. После проведенных опытов было принято решение изготовить на Тульском оружейном заводе 300 винтовок системы Мосина для сравнительных испытаний¹⁹.

В собрании ТГМО хранится шесть винтовок образца 1890 г. с серийными номерами 408 (ТГМО КП-731), 467 (ТГМО КП-713), 468 (ТГМО КП-707), 469 (ТГМО КП-728), 472 (ТГМО КП-711) и 473 (ТГМО КП-712). Из них с исторической точки зрения уникален образец с № 467. На стволе этой винтовки наводкой золотом нанесе-

на надпись в рамке: «Г. А. П. С. ВАННОВСКИЙ при посещении ИМПЕРАТОРСКОГО Т. О. З. 13 го сентября 1890 года собственноручно оттиснул на сем стволе название завода»²⁰.

Военный министр П.С. Ванновский с инспекцией прибыл на Тульский оружейный завод 10 сентября 1890 г. Во время визита он лично ознакомился с ходом работ по производству модели С.И. Мосина, присутствовал при испытаниях опытных винтовок стрельбой и выразил свою поддержку конструктору²¹.

Винтовки с зав. № 472 и 473 отличаются от предыдущих номеров формой рукоятки. У первых она шарообразная, в то время как на остальных – грушевидная. Следует отметить, что и более ранние винтовки Л. Нагана из последней партии из 300 единиц также имели грушевидную форму, а более поздние – шаровидную²².

Таким образом, последние образцы как С.И. Мосина, так и Л. Нагана имели рукоятку шаровидной формы. Однако первые серийные винтовки обр. 1891 г. имели грушевидную форму, и только через несколько лет она была заменена на шарообразную. Между тем, последняя еще на заседании 12 марта 1891 г. комиссии под председательством В.В. Нотбека была признана лучшей формой рукоятки затвора. Причины, по которым это решение не было учтено при постановке на массовое производство винтовок обр. 1891 г., могут стать темой отдельного исследования. Можно предположить, что грушевидная форма рукоятки была более технологически отработана при производстве винтовок обр. 1870 г.

Таким образом, собрание опытных моделей Мосина из ТГМО отражает как ход работ этого конструктора по созданию магазинной винтовки, так и все основные этапы разработки этого вида оружия в России, что свидетельствует об их исключительном значении для истории российского стрелкового оружия.

---

¹ Приказ по военному ведомству № 124 от 22 мая 1891 г. // Оружейный сборник. 1891. № 2. Правительственные распоряжения. С. 1–2.

² Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 57.

³ См. например: Ашурков В.Н. 1) Конструктор С.И. Мосин (1849–1902). Тула: Областное книжное изд-во, 1949. 79 с.; 2) С.И. Мосин – создатель русской винтовки. М.: Воениздат, 1951. 77 с. (Научно-популярная библиотека солдата); Чуднов Г.М. Конструктор С.И. Мосин. Тула: Приокское книжное изд-во, 1990. 174 с.; Селиванов Ф.Т. Слава без имени. М.: Воениздат, 1954. 196 с.; Ильина Т.Н. 1) Судьба винтовки. Ч. I // Орел. 1993. № 3. С. 36–39; 2) Судьба винтовки // Музей военной истории и боевой славы:

об. статей и материалов, посвященный 240-летию ВИМАИВиВС / Под ред. Н.И. Караулова. М.; СПб., 1996. С. 308–323; Христинич В. Русская трехлинейная магазинная винтовка обр. 1891/30 г. Сказки и быль. Наган, Мосин и другие действующие лица // Ружье. Российский оружейный журнал. 1999. № 4. С. 14–19; № 5. С. 60–65; 2000. № 2. С. 71–78; 2001. № 2. С. 55–65; 2002. № 5. С. 45–55; Клишин А. Странная история «винтовки Мосина» и «револьвера Нагана»... // Мир увлечений. Охота&Оружие. 2010. № 5 (33). С. 62–75; Челноков С. Мосин vs Nagant // Мастерружье. 2007. № 6. С. 28–35; № 7. С. 54–62.

⁴ См.: Пинк И.Б. Опытные магазинные винтовки конструкции Л. Нагана в собрании Тульского государственного музея оружия // Война и оружие: новые исследования и материалы: труды Седьмой Международной научно-практической конференции, 18–20 мая 2016 г. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. IV. С. 354–363.

⁵ См.: Пинк И.Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России: 1830–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.10. Тула, 2007. 278 с.

⁶ Шайденко А.Я. 1) Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. К столетию со дня рождения (По материалам Тульского исторического музея оружия) // Труды Тульского механического института. Вып. 3. М.: Гос. изд-во оборонной промышленности, 1949. С. 154–164; 2) Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина // Очерки по истории отечественной артиллерийской науки и техники. Вып. 4. Сергей Иванович Мосин (1849–1902). М.: Издание Академии артиллерийских наук, 1953. С. 38–51.

⁷ Каталог выставки в Тульском государственном музее оружия, посвященной 150-летию со дня рождения С.И. Мосина // 150 лет со дня рождения конструктора 3-линейной винтовки обр. 1891 г. С.И. Мосина: юбилейный сборник. Тула: Туламашзавод, 1999. С. 47–50.

⁸ Глазков В.В. Оружие Великой войны. Винтовки и карабины Российской армии. М.: Русские витязи, 2015. С. 15, 25, 27, 28.

⁹ Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея / И.Б. Пинк, О.Б. Ивлева, А.С. Дергачев. Тула: Третий путь, 2016. С. 112–113, 116–117.

¹⁰ Мавродин В.В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Изд. 2-е, доп. Л.: ЛГУ, 1984. С. 84; Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1899. № 3. Отдел I. С. 1718.

¹¹ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Русская винтовка. С. 89–90.

¹² См. например: Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. I. М.: Воениздат, 1938. С. 165, 167, 168.

¹³ Шайденко А.Я. 1) Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. С. 155–156; 2) Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина. С. 39–41.

¹⁴ Чуднов Г.М. Конструктор С.И. Мосин. Вкл.: «Опытная винтовка конструкции С.И. Мосина образца 1885 г...», «Затвор к опытной винтовке конструкции С. И. Мосина образца 1885 г...»; 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 112–113.

¹⁵ Аналогичные образцы хранятся в собрании ВИМАИВиВС.

¹⁶ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Русская винтовка. С. 92.

¹⁷ Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 180; Шайденко А.Я. Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. С. 157.

¹⁸ Шайденко А.Я. Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина. С. 43.

¹⁹ Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. С. 180; Ильина Т.Н. Судьба винтовки. С. 37.

²⁰ Каталог выставки в Тульском государственном музее оружия, посвященной 150-летию со дня рождения С.И. Мосина. С. 49–50; 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 116–117.

²¹ Ашурков В.Н. С.И. Мосин – создатель русской винтовки. С. 24–25.

²² Пинк И.Б. Опытные магазинные винтовки конструкции Л. Нагана в собрании Тульского государственного музея оружия. С. 361.

А.В. Пислегина, С.В. Устьянцев (г. Нижний Тагил)

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ МУЗЕЯ БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ «УРАЛВАГОНЗАВОДА»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ БОЕВЫХ МАШИН

СОБРАНИЕ БОЕВЫХ МАШИН Выставочного комплекса АО «НПК “Уралвагонзавод”» в конце 2014 г. пополнились двумя образцами, созданными в 1960–1980-х гг. в танковом конструкторском бюро Челябинского тракторного завода. Вся наличная коллекция состоит из опытных «объектов» либо серийных изделий, использовавшихся для проведения НИОКР. Новые поступления не стали исключением.

Согласно наряду Главного автобронетанкового управления МО РФ № 253/11/ЦБ от 27.10.2014 г. из войсковой части 42716 (г. Верхняя Пышма) на учет в 47-е военное представительство (ВП) для экспонирования в Выставочном комплексе «Уралвагонзавода» (УВЗ) были переданы боевая машина пехоты БМП-1 (объект «765»), заводской № Р10АТ0536 и боевая машина поддержки танков БМПТ (объект «781»), заводской № Е12АТ0033. Специалисты 47-го ВП капитан Ю.С. Корякин и технико-эксплуатационного отдела «Уралвагонзавода» А.О. Лагунов транспортировали обе машины в Нижний Тагил, в сдаточный цех механосборочного производства УВЗ.

Из истории БМП-1

В заключенном в 1990 г. в Париже договоре «Об обычных вооруженных силах в Европе» содержится такое определение: «БМП – это боевая бронированная машина для транспортировки боевого подразделения, которая обычно обеспечивает десанту возможность вести огонь из машины под прикрытием брони и которая вооружена встроенной или штатно устанавливаемой пушкой калибра не менее 20 мм и иногда пусковой установкой противотанковых ракет»¹¹.

В 1960 г., когда работа над первой в мире БМП только начиналась, в челябинском танковом КБ это определение было пока что неизвестно, а назначение БМП формулировалось опытным путем. И главное, чего добивались уральские конструкторы, в тексте договора не указано: машина должна была обеспечить выживание пехоты на поле боя после ядерного удара. Расчеты и реальные испытания 1950-х гг. показали, что танки как технические системы наиболее устойчивы к воздействию атомного оружия на поле боя, поэтому они первыми получили системы защиты экипажа от радиоактивной пыли и излучения. А вот наличные пехотные бронетранспортеры практически не защищали ни экипаж, ни десант даже в ходе марша по зараженной местности, не говоря уже о последствиях атомного взрыва. Между тем считалось, что любой сколько-нибудь серьезный военный конфликт между блоками НАТО и Варшавским договором неизбежно приведет к применению атомного оружия²².

БМП-1 разрабатывалась на конкурсной основе: в деле участвовали КБ ленинградского Кировского, Волгоградского и Челябинского тракторных заводов. Были созданы чисто гусеничные и чисто колесные, а также полугусеничные и колесно-гусеничные образцы³³.

Поначалу челябинский «объект 765» (главный конструктор П.П. Исаков) фаворитом не считался. Технический его проект был завершён весной 1961 г. – и получил одобрение как на заводе, так и у заказчика. Еще до появления первой машины были проведены испытания десантного отделения, точнее, его макета, установленного на артиллерийский тягач. В Чебаркуле пехотное отделение собственными боками проверило удобство движения в машине на пересеченной местности, посадки и десантирования, ведения огня из амбразур. Чуть позже в деревянном полномасштабном макете также отрабатывались боеукладка, возможности боевой работы командира БМП и оператора-наводчика. 25 сентября 1962 г. первая опытная БМП, пока что с корпусом из конструкционной стали, вышла из сборочного цеха Опытного завода⁴⁴.

1 декабря 1962 г. начались ходовые и прочие испытания. Велись они абсолютно безжалостным образом. Случалось, в сутки машина проходила до 400 км. В марте 1963 г. рядом с первой на трассу вышла вторая БМП. Поскольку машина была не просто новой, а принципиально новой, то и проблемы в ходе испытаний встречались весьма необычные. Например, как обеспечить боеспособность экипажа и десанта после суточного пребывания в машине, причем как в жару,

так и в холод? Ведь это могло потребоваться для пересечения зараженной атомным взрывом местности. Другая задача – обеспечение непрерывного движения БМП в течение тех же 24 часов. Еще целый набор вопросов встал в ходе отработки движения на плаву. В общем, до полигонно-войсковых испытаний первые БМП дошли к весне 1965 г. Они прошли все наличные в СССР климатические зоны и продемонстрировали явное превосходство над волгоградской машиной⁵⁵.

В 1966 г. БМП-1 успешно прошла полигонно-войсковые испытания и была принята на вооружение Советской армии. Советская армия получила принципиально новый вид боевой машины, позволяющий пехоте действовать наравне с танками в зоне, подвергшейся воздействию средств массового поражения – вплоть до ядерного заряда. Высокая скорость и способность плавать сочетались у БМП с мощным противотанковым вооружением в виде 73-мм пушки и ПТУР «Малютка». Полностью бронированные корпус и башня БМП вместе с системами защиты экипажа и десанта от радиоактивных пыли и излучения позволяли действовать там, где раньше могли выжить только танкисты. В 1967 г. серийные БМП-1 участвовали в больших учениях на Украине, причем успешно на плаву преодолели Днепр. А 7 ноября 1967 г. челябинские машины предстали перед военными атташе всего мира в колонне на праздничном параде. Всего в течение 1966–1971 г. челябинский корпус тяжелых машин построил и передал Советской армии 2250 БМП-1, причем ежегодно в конструкцию вносились все новые и новые усовершенствования. В 1972 г. в производстве рядом с БМП появились подвижный разведывательный пункт ПРП-3, а также командно-штабная машина БМП-1КШ для мотострелковых и танковых полков. В 1973 г. к ним добавились командирская машина БМП-1К и боевая разведывательная машина БРМ-1К⁶⁶.

БМП должны были стать одними из самых массовых боевых машин Советской армии. Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) при всем желании не мог поставлять их в нужном количестве, не сокращая выпуск тракторов. А это в мирное время было просто невыполнимо. Руководство министерства оборонной промышленности даже предлагало разделить челябинский промышленный гигант на два самостоятельных завода: боевой техники и тракторный. Решение также нельзя назвать удачным: слишком тесными и многообразными были связи, так что пострадали бы обе половины. И тогда было

принято неизбежное решение: БМП постепенно «ушла» на завод из системы Миноборонпрома, а ЧТЗ возвратили выпуск танков.

В 1975 г. вся необходимая чертежно-конструкторская и технологическая документация на БМП была передана Курганскому машиностроительному заводу. Несколько лет сборка БМП и различных военно-гусеничных машин на ее базе производилась двумя заводами параллельно, причем в Кургане производство наращивалось, а в Челябинске, напротив, сокращалось, пока на рубеже 1981–1982 гг. не было прекращено полностью. Всего ЧТЗ успел построить более 8 тысяч БМП и различных машин на этой базе. Кроме Кургана, челябинские специалисты помогли организовать производство БМП в Чехословакии⁷⁷.

В течение всего указанного времени в Челябинске велись многочисленные НИОКР, связанные с усовершенствованием БМП. Приведем лишь один пример: в апреле 1968 г. ЧТЗ получил задание разработать газотурбинный двигатель (ГТД) для гусеничных машин типа БМП. Работа оказалась очень сложной, поэтому в 1970 г. пришлось выделять ОКБ-6 из состава ЧТЗ в самостоятельную организацию – СКБ «Турбина». В итоге был создан ГТД типа Т-3, прошедший пробеговые испытания на БМП-1. Компоновка ГТД на машине позволила почти на метр сдвинуть моторную перегородку и значительно улучшить расположение экипажа и десанта. Но имелись и недостатки в виде большого расхода топлива и нестабильности работы ГТД. Работа над устранением последнего дефекта продолжалась несколько лет; в 1975 г. Т-3 прошел успешные заводские 300-часовые стендовые испытания, но до межведомственного дела не дошло: в конце года тема была закрыта⁸⁸.

Из истории БМПТ «объект 781»

Впервые о самом существовании челябинской боевой машины поддержки танков «объект 781» в открытой печати рассказал кадровый работник ГСКБ-2 Э.А. Соболев. Позднее и более подробно ее описал в своей статье М.М. Усов⁹⁹. Мы также воспользуемся указанными материалами.

Началась эта история во время войны в Афганистане, где обнаружилась недостаточная защищенность легкобронированных БТР и БМП. Хорошо подготовленный и оснащенный противник выбивал их за считанные минуты, оставляя танки без поддержки пехоты. Именно в Афганистане родилась неуставная расшифровка названия БМП и БМД – «братская могила пехоты (десанта)».

В то же время опыт боевого применения танков показал, что экипажи испытывают большие затруднения в случае необходимости одновременного обстрела нескольких целей. Особенно эта «ахиллессова пята» танка проявилась в столкновениях с партизанскими формированиями, действовавшими в сложных для техники условиях и умело использующими тактику засад и внезапных ударов. В ходе боя неожиданно появлялись десятки разбросанных на значительной площади бойцов противника, и гранатомет или ПТУР каждого из них представляли серьезную опасность для боевой машины. Два члена экипажа – командир и наводчик, используя все штатное вооружение, в том числе зенитный пулемет, одновременно могли обстрелять не более двух целей. Остальные противники получали несколько драгоценных секунд для производства прицельного выстрела.

По рассказам ветеранов УКБТМ, идея создания тяжелого БТР на базе Т-72 выдвигалась В.Н. Ведениковым и руководством Челябинского тракторного завода (предлагавшим производство такой машины именно на ЧТЗ) еще в 1980-е, но в то время не нашла поддержки. Несколько эскизных проектов тяжелой БМП на базе танка Т-72 были выполнены в 1984 г. на кафедре танков Военной академии бронетанковых войск под руководством начальника кафедры генерал-майора О.Н. Брилева. При танковом уровне защиты и близком к танковому вооружению тяжелые БМП отличались от ОБТ размещением силовой установки и личного состава. Дальнейшего развития эти проекты не получили ввиду сомнений в возможности серийного производства на перегруженных танковых заводах.

Одновременно с тяжелой БМП оформилась идея создания специальной сильнозащищенной боевой машины поддержки танков – на танковой же базе, но с многоканальным комплексом вооружения, ориентированным прежде всего на подавление и уничтожение танкоопасной живой силы и легкобронированных носителей ПТРК.

Проектирование боевой машины поддержки танков началось в середине 1980-х гг. в танковом КБ ЧТЗ при активном участии ученых кафедры танков Военной академии бронетанковых войск. Соисполнителем по комплексу вооружения являлось Тульское конструкторское бюро приборостроения. Юридическим основанием являлся утвержденный постановлением Совета министров СССР от 19 июня 1986 г. «Пятилетний план важнейших опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ по вооружению и военной технике на 1986–1990 гг.», где БМПТ значилась в одном из пунктов.

БМПТ изначально предназначалась для действия в составе танковых подразделений для защиты ОБТ от танкоопасных средств противника. Главный конструктор машины В.Л. Вершинский свою задачу видел в следующем: «Сделать боевую машину, защищенную, как танк, и вооружить ее мощным автоматическим оружием. Пустить рядом с танком, а может быть, и впереди. Тогда она уничтожала бы пехоту противника и впереди танка, и на флангах, предоставляя танку возможность уничтожать достойные его цели: противотанковые орудия, ракетные комплексы и танки противника».

Челябинская БМПТ («объект 781») имела невиданный по современным танковым меркам экипаж: 7 человек. Из них 6 вели наблюдение за полем боя с помощью современных по тем временам приборов и управляли многочисленным вооружением. Оно было выполнено в двух вариантах: «А» и «Б». По опубликованному М.М. Усовым описанию, в первом случае на машине устанавливались две стабилизированные автоматические 30-мм пушки 2А72 со спаренными с ними 7,62-мм пулеметами ПКТ в независимых друг от друга модулях, 2 ПТРК в бронированном контейнере, пулемет (7,62 или 12,7 мм) с дистанционным управлением на люке командира в кормовом секторе. Второй вариант был ближе к БМП-3: в низкопрофильной башне в единой маске размещалась строенная система: 100-мм пушка – пусковая установка 2А70, 30-мм автоматическая пушка 2А72 и автоматический гранатомет. Все это дополнялось автономным пулеметом ПКТ.

Кроме всего перечисленного, оба варианта имели дополнительное вооружение в виде двух курсовых дистанционно управляемых автоматических гранатометов, размещенных в бронированных отсеках над гусеницами. Чтобы разместить такой комплекс вооружения и экипаж, конструкторам пришлось увеличить длину корпуса машины и радикально изменить его носовой узел.

Всего было построено две машины в варианте «А» и одна – в варианте «Б». В мае 1987 г., еще до заводских испытаний, оба варианта были продемонстрированы руководству Советской армии в подмосковном Алабине. После чего они вернулись на Урал и прошли полный цикл испытаний в Чебаркульском учебном центре. По их итогам началась подготовка к производству, но продолжение проект не получил в силу известных «перестроечных» причин. Уже в 1990 г. на ЧТЗ поступил приказ из Москвы о сворачивании всех работ по военной тематике.

В 1991 г. имела место попытка возобновить проект на ЧТЗ с новым шифром «Рамка». Было разработано тактико-техническое задание на выполнение опытно-конструкторской работы по созданию машины и определен следующий состав комплекса вооружения БМПТ:

- основное вооружение – 30-мм пушка 2А42 и 30-мм гранатомет АГ-30, ПТРК «Корнет» в башне;
- дополнительное вооружение – два 30-мм гранатомета АГ-30 на надгусеничных полках в передней части машины;
- вспомогательное вооружение – два 7,62-мм пулемета ПКТ на надгусеничных полках за башней.

При этом экипаж машины должен был состоять из 7 человек (командир и наводчик основного вооружения – в башне, механик-водитель и операторы АГ-30 – в отделении управления корпуса, операторы ПКТ – в корпусе за башней). В качестве базового шасси предполагалось использовать перспективное «изделие 187», разработка которого в то время велась в УКБТМ. К 1995 г. ГСКБ-2 подготовило технический проект и рабочую конструкторскую документацию для изготовления опытных образцов БМПТ. Однако ЧТЗ уже был акционирован и ориентировался на совсем другую продукцию. В то же время прекратилась разработка «изделия 187». В общем, ОКР были приостановлены¹⁰.

Толчком к возобновлению работ послужили результаты применения бронетехники в Чечне. В 1998 г. начальник ГАБТУ МО РФ С.А. Маев предложил главному конструктору ОАО «УКБТМ» В.И. Поткину разработать аванпроект БМПТ на базе танка Т-72Б. По результатам выполненной работы С.А. Маев принял решение о возобновлении проекта. В конце 1998 г. было подготовлено ТТЗ на выполнение ОКР (шифр «Рамка-99»), а главным исполнителем было определено ОАО «УКБТМ». Но это уже совсем другая история.

Восстановление полученных образцов

Оба изделия поступили после проведения комплекса НИОКР и были значительно разукрупнены. Согласно акту технического состояния БМП-1 за подписью заместителя генерального директора – технического директора ООО «ЧТЗ – «Уралтрак» В. Сердюка, заместителя директора по конструкторским работам и технологии В. Иванова, заместителя начальника 583 ВП МО РФ О. Денисова, начальника 1 отдела хранения в/ч 42716 И. Цветкова, составленного

в мае 2014 г., он был изготовлен и введен в эксплуатацию в октябре 1974 г. К 2014 г. корпус имел трещины и вмятины на сварных швах и броневых деталях, был поврежден механизм поворота башни, вышли из строя электрооборудование, силовая установка, трансмиссия и ходовая часть. Техническая документация и ЗИП отсутствовали. Пулемет, пушка и радиостанция были сданы на воинские склады. Не было радиаторов системы охлаждения и смазки, волноотражающего щита.

В заключении указаны причины досрочного износа машины: «Проведение опытно-конструкторских работ, испытаний по специальным программам и методикам с отступлением от требований инструкции по эксплуатации и длительная эксплуатация». Судя по некоторым данным, этот образец БМР-1 в свое время был задействован СКБ «Турбина» в завершающей части испытаний газотурбинного двигателя.

Объект «781» был введен в эксплуатацию в декабре 1988 г. На корпусе после проведения испытаний имелись трещины и вмятины на сварных швах и броневых деталях, дефекты неброневых деталей, приваренных к корпусу и башне. На башне выведен из строя механизм поворота, сорвана резьба на винте стопора, поломаны зубья, повреждено электрооборудование. Имелись многочисленные повреждения трансмиссии, ходовой части. Обе пушки, ЗИП, двигатель, крыша силового отделения, левая и правая гусеничные ленты отсутствовали. Согласно заключению комиссии, подписавшей акт технического состояния изделия, который был составлен в мае 2014 г., опытный образец объект «781» отработал свой межремонтный ресурс, технически неисправен, к дальнейшей эксплуатации не пригоден. По заключению челябинской комиссии машина не подлежала восстановлению.

Вопреки мнению челябинских коллег на УВЗ было принято решение восстановить специальные боевые машины.

17 марта 2015 г. был выпущен приказ № 149 генерального директора ОАО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”» о восстановлении объекта «781» и передаче его в выставочный комплекс корпорации, затем 23 ноября 2015 г. дополнение к нему № 662. Приказом предусматривалось создание комиссии из специалистов для проведения осмотра боевой машины, получение от ООО «ЧТЗ-“Уралтрак”» конструкторской документации для изготовления и приобретения необходимых узлов. Специалистам

конструкторского бюро механизации и автоматизации производства «Уралвагонзавода» была поручена разработка конструкторской документации на возможные имитирующие элементы, необходимые для восстановления объекта «781», отличные от ранее использовавшихся серийных узлов Т-72Б.

В декабре 2014 г. «объект 781» был осмотрен специалистами «Уралвагонзавода» заместителем начальника сдаточного цеха А.Н. Чепелем, представителем УКБТМ А.А. Чигоревым и начальником бюро механосборочного управления В.В. Корпачевым на предмет возможности восстановления внешнего облика уникальной машины. Дополнительно были выявлены многочисленные утраты. В акте было зафиксировано: «Отсутствуют: правая и левая гусеницы, передние грязевые щитки, бортовые экраны, крыша МТО, пять крышек по правому борту, масляный бак, пулеметная установка и весь механизм слева впереди корпуса, осветительные приборы, ящик ЗИП, кормовая пулеметная установка, смотровые приборы в поворотных башенках». В башенке с ракетной установкой было разбито стекло прибора наблюдения. С правого борта были демонтированы ведущее колесо и БКП, которые лежали в отделении МТО. Требовалась частичная замена опорных катков.

ООО «ЧТЗ – “Уралтрак”» передало 150 чертежей. Конструкторами КБ МАП «Уралвагонзавода» была проделана большая работа по созданию дополнительной чертежной документации для изготовления недостающих деталей и узлов.

Для укомплектования объекта «765» (БМП-1) и объекта «781» (БМПТ) пушками по просьбе «Уралвагонзавода» глава города Нижний Тагил С.К. Носов обратился в департамент имущественных отношений и к начальнику Главного ракетно-артиллерийского управления МО РФ с просьбой передать орудия городу. Согласно приказу Министра обороны от 14.10.2015 за № 985 из в/ч 55443-51 г. Брянска в ноябре были доставлены одна пушка 73-мм 2А28 «Гром» и две учебные пушки калибра 30 мм 2А72. Орудия перед транспортировкой были демилитаризованы.

Полное воссоздание внешнего облика завершено в январе 2017 г. В дальнейшем планируется восстановление ходовых качеств уникальных боевых машин.

На снимках: восстановление боевых машин на «Уралвагонзаводе».

---

¹ Приводится по: Соболев Э.А. Конструкторское бюро: судьбы людей и машин – 2 (рукопись) // Музей ЧТЗ.

² Евграфов Ю.В. Записка о ядерной пустыне // Техника и вооружение. Вчера, сегодня, завтра. 2003. № 3. С. 39–40.

³ Благодеров А.А. Боевые машины пехоты. Зарождение и развитие // Техника и вооружение. Вчера, сегодня, завтра. 2008. № 5. С. 4.

⁴ Соболев Э.А. Конструкторское бюро: судьбы людей и машин.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Вершинский В.Л. Материалы для книги. Разделы 5–6 // Музей ЧТЗ. Рукопись книги к 70-летию ЧТЗ. Гл. 9. С. 236; Соболев Э.А. Конструкторское бюро: судьбы людей и машин.

⁸ Зубов Е.А. Двигатели танков (из истории танкостроения). Послевоенный период. М., 1995. С. 85–87.

⁹ Соболев Э.А. Конструкторское бюро: судьбы людей и машин; Усов М.М. К истории создания БМПТ // Арсенал Отечества. 2012. № 2.

¹⁰ Колмаков Д.Г. Рекламно-информационные материалы по БМПТ // Архив ОАО «УКБТМ».

М.А. Приходько (Москва)

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА В 1811–1831 ГОДАХ

«ОБЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ» от 25 июня 1811 г. практически не затронуло организацию структуры и делопроизводства Министерства военных морских сил, основы которых были заложены в 1805 г.

Во многом это объяснялось уделением главного внимания военно-сухопутному управлению в условиях постоянных войн, в которых участвовала Российская империя, начиная с 1805 г., и особенно в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Вплоть до 1827 г. в структуре Министерства военных морских сил происходили лишь частичные изменения, осложненные к тому же сохранением организационных и структурных пережитков коллежской системы управления.

В январе 1812 г. строительная часть Адмиралтейского департамента передана в ведение Адмиралтейств-коллегии¹.

В этом же году учреждается Аудиториатский департамент Министерства военных морских сил², в компетенцию которого вошли те же функции, какие были вверены Аудиториатскому департаменту Военного министерства, т. е. заведывание всей военно-судебной частью министерства, включая ревизию приговоров по военным делам, надзор за деятельностью военных судов и военно-судных комиссий, разработку законопроектов в сфере военного судопроизводства.

Аудиториатский департамент Министерства военных морских сил состоял из двух отделений и возглавлялся директором – генерал-аудитором.

В 1815 г. Министерство военных морских сил переименовано в Морское министерство, а должность министра военных морских сил переименована в должность морского министра³.

25 ноября 1821 г. ввиду болезни морского министра адмирала И.И. Траверсе временно учреждается должность начальника Морского штаба е.и.в.⁴ или начальника Штаба по морской части, к которому переходят полномочия морского министра⁵. На эту должность был назначен контр-адмирал А.В. Моллер⁶, причем адмирал И.И. Траверсе продолжал именоваться морским министром до 1828 г.⁷, хотя непосредственное управление Морским министерством осуществлялось начальником Морского штаба е.и.в.

Изменения в руководящем составе Морского министерства не отразились на его структуре, несмотря на то, что, по мнению современного французского исследователя М. дю Шатне, «Александр⁸ повелел перевести министерство и его канцелярию в имение Траверсе»⁹, на практике начальник Морского штаба е.и.в. А.В. Моллер фактически заступил место морского министра¹⁰ по управлению Морским министерством, поскольку Морского штаба или иного штабного учреждения организовано не было.

15 февраля 1824 г. учреждается Инспекторский департамент Морского штаба е.и.в. под управлением дежурного генерала, на тех же основаниях, что и Инспекторский департамент Главного штаба е.и.в.¹¹ В виде одного из структурных подразделений, подчиненных дежурному генералу, для управления личным составом флота и Морского министерства.

Инспекторский департамент стал своего рода основой для образования в будущем (в 1828 г.) Морского штаба е.и.в.

К концу царствования императора Александра I назрела насущная необходимость завершения преобразований в центральном морском управлении.

Пережитки коллежской системы управления в структуре Морского министерства, продолжение использования «Генерального регламента об управлении коллегий» в регулировании текущей деятельности Морского министерства¹², не получивший организационного устройства Морской штаб е.и.в., числящийся в должности морской министр И.И. Траверсе и фактический руководитель начальник Морского штаба А.В. Моллер – все эти факты свидетельствовали об общем неблагополучии в системе центрального морского управления, нашедшем свое яркое отражение в откликах современников В.М. Голловина¹³ и В.И. Штенгеля¹⁴.

Новая волна преобразований в центральном морском управлении начинается с вступлением на престол императора Николая I.

31 декабря 1825 г. учрежден Комитет образования флота (1825–1848) под руководством начальника Морского штаба е.и.в. А.В. Моллера¹⁵.

В особом рескрипте от 4 декабря 1826 г. эта задача была конкретизирована – согласовать устройство Морского министерства с «Общим учреждением министерств» и устройством Военного министерства¹⁶.

Работа комитета проходила под непосредственным наблюдением императора и завершилась разработкой проекта «Предварительного образования Морского министерства», который и был подан на утверждение монарха.

26 января 1827 г. одновременно с упразднением Военной по флоту канцелярии и Первого отделения Хозяйственной экспедиции Адмиралтейств-коллегии «высочайше» утверждено «Предварительное образование Дежурства Морского министерства»¹⁷.

Дежурство Морского министерства объединило под руководством дежурного генерала Инспекторский и Аудиториатский департаменты Морского министерства. Тем самым создавалась организационная структура, предшествующая образованию Морского штаба е.и.в.

6 марта 1827 г. учреждается Строительный департамент по морской части¹⁸. В виде временной меры он был подчинен генерал-инспектору по инженерной части, директору Инженерного департамента Военного министерства, инженер-генералу К.И. Опперману¹⁹, для организации морской строительной части на тех же основаниях, что и военно-сухопутная строительная часть²⁰.

В том же месяце, 24 марта 1827 г. упраздняется Главная контрольная экспедиция²¹.

Организация Строительного департамента по морской части имела свою специфику и оказала влияние на структуру Морского министерства.

К.И. Опперман стал именоваться начальствующим Строительным департаментом по морской части²², которому, в свою очередь, подчинялся директор Строительного департамента по морской части Л.А. Карбоньер. При К.И. Оппермане была образована специальная Общая канцелярия²³. Так как К.И. Опперман имел право непосредственного доклада императору по делам департамента²⁴, то вследствие этого Строительный департамент по морской части занял осо-

бое автономное место в структуре Морского министерства и только номинально подчинялся начальнику Морского штаба е.и.в. и управляющему Морским министерством.

24 августа 1827 г. император Николай I утвердил «Предварительное образование Морского министерства»²⁵.

Состав Морского министерства в этом правовом акте определялся следующим образом: Канцелярия морского министра, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-гидрографа, Управление дежурного генерала, Управление генерал-интенданта, Управление генерал-штаб-доктора и Морской ученый комитет.

Канцелярия морского министра возглавлялась директором и состояла из двух отделений.

Адмиралтейств-совет под председательством морского министра или особо назначенного председателя включал в свой состав генерал-гидрографа, дежурного генерала, генерал-интенданта, двух непременных членов и двух специально назначенных членов.

Адмиралтейств-совет заменил Адмиралтейств-коллегию, став совещательным органом при морском министре для управления всей хозяйственной частью Морского министерства.

Управление генерал-гидрографа состояло из Канцелярии, Гидрографического депо и Морской типографии.

Управление дежурного генерала оставалось на основаниях, утвержденных «Предварительным образованием Дежурства Морского министерства» от 26 января 1827 г.²⁶ Управление дежурством осуществлял дежурный генерал, при котором действовала канцелярия. Ему подчинялся Инспекторский департамент, которым дежурный генерал управлял непосредственно на правах директора, кроме того, при этом департаменте создавалась Канцелярия помощника директора – вице-директора и Аудиториатский департамент, возглавляемый генерал-аудитором, подчиненным дежурному генералу²⁷.

Управление генерал-интенданта состояло из Канцелярии генерал-интенданта, Кораблестроительного, Комиссариатского и Артиллерийского департаментов. При каждом из этих департаментов учреждались канцелярия и казначейство, кроме того, при Кораблестроительном департаменте создавался Учетный кораблестроительный комитет (Кораблестроительный и учетный комитет).

Управление флота генерал-штаб-доктора состояло из Канцелярии при генерал-штаб-докторе, образованной вместо Медицинской экспедиции Морского министерства.

Морской ученый комитет состоял из председателя, назначаемого из генералитета и четырех непременных членов. Кроме того, в его состав входили почетные члены и корреспонденты. Для производства дел при Морском ученом комитете учреждалась канцелярия под руководством ученого секретаря.

(Кроме этих структурных подразделений в составе Морского министерства действовал и не упомянутый в «Предварительном образовании Морского министерства» от 24 августа 1827 г. Строительный департамент по морской части.)

Таким образом, Морское министерство получило новое, по сравнению с 1805 г., устройство.

В собственноручном письме от 28 августа 1827 г. к начальнику Морского штаба е.и.в. вице-адмиралу А.В. Моллеру император Николай I еще раз напомнил о необходимости «принять ныне же все нужные меры к своевременному введению предначертанного новым образованием порядка и заняться предварительными распоряжениями к сему предмету относящимися, имея особенно в виду необходимость безотлагательного открытия Кораблестроительного ученого комитета»²⁸.

«Предварительное образование Морского министерства» вступило в законную силу с 1 января 1828 г.

Особенностью этого правового акта было то, что оно не упоминало о Морском штабе е.и.в.

Только Указ Сенату от 24 марта 1828 г.²⁹ учредил Морской штаб е.и.в. как орган центрального морского управления³⁰. До этого, с 1821 г., существовала лишь должность начальника Морского штаба е.и.в., который и осуществлял фактическое управление Морским министерством ввиду болезни морского министра И.И. Траверсе.

Именно этот Указ разделил все центральное морское управление на две части – Морской штаб е.и.в. и Морское министерство, по аналогии с центральным военным управлением, которое подразделялось на Главный штаб е.и.в. и Военное министерство.

Морской штаб е.и.в. образовывался «для сосредоточения всех частей морского управления в высшем их отношении»³¹.

Управление им поручалось начальнику Морского штаба е.и.в.

В состав Морского штаба е.и.в. вошли: Канцелярия начальника Морского штаба е.и.в., Управление генерал-гидрографа, Управление дежурного генерала и Морской ученый комитет.

Начальник Морского штаба е.и.в. объявлялся единственным докладчиком императору по всем вопросам центрального морского управления, им же объявлялись «высочайшие» повеления и распоряжения по морскому ведомству³².

В составе Морского министерства оставались: Канцелярия морского министра, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-интенданта, Управление генерал-штаб-доктора и Департамент корабельных лесов после его создания (а также Строительный департамент по морской строительной части, не упомянутый в Указе Сенату от 24 марта 1828 г.).

Таким образом, морскому министру вверялась вся хозяйственная часть морского управления, так же, как в Военном министерстве она вверялась военному министру.

Морской министр сохранял власть в соответствии с «Общим учреждением министерств» в отношении подчиненных ему подразделений. Он продолжал присутствовать в Государственном Совете, Комитете министров и Сенате. Им же составлялась ежегодная финансовая смета по всему центральному морскому управлению. Также он был вправе самостоятельно заключать контракты на подряды и поставки на сумму не более 50 000 руб. ассигнациями. Но морской министр не имел права непосредственного доклада императору и входил с представлениями по всем предметам, ему вверенным, к начальнику Морского штаба е.и.в.

Все структурные подразделения в составе центрального морского управления (за исключением Канцелярии дежурного генерала, Канцелярии морского министра, Адмиралтейств-совета и Управления генерал-штаб-доктора) имели единообразное организационное устройство и состояли из отделений и столов.

В Морском штабе е.и.в. и Морском министерстве вводились единые формы делопроизводства, установленные «Общим учреждением министерств».

Административные преобразования в центральном морском управлении непосредственным образом отразились на его руководящем составе. Начальник Морского штаба е.и.в. вице-адмирал А.В. Моллер 24 марта 1828 г. был утвержден в должности морского министра³³, а днем позже, 25 марта 1828 г. исполняющим должность начальника Морского штаба е.и.в. (управляющим Морским штабом е.и.в.) был назначен генерал-адъютант А.С. Меншиков³⁴. Что означало переход на вторичную роль при начальнике Морского штаба е. и. в.

нового морского министра А.В. Моллера и выдвижение на пост главного руководителя морского ведомства управляющего Морским штабом е.и.в. А.С. Меншикова. В чем опять же проявилось влияние структурных преобразований в центральном военном управлении – первенствующее значение начальника Главного штаба е.и.в. и подчиненное положение военного министра, выразившееся в условиях центрального морского управления особенно ярко в виде назначения военно-сухопутного, свитского генерала А.С. Меншикова, никак до этого не связанного с военно-морским ведомством, его руководителем³⁵.

Столь резкие изменения в руководящем составе были сглажены постепенным вхождением А.С. Меншикова в управление делами Морского штаба е.и.в.³⁶. Участие А.С. Меншикова в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и его ранение в 1828 г. обусловили практическую необходимость управления в это время Морским штабом е.и.в. и Морским министерством адмиралом А.В. Моллером³⁷ с производством им же докладов императору до конца 1829 г., времени возвращения А.С. Меншикова к непосредственному управлению Морским штабом е.и.в.³⁸

«Предварительное образование Морского министерства» от 24 августа 1827 г., а также Указ «О учреждении Морского штаба при е.и.в.» от 24 марта 1828 г., распространили «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. на центральное морское управление.

Дальнейшие преобразования уже служили основой для окончательного образования центрального морского управления.

3 декабря 1828 г. создается Департамент корабельных лесов при Морском министерстве³⁹.

В 1831 г. в состав Морского штаба е.и.в. включен Строительный департамент по морской части⁴⁰.

27 февраля 1831 г. Морской штаб е.и.в. переименован в Главный морской штаб е.и.в., а начальник Морского штаба е.и.в. – в начальника Главного морского штаба е.и.в.⁴¹

В декабре 1831 г. утверждено «Образование Главного управления Черноморского флота и портов»⁴². (Еще на основании Указа от 3 июня 1826 г. Главный командир Черноморского флота и портов в своих правах был приравнен к отдельному корпусному командиру, что ставило его в исключительное положение среди всех Главных командиров портов, но, с другой стороны, должно было утвердить его подчиненное положение по отношению к морскому министру.)

В соответствии с «Образованием Главного управления Черноморского флота и портов» управление в Черноморском флоте и портах сосредотачивалось в лице Главного командира.

По всем вопросам, превышающим его власть, а также при отсутствии определенного закона Главный командир Черноморского флота и портов обращался к начальнику Главного морского штаба е.и.в. и морскому министру или входил с «всепоподданнейшим» докладом к императору.

Новую структуру Главного Черноморского управления составили Канцелярия Главного командира, Штаб Черноморского флота и портов и Интенданство Черноморского флота и портов.

Штаб Черноморского флота и портов, управляемый начальником штаба, подразделялся на Канцелярию, Дежурство, Аудиториат, Гидрографическое отделение, Медицинское отделение и Архив.

Интенданство Черноморского флота и портов под руководством обер-интенданта подразделялось на Канцелярию, Комиссариатскую, Кораблестроительную и Артиллерийскую экспедиции и Ученый кораблестроительный комитет.

Кроме того, Главному управлению Черноморского флота и портов подчинялись портовые управления Черного моря.

Таким образом, структура Главного управления Черноморского флота и портов содержала в себе схожие подразделения, что и Главный штаб е.и.в. и Морское министерство, только общее руководство осуществлялось Главным командиром, а не начальником штаба.

Специфика организации управления Черноморским флотом и портами дала основание дореволюционному исследователю истории Морского министерства В.Г. Чубинскому сравнить Главное управление Черноморского флота и портов с «особым министерством, только отчасти зависевшим от Морского министерства»⁴³.

По нашему мнению, с точкой зрения В.Г. Чубинского можно согласиться только частично – стратегическое значение Черноморского флота, совмещение должности главного командира Черноморского флота и портов с должностью Николаевского и Севастопольского военного губернатора в 20-х – 30-х гг. XIX в, большой штатный состав, внутренняя структура органов управления, аналогичная Адмиралтейств-коллегии, Министерству военных морских сил, Морскому министерству и Главному морскому штабу е.и.в., отдаленность местопребывания ставили Главное управление Черноморского флота и портов в специфически автономное положение в центральном морс-

ком управления, но функционально это был орган местного военно-морского управления.

Тем самым в структуре Морского министерства только в 1827 г. были преодолены пережитки коллежской системы управления, и на Морское министерство было распространено «Общее учреждение министерств».

Образование в 1828 г. Морского штаба е.и.в. привело к возникновению в центральном морском управлении двух организационных центров – Морского штаба е.и.в. и Морского министерства (в рамках министерской системы управления), из руководителей которых морской министр занимал фактически подчиненное положение при начальнике Морского штаба е.и.в. (Главного морского штаба е.и.в.).

Окончательное же образование центрального морского управления было осуществлено в 1836 г. на основе «Образования Морского министерства» от 8 апреля 1836 г.⁴⁴.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (Далее: ПСЗ-1). Т. 32. № 24963. С. 18.

² Там же. № 25124. С. 333–334; Т. 44. Ч. I. Отд. 2 к № 25124. С. 106.

³ Там же. Т. 33. № 26028. С. 407.

⁴ Российский государственный архив военно-морского флота. (Далее: РГАВМФ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 14. Л. 59–60.

⁵ ПСЗ-1. Т. 37. № 28815. С. 927–928.

⁶ РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–2.

⁷ Месяцеслов за 1822–1828 гг. СПб., 1822–1828.

⁸ Т. е. император Александр I.

⁹ Шатне М. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М., 2003. С. 323.

¹⁰ О чем также свидетельствует назначение А.В. Моллера членом Комитета министров 30.01.1822.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 39. № 29792. С. 113–114.

¹² Российский государственный военно-исторический архив. (Далее: РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 839. Л. 2–2 об.

¹³ [Головнин В.М.] О состоянии Российского флота в 1824 году. Сочинение мичмана Мореходова. СПб., 1861. С. 3–30, 59–66.

¹⁴ Письма В.И. Штенгеля к императору Николаю I 1826 г. // Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. Вып. 2. СПб., 1895. С. 459–460.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (Далее: ПСЗ-2). Т. 1. № 26. С. 37–38.

¹⁶ Чубинский В.Г. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 171.

¹⁷ ПСЗ-2. Т. 2. № 839. С. 45–54.

¹⁸ Там же. № 943. С. 222–223.

- ¹⁹ Собрание законов и постановлений, до части морского управления относящихся, 1827 г. Кн. 1. СПб., 1828. № 35. С. 245.
- ²⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (Далее: ОР РНБ). Ф. 380. Оп. 1. Д. 113. Л. 4 об., 9 об.
- ²¹ Собрание законов и постановлений, до части морского управления относящихся, 1827 г. Кн. 1. СПб., 1828. № 15. С. 135–186.
- ²² ПСЗ-2. Т. 2. № 1072. С. 409.
- ²³ Там же. С. 409.
- ²⁴ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 113. Л. 4 об.
- ²⁵ ПСЗ-2. Т. 2. № 1325. С. 702–725; К № 1325. С. 186–192.
- ²⁶ Там же. № 839. С. 45–54.
- ²⁷ Там же. С. 47–48. § 31–38.
- ²⁸ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 188. Л. 8.
- ²⁹ ПСЗ-2. Т. 3. № 1895. С. 329–331.
- ³⁰ К сожалению, в новейшем словаре-справочнике «Государственность России» (Кн. 1–4. М., 1996–2001) отсутствует специальная статья, посвященная Морскому штабу е.и.в. – Главному морскому штабу е.и.в. (1828–1860).
- ³¹ ПСЗ-2. Т. 3. № 1895. С. 329.
- ³² Там же. С. 330.
- ³³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 336. Л. 74 об. – 75.
- ³⁴ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. [2-е издание]. СПб., 2002. С. 457.
- ³⁵ Очевидно, назначение А.С. Меншикова было связано с одобрением императором Николаем I проекта переустройства управления морским ведомством по образцу Военного министерства, автором которого был А.С. Меншиков.
- ³⁶ 20.06.1828 г. А.С. Меншиков утвержден в должности начальника Морского штаба е.и.в. (Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. С. 457).
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 120. Л. 10–18.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 113. Л. 3 об. – 4.
- ³⁹ ПСЗ-2. Т. 3. № 2475. С. 1056–1067; к № 2475. С. 211–213.
- ⁴⁰ Там же. Т. 6. Отд. 2. № 4780. С. 1; № 4814. С. 61; № 4827. С. 69.
- ⁴¹ Там же. Отд. 1. № 4389. С. 191.
- ⁴² Там же. Отд. 2. № 5019. С. 309–324.
- ⁴³ Чубинский В.Г. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. С. 259–260.
- ⁴⁴ ПСЗ-2. Т. 11. Отд. 1. № 9069. С. 400–412.

В.Н. Прямыцын (Москва)

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОЛЕТОВ ВВС США НА АЭРОДРОМАХ ПОЛТАВСКОГО УЗЛА (ИЮНЬ – АВГУСТ 1944 ГОДА)

СОВРЕМЕННЫЕ военно-политические отношения между Российской Федерацией и США характеризуются нарастающей напряженностью. На фоне расширения НАТО, конфликта на Украине и объявления санкций в обеих странах звучит агрессивная риторика. В ситуации обострения отношений не будет лишним напомнить народам обоих государств, что несколько десятилетий назад они бок о бок сражались с общим врагом. Американские боевые самолеты базировались в СССР и при содействии советских авиаторов бомбили Германию. Этот эпизод вошел в советскую военную историю под названием «челночные операции», а в американскую – как операция «Фрэнтик». Настоящая статья посвящена метеорологическому обеспечению операций, до сих пор не нашедшему освещения в исторической литературе.

В ноябре – декабре 1943 г. состоялась Тегеранская конференция. Личное общение лидеров стран «Большой тройки» дало мощный импульс военному сотрудничеству между союзниками в военной и экономической сферах. Вернувшись в США, президент Рузвельт отмечал: *«Россия остается главным фактором в достижении поражения Германии»*. Решения, принятые в Тегеране, на практике реализовались в координировании военной деятельности союзников, в расширении взаимодействия их военно-воздушных и военно-морских сил, увеличении поставок боевой техники по Ленд-Лизу, обмене оперативной информацией¹.

Из-за ограниченного радиуса действий истребителей сопровождения 8-я и 15-я воздушные армии ВВС США, а также британская стратегическая авиация, базировавшиеся на аэродромах Италии и

Англии, не имели возможности наносить удары по объектам в восточной части Германии и на территории Восточной Европы. На Тегеранской конференции президент США Ф.Д. Рузвельт обратился к И.В. Сталину с просьбой предоставить возможность американской авиации после нанесения ударов по Германии приземляться на территории СССР, с тем, чтобы на обратном пути снова бомбить общего противника. Так, наряду с другими направлениями сотрудничества, было принято решение о проведении «челночных операций»².

Для размещения значительного числа американских и английских тяжелых самолетов СССР выделил Полтавский аэродромный узел, использовавшийся ранее для базирования советской бомбардировочной авиации. На его аэродромах (Полтава, Миргород, Пирятин) была сформирована 169-я авиационная база особого назначения (абон). К концу мая 1944 г. усилиями советских авиаторов в Полтаве были созданы все необходимые условия для размещения и обслуживания самолетов союзников³.

Одной из наиболее сложных задач была организация метеорологического обеспечения. Прецедентов обеспечения столь массовых перелетов через всю Европу во взаимодействии с коллегами из других стран в истории отечественной метеорологии на тот момент не было. Не случайно решение этой сложной задачи было поручено одному из наиболее опытных авиационных метеорологов инженер-майору И.В. Кравченко (ил. 1)⁴. С должности заместителя начальника Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) ВВС он был назначен начальником метеорологической службы 169-й абон. Формально это было существенным понижением. На деле же – признанием заслуг и высочайшим доверием со стороны руководства ВВС.

Ил. 1. Начальник метеорологической службы 169-й авиационной базы особого назначения инженер-майор И.В. Кравченко

Под руководством И.В. Кравченко на Полтавском узле была создана надежная метеорологическая служба, в которой штатные метеорологи трех аэродромов были усилены наиболее подготовленными специалистами ГАМС и других подразделений ВВС. В Полтаве, Миргороде и Пирятине создали усиленные авиационно-метеорологические станции (АМС) батальонов аэродромного обслуживания (БАО). На каждой из них трудилось по десять человек (начальник, два инженера-метеоролога, младший метеоролог, три метеонаблюдателя, три радиста-кодировщика). Кроме того, в Полтаве создали авиационно-метеорологическое бюро (АМБ) района авиационного базирования (РАБ) в составе 12 специалистов (начальник, три инженера-метеоролога, четыре метеонаблюдателя и четыре радиста-кодировщика).

Для консолидации усилий метеорологов АМБ и АМС Полтавы были объединены, благодаря чему здесь появилось мощное оперативно-прогностическое подразделение, насчитывавшее более 25 сотрудников. Это дало возможность обеспечить круглосуточное дежурство сменой из двух инженеров-метеорологов, четырех метеонаблюдателей и четырех радистов. Такой состав дежурной смены позволял выполнять значительный объем оперативно-прогностической работы и в полной мере удовлетворял всем требованиям к метеорологическому обеспечению, высказанным американской стороной в период согласования проведения челночных операций⁵.

Следует отметить, что на советских метеорологов возлагалось обеспечение восточной половины маршрута. На западной половине за него отвечали метеорологические службы аэродромов Англии и Италии. Утром 2 июня 1944 г. с них поднялись в небо 750 самолетов 15-й воздушной армии ВВС США. Часть, выполнив боевую задачу, вернулась обратно, а 128 бомбардировщиков Б-17 «Летающая крепость» и 64 истребителя Р-51 «Мустанг» продолжили движение на восток. Несмотря на сложные метеорологические условия, воздушная армада своевременно и без потерь приземлилась на аэродромах Полтавского узла. На несколько месяцев Полтава стала советско-американской авиационной базой, на которой совместно с авиаторами СССР постоянно находилось более 1200 американских специалистов (ил. 2)⁶.

Среди американцев были и авиационные метеорологи. В Полтаве разместилась метеорологическая станция командования восточной группы ВВС США (три офицера-метеоролога, семь младших спе-

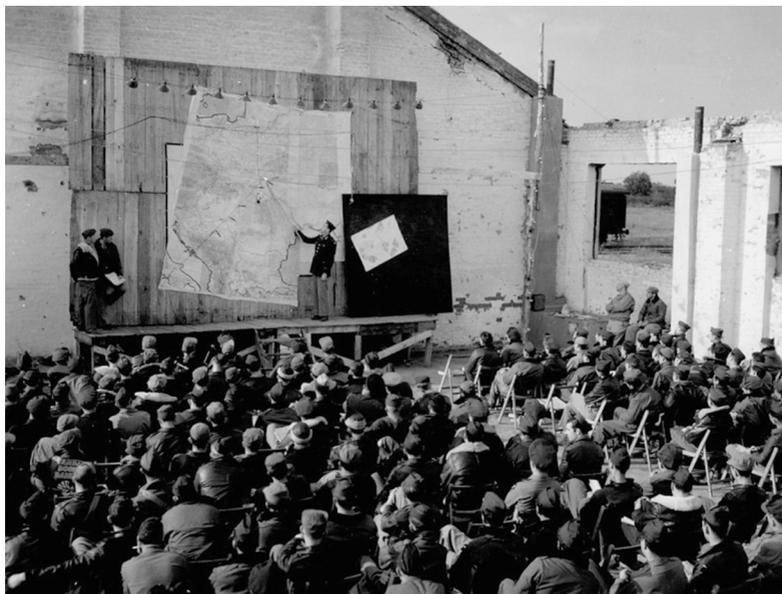
циалистов), а в Миргороде и Пирятине – по два офицера связи от американской метеослужбы. Американская метеостанция ежедневно составляла карты погоды по наблюдениям, проведенным в сроки 07:00 и 19:00, раскодировывала и передавала советским коллегам синоптические сводки по Европейскому и Средиземноморскому театрам, составляла карты барической топографии и суточные прогнозы погоды. Офицеры-метеорологи в Миргороде и Пирятине консультировали летный состав, осуществляли взаимодействие с советскими АМС⁷.

Ил. 2. Советский и немецкий авиаторы позируют на летном поле аэродрома Полтава с авиабомбами, адресованными Гитлеру

Таким образом, в метеорологическом обеспечении боевых вылетов американских самолетов с аэродромов Полтавского узла участвовали следующие силы: советское метеорологическое бюро и американская метеорологическая станция в Полтаве, советские метеорологические станции и американские офицеры-метеорологи в Миргороде и Пирятине. При этом, располагая широкими собственными возможностями, метеорологическая служба 169-й абон пользовалась оперативно-прогностической помощью вышестоящих учреждений метеорологической службы ВВС Красной армии.

Обеспечение осуществлялось следующим образом: в день накануне вылета к 14:30 метеорологическое бюро составляло предварительный прогноз и вертикальный разрез атмосферы по маршрутам: Полтава – центральный район Германии и Полтава – центральный

Ил. 3. Брифинг экипажей американских бомбардировщиков в Полтаве. На таких брифингах летный состав знакомился с прогнозами погоды по маршруту

район Балкан, с передачей этих сведений американским специалистам. Дежурный офицер метеорологической станции ВВС США докладывал этот прогноз своему командованию, а также предварительно ориентировал летный состав. Прогноз направлялся и на аэродромы посадки в Англию и Италию.

В ночь перед вылетом АМБ составляло окончательный прогноз, который передавался представителям США, направлялся советским и американским метеорологам в Миргород и Пирятин. Прогноз включал в себя сведения о форме и количестве облаков, высоте нижней и верхней границы каждого из ярусов облачности, явлениях, видимости, положении изотерм 0°C и -18°C , наличии обледенения, температуре воздуха, направлении и скорости ветра по шести высотам до 7620 метров (25 000 футов). Утром прогноз доводился до летного состава на брифинге (ил. 3). Вместе с прогнозом советских метеорологов по восточной половине маршрута летчикам сообщали прогноз английских и итальянских метеослужб, составленный для западной половины. В связи с ограниченными возможностями

тиражирования бланки с текстом вручались только командирам перелетающих групп. Остальным приходилось записывать прогноз на слух в блокноты. В них отдельно указывались ожидаемые погодные условия для различных участков маршрута, а также для района цели. Последнее интересовало командиров экипажей, штурманов и бомбардиров в наибольшей степени, потому что влияло на точность бомбометания⁸.

При перелете воздушной армады из Италии и Англии Полтавский узел выступал в роли аэродрома посадки. В таком случае накануне перелета АМБ составляло прогнозы по маршрутам: центральный район Германии – Полтава и центральный район Балкан – Полтава. Через американских представителей прогноз передавался в метеорологические службы аэродромов вылета. На протяжении перелета американские офицеры-метеорологи непрерывно консультировались со специалистами советского метеобюро. После того как американские бомбардировщики пересекали линию фронта и оказывались над советской территорией, их экипажам по радио предоставлялась информация о погодных условиях, ожидающих их при посадке на аэродромах Полтавского узла⁹.

Ил. 4. Фотография группы советских метеорологов, сделанная американскими летчиками. Третья справа – техник-наноситель ГАМС ВВС Н.В. Родченко

Среди тех, кому довелось принимать участие в обеспечении операции «Фрэнтик», была техник ГАМС Н.В. Родченко (ил. 4): *«В 1944 году был открыт долгожданный второй фронт, и меня направили в командировку в Полтаву для обеспечения «челночных» операций ВВС США. В нашей группе, которую возглавил офицер ГАМС И.В. Кравченко, были еще два инженера и такая же, как и я, техник-наноситель В.Ф. Стрельникова. Мы прилетели в Полтаву на самолете и узнали, что нам предстоит работать совместно с метеорологами, командированными, как и мы, для обеспечения самолетов ВВС США из других подразделений метеорологической службы ВВС КА. Занимались все тем же: в помещении АМС аэродрома Полтава наносили данные на карты, обрабатывали их и составляли авиационные прогнозы. Запомнилось, что в Полтаве нас очень хорошо кормили. Конечно, ведь все, что мы там делали, происходило на глазах у американцев. Все работы производились в обстановке секретности, поэтому мы не знали ни задач летчиков, ни текущей обстановки, а интересоваться не своим делом в те времена было не принято. Американские летчики все кругом фотографировали. Несколько раз они фотографировали и нас. Я до сих пор храню фотографии, подаренные мне американскими пилотами»¹⁰.*

Следует отметить роль Главной авиационно-метеорологической станции ВВС в обеспечении боевых вылетов с Полтавского аэродромного узла. «Челночные операции» в западном направлении проводились 6 июня, 11 июля, 11, 13 и 18 сентября 1944 г. Для каждого из этих массовых боевых вылетов ГАМС ВВС разрабатывал обширный материал. Вспоминает Л.В. Куропаткина (ил. 5), служившая в годы Великой Отечественной войны инженером ГАМС ВВС: *«В Полтаве базировалось авиационное соединение ВВС союзников, метеорологическим обеспечением которого на месте занималась наша оперативная группа. Одной из задач оперативного дежурного ГАМС было нахо-*

Ил. 5. Капитан Л.В. Куропаткина

даться в постоянном контакте с этой группой и консультировать наших специалистов в Полтаве по вопросам метеорологического обеспечения¹¹.

С июня по сентябрь 1944 г. на аэродромах Полтавского узла было обслужено свыше 1000 американских и английских самолетов. Они совершили более 2200 боевых вылетов, сбросив на объекты противника более 2000 тонн бомб¹². К концу сентября 1944 г. советские войска значительно продвинулись на запад, а войска союзников – на восток. Необходимость в проведении челночных операций отпала. Подводя итог взаимодействию советских и американских авиаторов на Полтавском аэродромном узле, заместитель командующего ВВС Красной армии генерал-полковник авиации А.В. Никитин вспоминал, что все виды обеспечения для прибывших авиационных подразделений союзников были организованы на высочайшем уровне. Не менее лестно отзывались и представители американского командования: *«Взаимодействие и понимание, проявленные русскими союзниками при подготовке американских баз в России, достойны высокой оценки»¹³.*

Деятельность метеорологов по обеспечению «челночных операций» была по достоинству оценена метеорологической службой штаба ВВС. Ее представитель И.С. Николаев (ил. 6) так охарактеризовал деятельность метеорологической службы 169-й авиабазы особого назначения: *«Работа по обеспечению «челночных» операций группы И.В. Кравченко велась в тесном взаимодействии с авиационными метеорологическими службами батальонов аэродромного обслуживания и американскими метеорологами, прибывшими в Полтаву. Мне довелось участвовать в работе комиссии штаба ВВС по проверке работы базы. Я побывал на всех аэродромах Полтавского аэродромного узла и убедился, что работа группы ГАМС и метеорологичес-*

Ил. 6. Полковник И.С. Николаев

ких подразделений базы была чрезвычайно трудной и ответственной. Работали метеоспециалисты с большим напряжением, но с заданием справлялись успешно. Нельзя не отметить большой труд техников-носителей, метеонаблюдателей, радистов-кодировщиков – ближайших помощников инженеров-синоптиков»¹⁴.

Метеорологическое обеспечение «челночных операций» обогатило отечественную военную метеорологию уникальным опытом обеспечения массовых боевых вылетов на большие дальности. Совместная оперативно-прогностическая работа на Полтавском аэродромном узле позволила коллегам из стран-союзниц поучиться друг у друга. Она показала американским метеорологам высокий уровень профессионализма советских специалистов. Метеорологическое обеспечение операции «Фрэнтик» осуществлялось в полном объеме, в назначенные сроки и с высоким качеством. Это славная страница в исторической летописи не только отечественной авиации и ее метеорологической службы, но и российско-американских отношений в целом.

¹ История Второй мировой войны, 1939–1945. М.: Воениздат, 1977. Т. 8. С. 443.

² Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 108.

³ История Второй мировой войны, 1939–1945. М.: Воениздат, 1977. Т. 9. С. 511.

⁴ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 90. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 56.

⁶ Никитин А.В. «Челночные операции» // Военно-исторический журнал. 1975. № 11. С. 46.

⁷ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 90. Л. 55.

⁸ Там же. Л. 59.

⁹ Там же.

¹⁰ Родченко Н.В. Метеорологическое обеспечение союзников // Сборник воспоминаний ветеранов-гидрометеорологов. М.: ГГМЦ МО РФ, 2012. С. 70.

¹¹ Куропаткина Л.В. Оперативное метеорологическое обеспечение // Сборник воспоминаний ветеранов-гидрометеорологов. С. 28.

¹² Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 2004. Т. 8. С. 381.

¹³ ЦАМО. Ф. 169 абон. Оп. 286075. Д. 6. Л. 60.

¹⁴ Николаев И.С. Метеорологическая служба ВВС в период ВОВ 1941–1945 гг. // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб.: Текст, 1995. С. 44.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕЙ И ПОЛИТИКОЙ: РАЗВАЛ УФИМСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 ГОДУ

ИСТОРИЯ РАЗЛОЖЕНИЯ гарнизона губернского города Уфы в 1917 г. освещена в ряде публикаций, опиравшихся в первую очередь на материалы периодической печати и фонды Национального архива Республики Башкортостан¹. Речь в них шла о процессах постепенной большевизации и деморализации гарнизона, участии солдат в погромах. Необходимо отметить, что в целом оба этих вектора характерны для жизни большинства тыловых гарнизонов империи в 1917 г. В настоящей работе дополнительно рассматриваются переплетавшиеся с вышеназванными процессами запущенные механизмы «национализации армии», связанные с воздействием на нерусских солдат не только политических партий, но и представителей формирующихся национальных движений. Публикация, кроме указанных источников, опирается на документы РГВИА.

В 1917 г. в Уфе проживало около 112 тыс. человек, имелось значительное количество беженцев и эвакуированных из западных губерний (около 6 тыс. человек), находились военнопленные². В транспортном отношении город был связан Самаро-Златоустовской железной дорогой и пароходным сообщением с реками Волго-Камского бассейна.

Численность гарнизона доходила в разное время 1917 г. до 45 тыс. человек. Его начальником был полковник Кекушев. В начале 1917 г. гарнизон составляли запасные полки – 103-й и 144-й пехотные, 696-я Уфимская пешая дружина государственного ополчения (сформирована в этом году), 86-я Донская казачья особая сотня, 126-й и 127-й эвакуационные госпитали, местный лазарет, команда выздоравливающих, команда местного воинского начальника, конвойная команда,

управление 3-й кавалерийской дивизии³. Запасные части имели неоднородный состав. В них были пожилые ополченцы, молодые новобранцы, выздоровевшие раненые, офицеры и солдаты кадрового состава, обучавшие вновь призванных. Дружина государственного ополчения использовалась для охраны и конвоирования австро-венгерских военнопленных, состояла она из ополченцев старшего возраста. Донская казачья особая сотня была сформирована, как и все особые сотни, также из казаков старших возрастов – третьеочередных и запаса и по штату насчитывала в своем составе 135–140 человек: 120 казаков, вахмистр, 12 урядников, фельдшер, трубач, есаул. Сотня выполняла полицейские функции. В целом, порядок службы войск в городе соблюдался. Однако с началом революции, и особенно после того, как в мае из Тощих лагерей под Оренбургом в Уфу был переведен 127-й пехотный запасный полк, имевший крайне низкий уровень дисциплины, разложение гарнизона стало делом времени.

Кроме Уфы в городах губернии также имелись небольшие гарнизоны. В Белебее (152-й запасной пехотный полк) он составлял около 10 тыс. человек, в Стерлитамаке (пулеметная команда 103-го полка, местная и конвойная команды) около 150 человек, Бирске (конвойная команда) около 100 человек, Златоусте (128-й запасной пехотный полк) около 6 тыс. человек.

После победы Февральской революции в Уфе были созданы органы власти Временного правительства. Начали работу Губернский комитет общественных организаций, губернский комиссар Временного правительства. Создан Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов. Солдаты гарнизона приняли «активное участие» в политической жизни города. Этому способствовал пресловутый «приказ № 1», отданный войскам Петроградского гарнизона от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именно с него началось разложение армии, а нарушения дисциплины и беззаконие возводились в ранг революционных подвигов. Опьяненные «свободой» новые власти совершали глупые поступки – в марте–апреле из тюрьмы были выпущены 700 заключенных, из которых лишь один был политическим. Оставшаяся часть уголовников была призвана в войска.

В Уфе 4 марта был образован комитет офицеров гарнизона, вошедший в состав Губернского комитета общественных организаций. На собрании была совершена «коленипреклоненная молитва памяти павшим жертвам революции, а офицеры дали торжественную клятву

на верность новому правительству»⁴. Уже 7 марта состоялся торжественный парад войск гарнизона, который принимал Губернский комитет. Офицеры понимали, что они не представляют реальную силу в гарнизоне, поэтому приняли решение идти на сближение с Советом для создания солдатско-офицерской организации. 12 марта прошло первое совместное заседание комитетов офицерской и солдатской военных организаций⁵. 15 марта был избран Исполнительный комитет единой Военной организации (11 офицеров, 17 солдат) и его президиум (3 офицера и 3 солдата). Председателем стал большевик, командир роты 103-го полка поручик А.К. Евлампиев, но 31 марта он был избран делегатом в Казанский военно-окружной комитет⁶. Вместо него председателем президиума был выбран прапорщик Логинов. В Военной организации создали комиссии: культурно-просветительную, осведомительную, контрольную. Главную роль в них играли младшие офицеры и солдаты. Постепенно шел процесс слияния Военной организации с Уфимским Советом рабочих и солдатских депутатов, в котором летом 1917 г. Военную секцию возглавил поручик Евлампиев.

Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов сменил в городе прежнюю царскую полицию, оставленную Губернским комитетом общественных организаций, милицией – созданной, в свою очередь, из выздоравливающих солдат. Начальником милиции стал капитан 103-го полка Г.И. Аглинцев, стоявший на демократических позициях. Таким образом, Губернский комитет общественных организаций не смог взять под контроль ни уфимский гарнизон, ни милицию. Напротив, и гарнизон и милиция переходили под влияние Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Если офицеры участвовали в работе комитета в большей степени осознанно, то для большинства солдат основным мотивом такого участия была, конечно, не политика, а нежелание отправляться на фронт. Многие солдаты совершали побеги из маршевых рот, возвращаясь обратно в запасный полк, где к ним не применялись никакие наказания. Такое поведение привело к тому, что представители действующей армии в июне вынесли в адрес 103-го полка жесткую резолюцию: «Сознание своего долга в 103 полку отсутствует. Принудить 103 полк выполнить свой долг может только твердая власть, вплоть до применения силы»⁷.

Лето–осень стали периодом деморализации и разложения Уфимского гарнизона. Характерным явлением того времени стал не-

ряшливо одетый солдат-запасник, гуляющий по городу и лузгающий семечки. Нижние чины занимались спекуляцией, продажей предметов обмундирования, азартными играми, грабили яблоневоы сады⁸. Обыденным явлением стало дезертирство, носившее оригинальный характер: солдат, покинув полк перед отправкой, являлся в часть на другой день, заявляя, что он опоздал. Дезертира опять ставили на довольствие. В итоге некоторые из солдат «опаздывали» таким образом по 2–3 раза⁹.

В Уфе до начала войны войска размещались в казармах. С ростом числа военных их начали размещать в гостиницах и верхних этажах магазинов. Солдаты плевались из окон, швыряли мусор, с матом обсуждали прохожих. Как и ожидалось, конфликтом закончилось размещение солдат 127-го полка в магазине купца Шамгулова. Солдаты ленились спускаться с третьего этажа во двор и устроили отхожее место над головами покупателей и продавцов. В один майский день переполнившиеся чаны опрокинулись, потоки нечистот залили продаваемые ткани и стены нижних этажей. Один из приказчиков заразился и умер¹⁰. Вахханалия бесчинств в 127-м полку продолжилась 21 июня, когда возбужденная толпа солдат силой привела в здание Совета командира полка, требуя его ареста. Во избежание насилия он был задержан, причем солдаты, не доверяя Совету, приставили свои караулы, впоследствии снятые¹¹.

В приказе № 116 по гарнизону от 22 июля президиум Военной секции обратил внимание на «недопустимость разложения армии, наблюдающегося и в частях Уфимского гарнизона». В приказе было отмечено, что «занятия в ротах не ведутся согласно расписания», а также «встречаются группы солдат в сильно опьяненном виде»¹².

О перегруженности города войсками командующему Казанским военным округом и Казанскому военно-окружному комитету в своей телеграмме от 23 сентября сообщал заместитель уфимского городского головы: «Город Уфа в настоящее время переполнен войсками, беженцами, военнообязанными воюющих с нами держав. Все наличные помещения казенных, общественных и частных домов города, не исключая школ, до невозможности переполнены». Отмечая, что «положение критическое, возможны эксцессы на почве недостатка помещений», он просил «о приостановке, насколько это возможно, присылки в войсковые части новых пополнений, разгрузке города путем перевода войсковых частей в уездные города губернии»¹³.

По сведениям о состоянии Уфимского гарнизона, по отзывам командиров частей и представителей полков на 17 сентября в 103-м полку было 6 тыс. солдат и 50–60 офицеров, но «состав солдат точных сведений дать не может». Обученных солдат было мало. Сообщалось, что «когда солдаты уходят из казармы, то никому не докладывают», а также, что «антагонизма между солдатами и офицерами нет». В 144-м пехотном запасном полку насчитывалось около 7 тыс. человек, но в нем имели место «самовольные отлучки часты». В 127-м полку насчитывалось около 7 тыс. солдат. Представитель полкового комитета сообщил, что в караул «часто выходят не в порядке – без поясов и патронов». В 696-й дружине во время проверки было 220 солдат (по штату должно было быть около 1 тыс.). Отмечалось, что «отношение с офицерами хорошее, дружина состоит из стариков, моложе 40 лет солдат 270 человек»¹⁴.

«Анкета по Уфимскому гарнизону» от 22 октября сообщает, что в гарнизоне существует совет Военной организации, возглавляющий все местные военные организации, в городе – Совет рабочих и солдатских депутатов. Половина солдат – депутатов Совета составляет совет Военной организации, представляющей собою Военную секцию Совета рабочих и солдатских депутатов. Депутаты в совет Военной организации избираются ротами, офицеры – офицерами, солдаты – солдатами. Состав ротных комитетов – 5 человек, состав полкового комитета – 8, состав совета Военной организации – 124 человека, из них 40 офицеров и 84 солдата.

Функции ротных и полковых комитетов: «регулирование бытовых нужд солдат, хозяйственная, продовольственная, товарищеские суды, контроль за хозяйственными ценами и командным составом, культ-просвещение, единение армии с народом, укрепление дисциплины и сознание долга солдата-гражданина в целях защиты завоеванной народом свободы и поддержания Временного правительства, совет Военной организации как возглавляющий ротные и полковые комитеты, в вышеприведенных организациях объединяет деятельность всего гарнизона»¹⁵.

Закономерным итогом деградации и безвластия стали солдатские погромы в Уфе 7 июня, 12 сентября и 16 октября. Первый погром, 7 июня, был связан с тем, что солдаты попытались расправиться с торговцем кожей, совершив самосуд. Торговца спасла учебная команда 103-го полка, вызванная для поддержания порядка. Толпа набросилась на солдат, а после предупредительных выстрелов потребовала аресто-

вать офицеров – капитана Добросмыслова и прапорщика Троицкого. Начались переговоры, в результате которых решили, что толпа разойдется, если учебная команда составит винтовки в пирамиды. После чего толпа, смяв безоружных солдат, схватила офицеров Троицкого и Просвирнина и жестоко их избила¹⁶.

Второй погром был спровоцирован населением, но основными участниками его были солдаты-запасники. 12 сентября в магазине Сагадеева продавались калоши, которые к 12 часам дня закончились. Толпа не поверила и потребовала обыска, во время которого было обнаружено скрытыми около 200 пар. Они были проданы, но и их хватило не на всех. Люди стояли под проливным дождем с утра, поднялся ропот, какая-то рассерженная женщина бросила камень в окно и разбила его. Находившийся при магазине наряд милиции начал теснить толпу, которая не расходилась. К магазину подошла дежурная рота, одновременно в помещение ворвались праздновавшие солдаты, начав его громить. Вместо того чтобы остановить погром, караульные солдаты приняли в нем участие, прикладами винтовок разбив остальные окна. Возбужденная толпа смяла наряд милиции и устремилась в магазин. В это время начался погром всех магазинов, находившихся рядом. Толпа состояла из солдат и женщин, последних солдаты поощряли к погрому. После чего народ начал сбегаться к Гостиному двору, где солдаты ломали замки у лавок и приглашали всех брать товар.

На место происшествия была вызвана 86-я Донская казачья особая сотня, но она отказалась нести какую либо охрану, не желая идти против пехоты. После прибытия казаков погромщики ушли из Гостиного двора на другие улицы. Часть погромщиков с товарами задерживали и вели в милицейский участок, который, в свою очередь, окружила толпа, требуя уже освобождения задержанных.

Уфимский Совет только к 22 часам смог собрать 400 солдат с поручиком Гребневым, вооружить железнодорожных рабочих (назвавших себя «железнодорожный батальон») винтовками и поддержать их донской казачьей сотней. Этот импровизированный отряд встретил толпу погромщиков на Центральной улице. Из толпы раздались выстрелы в воздух. В ответ отряд Гребнева открыл беспорядочную стрельбу. Место стычки окутал дым. Когда он рассеялся, улица оказалась пустой. Толпа погромщиков разбежалась, бросив винтовки, бежали железнодорожные рабочие, разбежались солдаты, казачья сотня ускакала в конец улицы. Поручик смог через некоторое время

собрать солдат, оцепить Верхне-Торговую площадь и начать задержание погромщиков. Задержано было около 150 человек¹⁷. Но никто из активных погромщиков-солдат не был арестован, более того, они смогли на подводах вывезти из города награбленные товары. 16 сентября в Уфе было введено военное положение, запрещены кадетские газеты, ограничены свободы собраний, шествий и митингов¹⁸.

Тем не менее солдаты почувствовали безнаказанность и поддержку Военной секции Уфимского Совета. Они стали «хозяевами положения». Единственной силой, противостоявшей им в городе, оставалась милиция, с которой начались столкновения.

В ночь на 2 октября 4 пьяных солдата-хулигана на улице были остановлены милицией. На просьбы помощника начальника 3-го участка милиции остановиться солдаты стали его оскорблять и пытались схватить. Помощник был вынужден стрелять вначале в воздух, а когда солдаты бросились на него, уже по ним. Был убит подпрапорщик, ранен солдат, остальные задержаны. Узнав об этом, солдаты 7-й роты 144-го полка, к которой принадлежали убитый и раненый, явились в милицию с требованием выдачи помощника начальника милиции¹⁹.

Расправа с милиционерами произошла через несколько дней. 16 октября около пяти часов вечера толпа солдат убила двух милиционеров, напала на участок, разгромив его и соседнюю лавку. Войска залпами разогнали толпу, были ранены несколько погромщиков, но вновь никто не был наказан²⁰.

Разумеется, некоторая часть солдат-запасников всерьез интересовалась политикой. Наибольшей популярностью у них пользовалась агитация большевиков. Во время погрома 12 сентября солдаты выкрикивали лозунги: «Долой Временное правительство!», «Грабь награбленное!». По инициативе большевиков после сентябрьского погрома в частях Уфимского гарнизона создавались так называемые «легионы свободы», состоящие из радикально настроенных солдат²¹. К октябрю в них записалось около 2 тыс. «легионеров».

Если разложение частей и участие солдат в погромах было явлением повсеместным для многих российских гарнизонов, то случаи «национализации армии», связанные с формированием национальных частей, были явлением, характерным для национальных окраин.

Первыми начали воздействие на солдатскую массу исламские организации, поскольку половину гарнизона составляли солдаты-мусульмане. Уже 21 марта начало читать лекции солдатам на татарском языке «Уфимское общество распространения идей гражданствен-

ности среди мусульман». Предполагалось, что они «будут преследовать цели развития в слушателях чувства воинского долга и ответственности за судьбы Родины»²².

8 марта в Казани возник Казанский мусульманский военный комитет, предложивший 12 марта создать регулярные мусульманские войсковые формирования. 19 апреля в Уфе был создан, «для удовлетворения культурно-просветительных и религиозных нужд мусульманских военных», мусульманский отдел Военной организации²³. 7 мая появилось, «для удовлетворения культурно-просветительных и религиозных нужд, а главное в интересах поддержания и укрепления нового строя, свободы и подготовки солдат-мусульман к выборам в Учредительное собрание», бюро солдат-мусульман во главе с Г. Аминовым²⁴. Однако вскоре стало ясно, что бюро не в состоянии справиться с работой. Поэтому 26 мая на собрании солдат-мусульман Уфимского гарнизона было принято решение о необходимости создания самостоятельной организации, которая должна исходить в своей работе из «необходимости защиты общегосударственных интересов, не зарываясь в узконациональные вопросы». Собрание происходило 26 мая в пятницу. Мусульмане-солдаты и офицеры (8 тыс. человек) Уфимского гарнизона были освобождены от занятий и собрались на Ивановской площади под флагом мусульманского бюро с лозунгом на русском и татарском языках: «Да здравствует организованный солдат-мусульманин!». Затем, под командой прапорщика Г. Ибрагимова и в сопровождении оркестра 144-го полка, началось шествие по улицам Уфы. На собрании были заслушаны прапорщик Ибрагимов и солдат Резяпов, возвратившиеся с Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве. После докладов обсуждался вопрос об открытии Мусульманского военного Совета в Уфе²⁵. 30 мая он в количестве 54 человек был создан, а его Исполнительный комитет возглавил И. Ремеев²⁶. С этого времени в Уфе начали формировать мусульманские роты. 12 июня по городу прошли «мусульманские батальоны».

28 августа в городе праздновалось объявление культурно-национальной автономии для мусульман. В шествии с оркестром солдаты-мусульмане шли со своими национальными флагами, а поскольку одна из маршевых рот шла с винтовками, то Исполнительный комитет разъяснял, чтобы «никто в этом шествии не находил противного революции и русской демократии»²⁷. 4 октября по всей стране прошел «день солдата-мусульманина».

К осени остро встала потребность в командных кадрах для солдат-мусульман. 18 октября Военная секция Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов просила командующего Казанским военным округом прислать офицеров-мусульман, сообщая, что в «гарнизоне солдат-мусульман более половины, но нет достаточного командного мусульманского состава» и что «благодаря незнанию мусульманами русского языка происходят между русским командным составом крупные недоразумения»²⁸.

В ноябре на основе 144-го запасного пехотного полка в Уфе был сформирован 2-й Мусульманский запасный полк (6-й Мусульманский полк был создан из солдат гарнизона Белебея). Создавались мусульманские полки в Казани и Оренбурге. Все они стали участниками уже политической борьбы на местах, фактором силы для противостояния большевикам²⁹.

Еще одно национальное движение начало формировать свои национальные части – марийцы (черемисы). В марте в Уфе состоялись первые собрания марийцев – офицеров и солдат запасных полков и служащих, на которых обсуждались вопросы возрождения. 10 июня прапорщик 103-го полка М.В. Алексеев просил Казанский окружной военный комитет разрешить праздновать национальные праздники жертвоприношения солдатам – марийцам и удмуртам³⁰. В приказе по гарнизону от 3 июня предлагалось командирам частей переводить солдат-черемис из мусульманских и других национальных рот в те роты, где имеются черемисы³¹.

В середине июля в Бирске прошел Всероссийский съезд мари. В президиум были избраны 144-го полка солдаты И.Н. Коведяев, Б. Айгузин, 106-го полка прапорщик П.В. Малышев, 103-го полка прапорщик М.В. Алексеев и старший унтер-офицер С. Шамратов. На съезде Алексеев внес пожелание об установлении духовной организации в воинских частях, где есть черемисы. Съезд принял резолюцию «Об отношении к войне» в которой предлагалось: «Приняв самые строгие меры против дезертиров и сделав немедленно общее наступление, продолжать войну до победного конца на началах самоопределения народностей». Алексеев предложил добавить к резолюции требования о правах солдат-мари и о создании национальных организаций среди них³². В итоге в гарнизоне был сформирован «Революционный батальон мари». Его солдаты имели свой мундир, знамя, подчинялись внутреннему распорядку, в подразделении было штатное духовное лицо.

Летом в Уфе начали формироваться украинские роты. Судя по приказу 22 июля о переводе офицеров-украинцев 127-го полка прапорщиков Макаренко, Федоряка и Балатюка на службу в 144-й полк, они формировались именно в нем³³. 30 июля состоялось общее собрание уфимских украинцев, на котором было избрано правление общества «Украинская Громада в Уфе»³⁴.

Башкирское национальное движение также подняло вопрос о войске. Вначале оно рассматривалось как часть мусульманских полков. Это видно по постановлениям I-го Всебашкирского съезда башкир, прошедшего в Оренбурге 20–27 июля. Относительно войска отмечалось, что «по вопросу ликвидации войска или о формировании национального войска» съезд присоединяется к постановлениям Военного съезда мусульман в Казани и Всеобщего мусульманского съезда в Москве. Но в «случае оставления войска и после этой войны обязательно формирование, с национальным устройством положений, отдельных башкирских полков и с оставлением на службе в будущем этого башкирского войска на родине самих башкир».

Относительно войны было высказано, что она «ведет народ к разорению и гибели», поэтому съезд считал необходимым «скорейшее прекращение кровопролития, на условиях – без захвата чужих имуществ, без выплаты какой бы то ни было стороне убытков и с условием проведения в жизнь национально-политических прав народностей». Вопрос о дезертирах ставился как черное пятно башкирского народа, заявлялось, что «дезертирство и скрывание дезертиров категорически должно быть прекращено»³⁵.

17 ноября был опубликован Декрет № 2 «Всем башкирам Оренбургской губернии, Шадринского, Екатеринбургского уездов, Пермской губернии и Башкирским окружным и районным советам от Башкирского центрального Совета» об объявлении территориальной автономии. В нем относительно создания войска оговаривалось, что данный вопрос должен быть рассмотрен на декабрьском Башкирском учредительном съезде³⁶.

В постановлениях III-го областного курултая (съезда) Башкурдистана, прошедшего в Оренбурге 8–20 декабря, уже провозглашалось «создание военных сил путем выделения из мусульманских частей башкир, а также солдат других мусульман, защищающих территориальную автономию Башкурдистана». Предлагалось организовать военный округ Башкурдистана с подчинением ему войск Башкирии, а из находящихся на фронтах на месте сформиро-

вать отдельные полки, создав для этого там же Башкирский военный совет.

В принятом «Проекте формирования войска» его необходимость оговаривалась «для обеспечения внутренних и внешних дел, также и для осуществления автономии». Должно было быть организовано Центральное военное шуро (совет) и Главный войсковой штаб. Для создания войска предполагалось вернуть солдат-башкир из гарнизонов, находящихся вне Башкирии, и влить их в формируемые полки – эскадроны Башкирии. Если Центральный военный совет (мусульманский) не передаст войска, находящиеся в Башкирии, в ведение правительства, то из солдат, живущих в Башкирии, предлагалось сформировать отдельные отряды. Особо отмечалась потребность в кавалерии. Для выполнения поставленных задач Башкирский войсковой главный штаб должен был открыть свои отделы во всех уездах и городах. Солдаты Белебеевского гарнизона оставались на месте как отдельный полк. Выздоровливающие солдаты и отпускники могли на добровольных началах вступать в отряды в Башкирии, им разрешалось не возвращаться в свои части. Предлагалось обратиться от имени курултая во все военные округа и к их начальникам о возвращении солдат Башкирии на родину, а солдат из других местностей немедленно распустить. На фронтах солдаты из Башкирии должны были выбирать своих представителей в Главный военный штаб Башкирии от имени каждого фронта³⁷. Формирование Башкирского войска началось уже в 1918 г.

26 октября, на следующий день после получения известий о победе вооруженного восстания в Петрограде власть в Уфе перешла к большевикам. Председатель Военной секции Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов Евлампиев и секретарь Большаков 27 октября отправили Казанскому окружному военному комитету телеграмму с приветствием в связи с захватом власти большевиками³⁸. На собрании Военной секции 26–27 октября ораторы призывали к «тесному сплочению солдат с офицерами, вставшими на сторону новой революционной власти, вокруг Советов и к решительному отпору всякому контрреволюционному натиску». От почти всех рот гарнизона поступили резолюции-клятвы, что «Уфимский гарнизон встанет как один человек на защиту новой революционной власти, всеми силами будет стараться к поддержанию полного порядка в городе и по первому зову Советов выступит на защиту революции»³⁹.

Запасники, в основной массе крестьяне, так и не ставшие настоящими солдатами, побежали из казарм домой, в деревню делить землю. 24 ноября Военная секция совместно с полковыми и ротными комитетами и представителями Мусульманского военного совета вынуждена была принять резолюцию о том, что «под давлением грубой силы солдат призыва 900, 901 и 902 г. солдат указанных призывов, которым не дороги интересы революции и пострадавшей Русской армии на фронте – распустить». В то же время она отмечала, что «солдаты указанных годов, понимающие интересы родины и революции, остаются в частях гарнизона впредь до распоряжения центральных учреждений о их роспуске»⁴⁰. Но на деле началось массовое дезертирство.

Одновременно в крае активно развивалось национальное движение. Оно и расформирование армии в марте 1918 г. предопределило дальнейшую судьбу гарнизона Уфы. Он перестал существовать, национальные части приняли участие в начавшейся Гражданской войне.

---

¹ Егоров А.В. 1) Царство солдатской толпы (Уфимский тыловой гарнизон и погромы в городах Уфимской губернии в 1917 году) // Башкирский край. Сборник статей / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 1997. Вып. 7. С. 13–20 (в основном о гарнизоне г. Белебея); 2) Уфимский тыловой гарнизон и массовые беспорядки (погромное движение) в городах Уфимской губернии в 1917 г. // Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века) / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.; Уфа: УГНТУ, 2001. С. 122–137; Валиуллин А.Р. Настроения солдат гарнизонов Уфимской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Мировые войны и развитие человечества (к 90-летию Первой мировой войны): Материалы российской научно-практической конференции. Уфа: Восточный университет, 2004. С. 29–31; Сермягин В.Г. Февральская революция и мировая война в политической жизни провинциального гарнизона // Мировые войны и развитие человечества... С. 51–52; Роднов М.И. Февральская революция 1917 г. // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т. / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. Т. II. С. 215–229; Рахимов Р.Н. Первая мировая война // История башкирского народа. В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2010. Т. 5. С. 71–72.

² Уфимский вестник. 21 января 1917 г. (цифры по беженцам).

³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 85–86.

⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵ Сермягин В.Г. Указ. соч. С. 51–52.

⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 7. Л. 599.

⁷ Валиуллин А.Р. Указ. соч. С. 31.

⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 107, 109–109 об., 148–150.

⁹ Валиуллин А.Р. Указ. соч. С. 30.

- ¹⁰ Егоров А.В. Уфимский тыловой гарнизон... С. 130.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 1–2.
- ¹² Там же. Л. 99–100.
- ¹³ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁴ Там же. Л. 129–135.
- ¹⁵ Там же. Л. 82–83.
- ¹⁶ НА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 75, 75 об.; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 24. Л. 241–243.
- ¹⁷ НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 161. Л. 1–2; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 7.
- ¹⁸ Уфимская жизнь. 16 сентября 1917 г.
- ¹⁹ Уфимская жизнь. 5 октября 1917 г.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 20.
- ²¹ НА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.
- ²² НА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.
- ²³ НА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 106.
- ²⁴ Там же. Л. 174–175.
- ²⁵ Известия Казанского военно-окружного комитета. 8 июня 1917 г.
- ²⁶ НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 153. Л. 1.
- ²⁷ НА РБ. Ф. П-10311. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 21.
- ²⁹ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 431.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 24. Л. 259.
- ³¹ Там же. Д. 53. Л. 85–86.
- ³² НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 419 (1). Л. 97–98.
- ³³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 99–100.
- ³⁴ Вперед! 2 августа 1917 г.
- ³⁵ НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 1–23.
- ³⁶ НА РБ. Ф. П-10311. Оп. 1. Д. 5. Л. 103–104.
- ³⁷ НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 28–86.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 40–41.
- ³⁹ Вперед! 31 октября 1917 г.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 53. Л. 174.

А.А. Рогожин (г. Орел)

**СЛУЖБА, РОДСТВО И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО
В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ:
Б.П. ШЕРЕМЕТЕВ В «ДЕЛЕ ПОЛКОВНИКА
РОЖНОВА» В 1713–1715 ГОДАХ**

ПАТРОНАЖ справедливо можно считать одной из наименее изученных сторон человеческих взаимоотношений в России раннего Нового времени. Не столь заметные историчу, но прочные связи между патроном и клиентами не просто существовали на разных уровнях государственного механизма, но порой определяли его работу¹. Одним из наиболее интересных периодов функционирования патронажа можно считать петровскую эпоху. Связано это с тем, что в историографии существует до сих пор значительное число стереотипов, прочно осевших на страницах ученых трудов. Институциональный подход к петровским преобразованиям по-прежнему оставляет в тени попытки подойти к этому вопросу с точки зрения реализации тех или иных практик, увидеть не абстрактные схемы реформ, а все многообразие вариантов восприятия и адаптации новых или не очень новых идей². Анализ реальных механизмов службы особенно обогащает военную историю начала XVIII в., открывая новые перспективы в изучении русской армии эпохи Петра I.

Среда командования русской армии была пространством напряженной служебной борьбы. Великая Северная война 1700–1721 гг. давала шансы выдвинуться способным военачальникам, но не одни лишь подвиги в битвах могли запустить карьерное возвышение. Круг офицерства, в котором столь высоки были ставки в игре, был питательной средой для столкновений интересов различных людей. В пестром командном составе русской армии этого периода, помимо различий в способностях, чертах характера и т. п., существовали и культурные различия, обусловленные разным воспитанием, конфессиональными предпочтениями и многим другим. В такой служеб-

ной борьбе постоянно организовывались те или иные «партии», как правило, вокруг одного признанного лидера, превращаясь в разветвленную сеть патронатно-клиентельных отношений. Покровительство высокопоставленного «благодетеля» способствовало развитию карьеры в верном направлении, причем, благодаря ему, клиент мог справиться с притязаниями соперников, а патрон, в свою очередь, ставил «своих» людей на офицерские должности, используя их в дальнейшем для своих нужд. Однако определить действия тех или иных сил в каждом случае весьма непросто, и лишь благодаря своего рода «разрывам», нарушениям привычного хода вещей мы можем наблюдать работу механизмов патронажа.

«Дело полковника Рожнова», разгоревшееся в 1713 г., было только еще одной историей из целой череды злоупотреблений властью имущих в петровской России. Историки писали об этом расследовании, но лишь в контексте перипетий служебного пути Б.П. Шереметева³ или политической борьбы в правящей верхушке⁴. В первом случае речь скорее шла о том, можно ли считать обвинения полковника справедливыми, какой ущерб они нанесли генерал-фельдмаршалу и чем завершился для него этот процесс, во втором же случае и вовсе этот эпизод интересовал историка как всего лишь одна из составляющих борьбы за влияние в верхах, в первую очередь между Б.П. Шереметевым и А.Д. Меншиковым. Более того, П. Бушкович опирался в своей работе на донесения иностранных дипломатов, что здесь, скорее, имеет негативную сторону. Порой использование этого источника оправданно тем, что дипломаты докладывали своему начальству такие подробности политической борьбы в окружении Петра I, которые не найти в других источниках. Однако о «деле полковника Рожнова» дипломаты писали явно понаслышке, путая детали этого расследования, к тому же в письмах иностранных дипломатов первые известия об этом деле относились к ноябрю 1714 г.⁵, хотя генеральный кригсрехт над провинившимся командиром состоялся еще в 1713 г., а свои сенсационные показания полковник начал давать не позднее июля 1714 г. Основывать на этих источниках можно лишь самые поверхностные выводы. Только подробный анализ материалов этого дела и различных сопутствующих ему нюансов позволяет различить за коррупционной составляющей реально действующий механизм патронажа, связанный с именем известного военачальника Б.П. Шереметева.

Попытаемся сначала свести воедино все, что нам известно о предыстории этого расследования. Г.С. Рожнов был заметным кавалерийским командиром в начальные годы Великой Северной войны. Свою службу в кавалерии стряпчий Г.С. Рожнов, как и многие другие чины московского списка, начал после разбора и записи в драгунский полк в 1701 г. Во всяком случае, в боярском списке 1700 г. он был записан среди стряпчих «полковой службы»⁶, а уже в 1701 г. числился стряпчим в начальных людях⁷. В 1701 г. под контролем Золотой палаты были организованы сразу десять новых драгунских полков, и, вероятно, Г.С. Рожнов был написан офицером одного из них⁸. В 1708 г. он стал полковником, командиром Тверского драгунского полка⁹ и даже в несчастливом и проигранном русскими войсками Головчинском сражении смог продемонстрировать присутствие духа и свои командные качества¹⁰. Перед Прутским походом 1711 г. полковника перевели командовать Гренадерским драгунским полком¹¹, и Г.С. Рожнов со своим новым полком в составе отряда генерала К.Э. фон Ренне участвовал во взятии Браилова, единственном успехе в Русско-турецкой войне¹². К.Э. фон Ренне даже просил царя через Б.П. Шереметева о повышении Г.С. Рожнова в чине, но его «представление» осталось без удовлетворительного ответа¹³. Однако успешная карьера была прервана в 1713 г., когда полковник превратился в обвиняемого в притеснении и поборах с населения Малороссии.

Не ставя себе цели оправдать Г.С. Рожнова (тем более что по всем пунктам его вина представляется неоспоримой, убедительного оправдания полковник найти не смог), постараемся разобраться в обстоятельствах этого дела. В 1712 г. полковнику Г.С. Рожнову было предписано со своим полком идти из Малороссии в Смоленск. От командования полковник получил «ордер», регулировавший этот марш. В нем подробно были расписаны все нюансы, в частности, число подвод, которое нужно было брать с населения. Однако этот «ордер» Г.С. Рожнов утаил от собственных офицеров. Приказ о марше был подписан 5 октября 1712 г., задним числом, когда полк уже прибыл в Смоленск. Всех офицеров полковник заставил подписаться в этом приказе под «правильными» датами и подать «живые ведомости» о состоянии рот, в первую очередь, о потребности в подводах¹⁴.

В реальности на полк Г.С. Рожнова было собрано с населения намного больше подвод, чем требовалось, что, впрочем, признавал и сам полковник. С 1 мая 1713 г. он был под арестом, и после расследо-

вания генеральный кригсрехт под председательством генерал-майора кн. Г.С. Волконского¹⁵ вынес приговор. Г.С. Рожнов был признан виновным, было решено отстранить его от командования полком, заставить не только выплатить штраф в 500 рублей в царскую казну, но и заплатить владельцам не возвращенных обратно подвод¹⁶. Полковник пытался оправдываться своей болезнью, а также тем, что имел устный приказ генерал-майора Т. Кантакузино не возвращать «подъемных» лошадей, но эти оправдания никто не принял в расчет¹⁷.

Вопрос о том, имел ли полковник Г.С. Рожнов действительно приказ Т. Кантакузино или нет, очень интересен, но, к несчастью, практически не поддается проверке. Генеральный кригсрехт указал, что полковник должен был писать генерал-майору и просить письменного приказа, а не бросаться исполнять тот, который невозможно никак подтвердить. Однако интересно, что ряд офицеров полка Г.С. Рожнова не старался всю вину свалить на своего непосредственного командира, а пытался его оправдать даже в этом вопросе. Суд не поверил им, а сам генерал-майор Т. Кантакузино отвечал на соответствующий запрос, что никаких подобных распоряжений устно не отдавал. По его словам, Г.С. Рожнову был направлен письменный приказ брать подводы, если в полку нет необходимого числа подъемных лошадей, но в нем не было ничего, что могло бы подвинуть полковника на столь странную и непонятную интерпретацию¹⁸.

Генеральный кригсрехт осудил не одного Г.С. Рожнова. Вместе с ним были наказаны майор Кох (служивший за подполковника), который был лишен жалованья за полгода, капитан Чевкин (служивший за майора), который был разжалован в драгуны и приговорен к штрафу в 300 рублей, капитаны Сонцов и Хлопов, с которых суд потребовал по 100 рублей, а также поручики Свечин, Боборыкин и Калачев, приговоренные к уплате 80 рублей каждый. Другие офицеры, чья вина была не столь тяжелой, были приговорены к штрафу, а виновные 14 унтер-офицеров должны были быть наказаны батогами и разжалованы в драгуны. Вина всех вышеперечисленных различалась, но суть ее состояла в том, что они либо знали о существовании «ордера», но намеренно игнорировали его требования при попустительстве командира полка, либо подписали и предоставили «лживые ведомости» о состоянии вверенных им частей¹⁹.

Этот приговор по установленному порядку был передан для «конфирмации» вышестоящему военачальнику, а именно генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Прочитав предоставленный ему в

Лубнах текст приговора, Б.П. Шереметев заметно смягчил его. Он указал не брать с майора, капитанов и поручиков штраф, поскольку они и так не получали, будучи под арестом, свое жалованье, которое теперь можно направить на вознаграждение тем, кто служил в полку за них все это время. Исключением был капитан Чевкин, который и видел «ордер», и предоставил «лживые ведомости», и даже пытался запутать суд, сбивчиво давая разные показания. Он должен уплатить штраф в 300 рублей, но, тем не менее, генерал-фельдмаршал приказал разжаловать его не в драгуны, а в прапорщики. Половинчатое решение было и по поводу унтер-офицеров, которым подтвердили наказание батогами, но разрешили продолжать службу в прежнем чине²⁰. Другими словами, все действующие лица этого дела получили послабления в приговоре от Б.П. Шереметева. Все, кроме полковника Г.С. Рожнова.

Повод для того, чтобы возненавидеть генерал-фельдмаршала, у Г.С. Рожнова появился уже тогда. Однако дело этим не завершилось. В начале 1714 г.²¹ был организован второй кригсрехт, где председателем был генерал-майор И.Б. Вейсбах. В ходе разбирательства открылись прочие злоупотребления Г.С. Рожнова, в числе которых подложное «скасование» вахмистра в своем полку, для того, чтобы безнаказанно отпустить его со службы, отпуск на волю преступника, взятого им под расписку и т. д. В итоге Г.С. Рожнов был разжалован навечно в солдаты с уплатой штрафа в 2000 рублей, причем ему было указано вернуть под следствие отпущенного им арестанта, в противном случае отвечать по его обвинению (а это было убийство) он должен был сам собственной персоной²². После такого развития событий неудивительно, что полковник избрал своей целью генерал-фельдмаршала и его окружение, благо, что терять ему особенно было нечего. Однако для доноса было необходимо, чтобы был шанс передать царю столь важные известия. Такой случай вскоре представился полковнику.

Неизвестно, какими путями, но «дело полковника Рожнова» стало известно Петру I. Иначе непонятно, почему в январе 1714 г. царь через князя Я.Ф. Долгорукова обратился к Б.П. Шереметеву с приказом не приводить приговор в исполнение, а вместо этого прислать полковника и все материалы генерального кригсрехта в Санкт-Петербург²³. Шла ли речь о том, что уже тогда Г.С. Рожнов начал давать сенсационные показания, ставящие под удар самого генерал-фельдмаршала, или же царь просто заинтересовался, каким об-

разом один из наиболее опытных и способных командиров превратился в преступника, неизвестно, но с отправкой в Санкт-Петербург Г.С. Рожнов был больше неподконтролен генерал-фельдмаршалу. Примечательно, что как раз в этот период времени мысли царя занимал патронаж в офицерской среде, который позволял неопытным и неспособным офицерам, имеющим влиятельных родственников и покровителей, пробивать свой путь наверх. В конце февраля 1714 г. вышел известный указ о том, что все армейские офицеры должны начинать службу с низших чинов в гвардейских полках, потому что «многие производят сродников своих друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель, или месяцев»²⁴. В свете такого интереса Петра I неудивительно, что показания полковника привлекли к себе его пристальное внимание.

Полковник был отправлен под караулом в составе поручика Т. Вепревского, драгуна и солдата в Санкт-Петербург в мае 1714 г.²⁵, где и начались допросы. Как только признания полковника дошли до Петра I, он передал расследование этого дела в руки лейб-гвардии майора Ф.Н. Глебова²⁶. К тому времени это начинало становиться обычной практикой, когда «майорские канцелярии» под началом преданных царю гвардейских офицеров разбирали наиболее щекотливые и запутанные дела²⁷. Судя по всему, вскоре о том, что говорил Г.С. Рожнов, через своих «благодетелей»²⁸ узнал генерал-фельдмаршал. Б.П. Шереметев написал царю отдельное письмо об этом деле, но отправил его через кабинет-секретаря А.В. Макарова, предполагая, что тот передаст его Петру I в подходящий момент²⁹. Вряд ли Б.П. Шереметев мог предусмотреть, утвердив обвинительный приговор Г.С. Рожнова, что он навлечет на свою голову большую беду. Показания полковника превратились в обвинения генерал-фельдмаршала, его приятелей, родственников и клиентов.

Что именно рассказал Г.С. Рожнов? Судя по словам полковника, генерал-фельдмаршал не гнушался брать с подчиненных в виде подношения лошадей, дорогую упряжь и даже деньги, причем Г.С. Рожнов утверждал, что ответил отказом на одно из последних требований Б.П. Шереметева, за что известный полководец теперь «имеет гнев»³⁰. Однако нам представляется, что не эта часть самая важная в показаниях полковника. Историки в основном сосредоточились на личности Б.П. Шереметева и его прегрешениях, выпустив из своего

рассказа об этом деле важный нюанс: значительная часть обвинений полковника не затрагивала генерал-фельдмаршала напрямую (да и та, что затрагивала, была практически недоказуемой), зато прицельно была по его окружению.

Главным обвиняемым стал генерал-адъютант Б.П. Шереметева П.Т. Савелов. По показаниям полковника, П.Т. Савелов потребовал за то, чтобы Г.С. Рожнова не судили по всей строгости военных правил, 40 червонцев и лошадь, что и получил сразу же. Но когда спустя 5 месяцев П.Т. Савелов потребовал от полковника еще 200 червонцев, тот был вынужден отказать, потому что таких денег уже не имел. Разгневанный генерал-адъютант ночью вернул ему полученные ранее деньги и лошадь³¹. Г.С. Рожнов в своих показаниях прямо не высказывал эту мысль, но она явно подразумевалась: если бы он заплатил П.Т. Савелову требуемую сумму, ему так же смягчили бы наказание, как и всем остальным, а так он вынужден был расплачиваться один за все грехи. Кроме того, Г.С. Рожнов обвинял генерал-адъютанта в том, что последний требовал и получал взятки от офицеров за повышения, отпуски со службы и т. п.³²

Г.С. Рожнов считал виновным в злоупотреблениях и второго генерал-адъютанта князя И.Ф. Барятинского. Князь был пожалован в полковники и стал командиром того полка, от которого отставили самого Г.С. Рожнова, при том, что было значительное число «заполощных» полковников из рассказанных полков³³. При этом вместо князя И.Ф. Барятинского генерал-адъютантом Б.П. Шереметев назначил своего племянника Василия³⁴. Провинились и другие офицеры. Князь Роман Волконский стал полковником за взятку в 200 рублей и бархатный чепрак ценой в 150 рублей, которые он передал П.Т. Савелову. Яков Щербаков, «из боярских людей», был пожалован из «домовой» роты генерал-фельдмаршала в подполковники, при том, что он даже «грамоты не умеет», вместо прежнего подполковника Суворова, отпущенного домой. Григорий Писарев был пожалован из адъютантов в подполковники Григорова полка вместо отпущенного домой подполковника Анненкова. Площадный подъячий Мерзлюкин был пожалован чином майора, при том, что «он нигде не служивал и шпаги не вынимывал», а майор Хомяков был отпущен домой. Денщики генерал-фельдмаршала становились прапорщиками и поручиками³⁵. Из недорослей писались в офицеры вперед «заполощных», опытных офицеров из рассказанных полков, причем затем новоиспеченные офицеры за отдельную взятку

отпускались домой. Г.С. Рожнов даже предлагал следствию проверить его слова по чиновным книгам и книгам раздачи жалования, ведущимся комиссарствами, и по отпускным книгам канцелярии генерал-фельдмаршала³⁶. Список людей, получивших повышение за взятки, можно было продолжить и пополнить десятками имен, но не только этим провинились офицеры.

В окружении Б.П. Шереметева использовались и более изощренные способы продвижения вверх по карьерной лестнице «своего» человека. Вадбольский, зять генерал-майора князя Г.С. Волконского, был пожалован в секунд-майоры в Новгородский драгунский полк, а затем приказом от того же числа мгновенно стал старшим майором уже в Сибирском драгунском полку. Даже подчиненные Г.С. Рожнова, подполковник Чириков и майор Кох, были далеко не безгрешны, неоднократно воровали лошадей, мундир, ружье и деньги. Сам полковник несколько раз писал на них жалобы, но никакого наказания они не получили, потому что «женат он Чириков из дому господина фелтмаршела»³⁷. Кроме того, Г.С. Рожнов говорил, что все полки, которые шли маршем в Смоленск, брали с населения лошадей, но виноватым решили признать только его³⁸. Даже сам Б.П. Шереметев и его генерал-адъютант П.Т. Савелов брали «многия поборы» на Украине, получали подарки от ахтырского бригадира, гадячского и сумского полковников³⁹.

В ноябре 1714 г. царь направил Б.П. Шереметеву список лиц, которых назвал на следствии Г.С. Рожнов, с приказанием «за караулом» срочно направить их в Санкт-Петербург⁴⁰. Точность и подробность показаний Г.С. Рожнова поразительна. Полковник перечислил злоупотребления столь широкого круга людей и поведал настолько точные подробности, что это представляется в большей степени попыткой «сотрудничать со следствием», уведомить власть о том, что происходило действительно в армии под командованием Б.П. Шереметева, заслужить этим если не прощение царя, то хотя бы смягчение своей вины. Раскрывая «неблаговидные» поступки начальства, полковник заодно своими показаниями обозначил расстановку сил в окружении генерал-фельдмаршала, а именно: связанные с ним отношения родства и покровительства персоны.

Г.С. Рожнов не случайно упоминал в показаниях свои непростые отношения с подполковником Т.И. Чириковым как причину «гнева» со стороны генерал-фельдмаршала. Семья Чириковых давно и прочно была связана с Б.П. Шереметевым. Первым своим браком знаме-

нитый военачальник был женат на Е.А. Чириковой, от которой имел сына и двух дочерей⁴¹. С 1705 г. генерал-адъютантом Б.П. Шереметева служил Л.С. Чириков⁴², который до этого был одним из его адъютантов⁴³. Он стал близким для генерал-фельдмаршала человеком. В начале 1711 г., когда было решено назначить Л.С. Чирикова комендантом только что завоеванной Риги, генерал-фельдмаршал обратился к Ф.М. Апраксину с просьбой походатайствовать перед Петром I об оставлении при нем генерал-адъютанта, причем Б.П. Шереметев откровенно писал, что ему «без него отнюдь пробыть невозможно: ибо никого помощника, кроме его, в делех нет», и по причине старости в одиночку он боялся что-либо «упустить»⁴⁴. Летом 1711 г. Л.С. Чириков был переведен на должность обер-кригскомиссара⁴⁵ и пожалован чином генерал-майора⁴⁶, а его преемниками в качестве генерал-адъютантов стали как раз П.Т. Савелов и кн. И.Ф. Барятинский. Сам Т.И. Чириков не только был связан с Б.П. Шереметевым родством, о чем говорил Г.С. Рожнов, но и, как выяснилось на следствии, «живет при фельдмаршале»⁴⁷. По этим причинам версия «гнева» генерал-фельдмаршала представляется вполне убедительной.

Мог ли Б.П. Шереметев или его генерал-адъютант П.Т. Савелов воздействовать на генеральный кригсрехт, как это утверждал Г.С. Рожнов, чтобы отстранить законным порядком строптивного полковника от командования полком? Прежде всего, стоит сразу оговориться, что своими действиями Г.С. Рожнов дал превосходный повод для разбирательства, а вина полковника очевидна. Однако не стоит сбрасывать со счетов прочные связи председателя генерального кригсрехта генерал-майора князя Г.С. Волконского с Б.П. Шереметевым и его окружением. Во-первых, Г.С. Волконский стал полковником весной 1702 г. по предложению именно генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Б.П. Шереметев в донесении царю указывал на негодность пятерых драгунских полковников, предлагая выбрать вместо них новых, которым «не стыдно было полковниками назватца, и было бы около ево уборно какою збурую, также и в лошедях». В числе таковых генерал-фельдмаршал назвал князя Г.С. Волконского⁴⁸. Во-вторых, князь Г.С. Волконский накануне злополучного дела еще в 1711 г. обращался к Б.П. Шереметеву через как раз генерал-адъютанта П.Т. Савелова, когда ему надо было получить выгодное назначение для известного ему офицера⁴⁹. Судя по всему, и назначение князя Р.С. Волконского, младшего брата генерал-майора⁵⁰, за предполагаемую взятку полковником также было не простым

совпадением. Наконец, младшая сестра князя Г.С. Волконского Анна была замужем за князем М.Ф. Барятинским⁵¹, братом генерал-адъютанта князя И.Ф. Барятинского, назначенного полковником, пусть и ненадолго, как раз вместо отстраненного Г.С. Рожнова.

В итоге, мы имеем дело не со случайными злоупотреблениями и ошибками Б.П. Шереметева, а со сгруппированными вокруг него клиентами в лице генерал-майора князя Г.С. Волконского, генерал-адъютантов П.Т. Савелова и князя И.Ф. Барятинского, адъютантов, денщиков и прочих, которые действовали для собственной выгоды при попустительстве генерал-фельдмаршала, если не с его согласия. Вполне показательно с точки зрения практик реализации власти в раннемодерном государстве и то, что Б.П. Шереметев не только пытался оправдаться официально в письмах к царю, но и прибегал к поддержке своих «благодетелей». Б.П. Шереметев написал письма с просьбой о помощи в этом деле Савве Владиславичу-Рагузинскому и А.В. Кикину, причем последнему в письме он передал и свое письменное оправдание на пункты обвинения Г.С. Рожнова, чтобы его приятель мог вести оборону, основываясь на показаниях самого генерал-фельдмаршала⁵². Написал по этому же поводу генерал-фельдмаршал и Ф.М. Апраксину⁵³. Параллельно со своим покровителем Б.П. Шереметевым действовал и генерал-адъютант П.Т. Савелов. В июле 1714 г. он написал кабинет-секретарю А.В. Макарову письмо, в котором просил о заступничестве. Он писал, что Г.С. Рожнов говорит царю неправду о нем и Б.П. Шереметеве, «дьявольским ядом изливает» за то, что судили его «правдою и поноворки не было». П.Т. Савелов утверждал, что не мог никоим образом воздействовать на генеральный кригсрехт, тем более уговорить его членов наказать Г.С. Рожнова как своего врага, потому что в его составе «генеральные персоны», и, по его словам, «кто меня послушает». П.Т. Савелов говорил и том, что если бы он действительно брал взятки в таких размерах, как это описывал полковник, на него давно бы кто-нибудь подал жалобу, но таких жалоб не было. Гетман же и «черкасские» полковники, как оправдывался генерал-адъютант, если и присылали скотину, то только «в честь», как подарок на праздники, и от этого подарка было не принято отказываться⁵⁴.

Однако главную роль в прощении Б.П. Шереметева, по известиям саксонского посла Ф. Лооса, сыграл князь В.В. Долгоруков, который поддерживал генерал-фельдмаршала не случайно. Их объединяло высокое происхождение, соперничество с князем А.Д. Меншиковым

и некоторое сочувствие царевичу Алексею, что выяснится позднее. Наконец, родственные связи, браки в кругу «боярской аристократии» были традиционными, поэтому «фамилия» Долгоруковых была связана с Б.П. Шереметевым прочно. Вторым браком князь был женат на А.П. Шереметевой, родственнице (дочери двоюродного брата) фельдмаршала Б.П. Шереметева⁵⁵. Младшая сестра князя, Федосья Долгорукова, была замужем за младшим братом киевского губернатора князя Д.М. Голицына П.М. Голицыным⁵⁶. В этом контексте подобную связь также можно считать значимой, учитывая не только принадлежность всех этих «фамилий» к родовитой русской аристократии, но и то обстоятельство, что князь Д.М. Голицын был близким к Б.П. Шереметеву человеком, которого генерал-фельдмаршал указал своим душеприказчиком в завещании⁵⁷.

В чем выражалась поддержка князя В.В. Долгорукова, трудно сказать, как, впрочем, и найти прямые подтверждения словам Ф. Лооса. Однако интересны два нюанса. Вести расследование по показаниям Г.С. Рожнова был назначен генерал-майор, обер-штер-кригскомиссар и лейб-гвардии майор Ф.Н. Глебов. С точки зрения практики «майорских канцелярий» в этом назначении нет ничего странного, но генерал-аудитором на генеральном кригсрехте против Г.С. Рожнова был Ф.Б. Глебов, двоюродный брат лейб-гвардии майора. Если в процессе и были какие-то нарушения и упущения, то странно было бы ожидать от родственника участника, что он их неожиданно предаст огласке. Царь в этот период доверял князю В.В. Долгорукову, и в этом назначении можно увидеть попытку князя передать расследование в руки преданного человека и сослуживца по гвардии. Косвенно это подтверждается концовкой процесса. 4 апреля 1715 г. было указано отписать в казну поместья и вотчины состоявшего под судом Г.С. Рожнова, а уже 5 апреля Ф.Н. Глебов «бил челом», прося пожаловать его за службу и передать ему это имущество. Царь согласился с доводами Ф.Н. Глебова и приказал отдать ему поместья и вотчины полковника. Обращает на себя внимание скорость, с которой решилось это дело. 4 апреля было вынесено решение об «отписании на царское величество» поместий и вотчин опального полковника, а уже на следующий день Ф.Н. Глебов не просто подал челобитную, но и добился царской резолюции на своем прошении. 6 апреля В.В. Долгоруков писал об этом решении Сенату, и вновь, всего день спустя, Сенат закрепил решение по прошению Ф.Н. Глебова, передавая ему все земли Г.С. Рожнова⁵⁸. В том, что проведенный

следствие лейб-гвардии майор получал имущество преступника, нет ничего странного, достаточно вспомнить процесс по делу царевича Алексея и его итоги, но все же сцепление этих имен, Ф.Н. Глебова и кн. В.В. Долгорукова, больше напоминает вознаграждение клиенту и сослуживцу за услуги, чем простое поощрение следователя.

В итоге таких усилий Б.П. Шереметева и его «благодетелей» «дело полковника Рожнова» не нанесло ущерба авторитету генерал-фельдмаршала. Судя по всему, его постарались замять и свести все к банальному наговору обиженного командира на свое начальство. Г.С. Рожнов, «за его многия воровския вины, за которыя довелся было смертной казни», был бит кнутом и сослан на «вечное житье» в Сибирь, в Тобольск, куда полковник отправился летом 1715 г. под караулом из шести солдат⁵⁹. Судя по донесениям иностранных дипломатов⁶⁰, Б.П. Шереметев смог даже извлечь пользу из этого дела, попросив отставки у Петра I. Царь, естественно, не отпустил в деревни своего самого опытного военачальника, вернув ему командование над армией.

Патронатно-клиентельные отношения в России раннего Нового времени зачастую не просто определить, а тем более не просто выявить степень их влияния на тот или иной процесс. Речь идет о получении доступа к определенной привилегии, получении «милости» в обход других, возможно, более достойных претендентов, и не удивительно, что и «благодетель», и его «слуга» старались замести все следы подобных отношений. Казусы, подобные «делу полковника Рожнова», становятся для историков счастливыми случайностями, позволяющими увидеть сбой в работе механизма патронажа, благодаря чему можно рассмотреть и сам механизм во всех подробностях. В этом отношении не столь уж важны мотивы сторон в этом процессе и их личная заинтересованность, гораздо важнее, что показания загнанного в угол и скорее всего подвергнутого пытке полковника придают очертания картине патронажа в правящей элите. В поисках ключа к мотивам принятия тех или иных решений, странным поворотам в судьбах деятелей эпохи преобразований необходимо учитывать как важнейший фактор родственные и патронатно-клиентельные связи, пронизывающие, как показывают нам материалы допросов полковника Г.С. Рожнова, в том числе, среду военного командования петровской России.

¹ См.: Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. Сб. науч. работ (Источник. Историк. История. Вып. 4) / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2004. С. 255–287. Основную историографию вопроса см. в работе: Krom M. Formender Patronageim Russlanddes 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiv end ervergleichenden Forsch ung Im europäis chen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 57. (2009). Н. 3. S. 321–345.

² В этом отношении одной из наиболее интересных попыток переосмыслить историю петровских преобразований и заметить реальные практики управления можно считать работы П. Бушковича об истории политической борьбы в правящей элите петровской эпохи и И. Федюкина об «административном предпринимательстве» начала XVIII в., которые также затрагивают и вопрос патронажа. См.: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 2009; Федюкин И. 1) «Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемоде рных государственных институтов и индивидуальная инициатива // В кн.: «Регулярная академия учреждена будет ...»: Образовательные проекты в России в первой полови не XVIII века (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 11) / Науч. ред. и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С.13–33; 2) Роль ад министративного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

³ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 130–132, 212, 218, 225; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 94–96.

⁴ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужец кой. СПб., 2009. С. 325–326, 334–336.

⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. С. 325.

⁶ Боярский список 1700 г. Л. 547 // Захаров А.В. Информационно-поисковая полно текстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 16.09.2016).

⁷ Там же. Л. 254.

⁸ О наборе драгун в Золотой палате см.: Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным опи санием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. I. СПб., 1912. С. 17–36.

⁹ Тагарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 301.

¹⁰ См.: Мышлаевский А.З. Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. С. 128–175, особенно С. 153–159.

¹¹ Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. IV. СПб., 1912. С. 254. Документы драгунского полка под полковника-иноземца Петра Михайловича Деолова. Приложения LV. № 4.

¹² Реляция об атаке Браильской 1711 г. Документы общего содержания. № 42 // Война с Турциею 1711 года (Прутская операция) (Сборник военно-исторических материалов. Вып. XII). СПб., 1898. С. 263–264.

¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. XI. Вып. 2 (июль– декабрь 1711 года) / Под ред. Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова. М., 1964. С. 412. Примечания к № 4703.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 455–455 об.

¹⁵ Там же. Л. 455.

¹⁶ Там же. Л. 455 об. – 456.

¹⁷ Там же. Л. 456.

¹⁸ Там же. Л. 456 об.

¹⁹ Там же. Л. 458–459 об.

²⁰ Там же. Л. 460 об. – 461 об.

²¹ В XXV томе Сборника императорского Русского исторического общества был опубликован указ Петра I, направленный Б.П. Шереметеву с повелением провести генеральный кригсрехт над полковником Г.С. Рожновым, а вместо него назначить командовать драгунским гренадерским полком полковника Хлопова. В сборнике этот указ датирован 18 декабря 1714 г., вероятно, из-за описки в конце документа, где проставлена именно эта дата. Однако в декабре 1714 г. Г.С. Рожнов уже несколько месяцев был под следствием в Санкт-Петербурге, к тому же на копии письма стоит помета о получении письма с этим указом в Лубнах в марте 1714 г. Очевидно, что указ Петра I был направлен генерал-фельдмаршалу 18 декабря 1713 г. См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 339 // Сборник императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. XXV. СПб., 1878. С. 401.

²² Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 336. С. 397–398.

²³ Там же. № 331. С. 386.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (далее – ПСЗ). Т. V. (1713–1719). СПб., 1830. № 2775. С. 84.

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. IV. Год 1714-й. Кн. II (июль–декабрь). СПб., 1891. № 755. С. 609.

²⁶ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 233.

²⁷ См.: Бабич М.В. 1) Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 36–68; 2) Из истории государственных учреждений XVIII в.: «Майорские канцелярии» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31; Серов Д.О. 1) Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого) / Ред.-сост. С.В. Ефимов. СПб., 2001. С. 79–93; 2) Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 351–373.

²⁸ Б.П. Шереметев мог быть в курсе, как развивалось «дело полковника Рожнова», благодаря письмам адмирала Ф.М. Апраксина. Во всяком случае, в мае 1714 г. генерал-фельдмаршал просил своего «особливого и склонного благодетеля» извещать его о «вышереченных моих делах», хотя и не говорит, о каких именно делах идет речь. См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 336. С. 393.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 21. Л. 79 – 79 об.

³⁰ Там же. № 22. Л. 462.

³¹ Там же. Л. 462 – 462 об.

³² Там же. Л. 462 об. – 463.

³³ Кн. И.Ф. Барятинский, если и был полковником Гренадерского драгунского полка, то лишь до начала 1714 г., когда прибыл назначенный царем полковник Хлопов. –

- См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 339. С. 401.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 463. Это был сын младшего брата Б.П. Шереметева Василия. См.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. III. СПб., 1856. С. 500–501.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 463 об. – 464 об.
- ³⁶ Там же. № 23. Л. 233.
- ³⁷ Там же. № 22. Л. 464 об.
- ³⁸ Там же. Л. 465 об. – 466.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 233.
- ⁴⁰ Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 338. С. 399–400.
- ⁴¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. III. СПб., 1856. С. 500.
- ⁴² Примечания к № 862 // ПБПВ. Т. III (1704–1705). СПб., 1893. С. 869.
- ⁴³ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1871. Стб. 149–150.
- ⁴⁴ Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 287. С. 321.
- ⁴⁵ ПСЗ. Т. IV. (1700–1712). СПб., 1830. № 2412. С. 724.
- ⁴⁶ Патент Л.С. Чирикову на чин генерал-майора. Августа 18 // ПБПВ. Т. XI. Вып. 2 (июль–декабрь 1711 года). М., 1964. № 4696. С. 98.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 232 об.
- ⁴⁸ Резолюции на докладе Бориса Петровича Шереметева (1702 ранее марта 26) // ПБПВ. Т. II (1702–1703). СПб., 1889. № 416. С. 24.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 20. Разряд XX. Дела военные. Оп. 1. № 405. Ч. I. Л. 357–357 об.
- ⁵⁰ Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 735.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 131.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 21. Л. 302–303 об.
- ⁵⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 91; Ч. III. СПб., 1856. С. 499–500.
- ⁵⁶ Там же. Ч. I. С. 286–287.
- ⁵⁷ Духовное завещание генерала-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Русский архив. 1875. № 1. С. 86. Еще одним душеприказчиком был тогда уже бывший генерал-адъютант П.Т. Савелов.
- ⁵⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. V. Год 1715-й. Кн. I (январь–июнь). СПб., 1892. № 423. С. 313; Указы, повеления и письма императора Петра I разным лицам (Из архива правительствующего сената). № СXXX // СИРИО. Т. XI. СПб., 1873. С. 287–288. За полковником Г.С. Рожновым числилось 92 двора в Московском, Ржевском, Галицком, Суздальском, Чернском, Клинском, Старицком и Тверском уездах // Там же. С. 313. Жена Г.С. Рожнова, Аграфена Михайловна, пыталась добиться от Се-

ната, чтобы в казну не отбирались «приданные» ей, перешедшие по наследству от ее отца и доставшиеся от первого мужа поместья и вотчины, но неизвестно, добились ли она своего // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. V. Год 1715-й. Кн. I (январь–июнь). СПб., 1892. № 423. С. 314.

⁵⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. V. Год 1715-й. Кн. II (июль–декабрь). СПб., 1897. № 837. С. 664–665; № 843. С. 669–670.

⁶⁰ См.: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. № 106 // СИРИО. Т. LXI. СПб., 1888. С. 354.

Е.А. Родионов (г. Гатчина)

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ ЧЕХИИ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

ВСОБРАНИИ Гатчинского дворца-музея находится относительно большое количество огнестрельного охотничьего оружия, произведенного на территории современной Чехии во второй половине XVII – первой половине XVIII в. (с уверенностью можно говорить о более чем 40 предметах). В рамках данной статьи в качестве нижней хронологической границы рассматриваемого периода будет взят конец XVII в., когда чешское оружие стало значительно разнообразнее конструктивно.

Производство огнестрельного оружия в Чехии в XVII–XVIII вв. неизбежно подвергалось сильнейшему влиянию традиций мастеров Австрии и соседних областей Германии. Этому способствовала и общность культурного пространства Священной Римской Империи, частью которого являлась территория современной Чехии, и сходные природные условия, диктовавшие идентичные способы охоты в среде аристократии и, в еще большей степени, драматические события эпохи Тридцатилетней войны. Поражение восстания чешских сословий после битвы на Белой Горе в 1620 г. привело к репрессиям против местных протестантов, потере политической независимости и подавлению чешской культуры. Производство оружия эти изменения также затронули – на место многих эмигрировавших протестантских ремесленников в Прагу и другие чешские города стали активно заселяться мастера из Австрии и соседних немецких областей, в которых господствовал католицизм (прежде всего Баварии). Дальнейшее онемечивание ремесленных корпораций облегчалось тем, что для желающего вступить в них иностранца было достаточно ручательства двух мастеров цеха, которые вполне могли быть его соотечествен-

никами, обосновавшимися в Чехии ранее. Немалое значение имела и широко распространенная в тогдашней Чехии практика обучения ремеслу за границей, прежде всего, в имперской столице – Вене. Во второй половине XVII в. из чешских мастерских выходили штуцеры, почти неотличимые от австрийских и южно-немецких – с восьмигранными нарезными стволами, «немецкими» колесными замками с обширными замочными досками, «немецкими» ложами с прикладами аркебузного типа, украшенными инкрустацией из костяных и роговых вставок. Тем не менее, работа чешских оружейников не исчерпывалась копированием немецких и австрийских образцов; они творчески усваивали влияния из других европейских стран и предлагали собственные оригинальные решения.

С конца XVII в. чешские мастера постепенно перенимают французский стиль в конструировании и оформлении охотничьего оружия. Наряду с колесным замком начинает использоваться кремневый, более легкая ложа с прикладом, предназначенным для упора в плечо, в ее декоре применяется инкрустация металлом вместо кости и рога. Самым ранним произведением чешских оружейников в Гатчинской коллекции, иллюстрирующим эти тенденции, является

Ил. 1. Кремневое казнозарядное ружье со сменным казенником. Чехия, Прага, мастер Каспар Нейройтер, конец XVII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-569-IX

кремневое казнозарядное ружье со сменным казенником пражского мастера Каспара Нейройтера (Neireiter, Neireitter, Neureuter)¹ (ил. 1). Его ствол на большей части длины круглый, в казенной части восьмигранный, с гравированной надписью по верху «Neireitter Prag», канал гладкий. Замок кремневый, французского типа, без затравочной полки и огнива, которые смонтированы на сменном казеннике в виде железной цилиндрической гильзы. Ложа складная, соединена с цевьем и стволом шарниром перед спусковой скобой. Чтобы получить доступ к казенной части ствола, нужно нажать на рычаг на передней стороне спусковой скобы и сложить ложу. Детали оформления ружья – длинный узкий «хвостовик» затыльника приклада, выпуклые поверхности замочной доски и курка, продольные желобки в средней части ствола, резные украшения на ложе в виде завитков, дополненные инкрустацией железной проволокой – позволяют датировать его 1680–1690-ми гг., что соответствует сведениям о мастере Каспаре Нейройтере (упоминается в документах в 1652–1698 гг., жил в пражском районе Мала Страна²). Хотя большая часть выполненного им оружия традиционна для Чехии того времени (штуцеры с колесными замками и ложами аркебузного типа), помимо «гатчинского» ружья Нейройтера сохранились и другие примеры использования им необычных конструкций: в Военно-историческом музее в Праге хранится подобное же казнозарядное ружье со сменным казенником и ружье с кремневым замком испанского типа³.

В начале XVIII в. распространение французских традиций в оружейном деле Чехии продолжилось, но, конечно, этим иностранные влияния не исчерпывались, что очень хорошо видно на примере хранящихся в коллекции Гатчинского дворца ружей пражского мастера Иоганна Деплана – выходца из Франции, упоминающегося в документах в 1721–1742 гг.⁴ Всего ружей три, два из которых одинаковые, составляющие пару. Одно ружье имеет ствол, выполненный в турецком стиле, но явно европейским мастером – из дамасской стали, восьмигранный по всей длине, с таушированным серебром условно «восточным» орнаментом в казенной части и медным пятиугольным клеймом, в котором беспорядочные завитки имитируют арабскую надпись⁵. Стволы двух парных ружей исполнены в испанской стилистике – вороненые, восьмигранные в казенной части и круглые в дульной⁶. Очень по-испански смотрятся и золоченые клейма в казенной части: прямоугольное с изображением идущей лошади, далее продолговатое с надписью в три строки «IOAN DEP LAN» под коро-

Ил. 2. Кремневое ружье. Чехия, Прага, мастер Иоганн Деплан, 1720–1730-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-890-IX

ной, вокруг которого пять клейм в форме стилизованных цветков. Все ружья снабжены подписанными мастером кремневыми замками французского типа, при этом их подогнивные пружины смонтированы на внутренних сторонах замочных досок (различие в том, что у двух «испанских» ружей поверхности замочных досок и курков плоские, а у «восточного» – выпуклые) (ил. 2). В свою очередь, ложи имеют детали, наиболее характерные для изделий чешских, австрийских и, в меньшей степени, германских оружейников. Это прежде всего выполненные целиком из дерева спусковые скобы и отсутствие металлического затыльника приклада, который, вместе с крепящими его шурупами, имитирован с помощью резьбы. При этом внутренний объем прикладов частично выдолблен и заполнен гипсообразной массой, а оставшееся после этого круглое отверстие, расположенное у верхнего угла затылочной стороны приклада, закрыто роговой пробкой. Интересно отметить, что шейка приклада «восточного» ружья Деплана инкрустирована серебряным щитком с гравированным гербом Отто фон Брюммера, воспитателя великого князя Петра Федоровича, впоследствии императора Петра III, при этом на ложе нет номера Ораниенбаумской Рюст-камеры.

Одним из наиболее известных пражских оружейников начала XVIII в., несомненно, являлся Пауль Игнациус Позер. Родившись в Брно в 1746 г., он с 1671 г. работал в Праге, проживая в районе Мала Страна, в 1714 г. получил пражское гражданство, умер около 1730 г.⁷

Ил. 3. Колесный штуцер. Чехия, Прага, мастер Иоганн Игнациус Позер, 1720-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-353-IX

В собрании Гатчинского дворца хранятся три штуцера, изготовленных Паулем Игнациусом Позером, из них один с колесным замком⁸ и два с кремневыми⁹. Будучи совершенно стандартными для своего времени по конструкции, эти изделия мастерской Позера отличаются от работ большинства чешских оружейников очень качественной проработкой чеканного декора металлических деталей. В первую очередь это относится к колесному штуцеру, чья обширная замочная доска украшена рельефной сценой охоты на оленя, которого атакуют собаки и в которого стреляет из пистолета конный охотник (ил. 3). Детали прибора этого штуцера латунные, золоченые, особо выделяется крупная замочная личинка, в центре которой пустой овальный медальон под княжеской короной, по сторонам от которого львы. На ложе перед спусковой скобой прикреплен гвоздями латунный щиток с чеканным вензелем из литер «СВД» под открытой короной, который пока не удастся идентифицировать.

Аналогичен по стилю и качеству исполнения и декор замков кремневых штуцеров – это рельефные изображения богини Дианы в колеснице, запряженной собаками, Амура с собаками на своре (у штуцера инв. № ГДМ-818-IX), отдыхающего охотника в костюме XVIII в. с собакой и охотничьи трофеи (у штуцера инв. № ГДМ-839-IX). Детали прибора кремневых штуцеров серебряные, почти полностью идентичные (разница только в гравированных изображениях на затыльниках прикладов) и также исполнены с высочайшим мастерством, особенно рельефная сцена травли кабана на замочных личинках и изображение богини Дианы в колеснице, запряженной собаками, на накладке на крышке пенала. Неоднократно высказывалось предположение, что таким выдающимся качеством декора металлических деталей своего оружия Пауль Позер обязан сотрудни-

честву с в те времена еще совсем молодым Францем Матценкопфом (Matzenkopf, Madzenkopf, Mazenkopf)¹⁰.

Франц Матценкопф родился в 1705 г. в тирольской деревне Прутц, с 1721 г. обучался ремеслу оружейника в Вене, в Праге упоминался в 1727–1738 гг., где в 1731 г. получил звание мастера. Обладая несомненным талантом в чеканке и гравировке, Матценкопф в 1738 г. переехал в Зальцбург, где до 1755 г. работал при дворе принца-архиепископа резчиком монетных и медальных штемпелей, пока его не сменил сын, тоже Франц. Умер там же, в Зальцбурге, в 1776 г.¹¹ Хотя известно крайне мало подписанных им экземпляров оружия¹², нет сомнений в том, что он поставлял отдельные украшенные детали и другим мастерам, в том числе Паулю Позеру. Вполне вероятно, что именно Матценкопф работал также над замочными досками одного колесного и двух кремневых штуцеров Позера из гатчинской коллекции, которые в любом случае являются одними из лучших образцов работы пражских оружейников первой половины XVIII в.

Говоря о производстве оружия на территории Чехии в первой половине XVIII в., нельзя не упомянуть о графе Франтишке Антонине Шпорке (1662–1738), оказавшем значительное влияние на многие сферы жизни ее жителей, в том числе на охотничью культуру и оружие. Его отец Иоганн (Ян) Шпорк (около 1600–1679), простой немецкий крестьянин из Вестфалии, сумел необычайно высоко подняться по социальной лестнице за годы Тридцатилетней войны. Сражаясь в кавалерии на стороне Католической лиги, он дослужился до фельдмаршал-лейтенанта. В дальнейшем Иоганн Шпорк еще не раз хорошо показал себя в армии Раймонда Монтекукколи, получив в 1664 г. титул имперского графа за решающую атаку на турецкую армию в битве при Сенготтгарде. Проводевав большую часть жизни, он приобрел очень значительное состояние и обширные земельные владения в Чехии.

Его старший сын и наследник Франтишек (Франц) Антонин Шпорк прославился исключительно мирными занятиями, если не считать судебных тяжб – в своем поместье Кукс в Хоустниково Градиште на берегу Эльбы (Лабы) основал курорт, дополнив его центром культуры и искусств, содержал театры, организовал первую в Чехии постоянную оперу, издавал книги на религиозно-философскую тематику. Не чуждо ему было и увлечение охотой, при этом, под впечатлением от визитов во Францию, Шпорк стал первым в Чехии практиковать и пропагандировать парфорсный способ охоты, целью которого была

**Ил. 4. Кремневое револьверное ружье. Чехия, 1720–1730-е гг.
ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-893-IX**

не столько добыча, сколько сам процесс – зверя полагалось преследовать по пересеченной местности верхом и с собаками до его полного изнеможения¹³. Ружейную охоту граф тоже не оставлял своим вниманием и был одним из самых крупных заказчиков у оружейных мастеров, отдавая особое предпочтение скорострельным конструкциям, так что значительная часть, если не большинство чешских револьверных и казнозарядных ружей со вставными казенниками первой трети XVIII в., были изготовлены специально для Шпорка.

В гатчинской коллекции оружия хранятся три кремневых револьверных ружья, на замочных досках которых выгравирован герб графа Франтишека Антонина Шпорка¹⁴ (ил. 4). Они идентичны по конструкции и имеют несущественные различия в размерах и отдельных деталях, из которых наиболее заметно то, что у ружья инв. № ГДМ-589-IX замочная доска железная, в то время как у остальных двух замочные доски покрыты сверху латунным листом, и у ружья ГДМ-705-IX ствол и каморы полированного железа, а у двух других ружей – вороненые. Приклад «французский», для упора в плечо (у ружья № ГДМ-759-IX без щеки, у остальных со щекой), цевье в треть длины ствола. Вращающийся барабан представляет собой блок из четырех отдельных зарядных камор, каждая из которых в сечении восьмигранная, имеет свою затравочную полку, огниво и одноперую подогнивную пружину. Каморы помечены гравированными литерами «А», «В», «С», «D». Блок камор поворачивается вручную после нажатия на фиксирующую его переднюю часть спусковой скобы. Клейм и подписей мастеров на деталях ружей нет, так что точно определить место их изготовления не представляется возможным – это

Ил. 5. Ружье со скрытым кремневым замком. Чехия, Прага, мастер Йозеф Эберт, 1730–1740-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-717-IX

Ил. 6. Замок ружья, инв. № ГДМ-717-IX. Крышка с огнивом поднята, видна заправочная полка с отверстием и курок

могли быть и Прага, и Карлсбад (Карловы Вары), и Кукс, и ряд других мелких центров, где работали на Шпорка, а датировать их можно 1720–1730-ми гг. Для револьверного оружия такой конструкции в литературе иногда используется название «система Шпорка»¹⁵, что, как кажется, не совсем обоснованно.

Особое внимание привлекает ружье со скрытым кремневым замком, изготовленное мастером Йозефом Эбертом в Праге, о чем свидетельствует таушированная серебром надпись на стволе¹⁶ (ил. 5). Название типа замка отчасти объясняет его конструкцию, которая

скрыта в железном восьмигранном корпусе, прикрепленном к казенной части ствола и являющемся как бы его продолжением. Курок взводится нажатием на рукоятку перед спусковой скобой и освобождается при нажатии на спуск, движется прямо вперед под действием витой пружины и ударяет по огниву, расположенному на нижней поверхности подпружиненной трапециевидной крышки, закрывающей затравочную полку в виде узкого желобка вдоль казенного среза ствола (ил. 6). От удара курка крышка подымается и открывает затравочную полку. В закрытом положении верхняя сторона крышки идет вровень с поверхностью ствола и самого корпуса замка, не имея выступающих деталей. Высказывалось мнение (как кажется, не бесспорное), что, в сравнении с обычным кремневым замком, скрытый более надежен в сырую и дождливую погоду, и, несомненно, он придает оружию несколько футуристический для XVIII в. облик, делая его похожим на бескурковые ружья XIX–XX вв.

Такая конструкция получила наибольшее распространение в середине – второй половине XVIII в. как раз на территории Чехии, хотя известны отдельные экземпляры оружия со скрытым кремневым замком, изготовленные в соседних с Чехией областях Германии (Саксонии и Баварии), а также в России¹⁷. Вполне естественно, что именно Чехия считается родиной данной системы воспламенения¹⁸, при этом в качестве ее возможного изобретателя в оружейведческой литературе с большей или меньшей степенью уверенности называется мастер Станислав Пачельт (Paczelt)¹⁹. Это мнение основывается только на том, что Пачельт изготовил хранящееся ныне в лондонском Тауэре самое раннее из точно датированных ружей со скрытым кремневым замком – на его стволе кроме гравированной подписи мастера есть дата «1738»²⁰. Известно еще несколько подписанных Станиславом Пачельтом ружей и пистолетов, в том числе со скрытыми замками, но на них не обозначено дат, из чего делается предположение, что упомянутое ружье 1738 г. является «шедевром» Пачельта, изготовленным им для получения звания мастера, что косвенно подтверждает отсутствие каких-либо сведений о нем до этой даты²¹. К сожалению, информация о мастере вообще крайне скудна. Из его подписей на оружии следует, что он работал в городке Херманув-Местец недалеко от Пардубице, а также в Кутной-Горе (нем. Куттенберг), вначале, вероятно, на упоминавшегося уже графа Франтишека Антонина Шпорка, а потом на князей Ауэрспергов²². Есть предположение, что учениками Пачельта были братья Фердинанд и Вацлав

Моравеки, также производившие оружие со скрытыми кремневыми замками²³. Если это так, учитывая, что Фердинанд Моравек родился в 1753 г., а его брат Вацлав около 1764²⁴, то Станислав Пачельт еще работал по крайней мере в 1770-е гг., и, таким образом, вполне возможно, что звание мастера он получил в далеком 1738 г.

Эти сведения о Станиславе Пачельте заставляют обратить особое внимание на «гатчинское» ружье со скрытым кремневым замком пражского мастера Йозефа Эберта, информация о жизни которого более подробна. Эберт родился в 1680 г. в г. Хомутове, переехал в Прагу, гражданином которой стал в 1715 г., проживал в районе Старе Место, в 1721 и 1724 гг. упоминается в церковных метрических книгах в качестве крестного отца. В 1727 г. вместе с другими пражскими мастерами-оружейниками подписал предложение об учреждении оружейной мануфактуры в Праге. После смерти первой жены, 15 ноября 1735 г. женился на дочери мастера-котельщика Франтишека Тиринпоха. Последнее известное упоминание о нем относится к 1743 г., когда Эберт был поручителем при получении пражского гражданства мастером-оружейником Вацлавом Фингерландом.²⁵

Таким образом, когда в 1738 г. Станислав Пачельт изготовил свое первое (предположительно!) ружье со скрытым кремневым замком и стал мастером, оружейник Йозеф Эберт работал уже давно, ему должно было исполниться 58 лет. Учитывая данные биографии Эберта и стилистику оформления его «гатчинского» ружья, нельзя исключать, что оно было сделано раньше, чем «шедевр» Пачельта, и Эберт вполне может претендовать на славу изобретателя скрытого кремневого замка. Впрочем, необходимо признать, что, при всей соблазнительности, невозможность точной датировки ружья Эберта и недостаток надежной информации о жизни Пачельта не позволяют однозначно решить этот вопрос. В любом случае, «гатчинское» ружье мастера Йозефа Эберта является если и не первым в своем роде, то одним из самых ранних.

Помимо столицы, украшенное охотничье оружие производилось и в ряде других больших и малых городов Чехии, из которых в XVIII в. особенно выделялся Карлсбад (Карловы Вары), который, благодаря своим знаменитым целебным источникам, являлся курортом, активно посещаемым аристократией со всей Европы. Это обеспечивало хороший сбыт, в том числе и для продукции местных оружейных мастерских, количество которых во времена расцвета было около двух десятков, в среднем по шесть–восемь подмастерьев

Ил. 7. Кремневый штуцер. Чехия, Карлсбад (Карловы Вары), мастер Леопольд Бехер, 1730–1740-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-340-IX

в каждой²⁶. Их стиль в оформлении оружия известен исследователю Хейворд охарактеризовал как стремление к максимальной цветовой контрастности²⁷. Его черты хорошо иллюстрируют экспонаты гатчинской коллекции, например, кремневый штуцер, изготовленный наиболее известным карлсбадским мастером второй четверти XVIII в., Леопольдом Бехером²⁸ (ил. 7). Ствол штуцера восьмигранный, вороненый, украшен в казенной части гравированным и частично золоченым орнаментом, сочетающим растительные и рокайльные мотивы, на верхней грани гравированная золоченая надпись «L. Becher», прицел и мушка из золоченой бронзы. Замок кремневый (в сравнении с пражскими, карлсбадские оружейники значительно реже использовали колесный замок), поверхности замочной доски и курка плоские, украшены рельефным рокайльным орнаментом на выбранном канфаренном фоне, на замочной доске подпись мастера, спуск со шнеллером. Ложа стандартная для такого штуцера, относительно скромно украшена резными элементами рокайльного орнамента. Очень характерны детали прибора – из золоченой бронзы, с грубо выполненными рельефными изображениями на охотничью тематику и элементами рокайльного орнамента. Особенно выделяется крышка пенала, целиком покрытая накладкой из золоченой бронзы с популярной в отделке оружия сценой охоты на кабана, заимствованной из знаменитой серии гравюр Элиаса Ридингера.

Сходно с предыдущим штуцером по декору и кремневое ружье²⁹, изготовленное в середине XVIII в. малоизвестным карлсбадским мастером Францом Петером (упоминается в 1738–1788 гг.³⁰) (ил. 8). У ружья два ствола, спаянных между собой по всей длине в горизонтальной плоскости, в казенной части восьмигранные, украшенные гравированным растительным орнаментом с золочеными и серебряными элементами. Каждый ствол имеет свой кремневый замок с отдельным спусковым крючком, поверхности замочных досок плос-

Ил. 8. Двустольное кремневое ружье. Чехия, Карлсбад (Карловы Вары), мастер Франц Петер, середина XVIII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-340-IX

кие, украшены гравированными охотничьими сценами на выбранном фоне и подписаны мастером («F. Petter»). Детали прибора также из золоченой бронзы, со столь же небрежно проработанными рельефными охотничьими сценами, типичные для продукции оружейников Карлсбада и в целом Чехии, что, вероятно, объясняется тем, что такие детали массово производили в какой-то одной мастерской.

Из оружия, изготовленного в других, более мелких чешских городах, отдельно упомянем датируемые второй четвертью XVIII в. три кремневых штуцера мастера Франца Антона Перета из Лейтмеритца (ныне Литомержице)³¹, находящегося примерно посередине между Прагой и Дрезденом. У одного из них (инв. № ГДМ-947-IX) особенностью, как уже указывалось, характерной для чешско-германо-австрийского региона, является полностью деревянная спусковая скоба.

Ил. 9. Кремневый штуцер. Чехия, Лейтмеритц (Литомержице), мастер Франц Антон Перет, 1730–1740-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-354-IX

Ил. 10. Кремневый штуцер. Чехия, Лейтмеритц (Литомержице), мастер Франц Антон Перет, 1730–1740-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-384-IX

Другой штуцер (инв. № ГДМ-354-IX) (ил. 9), имея классическую «немецкую» ложу с прикладом аркебузного типа и длинной латунной спусковой скобой, снабжен французским кремневым замком, чья доска по форме и размеру соответствует доске обычного колесного замка. Наконеч, штуцер инв. № ГДМ-384-IX (ил. 10) своими деталями (нарезной восьмигранный ствол, характерная массивность ложи и ее скромный резной декор, форма железных деталей прибора, костяные наконечники ложи и шомпола) полностью соответствует кремневому варианту так называемого «штуцера Гессен-Кассельского типа» (в немецкой и англоязычной традиции чаще называемый «müllerbüchse» – «мельничное ружье»), который в первой половине XVIII в. был популярен в Германии, особенно в ее центральных областях, Саксонии, а также Швеции³². Частным отличием можно назвать лишь то, что замок украшен рельефным растительным орнаментом на канфаренном фоне, а подогнившая пружина смонтирована на внутренней стороне замочной доски.

Помимо перечисленного, в собрании Гатчинского дворца также хранится оружие и из некоторых других городов на территории современной Чехии – Шлаккенверта (нем. Schlackenwerth, ныне Остров), Врхлаби, Теплице, а также столицы Моравии – Брно. Все вместе они дают наглядную картину конструктивных и декоративных решений, применяемых чешскими оружейниками с конца XVII в. до эпохи упадка производства, связанного с серией войн середины XVIII в.

¹ Инв. № ГДМ-569-IX. Общая длина 153,2 см, длина ствола 115,7 см, калибр 15 мм.

² Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. Praha, 2005. S. 62.

³ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. Praha, 1980. S. 51.

⁴ Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. S. 27.

⁵ Инв. № ГДМ-964-IX. Общая длина 137 см, длина ствола 100,5 см, калибр 17 мм.

⁶ Инв. № ГДМ-890-IX (общая длина 137,3 см, длина ствола 101,4 см, калибр 15 мм);

- инв. № ГДМ-924-IX (общая длина 137,4 см, длина ствола 101,3 см, калибр 15 мм).
- ⁷ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 89.
- ⁸ Инв. № ГДМ-353-IX. Общая длина 113 см, длина ствола 84 см, калибр 14 мм.
- ⁹ Инв. № ГДМ-818-IX (общая длина 107,5 см, длина ствола 71,5 см, калибр 15 мм) и инв. № ГДМ-839-IX (общая длина 106,7 см, длина ствола 71,1 см, калибр 14 мм).
- ¹⁰ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 89; Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. II. L., 1963. P. 125–127.
- ¹¹ Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. Praha, 2005. S. 58; Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. II. P. 126.
- ¹² По разным оценкам, известны шесть, возможно, семь единиц огнестрельного и две рукояти холодного оружия, подписанных Францем Матценкопфом.
- ¹³ Парфорсная охота, требовавшая содержания большого количества лошадей, собак и квалифицированного персонала, была весьма затратным развлечением, разорившим не одного увлеченного ею аристократа, например, знакомого самого графа Шпорка, Франтишека Йозефа Чернина, см.: Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 78–79.
- ¹⁴ Инв. № ГДМ-759-IX (общая длина 144,7 см, длина ствола 90,9 см, длина зарядной каморы 14,6 см, калибр 14 мм); инв. № ГДМ-589-IX (общая длина 146,5 см, длина ствола 93,5 см, длина зарядной каморы 13,6 см, калибр 14 мм) и инв. № 705-IX (общая длина 144 см, длина ствола 89,7 см, длина зарядной каморы 14,3 см, калибр 14 мм).
- ¹⁵ Hoff Arne. Feuerwaffen II. Braunschweig, 1969. S. 264.
- ¹⁶ Инв. № ГДМ-717-IX. Общая длина 148 см, длина ствола с замком 109,8 см, длина ствола без замка 95,5 см, калибр 15 см. В коллекции Гатчинского дворца имеется также ружье со скрытым кремневым замком инв. № ГДМ-704-IX, изготовленное мастером Штойделем в г. Баутцене (Саксония), и нарезное ружье со скрытым кремневым замком инв. № ГДМ-788-IX, отсутствие клейм и подписей на котором не дает возможности однозначно указать место его изготовления.
- ¹⁷ В качестве примера оружия со скрытым кремневым замком приведем двуствольное ружье в Баварском музее армии (инв. No. 13/589), ружье производства берлинского мастера Фромери (около 1760 г.) в Художественных галереях и музее Келвингроув в Глазго (инв. Nr. 39-65 z.p), ружье, изготовленное в Санкт-Петербурге около 1765–1775 гг. мастером И.П. Шлегемильхом в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № 3.О. № 602).
- ¹⁸ Hoff Arne. Feuerwaffen II. S. 369.
- ¹⁹ Lugs Jaroslav. Handfeuerwaffen. B. 1. Berlin, 1977. S. 30; Dolínek Vladimír. Palné zbraně. S. 158.
- ²⁰ Инв. № XII-627.
- ²¹ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 106–107.
- ²² Там же. S. 107.
- ²³ Там же. S. 166.
- ²⁴ Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. S. 60.
- ²⁵ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 136; Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. S. 29.
- ²⁶ Letošníková Ludiše. Lovecké zbraně v Čechach. S. 140.
- ²⁷ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. II. P. 129.
- ²⁸ Инв. № ГДМ-340-IX. Общая длина 95,4 см, длина ствола 56,6 см, калибр 15 мм.
- ²⁹ Инв. № ГДМ-722-IX. Общая длина 126,6 см, длина стволов 88,2 см, калибр 15 мм.

³⁰ Dolínek Vladimír. Čeští puškaři. S. 66.

³¹ Инв. № ГДМ-947-IX (общая длина 113,3 см, длина ствола 75,1 см, калибр 15 мм);
инв. № ГДМ-354-IX. (общая длина 80,2 см, длина ствола 52 см, калибр 14 мм);
инв. № ГДМ-384-IX (общая длина 114 см, длина ствола 77,3 см, калибр 16 мм).

³² Haenel E. Die Hessen-Kasseler Müllerbüchsen und ihre Meister/Beiträge zur Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden, 1905. S. 128–151.

М.И. Роднов (Уфа)

МОБИЛИЗАЦИЯ АВТОТРАНСПОРТА В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914 ГОДУ

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ Российской империи включали систему сбора и отправки в действующую армию поголовья лошадей, для чего все регионы были разделены на военно-конские участки. Но в начале XX в. в стране появился многочисленный автомобильный транспорт (легковые и грузовые автомобили, мотоциклы, трактора и пр.), который получил важное значение в современной армии, что доказали первая Балканская война и некоторые другие вооруженные конфликты.

С началом Первой мировой войны верховное командование издаст серию указов и распоряжений о приведении в действие мобилизации автомобильного парка. Уже 20 июля 1914 г. в № 160 «Правительственного вестника» было опубликовано Высочайше утвержденное положение о военно-автомобильной повинности¹ (в Уфу на имя губернатора П.П. Башилова 21 июля пришла телеграмма о начале мобилизации «автомобилей и прочих самодвижущихся машин»². А 25 июля Башилов телеграфировал в Казань в Окружный штаб: «Автомобилей губернии двадцать шесть число мотоциклеток выясняется точка со дня объявления поставки самодвижущихся экипажей желательнее назначить для идущих по грунтовым дорогам три дня сдачи на станции железных дорог и паромные пристани тот же срок точка Время прибытия Уфу зависит от росписаний точка приемку надлежит производить по мере прибытия машин и определить ее окончание пока невозможно»³. Изначально предполагалась отправка машин с ближайших железнодорожных станций и пристаней.

В России впервые проводилась мобилизация автоматических экипажей. Скорее всего, быстро собрать рассеянные по огромным про-

сторам и почти не учтенные машины не удалось, сроки мобилизации отодвинули. Потому что конкретное распоряжение от военных последовало лишь 9 сентября 1914 г., когда начальник штаба Казанского военного округа (мобилизационное отделение) отправил губернатору П.П. Башилову приказ «О выполнении в районе губернии военно-автомобильной повинности», в котором говорилось:

«На основании именного ВЫСОЧАЙШЕГО указа, данного Правительствующему Сенату 22 июля 1914 года, ВЫСОЧАЙШИХ повелений, изложенных в телеграммах Военного Министра от 22 и 26 июля сего года за № № 2420 и 2777 и 23 августа № 5541 и телеграмме Главного Управления Генерального Штаба от 20 июля сего года за № 2283, в пределах округа надлежало:

1) принять все самодвижущиеся экипажи, годные для службы в войсках;

2) отобрать принудительным порядком все годные и негодные самодвижущиеся экипажи, принадлежащие австрийским и германским подданным, проживающим в пределах округа;

3) доставить подробные данные о числе и роде машин, сданных войсковым частям и учреждениям и оставшихся в излишке после удовлетворения войсковой потребности.

Кроме того, надлежало доставить данные о числе самодвижущихся экипажей, отобранных принудительным порядком у австрийских и германских подданных» [таковых в Уфимской губернии не оказалось⁴]. Информацию уфимский губернатор должен был представить не позже 20 сентября⁵.

Местные власти развернули бурную деятельность, подключив полицию. Анализ переписки показывает, что ранее никто не имел точных сведений о количестве автомобилей и мотоциклов в крае. Уже в ходе мобилизации удалось установить число машин. Старые модели не принимали⁶, ремонт и обслуживание десятков разнообразных марок был невозможен. Машины должны были быть доставлены в губернский центр Уфу⁷.

В Уфе и всех уездных городах (в Уфе – девять человек) были назначены комиссии по приему самодвижущихся экипажей, куда вошли представители полиции, военного ведомства, министерства финансов, городских управ, земства, министерства путей сообщения и эксперты.

В Уфе председателем военно-автомобильной комиссии был штабс-капитан 196-го пехотного Инсарского полка В.Ф. Сороко, во-

енное ведомство представлял прапорщик запаса 103-го пехотного полка Г.К. Вахрамеев, от города в комиссию входил член Императорского автомобильного общества Б.Н. Ляуданский⁸. В Набережных Челнах мобилизованный мотоцикл оценивали пристав 4-го стана Мензелинского уезда с двумя экспертами: инженером Набережно-Челнинского элеватора и электротехником⁹. Членам комиссии за работу выплачивались суточные¹⁰.

В начале сентября 1914 г. развернулась переписка, составлялись списки владельцев автомобилей и мотоциклов. Каждый из них получал специальный опросный бланк, куда заносились характеристики машины. В архиве сохранились сведения по некоторым легковым автомобилям.

По всей видимости, владельцам взятых в армию машин выплачивалась компенсация (финансовых документов не найдено). 25 августа 1914 г. Окружной штаб Казанского военного округа телеграфировал, что «оценку автомобилей считать весь срок владения до момента покупки независимо времени пользования»¹¹. К примеру, стоимость мотоцикла Г.З. Муллина из Челнов эксперты определили в 250 руб., оценку установили в размере 185 руб.¹²

Комиссии работали быстро. В августе и начале сентября (1 и 4 числа) были мобилизованы уфимские мотоциклы. Затем, 15 сентября 1914 г. в Уфе были приняты для армии автомобиль «Фиат», 16-го – дубль-фаэтон «Лорен Дитрих», «Форд», три «Лаурин и Клемент», «Перлес», 17-го – «Пармен» и «Жормен», последний «Фиат» был мобилизован 18 сентября 1914 г. Машины были переданы в распоряжение уфимского уездного воинского начальника, 30 октября приемочные документы ушли в Главное военно-техническое управление¹³. В ноябре 1914 г. последовало распоряжение о прекращении приемки¹⁴.

Процесс мобилизации автотранспорта в Уфимской губернии позволил установить точное количество (на июль 1914 г.) имевшихся в регионе механических средств передвижения: 37 автомобилей и 31 мотоцикл. Но под мобилизацию попали не все самодвижущиеся экипажи.

Часть машин находилась в собственности крупных помещиков и владельцев заводов, с разрешения властей 5 автомобилей хозяева вывезли за пределы Уфимской губернии, где они были поставлены на учет (в Казань, Елабугу, Пермь, Екатеринбург). Одна машина принадлежала подданным Великобритании.

Наконец, в крае находилось немало устаревших моделей (самый древний – «Ольдсмобиль», 1895 г. выпуска), а также малолитражек (был один трехколесный автомобиль), непригодных для использования в армии, ряд машин был в ремонте. Из 31 автомобиля, находившегося в Уфимской губернии и принадлежавшего русским подданным, в армию отправили 15 штук (десять из Уфы и один «Фиат» из Стерлитамака). А из 31 мотоцикла под мобилизацию попали 14 (шесть из Уфы с уездом, один из Белебеевского уезда, четыре из Стерлитамака, местонахождение трех не установлено). Примерно половина автопарка Уфимской губернии осталась в регионе.

Куда машины были направлены? По телеграмме из Казани от 16 сентября они передавались воинскому начальнику, излишки требовалось отправить в Петроград «в учебную автомобильную роту». 23 сентября 1914 г. губернатор сообщал в штаб округа в Казань, что «передано Уфимскому Воинскому Начальнику четырнадцать мотоциклов и пятнадцать автомобилей», все легковые, их отправили в штаб округа (в Казань), а четыре (№ 2559, 3104, 3005 и 4371) в учебную автомобильную роту¹⁵. Мотоциклы в основном вывезли в Петроград, сначала шесть, затем еще три штуки¹⁶.

Уфимская пресса, несмотря на введенный еще в июле режим цензуры, оставила небольшие описания процесса мобилизации. В Уфе она проходила в главном парке города – Ушаковском (там обычно сдавали на права автовладельцы). «Мобилизация автомобилей. Вчера, 15-го сентября в Ушаковском парке, особой комиссией, в которую вошли чины военного и инженерного ведомства, были подвергнуты испытанию все имеющиеся в Уфе автомобили (числом около 30), и по испытанию, все автомобили, оказавшиеся годными, мобилизованы для нужд военного времени»¹⁷. То есть, машины сразу передавали военным. Владельцы прилагали имевшиеся у них запчасти, инструменты, техническую документацию.

Весной 1916 г. из Петрограда пришло распоряжение о новой мобилизации автотранспорта. Из-за начавшегося экономического кризиса, «в предупреждении распродажи магазинами и складами самодвижущихся машин, описать и наложить запрещение на автомобили, но исключительно годные для службы в армии». Все уездные исправники отрапортовали, что магазинов нет. В отчете уфимского губернатора в марте 1916 г. указывались все те же 15 легковых автомобилей и 14 мотоциклов. Больше из Уфы в армию машин не отправляли.

В присланной документации упоминались «тракторы с прицепными повозками»¹⁸. Из региона отправки тракторов не выявлено.

Таким образом, осенью 1914 г. основная часть автопарка Уфимской губернии исчезла. Около половины первых автомобилей и мотоциклов навсегда покинули наш край, но мобилизация позволила восстановить картину автомобильной Башкирии на июль 1914 г. Например, известны марки 29 из 37 автомобилей. Явным лидером был «Форд» – 6 машин, на втором месте шла чешская (австро-венгерская) фирма «Лаурин и Клемент» – 4 авто (у нее единственной в Уфе имелся свой «дилер»), были также три стареньких «Ольдсмобила», по два: «Опель», «Фиат», «Даррак», «Жормен (Жермен)», остальные марки были представлены в единичном экземпляре.

Небольшая партия уфимских легковых автомобилей и мотоциклов оказалась в армейских структурах, возможно, некоторые попали на фронт. Автомобилисты Уфимской губернии внесли свой, пусть и скромный вклад в борьбу с врагами Отечества. Оставшийся парк машин в Уфе эксплуатировался вплоть до 1916 г.

---

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1017. Л. 50.

² Там же. Л. 6–10.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Лишь в Уфе у купца Н.Н. Степанова полиция в августе конфисковала «14 штук автомобильных покрышек и 11 штук камер, как взятые им на комиссию от Германской фабрики “Континенталь”», которые поступили на хранение в полицейское управление (Там же. Л. 111). В другом рапорте указаны 13 покрышек (Там же. Л. 194), семь покрышек с протекторами (шины «Континенталь») размерами от 710 x 100 до 920 x 135, ценою от 66 руб. 25 коп. до 119 руб.; а также шесть покрышек без протекторов размером от 710 x 90 до 920 x 120 и стоимостью от 38 руб. 25 коп. до 82 руб. 25 коп. Все новые, не бывшие в употреблении (Там же. Л. 195).

⁵ Там же. Л. 189.

⁶ Оговаривалось, что мобилизации подлежат годные машины «лишь с двигателями внутреннего сгорания» (Там же. Л. 6).

⁷ Губернатор сообщал Стерлитамакскому исправнику, что машины доставляются «средствами владельцев» (они давали подписку), если такой возможности нет, то силами полиции. Например, автомобиль помещика Жданова отправили по железной дороге в Уфу со станции Шафраново Белебеевского уезда (Там же. Л. 159, 275; Д. 1018. Л. 16).

⁸ Он единственный из владельцев машин попал в комиссию (Там же. Д. 1017. Л. 35).

⁹ Там же. Л. 238.

¹⁰ Там же. Д. 1018. Л. 37.

¹¹ Там же. Д. 1017. Л. 136.

¹² Там же. Л. 238.

¹³ Там же. Л. 290–293.

¹⁴ Там же. Л. 213.

¹⁵ Там же. Л. 186, 188, 191 об. – 192.

¹⁶ Там же. Л. 137, 138.

¹⁷ Уфимский край. 1914. 16 сентября; то же: Уфимский вестник. 1914. 17 сентября.

¹⁸ НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1017. Л. 300–309, 314, 324, 328, 334.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА.
ПУШКА КАШПИРА ГАНУСОВА
В СОБРАНИИ ВИМАИВиВС
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)**

ПАМЯТНИКИ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) имеют удивительные истории бытования и хранят множество тайн, связанных с известными историческими личностями и событиями, происходившими в государстве в тот или иной период времени. Всестороннее изучение реликвий воинской славы дает возможность не только окунуться в героическое прошлое нашей родины, но и проследить деятельность многих исторических личностей, участвовавших в военных действиях прошедших эпох.

В коллекции русских артиллерийских орудий, хранящихся в ВИМАИВиВС, обращает на себя внимание старинная медная пушка, сильно пострадавшая от огня, отлитая Кашпиром Ганусовым, одним из ведущих мастеров-литейщиков орудий и колоколов при Иване IV Грозном.

Расцвет русского литейного дела в Московском государстве в XVI–XVII вв. был тесно связан с деятельностью иностранцев, работавших в столице. В конце XV в. Иван III Васильевич, наблюдая явное превосходство государств Западной Европы в научных и прикладных занятиях, начинает систематически приглашать в Москву иностранных специалистов: искусных зодчих, сведущих горных и пушечных мастеров¹. Благодаря зарубежным специалистам, преимущественно итальянцам, в Москве была построена «Пушечная изба», т. е. завод, в котором стали отливать орудия, отвечавшие всем передовым технологиям Западной Европы того периода. В начале XVI в. появление в Москве заморских пушечных мастеров перестало быть «фактом единичным и становится делом обыденным»².

Иностранцы, прибывшие в Москву, ревниво оберегали свои производственные приемы, хотя по контракту были обязаны обучать тому, что знают, русских работных людей. Но русские мастера литейных дел, вероятно, были достаточно образованны, чтобы воспринять западноевропейскую науку и применять ее в производстве орудий и колоколов. Со временем они оказались не только способными учениками, но и во многом опередили своих учителей. Например: Андрей Чохов, Яков Дубинин и целый ряд других.

К середине XVI в. артиллерийское производство при Иване IV уже не уступало Западной Европе ни в техническом устройстве, ни в численности и, скорее всего, занимало одно из ведущих мест среди европейских государств. Литейное дело русских пушечных мастеров к этому периоду отличалось не только количеством, но и тщательной проработкой всех деталей и выполнялось с большим художественным мастерством. В XVI–XVII вв. слава русских специалистов литейного дела соперничала с известностью лучших немецких и бельгийских мастеров. Пушки, отлитые знаменитым Андреем Чоховым во второй половине XVI в., оказались настолько качественной работы, что ряд из них использовался русскими войсками даже в период Северной войны.

В 1576 г. Иоганн Кобенцель, посол императора Священной Римской империи Максимилиана II в Москве доносил своему повелителю о великом изобилии разнообразных орудий у Ивана Грозного. Он писал, что некоторые из этих стволов так велики, широки и глубоки, что рослый человек в полном вооружении, стоя на дне орудия, не может достать до его верхней части³.

На московском Пушечном дворе в первой половине XVI в. трудилось множество мастеров-литейщиков, прибывших из Германии, Италии и Шотландии. В середине XVI в. здесь появился иноземный мастер – Кашпир Ганусов. Благодаря своим незаурядным способностям он быстро завоевал одно из ведущих мест среди литейщиков орудий и колоколов в Москве⁴.

Сведений о литейном мастере Кашпире Ганусове сохранилось очень мало. По документам московского Пушечного двора и архивным данным известно, что он находился на службе при дворе Ивана IV Грозного в 1550–1560-х годах. Но имеющиеся данные не дают возможности сделать какой-либо определенный вывод о его национальной принадлежности. А.П. Лебедянская в своей работе по истории пушечного производства в Московской Руси высказала мнение, что Кашпир Ганусов, вероятно, немец⁵.

Возможно, что Анна Петровна связывает это с отлитой Кашпиром в 1564 г. медной пищалью «Острая Панна», весом 185 пудов (полупольский, полурусский перевод с немецкого названия «Scharfe Metze»). Пищаль предназначалась для защиты Псковской крепости и находилась на Гремячьих воротах⁶. На стволе орудия размещалась надпись русским письмом: «Божею милостию Иоанн царь великий князь государь всея Руси, сия пищаль сделана в лето семь тысяч семьдесят второго мастер Кашпир Ганусов». На дульной части ствола были вылиты две «ехидны человекообразные до пояса, а от пояса хоботы змеиные»⁷.

Пищаль с изображением «ехидны», т. е. фантастических полулюдей или полужмей – типичное германское произведение, очень распространенное в немецком искусстве эпохи Возрождения. Подобный сюжет встречается и у художника Лукаса Кранаха младшего в гравюрах 1574 г.; на рижской пушке, отлитой в 1568 г. Михаилом Байером из Нюрнберга; на немецком наморднике из Рыцарского зала Государственного Эрмитажа и других предметах⁸.

Современный исследователь псковской старины искусствовед Е.Н. Морозкина в своей работе «Псковская крепость в конце XVII века» также указывает, что мастер Кашпир Ганусов приехал из Германии⁹.

Исследования профессора Н.Н. Рубцова по истории литейного производства в России предполагают, что Кашпир Ганусов был одним из белорусских или ливонских мастеров, которых Иван IV в большом количестве переселял в период Ливонской войны из захваченных земель в Москву и даже издал указ, чтобы «дети боярские и всякие другие люди не продавали пленных, умеющих делать всякое литейное дело, в Литву под страхом жестокого наказания, а доставляли в Москву»¹⁰.

Это подтверждение он находит в описании огромной «Кашпировой» пушки, отлитой мастером в 1555 г. Это было самое большое орудие в царствование Ивана Грозного. Пушка стреляла каменной картечью и большими каменными ядрами. Ее вес составлял 19,5 т. Орудие принимало участие в осаде Полоцка в 1563 г. В начале XVII в. эта пушка находилась в Москве и изначально располагалась у Земского приказа, где ныне находится здание Государственного Исторического музея, а с 1626 г. – на Красной площади, у Никольских ворот Кремля. Неудачи русской армии в начале Северной войны вынудили Петра I издать в феврале 1701 г. указ о переплавке старинных рус-

ских и трофейных орудий для нужд артиллерии. По этому указу и громадная «Кашпирова» пушка была расплавлена¹¹.

С конца 1560-х гг. имя Кашпира Ганусова исчезает из списка мастеров Пушечного двора. Никаких упоминаний о его дальнейшей судьбе пока не обнаружено. Вернулся ли он на родину или закончил свои дни в России – нам не известно.

Орудия, отлитые Кашпиром Ганусовым, особенно ценны, так как он был учителем выдающихся русских мастеров пушечного дела – Андрея Чохова и Богдана¹². По выявленным источникам удалось собрать сведения о десяти орудиях, отлитых Кашпиром на московском Пушечном дворе¹³. Пушки Кашпира Ганусова принимали участие в осаде Полоцка в 1563 г., под Казанью и в Смоленске. Пищали его работы, в том числе и не датированные, находились еще в Костроме, Кашире, Переяславле-Залесском и Холмогорах¹⁴, а одна пушка с надписью «Кашпир» состояла на вооружении в Архангельске и в 1727 г.¹⁵

Из всех орудий, отлитых Кашпиром, до нас дошло только одно, но, к сожалению, в очень плохом состоянии. Пушка поступила в Артиллерийский исторический музей в 1907 г. из г. Холма Псковской губернии и была записана в учетных документах под № 590 «Пушка бронзовая времени Иоанна Грозного литья мастера Кашпира, весом 32 пуда 10 фунтов, попорчена огнем во время пожара, найдена в г. Холме»¹⁶.

Эта единственная на сегодняшний день бронзовая пушка Кашпира Ганусова была случайно найдена в 1906 г. на старом городище г. Холма, где когда-то стояла крепость. Археологические находки современного периода подтвердили существование крепости на этом месте.

Холмская крепость была выстроена в XVI в. на левом берегу реки Ловати, на высоком мысе – Тагиловском холме с целью защиты северо-западных границ Московии. В начале XVI в. Московская Русь начала продолжительную и тяжелую борьбу с Великим княжеством Литовским за возвращение западных русских земель. Благодаря невероятным усилиям русских войск были отвоеваны: Торопец в 1503 г., Смоленск в 1514 г. и Себеж в 1535 г. В этот период русское государство вынуждено было принимать меры по созданию единой общерусской линии внешней обороны, которая и была создана в кратчайший срок.

Даты постройки новых городов-крепостей были установлены в исследовании академика Б.А. Рыбакова «Русские карты Московии

XV – начала XVI веков», изданные в 1974 г. Новые крепости, как правило, строились на старых городищах, так как естественные преграды рельефа усиливались искусственными рвами, валами, стенами и башнями. Холмскую крепость XVI в. также возвели на прежнем месте. На вооружении крепости были пушки и пищали, которые размещались на башнях и раскатах (крепостных башнях с плоской площадкой). Кроме того, в крепости были и затинные пищали, нацеленные на ворота в случае прорыва неприятеля¹⁷.

В 1558 г. Иван Грозный начал войну за выход к Балтийскому морю, получившую наименование – Ливонская. Начало ее было успешным. К 1561 г. Ливонское государство (территории, занимаемые ныне Латвией и Эстонией), завоеванное немецкими рыцарями в XIII в., прекратило свое существование. Но вновь образованное государство Речь Посполитая (федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г.), вступило в войну с Русским государством. Кроме того, в борьбу за Прибалтику вмешались Дания и Швеция, что коренным образом изменило соотношение сил.

В 1579 г. король Польши Стефан Баторий собрал огромную по тем временам 60-тысячную, а по другим источникам 47-тысячную армию наемников из европейских стран и объявил войну Ивану Грозному. Русская армия оказалась неспособной противостоять такой силе. В 1579 г. войска Стефана Батория захватили Полоцк, Велиж и Себеж. Тяжелое положение русских полков усугублялось еще и тем, что с юга к Туле подошли «крымские люди»¹⁸.

26 августа 1580 г. польские войска подошли к Великим Лукам, а 6 сентября, несмотря на героизм малочисленных защитников, крепость была захвачена, разграблена и сожжена. В феврале 1581 г. польские отряды воеводы Радзивилла и гетмана Яна Замойского совершили рейд к озеру Ильмень. В результате набега Холмская крепость подверглась разорению и сожжению. Воевода князь Петр Иванович Борятинский и посадские головы Меньшой Пан и Юрий Кучецкой, возглавившие защиту крепости, попали в плен¹⁹.

По Ям-Запольскому мирному договору, заключенному на десять лет между Речью Посполитой и Русским государством в 1582 г., Иван IV Грозный отказывался от завоеваний в Прибалтике и возвращал Речи Посполитой Полоцк и Велиж. В свою очередь Стефан Баторий вернул русские города: Великие Луки, Невель, Заволочье и Холм, захваченные в ходе наступления 1580–1581 гг.²⁰

Русско-польско-литовская война не только разорила Холмскую землю, но и привела ее на долгие годы в совершенно заброшенное состояние. Население в 1582–1583 гг. составляло лишь 7 % от населения конца XV в. После этого Холм с окрестностями с трудом застраивался и заселялся²¹.

В Смутное время в 1606–1609 гг. город находился под властью польско-литовских войск, а с 1612 по 1617 г. – под оккупацией шведов. За этот период бед и лишений он был razoren до основания и до конца XVII в. не восстанавливался.

В начале XVIII в. началось постепенное возрождение Холма. При императрице Екатерине II он получил статус города и свой герб. По всеобщей переписи 1897 г. в городе проживало 6 тысяч человек.

В 1906 г. на старом городище г. Холма была обнаружена старинная русская пушка, сильно поврежденная огнем. Эта пушка защищала Холмскую крепость в 1681 г. от войск Стефан Батория и, скорее всего, была сожжена вместе с крепостью. По сведениям учительницы Ровенской церковно-приходской школы Марии Степановны Кособрюховой и бывшего лесного кондуктора Петра Кособрюхова, пушка была найдена случайно. Летом 1906 г. маленькие дети, играя на неровной, изрытой поверхности Тагиловского холма, где когда-то находилась Холмская крепость, наткнулись на «железный» предмет. находка оказалась медной пушкой. Одновременно было обнаружено и несколько ядер²².

В начале сентября 1906 г. земский начальник Холмского уезда Псковской губернии А.В. Арбузов в письме к заведующему Артиллерийским историческим музеем Д.П. Струкову сообщил о пушке, найденной на старом городище, на стволе которой имелась надпись славянскими буквами «Кяшпир». Пушка как предмет древней старины была оставлена на хранении в здании городской думы.

При прочтении письма Д.П. Струков сразу определил, что надпись «Кяшпир» почитана неверно и должна означать «Кашпир» – имя известного мастера пушечно-литейного дела середины XVI в.

Найденная в Холме пушка как памятник русского артиллерийского искусства вызвала особый интерес у Дмитрия Петровича, и он обратился с ходатайством в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) и к губернатору Пскова графу А.В. Адлербергу²³ о передаче старинной пушки в музей²⁴. В октябре 1906 г. ИАК было принято решение о перевозе пушки Кашпира, при установленном санном пути, до станции Локня и далее по железной дороге в Санкт-Петербург для передачи ее в Артиллерийский музей²⁵.

Но ни в ноябре, ни в декабре пушка не была отправлена в музей. Городская дума во главе с городским головою С.С. Захаровым решила оставить столь раритетный памятник в городе и установить его на пьедестале в центре торговой площади²⁶.

Узнав об этом, Д.П. Струков в конце января 1907 г. вновь обратился с ходатайством к губернатору Пскова о передаче пушки как редчайшего памятника в музей, мотивируя это тем, что «Орудие, по своему историческому значению, является реликвиею отнюдь не одного г. Холма, но и целой России, и является единственным памятником знаменитого мастера Кашпира Ганусова». Хранение же старинной пушки требует особо тщательных приемов, и не на открытом воздухе торговой площади, где неизбежны случаи порчи, а в стенах особо приспособленного для того Артиллерийского музея»²⁷.

Губернатор Пскова граф А.В. Адленберг, человек широко образованный, состоявший членом многих научных обществ, оценив ситуацию, поддержал ходатайство полковника Струкова и распорядился немедленно отправить пушку в Санкт-Петербург²⁸.

Наконец, 14 июня 1907 г. стараниями многих людей, заинтересованных в сохранности памятника, пушка, отлитая мастером Кашпиром, весом 3 пуда 10 фунтов, была доставлена из Холма на станцию Локня Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. В Артиллерийский исторический музей она поступила 22 июня 1907 г. и была принята в фонды, о чем сделана соответствующая запись в книге учета музейных предметов²⁹.

Ныне ствол 4-гривенной бронзовой пушки, инв. № 9/50 хранится в ВИМАИВиВС в зале «История артиллерии до середины XIX века». Диаметр канала ствола пушки составляет 85 мм. Длина 142 см. Вес 528 кг. Дульная и средняя части сильно оплавилась от пожара, на казенной части литая надпись «Кашпир». Запал в квадратной раковине³⁰ (ил. 1, 2).

Пушка Кашпира Ганусова дважды побывала в эвакуации – в 1917 г. в Ярославле и в 1941 г. в Новосибирске.

В 1948 г. в связи с научно-исследовательской работой кандидата технических наук И.А. Ревиса «Исследование истории и технологии металлообработки на базе артиллерийского производства» был произведен химический и металлографический анализ металла пушки Кашпира Ганусова, и установлено, что ствол отлит из однородной бронзы³¹.

Ил. 1. Ствол 4-гривенковой (85 мм) пушки, отлитый из однородной бронзы мастером Московского пушечного двора Кашпиром Ганусовым в середине XVI в. Дульная и средняя части пушки сильно оплавилась от пожара
Ил. 2. На казенной части надпись «Кашпир»

¹ Лебеядская А.П. Очерки истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов АИМ Красной Армии. Т. I. Л.; М., 1940. С. 57.

² Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I. 1877. С. 52, 57, 59.

³ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. XV–XVIII вв. М.; Л.: Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы, 1947. С. 30.

Спиридонов А.А. В служении ремеслу и музам. М: Металлургия. 1982. С. 192.

⁴ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог. Ч. I. С. 58; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. V. № 51 и др.

- ⁵ Лебедеванская А.П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. С. 80.
- ⁶ Морозкина Е.Н. Псковская крепость в конце XVII в. // Псков через века. Памятники Пскова сегодня / Сост. И.К. Лабутина. СПб., 1994. С. 169.
- ⁷ Дополнения к Актам историческим. Т. V. № 51. С. 303; Т. VIII. СПб., 1862. № 88. С. 305.
- ⁸ Лебедеванская А.П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси. С. 81.
- ⁹ Морозкина Е.Н. Псковская крепость в конце XVII в. С. 171.
- ¹⁰ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. С. 38.
- ¹¹ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. Издание второе, дополненное и переработанное. М.: Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы, 1962. Список древних русских литейщиков. С. 288.
- ¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 71. Л. 242.
- ¹³ Лебедеванская А.П. Очерки истории пушечного производства в Московской Руси. С. 80.
- ¹⁴ Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. С. 247.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. Сбор. Д. 158. Св. 4152. Л. 394.
- ¹⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 74. Л. 64, 65, 116, 311.
- ¹⁷ Котов В.В. Холмская крепость XVI в. // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «Псков». 2008. № 29. С. 3, 5.
- ¹⁸ Буганов В.И. Разрядная книга 1474–1598 годов. М.: Наука, 1966. С. 306. Разрядные книги последней четверти XV–XVI вв. составлялись Разрядным приказом, ведавшим служилыми людьми, военными делами и управлением пограничных областей. В них фиксировались государевы разряды (указы, распределения, разрядки) о назначении и перемещении служилых людей, росписи воевод по полкам и крепостям, челобитные, сведения о событиях в в военно-дипломатических сферах и др.
- ¹⁹ Михайлов А.А. Армия Стефана Батория в походах 1580–1581 годов // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «Псков». 2009. № 30. С. 76.
- ²⁰ Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков: Псковская областная типография, 2004. С. 306.
- ²¹ Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 168.
- ²² Кособрюхов. Могильные курганы и городища Холмского уезда // Труды Псковского Археологического общества. Вып. 7. Псков, 1911. С. 113.
- ²³ Граф Александр Васильевич Адлерберг – русский государственный деятель, пензенский, псковский и петербургский губернатор, сенатор. Родился 5 февраля 1860 г. в Санкт-Петербурге. В 1878 г. окончил Пажеский корпус и из камер-пажей был произведен в корнеты 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка. В 1879 г. был переведен в Кавалергардский полк, а в феврале 1888 г. был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Уральской области и произведен в ротмистры. В 1890 г. получил должность советника Уральского областного правления, а в 1891 г. перешел на статскую службу.
- Во время Первой русской революции графу А.В. Адлербергу как псковскому губернатору (1903–1911) удалось сохранить в губернии относительный порядок. Находясь на ответственном посту, он принимал деятельное участие в общественной жизни Пско-

ва. Состоял членом многих общественных организаций и научных учреждений. Особое внимание уделял поддержке Псковского археологического общества, изучению и популяризации псковской старины. Состоял действительным членом открывшегося во Пскове отдела Императорского православного Палестинского общества. В 1911 г. был назначен губернатором Санкт-Петербургской губернии, а в январе 1912 г. – сенатором, оставаясь при этом в должности петербургского губернатора. Скончался 6 декабря 1915 г.

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 71. Л. 242, 248.

²⁵ Там же. Л. 394.

²⁶ РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 41. Л. 38.

²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 74. Л. 65.

²⁸ Там же. Л. 82.

²⁹ Там же. Оп. 111. Д. 7. Л. 95 об. – 96.

³⁰ Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 85.

³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 57. Л. 33.

С.А. Рябая (Ижевск)

**ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ)**

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА развития благотворительности и системы социального призрения и обеспечения отражает исторические, национальные и территориальные особенности того или иного региона. История благотворительности в Вятской губернии имеет давнюю историю. В начале XXI в. внимание историков к проблеме благотворительности в регионе связано с исследованием военных конфликтов и становлением механизмов социального партнерства с начала XIX в.

А.Л. Волкова изучала формы и методы взаимодействия государственных и местных органов самоуправления с общественными организациями и населением в годы Русско-японской войны (1904–1905) на территории Сарапульского и Глазовского уездов Вятской губернии¹. Благотворительная деятельность общественных организаций и союзов, различных социальных групп населения в военных конфликтах XIX – начала XX в. рассматривались в публикациях С.В. Казаковцева², С.М. Судовикова³, С.А. Липиной⁴, А.С. Касанова⁵, С.А. Рябой⁶ и других. Фрагментарно благотворительная деятельность купеческих династий Вятской губернии изучалась И.В. Масловой⁷, Н.А. Чермных⁸, С.И. Шашиным⁹, Н.П. Лигенко¹⁰ и другими авторами.

В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российском обществе наблюдался всплеск благотворительной деятельности. «Война с турками показала необходимость и благотворительность частной помощи во время войны и на войне...»¹¹ Увеличение числа нуждающихся в период военного времени привело к росту общественной инициативы по оказанию благотворительной помощи во всех регио-

нах Российской империи и среди всех сословий. Люди не скупились на щедрые пожертвования, собирая крупные суммы и гуманитарную помощь.

Вятская епархия, границы которой совпадали с пределами Вятской губернии, оказала существенную поддержку во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русской армии и южным славянам. В Вятской губернии, согласно переписи населения 1897 г., из 3 030 831 жителей 77,4 % (2 347 351 человек) являлись православными и единоверцами¹².

В результате архипастырского воззвания архиепископа Вятского и Слободского Аполлоса священником села Пищальского Орловского уезда совместно с прихожанами были пожертвованы для Общества Красного Креста в пользу раненых воинов два тюка вещей весом 5 пудов 20 фунтов и денежные средства в размере 70 руб.¹³ Среди жертвователей был один почтенный старец починка Фарковского «Хар. В. Паз-в, состояния небогатого», который во время сбора средств, не имея с собой денег, пожертвовал на благие цели свой «новый, только сшитый полушубок из домашних овчин». Его пример воодушевил односельчан, которые впоследствии собрали пожертвования «сорочками, чулками, рукавами, кальсонами, полотенцами и проч.»¹⁴.

В феврале 1878 г. в «Вятских епархиальных ведомостях» указывалось, что священником села Чеганды Сарапульского уезда И. Лопатиным были пожертвованы на военные потребности 50 руб.¹⁵, в апреле того же года архиепископом Вятским и Слободским Аполлосом – 1 пуд. 68 ф. холста, вятским спасокуменским священником Д. Бердниковым – 12 рубаш, 12 нагрудников, 6 пар валяных сапог, 1 шелковый платок, 1 ситцевая наволочка, 12 бинтов, 3 фунта корицы, 1 зеленый мешок с 12 крестиками и поясами¹⁶.

В октябре 1877 г. в «Вятских губернских ведомостях» было опубликовано «приглашение» Вятского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах к пожертвованию старых золотых и серебряных ломаных вещей, а также серебряных денег старой чеканки. Отмечалось, что «даже в небогатом семействе найдутся никуда не годные серебряные и золотые вещи, изломанные или старые, которые не знают куда девать»¹⁷. Прием пожертвований для удовлетворения государственных надобностей по случаю войны проводился в казначействах Вятской губернии.

Архиепископ Вятский и Слободской Аполлос пожертвовал в Главное управление Общества попечения о раненых и больных

воинах «на нужды страждущих» золотые карманные часы. Ее величество Мария Федоровна благодарила его Преосвященство за приношение и обещала «озаботиться о наиболее выгодном и полезнейшем употреблении пожертвованного предмета»¹⁸. Коллежский советник Добротворский передал в Вятское губернское казначейство серебряную папиросницу, золотые булавку и запонки, коллежский советник Бонгарт пожертвовал семейную именную серебряную ложку, статский советник Пошиков направил на благородное дело содействия армии серебряную табакерку и серебряный чайный совок. Советник Кучинский передал на нужды войны орден св. Анны 3-й степени, орден св. Станислава, золотой лом от часов и серебряную цепочку¹⁹. Многие жители Вятской губернии не оглашали свои имена, передавая безвозмездно дорогие вещи.

Вятчане жертвовали вещи и средства не только для раненых и больных воинов, но на приобретение морских судов добровольного флота. Так, в консисторию с 31 мая по 01 июля 1878 г. поступило от духовенства Вятской епархии и прихожан 2332 руб. 89 коп.²⁰, а в период с 01 по 14 июля 1878 г. – 3559 руб. 82 коп.²¹

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. не оставила равнодушными местных купцов. В августе 1877 г. в «Правительственном вестнике» сообщалось: «Жители города Елабуги пожертвовали на военные надобности, по подписке, в распоряжение правительства 18 тыс. руб. Наиболее крупные пожертвования принадлежат И.И. Стахееву – 5 тыс. руб., торговому дому «Григория Стахеева сыновья» – 3 тыс. руб., Д.И. Стахееву – 2 тыс. руб.»²².

А немного раньше, в мае 1877 г. на пароходе купца Т.Ф. Булычева «Гражданин» под флагом Красного Креста бесплатно, по желанию владельца, до Казани следовал санитарный отряд вятского лазарета вместе со снаряжением для дальнейшей отправки в действующую армию. «С восторгом и оживлением собравшийся народ смотрел на санитарный отряд – помощь раненым и больным, посылаемую в первый раз из Вятского края во время военных действий России, и этот отъезд естественно был всеобщим народным праздником», – писал свидетель тех событий²³.

По сведениям «Вятских епархиальных ведомостей» Вятским местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах при участии «местного населения губернии в копеечных сборах» был сформирован санитарный отряд. На его формирование и содержание были перечислены средства от Вятского мещанского обще-

ства, Сарапульской городской управы, Котельнической и Слободской городских Дум, римско-католического епископа Красинского и других лиц. Размер перечисленных средств приведен в таблице 1.

Таблица 1. Денежные средства, пожертвованные разными лицами на формирование и содержание Вятского санитарного отряда²⁴

Благотворитель	Размер денежных средств, руб.
Вятское мещанское общество	197,1
Жители Слободского уезда	12,1
Жители Малмыжского уезда	13,1
Римско-католический епископ	100,0
Сарапульская городская управа	1000,0
Котельническая городская Дума	1000,0
Слободская городская Дума	1850,0

Кроме санитарного отряда был организован передвижной госпиталь на 200 кроватей. В состав материальных принадлежностей госпиталя входили: «аптека с медикаментами; хирургические инструменты, перевязочные материалы, госпитальные вещи, принадлежности госпиталя и кухни, гигиенические предметы довольствия: вино, чай, кофе, табак и прочее»²⁵. Личный санитарный персонал госпиталя состоял из старшего врача – ординатора Вятской губернской земской больницы Р.О. Готвальда, четырех младших врачей, пяти фельдшеров, тринадцати сестер милосердия, «аптекариши», экономки, смотрителя и «письмоводителя». Содержание и количество персонала передвижного госпиталя показано в таблице 2.

Вятское местное управление Общества попечения о раненых и больных воинах выделило на приобретение материальных принадлежностей передвижного госпиталя 6 тыс. руб.²⁷

В городе Орлове 4 сентября 1877 г. Дамским кружком под руководством Л.И. Антошевской и Т. Ефимовой был проведен любительский спектакль. Вырученные от продажи билетов денежные средства в сумме 100 руб. были направлены в Местный комитет общества попечения о раненых и больных²⁸.

Храмы и церковные общины щедро жертвовали средства в пользу Общества попечения о раненых и больных воинах. По данным, опубликованным в «Вятских епархиальных ведомостях», из консис-

Таблица 2. Содержание персонала передвижного госпиталя Вятского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, руб.²⁶

Должность	Количество, чел.	Размер ежемесячного жалования, руб.	Размер подъемных, руб.
Старший врач	1	250	400
Младший врач	4	200	400
Фельдшер	5	75	100
Сестра милосердия	1	90	100
Сестра милосердия	12	60	100
Аптекарь	1	60	100
Экономка	1	50	100
Смотритель и письмоводитель	1	70	150
Всего	24	2415	4150

тории в местное управление Общества была передана сумма в размере 20 126 руб. 66 коп.²⁹ Она складывалась из пожертвований церковей, духовенства, «от различных лиц чрез благочинных священников», средств кружечных сборов в церквях, монастырях, при волостных правлениях, при Вятском отделении государственного банка.

В целом за годы Русско-турецкой войны из Вятской епархии на нужды армии поступили денежные средства в размере 21 602 тыс. руб.³⁰

Таким образом, представители разных социальных групп принимали участие в сборе пожертвований для раненых и больных воинов, вещей и одежды для нуждающихся солдат. Пожертвования, поступавшие на благотворительные цели в годы Русско-турецкой войны от частных и духовных лиц, осуществлялись в виде денежных средств, вещей, предоставления квартир и судов и т. д. Исторический опыт общественной и частной благотворительности России может служить достойным примером для современного поколения предпринимателей и для других слоев российского общества.

¹ Волкова Л.А. Благотворительность в Вятской губернии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). С. 33–36.

- ² Казаковцев С.В. Благотворительность Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.
- ³ Судовиков М.С. Благотворительные инициативы купечества Вятской губернии в период войн XIX – начала XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 62–65.
- ⁴ Липина С.А. Благотворительная деятельность городской общественности во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Сарапульской городской библиотеки) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. Т. 2. № 22. С. 117–118.
- ⁵ Касанов А.С. Благотворительные общества в Вятско-Камском регионе в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4-1. С. 45–49.
- ⁶ Рябая С.А. 1) Опыт благотворительной деятельности в Вятской губернии в начале Первой мировой войны // XXVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2016. С. 172–174; 2) Городское общественное самоуправление в Удмуртии (конец XIX века – февраль 1917 г.): монография. Ижевск, 2012. 240 с.
- ⁷ Маслова И.В. Купечество уездных городов Вятской губернии в XIX в.: социально-психологический портрет // Филология и культура. 2010. № 21. С. 23–26.
- ⁸ Черных Н.А. Орловское купечество (по данным генеалогических поисков) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. С. 49–69.
- ⁹ Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Герценка: Вятские записки. Киров, 2008. С. 84–106.
- ¹⁰ Лигенко Н.П. 1) Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века: монография. Ижевск, 2001. 432 с.; 2) Благотворительная деятельность отдельных социальных слоев населения Камско-Вятского региона: мотивы и приоритеты. Вторая половина XIX – начало XX вв. // IV Стахеевские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. Т. I. Елабуга, 2009. С. 225–234.
- ¹¹ Ильинский П.А. Русская женщина в войну 1877–1878. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб., 1879. С. 225.
- ¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=307 (дата обращения: 06.12.2016).
- ¹³ Вятские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1877. № 24. 16 декабря.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 4. 16 февраля.
- ¹⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 7. 01 апреля.
- ¹⁷ Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 23. 01 декабря.
- ¹⁸ Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 21. 01 ноября.
- ¹⁹ Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 85–86.
- ²⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 13. 01 июля.
- ²¹ Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 13. 16 июля.
- ²² Правительственный вестник. 1877. 18 (30) августа.
- ²³ Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880). По Вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. Т. II. С. 151.

Опыт благотворительной деятельности в Вятской губернии в годы Русско-турецкой войны

---

²⁴ Таблица составлена автором статьи по данным: Шашин С.И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 100–101.

²⁵ Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 10. 16 мая.

²⁶ Таблица составлена автором статьи по материалам «Вятских епархиальных ведомостей». 1877. № 10. 16 мая.

²⁷ Вятские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1877. № 10. 16 мая.

²⁸ Шашин С. И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 87.

²⁹ Вятские епархиальные ведомости. 1877. № 18. 16 апреля.

³⁰ Шашин С. И. Вятчане в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 85.

Л.Д. Сабуров (Москва)

СОБРАНИЕ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В ЭКСПОЗИЦИИ И НА СМОТРОВОЙ ПЛОЩАДКЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЗА ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации собрал значительную коллекцию оружия и боевой техники. В 1990-е гг. фонд и экспозиция пополнились уникальными экспонатами, переданными американо-российским обществом «Родина», в число которых вошло холодное оружие офицеров русской армии, участников Первой мировой и Гражданской войн, в том числе образцы наградного Георгиевского оружия.

Среди них – шашка офицерская казачья образца 1904 г. генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, которую его дочь Марина Деникина передала президенту Владимиру Владимировичу Путину в 2005 г.

Вступив в командование бригадой 6 сентября 1914 г., А.И. Деникин сразу же добился с ней заметных успехов. По результатам боя за Гродек он был награжден Георгиевским оружием. В Высочайшей наградной грамоте было указано, что оружие было вручено «За то, что вы в боях с 8 по 12 сентября 1914 г. у Гродека с выдающимся искусством и мужеством отбивали отчаянные атаки превосходного в силах противника, особенно настойчивые 11 сентября, при стремлении австрийцев прорвать центр корпуса; а утром 12 сентября сами перешли с бригадой в решительное наступление»¹.

Одним из интереснейших экспонатов является шашка офицерская наградная образца 1881 г. «Золотое оружие за храбрость» генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича (ил. 1).

Доклад военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова Николаю II о награждении за отличие в Сарыкамьшской операции

Ил. 1. Шашка офицерская наградная образца 1881 г. «Золотое оружие за храбрость» генерала от инфантерии Н.Н. Юденича

1914 г. начальника штаба Кавказской армии генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича коротко и емко раскрывает его роль в успешно проведенной операции: «Результатом всех распоряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под Сарыкамышем»².

В разделе экспозиции «Балтийский флот» представлен кортик наградной офицерский «Георгиевское оружие» начальника штаба Балтийского флота вице-адмирала Людвига Бернгардовича Кербера, который был им награжден за отличия в военной кампании 1914 г. на Балтийском море.

Основные успехи осенне-зимней кампании 1914–1915 гг. были связаны с великолепно разработанными и блестяще выполненными силами отряда крейсеров особого назначения минными постановками в южной части Балтийского моря. Успех был достигнут благодаря самой тщательной секретности разрабатываемых операций и впервые примененной тактики рассредоточения сил отряда между различными портами задолго до начала операции. Первые два (из четырех запланированных) выхода отряда возглавил сам Л.Б. Кербер, тем самым выполнив ровно половину планируемых постановок.

**Ил. 2. Шашка драгунская офицерская образца 1909 г.
«Анненское оружие» полковника Лейб-гвардии конного полка
Владимира Федоровича Козлянинова**

В отдельной витрине помещена шашка драгунская офицерская образца 1909 г. «Анненское оружие» полковника Лейб-гвардии конного полка Владимира Федоровича Козлянинова (ил. 2).

Владимир Федорович – участник Первой мировой войны. С 1918 г. в эмиграции. Автор ряда исторических исследований. За границей собрал коллекцию предметов по истории полка, часть из которых впоследствии вошла в собрание американско-русского общества «Родина», переданное ЦМВС РФ. Был награжден «Анненским оружием» за отличие в бою 6 августа 1914 г. под Каушеном в Восточной Пруссии. Награда более младшей степени, чем полагалась в этом случае (В.Ф. Козлянинов уже был награжден орденом Святой Анны 3-й степени), была вручена в порядке исключения по личной просьбе награжденного.

В фондах музея хранится реликвийное оружие героев Гражданской войны:

– личное оружие Главкома Вооруженных Сил Республики Сергея Сергеевича Каменева (пистолет Борхардта-Люгера образца 1908 г. артиллерийской модели; карабин обр. 1907 г., изготовленный на Ижевском оружейном заводе и подаренный ему в 1919 г. после освобождения г. Ижевска);

– почетное революционное оружие Климента Ефремовича Ворошилова, Михаила Васильевича Фрунзе, Семена Михайловича Буденного;

– маузер с серебряной рукояткой, украшенной гравированным орнаментом, Анастаса Ивановича Микояна – уполномоченного Реввоенсовета XI-й армии;

– пистолет командующего 13-й армией генерал-майора П.М. Филатова, чьи войска героически защищали северные подступы к Минску (генерал был смертельно ранен в боях под Могилевом) (ил. 3).

– 7,65-мм пистолет системы Маузера командира 123-й стрелковой дивизии генерал-майора А.П. Иванова. В боях по прорыву блокады Ленинграда воины дивизии показали отменную боевую выучку. 611 солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. 13 февраля 1944 г. Москва салютовала войскам, освободившим г. Лугу. Девяти соединениям и частям было присвоено наименование Лужских. Это наименование появилось и на Боевом Знамени 123-й стрелковой дивизии.

Кроме основной экспозиции в музее существует площадка с образцами боевой техники. С таким оружием сражались воины в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, здесь же представлено оружие, которое и сейчас стоит на вооружении армии России. Всего 156 образцов боевой техники³.

Одними из старейших экспонатов площадки являются:

– бронепаровоз серии ОВ («Овечка»), изготовлен в 1896 г. в Коломне (ил. 4). Он входил в состав бронепоезда «Красновосточник», который был построен в 1917 г. рабочими главных мастерских Сред-

Ил. 4. Бронепаровоз серии ОВ («Овечка»)

не-Азиатской железной дороги в г. Кизил-Арват. В годы Гражданской войны он прошел с боями свыше 50 000 км. В период Великой Отечественной войны воевал на Южном фронте. В 1943 г. в депо «Москва-Курская» прошел модернизацию и перевооружение;

– 155-мм орудие конструкции 1877 г., разработанное во Франции в 70-х гг. XIX в. Изготовлено на заводе в Париже в 1880–1890-е гг. Во время Первой мировой войны состояло на вооружении русской армии. Поступило для ремонта на завод «Мостяжарт». Из орудия данной системы «мостяжартовцы» под командованием слесаря-артиллериста Н.С. Тулякова в октябре 1917 г. вели обстрел белогвардейцев, засевших в Кремле.

В 20-е гг. XX в. на вооружение Красной армии стали поступать первые танки. В музее собрана уникальная коллекция боевых машин: легкий танк Т-26; средние танки Т-28, Т-34-76, тяжелые танки КВ-1, КВ-2, ИС-2. Некоторые из них сохранились в единственном экземпляре.

Легкий танк Т-26. Производство танка началось в 1931 г., и в течение 10 лет он выпускался крупными сериями. Главным назначением этих танков была непосредственная поддержка пехоты на поле боя. Боевое крещение машины получили в Испании, в районе озера Хасан, на реке Халхин-Гол.

В 1938 г. в районе озера Хасан экипаж в составе Вячеслава Винокурова и Семена Рассохина, атакуя на танке Т-26 опорный пункт противника, ворвался через его проволочные заграждения, подавил пулеметные точки и орудия. Увлеченные боем, танкисты оказались во вражеском кольце. Продолжая сражаться, они нанесли японцам большой урон. С.Н. Рассохин был убит, а В.П. Винокуров ранен. Он вырвался из окружения и вернулся в свою часть. Семену Николаевичу Рассохину (посмертно 25.10.1938 г.⁴) и Вячеславу Петровичу Винокурову (25.10.1938 г.⁵) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Одним из самых мощных танков начала Великой Отечественной войны являлся танк КВ (Клим Ворошилов). Был создан под руководством конструкторов Ж.Я. Котина и Н.Л. Духова в июне 1939 г. Уже в сентябре первый опытный образец был направлен на Карельский перешеек, где принял участие в боях с финскими войсками и показал высокие боевые качества. Танк КВ был принят на вооружение 19 декабря 1939 г. и запущен в серию в двух вариантах: КВ-1 с 76-мм пушкой и КВ-2 со 152-мм гаубицей. В начальный период Великой

Отечественной войны танк КВ по огневой мощи и броневой защите в несколько раз превосходил любые немецкие танки. В экспозиции представлены танки КВ-1 и КВ-2.

Танк КВ-1 воевал в районе города Купянска в апреле–мае 1942 г. в составе 90-й танковой бригады 28-й армии Юго-Западного фронта.

Экипаж танка КВ-2 младшего лейтенанта К.И. Савельева в июле 1942 г. воевал у станции Татьянаовка в районе города Купянска. Фашистские танки атаковали наши позиции. Экипаж К.И. Савельева вступил в бой. Гитлеровцы безуспешно пытались поразить КВ-2. Вражеские снаряды лишь высекали из его брони снопы искр. Атака врага была сорвана. 10 подбитых фашистских танков дымили на поле боя.

Защищая Сталинград, 8 сентября 1942 г. Савельев был ранен, но не покинул машину. Его КВ-2 продолжал вести бой. Только в этом бою К.И. Савельев уничтожил 4 танка, 5 артиллерийских орудий, 60 солдат и офицеров противника. 8 февраля 1943 г. танкисту было присвоено звание Героя Советского Союза⁶. Погиб 18 марта 1943 г. в бою за пос. Буковище Севского района Брянской области. На нашей площадке вы можете увидеть единственный сохранившийся в мире танк КВ-2.

Тяжелый танк ИС-2 создавался в конструкторском бюро Ж.Я. Котина специальной группой инженеров во главе с Н.Ф. Шашмуриным. В конце декабря 1943 г. танк успешно прошел заводские испытания и был принят к серийному производству. Боевой опыт показал, что танк ИС-2 – один из самых мощных танков Второй мировой войны. Такие танки состояли на вооружении полков прорыва и применялись в бою для борьбы с тяжелыми танками, взламывания сильно укрепленных оборонительных рубежей противника, а также для огневой поддержки и сопровождения средних танков. 122-мм пушка, пробивавшая с 500 м 140-мм броню, обеспечила танку ИС-2 превосходство по огневой мощи над всеми типами немецких тяжелых танков.

В боях за освобождение польского города Иновроцлав 22 января 1945 г. танковый взвод под командованием лейтенанта Ашота Амагуни ночью, преодолев упорное сопротивление противника, вышел в район военного аэродрома. Огнем и гусеницами танкисты уничтожили 17 бомбардировщиков, танк, 2 орудия, 5 пулеметных точек, 85 автомашин, много другой военной техники и живой силы фашистов. Лейтенанту А. Амагуни 27 февраля 1945 г. было присвоено звание

Героя Советского Союза⁷. Немцы так боялись ИС-2, что запрещали своим танкистам вступать с ним в открытый бой.

Самоходная артиллерия в годы войны прочно завоевала себе место на поле боя как основной вид артиллерии сопровождения пехоты и танков, а также как мощное противотанковое средство.

В 1944 г. поступила на вооружение мощная самоходная установка ИСУ-152, построенная на базе тяжелого танка ИС-2. В полностью бронированной рубке размещалась гаубица-пушка, стрелявшая 48-кг снарядами большой разрушительной силы. Главными задачами самоходной установки была поддержка своих танков в атаке и борьба с долговременными оборонительными сооружениями противника. Для этого машина оснащалась телескопическим прицелом, обеспечивающим стрельбу прямой наводкой, и артиллерийской панорамой, позволяющей вести огонь с закрытых позиций.

Всем известен подвиг Зои Космодемьянской. Ее младший брат Александр поклялся отомстить за гибель сестры. В апреле 1945 г. в боях под Кенигсбергом он ворвался на ИСУ-152 во двор одного из немецких фортов и вынудил сдать его гарнизон. Так экипаж из 5 человек взял в плен 320 вражеских солдат и офицеров. За этот подвиг Александр Космодемьянский был представлен к званию Героя Советского Союза, однако награду получить так и не успел. Александр погиб, не дожив до Победы двух недель. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно 29.06.1945 г.⁸

Наша артиллерия сыграла важную роль в сражениях Великой Отечественной войны. На площадке и в залах музея экспонируются три 76-мм пушки ЗИС-3, созданных в конструкторском коллективе под руководством В.Г. Грабина в 1941 г. Принята на вооружение 12 февраля 1942 г. Ее боевые возможности высоко оценили и наши противники. Бывший руководитель отдела артиллерийских конструкций фирмы Крупна профессор Вольф говорил: «ЗИС-3 – лучшее 76-мм орудие второй мировой войны... Можно без всякого преувеличения утверждать, что это одна из самых гениальных конструкций в истории ствольной артиллерии».

Командиром одного из таких орудий был старший сержант Г.И. Гусев. С этой пушкой он прошел с боями 6940 км от Сталинграда до Берлина, участвовал в освобождении сотен городов и сел. Огнем орудия было уничтожено 15 танков, 16 пушек, 25 автомашин с гитлеровцами, разрушено 16 блиндажей и 12 наблюдательных пунктов противника. Из пушки произведено 10 250 выстрелов.

Другая 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 входила в состав 45-го гвардейского отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского Краснознаменного дивизиона 42-й гвардейской стрелковой Прилуцкой ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Богдана Хмельницкого дивизии. Пушка находилась во взводе, которым командовала единственная в противотанковой артиллерии женщины-артиллерист гвардии лейтенант Тамара Александровна Сычева. Орудие прошло боевой путь от Днепра до Праги, участвовало в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии.

В зале № 17 на почетном месте стоит третья 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, заводской № 268363 (ил. 5). Эта пушка прошла в рядах 87-й гвардейской стрелковой дивизии славный боевой путь – от Сталинграда до Севастополя⁹. В орудийном расчете этой пушки были воины разных национальностей: командир орудия гвардии старший сержант Джуманазар Хаджиев – таджик; наводчик гвардии старший сержант Ташбулат Кашкарбаев – казах; заряжающий

младший сержант Константин Елистратов – чуваш; подносчик гвардии ефрейтор Александр Карташов – русский; ездовой гвардии рядовой Касымов – узбек. Трудными дорогами войны прошли эти бойцы со своей пушкой – Сталинград, Донбасс, Ворошиловград, Херсон, Севастополь. Только в боях под Сталинградом батарея, в составе которой действовало орудие, уничтожила 7 танков противника, 14 автомашин,

Ил. 5. Гвардейцы К. Елистратов (слева) и Т. Кашкарбаев у своего орудия

9 пулеметных точек, 2 наблюдательных пункта, рассеяла и частично уничтожила до двух рот пехоты противника.

В период боев за освобождение Крыма нашим частям была поставлена задача прорвать Ишуньские укрепленные позиции противника, выйти на реку Чатырлык и, форсировав ее, создать укрепленный плацдарм на левом берегу. Пехота при поддержке артиллеристов двинулась вперед. Ведя меткий огонь, расчет Д. Хаджиева в самом начале боя уничтожил 3 пулемета, дзот, 2 блиндажа, около 50 гитлеровцев. Но дальнейшему продвижению нашей пехоты мешали два вражеских пулемета. Тогда Д. Хаджиев выдвинул орудие вперед и прямой наводкой уничтожил их. За героизм и мужество, проявленные в этих боях, весь расчет орудия был награжден орденами Красного Знамени.

А потом был Севастополь. Расчет орудия под командованием Т. Кашкарбаева одним из первых ворвался на улицы города и преследовал врага до бухты Стрелецкая. После этих боев и был подписан приказ об отправке пушки в Москву. Гвардейцы К. Елистратов (слева) и Т. Кашкарбаев доставили его в музей. Орудие заняло свое место в экспозиции Центрального музея Красной Армии. После освобождения Севастополя расчет пушки № 268363 участвовал в штурме Кенигсберга и походе на Берлин.

Настоящий речной боевой корабль появился в экспозиции музея в 1979 г. Это бронекатер, воевавший в 1943–1945 гг. в составе Азовской и Дунайской военных флотилий¹⁰ (ил. 6). Бронекатер серии 1124 был заложен на заводе № 638 им. Сталина (г. Астрахань) на основании решения ГКО от 26 октября 1942 г. № 2450 сс¹¹. Коллективом завода сдан в первом полугодии 1943 г.¹² Личный состав принял бронекатер 10 октября¹³, а 24.10.1943 г. он был включен в состав Азовской военной флотилии Черноморского флота¹⁴».

Могучий речной корабль был вооружен двумя 76-мм пушками в башнях танков Т-34, двумя 12,7-мм крупнокалиберными пулеметами системы ДШК обр. 1938 г. и четырьмя пулеметами калибра 7,62 мм. Максимальная скорость хода достигала 52 км/ч.

В ноябре–декабре 1943 г. бронекатер под командованием лейтенанта Д.И. Фомина получил боевое крещение в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции¹⁵. Неоднократно прорываясь через огонь фашистских батарей, он высадил на берег 570 десантников и перевез 20 тонн боеприпасов. В боях с кораблями противника экипаж лейтенанта Д.И. Фомина артиллерийским огнем потопил две быст-

Ил. 6. Бронекатер БК-433

роходные десантные баржи. Тульчинский отряд бронекатеров Дунайской флотилии, куда входил бронекатер, участвовал в освобождении Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии. 16 октября 1944 г. старшине первой статьи А.Д. Шлемову пришлось заменить погибшего командира бронекатера лейтенанта В.А. Славянского¹⁶. Этим мужественным поступком он добавил к медали «За отвагу»¹⁷, орденам Красного Знамени¹⁸ и Красной звезды¹⁹ за операцию по высадке десанта в порт Керчь и боевые действия на Азовском море еще одну награду – орден Ленина²⁰. После войны и демобилизации Алексей Дмитриевич Шлемов проживал на станции Вязовая²¹.

Боевую службу славный корабль закончил под Будапештом, перебрасывая через Дунай войска и технику 3-го Украинского фронта.

Экспонируемая в музее 152-мм гаубица-пушка (обр. 1937 г.) 142-й армейской пушечной артиллерийской бригады 2 августа 1944 г. одной из первых произвела выстрелы по гитлеровским войскам на территории фашистской Германии. «Подмосковье, Смоленщина и Белоруссия, Литва и ближайшие подступы к Восточной Пруссии – такова история боевого пути 152-мм гаубицы-пушки...» – писала армейская газета. Это орудие участвовало и в боях под Варшавой, а под Берлином сделало свой последний, 4900-й боевой выстрел.

Ил. 7. Истребитель ЛА-7

В экспозиции Центрального музея ВВС (филиала ЦМВС РФ) 12 музейных экспонатов – самолетов являются национальным культурным достоянием России и имеют сертификат «Памятник науки и техники России». Основной достопримечательностью музея является истребитель ЛА-7, на котором в конце войны летал и лично сбил 17 из 62 немецких самолетов трижды Герой Советского Союза И.И. Кожедуб²². Одноместный фронтowy истребитель ЛА-7 изготовлен в 1944 г. (ил. 7).

В годы войны самолеты-штурмовики Ил-2 в руках отважных советских летчиков были грозным оружием, прозванным гитлеровцами «черной смертью» (ил. 8). Вооруженный мощным стрелково-пушечным оружием, реактивными снарядами и значительным (400–600 кг) запасом бомб, имеющий сильную броневую защиту летчика и всех жизненных агрегатов, Ил-2 чрезвычайно эффективно наносил удары по целям на поле боя, действуя с бреющего полета и малых высот, с пикирования и горизонтального полета. На нем воевали такие асы, как Г.Т. Береговой, А.Н. Ефимов, М.П. Одинцов, Т.Я. Бегельдинов,

Л.И. Беда. За проявленное мужество и героизм 881 летчику-штурмовику было присвоено звание Героя Советского Союза, а 27 из них удостоились этого звания дважды.

Музейный Ил-2 был выпущен в октябре 1942 г. При возвращении с боевого задания самолет совершил вынужденную посадку на болоте близ Новгорода. В день Воздушного флота в августе 1980 г. восстановленный самолет был передан в музей

Ил. 8. Самолет-штурмовик Ил-2

ВВС²³. На церемонии передачи самолета присутствовал его летчик М.А. Федотов, который закончил войну в Берлине. Музейный экспонат Ил-2 является национальным культурным достоянием России.

МиГ-17 оказался наиболее долговечным среди реактивных истребителей. На последнем этапе войны в Корее МиГ-15бис (303 самолета) начали заменять на более современные МиГ-17²⁴. Они принимали участие в боевых действиях в составе 64-го истребительно-авиационного корпуса²⁵.

В конце 50-х годов в войска ПВО на смену артиллерии пришла ракетная техника. На площадке представлен зенитно-ракетный комплекс С-75 «Двина». Генеральным конструктором этого оружия являлся А.А. Расплетин. Система выпускалась с 1957 по 1982 г. Было изготовлено более 1000 комплексов для войск ПВО страны и 800 для иностранных заказчиков. С-75 поставлялись в страны Варшавского договора. Отлично зарекомендовали себя во время войны во Вьетнаме. С 1953 по 1991 г. во Вьетнам было поставлено 158 зенитных ракетных комплексов²⁶. Общее количество сбитых самолетов США

составило 1095 самолетов и 11 вертолетов²⁷, в том числе 54 «летающих крепостей» – бомбардировщиков Б-52. Ракетой такого комплекса 1 мая 1960 г. на высоте 20 000 м был сбит американский самолет-разведчик «Локхид У-2», пилотируемый Пауэрсом.

Совершенствование зенитно-ракетного вооружения в научно-производственном объединении «Алмаз-Антей» вели продолжатели дела А.А. Расплетина генеральные конструкторы А.А. Бункин, П.Д. Грушин, А.А. Ламанский. Ими были созданы комплексы ЗРК ПВО С-125, С-200, С-300, С-400.

Здесь же экспонируются пусковая установка и зенитные управляемые ракеты зенитно-ракетного комплекса С-125 «Нева», которые способны поражать цели на высотах от 200 м до 10 км, на дальностях от 6 до 12 км, в том числе в сложной помеховой обстановке.

Проиграв в июне 1967 г. «шестидневную войну» Израилю, президент Египта Гамаль Абдель Насер заявил, что СССР поставляет устаревшую технику, поэтому Каир просит направить в страну регулярные советские части ПВО и ВВС. В ответ Москва согласилась командировать 15 тыс. военнослужащих с целью защиты воздушного пространства дружественной страны от израильских бомбардировок. Для скрытной переброски советских войск была разработана и осуществлена операция «Кавказ». Под видом сельскохозяйственной и другой техники около полутора десятков сухогрузов: «Роза Люксембург», «Дмитрий Полуян», «Георгий Чичерин» и др. перевозили системы ПВО. Всего было переброшено 22 дивизиона С-125 «Печора»²⁸. Авиация перебазировалась по воздуху с помощью военно-транспортных самолетов Ан-22 и Ан-12. Истребители доставляли в разобранном виде.

В Египте с 30 июня по 3 августа 1970 г. такими ракетами было сбито 9 израильских «Фантомов». В мае 1998 г. в ходе «необъявленной войны» на Балканах был сбит американский самолет «невидимка» Ф-117А.

Зенитно-ракетный комплекс С-200ВЭ. Система участвовала в боевых действиях зимой 1982–1983 гг. в Сирии, в Ливии при отражении налета американской авиации на город Триполи в 1985 г.

В начале июня 1982 г. израильская авиация нанесла внезапный удар по мощной группировке ПВО Сирии в Ливане (долина Бекаа), причинив ей значительный урон. 25 августа 1982 г. в столицу Ливана под флагом многонациональных сил высадились американская морская пехота, французские и итальянские войска, которые должны

были контролировать вывод палестинских отрядов из Бейрута. В ответ на прямое вмешательство Израиля и США Москва согласилась с просьбой Дамаска о военной помощи и направила в САР два полка из состава войск ПВО. Первый транспорт прибыл в порт Латакия ночью 10 января 1983 г. До 30 января разгрузились еще 5 кораблей. 231-й Переславль-Залесский зенитный ракетный полк (командир полковник С.Б. Покровский) сосредоточился в районе Думейры, в 40 км западнее Дамаска. Еще один, 229-й Тульский зенитный ракетный полк (командир подполковник И.И. Тетерев) после прибытия развернулся в начале февраля 1983 г. в 5 км восточнее Хомса.

Сдерживающая роль двух зенитных ракетных полков С-200-ВЭ положительно сказалась на оздоровлении обстановки на Ближнем Востоке. Израильские пилоты, хорошо зная дислокации двух частей войск ПВО, в зону поражения ЗРС С-200-ВЭ не входили²⁹. Даже американские самолеты-разведчики не приближались к зенитному ракетному полку ближе, чем на 200–250 км.

Согласно сирийским данным, в начале декабря 1983 г. ЗРВ САР поразили 9 американских самолетов. В воздушных боях сирийские МиГ-23 МЛД сбили еще 4 израильских самолета. Понеся ощутимый урон в течение одного дня, авианосный флот США вынужден был отступить к берегам Кипра.

С 1986 г. на смотровой площадке ЦМВС РФ экспонируется 12-ствольная 107-мм РСЗО (реактивная система залпового огня китайского производства, тип «63») (ил. 9). Она была захвачена в ходе проведения разведывательно-засадных действий РГ СпН № 212 под командованием старшего лейтенанта К.М. Таривердиева (177-й отдельный отряд специального назначения 15 обр СпН) в провинции Газни в ноябре 1985 г. Сын известного советского композитора старший лейтенант К.М. Таривердиев воевал отлично. За свой ратный труд награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды³⁰. В те годы немногие из детей «звездных родителей» выбирали профессию офицера, а тем более службу в Афганистане. Карен Таривердиев, студент МГУ (философский факультет) заканчивает факультет специальной разведки Рязанского ВВДКУ. Место службы – Афганистан.

Эвакуация группы из района засады прошла бы спокойно, если бы не одно «но». Подъемной силы у Ми-8 не хватило, и с загруженной РСЗО он упал на землю. К счастью, высота была небольшая, и никто не пострадал. Вторая попытка оказалась успешной, и разведчики с

Ил. 9. К.М. Таривердиев у 12-ствольной 107-мм РСЗО (реактивной системы залпового огня китайского производства, тип «63»)

трофеем добрались до своего отряда. После доклада командующему 40-й армии РСЗО через неделю затребовала Москва, куда она и была отправлена самолетом. После изучения захваченный трофей был передан в ЦМВС РФ. Старший лейтенант К.М. Таривердиев, возвратившись из Москвы, вскоре подорвался на минном поле. После излечения в госпитале до распада СССР служил в Крыму, а затем снова вернулся в Москву, в 10-й отряд спецназначения.

Таким образом, многообразная и богатая коллекция оружия ЦМВС РФ дает возможность раскрыть вопросы применения оружия в войнах и сражениях XX века. Своим развитием она поддерживает интерес посетителей, без чего невозможны и сохранение исторической памяти, и само существование музея.

---

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. С. 335.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26981. Л. 23–24.

³ Коновалова Н.А. Материал экскурсии по смотровой площадке ЦМВС РФ. М.: ЦМВС РФ, 2015. С. 1.

⁴ Герои Советского Союза: Краткий библиографический словарь: В 2 т. / Под ред. В.П. Горемыкина. М.: Буки Веди. Т. II. С. 349.

⁵ Там же. Т. I. С. 248.

- ⁶ Там же. Т. II. С. 396.
- ⁷ Там же. Т. I. С. 48.
- ⁸ Там же. Т. I. С. 697.
- ⁹ Марышева А.С. История одного музейного экспоната. 76-мм пушка ЗИС-3 № 268363 // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 2 (32). 2015. С. 58–60.
- ¹⁰ Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945: Справочник. М.: Воениздат, 1988. С. 103.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 51, 58.
- ¹² Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 97. Л. 116.
- ¹³ ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 957. Оп. 31. Д. 6. Л. 142.
- ¹⁴ ЦВМА. Ф. 13. Д. 7477. Л. 32, 33, 44, 102; Д. 11872. Л. 68 об. – 75; Д. 13208. Л. 60, 61, 78.
- ¹⁵ ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 4742. Д. 84276. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1230. Оп. 013559. Д. 337. Л. 2.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 525. Л. 69. № записи 41173603.
- ¹⁸ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1223. Л. 32. № записи 50750856.
- ¹⁹ Там же. Д. 1007. Л. 236. № записи 50822402.
- ²⁰ Там же. Д. 769. Л. 214. № записи 50629341.
- ²¹ Лукьянова Т. Моряк с Вязово // Усть-Катавская неделя. 8 мая 1996. № 36 (218).
- ²² Жаренков Л.А. Самолеты периода Великой Отечественной войны в экспозиции Центрального музея ВВС // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 2 (32). 2015. С. 23.
- ²³ Там же. С. 25.
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 5. Оп. 953847. Д. 72. Л. 68–70.
- ²⁵ Там же. Ф. 64 иак. Оп. 173543. Д. 95. Л. 138.
- ²⁶ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2000. С. 100.
- ²⁷ Красная Звезда. 1998. 27 марта.
- ²⁸ Кнутов Ю.А. Победы и неудачи советских летчиков и ракетчиков в небе над Египтом // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 1 (29). 2013. С. 52.
- ²⁹ Кнутов Ю.А. Зенитная ракетная система С-200 (по классификации НАТО SA-5 GAMMON) // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 1 (33). 2016. С. 33, 34.
- ³⁰ Замкин В.И. Уразаев И.К. Малоизвестный экспонат смотровой площадки музея // Информационно-методический сборник ЦМВС РФ. № 1 (29). 2013. С. 35.

И.Н. Сажина (Ухта)

**ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК СТАРШИНЫ ТЕРЕХОВА.
1944–1945 гг.
(ИЗ ФОНДОВ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ)**

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК Алексея Алексеевича Терехова из фондов Историко-краеведческого музея Ухты является одним из редких исторических источников, освещающих события Великой Отечественной войны изнутри. Исходя из актуальности, мы обращаемся к вопросу о роли личного документа солдата в изучении повседневности последнего года войны.

Наряду с фронтовым дневником, в музее хранятся и другие документы 30–70-х гг. XX в. Они будут представлены в качестве вспомогательного комплекса источников для восстановления биографии и боевого пути нашего земляка А.А. Терехова.

Из материалов следует, что автор дневника родился 7 ноября (25 октября) 1903 г. в Порт-Артуре, в семье подполковника Алексея Никифоровича Терехова, участника Русско-японской (1905–1907) и Первой мировой (1914–1918) войн. Известно, что вплоть до смерти отца в 1919 г. Алексей вместе с матерью Натальей Яковлевной, братьями Борисом и Николаем находился в г. Вольске¹.

В первые десятилетия советской власти А.А. Терехов служил «в рядах РККА восемь лет», затем «девять лет работал по найму»². К середине 1930-х гг. он имел среднее образование и профессию «административно-хозяйственный работник». С 1936 по 1942 г. Терехов трудился в Москве: помощником начальника охраны, начальником материального склада № 1 на 1-м Автогенном заводе Всесоюзного автогенного треста (1936–1939); старшиной 14-го отряда и командиром 8-го отряда Центрального управления военизированной охраны НКВД СССР (1939–1941).

Великая Отечественная война застала его на службе старшим инспектором ВОХР Наркомата тяжелого машиностроения. В ноябре 1941 г., во время налетов немецких самолетов, Алексей Алексеевич был назначен исполняющим обязанности командира взвода, охраняющего завод «Станкоконструкция» им. С. Орджоникидзе, затем с января 1942 г. – командиром отряда по охране завода Центрального научно-исследовательского института технологии и машиностроения³.

В мае 1942 г. Алексей Терехов был призван Пролетарским РВК г. Москвы в действующую Красную армию. Служил старшиной в 4-м отдельном стрелковом батальоне 105-й стрелковой отдельной бригады Брянского фронта. 10 июля 1942 г. в бою за деревню Башкино Московской области фронтовик получил осколочное ранение, в результате которого была тяжело травмирована кисть правой руки, лишился одного пальца и был признан не годным к строевой службе⁴. Но, не желая оставаться в тылу, уговорил начальника строевой службы взять его в 208-й запасной стрелковый полк Западного направления⁵.

Таким образом, Терехов вновь оказался на фронте. Служил в звании старшины в составе Полевого управления спецслужбы (ноябрь 1942 г.) и 3-го отдельного дивизиона специальной службы войск (декабрь 1942 г.– январь 1947 г.)⁶.

Дивизион Терехова относился к внутренним войскам НКВД СССР. Он выполнял функции радио- и радиотехнической разведки, вел радиоэлектронную борьбу на поле боя.

В конце 1940-х гг. автор дневника перешел на сверхсрочную службу в воинскую часть близ города Каунаса Литовской ССР. Это было последнее место службы в рядах Красной армии.

Весной 1950 г. «по призыву партии» Алексей Алексеевич отправился на Север – в Коми АССР. Сначала работал в тресте «Войвожнефть» Ухтинского комбината МВД СССР (апрель 1950 г. – октябрь 1952 г.), затем в организации «Нибель-3» и парткоме Троицко-Печорского нефтепромысла Коми АССР (1952–1973)⁷ (ил. 1).

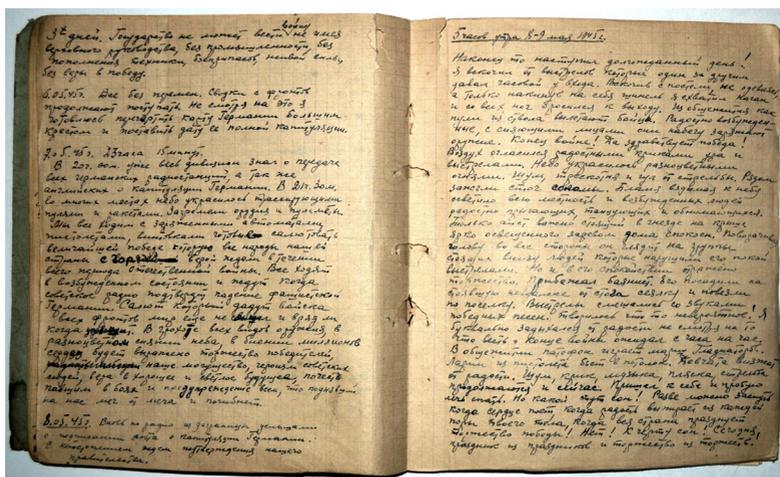
Вероятно, на одном из таких партийных мероприятий А.А. Терехов познакомился с ухтинцем А.Г. Дуркиным, передал ему фронтовой дневник и другие документы. Товарищеские отношения подтверждает и надпись на оборотной стороне фотоснимка автора дневника: «Боевому товарищу по Великой Отечественной войне Алексею Гавриловичу Дуркину в знак глубокого уважения. А. Терехов 23 фев-

рала 1977 года г. Ухта»⁸. В 1995 г. материалы Алексея Алексеевича вместе с фондом А.Г. Дуркина, Почетного гражданина г. Ухты, были подарены Историко-краеведческому музею города (ил. 2).

Записи в дневнике А.А. Терехова относятся к периоду с 21 мая 1944 по 8 июля 1945 г. Они сделаны на отдельных листах и в двух сброшюрованных скобками «тетрадах для старших классов под карандаш», вложенных в темно-коричневую коленкоровую обложку. Сохранность документа оставляет желать лучшего: обложка

Ил. 1. А.А. Терехов. Ухта, 1977 г.

Ил. 2. Фронтной дневник А.А. Терехова. 1944–1945 гг.

загрязнена, пожелтела бумага, утрачена часть листов. Но, что важно, карандашный и чернильный текст легко читаются. Записи автор вел регулярно, в зависимости от условий и потребности в фиксации той или иной информации. Почерк А.А. Терехова средний, с небольшим наклоном вправо.

Дневник был создан Алексеем Тереховым во время службы в 3-м отдельном дивизионе специальной службы войск, который следовал за действующими силами 3-го Белорусского фронта на незначительном расстоянии, продвигаясь по освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории России, Белоруссии, Польши, Литвы, Восточной Пруссии. Его боевой путь проходил через д. Карпиловку, г. Оршу, п. Лаги, г. Логойск, г. Борисов, д. Малиновку, г. Сморгонь, г. Вильно, д. Троки, г. Минск, г. Каунас, г. Мариамполь, г. Гросс Михелау, г. Кенигсберг, г. Пиллау, залив Фриш-Гаф, г. Гросс Михелау.

Многочисленные служебные командировки старшины Терехова, осуществлявшего обслуживание отдела разведки (обеспечение машин бензином, получение грузов, охрана складов), позволяли ему быть в центре событий и достаточно свободно «путешествовать» по не остывшим еще от боев магистралям и населенным пунктам.

Сторонний наблюдатель, участник событий, он сам дает себе характеристику: «От отца я унаследовал любовь к военному делу, дисциплинированность, требовательность к себе и исполнительность. Мать воспитала во мне любовь к чтению классической русской литературы, честность, правдивость, гуманность...»⁹.

Безусловно, анализируя содержание дневника, необходимо учитывать личностные особенности автора: сын подполковника царской армии, воспитанный в духе чести, преданности своей Родине, в то же время – красноармеец, предположительно, участник Гражданской войны, чекист, имеющий опыт работы в органах НКВД.

Однако, написанный «для себя», дневник старшины Терехова отличается относительной свободой и раскованностью суждений. Хотя он и создавался в условиях самоцензуры. Данный аспект подобного источника крайне важен для изучения внутреннего мира и сознания человека «своего времени».

Ввиду уникальности фронтового дневника, мы сочли необходимым ввести его в научный источниковедческий оборот. Орфография и пунктуация автора сохранены.

Первые сообщения в дневнике относятся к моменту образования 3-го Белорусского фронта и началу Витебско-Оршанской операции, составной части крупнейшей советской стратегической наступательной операции «Багратион»: «22.06.44 г. Если вчера было заметно оживление в воздухе, то сегодня примерно с 3-х часов началась артиллерийская стрельба, авиация начала непрерывное курсирование на передовую и обратно... Этот день немцы хорошо запомнят. Не исключена возможность, что наш фронт (теперь уже не Западный, а 3-й Белорусский) двинется вперед... 23.06.1944 г. В эфире звучат команды корректирующие огонь нашей артиллерии. Вперед пошли танки. Немцы теряют голову. Складывается впечатление, что оборона немцев прорвана...»¹⁰.

На этом фоне контрастным кажется сообщение, сделанное старшиной неделю спустя: «30.06.44. В дивизионе сейчас обычная будничная обстановка: каждый занят тем, чем положено ему заниматься. Свободное от службы проводят свое время как они проводили бы его далеко от фронта. Вот и я сидя за длинным, из необструганных досок, столом наскоро сделанном для проведения занятий с личным составом р/центров, пишу свой дневник. Под окном в палисаднике цветет шиповник. Играют дети. Время от времени собираются взрослые поделиться своими новостями и впечатлениями. Ни что не указывает на то, что всего 4–5 дней тому назад здесь были немцы... Сильно разрушен был только перекресток дорог Орша–Витебск и Москва–Минск, а также мост в 12 км от Орши...»¹¹.

Записи июля-начала августа 1944 г. содержат сведения о постоянных передвижениях Терехова по территории Белоруссии, из одного места в другое, в ходе которых автор делал в дневнике крайне интересные заметки, в том числе об оставленных немцами укреплениях: «7.07.44 г. Переезжаем передний край обороны немцев. Видно, что здесь он оставлял только заслоны, а основной массой войск поспешно отступал. По сторонам от шоссе попадаются военные городки и даже целые населенные пункты превращенные врагом в крепости: дома обнесены бревнами и между ними и стенами дома засыпана земля: городки обнесены стеною бревен, между которыми так же земля до самого верха. Забор в свою очередь на некотором расстоянии обнесен проволочным заграждением и в углах усилен дотами. На самом высоком месте стоит наблюдательная вышка...»¹².

Особое внимание автор уделял описанию освобожденных населенных пунктов и местности. Это центральная тема дневника.

«23.01.45 г. Проехали Волковышкис – разрушенный литовский город, и ряд других населенных пунктов, которые своим видом ни сколько от него не отличаются: груды развалин, торчащие трубы сгоревших домов, пробитые снарядами стены, воронки от авиабомб. На протяжении всего пути следы обороны противника: траншеи, проводочные заграждения, надолбы, минные поля, и все что показывает на подготовку и готовность оказать упорное сопротивление...»¹³

26.04.45 г. Поездка по Кенигсбергу. Все улицы приведены в порядок: кирпич убран, не видно трупов людей, убитые лошади закапываются в землю. Минеры подрывают стены домов, которые грозят обвалом. Некоторые здания еще догорают. Видел я разрушенный Смоленск, развалины Минска и других городов, но Кенигсберг по своему разрушению несравним ни с одним городом. Этот город мертвец в полном смысле этого слова...»¹⁴.

Представляют интерес сообщения, передающие чувства красноармейца, а также общую эмоциональную атмосферу на фронте в начале 1945 г.: «23.01.45 г. Подъезжаем к речке. На берегу у мостика пограничный столб с гордой надписью «СССР» на другой стороне – «Германия». Переезжаем мостик и в город. Эйдкунен... При въезде в город щит с надписью: «Воин Красной Армии перед тобой логово фашистского зверя». Непередаваемо это чувство, с которым мы въехали в этот немецкий город. За свою Кр. Арм. изгнавшую фашистскую нечесть с нашей Земли, гордость за свой народ, величие которого воплощено в каждом бойце, в каждом человеке в тылу и на фронте, радость победителя видящего врага при его последнем издыхании и, наконец, ненависть, я бы сказал, злорадство, что наконец то немецкие звери испытывают на своей шкуре то, что они многие годы сознательно проделывали во всех захватываемых ими странах»¹⁵.

Сообщения Терехова повествуют о проведении свободного времени во время нахождения в тылу: «18.08.44 г. Чтобы как-нибудь заполнить и разнообразить свое одиночество читаю книги каким то образом попавшие в один из ящичков с имуществом, и хожу в кино. Посмотрел «Фронт», «Воздушный извозчик», «Бой за Севастополь», «Радуга», «Свадьба». Из всех картин понравилась больше всех последняя, в которой не было ни одного намека на войну»¹⁶.

Многие записи в дневнике Терехова раскрывают праздничные ритуалы, события. Например, встречу Нового 1945 года: «3.01.45 г. За несколько дней до нового года занялись приготовлением елочных

украшений. Иванов мастерком нарезал из консервных банок звезд, петухов, зайчиков, белок, из бумаги нарезали флажков, опушили елку ватой, электрофицировали и в ночь на 1-е января, сидя за столом, за выпивкой и закуской осветили ее. Станным кажется, что взрослые люди столько времени и внимания уделили елке. И нужно сказать, что все от этого получили нравственное удовольствие и радовались, как дети...»¹⁷.

Сообщение о праздновании победы над Германией занимает две страницы дневника. Этот день расписан буквально по часам: «5 часов утра 8–9 мая 1945 г. Наконец то наступил долгожданный день! Я вскочил от выстрелов которые один за другим давал часовой у входа. Вскочив в постели, не одеваясь, а только накинув на себя шинель я схватил наган и со всех ног бросился к выходу. Из общежития как пули из ствола вылетают бойцы. Радостно возбужденные, с сияющими лицами они набегу заряжают оружие. Конец войне! Да здравствует победа!...»¹⁸.

После официального объявления о капитуляции Германии и отгремевших победных салютов дивизион Терехова по-прежнему оставался в городе Гросс Михелау Восточной Пруссии. В нем были сделаны последние сохранившиеся записи фронтного дневника.

Нужно отметить, что через сообщения, написанные с 12 мая по 8 июля 1945 г., красной нитью проходит тема демобилизации. Терехов фиксирует «много разговоров и предположений о том, когда будет проходить демобилизация» и «кто будет уволен в первую очередь»¹⁹.

Значительная часть записей раскрывает внутреннюю жизнь дивизиона: усиление партийного контроля, суды за самоволку и связь с девушками, находившимися в оккупации, охота в местном заповеднике.

Таким образом, дневник дает подробную информацию о передвижении 3-го отдельного дивизиона специальной службы войск 3-го Белорусского фронта в 1944–1945 гг., о размышлениях старшины А.А. Терехова, проведении свободного времени, памятных датах, праздниках, а также предлагает познакомиться с ситуацией в рядах Красной армии после победы над Германией. Центральное место занимает описание местности освобожденных населенных пунктов, природы, устройства оборонительных немецких сооружений и жилищ, фронтовых дорог.

Трудно и сложно в рамках данной статьи охватить все тематические аспекты фронтного дневника старшины. В ней нам удалось

наметить лишь основные направления. Они позволили поверхностно проиллюстрировать фронтовую повседневность и особенности личности А.А. Терехова. Этот исторический источник требует более глубокого и детального анализа.

В заключение следует подчеркнуть, что дневник Алексея Алексеевича Терехова представляет большой интерес как одно из немногочисленных дошедших до нас подлинных, хотя и субъективных свидетельств Великой Отечественной войны. Это попытка зафиксировать то, что тогда представлялось интересным и стоящим для обращения в будущее, в мирное время.

---

¹ Историко-краеведческий музей с музеем-квартирой А.Я. Кремса. Красноармейская книжка А.А. Терехова. 1950 г. С. 4. ОФ 2102/6; Трудовая книжка А.А. Терехова. 1939–1955 гг. ОФ 2102/4; Фронтовой дневник А.А. Терехова. Л. 15. ОФ 2102/1; Письмо А.А. Терехова. Верхняя Омра, Троицко-Печорский р-н, 1974 г. ОФ 2102/2.

² Е. Брошник. На переднем крае // газета «Ухта», № 208 от 15.12.1965 г.; Историко-краеведческий музей с музеем-квартирой А.Я. Кремса. Трудовая книжка А.А. Терехова. 1939–1955 гг. С. 2–3. ОФ 2102/4.

³ Историко-краеведческий музей с музеем-квартирой А.Я. Кремса. Трудовая книжка А.А. Терехова. 1939–1955 гг. С. 2–9. ОФ 2102/4; Письмо А.А. Терехова. Верхняя Омра, Троицко-Печорский р-н, 1974 г. Л. 2. ОФ 2102/2.

⁴ Там же. Справка из эвакогоспиталя № 1630 г. с. Кемля МАССР от 30.10.1942 г. ОФ 2102/7.

⁵ Там же. Письмо А.А. Терехова. Верхняя Омра, Троицко-Печорский р-н, 1974 г. Л. 2. ОФ 2102/2.

⁶ Там же. Красноармейская книжка А.А. Терехова. 22.06.1942 г.– 12.1942 г. С. 5, 6. НВФ 3503/1; Красноармейская книжка А.А. Терехова. 20.02.1950 г. С. 3–5. ОФ 2102/6; Командировочное предписание Терехова. 17.07.1943 г. ОФ 2102/8; Командировочное предписание Терехова. 28.02.1944 г. ОФ 2102/9; Командировочное предписание. 23.07.1944 г. ОФ 2102/10; Командировочное предписание Терехова. 19.04.1944 г. ОФ 2102/11; Командировочное предписание Терехова. 26.01.1945 г. ОФ 2102/12; Справка. 3.08.1945 г. ОФ 2102/13; Удостоверение А.А. Терехова. 20.10.1945 г. ОФ 2102/14; Временное удостоверение А.А. Терехова. 25.10.1946 г. ОФ 2102/15. Примечание: В ноябре 1944 г. 3-й отдельный дивизион специальной службы войск был награжден орденом Красной Звезды. В мае 1945 г. ему было присвоено наименование «Кенигсбергский».

⁷ Там же. Трудовая книжка А.А. Терехова. 1955–1973 гг. ОФ 2102/5.

⁸ Там же. Фото. ОФ 2102/3.

⁹ Там же. Фронтовой дневник А.А. Терехова. Л. 29. ОФ 2102/1.

¹⁰ Там же. Л. 2. Примечание: 22 июня 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта проводили мощную артиллерийскую и авиационную обработку позиций противника. Витебско-Оршанская операция началась на следующий день. Запись сделана в д. Карпиловка, Смоленская обл., Россия.

- ¹¹ Там же. Л. 4. Примечание: запись сделана в пос. Лаги, Витебская обл., Белоруссия.
- ¹² Там же. Л. 6. Примечание: автор описывает немецкие укрепления, находившиеся вдоль магистрали Москва–Минск, в Белоруссии. Его путь следовал из г. Логойска в д. Малиновка.
- ¹³ Там же. Л. 20. Примечание: Дивизион Терехова въехал на территорию Литвы 16 октября 1944 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 27. Примечание: Восточная Пруссия.
- ¹⁵ Там же. Л. 20. Примечание: Восточная Пруссия.
- ¹⁶ Там же. Л. 11. Примечание: запись сделана автором в Минске, Белоруссия. В Минске Терехов находился с 8 августа по 13 октября 1944 г. Здесь он был назначен начальником склада.
- ¹⁷ Там же. Л. 17. Примечание: Хутор в 23 км. от г. Вилкавишкиса, Литва.
- ¹⁸ Там же. Л. 27. Примечание: Запись сделана автором в Гросс Михелау, Восточная Пруссия.
- ¹⁹ Там же. Л. 28.

И.А. Сергиевский (Москва)

**СОЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ СЛУЖБЫ
КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ВОЕННОЙ
ПРОДУКЦИИ НА ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДАХ
В ХОДЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ Д.А. МИЛЮТИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РГВИА)**

ИНТЕНСИВНОЕ РАЗВИТИЕ и успешная деятельность военно-промышленного комплекса невозможны без системы контроля над качеством выполнения государственного заказа. Эта важная функция возложена на представителей заказчика на предприятиях в лице военных представительств Министерства обороны РФ. Данная структура за последнее десятилетие претерпела серьезные изменения в сфере своих полномочий и организации. Продолжается поиск наиболее оптимальной модели функционирования системы военных представительств МО РФ в современных условиях. В связи с этим представляется актуальным изучение опыта работы артиллерийских приемщиков Российской империи в эпоху промышленного переворота во второй половине XIX в. В тот период, имея, как и сейчас, капиталистический уклад экономики, Россия столкнулась с необходимостью масштабного увеличения производства военной продукции.

К середине XIX в. отечественный институт военной приемки представлял собой аппарат артиллерийских приемщиков, размещенных на постоянной основе на уральских, олонецких и луганских заводах Горного ведомства. По приказу Артиллерийского департамента на оружейные заводы раз в год прибывал приемщик с группой оружейных мастеров, которые и осуществляли приемку. Стоит отметить, что во время приемки продукции они подчинялись не Артдепартаменту, а начальнику завода¹. Таким образом, если на заводах Горного ведомства военная приемка была посто-

Ил. 1. Отечественный институт военной приемки (1831–1859 гг.)

янна и независима, то этого нельзя сказать об оружейных производствах (ил. 1).

Коренные изменения в институте военной приемки произошли после неудачной Крымской войны 1853–1856 гг. Эта война показала техническую отсталость вооруженных сил русского государства. В результате потребовалась масштабная военная реформа, которой суждено было изменить всю армейскую сферу. Руководителем и идейным вдохновителем данного мероприятия стал военный министр генерал Д.А. Милютин. Одним из первых нововведений явилось создание в 1862 г. на базе Артиллерийского департамента и штаба генерал-фельдцейхмейстера новой структуры – Главного артиллерийского управления (ГАУ). Тем самым был учрежден единый центральный орган, который стал решать все вопросы, касающиеся артиллерии, производства вооружения и снабжения им войск, развития артиллерийской науки и подготовки строевых, научных и технических кадров. Как указывал сам военный министр: *«мера эта [создание ГАУ] несомненно, должна была произвести самое полезное влияние на дальнейший ход дела»*².

В 1856 г. был разработан новый вид пехотного вооружения: 6-линейная (12,54-мм) капсюльная винтовка, заряжающаяся с дула.

К 1862 г. ею уже была оснащена большая часть вооруженных сил России (около 240 тысяч человек). В то же время значительная часть винтовок закупалась в Германии и Бельгии. Такое положение дел не устраивало военное ведомство. Были предприняты интенсивные меры к расширению отечественного заводского производства. Это стало одним из факторов, повлиявших на модернизацию системы военной приемки на оружейных заводах.

К середине XIX в. основное промышленное производство стрелкового вооружения базировалось на трех оружейных заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Эти предприятия в разное время находились как под государственным, так и под арендно-коммерческим управлением. Стоит заметить, что в Туле, кроме непосредственно военного завода, имелась масса частных оружейных мастерских, которые при выполнении госзаказов входили в тесную кооперацию с казенным предприятием.

Согласно воспоминаниям современников, оружейные заводы в то время работали в очень трудных условиях. Величина исполняемых ими нарядов постоянно зависела от накала международной обстановки, когда русское правительство предпринимало очередной переход армии на более современные образцы оружия. После чего объемы заказов от государства падали, а это негативным образом сказывалось на производстве и занятости рабочего персонала оружейных заводов³.

Примечательно, что Высочайшее распоряжение о создании приемных комиссий на оружейных заводах последовало даже раньше распоряжения о создании ГАУ, а именно: 17 октября 1859 г. *«Государь император благоугодно утвердил, в виде опыта, на один год положение и штаты об учреждении при наших оружейных заводах приемочных комиссий для поверки и приема от заводов ручного огнестрельного оружия, принадлежащих к нему частей и других изделий»*⁴.

Предполагалось, что приемные комиссии будут находиться в непосредственном подчинении ГАУ через инспектора оружейных заводов⁵. Тем самым, впервые военные приемщики стрелкового оружия вошли в структуру, независимую от руководства самих предприятий, на которых осуществлялись изготовление и приемка военной продукции (ил. 2).

Согласно временному штату приемных комиссий (таблица 1), учрежденных при оружейных заводах, руководство данной структурой

Ил. 2. Отечественный институт военной приемки (1859–1869 гг.)

на каждом предприятии осуществлял председатель комиссии, назначаемый распоряжением генерала-фельдцейхмейстера из числа артиллерийских штаб-офицеров. В его распоряжении находились три обер-офицера (два из артиллерии и один из пехоты), «преимущественно хорошо знакомые с оружейной частью»⁶. Число браковщиков разнилось от 6 до 16 человек, причем старший из них назначался из числа наиболее опытных отечественных мастеров или был иностранным специалистом. Интересен тот факт, что рядовыми браковщиками в комиссии не могли выступать завербованные мастера того завода, где производилась приемка, то есть, к примеру, браковщиками в приемной комиссии Тульского оружейного завода становились бывшие мастера с Ижевского или Сестрорецкого заводов и наоборот. Согласно штату предусматривалось наличие писарей и денщиков.

Позже статус председателя приемной комиссии был повышен: данная должность, согласно штату, стала не просто штаб-офицерской, а полковничьей. Предусматривалась ротация браковщиков между заводами. Ротация офицеров была возможна только после минимальной 3-летней службы на одном предприятии. Признавалась необходимость, «чтобы офицеры эти сменялись по возможности реже»⁷.

Таблица 1

**Временный штат приемных комиссий, учрежденных
при оружейных заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком
(объявлен – 1859 г., утвержден – 1861 г.)**

Звания чинов	Число чинов в приемных комиссиях, учрежденных при заводах			Годовой оклад содержания серебром каждому (руб.)	
	Тульский	Ижевский	Сестрорецкий	Жалование	Столовые
Председатель комиссии (из артиллерийских штаб-офицеров)	1	1	1	По чинам из окладов тех частей войск, в которыхчисляются	560
Члены (из них два из обер-офицеров артиллерии и один из пехоты)	3	3	3		280
Старший браковщик из вольнонаемных	1	1	1	1200	
Заводские браковщики	Старшие	6	5	3	Из окладов тех заводов, в которыхчисляются
	Младшие	10	5	2	
Писари	1-го класса	1	1	–	34
	2-го класса	1	1	1	25
	3-го класса	1	1	1	21
Денщики	5	5	5	5	2
На канцелярские расходы производится в год рублей серебром	175	120	80		

Составлено по: Свод штатов военно-сухопутного ведомства. СПб.: Б. и., 1864.

Любопытно, что не все высшие военные чины были согласны с обр-зованием приемных комиссий на казенных предприятиях. К примеру, в мае 1863 г. инспектор оружейных заводов предлагал организовывать военные приемки только на коммерческих заводах (в то время рассматривалась возможность передачи Тульского и Ижевского оружейных заводов под арендно-коммерческое управление), так как они нуждались в более тщательном контроле⁸. Очевидно, данное мнение было обосновано на многолетнем опыте сопряжения производственных и приемных органов на государственных предприятиях.

Продукция, изготавливаемая на оружейных заводах, проходила не только военную, но и собственную заводскую приемку. На Тульском оружейном заводе учреждение, выполнявшее приемку, называлось «ладной», а на Сестрорецком и Ижевском – «приемной палатой». В этих заведениях *«оружие окончательно приводилось в надлежащий*

вид, и по осмотру его заводскими браковщиками передавалось уже совсем готовое в приемные комиссии. Мера эта весьма серьезно облегчала и ускоряла осмотр и прием оружия комиссией»⁹. Таким образом, эти органы являлись прообразом современного отдела технического контроля (ОТК). Известно, что источником кадров для приемной палаты были мастера-оружейники, прошедшие переподготовку в специальной школе арсенальных учеников, первая из которых была основана в 1827 г. на Ижевском оружейном заводе¹⁰. Нужно отметить, что по первоначальному плану данные органы планировалось расформировать, а на их месте создать приемные комиссии, независимые от заводов. Однако, согласно здравому смыслу, двойной контроль как со стороны производителя, так и со стороны заказчика был сохранен.

Приемным комиссиям на оружейных заводах пришлось долгое время работать по временному штату, утвержденному в октябре 1859 г. Действие данного штата не ограничилось одним годом, как предполагалось ранее. Очевидно, это стало следствием общегосударственного напряжения, из-за проведения масштабных реформ Александром II, в первую очередь освобождения крестьян, что непосредственно повлияло на функционирование казенных предприятий.

После подписания Манифеста об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г. оружейники не сразу получили личную свободу. Государству пришлось разработать новые нормативно-правовые акты, регламентирующие организацию производства на основе вольного найма, прежде чем даровать вольную оружейным мастерам. В течение 1863–1867 гг. были утверждены Положения «об освобождении от обязательного труда оружейников-мастеровых и непременных работников Тульского, Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов». Таким образом, были уничтожены сословные пережитки, а все без исключения заводские работники освобождались от трудовой повинности и перечислялись в городские обыватели с правами мещан.

Как указывает исследователь отечественного оружейного производства Е.Е. Дроздова, «возможность приведения численности оружейников в соответствие с потребностями производства, появившаяся после их освобождения, позволила в определенной мере решить вопрос обеспечения постоянным заработком наиболее квалифицированных из них, сохраняя тем самым ценную для заводов

часть рабочих кадров. Однако это не снимало проблемы сохранения штата мастеровых среднего уровня квалификации, поскольку многие из таких работников в период сокращения нарядов оказывались за воротами предприятия»¹¹.

Приемные комиссии на оружейных заводах столкнулись с аналогичными проблемами. В ноябре 1863 г. ГАУ уведомило приемные органы, чтобы они подготовились к найму браковщиков в условиях новых реалий после их освобождения. Но возникли затруднения. Так, в мае 1864 г. председатель приемной комиссии на Тульском оружейном заводе доносил инспектору оружейных заводов, что 1/3 браковщиков изъявила желание покинуть приемку, и работа серьезным образом застопорилась. Председатель был вынужден в срочном порядке использовать денежные средства для найма хоть каких-нибудь браковщиков¹².

Содержание приемных комиссий производилось за счет заводов-производителей. Было положено, *«исключая определенного от Комиссариата жалования штаб- и обер-офицеров, относить на счет сумм, отпускаемых заводом на дело оружия и содержание заводов, а также на добавочную заводскую плату по усиленным нарядам»¹³*. Обеспечение приемщиков лекалами и инструментами легло на плечи образцовых мастерских заводов. Также в обязанность предприятий входило обеспечение и содержание помещений для приемных комиссий.

На начальном этапе организации приемных комиссий при оружейных заводах их работники отвечали *«за годность и исправность принятого ими оружия»* от производителя вплоть до приемки этого вооружения офицерами, прибывающими из войск. Но в январе 1865 г. было принято решение, что поскольку войсковые приемщики не успевают осуществить качественный прием изделий из-за сжатых сроков, то следует *«возложить ответственность за достоинство оружия, как принятого от заводов, так и отпущенного в войска на приемные комиссии»¹⁴*.

Форсированное перевооружение русской армии повлекло за собой увеличение объемов производства стрелкового оружия. Приемные комиссии были вынуждены ходатайствовать о расширении своего штата. В сентябре 1863 г. инспектор оружейных заводов доносил в ГАУ, что на вверенных ему предприятиях *«браковщики не успевают принимать винтовок и в особенности при приеме и отпуске винтовок приемщикам от войск затрудняется»*. В конце этого же года

председатель приемной комиссии Тульского оружейного завода был вынужден временно расширить штат за счет дополнительного найма браковщиков. В январе 1864 г. комиссия ГАУ посетила Тульский завод, где было обнаружено, что за один день осуществляется приемка лишь 200 винтовок. Для увеличения количества принятого оружия до 400 в день необходимо увеличить количество браковщиков двукратно. Аналогичные донесения также поступали из Ижевска и Сестрорецка. В результате были предприняты экстренные меры, и каждой приемной комиссии выделили денежную сумму на временный найм дополнительных работников: 24 мастеров для приемки оружия с завода, 12 оружейников для сдачи оружия войсковым приемщикам и 6 сторожей для охраны арсенала комиссии¹⁵.

Приемным комиссиям пришлось усиленно вербовать не только отечественных мастеров, но и иностранных специалистов на должности браковщиков. Причем, если месячное содержание российского оружейника обходилось в 12,5 рублей, то иностранный браковщик получал порядка 50 рублей¹⁶. Стоит заметить, что вопрос о работе иностранцев на оружейных производствах России в то время решался на самом высоком уровне. Однако, несмотря на массу льгот для заграничных мастеров (квартирные и прогонные деньги, ежегодные премии), условия труда для них были тяжелыми по европейским меркам¹⁷. Большой популярностью у зарубежных специалистов пользовалось поступление на службу в приемные комиссии *«для осмотра и приема винтовок, переделываемых в игольчатые скорострельные»* в Петербурге, Киеве, Либаве и Тифлисе, так как работа в них носила временный характер¹⁸. Преимущественно на оружейных предприятиях работали немцы, а именно: пруссаки и австрийцы. Как отмечает ижевский исследователь С.Н. Селивановский, иностранные мастера сыграли существенную роль в становлении оружейного производства в России, в том числе и на Ижевском оружейном заводе¹⁹.

Масштабный объем работ приемных комиссий на оружейных заводах стал поводом для увеличения жалования офицерам-приемщикам. Объем столовых денег на каждого члена приемной комиссии не превышал 280 рублей в год, в то же время офицеры, осматривающие оружие в войсках, получали столовые до 400 рублей в год. Военное министерство решило исправить данную диспропорцию, так как ответственность заводских приемщиков была на порядок выше, чем офицеров-смотрителей. Признавалась необходимость *«обеспечить содержания как председателя, так и членов приемных комиссий на*

*столько, чтобы они могли предаваться своим обязанностям беспрепятственно, без крайнего стеснения в средствах»*²⁰. Вследствие этого столовые деньги были увеличены для председателя приемной комиссии до 840 рублей в год (что было немногим меньше, чем годовое столовое жалование командира полка), а остальным офицерам – до 420 рублей (столько же получал помощник командира полка по хозяйственной части в год)²¹.

Проблема выполнения большого объема приемных работ решалась и за счет подготовки собственных кадров. Так, в ноябре 1862 г. было принято решение организовать при каждой приемной комиссии курсы по подготовке браковщиков в составе *«от 10 до 15 учеников с назначением содержания впредь до обучения на равных с рабочими комисси, а по поступлению их в должности браковщиков на равных с последними»*. ГАУ поставило заводам задачу выделить специальные помещения для обучения данного контингента. Будущим браковщикам на период обучения, который составлял 6 месяцев, было положено жалование в размере 14 рублей в месяц²².

К 1869 г. штат приемных комиссий на оружейных заводах (Таблица 2) окончательно сформировался, просуществовав с некоторыми изменениями практически до Первой мировой войны²³. По сравнению со штатом 1859 г. было значительно увеличено число браковщиков, созданы должности сторожей, поднято жалование офицерам-приемщикам. Также каждой комиссии выделялась денежная сумма на наем дополнительных внештатных рабочих, выполняющих вспомогательные функции при приемке оружия.

Таким образом, в результате Милютинских реформ на оружейных заводах были созданы приемные комиссии, подчинявшиеся ГАУ через инспектора оружейных заводов. Впервые военные приемщики стрелкового оружия вошли в структуру, независимую от руководства подконтрольных им предприятий. В начальный период своей деятельности приемные комиссии столкнулись с массой проблем, таких как: определение собственного правового статуса, решение вопросов денежного содержания, подготовка кадров, утверждение постоянного штата и прочими. Независимые приемные органы продолжили свою работу на отечественных оружейных заводах вплоть до своего упразднения в 1908 г.

Таблица 2

Штат постоянных приемных комиссий, учрежденных при оружейных заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком (на 1869 г.)

Звания чинов	Число чинов в приемных комиссиях, учрежденных при заводах			Годовой оклад содержания серебром каждому (руб.)	
	Тульский	Ижевский	Сестрорецкий	Жалование	Столовые
Председатель комиссии (артиллерийский штаб-офицер)	1	1	1	По чинам	840
Члены (штаб- и обер-офицеры от артиллерии и пехоты)	4	3	3		420
Дополнительный член, офицер от артиллерии (прибавлен временно согласно приказу Воен. вед. № 153 1869 г.)	1	1	1		
Классный браковщик из вольнонаемных	2	1	1	1200	
Оружейные мастера	24	12	7	По чинам и по разрядам, в которых будут состоять	
Писари	3	3	2	130	
Денщики	7	6	6	2	
Сторожа	2	2	2	120	
На канцелярские расходы производится в год рублей	175	120	80		
На наем рабочих для сборки и разборки ружей, при приеме оружия с заводов производится в год рублей	1950	960	450		

Составлено по: Свод штатов военно-сухопутного ведомства. СПб.: Б. и., 1870.

¹ Маковская Л.К., Ильина Т.Н. Институт военного представительства (историческая справка) // Повелители огня: (Сб. статей и материалов, посвящ. 135-летию Гл. ракет.-арт. упр.) / Под ред. Н.И. Караулова. М.; СПб.: ГРАУ МО РФ, ВИМАИВиВС, 1997. С. 230–257.

² Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милотина 1860–1862. Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. С. 473.

³ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929 гг.): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Сост. Ю.В. Ильин. М.: РОССПЭН, 2007. С. 119.

- ⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 1.
- ⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. Т. 34. № 34951.
- ⁶ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 33.
- ⁷ Там же. Л. 40.
- ⁸ Там же. Л. 18–19.
- ⁹ Там же. Л. 24.
- ¹⁰ Шибанова Н. Школе оружейного мастерства «Ижмаша» 10 лет! // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. № 10. 2007.
- ¹¹ Дроздова Е.Е. О борьбе с негативными последствиями сокращения государственного заказа оружейным заводам России (1850–1914 гг.) // Власть. 2009. № 1. С. 114–117.
- ¹² РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 165.
- ¹³ Там же. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 184–187.
- ¹⁵ Там же. Л. 86 об., 89–90, 99–101 об., 114–115 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 102–103.
- ¹⁷ Там же. Д. 1502. Л. 1–10.
- ¹⁸ Там же. Л. 74, 90–91.
- ¹⁹ Селивановский С.Н. Первые иностранцы на Ижевском оружейном заводе // Иднаркар: методы историко-культурной реконструкции. 2011. № 3 (13). С. 27–43.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 226 об.
- ²¹ Свод штатов военно-сухопутного ведомства. СПб.: Б. и., 1870; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Ч. 2. СПб.: Военной тип., 1871. С. 155.
- ²² РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942. Л. 291, 304.
- ²³ Свод штатов военно-сухопутного ведомства.

О.П. Сибилева (Санкт-Петербург)

**ИСКУССТВО ВОЙНЫ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА
ВЕДЕНИЯ ВОЙН.
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ВАЖНЕЙШАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННЫХ
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

В XXI в. обеспечение информационной безопасности граждан, противодействие информационно-психологическому давлению и шантажу приобретает особое значение, а способность эффективно противостоять информационным, информационно-психологическим войнам является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности государства. Термин «информационно-психологическая война» перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина («information and psychological warfare») с родного для него языка – английского – может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война», в зависимости от контекста конкретного официального документа или научной публикации¹.

Существует большое количество классификаций видов этой войны и ее составляющих, терминов и определений в этой области. При этом, по оценке В.М. Буренка, сколько-нибудь признанной модели информационной войны не существует. Есть мнения отдельных специалистов и экспертных групп, но при этом даже формируемые ими структурные схемы значительно отличаются друг от друга. В итоге к информационной войне относят и радиоэлектронную борьбу или противодействие (РЭБ или РЭП), и кибервойну, и агитационно-пропагандистскую работу, и т. п.²

По сведениям авторов книги «Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден»³ разведывательное и контрразведывательное сообщества США безоговорочно поставили киберугрозы на первое

место среди прочих угроз национальной безопасности, а принятые в США директивные документы констатируют, что наступательные кибероперации виртуальных противников происходят все чаще и масштабная кибернетическая война может начаться в любой момент.

Заслуживает особого внимания вытекающий из указанного исследования вывод о решаемой Агентством национальной безопасности и другими государственными службами США при участии аналогичных ведомств Великобритании, а также различных корпораций и учреждений этих государств, задачи разработки и освоения на практике технологий управления групповым и массовым поведением населения других стран. Есть основания полагать, что события «арабской весны», цветных революций на постсоветском пространстве, в том числе переворот на Украине, являются составной частью научно-исследовательских разработок, проводимых в указанных целях⁴.

Информационные войны имеют давнюю историю и ведутся с того момента, как появилось человечество. Уже в глубокой древности были известны и применялись некоторые приемы, которые позволяют дезинформировать противника, подорвать его боевой дух и волю к сопротивлению, вызвать предательство и спровоцировать панику⁵. По мере развития материальной базы информационных войн – печати (в частности, широко известно суждение Наполеона о роли газет: «Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия»)⁶, а в XX в. радио, кино и, в последующем, телевидения – ширились возможности целенаправленного воздействия на многомиллионные массы и манипулирования их сознанием⁷.

Из всех средств массовой информации по наивысшему манипулятивному эффекту выделяется телевидение. Новым перспективным инструментом манипулирования сознанием людей, позволяющим дистанционно мобилизовывать их на нужные действия, являются социальные сети и интернет-ресурсы. При этом инструментарий информационных войн постоянно совершенствуется с учетом современных знаний в области психологии⁸.

Безусловно, в США прекрасно понимают, что лучше всего нейтрализовать российские ракеты не путем превентивных ударов высокоточным оружием, а таким образом, чтобы в России ни у кого даже не возникло мысли нажать кнопку пуска. Это, однако, не помешало 18 января 2003 г. Джорджу Бушу-младшему подписать директиву о концепции мгновенного глобального удара (Prompt Global Strike).

Суть указанной концепции – нанесение обезоруживающего неядерного удара по системам управления и стратегическим ядерным силам России такой силы и масштаба, который полностью исключал бы возможность какого-либо применения российского ядерного оружия с нанесением США «неприемлемого ущерба». Составной частью концепции мгновенного глобального удара является эволюция системы американской противоракетной обороны от национальной к глобальной, которая происходит через объединение под контролем США региональных систем ПРО⁹.

Как справедливо отмечает А.Г. Караяни, подавляющее большинство новых или обновленных технологий информационно-психологического противоборства ориентировано не на войска противника, а на социальную среду региона конфликта и на мировое общественное мнение, которые, в свою очередь, должны кардинально влиять на способность противника сражаться. В этом смысл «непрямых действий», «асимметричных действий», «гибридных войн»¹⁰. Будущая война может быть спровоцирована в информационной сфере, которая будет охватывать политическую, экономическую, техническую и военную области.

Вместе с тем, в международном праве на данный момент отсутствует предметно обозначенный конвенционный запрет на ведение информационной войны¹¹, при том, что есть общая норма, согласно которой то, что международное право не запрещает, оно разрешает¹². Таким образом, международное право в рамках процесса его кодификации и прогрессивного развития призвано в формате специального конвенционного акта обеспечить упорядочение в правовом плане всей проблематики по линии запрета информационных войн¹³.

Позитив современного международного права в части запрещения информационных войн обозначен по факту положения п. 7 ст. 2 Устава ООН о недопустимости вмешательства в дела, «по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Именно в этом аспекте позитив современного международного права в формате запрещения информационных войн действует применительно к таким отраслям международного права, как международное телекоммуникационное право, космическое право.

В своей практической деятельности Международный союз электросвязи (далее – МСЭ)¹⁴ и его основополагающие документы, которые применяются к международным проводным и радиочастотным коммуникациям – Конвенция Международного союза электросвязи

(далее – КМСЭ), действующие Административные регламенты МСЭ (в настоящее время действуют Телеграфный административный регламент, Административный регламент радиосвязи, Дополнительный административный регламент радиосвязи, Регламент международной электросвязи в редакции 2012 г., которые являются международными договорами), а также полномочные резолюции МСЭ, в том числе полномочные резолюции МСЭ, принятые на Полномочной конференции МСЭ в ноябре 2014 г. в г. Пусане (Южная Корея) – предметно исходят из общего постановочного посыла о недопустимости вмешательства государств во внутренние дела друг друга и востребованности соблюдения субъективных прав государств на универсальном уровне.

Соответственно, согласно разработанным МСЭ правилам радиовещательные станции одного государства не могут препятствовать радиовещанию служб другого государства на утвержденных для них частотах¹⁵, потому что Международный Совет по регламентированию частот (далее – МСРЧ) распределяет электромагнитный спектр в целях предотвращения помех¹⁶, и даже военные установки должны соблюдать требования по помехам¹⁷. Более того, оффшорные радиостанции указанными правилами запрещены¹⁸, и государства не могут осуществлять передачу фальшивых или запутывающих сигналов¹⁹. Наконец, правительства должны защищать секретность международной корреспонденции²⁰, хотя они сохраняют право остановить радио- или проводные передачи в целях национальной или внутренней безопасности²¹.

Вместе с тем, даже в мирное время нарушение вышеупомянутых положений МСЭ может иметь ограниченные последствия, так как МСРЧ – больше координирующий орган, чем регулирующий²² и не имеет реальных полномочий для обеспечения исполнения своих решений²³.

Позиционно, в параметрах объективной констатации, нормы против помех не применяются между воюющими сторонами, и, таким образом, сообщения в военное время – дело доброй воли.

Концептуально, в случаях, когда военно-информационные действия действительно нарушают требования или положения МСЭ, указанные нарушения, вероятнее всего, будут считаться нарушением обязательств по договору, а не актами войны, прямо запрещенными современной юриспруденцией²⁴. Это следует и из проведенного М.Б. Касеновой доктринального анализа специфических особенностей функционирова-

ния базовых элементов глобальной технологической инфраструктуры интернета, влияющих на правовое регулирование отношений в сфере трансграничного использования интернета²⁵.

Тем самым позитив прогрессивного развития международного права в плане запрещения информационных войн идет по линии признания актов информационной войны в качестве военных преступлений по смыслу ст. 8 Статута Международного уголовного суда.

Международно-правовая значимость средств сообщения в общей структуре силового воздействия на государство, посягающее на международный мир и безопасность (как основополагающую цель ООН, ст. 1 Устава ООН), прямо подчеркнута в Главе VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». По факту совпадающего голоса всех постоянных членов Совета Безопасности (при общем количестве поданных голосов девяти членов Совета Безопасности – п. 3 ст. 27 Устава ООН) в части констатации ситуации угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии Совет Безопасности ООН принимает комплекс мер, связанных и не связанных с использованием вооруженных сил (ст. ст. 41, 42 Устава ООН). Что касается мер, не связанных с использованием вооруженных сил, то здесь принимаемые Советом Безопасности меры «могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения» (ст. 41 Устава ООН).

По обстоятельствам заявленного позитива прогрессивного развития права, действующее международное право (в плане отсутствия общего юридического запрещения информационных войн, и, соответственно, признания актов информационной войны в качестве военных преступлений) не ставит серьезных преград перед организаторами информационных войн, включая и международное космическое право. В соответствии с многосторонним Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (Договором по открытому космосу) все государства могут свободно исследовать и использовать открытый космос на основе равенства, и ни одно государство не может размещать на околоземной орбите любые объекты, несущие ядерное оружие или любой другой вид «оружия массового уничтожения»²⁶. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Договор по

Луне) применяет похожие запрещения относительно Луны²⁷, а также устанавливает, что государствам следует использовать Луну только в мирных целях²⁸.

Соглашение относительно международной организации связи через искусственные спутники Земли (ИНТЕЛСАТ) 1971 г.²⁹ и Конвенция о международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) 1976 г.³⁰ касаются телекоммуникаций и использования в этих целях космоса, но их сфера ограничена принципами недискриминации среди стран в использовании спутников.

Ни один из перечисленных документов не препятствует ведению информационной войны с использованием спутникового оборудования³¹ при том, что орбитальное наблюдение является законным и общим³², а космос используется для военных сообщений, навигации и управления оружием.

Согласно Договору по открытому космосу 1967 г. запрещается применять оружие массового уничтожения, размещенное на околоземной орбите, поэтому сначала должно быть определено, что средства, используемые в информационной атаке, особенно основанной на электронике, являются оружием массового уничтожения³³. Кроме того, в соответствии с нормами международного права атаки в информационной войне, не имеющие прямых физических последствий, не могут считаться причиной массовых разрушений, и когда спутники, находящиеся в космосе, используются для передачи сигнала для компьютерного вторжения или диверсии в коммуникационной сфере, они не являются оружием массового уничтожения.

Если говорить о сложившейся международной практике в рассматриваемой сфере, то коммуникации противника признаются законными целями для уничтожения во время войны. Подводные кабели воюющих стран подвергались нападению в течение всех морских войн, начиная с испано-американской войны, а ст. 15 Конвенции по охране подводных кабелей 1884 г. исключает противоборствующие стороны из своей сферы действия³⁴.

Вектор прогрессивного развития международного права в плане запрещения информационных войн и признания актов информационных войн в качестве военных преступлений был предметно обозначен по факту мер со стороны государств – членов мирового сообщества, начиная с попыток Австрии заблокировать пропагандистское радиовещание из нацистской Германии в 1934 г.³⁵

Вместе с тем, по обстоятельствам действующего международного права считается допустимым орбитальное отдаленное обнаружение тех или иных объектов на территории другого государства.

Наконец, международным правом признается законность военных хитростей в войнах³⁶, к которым, как известно, агрессор готовится еще в мирное время, в связи с чем в свете складывающейся сегодня международной обстановки представляется особенно актуальной работа А.И. Наговицына «За гранью информационной безопасности»³⁷.

Анализ работ отечественных³⁸ и зарубежных³⁹ авторов показывает, что отличительной чертой западного подхода к международной информационной безопасности является то, что область информационных взаимодействий западные «партнеры» ограничивают лишь киберсферой, а кибердоктрина США позволяет их вооруженным силам активно реагировать на кибератаки из-за рубежа, если это необходимо для защиты жизненно важных национальных интересов США и их союзников⁴⁰.

Исходя из того, что имеющиеся пробелы международно-правового регулирования трансграничных глобальных информационно-коммуникационных правоотношений, прежде всего, виртуальной интернет-среды, оборачиваются правовыми коллизиями для международных институтов обеспечения безопасности, усматривается назревшая необходимость создания в максимально короткие сроки новых инструментов обеспечения международной безопасности, в том числе информационной.

Вместе с тем, исторический опыт взаимодействия России с западными «партнерами»⁴¹ и, особенно, реалии последних десятилетий в мире учат, что выступая за демилитаризацию информационного пространства и необходимость доработки и создания новых механизмов международного права применительно к информационно-коммуникационным технологиям, в то же время полагается исходить из того, что главная гарантия информационной безопасности России и ее союзников – обеспечение технологической, инфраструктурной и кадровой независимости страны в области информационно-коммуникационных технологий⁴².

Это обуславливает, как следует из положений новой Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной в декабре 2016 г.⁴³, внесение соответствующих корректив в существующие нормативно-правовые документы в данной сфере, исполнение которых в последующем надлежит должным образом обеспечивать и контролировать.

- ¹ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». Вып. № 8. Киев, 2005. С. 73–80.
- ² Буренок В.М. Знание массового поражения // Защита и безопасность. 2014. № 3. С. 18.
- ³ Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 352 с.
- ⁴ Евдокимов А.М. Вызовы неопознанной войны // Защита и безопасность. 2014. № 4. С. 15.
- ⁵ Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1984. С. 43–49; Волковский Н.Л. История информационных войн: В 2 ч. Ч. 1 М.: Полигон, 2003. С. 43.
- ⁶ Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980. С. 52.
- ⁷ Рейтлингер Джеральд. Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях СССР. 1941–1945 г. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 543 с.; Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 37; Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. М.: Вече, 2008. 432 с.; Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. С. 10; Хмельницкий Д.С. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1941–1945. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 351 с.
- ⁸ Бартош А.А. Цветные революции и гибридные войны современности // Независимое военное обозрение. 2016. № 2. С. 4; Микрюков В.Ю. Победа в войне должна быть достигнута еще до первого выстрела // Независимое военное обозрение. 2016. № 1. С. 10–11; Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015 256 с.; Ткаченко С.В. Информационная война против России. С. 6–8.
- ⁹ Завтра война! Вооруженные силы и военная реформа в России. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2013. С. 63, 64, 126; Конышев В.Н., Сергунин А.А., Шашка В.И. Система противоракетной обороны США: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2015. 168 с.
- ¹⁰ Караяни А.Г. Технологии информационно-психологического противоборства: новый подход «наших американских партнеров» / Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола 29.01.2015 г. М: ВУ, 2015. С. 153.
- ¹¹ Горбачев Ю.Е., Тюрин В.М. К вопросу о «войне в четвертой сфере» // Независимое военное обозрение. 2001. 20 апреля. С. 2.
- ¹² Законность угрозы или использования ядерного оружия. Консультативное заключение, 1996. МС ООН (8 июля 1996 г.) (здесь и далее «Консультативное заключение»).
- ¹³ Information Warfare and International Law / Lawrence T. Greenberg, Seymour E. Goodman, Kevin J. Soo Hoo. 1998. P. 17–38.
- ¹⁴ Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций и другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2005. С. 828–829.
- ¹⁵ КМСЭ, ст. 35.
- ¹⁶ Sara Anne Hook. Comment, Allocation of the Radio Spectrum: is the Sky the Limit? 3 Ind. Int'l & Comp. L. Rev. 319, 325 (1993).

¹⁷ МСЭ, ст. 35.

¹⁸ Radio Regs Art. 18, Sec. 2 (c). 4 Umberto Leanza, *The Future of the International Telecommunications* (1992).

¹⁹ Radio Regs Art. 18, Howard A. Bender, Note, *The Case of the Sarah: A Testing Ground for the Regulation of Radio Piracy in the United States*, 12 *Fordham Int'l L. J.* 67, 69 (1988). Этот запрет не применяется к правдивой или фальшивой сути передачи, но для определения его передатчика и частоты.

²⁰ КМСЭ, п. 1, ст. 22.

²¹ КМСЭ, ст. 19.

²² 1 Wallenstein, *supra* note 34, at 30–31.

²³ Государства соблюдают его положения против помех только для того, чтобы их собственные коммуникации также защищались. См.: Audrey L. Allison, *Meeting the Challenges of Change: The Reform of the International Telecommunication Union*, 45 *Fed. A. Herter, The Electromagnetic Spectrum: A critical Natural Resource*, 25 *Nat. Resources J.* 651, 658 (1985).

²⁴ Kanuck, *supra* note 15, at 289 n. 73; Stephen Gorove, *Developments in Space Law* 49 (1991) “While states generally abide by ITU resolutions, they are not legal bound by them”. See Part III. E.2.a., *infra* (discussion of «armed attack»).

²⁵ См. подробнее: Касенова М.Б. *Проблемы трансграничного использования интернета*. М.: МГИМО – Университет, 2015. 429 с.

²⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. Art. IV.

²⁷ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. Art. 3(3).

²⁸ Glenn Harlan Reynolds, *International Space Law: Into the Twenty-First Century*, *Vand. J. Transnat'l L.* 225, 230 (1992). The United States, among other space faring powers, has not ratified the Moon Treaty.

²⁹ Соглашение относительно международной организации связи через искусственные спутники Земли (ИНТЕЛСАТ) 1971 г.

³⁰ Конвенция о международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) 1976 г. 10 I.L.M 909.31 U.S.T. 1, 1143 U.N.T.S.105.

³¹ Однако использование ядерного оружия в космосе порождает электромагнитные импульсы и считается запрещенным.

³² Reynolds, *supra* note 50 at 241.

³³ See, *infra* Part III. C., and Part II. E. 2. a. (discussion of «armed attack»).

³⁴ Постановление СНК СССР от 02 февраля 1926 г. «О признании имеющими силу для Союза ССР Брюссельских конвенций 23 сентября 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи на море и Парижской конвенции 14 марта 1884 г. по охране подводных кабелей» // СЗ СССР, 1926, № 31, ст. 187.

³⁵ Lagoni, *Ranier Cables, Submarine*, 1 *Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Encyclopedia of Public International Law*. 1992. P. 516–519.

³⁶ Например, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 г.) (здесь и далее – Дополнительный протокол I). Хотя США не ратифицировали Дополнительный протокол I, этот протокол отражает обычное и конвенционное международное право. Консультативное заключение. С. 84.

³⁷ Наговицын А.И. За гранью информационной безопасности // Защита и безопасность. 2011. № 1. С. 21–23.

³⁸ См.: например: Паутова А.В. Конституционные основы кибербезопасности НАТО в эпоху гибридных войн // Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола 29.01.2015 г. М., 2015. С. 295–306; Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики; Федоров А.В., Цыгичко В.Н. Информационные вызовы национальной и международной безопасности. М., 2001; Федоров А.В. Информационная безопасность и глобализация // Ядерный контроль. 2005. № 3. С. 79–86; Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. Т. 5. № 13. 2007. С. 28–37; Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность: монография. М., 2013. 194 с.; Батуева Е.В. Виртуальная реальность: концепция угроз информационной безопасности США и ее международная составляющая // Вестник МГИМО (университета). 2014. № 3; Кучерявый М.М. Основные направления государственной политики РФ в области обеспечения международной информационной безопасности // Власть. 2013. № 12.

³⁹ См: например: Arquilla J. Thinking about information strategy // Information strategy and warfare. Ed. by J. Arquilla, D.A. Borer. New York-London, 2007; Giles K. Russia's public stance on cyberspace issues, Conflict Studies Res. Centre, Oxford, UK, 2012. 63 p.; Denning D.E. Information warfare and security. Reading etc., 1999; Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб., 336 с.

⁴⁰ Расхождения между российским и западным подходом к обеспечению информационной безопасности контрастно проявляются в отношении США и его союзников к проекту Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, представленному РФ и другими государствами-членами ООН в октябре 2011 г. на международной встрече высокопоставленных должностных лиц, курирующих вопросы безопасности, в Екатеринбурге. В основу противоречия легла система взглядов по вопросам использования и управления информацией в Интернете: с одной стороны, это консенсус стран Запада, которые настаивают на свободном, неограниченном и неуправляемом передвижении информации, с другой стороны, позиция России и ряда стран-единомышленников, в том числе Китая и Индии, которые с учетом появления технологий цветных революций, где ключевым фактором является управление средствами массовой информации, отстаивают национальный суверенитет каждого государства в киберпространстве. См. подробнее: Меркурьева Е.А. Международное сотрудничество России в области обеспечения информационной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-rossii-v-oblasti-obespecheniya-informacionnoj-bezopasnosti-5920> (дата обращения 26.12.2016).

⁴¹ Как предупреждает украинский исследователь Р.Н. Василишин, «никогда не следует забывать, что... большинство ведущих представителей мировой элиты – люди патологически безжалостные, аморальные и предельно жестокие, если подходить к их роду деятельности с бытовыми мерками. Являясь ставленниками конкурирующих групп циничных, алчных и расчетливых дельцов, все крупнейшие политики для того, чтобы подтверждать свой профессионализм, должны в любой ситуации демонстрировать собственную эффективность. Но сделать это нельзя, если мыслить категориями моральных императивов».

Справедливость этой оценки подтверждают, в том числе, факты подготовки странами Запада в годы Второй мировой войны, где мы были союзниками по антигитлеровской

коалиции, операций «Рэнкин» (1944 г., цель – «повернуть против России всю мощь непобежденной Германии) и «Немыслимое» (переход в решительное наступление 1 июля 1945 г. 47 западных дивизий, включая 100-тысячную немецкую армию, сформированную по приказу премьер-министра Великобритании У. Черчилля из остатков гитлеровского вермахта). В середине 1948 г. по приказу президента США Г. Трумэна был составлен план атомного нападения на СССР не позднее 1 апреля 1949 г. В первый месяц войны было намечено сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них восемь на Москву и семь на Ленинград. Только проведенные СССР атомные испытания не позволили этот план реализовать. См.: Василишин Р.Н. Империя. СПб., 2011. С. 6; Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб., 2010. С. 50–51, 66–67, 140.

Анализ принятой 6.02.2015 г. Стратегии национальной безопасности (СНБ) США свидетельствует о ее антироссийской направленности. В частности, в содержании СНБ записано, что «США будут сохранять бдительность относительно стратегических возможностей России, а также помогать союзникам и партнерам противостоять российской политике, в том числе противостоять в информационной войне». США также берут на себя обязательство «оказывать мощное давление на Россию... одновременно противопоставляя лживой пропаганде Москвы чистейшую правду».

Как следствие, информационная война против РФ набирает все больший размах и надо думать, что 284 института, «мозговых центра» и лаборатории США, работавших на холодную войну против СССР, продолжают действовать и сегодня. Кроме того, 10.05.2016 г. в Палату представителей Конгресса США представлен законопроект «Закон о противодействии информационной войне» 2016 года номер H.R. 5181 (Countering Information Warfare Act of 2016), который является дополнением к проекту закона S. 2692 под аналогичным названием, внесенным в сенат 16 марта этого года. Ключевым аспектом данного законопроекта является предложение о создании в структуре Государственного департамента Центра анализа информации и противодействия (Center for Information Analysis and Response), которому предписывается руководить на национальном уровне совместной деятельностью всех участвующих в контрпропаганде институтов США. См: Газетов В.И., Ветров М.Н. Новый пропагандистский центр бундесвера // Независимое военное обозрение. 2015. № 39. С. 10–11; Гундаров В. От Вильсона к Гитлеру и до наших дней // Независимое военное обозрение. 2015. № 19. С. 14; Иванов В. 1) Безусловный противник Америки // Независимое военное обозрение. 2015. № 31. С. 12–13; 2) На пропагандистском фронте // Независимое военное обозрение. 2016. № 18. С. 1, 5; Мухин В. 1) Ставка на информационный спецназ // Независимое военное обозрение. 2015. № 14. С. 1, 3–5; 2) Борьба за умы людей усиливается // Независимое военное обозрение. 2015. № 34. С. 1, 8–9.

⁴² Эту аксиому подтверждает, в том числе, следующий факт. С целью подрыва информационно-пропагандистского потенциала Югославии в ходе информационного противоборства при проведении операции «Союзническая сила» ОБВС НАТО нанесли ракетно-бомбовые удары по теле- и радиостанциям, студиям и ретрансляторам, редакциям СМИ, большинство которых было уничтожено, что фактически означало ликвидацию системы телерадиовещания Союзной Республики Югославии. На исходе второго месяца операции объединенных сил Североатлантического блока против СРЮ под давлением НАТО совет директоров европейской телевизионной компании EYTELCAT принял решение о запрете для компании «Радио и телевидение Сербии»

вести вещание через спутник. В результате Сербское государственное телевидение лишилось последней возможности передач на страны Европы, а также на значительную часть территории своей республики. Мухин В.И., Рекунов И.С. Победа достигается не только бомбардировками // Независимое военное обозрение. 2016. № 3. С. 15.

⁴³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 26.12.2016).

И.А. Сибирцева (Екатеринбург)

**О ВЫДАЮЩЕМСЯ КОНСТРУКТОРЕ
АРТИЛЛЕРИЙСКИХ СИСТЕМ.
К 115-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.Ф. ПЕТРОВА**

Ил. 1. Федор Федорович Петров (1902–1978) – конструктор артиллерийских систем, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и четырех Государственных премий СССР, доктор технических наук, генерал-лейтенант-инженер. 1974 г.

*Все, кому посчастливилось
работать под руководством
Федора Федоровича,
сохранят светлую память
о добропорядочном
и отзывчивом
руководителе... строгом
и справедливом,
который был всегда
нацелен на положительный
конечный результат, умел
увлечь свой коллектив
на решение сложнейших
задач...
о настоящем русском
человеке –
Человеке с большой буквы.
В.И. Коробов – инженер-
конструктор ОКБ-9*

Ф.Ф. Петров – создатель 33 артиллерийских систем разных калибров (полевых, танковых, самоходных и самодвижущихся), принятых на вооружение Советской армии (ил. 1).

Все, кто лично был знаком с Федором Федоровичем, помнят его очень скромным и простым человеком. Наверное, поэтому и не оставил солидных мемуаров – есть только небольшая брошюрка «Воспоминания конструктора», изданная Министерством обороны СССР в 1984 г.

Многочисленные публикации о нем в энциклопедиях не дают всестороннего представления об одном из самых выдающихся советских конструкторов артвооружения, отдавшем Свердловскому заводу четверть века.

За 10 лет, с 1931 по 1941 г., три орудия, разработанные молодым конструктором Ф.Ф. Петровым, были приняты на вооружение Красной армии. Сроки – фантастические! Даже только это ставит Федора Федоровича в один ряд с самыми выдающимися конструкторами артиллерии – Бога войны, как говорили тогда. Ведь на создание тяжелых орудий даже у опытных конструкторов, возглавляющих крупные конструкторские подразделения, уходят не годы – десятилетия. Причем, когда специалисты упоминают корпусную гаубицу-пушку МЛ-20 или дивизионную гаубицу М-30, то всегда отмечают, что это были лучшие орудия Второй мировой войны в своих классах изделий.

Верхом совершенства считаются и орудия, поставленные Ф.Ф. Петровым на вооружение в годы Великой Отечественной войны: тяжелая дивизионная 152-мм гаубица Д-1, пушки для танков и самоходок.

20 образцов орудий Ф.Ф. Петрова поступили в Советскую армию уже после войны. Для того чтобы оценить этот факт, достаточно сказать, что самое мощное в стране Центральное артиллерийское конструкторское бюро (ЦАКБ) во главе с генерал-полковником В.Г. Грабинным в послевоенное время поставило на вооружение вплоть до своего закрытия в 1959 г. только одно орудие – 57-мм зенитную пушку С-60.

Ф.Ф. Петров умел настоять на своем, отстоять свою точку зрения – точку зрения конструктора. И, наверное, в этом заключается один из секретов его достижений.

Как был создан первый его шедевр – гаубица-пушка МЛ-20? Опытными конструкторами Мотовилихинского завода Дроздовым, Бергером и Плосикревым по заданию правительства создавалось мощное орудие МЛ-15. Молодой, никому не известный конструктор Федор Петров позволил себе усомниться в правильности их

основных решений и предложил свой вариант гаубицы-пушки с углом возвышения до +650 на основе модернизации пушки, серийно выпускавшейся «Мотовилихой». Идею поддержал директор завода, будущий нарком боеприпасов СССР Б.Л. Ванников. Это произошло в начале сентября 1936 г. Тогда и родилась небольшая группа энтузиастов-конструкторов, которая всего за несколько недель создала проект орудия, значительно более простого и технологичного, чем лучшие зарубежные аналоги. И уже 6 ноября 1936 г. детище Ф. Петрова произвело первые выстрелы на заводском полигоне. Затем были одновременные государственные испытания МЛ-15 и МЛ-20, на которых победу одержало орудие, созданное в инициативном порядке, вопреки мнению авторитетных специалистов.

Успех молодого конструктора был замечен, и в марте 1937 г. он получил персональный вызов Наркомата обороны на участие в совещании директоров и главных конструкторов ведущих артиллерийских заводов страны в Совете Труда и Оборона.

Совещание длилось несколько дней. Проблем обсуждалось множество, но главным стал вопрос создания легкой дивизионной гаубицы. Несколько попыток, предпринятых ранее опытными специалистами, оказались неудачными. Дело дошло до того, что некоторые военачальники сделали вывод о том, что создание легкой 122-мм гаубицы вообще невозможно, и предложили перейти на калибр 105 мм, как это было принято в западных странах. В самый разгар споров нарком обороны К.Е. Ворошилов предоставил слово для выступления Ф.Ф. Петрову, который привел целый ряд аргументов в пользу возможности создания 122-мм гаубицы. По его мнению, причина неудач заключалась в том, что за образец были взяты разработки гаубиц с однобрусным лафетом, авторами которых являлись немецкие конструкторы, чей авторитет для многих советских специалистов был тогда непререкаем. Но было найдено другое решение, которое тут же черне и обрисовал Федор Федорович.

Согласитесь, такое заявление мог сделать только человек с глубокими инженерными знаниями и с очень твердым характером. Время тогда было такое, что за невыполненные обещания можно было и с жизнью распрощаться!

Но для создания новой гаубицы головным предприятием была назначена не «Мотовилиха», а артиллерийское производство «Уралмашзавода», которое еще только-только становилось на ноги. Его специалистам и было поручено приступить к проектированию

122-мм легкой гаубицы с дальностью стрельбы не менее 12 км. При этом первый образец следовало изготовить к 1 марта 1938 г.

Специалистам спецбюро по артиллерии «Уралмаша» удалось в 1937 г. создать проект гаубицы, которая получила условное наименование У-1, но он оказался неудачным и был от-

Ил. 2. Дивизионная гаубица М-30. 1938 г.

Ил. 3. Группа конструкторов Мотовилихинского завода. 1937 г.

вергнут. Другой проект гаубицы, У-2, не обеспечил заданной дальности стрельбы.

В то же время над созданием 122-мм гаубицы (опять же в инициативном порядке!) трудилась группа конструкторов «Мотовилихи» во главе с Ф.Ф. Петровым. Их детище получило наименование М-30 и удачно прошло испытания в мае 1938 г., показав значительно лучшие результаты, чем все другие представленные орудия, в том числе уралмашевское У-2 (ил. 2). После этого разработку пермских конструкторов передали на «Уралмаш» для внедрения в производство.

На «Уралмаш» была командирована группа конструкторов с «Мотовилихи»: А.Н. Булашев, Ф.Ф. Петров, Н.Г. Кострулин. Перед ними поставили задачу организовать КБ и наладить выпуск М-30. Первым начальником КБ стал А.Н. Булашев, а Ф.Ф. Петрова назначили его заместителем. Но в 1941 г. по просьбе Булашева главным конструктором назначили Петрова. И это было справедливо, учитывая его авторство по М-30 (ил. 3).

Командировка в Свердловск постепенно переросла в постоянную работу на артиллерийском производстве «Уралмаша». На «Мотовилиху» Федор Федорович уже не вернулся, и пик его творческих удач совпал с работой на заводе № 9. В январе 1942 г. артиллерийское производство «Уралмаша», который тогда входил в состав Наркомата танковой промышленности, было выделено в самостоятельный завод № 9 с подчинением Наркомату вооружения.

Уже летом 1942 г. артиллерийское КБ выпустило чертежи самоходной установки СУ-122 на базе танка Т-34 с гаубицей М-30. Интересно, что первая же батарея этих машин во время испытаний поздней осенью 1942 г. под Ленинградом столкнулась с первыми шестью «Тиграми», и все шесть были уничтожены из засады. Этот факт всполюшил немецкое командование, и «Тигры» вместо серийного выпуска были подвергнуты модернизации, что задержало их массовый выпуск до лета 1943 г.

Нашла применение в боевых машинах и гаубица-пушка МЛ-20: сначала на танках КВ-1С (СУ-152), затем на ИС-2 (ИСУ-152). Фронтовики прозвали эти машины «зверобоями», так как против их тяжелых снарядов не могли устоять ни «Тигры», ни «Пантеры».

А затем КБ Ф.Ф. Петрова в тесном контакте с уралмашевским КБ самоходной артиллерии во главе с Л.И. Горлицким в короткие сроки создало 85-мм танковые пушки Д5-85С (для самоходок) и Д5-85Т (для танков Т-34 и ИС). За эти изделия Петров взялся после того, как

техсовет Уралмаша отверг разработки ЦАКБ (орудия С-31 и С-18). Не так-то просто разместить мощное орудие в ограниченном пространстве боевой машины!

На государственных испытаниях снаряд пушки Д5-85С пробил лобовую броню «Тигра» (130 мм) и, пройдя через весь танк, вырвал лист кормовой брони! Так, начиная с пушки Д5, кончилась монополия ЦАКБ на танковое вооружение. При этом пушка Петрова снижала вес боевой машины на 800 кг по сравнению с грабинской пушкой С-18.

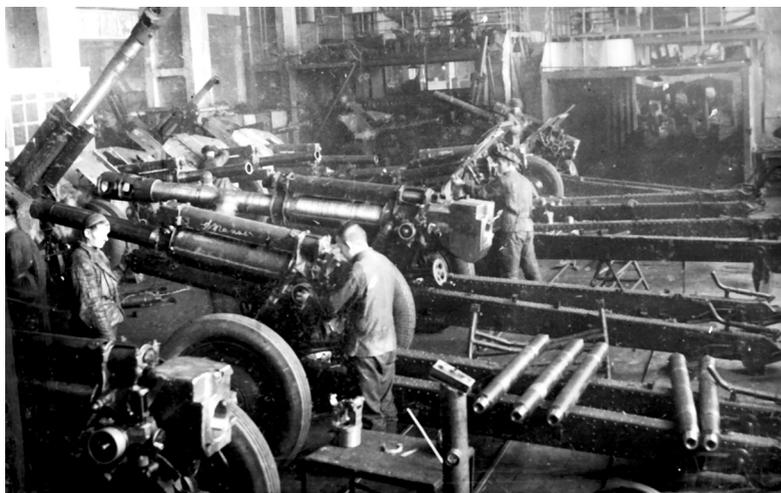
Вслед за этим успехом КБ Ф.Ф. Петрова разработало 122-мм пушку Д25Т. Решение об изготовлении опытного образца было принято Государственным комитетом обороны в сентябре 1943 г. Мощность орудия по сравнению с танковой 76-мм пушкой возросла в 5,3 раза! Д25Т стали устанавливать на тяжелых танках ИС-2. Причем доработки опытного образца почти не потребовалось – усилили только дульный тормоз. И уже 31 октября 1943 г. танк ИС-2 был принят на вооружение с пушкой Петрова.

Зимой 1942/43 г. Ф.Ф. Петров предложил наложить ствол 152-мм гаубицы М-10 на лафет гаубицы М-30, серийно выпускавшейся на заводе № 9, но эту идею отвергло Главное артиллерийское управление из-за «перегрузки лафета». Но необходимость создания мощной гаубицы с относительно малым весом была очевидной, и по настоянию наркома вооружения Д.Ф. Устинова решение ГАУ было пересмотрено. Правда, и сроки на создание новой гаубицы были даны фантастические – менее месяца. В это трудно поверить, но завод № 9 уложился в срок! Менее чем через месяц пять образцов нового орудия Д-1, огневая мощь которого на 80 % превышала М-30, поступили на испытания.

Получилось очень интересное изделие: ствол от М-10, затвор – от МЛ-20, накатник и механизм наведения – от М-30. Только тормоз отката можно считать новым, да и то он представлял собой доработанный узел М-30. Ходовая часть гаубицы тоже представляла собой усиленную часть М-30. А дополнительная нагрузка на лафет была снята за счет литого дульного тормоза.

Гаубицу Д-1 успели запустить в серийное производство еще до начала Курской битвы, где она показала себя самым лучшим образом (ил. 4).

В начале 1944 г. КБ Ф.Ф. Петрова разработало еще один шедевр – пушку Д-10 с начальной скоростью снаряда 900 м/сек (Д-10С для са-

Ил. 4. Сборка гаубицы Д-1 в цехе завода № 9

моходок и Д-10Т для танков). Новое изделие было максимально унифицировано с пушками Д-25 и в июле было принято на вооружение. Эту пушку устанавливали на уралмашевскую самоходку СУ-100, мощность которой по сравнению с СУ-85 увеличилась в 2,1 раза, а дистанция, на которой поражался «Тигр», возросла с 850 м до 3 км. Специалисты считают СУ-100 лучшей самоходкой Второй мировой войны.

Удачная конструкция Д-10 позволила в дальнейшем не раз усовершенствовать ее без капитальных переделок. Для стрельбы «с хода» для Д-10Т в дальнейшем были разработаны стабилизирующие устройства. С разработкой подкалиберных и других снарядов Д-10 получила вторую жизнь в 60–70-х гг. XX в.

Но это далеко не полный перечень разработок Ф.Ф. Петрова в военные годы. Всего тогда было разработано 50 проектов пушек и гаубиц, испытано 33 образца, принято на вооружение 10. Широкая унификация и технологичность конструкторских разработок позволили организовать массовое производство заготовок на «Уралмаше» и крупносерийный выпуск изделий на заводе № 9. За годы войны заводом № 9 изготовлено 30 тысяч артиллерийских орудий!

Рассказывать о творческих достижениях Петрова можно бесконечно. Закончилась война, но и многие последующие годы в конструкторском бюро по артиллерии сохранялся режим и распорядок

работы военного времени. Сам Ф.Ф. Петров, его заместители и ведущие конструкторы работали по 14–16 часов. Причем Федор Федорович, как правило, уходил последним, около 12 часов ночи.

Конструкторы «девятки» к тому времени уже пользовались непрекращаемым авторитетом: за заслуги в создании новых видов артиллерийского вооружения и образцовое выполнение заданий Государственного Комитета Оборона конструкторское бюро завода № 9 было переименовано в ОКБ-9 и награждено орденом Ленина, а Федору Федоровичу Петрову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Весной 1945 г. ОКБ-9 приступило к разработке проекта 85-мм дивизионной пушки для замены 76-мм пушки ЗИС-3, мощность которой уже отставала от новых требований. Согласно техническому заданию новой пушке предстояло стать легкой, удобной в обслуживании, надежной и максимально простой в изготовлении. Такую же работу вело ЦАКБ, причем к проектным работам там приступили на год раньше.

Вскоре состоялись сравнительные испытания пушки Петрова Д-44 и пушки Грабина С-6. Условия были очень жесткими: артподготовка длилась четыре часа, причем на максимальных режимах. Победила Д-44, которую и приняли на вооружение. В 1949 г. появилась идея сделать ее самодвижущейся – так появился проект СД-44 с мотоциклетным двигателем (баками для бензина служили полости станин) (ил. 5). Проходимость СД-44 оказалась на редкость хорошей – они передвигались даже там, где вязли автомашины, и в 1954 г. были приняты на вооружение. Интересно, что забракованные военной

Ил. 5. Пушка СД-44

приемкой самодвижущиеся лафеты довольно долго использовались в качестве внутризаводского автотранспорта (к ним приделывались кузова).

По образу и подобию СД-44 были спроектированы также пушки калибров 100 и 122 мм, но в производство они не пошли – для отечественной артиллерии настали черные дни. С середины 1950-х гг. в СССР началось свертывание артиллерийского производства, так как вошла в моду ракетная техника. Н.С. Хрущев назвал артиллерию «пещерной техникой», и, следуя указаниям с самого верха, артиллерийские КБ и предприятия постепенно переходят на ракетную тематику, а некоторые из них попросту закрываются.

Это была именно «мода», а не строгий расчет. Ствольная артиллерия имеет ряд преимуществ по сравнению с реактивной: точность стрельбы, скорострельность, независимость от метеорологических условий, простота в производстве и сравнительная дешевизна, возможность использования против целей, находящихся в непосредственной близости от своих войск. Все это вполне очевидно, но тогда почему-то не принималось во внимание.

Отставание было практически везде – от корабельных до самоходных и танковых орудий. А управляемые ракеты класса «земля-земля», на которые возлагалось столько надежд, стали понемногу применяться лишь с 1991 г. (в ходе операции «Буря в пустыне»), до этого же ствольная артиллерия по-прежнему оставалась Богом войны.

В 1966 г. наконец-то было принято решение о создании современной самоходной артиллерии, которая должна была ликвидировать отставание от зарубежной техники. Тогда ОКБ-9 было выдано тактико-техническое задание на разработку 152-мм самоходной гаубицы «Акация» (орудие 2А33). В результате в 1971 г. Советская армия получила принципиально новый вид артиллерийского вооружения, которое коренным образом отличалось от самоходок времен войны с неподвижными артиллерийскими рубками. «Акация» – самоходное орудие башенного типа, с высокой маневренностью, скоростью, способное быстро менять огневые позиции. По всем основным параметрам «Акация» превосходит американскую самоходную гаубицу М-109, особенно по дальности стрельбы, скорострельности, возмозможности боекомплекту, по защите. И она до сих пор состоит на вооружении Российской армии.

А были еще у ОКБ-9 разработки «Гвоздики» (122-мм гаубица 2А31) на шасси БМП, «Фиалки» (гаубица Д-33).

Нельзя не вспомнить и еще один шедевр ОКБ-9 – 122-мм гаубицу Д-30 на трехстанинном лафете, спроектированную в 1958 г. и принятую на вооружение в 1960 г. Сейчас это орудие считается лучшей гаубицей из находящихся на вооружении Российской армии. Хорошая меткость и кучность боя этой гаубицы до сих пор превосходят многие другие орудия. Д-30 эксплуатируется также во многих странах, и отзывы о ней только положительные.

Но рассказ о Ф.Ф. Петрове был бы далеко не полным, если обойти тему ракетного вооружения. Сплошной «ракетизации» подверглись все оставшиеся в строю артиллерийские КБ. Перевод на новую тематику ОКБ-9 (проектирование оперативно-тактических ракет) совпал со слиянием в 1958 г. завода № 9 с «Уралмашзаводом». Тогда же началась большая реконструкция завода № 9, который стал именоваться «мелкосерийным производством “Уралмашзавода”». Был построен инженерный корпус, введен в эксплуатацию цех № 100 для опытно-ракетного производства. Цех № 20 стал вспомогательным цехом по изготовлению узлов ракет.

Надо отдать должное Федору Федоровичу Петрову – он умел заинтересовать людей, зажечь в них энтузиазм. Не имея опытных специалистов-ракетостроителей, он умудрился уже к 1964 г. разработать несколько образцов ракетной техники. Петров даже добился выделения для ОКБ-9 ЭВМ «Урал» для проведения сложных расчетов. Это была первая во всем уральском регионе вычислительная машина. И вскоре после ее пуска стало ясно, что по самым сложным проблемам ОКБ-9 опережает всех, даже самых амбициозных конкурентов.

Началось все с создания «Коршуна» – небольшой тактической ракеты «земля-земля». Жидкостный двигатель специалисты ОКБ-9 заменили на твердотопливный. При этом были усовершенствованы баллистические характеристики изделия и создан новый сопловый аппарат. Но в то время на «Уралмаше» еще отсутствовала необходимая для выпуска ракет производственная база, и поэму «Коршуна» стало выпускать другое предприятие. Неоднократно эта ракета демонстрировалась на парадах на Красной площади.

Длительное время ОКБ-9 занималось «Онегой» – управляемой ракетой на твердом топливе с комплексом наземного оборудования. Но потом эту тему закрыли. Удачей закончилась разработка метеорологической ракеты МР-12. А последней работой по созданию ракетной техники на «Уралмаше» стал комплекс «Вьюга» для военно-морского флота. Разработано было два варианта: ракета с самонаводящейся

торпедой и ракета со специальной головкой. Предназначены они были для пуска из торпедных аппаратов подводных лодок (по типу американских комплексов «Саброк» и «Асрок»). Трудностей в их создании было очень много, но конструкторы ОКБ-9 и коллектив мелкосерийного производства с задачей справились. Пуски ракет на черноморском полигоне уже дали положительные результаты, но тут ОКБ-9 постигла новая беда – в 1964 г. вся ракетная тематика была передана другим предприятиям, а ОКБ-9 оставили только артиллерийское вооружение. Это решение сильно подкосило ОКБ-9, так как вместе с тематикой была передана и экспериментальная база, которую с таким трудом создавал Ф.Ф. Петров. В его распоряжении осталась небольшая группа конструкторов, которая работала над небольшим количеством заказов.

И вот тогда все убедились в стойком характере Федора Федоровича. Даже в таких условиях, без своей экспериментальной базы, он организовал успешные работы по созданию артиллерийских установок большого калибра, стреляющих ракетами.

Последней темой ОКБ-9, которой руководил Ф.Ф. Петров, стала разработка 535-мм гаубицы Д-80 с активно-реактивным снарядом (ил. 6).

Ил. 6. Макеты орудия Д-80 в заводском музее

Трудолюбие самого Федора Федоровича, тяга к металлу, наверное, являлись наследственными: его отец был деревенским кузнецом. Рабоче-крестьянское происхождение главного конструктора отчетливо проступало в его внешнем облике и поведении. Он не любил военную форму, ходил в штатской одежде, много времени проводил не в кабинете, а среди конструкторов и технологов. Нередки были и его визиты в цеха, где он в рабочей спецовке нередко сам подключался к физической работе и проявлял при этом удивительную сноровку.

Его заместитель А.Н. Булашев как-то сказал о Петрове: «Если бы ему приказали, он и блоху бы подковал».

В немногочисленных публикациях о Федоре Федоровиче описан такой случай, который произошел в годы войны. В одном из цехов он наблюдал, как молодой рабочий обрабатывает деталь. Затем не выдержал и показал, как это лучше делать. Тот удивленно воскликнул:

– У тебя, отец, голова варит.

– Стараюсь, – улыбнулся Федор Федорович.

Едва Петров отошел, мастер, слышавший разговор, в сердцах передразнил рабочего:

– Голова варит... Это же главный конструктор артиллерийского завода.

– Главный конструктор? – недоверчиво протянул молодой рабочий. – Разыгрываете. Главный не стал бы мне подсоблять. Он с портфелем. И начальство вокруг него...

Эта особенность характера главного конструктора ОКБ-9 позволяла находить быстрые решения в сложных ситуациях, особенно при исправлении ошибок в проектно-конструкторской документации. Так было при изготовлении опытных экземпляров СУ-152 в Челябинске. При той спешке, в которой создавалось это изделие, ошибки в конструкторской документации были неизбежны. Федор Федорович тогда сам встал к слесарному верстаку: где-то что-то подпилывал, где-то добавлял наклейку – и все детали подходили наилучшим образом. 25 дней проработал он тогда в рабочей спецовке, и свершилось чудо – из заводских ворот раньше срока (и без того крайне сжатого) на испытания отправилась первая тяжелая самоходка.

– Я думаю в цехе, – говорил Федор Федорович, – когда вижу металл. И черновые чертежи набрасываю в цехе. А потом оформляю у кульмана то, что получилось (ил. 7).

В связи с этим понятно особое внимание, которое уделял Федор Федорович технологичности конструкций артиллерийских орудий,

Ил. 7. Ф.Ф. Петров у кульмана

их унификации и стандартизации узлов. Это приводило к тому, что несколько изделий, совершенно разных по огневой мощи и боевому применению, имели общие лафеты и противооткатные устройства.

Но каким бы талантливым и трудолюбивым ни был сам Федор Федорович, конечный результат конструкторского бюро определяли все-таки люди – специалисты, работавшие в его непосредственном подчинении. Надо было суметь еще вдохновить их на создание первоклассных, лучших в мире полевых, танковых, самоходных и самодвигающихся артиллерийских систем.

Созданный в ноябре 2012 г. Музей истории АО «Завод № 9» носит имя Федора Федоровича Петрова. Основой для экспозиции стали личные вещи, фотографии и документы сотрудников легендарного Особого конструкторского бюро № 9 и самого Федора Федоровича (ил. 8).

Сотрудники музея ведут регулярную работу по увековечиванию памяти выдающейся уральской школы артиллерии, созданной Ф.Ф. Петровым. 16 марта 2017 г. исполнилось 115 лет со дня рождения конструктора. В Екатеринбурге, в городе, где Федор Федорович проработал без малого 34 года, завод № 9 установил мемориальную доску на доме, где он жил. В ОКБ-9, вот уже 35-й год подряд, проводится научно-техническая конференция имени Петрова. Молодые

Ил. 8. Экспозиция Музея истории АО «Завод № 9»

конструкторы, инженеры, технологи, продолжатели лучших традиций, созданных Ф.Ф. Петровым, рассказывают о новых разработках в области конструирования артсистем.

Нынешнее поколение ордена Ленина Особого конструкторского бюро № 9 имени Ф.Ф. Петрова и в настоящее время сохраняет достойные позиции ОКБ-9 и завода № 9 в деле разработки артиллерийских систем на мировом уровне.

Агеев С.С., Гусев М.О. На службе отечеству. Завод № 9. История и судьбы. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2013.

Рукопись воспоминаний А.Н. Булашева // Архива Музея истории завода № 9.

Жизнь, отданная артиллерии. Воспоминания о Ф.Ф. Петрове. Екатеринбург, 2003.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

**СТЕПАН ЛУКИЧ ИГНАТЬЕВ
НА ПОСТУ КОМЕНДАНТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ (1734–1747)**

СТЕПАН ЛУКИЧ ИГНАТЬЕВ родился в 1688 г. О первых годах его службы и деятельности сведений пока не обнаружено, известно лишь, что его армейская служба началась в 1702 г. Впервые он упоминается в документах в 1727 г., когда был полковником и членом Военной коллегии (в 1728 г. стал бригадиром)¹. Состоя в этой должности, он вместе с Б.Х. Минихом участвовал в разработке штатов российской армии.

С 1730 г. являлся действительным статским советником, с 1732 г. присутствовал в Сенате; в 1734 г. произведен в генерал-майоры и назначен обер-комендантом Санкт-Петербургской крепости (сменив скончавшегося Г.Д. Есипова) и состоял в этой должности до самой смерти. При этом в царствование Анны Иоанновны он неоднократно принимал участие в работах различных следственных и судебных комиссий. В 1736 г. являлся членом следственной комиссии для рассмотрения дела о судьях Сибирского приказа и о бывшем иркутском губернаторе Жолобове, в 1737 г. – членом генерального суда над сенатором Д. Голицыным, в 1737 г. участвовал в комиссии для освидетельствования приходно-расходных книг Санкт-Петербургской городской канцелярии, в 1739 г. состоял в особой Комиссии для устройства конских заводов.

1734 год стал определенным рубежом в истории крепости, которая в то время интенсивно перестраивалась из деревоземляной в каменную. С 1734 г. работы сильно застопорились, что, в частности, отмечалось в докладе Канцелярии Артиллерии: «В прошлом 732 г., по именному ея императорского величества указу, Санкт-Петербургская и Шлиссельбургская крепости строением и починкой поруче-

ны в введение канцелярии артиллерии и фортификации и, по указам Правительствующего Сената, из положенной на канцелярию от строений суммы в 200 000 руб., на строение и починку оных крепостей определено и велено отпускать из штатс-конторы на каждый год по 66 666 руб. 66 2/3 коп., по которому числу на 1732 и на 1733 гг. в канцелярию артиллерии и фортификации и получено сполна, и те крепости – Санкт-Петербургская и Шлиссельбургская – починивана; а на нынешний 1734 год на прошедшую январскую треть, в определенную сумму, в 22 222 руб. 22 коп., отпущено только 5000 руб., а затем на ту январскую достальных – 17 222 руб. 22 коп. и на нынешнюю майскую трети всей суммы 22 222 руб. 22 коп., по посланным из Правительствующего Сената в штатс-контору указам, и по многим требованиям канцелярии артиллерии и фортификации от той штатс-конторы и поныне еще не отпущено.

А понеже на строение означенных крепостей ныне налицо денежной казны ничего не имеется, а ныне к работе настает время весьма способное, к чему каменщиков 400 человек и вольные люди наняты, то ж кирпича, плиты, извести и других материалов и припасов, без которых при том тех крепостей строений обойтись невозможно, подряжено немалое число, на поставку которых, по учиненным с подрядчиками договорам, на задатки деньги им выдать, тако ж за произведенный из Санкт-петербургских провиантских магазинов обретающимся при оных крепостях служителям провиант в те магазейны заплатить и заслуженного, на означенную прошедшую январскую треть, жалованья офицерам и служителям произвести, за неотпуском оных денег, не из чего и многих нужнейших при тех крепостях работ начать нечем. Того ради в Кабинет ея императорского величества канцелярия артиллерии и фортификации сим представляя, покорно просит, дабы повелено было на строение означенных Санкт-Петербургской с кронверком и на починку Шлиссельбургской крепостей, на прошедшую январскую, достальные 17 222 руб. 22 коп., також, на нынешнюю майскую и на будущую сентябрьскую сего 1734 г. Трети, по окладу полное число 44 444 руб. из штатс-конторы, или откуда заблагорассудится, отпустить в канцелярию артиллерии и фортификации в непродолжительном времени, чтоб, за неимением денег, в строении и починке тех крепостей и к тому ныне настоящего способного времени упущено быть не могло, и нанятые вольные каменщики и работные люди праздны не были, и служители, обретающиеся при тех крепостях от неполучения жалованья и провианта не претерпели бы нужды».

На этом донесении была наложена резолюция императрицы: «По сему докладу на январскую треть достальные, а на майскую сколько надлежит по окладу, деньги отпустить без всякого замедления, дабы затем ни малой остановки быть не могло»².

Трудности были связаны с начавшейся в 1733 г. войной за польское наследство (а затем и с Русско-турецкой войной), и дело тут было не только в том, что эта кампания потребовала значительных средств, но и с тем, что Б.Х. Миних, руководивший перестройкой Санкт-Петербургской крепости, отправился на театр боевых действий. Вдобавок в 1734 г. скончался архитектор Д. Трезини, непосредственно следивший за всеми работами. Так что 1734 год можно считать новым этапом в жизни крепости.

Инженером вместо Д. Трезини стал полковник Х. Демарин (Де Марин), и какое-то время, по всей видимости, ему и С.Л. Игнатъеву потребовалось на то, чтобы вникнуть в ситуацию. Христофор Демарин был принят на российскую военную службу в октябре 1732 г. стараниями посланника в Гамбурге Бестужева. По предложению Б.Х. Миниха он был определен в инженерный корпус в чине полковника³. По прибытии в столицу Российской империи он был командирован в Выборг и Кексгольм для осмотра тамошних укреплений⁴, а затем находился в Санкт-Петербурге.

Уже в январе 1736 г. в газетах появилось следующее объявление: «Для известия. Понеже к строению Санктпетербургской крепости в будущем лете сего года различных материалов потребно; того ради сим объявляется, дабы к поставке оных вещей, каменщиков и других материалов охоту имеющие люди в Канцелярии главной Артиллерии немедленно явились, где бы им обстоятельная роспись об оных вещах показана, и надлежащий торг с ними учинен будет»⁵. То есть на 1736 г. были намечены большие работы, и с началом строительного сезона к ним приступили.

Однако сложности летом возникли с каменщиками, многие из них бежали, получив деньги вперед (причем некоторые, по словам Х. Демарина, устроились на других объектах в столице). В ситуацию пришлось вмешиваться кабинету министров, и фортификационной конторе было поручено пресекать такие случаи⁶. Здесь, однако, следует отметить, что дело обсуждалось, по всей видимости, минуя коменданта. В следующем году, к слову, выяснилось, что в деле замешаны младшие офицеры городской канцелярии, закрывавшие глаза на то, что подрядчики поставляли недостаточное количество материалов⁷.

Строительные работы в том году заключались в достройке рavelинов, а также в возведении аппарелей, предназначенных для подъема артиллерийских орудий на валганги. В 1737 г. во дворах бастионов по проекту военного инженера В. Чертова были сделаны деревянные, длиной около 30 метров, аппарели на валганги. Их проезжая часть имела ширину около пяти метров. Входы представляли собой бревенчатые накаты, опиравшиеся каждый на двенадцать пар деревянных столбов. Они были направлены к шпицам Государева и Зотова бастионов, к правым фасадам Нарышкина и Меншикова и левому фасаду Головкина бастионов, а последний, шестой, был устроен у правой оконечности Екатерининской куртины и вел на валганг Трубецкого бастиона⁸.

В 1738 г. были запланированы отделочные работы в Санкт-Петербургской, Шлиссельбургской, Кронштадской, Кексгольмской, Нарвской и Перновской крепостях (некоторые из них находились именно в ведении обер-коменданта С.Л. Игнатьева). Предполагалось привлечь 574 каменщика, к ним 400 помощников, 70 плотников, 1960 работников, а из строительных материалов требовались известь, дикий и пудожский камень, пильные доски⁹. Цифры довольно внушительные, однако надо иметь в виду, что речь шла о работах в нескольких крепостях.

А в мае того же года потребовался камень для строительства Иоанновских ворот: «К строению в Санкт-Петербургской крепости во втором рavelине называемом Иоанне каменных ворот потребно старолadoжского камня длиною и шириною в полтора аршина 292, в один аршин 438, в три четверти аршина 657, в два аршина 10 камня. Всего 1397 камней, а толщиною имеют все оные камни быть в 8 дюймов. И ежели кто оные камни поставить желает, те бы для торгу и договору явились в фортификационной конторе»¹⁰. Именно возведение этих ворот завершило перестройку крепости в камне в 1740 г., и в этом есть определенная заслуга Степана Лукича.

На 1740 год вообще планировались масштабные работы. В январе «для исправления фортификационных работ» предполагалось заготовить 16 миллионов кирпичей, а также 1 014 600 гвоздей¹¹, в феврале появилось уточнение, что это необходимо для укреплений в Санкт-Петербурге и Кронштадте¹² (крепости на острове Котлин тоже находились в подчинении С.Л. Игнатьева), и большая часть требуемого пошла в Кронштадт. Скорее всего, это было связано с окончанием Русско-турецкой войны и возвра-

щением Б.Х. Миниха в столицу, который тогда занялся осмотром крепостей на северо-западе.

В Санкт-Петербургскую крепость в мае требовались доски и 300 каменщиков¹³. Кроме того, в ней надо было «перекрыть 8 провиантских каменных магазинов железом и черепицею», да в четырех магазинах «переправить полы». Для этого было необходимо: «на перекрышку железных кровельных листов 34 816, гвоздей кровельных 139 264, черепицы горбоватой 307 200. Извести серой 102 бочки; железа мяхкого полосного 176 пуд. К переправлению полов 3-х и 4-х саженных бревен толщиною в 7 вершков 216 длиною 7-саженных толщиною в 7 вершков 696, или вместо их длиною полчетверти сажени той же толщины 1392, длиною трех сажен такой же толщины 220. Уголья добраго 80 а негодного 400 кулей, кирпича 140 000; гвоздей одностесных 48 000, досок пильных длиною трех сажен, шириною в 4 и 5 вершков 500»¹⁴. Отметим, что это не относилось к фортификационным работам (речь шла о зданиях внутри крепости, поэтому упомянутые материалы требовали сверх того, что указывалось в январе).

Уже в том году не исключалось столкновение со Швецией, поэтому в крепости потребовали поставить свинец: «в Выборх 5000, в Нарву 3000, в Пернов 2000, да в Санктпетербургской 8000, а всего 25 000 пуд»¹⁵.

В какой степени это было выполнено, пока точно не известно. В октябре 1740 г. скончалась императрица Анна Иоанновна, и при дворе началась весьма жесткая борьба за власть, в которую оказались втянуты многие придворные и представители генералитета. Степан Лукич, судя по всему, в этой борьбе не принимал никакого участия, но нельзя сказать, что на его судьбе перипетии того года никак не сказались. Еще в марте 1740 г. он был произведен в генерал-лейтенанты¹⁶, а 5 января 1741 г. стал вице-президентом Военной коллегии. Это произошло во время возвышения Б.Х. Миниха, хорошо знавшего его, но все посты Степан Лукич сохранил и после отставки фельдмаршала, и после воцарения Елизаветы Петровны.

В то же время было принято решение построить в Санкт-Петербургской крепости новый дом для коменданта, и в декабре 1740 г. в газете появилось объявление: «В здешней крепости определено построить обер-комендантский каменный дом по чертежу будущим летом приходящего 1741 г., а ежели кто оной дом по чертежу пребудущим летом своими мастеровыми и работными людьми из своих или

казенных материалов построить желает, те бы для торгу и договору являлись в фортификационную контору без всякого замедления»¹⁷. Однако приступить к работам (проект был подготовлен Х. Де Марином) смогли лишь в 1743 г. Не исключено, что именно отставка Б.Х. Миниха и стала причиной замедления, а затем началу работ помешала война со Швецией.

С другой стороны, известны и более длительные задержки в тот период, в частности, в деле покрытия казарм, которое планировалось еще в 1738 г.¹⁸, однако приступить к этому смогли лишь в 1743 г.¹⁹

Постройка Комендантского дома, как уже отмечалось, началась в 1743 г. и завершилась в 1746 г. С западной стороны был построен одноэтажный, П-образный в плане служебный флигель. Для апартаментов коменданта был выбран участок, где сначала стояла деревянная гауптвахта, которую перенесли чуть восточнее и поставили напротив парадного фасада «новостроенного» Комендантского дома. Чуть позже, в 1750 г. главный (восточный) корпус Комендантского дома был соединен со служебным флигелем двухэтажнойстройкой, при этом со стороны южного и северного фасадов здания были сохранены проезды в образовавшийся внутренний двор. Фасады здания в конце XVIII в. перекрасили в желтый цвет, а его черепичную крышу заменили железной, окрашенной синей краской. В это же время был заложен южный проезд во двор²⁰. И Степан Лукич Игнатьев стал первым поселившимся в нем комендантом.

В 1744 и последующие годы проводились уже лишь отделочные работы, для которых требовалась «березовая скала»²¹ и пильные доски²². Коменданту также приходилось заниматься вопросами, связанными с гарнизонной школой для солдатских детей, размещавшейся в крепости, в том числе снабжением ее кафтанами, шапками, штанами²³. Естественно, в его непосредственном ведении находилась караульная служба. В караулы в то время отряжали ежедневно 27 человек рядовых при двух офицерах²⁴, но отдельно задействовали и артиллеристов. В частности, непосредственно в крепости в 1747 г. дежурило 28 человек: штык-юнкер, капрал, бомбардир, 9 канониров и 16 фузелеров²⁵. Кроме того, артиллеристы находились в караулах в кронверке, на пороховых заводах, в пушкарской слободе и у офицеров²⁶.

Важной функцией коменданта крепости было участие в викариальных церемониях. О салютах с крепости в царствование Анны Иоанновны мы уже писали²⁷, теперь же остановимся на церемониях в первые годы царствования Елизаветы Петровны.

Дочь Петра Великого, как известно, при вступлении на престол провозгласила принцип возвращения к традициям основателя Санкт-Петербурга, и некоторые традиции действительно постаралась восстановить. Это в первую очередь относится к церемонии вывода из крепости Ботика Петра Великого – «дедушки русского флота», находившегося в Государевом бастионе крепости. Проходила она следующим образом.

«По полуночи в 4-м часу наряжена галера, именуемая «Днепр», с определенными служителями, и при ней с одним венецианским ботом и с 6 шлюпками, снявшись с якоря, пройдя вверх по Неве реке, мост прошед, к Санкт-Петербургской крепости легла против Невских ворот на якорь.

Прежде прибытия той галеры ботик из крепости вынесен был и поставлен на определенной от адмиралтейства беспалубной бот и оный ботик надлежащим такелажем оснащен.

К той же крепости прибыл с яхтенным и буерным Невским флотом господин интендант князь Несвитский, и против оной же крепости лег на якорь.

А в 8 часов, приняв приказ от господина генерал-лейтенанта и обер-коменданта и кавалера Игнатъева, чтоб вышеписанный ботик, взяв на буксир галерою, следовать к Александро-Невскому монастырю вверх по Неве реке, почему тот ботик от пристани к галере был буксирован двумя 12-весельными шлюпками; и как с оным от пристани отвалили, то, в тот самый момент, поднят на корме оного ботика флаг белый с синим Андреевским крестом (на носу) гюйс и (на мачте) вымпел, и того часа с галеры учинен был салют из 13 пушек; и когда с галеры оной ботик принят был на буксир и выступили в поход с битием в барабан и с игранием музыки, на трубах и литаврах, то, в самой тот час, из Петербургской крепости учинен салют из 21 пушки, и потом следовала Адмиралтейская крепость; и с ботика оным ответствовало из 3 пушек, сколько на оном находилось, которому ответствовало с ботика из 3 же пушек.

По полудни того ж числа в 1 часу прибыли против монастыря Александро-Невского, и тогда учинен был салют с ботика из 3 да с галеры из 12 пушек, на что из монастыря ответствовали равным числом, и против оного монастыря легли на якорь, и галера убрана была флагами и вымпелами.

По окончании молебна из монастыря палили из пушек, а потом из галеры выпалено из 13 пушек.

В 5-м часу, приняв приказ от вышепомянутого господина генерал-лейтенанта и обер-коменданта Игнатъева, чтоб с ботиком следовать

обратно к Санкт-Петербургской крепости, и подняв якорь, пошли от того монастыря, и тогда учинен салют из 21, а на ответствовано с ботика из 3, с галеры из 12 пушек; при том же в монастыре продолжался и колокольный звон, а галера с барабанным боем и игранием на трубах и литаврах следовала. Помянутой яхтенный и буерной флот за противным ветром не дошел до монастыря, стоял на якоре выше летнего его императорского величества летнего дому, на Неве реке, и когда галера с ботиком поверсталась против его, то с оногo флота учинен был салют из всех пушек, которому с ботика ответствовали из 3 пушек.

В 6-м часу прибыли к Санкт-Петербургской крепости, и от галеры отдан был буксир, а ботик принят для буксирования к пристани двумя 12-весельными шлюпками, тогда с галеры выстрелено из 13 пушек, и, не доходя пристани, с ботика учинен был салют крепости из 3, а ему ответствовано с той крепости из 21 пушки, а потом из адмиралтейства, и оной ботик к пристани приведен благополучно, который в тот же час господином генерал-лейтенантом и принят и поставлен в его надлежащее место в той крепости»²⁸.

Эта же церемония (примерно так же) повторилась в 1745 г., но после этого заглохла. В 1746 и 1750 гг. были приготовления к выводу Ботика, но оба раза он не состоялся. Комендант крепости, как видим, являлся одной из центральных фигур этой церемонии.

Естественно, салютационной пальбой с 1741 г. ежегодно отмечались день рождения Елизаветы Петровны и день ее вступления на престол²⁹, а с 1742 г. – день ее коронации³⁰.

Должность обер-коменданта, как уже отмечалось, Степан Лукич занимал до своей смерти в августе 1747 г. В «Санкт-Петербургских ведомостях» после его кончины сообщалось: «Сего месяца 7 числа генерал-лейтенант обер-комендант здешней крепости и кавалер ордена Св. Александра Невского Степан Лукич Игнатьев на 68 году от рождения скончался. Помянутой господин генерал-лейтенант с 1702 по 1726 год служил в лейб-гвардии и в армии, после в Военной коллегии заседание имел, при чем поручаемы ему были и некоторые комиссии.

В команде его состояли Санктпетербургской, Кронштадтской и Нарвской гварнизоны, а напредь сего имел он в команде и армейские полки»³¹. Погребен он был на комендантском кладбище в крепости, возле Петропавловского собора, где хоронили всех комендантов, скончавшихся на этом посту.

- ¹ Сб. РИО. Т. 56. СПб., 1887. С. 288, 384, 390.
- ² Сб. РИО. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 189–90.
- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 285 и об.
- ⁴ Там же. Л. 316 и об.
- ⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1736 г. № 8. 26 января. С. 63; № 12. 9 февраля. С. 96; № 13. 12 февраля. С. 104; № 14. 16 февраля. С. 112.
- ⁶ Сб. РИО. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 348.
- ⁷ Сб. РИО. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 43.
- ⁸ Степанов С.Д. Строительство и перестройка фортификационных сооружений Петропавловской крепости // Краеведческие записки. Вып. 6. СПб., 1998. С. 43–44.
- ⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1738. № 31. 17 апреля. С. 248; № 32. 20 апреля. С. 256; № 33. 24 апреля. С. 264.
- ¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1738. № 39. 15 мая. С. 312; № 40. 18 мая. С. 320; № 41. 22 мая. С. 328.
- ¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1740 г. № 1. 1 января. С. 6–7; № 2. 4 января. С. 4–5.
- ¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1740 г. № 17. 26 февраля. С. 136; № 18. 29 февраля. С. 145; № 19. 4 марта. С. 153.
- ¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1740 г. № 42. 23 мая. С. 336; № 45. 3 июня. С. 360.
- ¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1740 г. № 64. 8 августа. С. 511; № 65. 12 августа. С. 520; № 66. 15 августа. С. 528; № 67. 19 августа. С. 536.
- ¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1740. № 39. 13 мая. С. 310; № 40. 16 мая. С. 319. № 41. 20 мая. С. 327.
- ¹⁶ Список военным генералам со времен императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 50, 62.
- ¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1740 г. № 99. 9 декабря. С. 792; № 100. 12 декабря. С. 801.
- ¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1738. № 53. 3 июля. С. 422; № 54. 6 июля. С. 430; № 56. 13 июля. С. 447.
- ¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 397. Л. 242; Санкт-Петербургские ведомости. 1743. № 49. 20 июня. С. 410.
- ²⁰ Степанов С.Д. Застройка территории Петропавловской крепости гражданскими сооружениями (XVIII – начало XX века). С. 82–83.
- ²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1743. № 85. 24 октября. С. 699; № 86. 27 октября. С. 707. № 87. 31 октября. С. 716; 1744. № 5. 16 января. С. 38; № 21. 12 марта. С. 167.
- ²² Санкт-Петербургские ведомости. 1743. № 88. 3 ноября. С. 724. № 89. 7 ноября. С. 732; 1747. № 22. 17 марта. С. 174.
- ²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 46. 7 июня. С. 367.
- ²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 638. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Л. 67.
- ²⁶ Там же. Л. 68, 206–207, 255–256.
- ²⁷ Славнитский Н.Р. Воинские праздники и салютационная пальба в Санкт-Петербурге в царствование Анны Иоанновны // Война и оружие: Труды Шестой Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. Ч. IV. С. 150–159.
- ²⁸ Веселаго Ф.Ф. Дедушка русского флота // Русская старина. Т. 4. СПб., 1871. С. 476–477.

²⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1741 г. № 96. 1 декабря. С. 767; № 102. 22 декабря. С. 812; 1744. № 102. 20 декабря. С. 815.

³⁰ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004. С. 327; Санкт-Петербургские ведомости. 1744. № 34. 26 апреля. С. 269.

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1747. № 67. 21 августа. С. 534.

А.А. Смирнов (Москва)

О БОЕСПОСОБНОСТИ РУССКИХ ЗАПАСНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ И НИЖНИХ ЧИНОВ ГЕРМАНСКОГО ЛАНДВЕРА В АВГУСТЕ 1914 ГОДА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ)

КАК ИЗВЕСТНО, бóльшую часть рядового и унтер-офицерского состава армий, вышедших в августе 1914 г. на Первую мировую войну, составляли лица, призванные из запаса: отслужившие срок действительной военной службы до войны и уволенные потом в запас армии. Одна их часть пополнила до штата военного времени кадровые (первоочередные) части и соединения, а другая была использована для формирования второочередных (в Германии эти последние были представлены резервными и ландверными). В России рядовые и унтер-офицеры запаса (запасные) не делились на категории, и при мобилизации как в первоочередную, так и во второочередную часть могли быть зачислены запасные любого возраста – от 24- до 38-летних. В Германии рядовые и унтер-офицеры запаса в возрасте от 22 до 25 лет числились в резерве армии (запас 1-й очереди, по русской терминологии), а 26–38-летние – в ландвере (запас 2-й очереди). Чины резерва при мобилизации шли на доукомплектование первоочередных и формирование резервных частей, а чины ландвера – на формирование ландверных.

Понятно, что за время пребывания в запасе призванные утратили часть полученных на службе знаний, умений и навыков и что второочередные части требовали времени для своего сколачивания. Уже поэтому считалось, что по боеспособности второочередная часть уступает первоочередной (а ландверная – еще и резервной).

Эти тезисы неоднократно обосновывались в военно-исторической литературе¹, но качество людского материала, призванного в 1914 г. из запаса, исследователями подробно не изучалось. Между тем попытка такого изучения поможет существенно уточнить наши

представления об армиях 1914 года, причинах их побед и поражений.

Предпринимаемая нами попытка изучения степени боеспособности рядовых и унтер-офицеров, призванных в 1914 г. из запаса, будет основываться на воспоминаниях офицеров русской армии – участников кампании 1914 года. Привлечение источников только личного происхождения оправдывается, на наш взгляд, тремя обстоятельствами. Во-первых, тем, что нашу попытку следует рассматривать скорее как постановку вопроса, как средство привлечь к нему внимание исследователей. Во-вторых, достаточно большим количеством мемуарных источников и их информативностью. И, в-третьих, тем, что значительная их часть – это воспоминания, написанные в 1920-е гг. по просьбе собиравшего в эмиграции материалы по истории Первой мировой войны генерал-майора В.В. Чернавина. по своему характеру они фактически являются чем-то средним между источником личного происхождения и служебной документацией. Дело в том, что Чернавин был официальным лицом – сотрудником сначала Русского заграничного исторического архива, а с 1928 г. – чехословацкого МИД, – и предлагал своим респондентам (далее мы будем обозначать их буквами РЧ) специальный вопросник. Эти обстоятельства должны были повысить ответственность мемуаристов – ставя их в условия, как если бы они составляли служебные аналитические записки².

Для германской стороны в качестве объекта изучения будет взят лишь рядовой и унтер-офицерский состав ландверных частей: откровенно второсортными в отечественной литературе считаются лишь они (а не резервные).

Под боеспособностью рядового и унтер-офицерского состава мы будем понимать сочетание его боевой выучки, дисциплинированности и политико-морального состояния.

Рассматривая свидетельства мемуаристов о русских запасных 1914 года, мы сталкиваемся с преобладанием положительных оценок! Даже писавший в СССР и свысока отзывавшийся о русской армии генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич отмечал, что те из мобилизованных, кто служил срочную после 1905-го, «на второй день после появления в казармах» возглавлявшегося им 176-го пехотного Переволоченского полка 44-й пехотной дивизии «ничем не отличались от кадровых солдат»³. (Пополнение, уточняет эту оценку один из офицеров полка (РЧ), состояло из уволенных в запас в последние

перед войной годы, и солдатский состав мобилизованного полка оказался, «в общем, отличный»⁴.)

Генерал-лейтенант К.М. Адариди тоже признал, что в возглавлявшуюся им 27-ю пехотную дивизию при мобилизации прибыли люди, «не забывшие еще то, чему их учили, не утратившие выправки и не отвыкшие от дисциплины»⁵. Пополнение «мобилизованными местными элементами», подчеркивал он еще раньше, в середине 20-х гг. (РЧ), на «боевой ценности» рядового и унтер-офицерского состава «не отразилось и не могло отразиться, так как пополнение было из молодых, недавно уволенных в запас»⁶. (Свидетельство тем более интересное, что оно опровергает утверждение бывшего командира 3-го армейского корпуса Н.А. Епанчина о снижении стойкости его войск – и прежде всего 27-й дивизии – из-за разбавления большим числом мобилизованных инородцев⁷. А равно и утверждение бывшего командира роты 106-го пехотного Уфимского полка 27-й дивизии А.А. Успенского о подаче командиром 105-го пехотного Оренбургского полка полковником Н.А. Комаровым рапорта, «что его полк благодаря этому сделался небоеспособным»⁸. И это несмотря на то, что свалить неудачные действия 27-й в бою под Шталюпёненом 4 (17) августа 1914 г. на некачественное пополнение начальнику дивизии было бы еще выгоднее, чем командиру корпуса.)

По утверждению известного военного писателя полковника Е.Э. Месснера (РЧ), не ухудшили качества войск и запасные, влившиеся в его 15-ю пехотную дивизию – «молодняк», отслуживший действительную сравнительно недавно и «быстро втянувшийся в службу»⁹.

Раздававший в своих воспоминаниях всему и вся исключительно негативные оценки генерал-лейтенант А.Н. Розеншильд фон Паулин признал тем не менее, что запасные, пополнившие 29-ю артиллерийскую бригаду, «были настолько хороши, что, по заявлению некоторых батареинных командиров, уже с 3-го или 4-го дня они почти не отличались от старослужащих»¹⁰. То же и запасные, присланные в 9-й Сибирский горно-артиллерийский дивизион. По словам капитана М. Кириченко (РЧ), они «быстро ассимилировались и скоро не отличались от старых солдат [срочной службы. – А. С.]»: у них была «прочная подготовка»¹¹. Что запасные «быстро вспомнили старую выучку», засвидетельствовал и бывший офицер 5-й батареи 34-й артиллерийской бригады полковник М.С. Де-Лазари (РЧ)¹².

В горном дивизионе 52-й артиллерийской бригады, утверждал в 1926 г. его бывший офицер полковник А.Л. Писарев (РЧ), личный состав «не был испорчен запасным по мобилизации» даже при том, что пополнение на 60 % состояло из бывших кавалеристов (хоть и сравнительно молодых)¹³.

Запасные, поступившие на формирование 290-го пехотного Валуйского полка 73-й пехотной дивизии, писал его бывший командир генерал-майор А.Г. Ушаков (РЧ), «прибыли с твердо усвоенной ими дисциплиной, привитой им за 4 ½ года действительной службы»¹⁴. Поскольку дисциплинированность есть необходимое условие успешного изучения военного дела (во многих аспектах малоприятного или надоедливого), можно с уверенностью предположить, что на высоте была и боевая выучка.

Такое же предположение можно сделать и относительно 30–32-летних рядовых запаса, прибывших в 46-й пехотный Днепровский полк 12-й пехотной дивизии. Мне, писал в 1929 г. генерал-майор М.П. Башков (РЧ), «было несказанно приятно любоваться такими молодцами, которых я получил в роту (более 100 человек) и которые так быстро и охотно и довольно основательно все требуемое от них усваивали и проделывали». Унтер-офицеры же запаса «все» были «люди толковые и довольно порядочно знали и понимали, что они раньше, будучи на службе, изучали; требовалось немного времени, чтобы возобновить в их памяти все необходимое»¹⁵.

По сообщению бывшего офицера части полковника А.К. Фартушного (РЧ), «во всех отношениях отличным боевым элементом» оказались и запасные, пополнившие 26-й Сибирский стрелковый полк 8-й Сибирской стрелковой дивизии¹⁶.

Особо выделим свидетельства о хорошем политико-моральном состоянии запасных. «После мобилизации качество полка не понизилось, а наоборот, как бы повысилось во всех отношениях благодаря всеобщему подъему патриотич[еских] чувств», – настаивал в 1929-м прапорщик М.Л. Грицюк (РЧ; в августе 1914 г. – фельдфебель 127-го пехотного Путивльского полка 32-й пехотной дивизии)¹⁷. «Настроение их было великолепным, и видно было глубокое сознание долга», – вспоминал генерал-лейтенант М.А. Иностранцев о запасных, образовавших 265-й пехотный Вышневолоцкий полк 67-й пехотной дивизии (в которую Иностранцева назначили начальником штаба)¹⁸.

Есть и отрицательные оценки.

По свидетельству полковника И.М. Шастина (РЧ), рядовые запаса, влитые в 5-й Сибирский стрелковый полк 2-й Сибирской стрелковой дивизии и на Дальнем Востоке, и по пути на фронт, в Вятке, все забыли и требовали много времени на строевую подготовку, подготовку к бою и «внедрение дисциплины». Знанием службы не отличались и унтер-офицеры запаса, а запасные, служившие ранее в кавалерии и артиллерии, в стрелках службу несли «безразлично, халатно, лениво»¹⁹.

Никуда не годными оказались варшавские запасные, влитые во 2-ю бригаду 3-й гвардейской пехотной дивизии. «Совершенно неудовлетворительный материал в физическом и моральном отношении», – отозвался о них в 1926 г. бывший офицер лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка, полковник чехословацкой армии Я.Я. Червинка (РЧ). В первом бою – 18 (31) августа под Нейденбургом, в конце Танненбергского сражения, – они целиком хлынули в тыл («в строю остались только кадровые») ²⁰. «Слабо обученные, зачастую и мало пригодные физически», – вспоминал в 1930-м и бывший командир лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор А.В. Геруа²¹.

Слабоватым оказалось моральное состояние запасных 40-й пехотной дивизии. В сражении под Гумбиненом 7 (20) августа 1914 г., вспоминал в 1925 г. бывший офицер 4-го мортирного артиллерийского дивизиона подполковник Крыштановский (РЧ), в 40-й «бросалось в глаза большое число «палечников» [членовредителей, ранивших себя в палец. – А. С.] из полученного по мобилизации пополнения (люди из Могилевского [и] Оршанского у.у. [уездов. – А. С.]; из Шклова, Копыса и других городов)»²².

Хорошо известна оценка генерал-лейтенантом Н.А. Клюевым боеспособности запасных, влитых в его XIII армейский корпус (1-ю и 36-ю пехотные дивизии): еще по пути на фронт они выглядели «переодетыми мужиками». Правда, после первого боя 1-й дивизии – под Хохенштейном 15 (28) августа 1914 г., в ходе Танненбергского сражения, – Клюев признал, что «все-таки этот материал был превосходный»²³. Об «одетых в мундиры мужиках» и об «отличном материале, из которого можно было после некоторого обучения выработать хороших солдат», писал в 1950-х гг. и бывший офицер 1-го пехотного Невского полка 1-й пехотной дивизии граф Г.П. Беннигсен²⁴ (если только это не заимствования из прочитанных им записок Клюева или работ, где они цитировались). Но из запаса этот материал поступил, как видим, совершенно сырым.

По крайней мере, в 3-м пехотном Нарвском полку 1-й пехотной дивизии у них не было мотивации не только для добросовестной учебы, но и для готовности подчиняться воинской дисциплине. Значительная часть прибывших в Нарвский полк запасных была откровенно враждебна всему, что связано с государством и армией. «Нахальные, грубые и все критикующие (таких тоже было много), – писал в 1925 г. бывший командир полка полковник Н.А. Загнеев, – они вредно влияли на товарищей. Многие из них оказались даже неприкосновенными к понятию о патриотизме, чувстве долга (особенно из распропагандированных [социалистами? – А. С.] и совершенно лишенными какого бы то ни было военного одушевления». При первых признаках опасности многие начинали искать случая «исчезнуть», а в первом бою (под Хохенштейном) «делали это под самыми разнообразными предложениями» – угрожая подчас задерживавшим их офицерам револьверами²⁵.

В целом же отрицательных оценок боеспособности запасных рядовых и унтер-офицеров, мобилизованных в июле 1914 г., все-таки заметно меньше, чем положительных. Это тем показательнее, что наша выборка оценок образовалась случайно. Как и составившая значительную ее часть выборка, образованная сведениями В.В. Чернавина – ведь респонденты отбирались Чернавиным по принципу их доступности для почтовой связи или устной беседы, т. е. по принципу, не имеющему отношения к военному делу.

Приведенные выше оценки, во-первых, лишний раз подтверждают основательность боевой подготовки и воинского воспитания, которые получали в русской армии начала XX в. рядовые и унтер-офицеры срочной службы. Даже после 5–8 лет пребывания в запасе у них в большинстве случаев сохранялись вполне достаточные навыки и умения, а также привычка к дисциплине.

Во-вторых, в ряде случаев явно просматривается связь между боевыми качествами запасных и местом их жительства. Давшие в Гумбиненском сражении большой процент «самострелов» жители Могилевской губернии вызывали в армии нарекания и до войны; так, прокомплектовавшись 5 лет кряду могилевскими, 159-й пехотный Гурийский полк 40-й пехотной дивизии из отличного стал очень слабым. А отличный состав запасных, поступивших в 176-й пехотный Переволоченский, явно был связан и с тем обстоятельством, что эти запасные были жителями Черниговской губернии, а не Курской, пополнившей 173-й пехотный Каменецкий и 174-й пехотный Ба-

туринский полки той же 44-й пехотной дивизии. До войны курские новобранцы оказывались «много слабее» черниговских²⁶.

В-третьих, в ряде случаев просматривается явная же связь между боеспособностью запасного и родом его занятий.

Русскому офицерству конца XIX – начала XX в. по многолетним наблюдениям была хорошо известна меньшая природная дисциплинированность горожанина по сравнению с крестьянином²⁷. Труд крестьянина кормил его и его семью непосредственно, кормил в прямом смысле слова; уже одно это приучало землепашца переступить через собственное «не хочу» и подчиниться тому ритму трудовой деятельности, который диктовался ему никак не зависевшей от него природой. Так вырабатывалась привычка подчиняться установленному свыше порядку вещей, в армии оборачивавшаяся готовностью служить царю и подчиняться воинской дисциплине.

В городе же работник мог позволить себе и поблажки вроде прогулов, загулов и т. п.; город предлагал многочисленные соблазны в виде питейных заведений, публичных домов и т. п. А неизбежно расширявшийся при жизни в городе кругозор, увеличивавшееся общее развитие оказывались у рабочего или крестьянина, связанного с отхожими промыслами (т. е. работой в городе) еще не достаточными для выработки сознательного отношения к гражданским обязанностям, но уже достаточными для того, чтобы отрицать многое из того, что землепашцу представлялось незыблемым и единственно возможным. У представителя городских низов несравненно чаще, чем у земледельца, возникал пресловутый вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею?» – причем понимался он куда более примитивно, чем недоучившимся студентом у Достоевского. Не зря известный воспитатель войск генерал от инфантерии М.И. Драгомиров сразу сообщил, что злоумышленника, испражнившегося в алтаре полкового храма, надо искать среди унтер-офицеров сверхсрочной службы, т. е. среди тех, кто по развитию «от солдат отошел, до офицера же не дошел». Ведь «офицер не позволит, солдат не посмеет»²⁸...

И действительно, отличный контингент запасных, полученных 15-й пехотной дивизией, чуть ли не целиком состоял из хлеборобов Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний, которые «были прекрасным воинским матерьялом, как воск мягким в руках хороших воспитателей офицеров и унтер-офицеров, небольшой процент среди них горнорабочих Криворожского бассейна не портил качества всей массы»²⁹. Запасные, пополнившие 46-й пехотный Днеп-

ровский полк, с их «добронастроенностью» и старательностью – это крестьяне Проскуровского и Летичевского уездов Подольской губернии и Хотинского – Бессарабской; патриотически настроенное пополнение 127-го пехотного Путивльского полка – это крестьяне Овручского уезда Волынской губернии³⁰. В 5-м Сибирском стрелковом полку до войны лучшие солдаты получались из уроженцев чисто земледельческих Орловской, Тобольской и Томской губерний, а не промышленных Пермской и Екатеринбургской³¹.

В свою очередь, полковник А.В. Бржезицкий отмечал в 1927 г., что уроженцы Рязанской губернии, пополнявшие в войну его 2-й Кавказский стрелковый полк 1-й Кавказской стрелковой бригады/дивизии, были «неудовлетворительными» именно «как привыкшие к отхожим промыслам и [вследствие, видимо, именно этого. – А. С.] непатриотично настроенные»³². О низкой боеспособности жителей Варшавы уже говорилось; по-видимому, именно большим процентом рабочих и/или крестьян, тесно связанных с отхожими промыслами, надо объяснить и небоеспособность многих запасных 3-го пехотного Нарвского полка. На это указывает и отмеченное Н.А. Загнеевым знакомство многих из них с антиправительственной пропагандой, проводившейся прежде всего среди «пролетариата».

Правда, относительно боеспособности запасных из рабочих мы располагаем и шестью ясными свидетельствами противоположного содержания.

«Настроение было довольно шумное и беспокойное, – вспоминал о запасных, прибывших в лейб-гвардии Финляндский полк 2-й гвардейской пехотной дивизии бывший офицер полка Б.В. Сергеев, – и то сказать, все это были по большей части мастеровые, уроженцы Петербурга». Однако в поход солдаты-финляндцы выступили «бодро и с сознанием своего долга»³³.

По утверждению бывшего офицера 4-й Финляндской стрелковой бригады Я.А. Демьяненко, запасные, влитые по мобилизации в XXII армейский корпус (т.е. в части 1-й – 4-й Финляндских стрелковых бригад), хоть и были по преимуществу рабочими Петербургского промышленного района, «оказались прекрасным боевым элементом»³⁴.

Бывший офицер 5-го гренадерского Киевского полка 2-й гренадерской дивизии подполковник М.М. Липинский в беседе 27 ноября 1927 г. со специально выяснявшим этот вопрос В.В. Чернавиным не подтвердил «мнение о том, что пополнения из московского района

(фабричные, вообще жители гор[ода] Москвы) оказались морально ненадежными и только понизили качество солдатского состава» 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий. 14 декабря 1927 г. то же самое заявил Чернавину и бывший офицер 3-й гренадерской артиллерийской бригады: «он отрицает мнение, что якобы пополнение из Московск[ой] губ[ернии] и жителей г[орода] Москвы (влитое по мобилизации) оказались [так в тексте. – А. С.] неудовлетворительными и понизили качество частей»³⁵.

Бывший командир 12-го гренадерского Астраханского полка 3-й гренадерской дивизии генерал-майор М.И. Пестржецкий в своих мемуарах дважды повторил, что влившиеся в июле 1914-го в полк московские запасные (и в том числе фабричные рабочие) на фронт «прибыли, сроднившись с полком и с его прежними подвигами, вполне надежными солдатами»³⁶. Это же отмечал, описывая первый бой роты под Замостьем 14 (27) августа 1914 г., в ходе Томашовского сражения, и бывший командир 12-й роты астраханцев полковник П.В. Сушильников: «Та беспорядочная, шумная толпа мастеровщины, которая запрудила при разбивке казарменный двор, теперь, под влиянием кадров полностью восприняла боевую обстановку»³⁷.

Однако относительно 1-й и 2-й гренадерских дивизий В.В. Чернавину сообщали в 1920-е гг. и прямо противоположное: в ходе сражения под Красником и оборонительных боев южнее Люблина «запас, выставленный гренадерам Москвой и ее губернией, исчез в течение двух недель, составив в подсчетах потерь гл[авным] образом рубрику «без вести пропавших»³⁸. Что же до участвовавшей в Томашовском сражении 3-й гренадерской, то из кого, если не из запасных, состояли в первых ее боях те толпы беглецов, о которых писал 14 ноября 1925 г. Чернавину бывший командир 2-го дивизиона 3-й гренадерской артиллерийской бригады генерал-лейтенант А.Ф. Макалинский? Собранные 14 (27) августа 1914 г. под Замостьем беглецы, излагает содержание его письма Чернавин, «неудержимо разбегались, преднамеренно перемешивались, скрывали звание, номера рот и проч.» Разбежаться стало и не бывшее в бою прикрытие дивизиона Макалинского; будучи задержаны, эти горесолдаты «пребывали в полном бездействии: вырыли углубления, опустили туда головы и положили ружья на землю»³⁹... Поскольку значительная часть гренадер 3-й дивизии дралась в тех боях стойко, логично заключить, что разбегались все-таки запасные – т. е. рабочие и другие горожане...

Правда, продолжает Чернавин, из письма Макалинского «видно, что как будто бы пехота после первых боев выровнялась» (после первого боя, отмечал Я.Я. Червинка, лучше стали держаться и варшавяне из лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка – тогда уже лейб-гвардии Петроградского)⁴⁰.

В целом выявленные нами мемуарные источники указывают на то, что русские части 1914 года, укомплектованные рабочими и другими горожанами, по своей боеспособности уступали частям с крестьянским контингентом не всегда, но – как правило.

Воспоминания русских офицеров свидетельствуют также о достаточно высокой боеспособности нижних чинов германского ландвера 1914 года. Так, в сражении 7 (20) августа под Гумбиненом офицерам русской 25-й артиллерийской бригады бросилось в глаза, как «одетая в темно-синие мундиры, густыми цепями образцово наступала немецкая пехота⁴¹. Это демонстрировала хорошую выучку восточнопрусская ландверная дивизия Бродрюка (кампанию 1914 года на Русском фронте германский ландвер провёл в темно-синих мундирах, так как введенной в 1910-м серой полевой униформы хватило лишь на кадровые и резервные части).

А вот воспоминания С.С. Некрасова, участника одного из переломных боев Галицийской битвы – под Тарнавкой 26 августа (8 сентября) 1914 г. Когда цепи лейб-гвардии Московского полка подошли к занятой германцами высоте 314, внезапно «на фоне светлого неба ясно встала линия острых наконечников германских касок – немецкая пехота, идущая нам навстречу! Почему немецкий командир решил не ждать нас в окопе, а послать своих во встречную атаку – не понимаю. Очевидно, был слишком доблестен!

Но немцы, а не австрийцы, шли на нас такой же правильной шеренгой, как и мы на них⁴².

Это были подразделения силезской 4-й ландверной дивизии (штыковой схватки, правда, все же не принявшие). Когда москвичи ворвались на огневые позиции ландверной артиллерии, ее расчеты до последнего отстреливались из револьверов, и, писал в 1927 г. командовавший в том бою 3-й ротой москвичей полковник Г.Ф. Климович (РЧ), в конце боя «около каждого орудия и пулемета лежали убитыми все номера. Никто не бежал⁴³. А пытаясь на следующий день отбить захваченные москвичами орудия, силезский ландвер не раз доводил дело до штыкового боя⁴⁴...

На высоте были и дух и выучка противников 3-го пехотного Нарвского полка в бою 15 (28) августа под Хохенштейном – бременско-гамбургского 75-го и мекленбургского 76-го ландверных пехотных полков ландверной дивизии Гольца. «В бинокль, между складками местности, – вспоминал командовавший Нарвским полком полковник Н.Г. Загнеев, – видны были участки цепей противника, наступавшего частью шагом, частью бегом. Занимавшиеся ими стрелковые позиции были едва заметны: на перегибах холмов мелькали лишь темными точками головы стрелков, в касках, покрытых защитными чехлами»⁴⁵. С учетом того, что мундиры на людях 75-го и 76-го полков были темно-синие, следует признать, что наступавший перебежками северогерманский ландвер хорошо применялся к местности – умение, обычно считающееся козырем лишь русской пехоты 1914-го... Именно «в день 15 августа на поле боя», подчеркивал в 1925 г. Загнеев, «я оценил» «национально настроенный, воинственный, знающий и преданный своему долгу личный состав противника»⁴⁶. «Мы все здоровы, мы все хотим идти!» – весело-нетерпеливо крикнул один из верманов (рядовых ландвера) 75-го полка перед медосмотром на мобилизационном пункте в Гамбурге⁴⁷. Сравним этот настрой с тем, что преобладал среди запасных Нарвского полка...

Собственно, в достаточно высоких боевых качествах германского ландвера нет ничего удивительного. Возраст служивших в нем практически соответствовал возрасту русских запасных. М.П. Башков восхищался 30–32-летними запасными, пополнившими 46-й пехотный Днепровский полк – но и большинству верманов и унтер-офицеров 75-го и 76-го ландверных пехотных было от 31 до 35 лет⁴⁸. Учили в германской армии не хуже, чем в русской, и «запасный немец не так скоро терял солдатские качества», как русский⁴⁹.

Более высокую, чем ее принято представлять, боеспособность германского ландвера обязательно надо учитывать при анализе хода и исхода Восточно-Прусской операции 1914 года. Так, при оценке не слишком успешных боев русской 6-й пехотной дивизии против 20-й и 70-й ландверных бригад под Мюленом 14 (27) – 15 (28) августа 1914 г., в ходе Танненбергского сражения, надо, с одной стороны, не относиться пренебрежительно к ландверу, а с другой – учесть, что запасные, влитые в 6-ю пехотную, были «старых сроков службы» и влиты были уже на походе⁵⁰, т. е. времени на их дообучение и на сколачивание пополненных ими подразделений практически не было. Вообще, утверждение тогдашнего командующего германской 8-й ар-

мией П. фон Гинденбурга о том, что в Восточной Пруссии немецким «старшим поколениям приходилось воевать против цвета русской молодежи»⁵¹, имеет очень мало общего с действительностью.

В целом же свидетельства русских офицеров – участников кампании 1914 года показывают, что, вопреки устоявшемуся мнению, нельзя недооценивать боеспособность ни русских запасных нижних чинов 1914 года, ни нижних чинов тогдашнего германского ландвера.

---

¹ См., напр.: Незнамов А. Стратегия темперамента // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 163–164; Кочубей В. Русские второочередные дивизии в войну 1914–1917 гг. // Военная быль (Париж). 1960. Сентябрь. № 44. С. 15–16; Оськин М. Резервы 1914 года: русские второочередные дивизии // Родина. 2014. № 11. С. 17–20.

² Подробнее см.: Смирнов А.А. Материалы, собранные генерал-майором В.В. Чернавиным, как источник для изучения боевой выучки русской пехоты накануне Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. С. 211–213.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 15.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 51. Л. 25, 26.

⁵ Адариди К.М. 27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом // Военно-исторический вестник. № 23. Париж, 1964. С. 8.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 52. Л. 283 об.

⁷ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 406.

⁸ Успенский А.А. На войне. В плену. Воспоминания. СПб., 2015. С. 29.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

¹⁰ Розеншильд фон Паулин А.Н. Дневник. Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014. С. 43.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 51. Л. 32 об.

¹² Там же. Д. 43. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 342. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 13.

¹⁵ Там же. Д. 36. Л. 13 об. Слова «охотно и довольно» Башковым вставлены потом.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 1 об. Слово «боевым» вставлено В.В. Чернавиным (изложившим сведения, сообщенные Фартушным) потом.

¹⁷ Там же. Д. 45. Л. 23.

¹⁸ Там же. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

¹⁹ Там же. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 58 об.–59.

²⁰ Там же. Д. 21. Л. 127.

²¹ Геруа А.В. Воспоминания командира полка // Вестник Волынца. Издание правления Общества офицеров Л.-Гв. Волынского полка (Белград). 1931. Январь. № 5. С. 6.

²² ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 52. Л. 308–308 об.

²³ Там же. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 15–15 об.; Д. 5. Л. 36. Мы используем ранний вариант записок Клюева, в рукописной копии, относящейся к 1915 г.

- ²⁴ Беннигсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военная быль (Париж). 1959. Март. № 35. С. 14.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 51. Л. 25.
- ²⁷ Подробнее см.: Смирнов А.А. Русский солдат как зеркало русского национального характера // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М., 1999. С. 356–359.
- ²⁸ Черниловский З.М. Записки командира роты. М., 2002. С. 53.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Д. 36. Л. 13 об.; Д. 45. Л. 23.
- ³¹ Там же. Д. 35. Л. 38–38 об.
- ³² Там же. Д. 29. Л. 8.
- ³³ Сергеев Б. Война 1914–20 г. Мобилизация // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка (Париж). 1925. Декабрь. № 8. С. 12, 15.
- ³⁴ Демьяненко Я. Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль (Париж). 1960. Январь. № 40. С. 10.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 41. Л. 45, 46. Слова «влитое по мобилизации» (взятые в скобки) вставлены Чернавным потом.
- ³⁶ Пестржецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011. С. 47.
- ³⁷ Сушильников П.В. Из воспоминаний Астраханского Гренадера (1914). 14 августа 1914 г. // Русский военно-исторический вестник. № 7. Париж, 1950. С. 41.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.
- ³⁹ Там же. Л. 49.
- ⁴⁰ Там же. Л. 47 об.; Д. 21. Л. 127.
- ⁴¹ Б.В. Первое наступление в Восточную Пруссию // Артиллерийские «чай – беседы». Сборник докладов и заметок. Белград, 1930. С. 13.
- ⁴² Некрасов С. Восьмая рота Л. Гв. Московского полка под Тарнавкой // Бюллетень объединения Лейб-Гвардии Московского полка. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. 1914–1964. Париж, 1964. С. 18.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Л. 10 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
- ⁴⁶ Там же. Д. 6. Л. 49.
- ⁴⁷ Showalter D.E. Tannenberg. Clash of Empires. Washington, 2004. P. 276.
- ⁴⁸ См.: Holzmann M. Hanseatische Landwehr im Felde. (Geschichte des L.I.R. 75.) Teil 2. Die Wacht im Osten. Hamburg, 1922; Holsten H. Landwehr-Infanterie-Regiment 76 im Weltkrieg. Stade, 1938.
- ⁴⁹ Незнамов А. Стратегия темперамента. С. 163.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 50 об.
- ⁵¹ Гинденбург П., фон. Из моей жизни. М., 2013. С. 89.

В.Ю. Соболев (Санкт-Петербург)

КОТОРСКОЙ ПОГОСТ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТЕЙ ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ОСВОЕНИЕ раннесредневековым населением незнакомых территорий Северо-Запада России сопровождалось обустройством сети небольших укрепленных «фортов» – деревянных крепостей, возведенных в удобных с фортификационной точки зрения местах и принявших на себя кроме оборонительных и другие функции организации обживаемого пространства.

В Новгородской земле, характерной особенностью которой является малочисленность городов, модель расселения, при которой в определенных ключевых точках пространства появляются поселения, состоящие из укрепленной и неукрепленной частей, сформировалась не позднее конца VIII – начала IX и просуществовала как минимум до середины XI столетия. В это время и позднее административные, торгово-ремесленные, военные функции исполняли погосты – центры сравнительно небольших территорий, за ними в российской археологической литературе закрепилось обозначение «локальные центры» или «центры власти».

Начало формирования системы погостов в Новгородской земле принято связывать с известием «Повести временных лет», сообщаемым под 6455 (947) годом: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты...». Работами исследователей второй половины XIX–XX вв. значительная часть новгородских погостов была локализована¹.

В западной части средневековой Новгородской земли археологическими разведками разных лет выявлено несколько десятков поселений с остатками фортификационных сооружений различной степени

сохранности. Из четырех типов городищ, выделенных П.А. Раппопортом² на основании их плановой структуры и детализированных в работах А.В. Кузы³, в регионе к западу от Новгорода встречаются лишь памятники двух из них. Основное число укрепленных поселений – мысовые, довольно простой конструкции: с одной лишь линией укреплений с напольной стороны. По краю площадки некоторых до сих пор читаются земляные «валы», у других на мысовой части не сохранилось никаких следов оборонительных стен; фиксируется эскарпирование склонов.

Второй встречающийся тип – «островные», возведенные на господствующем над местностью холме, вершина которого окружена одним или несколькими кольцевыми валами.

Лишь небольшая часть известных городищ подвергалась более или менее масштабным археологическим раскопкам, зачастую исследователи ограничивались сбором подъемного материала и/или разведочной шурфовкой, в силу целого ряда объективных и субъективных причин случаи изучения именно оборонительных сооружений единичны. Это придает особую важность публикации и анализу материалов изученных археологических памятников.

Одним из наиболее изученных комплексов средневековых археологических памятников, включающих в себя остатки укрепленного городка и связанного с ним открытого селища, является комплекс у деревни Которск Плюсского района Псковской области. Отождествление средневекового Никольского Которского погоста с позднейшим селом Которско/Которск Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии было предложено А.М. Андрияшевым⁴.

Комплекс археологических памятников у д. Которск Плюсского района Псковской области, включающий в себя мысовое городище с примыкающим к нему с напольной стороны селищем и топографически связанные с ними несколько разнотипных погребальных памятников, надежно соотносится исследователями со средневековым Которским погостом – одним из административных центров Шелонской пятины.

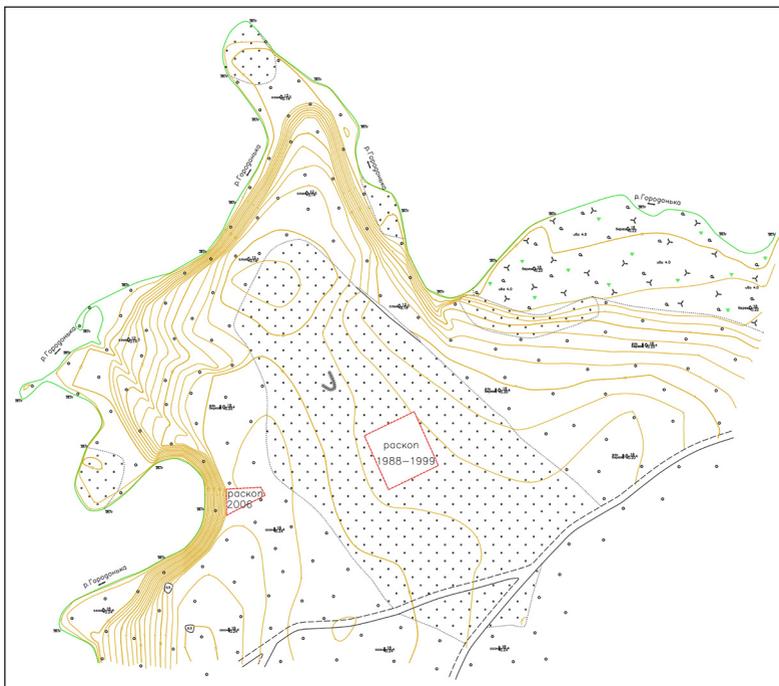
История археологического изучения комплекса насчитывает уже около ста лет, отражая все этапы становления исследований на Северо-Западе⁵, подробно она была недавно мною опубликована⁶, в настоящей статье имеет смысл отразить лишь основные вехи. Впервые памятники у д. Которск упомянуты Л.Н. Целепи в собиравшихся им материалах для составления археологической карты Лужского уез-

да Санкт-Петербургской губернии⁷, городок и курганы у д. Которско отмечены в картотеке А.А. Спицына⁸. В 1927 г. некоторые входящие в состав комплекса курганные кладбища были осмотрены и учтены сотрудниками палеоэтнологической экспедиции Г.П. Гроздиловым и П.Н. Шульцем⁹; после Второй мировой войны одна из сопочных насыпей и курганные группы обследовались участниками комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г.¹⁰

Первые разведочные раскопки были проведены лишь в начале 1970-х гг.: в 1971 г. Л.А. Царькова¹¹ и в 1972 г. Н.В. Хвоцинская¹² выявили сперва неукрепленную часть поселения, а затем и городище, провели их разведочную шурфовку. В 1986 г. к изучению памятников комплекса Которского погоста приступил С.Л. Кузьмин, исследовавший в 1988–1990 гг. более 450 м² культурных напластований в центральной части поселения. Тогда же были заложены разведочные шурфы на площадке городища, не выявившие культурного слоя. В 1999 г. работы в центральной части селища были продолжены автором настоящей статьи, заложившим раскоп к востоку от изучавшегося ранее участка¹³, а в 2006 г. работами под руководством Е.Р. Михайловой вскрыто немногим менее 130 м² в западной части поселения. Таким образом, к настоящему времени общая площадь исследованных культурных напластований составляет 752 м².

В 2012–2013 гг. переснят¹⁴ инструментальный план всего комплекса археологических памятников Которского погоста, давший возможность заново проанализировать как его общую топографию, так и микротопографию поселения, соотношение его неукрепленной и укрепленной частей. Проведенная работа позволила предложить варианты реконструкции существовавших на городище фортификационных сооружений и оценить оборонительные возможности укреплений.

Итак, поселение Которской погост расположено на высоком левом коренном берегу в излучине р. Городоньки, с востока дополнительно ограничено поймой подболоченного ручья (ил. 1). Городище мысового типа, с напольной стороны площадка была ограждена рвом и земляной насыпью, считавшейся до недавнего времени остатками разрушенного временем вала. В настоящее время следы оборонительных сооружений сильно распаханы и практически сnivelированы, однако они были отчетливо заметны в середине XX в. (ил. 2), их остатки фиксировались еще на рубеже 1980–1990-х гг. Площадка городища подтреугольной формы, вытянутой в направлении с юга на

Ил. 1. Которской погост. План поселения. Инструментальная съемка Г.В. Порошина, В.Ю. Соболева, А.В. Бехтера, 2012–2013 гг.

север, ее максимальные размеры от внешнего, напольного края вала до края мысовой площадки 60 м, ширина в наиболее широкой – привальной – части – 40 м, высота площадки над уровнем реки – 7,5–8,5 м. Площадка имеет общее понижение с юга на север – от остатков вала к стрелке мыса.

К югу от остатков вала в песчаных берегах реки заметны две заплывшие довольно широкие западины, являющиеся, по всей вероятности, остатками рва, в центральной части полностью сnivelированного и почти полностью заплывшего. Выход на площадку городища фиксируется в виде едва заметной тропинки, берущей начало у южного края восточной западины, поднимающейся вдоль восточного края площадки и выводящей к стрелке мыса. Двигающийся ко входу в крепостцу по этой тропинке человек на всем протяжении своего пути обращен к стене, а значит и к ее защитникам, левым, не прикрытым щитом боком.

Ил. 2. Которской погост. Фрагмент аэрофотоснимка, сделанного Luftflotten commando 1 08.05.1944 г. Национальное управление архивов и документации (США) National Archives / Cartographic Department. RG 373 – GX-4828-SD – Frame № 084.

Цифрами обозначены:

- 1. Укрепленная часть поселения – «городище»**
- 1а. Остатки основания защитной стены.**
- 2. Неукрепленная часть поселения – «селище».**
- 3. Сопка Которск I**

Разведочная шурфовка не выявила культурных напластований на площадке городища, остатки оборонительных сооружений исследовались лишь неразрушающими археологическими методами.

Можно предположить, что отмеченная при обследовании насыпь земли, отделяющая с напольной стороны городище от неукрепленной части поселения, представляла собой не остатки вала, а основание оборонительной стены, устроенной в виде городней, заполненных песком. Исходя из результатов топосъемки, можно предполагать, что ширина оборонительной конструкции могла составлять 8–12 м, высота – не менее 1 м, но вряд ли превышала 2 м. Сверху, по всей вероятности, был проложен боевой ход, прикрытый с напольной стороны бревенчатым частоколом или защитной стенкой; предположить

строительство конструктивно более сложных фортификационных элементов при современном уровне изученности оборонительных сооружений Которского городища невозможно. К югу от стены, на некотором расстоянии от нее, был вырыт ров, ширина и глубина которого до прорезки не могут быть точно определены.

Таким образом, созданная искусственная преграда могла иметь суммарную высоту от 3 до 4,5 м и должна была обеспечивать защиту обороняющихся от метательного оружия и приступов с напольной стороны городка. Восточная и западная стороны городищенского мыса, по имеющимся данным, укреплены не были: эскарпирование склонов не прослеживается, возможно, по краю площадки городища был устроен частокол, но это предположение требует дополнительных археологических подтверждений.

Отсутствие культурных напластований собственно на площадке городища, косвенно свидетельствующее об отсутствии постоянной или непосредственной угрозы жителям поселка, заставляет обратить более пристальное внимание результатам исследования основной – неукрепленной – части поселения.

Селище примыкает к городищу с напольной стороны и занимает участок между двумя меандрами р. Городоньки (ил. 1, 2). Территория памятника в западной части более возвышенная, понижается в восточном направлении. Общая площадь распространения культурного слоя составляет 2,3–2,5 га, в западной части высокий берег подмыт рекой, и часть культурного слоя осыпалась.

Раскоп 1988–1990 и 1999 г., расположенный в центральной части памятника, позволил создать стратиграфическую схему культурных напластований и определить хронологические рамки как функционирования поселения в целом, так и времени формирования отдельных слоев.

Материк представлен желтым песком, поверх которого залегает слой бурого гумусированного песка мощностью до 30 см, а непосредственно над ним располагается слой гумусированного песка интенсивно-черного цвета. Слой бурого гумуса содержит исключительно лепную керамику. В нем прослеживается не менее двух последовательных горизонтов застройки, в целом он может быть датирован концом IX – первой третью X в.

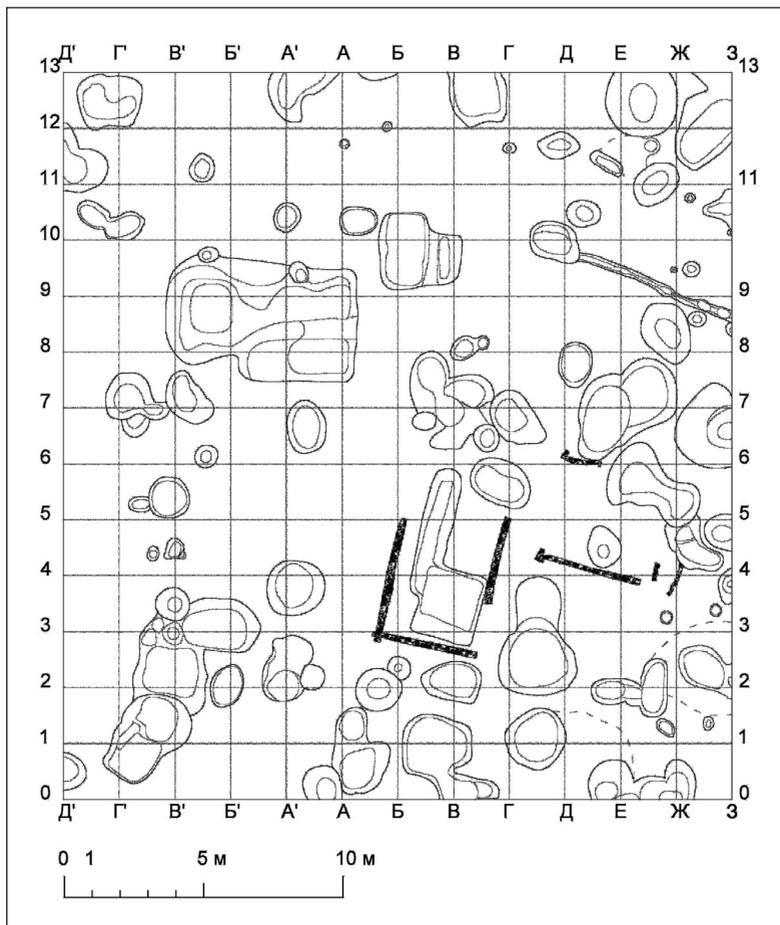
Мощность не потревоженной современными вторжениями толщи слоя черного гумуса колеблется в пределах 15–50 см. В слое черного гумуса, в его нижней части, практически на всей площади раскопан-

ных участков фиксируется тонкая прослойка угля и сажи. На отдельных участках данная прослойка – горизонт пожара – представляет собой нижнюю часть слоя черного гумуса, непосредственно граничащую с нижележащим слоем бурого гумуса. Однако при детальной фиксации заполнения котлованов жилых и хозяйственных построек удалось установить, что под слоем пожара в заполнении уже успела сформироваться тонкая (около 5 см) прослойка черного гумуса. Таким образом, важно подчеркнуть, что пожар, уничтоживший, по всей вероятности, полностью застройку в центральной части поселения, произошел в начале периода накопления черного гумуса, но указанный слой начал формироваться до случившегося катаклизма.

Находки в слое пожара предметов вооружения – наконечников стрел, лезвий боевых топоров, стремени, залегавшего в слое вместе с несколькими фрагментами конских ребер, позволяют утверждать, что причиной пожара стала военная катастрофа.

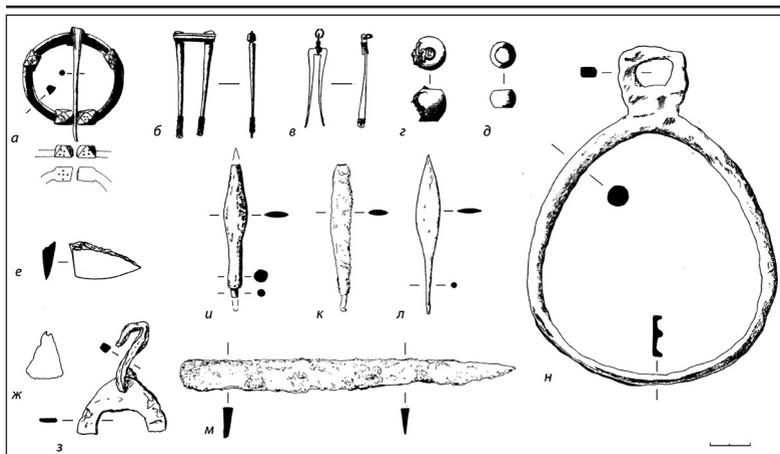
Радиоуглеродный анализ остатков сооружений, сгоревших в пожаре, дал даты 910 ± 60 гг. н. э. и 930 ± 45 гг. н.э., исходя из которых, а также из датировки керамического комплекса поселения и вещевого материала, пожар, по всей вероятности, следует отнести к середине – второй половине X в. Насыщенность слоя пожара предметами вооружения профессиональных воинов (ил. 4) и отсутствие в культурных напластованиях Которского погоста иных слоев и прослоек, связываемых с пожарами, дают возможность предположить экстраординарную природу происшествия. Известная нам канва исторических событий, происходивших в Новгородской земле в середине – второй половине X столетия, фиксирует два события: поход княгини Ольги на Мсту и Лугу и крещение населения Новгородской земли. Представляется заманчивым связать военную катастрофу, уничтожившую застройку Которского погоста, с одним из этих событий, однако, это не более чем предположение.

Начало формирования слоя черного гумуса может быть датировано первой третью X столетия (временем около 930-х гг. или несколько позднее), в это время на поселении появляется гончарная керамика¹⁵. Основная толща напластований черного гумуса накапливалась на протяжении второй половины X столетия. Слой черного гумуса значительно более насыщен находками, чем нижележащий, в нем резко возросло количество стеклянных и каменных бус и изделий из цветного металла.

Ил. 3. Которской погост. Сводный план раскопов в центральной части поселения (1988–1990 гг. и 1999 г.) в уровне материковых ям

На участке площадью 624 м², исследованном в центральной части поселения в 1988–1990 гг. и 1999 г., были обнаружены углубленные в материк котлованы и остатки в общей сложности тринадцати построек, располагавшихся скученно, вплотную друг к другу, и относящихся к различным стратиграфическим слоям (ил. 3). По мнению С.Л. Кузьмина, не менее двух ярусов застройки сформировалось за время накопления слоя бурого гумусированного песка¹⁶. Со слоем

Ил. 4. Которской погост. Находки из горизонта пожара:

а – подковообразная застежка, **б, в** – детали весов для малых взвешиваний, **г, д** – гирьки-разновесы, **е** – фрагмент лезвия боевого топора, **и-л** – наконечники стрел, **м** – фрагмент боевого ножа, **н** – стреля.
а- в, ж – бронза;
г, д – железо, бронза;
е, з-н – железо

черного гумуса, на мой взгляд, может быть связано не менее трех ярусов застройки.

Происходящие из исследованной в центральной части памятника площади находки многочисленны и представляют собой весь спектр бытовых предметов, деталей костюмов, украшений и пр. и их фрагментов, исключение составляют лишь вещи, изготовленные из органических материалов, практически не сохраняющиеся в силу почвенных условий. Важно отметить, что в раскопе 1999 г. половину коллекции индивидуальных находок – около 400 единиц – составляли стеклянные и каменные бусы, их фрагменты и бисер. При анализе распространения индивидуальных находок зафиксирован рост их числа в восточном направлении, особенно показательный для бисера и бус.

В северо-восточной части раскопа 1999 г. была прослежена канавка от частокола и следы двух рядов столбовых ям, располагавшихся параллельно ей и друг от друга на расстоянии 2– 2,5 м. Данные конструкции могут быть интерпретированы как остатки забора, отграничивавшего территорию одной усадьбы от соседней (ил. 3).

Если периодическая «миграция» межусадебных заборов и перенос границ усадеб, то немного расширившихся за счет соседних участков, то наоборот, уменьшавшихся из-за расширения соседей, не единожды фиксировалась при археологических исследованиях древнерусских городов, в первую очередь Новгорода, то сам факт наличия усадебного деления на сельском поселении является если не уникальной, то весьма редкой и значимой находкой. Можно предположить, что в пределы раскопанного в центральной части поселения участка вошла по большей части территория одной усадьбы, постройки которой несколько раз возобновлялись или перестраивались.

Верхняя часть слоя черного гумуса практически по всей площади памятника распахана на глубину около 40 см. Слой пахоты, представляющий из себя деструктурированный слой черного гумуса, содержит многочисленные находки, достаточно надежно датирующие его второй половиной X–XI вв. Важно подчеркнуть, что среди находок нет предметов, входящих в употребление позднее рубежа XI–XII вв.

Раскоп, заложенный в 2006 г. в западной части поселения, на самом краю берега (ил. 1), пришелся не на жилую, а на производственную зону поселения. В площади раскопа сравнительно мало численны находки украшений и их фрагментов, также не выявлено ни одной ямы, которая могла бы быть интерпретирована как остатки подпола жилой постройки, все исследованные ямы – хозяйственно-го назначения. Важно отметить, что в культурном слое встречено огромное количество следов обработки железа, а одна из исследованных ям была полностью заполнена катышками железной руды¹⁷. Автор раскопок подчеркивает, что «что описываемый участок и по своим топографическим характеристикам весьма удобен для размещения «горячего» производства – это возвышенный наветренный участок коренного берега, удаленный от зоны жилой застройки на безопасное расстояние»¹⁸.

Открытым остается вопрос как о времени строительства укреплений, так и о их строительной истории. Представляется вероятным, что небольшой укрепленный городок был возведен на этапе расселения носителей культуры сопок в окрестностях озера Песно, т. е. в конце IX – начале X столетия. Уже отмечалось, что разведочные обследования не выявили культурных напластований на площадке городища. Это и зафиксированный раскопками лишь один крупный пожар на открытой части поселения, датируемый не ранее середины – конца X в., позволяют предполагать, что укрепленный городок

не имел постоянного гарнизона и, по всей видимости, довольно редко посещался.

Представляется, что в отсутствие специального контингента функции защитников крепостцы исполняли жители поселка. Его площадь и прослеженная усадебная планировка позволяют предположить, что население Которского погоста составляли 3–5 семей, т. е. максимальное число «ополченцев» вряд ли превышало полтора–два десятка человек.

Не использовавшиеся на протяжении 50–70 лет укрепления городка ветшали от времени и разрушались в силу естественных причин, их и без того невеликие оборонительные возможности постепенно снижались, придя к середине X в. в полный упадок. Именно это, а также незначительность защищаемой укреплениями площади, вероятно, практически не способной вместить и разместить на сколь-нибудь длительное время всех нуждающихся в защите жителей поселка, стало причиной того, что население Которска приняло бой не в стенах укрепленного городка. С каким бы историческим событием не были связаны военные действия и тотальный пожар, уничтоживший застройку Которского погоста, укрепленный городок не сыграл в этом никакой роли. Позднее, после возобновления жизни на селище, оборонительные сооружения, по всей видимости, не были возобновлены или подновлены.

Прекращение жизни на поселении на этом месте и перенос погостского центра на правый берег р. Городоньки, где он фиксируется письменными источниками XV–XVII вв. и где поныне находится д. Которск, датируется, по мнению С.Л. Кузьмина, не позднее первой трети XII столетия¹⁹ или, на мой взгляд, несколько более ранним временем – не позднее рубежа первой четверти – середины XI в.²⁰

Подводя итоги, можно отметить, что состоящее из укрепленной и открытой частей поселение Которской погост являлось одним из средневековых локальных центров в системе синхронных «центров власти» в западной части Новгородской земли. Именно перенос поселения на новое место и обусловил его особую уникальность как археологического источника: слабую нарушенность культурных напластований IX–XI вв. Большинство синхронных локальных центров продолжали существовать на своих исторических местах, на возвышенных, некогда укрепленных городках часто строились церкви, возле которых на протяжении нескольких столетий функционировали кладбища²¹ (ил. 5). В результате их раннесредневековые и средне-

Ил. 5. Городище в д. Городец Лужского района Ленинградской области и церковь Успения Пресвятой Богородицы. Фото автора

вековые культурные напластования дошли до нас многократно поврежденными, перемещенными и перемешанными.

Важно отметить, что известные на сегодняшний день небольшие укрепленные городки, аналогичные и, по всей видимости, синхронные Которскому, образуют систему, в которой каждый из них отделен от одного или нескольких соседних расстоянием в 10–25 км, то есть каждый городок удален от соседнего/соседних на один дневной переход. Сеть городищ и связанных с ними открытых поселений покрывает Верхнее Полужье, район озер Черемнецкого и Врево, бассейн Верхней Плюссы. Таким образом, простота оборонительных сооружений и малочисленность и низкий профессиональный уровень защитников каждого из них в какой-то мере компенсировались высокими мобилизационными возможностями и достаточно быстрой концентрацией сил в точке возникновения опасности. В то же время нужно отметить, что такая система оказывается действенной при нападении на один–два поселка, но она бессильна в случае, если противник способен осаждать и/или штурмовать одновременно несколько городков.

Серединой или концом X столетия датируются военные катастрофы и связанные с ними прослойки пожаров на целом ряде укреплен-

ных и неукрепленных поселений в Верхнем Полужье и Поплюсье. Какова бы ни была их причина – летописный поход княгини Ольги, крещение населения Новгородской земли или иное событие – важной оказывается низкая обороноспособность системы мелких, не имеющих постоянного профессионально подготовленного гарнизона крепостей.

---

¹ Неволлин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1853. (Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. 8); Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. 1. Списки селений. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914; Насонов А.И. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 117–126; Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201; Платонова Н.И. 1) Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по данным археологии). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988; 2) Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1990. С. 68–88; и др.

² Раппопорт П.А. 1) Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. М.; Л., 1956; 2) Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. № 52. М.; Л., 1961.

³ Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических источников. М., 1996. С. 18–22.

⁴ Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. 1. Списки селений. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914.

⁵ Соболев В.Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX – начале XX в. // Археологические вести. Вып. 22. СПб., 2016. С. 238–245.

⁶ Соболев В.Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI в.) // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15 (25). С. 4–32.

⁷ Целепи Л.Н. К археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского уезда. Шелонская пятина // АИИМК РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. № 8. Л. 18 об.

⁸ Архив ИИМК. Ф. 5. Д. 459. Л. 277, 895.

⁹ Там же. Ф. 2. Д. 106. Л. 27–29.

¹⁰ Потресов А.С., Шолохова Е.В. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции. М.; Л., 1966. С. 89–93.

¹¹ Царькова Л.А. 1) Отчет об археологической разведке в Плюском районе Псковской области // Архив Института археологии РАН. Ф. Р-1. № 4445; 2) Разведка в Плюском районе Псковской области // АО 1971 г. М., 1972. С. 23–24.

¹² Хвощинская Н.В., Прусакова З.В. Разведка в верховьях р. Плюсы // АО 1972 г. М., 1973. С. 42.

¹³ Соболев В.Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста. С. 4–32.

¹⁴ Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность Г.В. Порошину, оказавшему большую помощь в организации и проведении топогеодезических работ.

¹⁵ Общепринято, что круговая керамика распространяется в Новгородской земле в начале X в. (Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 27–75; Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарного комплекса городских центров Северо-Западной Руси X – начала XI вв. // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., С. 82–121).

¹⁶ Кузьмин С.Л. Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // ИА РАН. Архив. Р-1 № 2896. Л. 22, 25, 26.

¹⁷ Михайлова Е.Р. Отчет о раскопках селища Которской погост близ дер. Которск Плюсского района Псковской области III отрядом Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в 2006 г. С. 19–20. Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Кузьмин С.Л. Которской погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 155.

²⁰ Соболев В.Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста. С. 4–32.

²¹ В качестве примера можно привести церкви на городищах в д. Подгородье – бывш. Передольском погосте, д. Петровская Горка, д. Городец, д. Боршово и др.

*В.А. Соколов, П.А. Кабанов, М.Ю. Гусев,
Д.К. Якимов (Санкт-Петербург)*

БОЕВОЙ ПУТЬ ВОЕННОГО ВРАЧА А.Н. ОРЛОВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ЖИЗНЬ КАК ПРИМЕР ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

ВРЕМЯ ИМЕЕТ одну негативную особенность. Уходят люди, в силу естественных процессов приходят в негодность документы, освещающие и подтверждающие события, в которых они принимали участие. Поэтому с каждым годом становится все труднее сохранить, а тем более восстановить их жизненный путь. И вот уже в XXI в. участие конкретных людей в героических и кровавых событиях Великой Отечественной войны в справочниках упоминается лишь несколькими предложениями. В связи с этим мы постарались восстановить события и фамилии людей, связанные с пребыванием на фронте Алексея Николаевича Орлова, которому 22 марта 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения.

Великую Отечественную войну А.Н. Орлов встретил в должности слушателя Куйбышевской военно-медицинской академии. После ее окончания в конце декабря 1941 г. он был направлен в распоряжение Военного Совета Уральского военного округа. И уже через месяц (27 января 1942 г.) молодой военврач 3-го ранга получает назначение на должность старшего врача 713-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии Уральского военного округа (командир дивизии полковник Б.И. Зобин).

Соединение находилось в стадии формирования, которое проходило с декабря 1941 г. в г. Златоуст и Куса Челябинской области. 23 февраля 1942 г. дивизии было вручено Боевое знамя, после чего она была отправлена на фронт. Свой первый бой войны соединения приняли 7 мая 1942 г. в составе 34-й армии Северо-Западного фронта под д. Кириловщиной с полуокруженной в районе г. Демянска сто-тысячной группировкой войск 16-й немецкой армии, куда входили подразделения дивизии СС «Мертвая голова»¹.

Начиная с мая 1942 по февраль 1943 г., наши войска в этом районе провели девять наступательных операций с целью вновь окружить противника и две оборонительные операции для отражения вражеского наступления. О жестоком и кровопролитном характере боев говорит тот факт, что до ноября 1943 г. части соединения потеряли 2/3 личного состава. И все это время А.Н. Орлов был вместе с личным составом полка. Об этом свидетельствует ранение в голову (1942) и награждение орденом Красная звезда (Приказ командующего Северо-Западным фронтом № 010775 от 29 августа 1942 г.). А в апреле 1943 г. он получает назначение на должность командира приемно-сортировочного взвода 119-го отдельного медико-санитарного батальона 117-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии (Приказ от 9 апреля 1943 г.) и очередное воинское звание – капитан медицинской службы (19 апреля 1943 г.). Именно эти части в годы войны являлись центром хирургической работы на фронте. Среди поступивших с поля боя 65–75 % нуждались в выполнении различных оперативных вмешательств. Поэтому основной задачей медицинской сортировки являлась своеобразная экспресс-диагностика общего состояния раненого с целью выявления лиц, нуждающихся в направлении по жизненным показаниям в операционную, в перевязочную, в палатку для лечения шока, подлежащих дальнейшей эвакуации и т. д. Не зря выдающийся советский специалист в области военно-полевой хирургии М.Н. Ахутин (1941) писал: «хирург-сортировщик, помимо опыта, должен обладать большой энергией, высокими волевыми качествами и живым, подвижным характером»².

В ноябре 1943 г. 171-я дивизия была передислоцирована в район городов Великие Луки – Невель и вошла в состав 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта.

С июля до ноября 1944 г. личный состав соединения принимает участие в освобождении южной части Псковской области и Латвии, за что дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Кроме того, за успешные действия по обеспечению прорыва обороны противника и освобождению населенного пункта Идрица приказом Верховного Главнокомандующего всему личному составу соединения была объявлена благодарность, в Москве дан салют 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий. Приказом Верховного Главнокомандующего № 207 от 23 июля 1944 г. дивизии присвоено почетное наименование «Идрицкой»³.

В декабре 1944 г 3-я ударная армия вошла в состав 1-го Белорусского фронта и приняла активное участие в Висло-Одерской операции и освобождении Варшавы. За участие в этих событиях А.Н. Орлов был награжден медалью «За освобождение Варшавы» (9 июня 1945 г.). О кровопролитном характере боев говорит тот факт, что за период с 12 января по 3 февраля 1945 г. санитарные потери фронта составили 60 310 человек⁴. И этому огромному числу людей была оказана медицинская помощь, многие из них вернулись в строй и продолжили разгром врага. Однако личному составу медсанбатов в те дни приходилось заниматься не только своей профессиональной деятельностью.

Были случаи, когда врачи, медицинские сестры и легкораненые с оружием в руках вступали в бой с группами немцев, пытавшихся выйти из окружения⁵.

Продолжая успешное наступление, в конце февраля 1945 г. 171-я дивизия вышла к немецкому г. Зильберу, а в первых числах марта – к устью р. Одер и Балтийскому морю в районе г. Кашмина. За эти бои дивизия 26 апреля 1945 г. была награждена орденом Кутузова II степени.

В рамках Берлинской наступательной операции 171-я стрелковая дивизия в составе 79-го стрелкового корпуса, прорвав немецкую оборону, двинулась на Берлин, обходя его с северо-запада. 30 апреля 1945 г в 21 ч 45 мин части 171-й и 150-й стрелковых дивизий под командованием полковника А.И. Негоды и генерал-майора В.М. Шатилова овладели первым этажом рейхстага. Ранним утром 1 мая над зданием был поднят штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии, однако бой продолжался еще весь день, и только в ночь на 2 мая гарнизон рейхстага капитулировал. В этот день по приказу командира дивизии полковника А.И. Негоды состоялся парад частей 171-й стрелковой дивизии. За бои в Берлине дивизии и ее полкам было присвоено почетное звание «Берлинской»⁶. А Алексей Николаевич награждается медалями: «За победу над Германией» (9 мая 1945 г.), «За взятие Берлина» (9 июня 1945 г.) и орденом Отечественной войны 2-й степени» (9 июня 1945 г.).

Смолкли канонады великих сражений. У воинов появилось больше времени, чтобы подумать о мирном будущем, о родных, близких, семьях и прежде всего – о детях. Еще в период формирования 171-й дивизии на Урале на должность врача 713-го стрелкового полка, в непосредственное подчинение А.Н. Орлову прибыла выпускница Свер-

Ил. 1. Боевой путь 171-й Краснознаменной ордена Кутузова Идрицко-Берлинской стрелковой дивизии 1942–1945 гг.

Ил. 2. А.Н. Орлов

дловского медицинского института Елизавета Александровна. В 1942 г. они стали мужем и женой и до начала 1943 г. были в гуще военных событий вместе с личным составом части. В 1943 г. в преддверии ожидания рождения ребенка будущая мама уехала к своим родителям на Урал, где и появился на свет первенец молодой семьи – Николай. И лучшим, самым долгожданным подарком весной 1945 г. стало известие, что А.Н. Орлов жив. Жив, значит, семья будет вместе строить новую мирную жизнь, воспитывать детей, учиться, чтобы еще лучше и эффективнее лечить уже не раненых, а больных.

В послевоенное время он стал полковником медицинской службы (1965), доктором медицинских наук (1967), профессором (1970), лауреатом Государственной премии СССР (1984), начальником кафедры термических поражений ВМедА им. С.М. Кирова (1972–1975).

Коллектив авторов выражает благодарность семье А.Н. Орлова, сотрудникам Калининского районного и городского военных комиссариатов Санкт-Петербурга, Военно-медицинского музея за помощь в сборе материалов для написания представленной статьи.

---

¹ Лавренов С.Я. Крах Третьего рейха. М.: Изд-во аств, 2000. 608 с.; Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Эксмо, Изографус, 2003. 560 с.

² Ахутин М.Н. Военно-полевая хирургия. М.: Медгиз, 1941. 300 с.

³ Дударенко М.Л. Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1985. 598 с.

⁴ Кривошеев Г.Ф. Великая Отечественная. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2014. 384 с.

⁵ Бабаджанян А.Х. Танковые рейды 1941–1945 [воспоминания]. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 444 с.

⁶ Рабинович И.Б. Красные знамена над Берлином. Рыбинск: изд-во «Рыбинск-Михайлов посад», 2004. 48 с.

А.В. Стрельченко (Москва)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МЕЧ ИЗ СОБРАНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ*

КОЛЛЕКЦИЯ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ периода Позднего Средневековья и раннего Нового времени, которая хранится в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) весьма представительна и разнообразна.¹ Здесь можно обнаружить довольно интересные, а порой и уникальные экземпляры, такие как меч XV в. с потиром или двуручную саблю 2-й половины XVI в. с клинком типа «фламберг», и многое другое.² Но далеко не все предметы удостоились пристального внимания со стороны исследователей. К таким относится один из мечей, который выставлен в экспозиции «Оружие Западной Европы XV–XVII вв.» и будет объектом данной публикации, так как, по нашему мнению, он имеет пусть и не прямое, но явное отношение к проблематике средневековых мечей Восточной Европы. Поэтому его изучение поможет расширить «горизонты» этой группы клинкового оружия в обозначенном регионе.

Рассматриваемый нами экземпляр (инв. № 0106/126), судя по музейной документации, был найден на территории СССР и первоначально хранился в Государственном Историческом музее (Москва), а в собрание ВИМАИВиВС его передали весной 1937 г. Меч дошел до нас в довольно удовлетворительном состоянии, но без крестовины. Последняя, вероятнее всего, на момент передачи в указанное собрание уже отсутствовала, так как какого-либо упоминания о ней в документации нет.

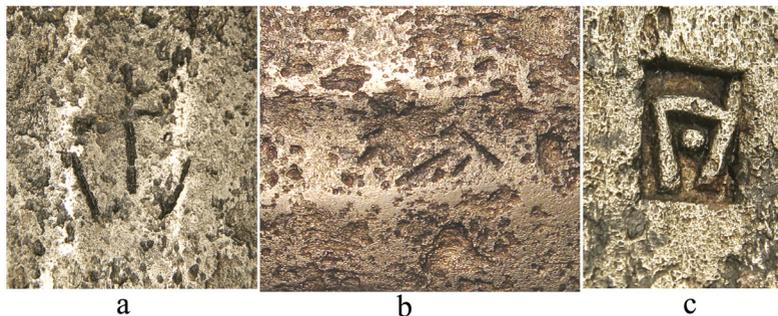
* Пользуясь случаем, хочется выразить огромную благодарность следующим людям в подготовке публикации: за предоставленный материал и консультации – заместителя директора музея по научно-просветительской и выставочной работе С.В. Ефимова, за помощь в подготовке публикации – А.В. Куприна, А.В. Николаева.

**Ил. 1. Меч, инв.№ 0106/126
(общий вид)**

Данное оружие представляет собой следующее (ил. 1). Стальной обоюдоострый клинок, длиной 728 мм. Его лезвия идут почти параллельно друг другу почти по всей длине. Поэтому ширина клинка у плечиков составляет 52 мм, в середине – 47 мм, а ближе к острию – 40 мм. Лезвия начинают плавно сужаться только в нескольких сантиметрах от окончания, образуя острие. На каждой стороне по центру проходит один дол, начинающийся еще на хвостовике и занимающий верхнюю половину клинка. Его длина 370 мм. Сечение боевой части одинаковое – в виде уплощенной линзы. Подобный клинок, скорее всего, был полифункциональным, одинаково пригодным и для рубящего удара, и для укола. В долах сохранились только следы клеймения. На одной стороне, примерно в середине, прослеживается клеймо в виде небольших черточек-канавок, контур которых, отдаленно напоминает бегущего зверя, вероятно волка (ил. 2b). На другой стороне, ближе к плечикам клинка и у завершения дола, такого рода черточки образуют контуры двух клейм в виде большого четырехконечного латинского креста на возвышении по центру и двух малых крестов, расположенных по бокам (ил. 2a). Все эти канавки указывают на то, что первоначально клейма были более четкими за счет их тауширования каким-либо из цветных металлов.

Клинок далее переходит в хвостовик рукояти, длиной 173 мм, имеющей вид сильно вытянутого пятиугольника. На одной из его сторон, ближе к

**Ил. 2. Клейма: а) «Крест Голгофы»; б) «Пассауский волчок»;
с) клеймо на хвостовике рукояти**

навершию, поставлено еще одно клеймо. В отличие от значков на клинке, здесь оно выбито путем штамповки и представляет собой малую латинскую литеру «h» с точкой в ней самой (ил. 2с).

Навершие железное, в виде уплощенного диска с небольшим квадратным выступом, расположенным по центру, на обеих плоских площадках. В самих выступах сделаны углубления полуовальной формы. Высота навершия – 45 мм, ширина – 60 мм.

Общая длина данного меча составляет 930 мм.

Как отмечалось выше, музейная документация дает нам довольно скудную информацию о рассматриваемом экземпляре. Поэтому его атрибуция возможна только по внешним морфологическим признакам, которые будут сопоставлены как типологически, так и непосредственно с аналогиями. Также здесь важную помощь могут оказать и клейма на клинке и хвостовике рукояти.

В этой связи мы обратились к одной из наиболее распространенных типологий, разработанной именно для мечей Развитого и Позднего Средневековья английским специалистом в области старинного вооружения Эвартом Окшоттом. Для определения временных рамок того или иного экземпляра, а в некоторых случаях и региональной принадлежности, им была предложена схема, где каждый элемент самого меча, на основе морфологических признаков, соотносился с типами или подтипами клинков, наверший и крестовин³. В результате чего можно было сделать определенные выводы, касающиеся датировки предмета. В нашем случае есть возможность соотнести с типологическими схемами английского исследователя только клинок и навершие.

Судя по описанию, боевая часть наиболее близка типу XIII, который, по мнению Окшотта, встречался с середины XIII до 1-й половины XIV в.⁴ Навершие больше всего подходит под критерии формы К. Исследователь отмечал, что данная форма встречалась довольно длительное время – со 2-й половины XIII до последней трети XV в., но пик ее популярности приходится на конец XIII – середину XIV в.⁵ В одной из своих более поздних работ по средневековым мечам, «Описания европейских мечей» (1991), Окшотт привел один, известный ему, экземпляр меча, где дисковидное навершие имеет квадратный выступ, и на основании этого примера сделал предположение, что навершие является одним из вариантов формы К и, скорее всего, все оружие относится к 1-й половине XIV в.⁶ Следовательно, судя по типологии, рассматриваемый нами экземпляр вполне можно было датировать последней третью XIII – серединой XIV в.

Но не так давно вышла в свет публикация «Средневековый меч с Западной Украины» (2014), где рассматривалась серия мечей, происходящих с территории Белоруссии, Молдавии, Польши и Украины, навершия которых по форме были либо в виде диска, либо в виде овала, а центре сделан не очень большой квадратный выступ⁷. Ввиду того, что датировка у мечей и отдельных деталей разная, один из выводов в той публикации заключается в следующем. Навершия такой формы встречались более длительное время, чем это предполагал Э. Окшотт. Они крепились на мечи в течение середины XIV – 1-й четверти XVI в.⁸ Ввиду того, что данный элемент рассматриваемого экземпляра весьма близок именно этой серии наверший, нельзя исключать для него более широкую датировку, так как полоса меча за время своего использования могла поменять не одно навершие и крестовину. В этой связи мы обратились непосредственно к вещественным источникам, с целью подтверждения или опровержения подобного мнения.

Как отмечалось выше, у данного экземпляра имеется особенность, которая, на наш взгляд, может внести уточнения. Это небольшое углубление в виде неправильного полуовала, сделанное в квадратном выступе. В процессе изучения вещевого материала обнаружилось две близкие аналогии с такого рода углублениями.

Первое аналогичное навершие представлено на мече, найденном случайно у с. Якушинцы, расположенного недалеко от областного центра Винницкой области. Изучавшие его украинские коллеги, опираясь на известный им материал и аналогии, довольно убедительно

отнесли находку к последней трети XIV–XV вв.⁹ Второе навершие с округлым углублением в квадратном выступе выявлено на экземпляре меча (инв. № МГОМЗ КП-17608), хранящемся в собрании Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское, Измайлово, Лефортово, Люблино» (далее МГОМЗ). На основе вещественных источников как все оружие, так и отдельные его элементы (крестовина и навершие) были также датированы последней третью XIV–XV вв.¹⁰ Следовательно, временные рамки этих аналогий дают дополнительный аргумент в пользу более широкого датирования подобных наверший. Однако, обе аналогии представлены мечами, которые появляются только не ранее последней трети XIV в.¹¹ Поэтому, вероятнее всего, нижняя временная граница у экземпляров из с. Якушинцы и собрания МГОМЗ соответствует верхней рассматриваемого меча. Помимо этого, приведенный вещественный материал косвенно указывает на то, что данное оружие вполне могли найти на территориях, входивших в 20–30-е гг. XX в. в состав Белорусской ССР или Украинской ССР.

Как отмечалось выше, клейма тоже весьма важны в уточнении атрибуции оружия.

Первая из марок, представляющая собой три стилизованных креста. В результате изучения вещественной базы удалось выявить ряд наиболее близких аналогий. Первая аналогия представлена на мече, найденном случайно в 1943 г. в черте г. Белза, расположенного на западе Львовской области Украины. Опираясь на известный материал, С. Терский, украинский исследователь в области материальной культуры, в том числе воинской, пришел к достаточно обоснованному выводу, что находка, вероятно, относится к середине – 2-й половине XIV в. и была изготовлена в одной из южно-немецких оружейных мастерских.¹² Вторая аналогия – на экземпляре меча, происходящего с юго-запада Франции. В начале 70-х гг. прошлого века со дна р. Дордонь извлекли несколько десятков мечей. Исследователи, их изучавшие, с большой долей уверенности связывают находки с последним сражением Столетней войны – битвой при Кастийоне (17 июля 1453 г.), так как район находок расположен недалеко от того места, где столкнулись армии французов и англичан¹³. Данный экземпляр, судя по клеймам на нем, немецкого происхождения и датируется 1420–1460-ми гг.¹⁴ Третья аналогия представлена на одной из регалий герцогов Баварии – церемониальном, так называемом «франконском» мече. Все оружие, ис-

ходя из архивных свидетельств, было сделано между 1455 и 1460 гг., а его клинок изготовлен мастерами южно-германского города Пассау.¹⁵ Следующую аналогию можем видеть на мече также немецкого происхождения. Экземпляр (инв. № 612) хранится в собрании Музея охоты и истории коммуны Черрето-Гвиди (Тоскана, Италия) и итальянскими оружиеведами датируется 2-й половиной XV в.¹⁶ Пятая и шестая аналогии клейму имеются на клинках у «мечей правосудия» («Gerichtsschwert»), изготовленных около 1488–1489 гг. в указанном выше оружейном центре.¹⁷

Таким образом, приведенные аналогии показывают, что подобные клейма ставятся уже со 2-й четверти XIV в. и продолжают встречаться в течение следующего, XV в. Соответственно, это должно расширять временные рамки данного экземпляра. Но здесь обращает на себя внимание малозаметная, на первый взгляд, особенность этих клейм. На аналогиях, относящихся к XV в., центральный крест выполнен шестиконечным, а у мечей из Белза и ВИМАИВиВС он четырехконечный. Следовательно, рассматриваемый экземпляр, как и находка из Белза, являются более ранними примерами подобного клеймения. Также все приведенные аналогии позволяют довольно уверенно полагать, что клинок был изготовлен в одной из мастерских Южной Германии.

Следующее клеймо напоминает своими очертаниями бегущего волка. Вне всяких сомнений, здесь представлена одна из самых известных марок Позднего Средневековья и раннего Нового Времени – «пассауский волчок», являвшаяся фирменным знаком клинковой продукции одного из крупных и значимых центров того периода – города Пассау, расположенного в Южной Германии.¹⁸ Его ставили на изделия мастерских, которые входили в гильдию мастеров-оружейников, и произведенная ими продукция прошла проверку на предмет качества. Т. е. данное клеймо являлось своеобразной гарантией на выпускаемые в Пассау клинки.

В этой связи возникает вопрос, с чем связаны остальные клейма, расположенные на другой стороне клинка и на хвостовике. Прежде чем ответить на него, обратим свое внимание на клеймо, выбитое на хвостовике.

Как мы уже отмечали, оно выполнено, скорее всего, путем штамповки. Каких-либо ему аналогий не удалось выявить. Однако с большой долей вероятности мы полагаем, что непосредственно перед нами марка самого мастера, который в то время вложил все свои уме-

ние и труд в процесс изготовления полосы рассматриваемого экземпляра. В пользу такой точки зрения служат следующие аргументы. В статутах гильдии клиночников города Пассау есть указания, что мастера несут ответственность за произведенную ими продукцию.¹⁹ А чтобы это можно было отследить при выявлении некачественной продукции, за определенным мастером закреплялась такого рода марка, которая и позволяла определять в подобных ситуациях, кто сделал клинок ненадлежащего качества. А так как сами мастера не обладали правом ведения самостоятельной деятельности по изготовлению, их марки были небольшие и ставились либо на рукоять, либо на сам клинок, но рядом с крестовиной.²⁰ Таким образом, первоначально личные клейма выполняли функцию гарантии со стороны оружейника перед своей корпорацией. Поэтому такие марки в основной своей массе остаются пока не идентифицированными. При этом следует отметить, что эти клейма довольно часто встречаются на мечах XIV – середины XV в.²¹

Возвращаясь к клеймам в виде «крестов Голгофы», мы уверенно полагаем, что они не связаны с конкретной мастерской. Следовательно, этот клеймовый знак вполне мог нести определенный сакральный смысл. Тем более, на протяжении всего Развитого и Позднего Средневековья на многие мечи наносились символы и знаки религиозного характера.²² Однако на приведенных выше аналогиях такому клейму мы выявили еще один весьма важный момент. У всех, исключая только экземпляр из Белза, рядом с такого рода крестами поставлены «пассауские волчки». При этом и те, и другие выполнены из цветной проволоки, путем тауширования, чтобы оба знака были видны. В этой связи мы полагаем, что «кресты Голгофы» являются еще одной маркой, которая ставилась от лица представителя, под чьим патронажем находились оружейные мастерские Пассау. Принимая во внимание тот факт, что данный город был резиденцией одноименного с ним княжества-епископства, а привилегии гильдии оружейников выдавались именно епископами²³, следовательно, клеймо указывает на принадлежность мастерских этим духовным правителям.

Исходя из вышеизложенного, мы можем отметить следующее. Рассмотренный нами экземпляр из собрания ВИМАИВиВС представляет собой весьма интересный пример клинкового оружия XIV в. Судя по клеймам на клинке, данную полосу изготовили в одном из крупных оружейных центров Европы – городе Пассау. Вместе с тем, клеймовые знаки показывают нам, каким образом могла маркиро-

ваться подобная продукция. Форма навершия позволяет нам полагать, что такой меч, и близкие к нему, входили в комплекс наступательного вооружения профессиональных воинов Центральной или Восточной Европы на протяжении всего XIV в.

¹ Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Книга I. СПб.: ООО «Изд-во Атлант», 2009. С. 172–263.

² Там же. С. 190–192, 208.

³ Oakeshott R.E. The sword in the age of chivalry. London, 1964. P. 21–24.

⁴ Ibid. P. 41–42.

⁵ Ibid. P. 96.

⁶ Oakeshott R.E. Records of the medieval sword. London, 1991. P. 223, pic. 8.

⁷ Стрельченко А.В. Средневековый меч с Западной Украины // *Історія давньої зброї. Дослідження* 2014. Збірник наукових праць укладено на основі матеріалів Першої міжнародної збрознавчої конференції, що відбулася у м. Київ (Україна) 16–19 лютого 2014 р. Київ, 2014. С. 216–226.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Тичук Є. Меч «на півтори руки» // *Воснна історія Поділля та Буковини. Науковий збірник. Матеріали Всеукраїнської наукової військово-історичної конференції 25–26 листопада 2009 р. Кам'янець Подільський*, 2009. С. 70–74.

¹⁰ Стрельченко А.В. Средневековый меч из собрания Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское, Измайлово, Лефортово, Люблино» // *Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы Международной научно-практической конференции 20–21 октября 2016 г. Тула, [в печати]*.

¹¹ Тичук Є. Меч «на півтори руки». С. 73–74; Стрельченко А.В. Средневековый меч из собрания Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское, Измайлово, Лефортово, Люблино».

¹² Терський С.В. Галицько-волинське боярство в музейних пам'ятках. // *Львівський Історичний музей. Наукові записки. Вип. XIV. Київ, 2010. С. 29–30.*

¹³ Thomas C. Additional Notes on the Swords of Castillon // *Park Lane Arms Fair. Spring 2012. London, 2012. P. 40–42.*

¹⁴ Ibid. P. 49–51. Fig.19.

¹⁵ Huther H. Die Passauer Wolfsklingen. *Legende und Wirklichkeit. Passau, 2007. S. 94–95.*

¹⁶ Scalini M. A Bon Droyt. Spade di uomini libri cavalieri e santi. *Catalogo. Milano, 2007. S. 200–201. Nr. 45.*

¹⁷ Huther H. Die Passauer Wolfsklingen. S. 82.

¹⁸ Ibid. S. 39–40.

¹⁹ Ibid. S. 39.

²⁰ Schwietering J. Meistermarken auf Schwerttern des 14. und 15. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Band. VIII. Heft. 8. Dresden, 1918–1920, S. 250, Abb. 1; S. 254–255, Abb. 7; Binder M.J. Ein königsschwert im Zeughaus // Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde. N.F. 5. Berlin, 1935–1936. S. 26, Abb. 4.*

²¹ Schwietering J. Meistermarken auf Schwerttern des 14. und 15. Jahrhunderts. S. 250, 254, 255; Binder M.J. Ein königsschwert im Zeughaus. S. 26, Abb. 4.

²² Wegeli R. Symbolische Darstellungen auf mittelalterlichen Schwertklingen // Anzeiger für schweizerische Altertumskunde. Neue Folge. Band. 3. Zürich, 1901. S. 24–27; Дробоглав Д.А. Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV веков. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 10–17.

²³ Huther H. Die Passauer Wolfsklingen. S. 13–14.

С.В. Талантов (Москва)

РАЗНОВИДНОСТИ КАРТУШЕЙ НА КЛИНКАХ ШАШЕК И КИНЖАЛОВ КУБАНСКОГО И ТЕРСКОГО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК КОНЦА XIX ВЕКА

В МАРТЕ 1904 г. император Николай Второй утвердил образцы шашки и кинжала нижних чинов Кавказских казачьих войск. Были регламентированы внешний вид прибора, форма и размеры клинков и картушей на них¹. Произошла унификация картушей, которые в предыдущие десятилетия имели разнообразную форму и различные шрифты.

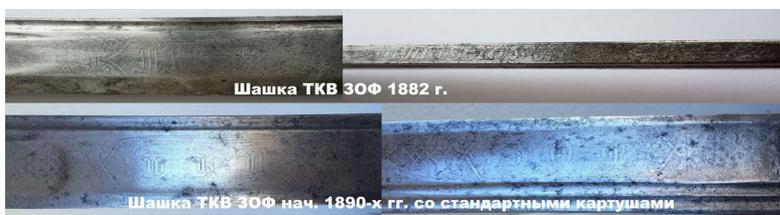
Аббревиатура «ККВ» на кинжалах и шашках производства Златоустовской оружейной фабрики после утверждения образцов 1904 г. стала расшифровываться как «Кавказские казачьи войска» (Кубанское и Терское), при этом на клинках до 1904 г. аббревиатуру «ККВ» мы расшифровываем как «Кубанское казачье войско».

Предметом настоящей статьи являются разновидности картушей на шашках и кинжалах Кубанского и Терского казачьих войск (далее – ККВ и ТКВ, соответственно), изготовленных в конце XIX в. на Златоустовской оружейной фабрике (далее – ЗОФ). В ходе проведенного исследования нам удалось выявить и систематизировать картуши, ранее не описанные в литературе по российскому холодному оружию.

Рассмотрим картуши на шашках и кинжалах ККВ 1880-х гг. производства. О заказах шашек в этот период нам известно следующее: «Штаб Кавказского военного округа согласился с доводами Кубанского войска и 30 июля 1882 г. разрешил заказать 3500 шашечных клинков в Златоусте... Основная масса шашек образца 1882 г. изготавливалась в 1883 г. (к 1 ноября была приготовлена тысяча). В войско доставлены в конце лета 1884 г. ... В 1885 г. Златоусту был сделан новый заказ 3000 шашечных клинков образца 1882 г. ... заказ, пред-

Ил. 1. Картуши на клинках шашек ККВ 1883 и 1887 гг.

Ил. 2. Картуши на клинках шашек ТКВ 30Ф 1882 г. и начала 1890-х гг.

принятый первоначально в ноябре 1885 г., растянулся на целый год и фактически состоялся лишь в ноябре 1886 г. В мае 1887 г. готовые шашки отправили в войско, где их распределили по военным отделам»².

В коллекции автора есть шашки с клинками 1883 и 1887 гг. из заказов, описанных выше. Картуши на этих клинках имеют следующее расположение: на одной стороне клинка имеется картуш с литерами «К.К.В.», расположенными горизонтально, на другой стороне клинка картуша нет, на обухе клинка – надпись в сторону рукояти с названием фабрики и годом производства (ил. 1).

В частной коллекции нам удалось обнаружить шашку ТКВ с клинком 1882 г. производства 30Ф. На одной стороне клинка расположен картуш с аббревиатурой войска «Т.К.В.», на другой стороне клинка картуша нет, на обухе расположена надпись «Златоусть ор. фабр. 1882 г.». На сегодняшний день, этот клинок 1882 г. – самый ранний из известных нам клинков ТКВ. Отметим, что рамка картуша и шрифт в аббревиатуре войска на клинке 1882 г. значительно

отличаются от известных нам картушей на более поздних клинках ТКВ ЗОФ. Для сравнения мы рассмотрим картуши стандартного вида на клинке шашки ТКВ ЗОФ из коллекции автора, который, судя по приемочным клеймам, изготовлен в начале 1890-х гг. (ил. 2).

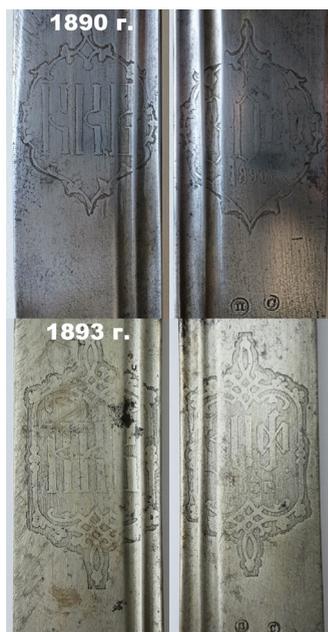
В книге «Холодное оружие кубанских казаков» Б.Е. Фролова находим следующую информацию о заказе кинжалов ККВ в 1880-е гг.: «Заказ кинжалов в 1882 году сорвался, и его повторили в 1885 г. 18 ноября из штаба войска отправили описание кинжала, составленное в 1882 г. ... Длительное время шла переписка по уточнению деталей, ибо в войске не нашлось мастеров, способных изготовить образец, и в Златоуст отослали не очень понятное описание. В ответ с оружейной фабрики в феврале 1886 г. выслали два образцовых кинжала: один – выполненный по проекту кубанцев, второй – Терского казачьего войска. 12 ноября 1886 г. Войсковой штаб сообщил в Златоуст, что Кубанское войско “признало вполне удовлетворительным клинок Терского казачьего войска, почему заказываемые клинки должны быть изготовлены по образцу Терского войска”. Численность заказа – 3000 кинжалов. Стоимость без доставки – 3 руб. Рукояти в договоре оговаривались деревянные. Кинжалы изготовлены в 1887 г. и пушены в продажу по 3 руб. 50 коп. за экземпляр. Надо полагать, что образец Терского казачьего войска, появившийся на Кубани в 1887 г., имел клинок с четырьмя долами – двумя узкими по центру и двумя широкими по бокам. На смену “дагестанским” клинкам, со смещенными долами, пришел новый тип. Мы строим предположение, потому что кинжал этого года выпуска видеть не приходилось»³.

В данном исследовании мы вводим в научный оборот ранее не известное изображение картушей кинжала ККВ 1887 г., заказ которых описан в книге «Холодное оружие кубанских казаков» Б.Е. Фролова. Перед нами кинжал с картушами, буквы в которых расположены горизонтально: аббревиатура войска «К.К.В.» с одной стороны клинка и название фабрики «З.О.Ф. 1887 г.» с другой. Картуш такого же типа с готическим шрифтом нам встречается и на клинке кинжала ТКВ (картуши практически стерты, но контуры первой буквы в аббревиатуре войска рассмотреть удастся). Оба кинжала (ил. 3) находятся в коллекции автора.

Сравним картуши на клинках шашки ККВ ЗОФ 1890 г. из коллекции автора и шашки ККВ ЗОФ 1893 г. из частной коллекции (ил. 4). Картуши на клинке 1890 г. уже вертикальные, однако еще сильно отличаются от привычного нам вида картушей ККВ начала 1890-х гг.

Ил. 3. Картуши на клинках кинжалов ККВ 1887 г. и ТКВ

Ил. 4. Картуши на клинках шашек ККВ 30Ф 1890 и 1893 гг.

Отметим, что рамка картуша на клинке 1890 г. имеет более примитивный вид, чем рамка картуша на клинке 1893 г. Интересным является тот факт, что в начале 1890-х гг., когда на 30Ф уже производились клинки ККВ с вертикальными картушами с обеих сторон, встречаются клинки с вертикальным картушем ККВ на одной стороне клинка и названием фабрики и годом производства на обухе. Такой клинок шашки с картушем с литерами «К.К.В.» с одной стороны и надписью «Златоусть ор. фабр. 1892 г.» на обухе находится в коллекции автора (ил. 5).

Особого внимания заслуживают клинки, изготовленные на 30Ф по заказам отдельных полков ККВ. В известной автору литературе по холодному оружию упоминаний об этих заказах нет, необходима дальнейшая работа в архивах по поиску информации о полковых заказах ККВ на 30Ф.

Ил. 5. Картуши на клинке шашки ККВ 1892 г.

Рассмотрим клинки, изготовленные по заказу Хоперского Казачьего полка (далее – ХКП). В коллекции автора есть кинжал, на клинке которого расположены картуши с аббревиатурой полка «Х.К.П.» с одной стороны и названием фабрики «Злат. ор. фабр.» с другой.

На двух шашках ХКП, обнаруженных в частных коллекциях, встречаются два типа картушей: первый – с картушем «Х.К.П.» с одной стороны клинка и надписью «Златоустъ» и годом производства на обухе, второй – с картушами «Х.К.П.» с одной стороны клинка и «З.О.Ф.» с годом (из-за сохранности клинка год в картуше прочитать не представляется возможным, но на приборе ножен стоит 1898 г. и приемочные клейма на клинке соответствуют этому году) с другой стороны клинка (ил. 6). Судя по приемочным клеймам на клинках (П в круге и С в круге на клинке кинжала и одной из шашек и ПШ на клинке другой шашки), мы можем сделать вывод, что клинки с картушами ХКП заказывались на ЗОФ в течении нескольких лет последнего десятилетия XIX в.

Автору удалось обнаружить в частной коллекции шашку с клинком, изготовленным на ЗОФ по заказу или 1-го Кубанского полка ККВ, или 1-го Кавказского полка ККВ. Кубанскому полку в 1894 г. был официально присвоен первый номер⁴. Мы можем предположить, что в честь этого события от 1-го Кубанского полка ККВ на ЗОФ поступил и был выполнен заказ клинков с полковой аббревиатурой «1-й КП». На клинке шашки мы видим картуш с аббревиатурой полка с одной стороны и остатки картуша с названием фабрики – с другой (ил. 7). Приемочные клейма (П в круге и С в круге) соответствуют 1894 г. изготовления.

Отметим, что казаки полков ККВ, сформированных из бывших полков Кавказского Линейного казачьего войска, старались подчеркнуть свою обособленность от казаков полков, сформированных

Ил. 6. Картуши на клинках кинжала и шашек Хоперского полка ККВ

Ил. 7. Картуши на клинке с полковой аббревиатурой «1-й КП»

Ил. 8. Картуш на клинке кинжала 30Ф 1891 г.

**Ил. 9. Картуши большого размера на клинках кинжалов
ККВ ЗОФ конца 1890-х гг.**

на базе Черноморского казачьего войска. Именно такими, бывшими «линейцами», являлись Хоперский полк ККВ и Кубанский полк ККВ.

В частных коллекциях известны кинжалы с четырехдольными клинками 1891 г. производства. Эти клинки имеют картуш нестандартной формы с надписью «Златоусть Ор. Фабр. 1891 г.» с одной стороны, на другой стороне клинка картуша с аббревиатурой войска нет. В коллекции автора есть кинжал с таким клинком (ил. 8). Все известные нам кинжалы с подобными клинками имеют прибор, характерный для кинжалов и шашек ККВ начала 1890-х гг. С большой вероятностью мы можем предположить, что эти клинки были изготовлены по заказу Кубанского казачьего войска.

Необходимо добавить, что в конце 1890-х гг. на ЗОФ производились клинки кинжалов ККВ с картушами увеличенного размера. Так, в коллекции автора есть кинжал с картушами «К.К.В.» и «З.О.Ф.» большого размера, которые сильно отличаются от привычного нам вида картушей ККВ. При этом в картуше с аббревиатурой фабрики нет года. На клинке кинжала из частной коллекции мы видим, что картуш с аббревиатурой войска имеет стандартный размер, а картуш с аббревиатурой фабрики – большой размер. На клинках обоих

кинжалов стоят одинаковые приемочные клейма ПШ, что позволяет отнести их к одному периоду изготовления (ил. 9).

В заключение надо отметить, что большинство из представленных в статье картушей ранее не были описаны в литературе по российскому холодному оружию и представляют особый интерес для исследователей и коллекционеров.

Автор выражает благодарность российским коллекционерам А.В. Косареву, А.В. Гвоздевичу, М.В. Лапшину, А.В. Семенченко, предоставившим для данной статьи фотографии предметов из своих коллекций.

---

¹ Фролов Б.Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар: Диапазон-В, 2009. С. 240.

² Там же. С. 129–130, 136–137.

³ Там же. С. 231.

⁴ Императорская Гвардия (справочная книжка Императорской Главной Квартиры) / под ред. В.К. Шенк; составил В.Х. Казин. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1912. С. 144.

Ю.Г. Тарасевич (Гродно, Беларусь)

НОМЕНКЛАТУРА АРТИЛЛЕРИИ СРЕДНЕГО И МАЛОГО КАЛИБРА В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ

РАЗВИТИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ТЕХНИКИ в Московском государстве XVI–XVII вв. характеризуется существованием обширной номенклатуры орудийных образцов, многие из которых имеют названия, трудно сопоставимые с западноевропейскими классификациями. В статье рассматриваются вопросы этой номенклатуры для средне- и малокалиберных образцов с условной верхней границей калибра ядра в 12 московских фунтов-гривенок.

Введение

В московских источниках XVI–XVII вв. чаще всего встречаются следующие определения образцов средне- и малокалиберной артиллерии: существительное «пищаль» с прилагательными «полукторная», «сороковая», «девятнадцатая», «семнадцатая», «полковая», «затинная», «дробовая», «вестовая», «обозная», «скорострельная», «огнестрельная» или существительными «хвостуша», «карабленка», а также существительные «галанка», «тюфяк», «решница», «фальконет» и «гуфница»¹, которые сочетаются с «пищалью» и (или) с названными прилагательными.

Наилучшая попытка разъяснить смысл и употребление этих терминов сделана А.Н. Лобиним в ряде работ 2004–2016 гг.² К сожалению, уважаемый автор допускает неоправданный, как кажется, произвол в своих положениях, а фактически отказавшись от рассмотрения исходных данных в контексте западноевропейских классификаций³, упускает, к тому же, возможность сделать некоторые более правдоподобные выводы из приводимого им же материала.

Еще одна (давно известная) методическая ошибка, присущая вообще многим исследованиям по истории техники: поиск закономерностей в парадигме новейшего времени, и особенно – полагание исторической терминологии всегда и полностью однозначной и устойчивой в пространстве и времени^{4,5}.

«Старинные» же термины «находились в движении» – при переходе «границы культур» или при смене технической парадигмы менялось звучание и (или) смысл⁶, с течением времени измениться могли и звучание, и смысл⁷, и даже языковая почва могла уйти «из-под» термина⁸; то же при смене культурной парадигмы, как в Западной Руси⁹. Все это происходило на протяжении полновесных столетий, которые лишь на расстоянии видятся «мигом одним»¹⁰ (например, XV в. вместил две технические революции в артиллерии¹¹).

С другой стороны, полагать европейские классификации, существующие с XV в.¹², неким «первичным супом», где в любой момент может встретиться все, что угодно, также неверно. Поскольку свою цену имело все: орудия, снаряды и порох; тяговая сила, прокладка дороги и окоп для осадного орудия¹³; и все вместе это должно было решать вполне определенные тактические задачи¹⁴, – полный произвол в наименованиях изделий и характеристиках образцов был просто невозможен. «Художественность» тогдашних названий сама по себе дела не портила; внутри себя системы были статичными, и несистемность вносилась лишь при сменах парадигм или при заимствовании типов¹⁵.

Метод, используемый в статье: рассмотрение тех систем европейских орудийных образцов, какие были заимствованы в Московском государстве в конце XV – 1-й половине XVI в., и сопоставление их характерных особенностей с закономерностями, следующими из московских источников. Более подробно рассмотрены образцы, в отношении которых существуют спорные, по нашему мнению, выводы. Московские мера и вес приняты в их известном виде¹⁶; кроме того, там, где это уместно, для наглядности иноземные единицы измерений переводятся в московские¹⁷.

Контекст

Развитие артиллерийской техники в Московском государстве XVI в. происходит в условиях 1) ограниченного предложения специалистов (блокада, непривлекательность страны) и 2) неразвитости собственной научно-технической школы, 3) стратегических труд-

ностей (обширные театры военных действий, неразвитость инфраструктуры) и 4) разнородности решаемых тактических задач (постоянные противники и «западного», и «восточного» типа). В XVII в., хотя Смутное время и разрушает производственно-техническую основу, оказываются в общем разрешены первая и вторая проблемы; третья же и, до какой-то степени, четвертая, усугубляются.

Такие условия не уникальны в Европе, и московские ответы на них, видимо, те же, что и в прочей Европе: тиражирование удачных образцов, импортированных или захваченных (иногда такое тиражирование затягивается во времени); упор на легкие – дешевые и подвижные – образцы; централизация производства и финансирования позволяет наращивать объемы производства и навязывать подобие стандартизации (за счет количества).

Оборотной стороной случайности (и, наверно, произвольности) в выборе образцов для повторения становится пестрота образцов и, главное, калибров; каждый мастер приносит собственный набор моделей, разнообразие же образцов, особенно малокалиберных, в немецких землях весьма велико. И, в силу тех же условий, устаревшее или нестандартное, и даже безнадежно испорченное оборудование хранится на московских складах, как кажется, веками.

Московской особенностью является производство железных кованно-сварных легких орудий еще в XVII в.¹⁸; вероятно, из-за блокады же и недостатка в меди и олове; также из-за дефицитности мастеров-литейщиков при уже достаточно развитой черной металлургии и технике кузнечной обработки; известны орудия такой конструкции, имеющие цапфы¹⁹.

Период становления артиллерийского производства и техники в Московском государстве, завершающийся появлением собственных сильных мастеров и началом воспроизводства отечественных кадров (Чохов и другие), в свою очередь, можно разделить на периоды «итальянский» (условно: 1479–1519 гг.) и «немецкий» (условно: 1519–1570 гг.), в течение каждого из которых московская артиллерийская техника находится под преимущественным влиянием мастеров (и образцов) соответствующего происхождения.

Итальянская система

Источники достаточно достоверных изображений и (или) данных обмеров итальянских орудий, существовавших в течение «итальянского» периода, не считая «новых» венецианских²⁰: подборка зарис-

совок в рукописи ди Джорджио Мартини (ок. 1475–1495²¹); рисованный перечень «неаполитанской добычи» французов 1495 г. (так называемая рукопись № 6993²²); рисунки в рукописях Гиберти и да Винчи; «древняя часть» рисованного перечня венецианского арсенала 1779 г. Гасперони; сборники Ларшея²³ и Ангелуччи; музейные образцы.

Легкие железные образцы не отличаются от современных им европейских ничем, кроме названий. *Спингарда* у ди Джорджио Мартини соответствует крупным французским железным *серпентинам*²⁴ и имеет ядро в 8¼–12½ грв *камня*²⁵ и ствол длиной ок. 3¾ арш и калибром канала от 13–15 см. *Черботана* (сербатана) соответствует крупным французским *краподо*; ядро в 1½–2½ грв *свинца* и ствол длиной ок. 3¾–4¾ арш и калибром канала от 4,8–5,5 см. Пищаль с крюком – *аркобузо* достаточно крупная: ядро 4/10 грв *свинца* и ствол длиной 1 арш 6 врш – 1 арш 14 врш и калибром канала от 30,4 мм.

У Гасперони показаны девять «очень малых» литых железных (!) орудий, «старинных» (конец XV в.), имеющих стволы с тонкими стенками (значит, дробовые или камнестрельные) длиной от 1 арш 6 врш до 2 арш и калибром канала 2,8–3,9, и даже 4,2 и 7,6 см²⁶. Легкие железные и бронзовые образцы, вероятно, под свинцовые ядра, известны по изображениям в рукописи № 6993. Также «пушечки» с коротким стволом, железные, сварные и литые (!)²⁷.

Наконец, «итальянский» период в Москве оставил ценное вещественное свидетельство – медную «пищаль Якова» (1485) с длиной ствола ок. 2 арш, весом 4 пуд 26 грв и калибром канала ок. 5 см, т. е. ядром до 1¾ грв *свинца*.²⁸

Здесь же уместно заметить, что *фалькон* и *фальконет* не итальянское, а французское изобретение 1480-х гг. (в виде именно литого бронзового ствола *с цапфами*), быстро заимствованное в прочих странах после «итальянской прогулки» Карла VIII (1494–1495)²⁹.

Немецкая система

Источники достаточно достоверных изображений и (или) данных обмеров немецких орудий, существовавших непосредственно перед началом «немецкого» периода, т. е. условно 1490–1519 гг.: перечень артиллерии императора Карла V (1552)³⁰, шведский альбом Фелоттов (до 1700-х гг.), также максимилиановские «Арсенальные книги» (1507–1519³¹); рукописи «Silbereisen», Cgm 734, Ms.B 26, и Cgm 599³².

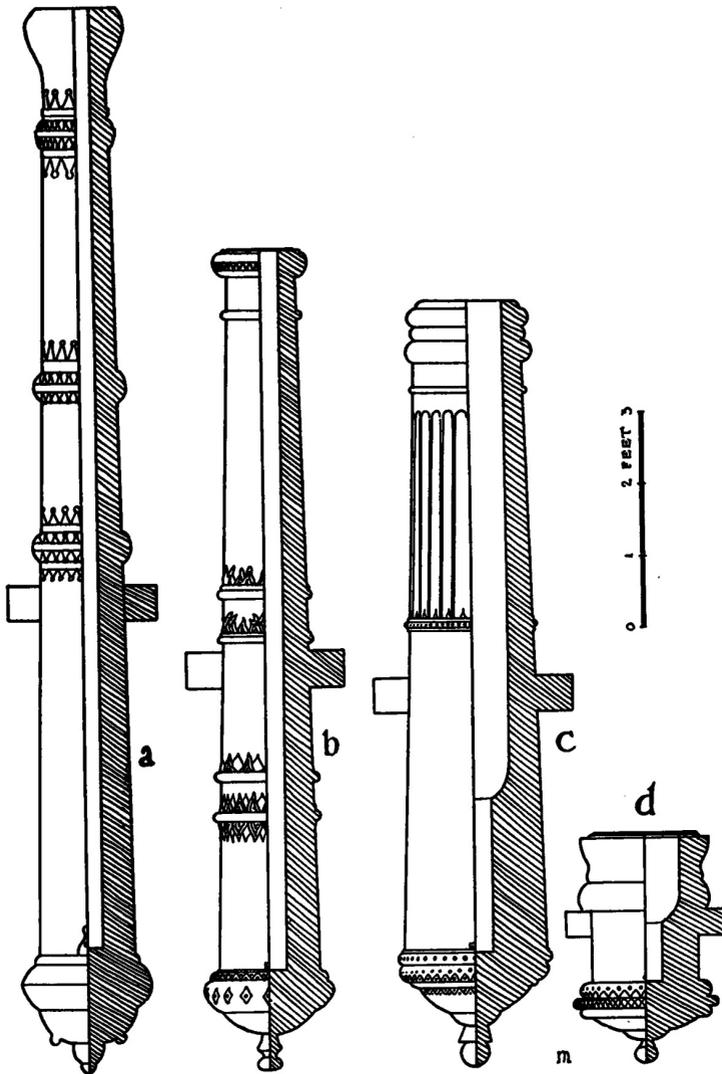
Легкие железные образцы, как и итальянские, ничего особенного по конструкции не представляют, и стоит отметить лишь некоторые данные обмеров. Длинноствольный *шланг* (букв. «змея»), аналог *серпентины*, известен с 1440 г. и вытесняет «свинцестрел» – Lothbüchse; образец, описанный в рукописи 1450 г., имеет ствол весом 11,4 пуда, длиной 3 арш и калибром (свинцового?) ядра 5,4 см, т. е. ок. 2 фунтов или $2\frac{1}{4}$ грв³³; образцы покрупнее: 3 арш и 17 пуд, 4 арш и $31\frac{1}{2}$ пуд; типичное удлинение ствола до 31 калибра и выше³⁴. Нужно заметить, что производство железных легких орудий в немецких землях, но в новых формах (уже литые?), продолжается и в XVI в.³⁵

Немецкие *бронзовые* шланги и малые пищали времен Швабской войны (1499) имеют стволы без цапф и стреляют каменным или свинцовым ядром от 1 до 10 фунтов³⁶; вводятся железные и комбинированные ядра. Позднейшие немецкие легкие образцы – это *обыкновенный*, или *полный*, или *полевой шланг* (gemeine, ganze, feld Schlange), аналог *короткой кулеврины* (калибр 8–10 ф.); *половинный шланг* или *фалькон* (!), калибр 4–6 ф.; *фальконет*, иногда отождествляемый с *четверть-шлангом*, калибр 1–3 ф. в свинце.³⁷

Бронзовые и железные шланги начала века имеют ствол длиной ок. 4 арш с калибром канала 8,75 см или ядра до $6\frac{3}{4}$ грв при весе $43\frac{1}{2}$ пуд; *фальконы-полушланги* – ок. 4 арш и калибром канала 7,5 см или ядра до 4 грв при весе $29\frac{1}{2}$ пуд; *фальконеты* – малые шланги – от 2 до 3 арш и калибром канала 5,3–6 см или ядра $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{8}$ грв.³⁸

Далее «вниз» *шарфентина* (*серпентиндль*), также отождествляемая с четверть-шлангом, калибр $\frac{1}{2}$ –1 ф. в свинце, длина 6–7 футов; наконец, формально ручные (носимые) *двойная гаковница* или *допельгак* (калибры вообще разнообразные, условно — $\frac{1}{4}$ ф. в свинце и до 4 футов длины, расчет два человека³⁹) и *гаковница* (условно $\frac{1}{8}$ ф. в свинце, с теми же оговорками).⁴⁰

Кроме того не входят в указанную линейку средне- и малокалиберные *камнестрелы* Steinbüchse (пушки и пушки-мортиры), аналог *перьеров* и *педреро*⁴¹, и малокалиберные Kammerbüchse («пищаль с пороховницей»), они же, по-старому, *фоглеры*. Немецкие же *нотшланги* («змеи-удавы») – это аналог *полных кулеврин* других стран, имеют калибр 12–16 ф. и здесь не рассматриваются. Немецкий бронзовый ствол в 1-й половине XVI в. имеет цапфы, и его вес относится к весу ядра от ок. 300 : 1 у малокалиберных до 100 : 1 у крупнокалиберных орудий.⁴²

Ил. 1. Типовые конструкции оружейного ствола, выработанные в Западной Европе к концу XVI в.: кулеврина, обыкновенная пушка, камнестрел-педреро, мортира. Рисунок Manucy по труду конца XVI в. Manucy A. *Artillery through the ages: a short illustrated history of cannon, emphasizing types used in America.* Washington, 1985

Импортируемые образцы

Исходя из сделанных предположений, мы полагаем, что повторяемые в Московском государстве образцы, по крайней мере, до условного 1570 г. – это почти исключительно образцы легкие, итальянские и немецкие, относящиеся к ранее названным периодам, железные и бронзовые, рассчитанные на каменное (вначале), свинцовое и железное (позже) ядро. Также мы полагаем, что в набор производимых типов входят легкие камнестрельные (дробовые) орудия, часть из которых имеет сравнительно крупный, *по размеру ядра*, калибр. Кроме того, в копируемые могут попадать удачные оригиналы из добыч Смоленской, Стародубской и Ливонской войн, а также образцы, привезенные из Великого княжества Литовского (ВКЛ) «мастером Богданом» (и в Польском королевстве, и в ВКЛ в XVI в. артиллерию делают немецкие мастера, а номенклатура повторяет немецкую с точностью до перевода).

Номенклатура орудийных образцов в Московском государстве складывается в основном уже в 1-й четверти XVI в.: в записи «Софийского временника» к 1530 г.: «И который был наряд (пищали полоторные, и семипядные, и сороковые, и затинные) привезен на телегах на обозных к городу»⁴³; крымцы в 1530–1531 гг. предположительно получают от султана «пушечный наряд и с полоторными пищальми и с сороковыми и с затинными»⁴⁴. Эти же типы существуют, с некоторыми оговорками, на протяжении XVI–XVII вв.

На основании изложенного можно сделать правдоподобные предположения относительно значений всех основных терминов московской номенклатуры.

Сороковые пищали

Тип «сороковых» пищалей известен уже в начале 1530-х гг.; тогда же встречается в документах Великого княжества Литовского⁴⁵; определение применяется в отношении собственных и зарубежных орудийных образцов⁴⁶; зафиксированы определения «сороковое зелье [порох]»⁴⁷ и «сороковые ядра»⁴⁸. В дальнейшем, однако, – на протяжении 1640–1670 гг. – тип (постепенно?) исчезает из списков⁴⁹.

В тех случаях, когда в документах имеются данные обмеров, оказывается, что тип имеет малокалиберный ствол под железное ядро от $\frac{1}{2}$ до 2 грв⁵⁰, т. е. поперечник *железного ядра московской сороковой пищали* составляет примерно 38–60 мм, что соответствует каналу ствола от 40–42 до 63–65 мм⁵¹.

Сороковые (не многоствольные)

Очень спорно отождествление А.Н. Лобиним сороковых пищалей и многоствольных установок («рибодекинов, органов, соро́к»)⁵², основанное не на сходстве ли с одним из русских названий такой установки – «соро́ка»?

Во-первых, в источниках XVI–XVII вв. отсутствуют явные указания на многоствольность сороковых пищалей – автор таких сведений не обнаружил; в статье А.Н. Лобина таких ссылок нет.

Далее, сам А.Н. Лобин цитирует опись наряда Муром (1639), где говорится о шести пищалах «меденых сороковых Фрязины». Поскольку в описях XVI–XVII вв. «пищали Якова Фрязина» встречаются не раз, но без указания, что они «сороковые», и поскольку совершенно невероятно, что именно в Муром 1639 г. попали именно многоствольные, и никакие другие, пищали авторства Якова или Петра Фрязина (да еще 6 единиц!), то это довод как раз за то, что «сороковая» пищаль – это пищаль обыкновенная, одноствольная.

Против многоствольности «сороковых» говорит собственно количество упоминаний о них в московских источниках XVI в. и исчезновение их из источников XVII в. без появления адекватной по месту и количеству замены. В то же время XVII в. – до распространения картечных снарядов – как раз век расцвета многостволоков в Европе, появления сложных специализированных конструкций, спусковых механизмов и пр.⁵³ С другой стороны, многоствольное орудие есть вещь сложная и дорогая, потому и редкая. В XVI веке даже в богатых немецких землях многостволки считают на единицы⁵⁴, с чем не согласуется обыденность сороковых (предположительно многоствольных) пищалей и уровень производственного развития в Московском государстве XVI в. И если «сороковые пищали редко упоминаются в описях крепостей»⁵⁵, то это как раз должно вызвать сомнение в их многоствольности – ведь многоствольное орудие, по выражению немецкой рукописи 1488 г., «есть отец ворот и [всех мест,] где бы враг шел на приступ»; оно также «пригождается в вагенбурге»⁵⁶.

Впрочем, в описи наряда Троице-Сергиева монастыря (1641–1642) находим «арганки», но это заимствованное польское наименование (*organki* – мн. ч. от «маленький орган», *plotki* – мн. ч. от «заборчик»). Взятие иноземного названия для известной конструкции при наличии устойчивого собственного само по себе возможно, но маловероятно. Кстати, в Ливонии времен походов Ивана IV многостволки назывались бы не «рибодекины» (это французское и фландрское

наименование, вышедшее в тех краях из широкого употребления еще к 1510-м гг.), а «органы» – Orgel (geschütz), или «градобои» – Hagelgeschütz или, по-старому, «боевые двуколки» – Streitkarre⁵⁷.

Наконец, в источниках есть места, где сороковые пищали *явно отождествляются с обыкновенным легким нарядом*. Так, в «распросных речах лазутчиков и московских выходцев» на литовской стороне осенью 1534 г.: «которые дела [орудия] великии были посланы на берег, тых дей болших осм назад к Москве отвезено, одно малыи сороковыи дела при тых людех на берегу zostавлены»⁵⁸; в Елец в марте 1593 г. предписано послать «в прибавку три пищали девятипядных или сороковых»⁵⁹.

Таким образом, сороковые пищали – это *легкие одноствольные* орудия, выделяемые в Московском государстве в особый тип с XVI по начало XVII в. Также см. далее раздел «Полуторные и сороковые».

Полуторные пищали

Тип «полуторных» пищалей известен уже к 1530-м гг. и далее в XVI–XVII вв. «Полуторные» пушки («Pultoraу», «polutornie») отмечены в немецких источниках времен Ливонской войны (1577–1578 гг.)⁶⁰; московские источники используют это определение в отношении зарубежных орудийных образцов⁶¹. Опись городов 1678 г. и различные описи 1680-х гг. все еще массово включают полуторные пищали и выделять этот тип перестают, видимо, после петровских реформ артиллерии⁶².

Отличительные качества типа – бить далеко и точно. Полуторные пищали помещаются (исключительно?) в верхние бой башен крепостей; с их помощью ведут контрбатареиную борьбу⁶³. Калибры ядер полуторных пищалей колеблются от 1½–2 грв⁶⁴ (А.Н. Лобин снижает эту границу до 1 грв⁶⁵) до 8–9½ грв⁶⁶ и даже 14 грв⁶⁷. Градация размеров стволов в соответствии с калибром выглядит примерно следующим образом: 2½–2¾ арш – 4 грв⁶⁸; 3–3½ арш (при весе ок. 30 пудов) – 4¾ грв⁶⁹; 3–3¼ арш при калибре 6 грв⁷⁰; примечателен выпуск более 30 практически однотипных полуторных пищалей калибром 6 грв и длиной ствола свыше 4 арш и весом порядка 50 пудов, осуществлявшийся на московском Пушечном дворе на протяжении более 80 лет (1562–1648 гг.)⁷¹.

При всех различиях измерений, однако, «полуторная пищаль» – это, несомненно, устойчивое определение⁷². А.Н. Лобин полагает, что полуторные пищали выделялись в Московском государстве по

признаку их «эталонной» длины то ли в «полтора десятка» пядей ($3\frac{3}{4}$ арш), то ли в «полторы сажени» ($4\frac{1}{2}$ арш)⁷³. *Этот вывод кажется спорным.* О таких «эталонных» размерах речь лишь с 1560-х гг., и разницей в калибрах и в длине (!) фиксируемых образцов гораздо существеннее. Ливонцы, не рассмотрев полуторных пищалей, называют их московским наименованием «*polutornie*», но рассмотрев, уже отождествляют их с «фельдшлангами». Во взятых ливонских городах найдены «полуторные пищали»⁷⁴, и все ли длиной «в пятнадцать пядей»?

Вообще в Европе XVI в. и, в какой-то мере, XVII в. точная величина длины ствола не была определяющим показателем для выделения орудийного типа, а равно не учитывалась и в денежных вопросах – мастер получал плату *с веса* изготовленного ствола. Вряд ли дело обстояло иначе в Московском государстве – с очевидными исключениями в виде «девятипядных» и «семипядных» пищалей, о которых речь далее.

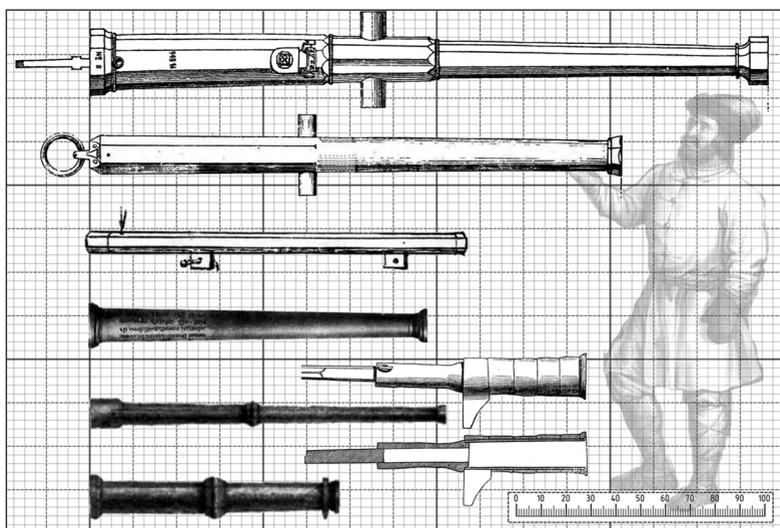
Полуторные и сороковые

Итак, «полуторность» как определяющий показатель относилась к чему-то более общему, чем конкретная величина длины ствола (в пядях ли, в сажнях ли). Мы полагаем этим более общим свойством примерное соотношение длин стволов 2-аршинных легких пищалей «итальянского» периода⁷⁵ и легких пищалей начала «немецкого» периода – вполне вероятно, *фальконетов*⁷⁶, стволы которых как раз имеют типовую длину ок. 3 арш и превосходят длиной «прежние малые пушки» в полтора раза⁷⁷ (или даже единицей был примерный средний рост?!). Или же в Москву попали вместе фальконеты (3 арш) и фальконы (4 арш), или короткие (2 арш) и длинные (3 арш) фальконеты; в каждом случае имеет место «полуторное» соотношение.

Мы полагаем, что в дальнейшем, с расширением номенклатуры образцов, название «полуторных» распространяется – по аналогии – на *любые шланги-фальконы-фальконеты-кулеврины* со стволами значительного удлинения (от 30 клб), «вверх» до 6–8-фунтовых (*фальконов*) и 14-фунтовых (*нотшлангов*), и «вниз» – до 1-фунтовых пищалей.

Деватипядные и семипядные пищали

В источниках XVI–XVII вв. семипядные появляются с 1530-х гг.⁷⁸, девятипядные как будто попозже; девяти пядям соответствуют $2\frac{1}{4}$

Ил. 2. Сравнение размеров некоторых типичных оружейных образцов переходного периода. Сверху вниз: немецкие бронзовый фалькон-полушлаг, Франкония (канал ствола 7,5 см) и железный (литой?) фальконет – малый шлаг, Ройтлинген (5–6 см) и железный (литой?) Essenwein, примеч. 38; железная кованая пушка 2-й пол. XV в., Фландрия (6 см), примеч. 23, Р. 9; «пищаль Якова», примеч. 28; две литых железных пушки из труда Гасперони (3,5–3,8 см и ок. 9 см), примеч. 20, 26; правее: гаковница-камнестрел из арсенала князей Шварцбургов (10,4 см), примеч. 110. Линейка метровая, сетка – в аршинах-пядах-вершках. Фигура с условным ростом 1,65 м из альбома Висковатова

арш, семи – $1\frac{3}{4}$ арш. Девятипядные по боевой ценности считаются соответствующими сороковым⁷⁹, а также отождествляются с *фальконетами*⁸⁰; известные калибры девятипядных ядер 2–4 грв; возможно, ядра свинцовые⁸¹. О семипядных пищалах известно мало; близкие размеры в 6–7 пядей имеют некоторые затинные и полковые в XVII в.⁸² В описях XVII в. девятипядные и семипядные пищали малозаметны; возможно, образцы обоих типов еще существуют, но входят в документы как обыкновенные пищали определенной длины⁸³.

Можно предположить, что *девятипядные пищали* – это *короткие фальконеты*⁸⁴ (для крепостной службы? либо так какое-то время обозначали «старые» фальконеты?), различие которых с «легкими

фрязинскими» в несколько более длинном стволе и наличии цапф, а *семипядные пищали – двойные гаковницы*⁸⁵, повторяемые по 7-пядному образцу.

Фальконеты

Варианты названия «фальконет» в виде «волконея», «волконет» и «волконейка», «фомколет», «фулькалет» и «функалет» получали орудия соответствующего типа, т. е. фальконет; с этим названием могли сочетаться определения «полковая», «девятнадцатая», «хвостуша» и др. Ствол 2–3 арш, ядро калибром от ½ грв, железо либо свинец⁸⁶, и даже ¼ грв⁸⁷, и до 3 грв⁸⁸.

Это еще один довод за версию «полоторная = кулеврина» – сочетание «полоторная» и «фальконет», как кажется, не встречается вовсе (?), в то время как «полковая» (и «девятнадцатая») и «фальконет» – многократно.

Вероятно, такое наименование присваивалось не каждому орудью, вообще соответствующему фальконету по характеристикам, а некоторым из них, при производстве которых это название каким-то образом «прозвучало» – в отчете ли мастера, в названии ли чертежа или литейной модели. В дальнейшем наименование сохранялось, либо как самостоятельное, либо дополнительное.

Сороковые и полковые

Имея в виду, что сороковые пищали – малокалиберные и сравнительно короткоствольные, и, значит, легкие, можно понять, куда они «исчезают» около середины XVII в.: обозначение выходит из употребления с приходом в 1610–1630-х гг. полковых пищалей⁸⁹, также малокалиберных, короткоствольных и легких, притом скопированных с успешного зарубежного образца. Так новое название вытесняет старое, хотя *функциональное* подобие старых сороковых и новых полковых пищалей налицо. В позднейших списках в «полковые» попадают и бывшие сороковые пищали (либо их часть).

Затинные пищали

В наше время считаются тождественными *московские затинные пищали*, западнорусские *гаковницы* и немецкие *Hackenbüchse*^{90,91}. *Некоторые* известные калибры затинных ядер и «пулек»: железные 3–8 зол или 14,6–20 мм⁹², 1/10 грв или 21,5 мм⁹³; «свинчатые» 4/19 грв или 24,4 мм⁹⁴; длины стволов: ¾–1¾ арш («3–7 пядей»)⁹⁵.

Затинные пищали могут иметь замки (или не иметь их), а также определяться как «скорострельные»⁹⁶.

Однако как «затинные» в списках обозначены и достаточно крупные образцы, калибр которых доходит до 1, 2, 4 грв⁹⁷, а длина ствола – до 2, 3, 4 арш^{98,99}. Эти данные¹⁰⁰ позволяют сделать (новый?) вывод, что «затинные пищали» в Московском государстве – это не только представители нескольких поколений ручного оружия, но и представители аналогов нескольких немецких типов, фактически различных по тактико-техническим характеристикам и связанных лишь наличием крюка-гака-притина: *простых, целых* или *одинарных гаковниц* (*gemeine, ganze, einzeln Hack, Hake*), т. е. ручных пушек и (или) крупных ружей, и *двойных* (*doppel Hack*) и *двойных двойных гаковниц* (*doppel doppel Hack*), фактически малоразличимых с мелкими орудиями.

Тюфяки и дробовые пищали

Данный тип существует на протяжении всего рассматриваемого периода и рассматривается как сравнительно небольшого калибра камнестрельное орудие с коротким (от $3/8$ ¹⁰¹ и $1/2$ до 1 арш¹⁰²) стволом под каменное ядро до 10–15 грв¹⁰³; конструкция такого орудия позволяла стрелять дробом любого состава, расчет же на сплошное каменное ядро мог и не делаться¹⁰⁴. В таком виде тюфяк является функциональным аналогом короткоствольного немецкого камнестрела (*Steinbüchse*) и польской «шротовницы»¹⁰⁵, а также «огневых орудий» (*Feuerkatze* и под.)¹⁰⁶; вес облегченного ствола в несколько пудов позволяет включать тюфяк в «полковой наряд»¹⁰⁷; «большой» тюфяк достигает размеров 2 арш и 18 пуд¹⁰⁸. См. также раздел «Неза разрешенные вопросы».

Тюфяк может быть снабжен притином и быть при этом достаточно крупным, достигая $2\frac{1}{2}$ арш¹⁰⁹; видимо, речь в таких случаях об аналогах «камнестрельной гаковницы» из арсенала князей Шварцбургов, весом $2\frac{1}{2}$ пуд, с длиной ствольной части $3/4$ арш и полной $1\frac{1}{4}$ арш, калибром канала 10,4 см¹¹⁰.

Дробовая пищаль, вероятнее всего, тот же тюфяк-«камнестрел»¹¹¹, но с большим удлинением ствола; по пропорциям и внешнему виду может как приближаться к «настоящему» тюфяку¹¹², так и сильно от него отличаться. *Гуфницы-гафуницы* в таком случае лишь еще одно наименование дробовых пищалей. «*Огнестрельное*» орудие ничем не отличалось от дробовой пищали, кроме типа заготовленных для него снарядов и способа стрельбы. В дробовые пищали могут по-

пасть стволы, приспособленные под уменьшенный заряд и облегченный снаряд (в т. ч. дроб) – аварийные («урывки») или бракованные.

Прочие наименования

Скорострельные пищали означают конструктивное исполнение со «вкладнем» – съёмной зарядной камерой-пороховницей, а возможно, и с примитивным затвором-клином; это не настоящие казнозарядные орудия, поскольку снаряд все равно заряжается с дула. Пищали «вестовые», вероятно, указание не на «главный калибр», а на задачу – стоя на определенном месте, подавать сигнал звуком выстрела и облаком дыма. «Пищали хвостуши», вероятно, конструктивное исполнение с металлическим или деревянным «хвостом», как у гаковниц XV в. или орудий шмалькальденской добычи Карла V.

Неразрешенные вопросы

Некоторые вопросы остаются неразрешенными или разрешенными недостаточно удовлетворительно. Так, в описях встречаются тюфяки, для которых заготовлены железные (!) ядра покрупнее «затинных пулек» – 1–2 грв¹¹³. Соответствовал ли калибр боезапаса калибру ствола? Или это был ранний вариант картечи для ближнего боя с уменьшенным пороховым зарядом по «твердым» целям? Или это были уже «крупнокалиберные ружья», как иногда классифицируются вообще все тюфяки? Нет правдоподобного объяснения для пищалей «обозных». Непонятно, что такое «42 решницы, станки новые» в Пронске (1597–1598) – по количеству это оружие класса гаковниц, но откуда название? или это *ручницы* (Handbüchse) в искаженной записи, а «станками» названы ложи? Пищали-«карабленки» можно при желании отождествить с корабельными орудиями; притом, однако, «карабленками» назывались английские монеты *энджельсы*. Возможно ли наличие на «карабленках» английского клейма?

Заключение

Подводя итоги, мы полагаем, что найдены правдоподобные объяснения названий всех основных типов средне- и малокалиберной артиллерии Московского государства XVI–XVII вв. в соотношении с западноевропейскими:

- полоторные – кулеврины, от полной до фальконета; «длинные» орудия;

- сороковые – легкие «короткие» орудия; аналог полковых, в дальнейшем с ними не различаются;
- девятипядные – короткие кулеврины с калибром фальконета;
- тюфяки, гуфницы, дробовые и огнестрельные пищали – камнестрельные орудия, различаемые по удлинению ствола и основному снаряду;
- семипядные – двойные или двойные двойные гаковницы (затинные);
- затинные – гаковницы всех размеров, включая двойные двойные.

Прочие определения не дискутируются в этой работе или не образуют отдельных типов.

---

¹ Два последних – в различных озвучках соотв. западных названий.

² Итоги подведены в: Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 104–158 <http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (15.12.2012)

³ Там же. С. 111–116.

⁴ И в новейшее время это не достигается само собой, а обеспечивается непрерывным воспроизводством научно-технических кадров и глобальностью коммуникаций.

⁵ См.: Бранденбург Н.Е. 500-летие русской артиллерии (1389–1889 г.). СПб., 1889. С. 11–14. Однако классификации такого рода продолжают появляться, и не только по московской артиллерии; пример: недавние труды Ю. Бохана по военному делу в ВКЛ – Великом княжестве Литовском.

⁶ Например: нем. Hackenbüchse, фр. courtaud, итал. espingarda, да и собственно «артиллерия».

⁷ Например: нем. Steinbüchse, фр. serpentine, фр. coulevrine.

⁸ Например: нем. Scharfmetze. См. также: Тарасевич Ю.Г. Шарфмеца и картауна: о происхождении двух типов максимилиановой системы // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. V. СПб., 2016.

⁹ Термины старорусского происхождения в Речи Посполитой XVII века.

¹⁰ Так, например, французские «шесть калибров» оказываются достаточны для освещения истории артиллерии всего XVI века во Франции. Или труд Фронспергера канонизируется «для всех времен и народов».

¹¹ Кратко: «длинные стволы» и «легкие литые стволы с цапфами». См.: Rogers C.J. The military revolutions of the Hundred Years' War // J. Military Hist. 57:241–278, 1993.

¹² Франко-бургундская XV в., французская, немецкая и венецианская нач. XVI в., испанская сер. XVI в. и т. д.

¹³ Порох, тяга или каменные (!) снаряды могли оказаться едва ли не труднее добываемы, чем сами пушки.

¹⁴ Даже если, скажем, в 1-й половине XV века это еще удавалось слабо.

¹⁵ Пример: французская система начала XV века благополучно пережила две порожденные в ней же технические революции и просуществовала ок. 160 лет, до эдикта о «шести калибрах».

¹⁶ 1 пуд = 40 гривенок (грв); 1 грв = 96 золотников = 409,5 г; 1 сажень = 3 аршина (арш); 1 арш = 4 (малые) пяди или четверти = 16 вершков (врш) = 71,12 см; 1 врш = 4,45 см. Принимается, что «по всей земле... один вес, одна мера» (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 58).

¹⁷ Центнер-квинтал, если не указано иное, считается в 100 соответствующих фунтов.

¹⁸ Хмыров М.Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. (Историко-характеристический очерк). СПб., 1865. С. 44.

¹⁹ Яковцевский Б.М. Пищали и самопалы Устюжны Железопольской // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. III. Вологда, 1995. С. 124.

²⁰ Morin M. Morphology and constructive techniques of Venetian artilleries in the 16th and 17th centuries: some notes // Ships & Guns. The sea ordnance in Venice and Europe between the 15th and the 17th centuries. Venezia, 2011. P. 1–11.

²¹ Codex Magliabechiana II.I.141; Promis C. Dello stato dell'artiglieria circa l'anno millecinqucento... Memoria storica II // Trattato di architettura civile e militare di Francesco di Giorgio Martini, architetto senese del secolo XV. Torino, 1841. P. 121–199; Merril E. The Trattato as Textbook: Francesco di Giorgio's Vision for the Renaissance Architect // Architectural Histories. 2013. V. 1. P. 1–19.

²² Цитируется в трудах по истории артиллерии XIX века, но не отыскивается в современном цифровом каталоге Национальной библиотеки Франции (?). См.: Bonaparte M.-L. Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie. T. 1. Paris, 1846; Favé I. Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie. T. 3. Paris, 1862.

²³ Larchey L. Origines de l'artillerie française. Planches autographiées d'après les monuments du XIVe et du XVe siècle [...]. Paris, 1863.

²⁴ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб, 2001. С. 160; Bonaparte, Fave, op. cit.

²⁵ Для образцов из указанной рукописи перевод в метрическую систему по: Promis. Op. cit., P. 199.

²⁶ «121,45–147,50 см». Marion G., de Brettes M., Corréard J. Recueil des bouches à feu les plus remarquables... Paris, 1853. Pt. 1. P. 18, Pt. 2. Pl. 1.

²⁷ Morin, op. cit. P. 3.

²⁸ М.Д. Артиллерия и артиллеристы в до-петровской Руси. С. 11; Висковатов А.В. Рисунки одежды и вооружения российских войск. М., 1859. Л. 139.

²⁹ Bonaparte, op. cit. P. 104.

³⁰ Discurso del Artilleria del Invictissimo Emperador Carolo V. UER MS 2108.

³¹ Boeheim W. Die Zeugbücher des Kaisers Maximilian I // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. 1892. Bd. 13. S. 94–201; 1894. Bd. 15. S. 295–391.

³² Частично, там, где в них не повторены изображения из «Военных книг» XV века.

³³ Ствол в 4 центнера и 7 фт 2 д, ядро в 2 дм 2 лн. Würdinger, op. cit., S. 347.

³⁴ Würdinger J. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1347 bis 1506. Band II. Kriegsgeschichte und Kriegswesen von 1458–1506. München, 1868. S. 348.

³⁵ Ссылки в примеч. 38.

³⁶ Würdinger, op. cit., S. 353; Silbereisen: Chronicon Helvetiae, Part III. Wettingen, 1572.

³⁷ Fronspurger L. Fünff Bücher Vonn Kriegs Regiment und Ordnung. Frankfurt am Main,

1558. S. XIIIo; Aechterdingen, von M.O. Deutsche Kriegsordnung. 1524, как цит. в: Jähns M. Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen mit einem Anhang über die Feuerwaffen. Berlin, 1899. S. 360.

³⁸ «Устав» Пройсса 1530 года (как цит. в Essenwein A. Zur Geschichte...); Fronsperger, op. cit.; Essenwein A. Zur Geschichte der Feuerwaffen // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. 1870. Bd. 17. S. 381–389; Немецкие «Росписи на войну» 1500-х–1510-х гг.: Würdinger, op. cit. S. 409, 410; Eye, von. Zur Geschichte des Kriegswesens im Beginne des 16. Jahrhunderts // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. 1869. Bd. 16. S. 167–170; Essenwein A. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1872–1877. A. 97, 98.

³⁹ Длина ствола 1,2–1,8 м, вес с ложей 15–25 кг («40–50 фунтов»). Пулька 6–12 лотов свинца (1/6–1/3 ф. или 23–30 мм). Практически самое тяжелое из орудий, допускающих переносу на руках. Двойные допельгаки еще крупнее – ствол 1,8–2,1 м, калибр 12–16 лотов свинца (1/3–1/2 ф. или 30–34 мм). Дальность выстрела 350–450 м (500–600 шагов). Schön J. Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden, 1858. S. 14.

⁴⁰ Fronsperger, op. cit. S. XIIIo.

⁴¹ Камнестрельные, т. е. со стволами со сравнительно тонкими стенками, под существенно уменьшенный пороховой заряд, до 1/3 и менее от заряда для железного ядра того же размера.

⁴² Fronsperger, op. cit. S. XIIIo.

⁴³ Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Часть II с 1425 по 1534 год. М., 1821. С. 315.

⁴⁴ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV–начала XVI в. М., 1980. С. 220 (ссылка на документ из ЦГАДА, видимо, тогдашний же). По смыслу у Хорошкевича, видимо, пропущено «[крымское войско] должно было быть снабжено» (получить).

⁴⁵ Распросные речи Литовских лазутчиковъ и Русскихъ выходцевъ, о происшествiяхъ въ Москве, расположенiи и числе войска и проч. [август–сентябрь 1534 г.] // Акты, относящиеся к истории Западной России [АЗР]. Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848. С. 330–333.

⁴⁶ Среди трофеев Ливонского похода (1577) «пищали сороковые на колесех меденые», длиной (ствола?) 12 и 10 пядей [3 и 2½ арш]. Разрядная книга... С. 529; опись ливонской добычи 1582 года – «сороковые пищали калибром в 1/4, 1/3, 1/2, 3/4, 2 1/2 и 3 фунтов». Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 121.

⁴⁷ Исторический словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 26. С. 181.

⁴⁸ «5500 ядер сороковых железных» в перечне наряда Коломны 1577–1578 гг. Писцовые книги XVI века. Отд. 1. СПб., 1872. С. 291; Исторический словарь... С. 181.

⁴⁹ В описи наряда Троице-Сергиева монастыря (1641–42), а также в заново составленных описях Смоленска (1670) и Киева (1677) сороковые пищали не значатся. Но в Угличе (1678): «пищаль медная сороковая... весом в 2 гривенки ядро» (едва ли не единственное упоминание в описи городов 1678 г.!). ДАИ. Т. 9. С. 226.

⁵⁰ Писцовые книги... С. 291; Владимирский сборник... М., 1857. С. 142.

⁵¹ См. также примеч. 46.

⁵² Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 121.

⁵³ Sixl P. Entwicklung und Gebrauch der Handfeuerwaffen. В. Mehrreihige Orgeln // Z. Hist. Waffenkunde. 1906–1908. Bd. 4. S. 24–27, 84–88.

⁵⁴ Heilmann, op. cit. S. 355, 358.

⁵⁵ Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 121.

- ⁵⁶ Dolleczek A. *Geschichte der österreichischen Artillerie...* Wien, 1887. S. 48.
- ⁵⁷ В 1570-х гг. установка известна в Польше (kara). Górski K. *Historia artylerji polskiej*. Warszawa, 1902. S. 59. Также «шумное орудие» – Geschreigeschütz, «орган смерти» – Todtenorgel, «осыпатель ядрами» – Kugelspritz.
- ⁵⁸ АЗР. Т. 2. С. 330–333.
- ⁵⁹ Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 4. Рязань, 2005. С. 315, 316.
- ⁶⁰ Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 124.
- ⁶¹ ДАИ. Т. 10. С. 422; и др.
- ⁶² Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 129.
- ⁶³ При осаде Полоцка 1563 г. «приказал поставить от своего стану пять пищалей полуторных да пищаль большую и велел по острогу стрелять, ис которых мест оне стреляют»; «и тово же дни... ис пищалей полуторных литовских людей и пушкарей с пушками из острогу збили и многих литовских людей побили». Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 117.
- ⁶⁴ ДАИ. Т. 9. С. 308, 312, 311.
- ⁶⁵ «1-фунтовая пищаль (55 мм) мастера Григория Наумова 1618 г. Длина 221 см, длина цапф 5,5 см. ГИМ № 68257». Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 131.
- ⁶⁶ ДАИ. Т. 9. С. 231, 310, 256.
- ⁶⁷ ДАИ. Т. 11. С. 267.
- ⁶⁸ Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв. // *История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I.* СПб., 2015. С. 1–63.
- ⁶⁹ ДАИ. Т. 10. С. 299, 300.
- ⁷⁰ Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв.
- ⁷¹ В смысле возможностей доиндустриальной эпохи. Калибр 7 грв при прочих одинаковых размерах, вероятно, результат рассверливания не очень удачной отливки. Таблица в: Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 126–128. По Лобину, длина св. 4 арш и есть «15 пядей», однако уже в 4 аршинах должно быть 16 пядей.
- ⁷² В описи наряда новгородских пригородов (1678): пищали «поменши полуторных» калибрами 2–3 грв, притом, что в самом Новгороде «обычные» полуторные могут иметь калибр 3–4 грв. ДАИ. Т. 9. С. 306.
- ⁷³ Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 124, 125.
- ⁷⁴ Разрядная книга... С. 490.
- ⁷⁵ По рассказу Йовия, медные пушки изготовлены итальянцами в большом количестве; значит, были не слишком велики? Герберштейн в рассказе о 1521 г. (редакция 1550-х гг.) говорит о множестве «фальконетов», которые крестьяне таскают «на спине без всяких приспособлений». Герберштейн С. *Записки о Московии*. Т. 1. М., 2008. С. 417; в 1611 году в Кремле полевых пушек «так много, что и перечеть трудно». Хмыров М.Д. *Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси*. С. 39. Сравн. также с размерами «пищали Якова», примеч. 28.
- ⁷⁶ Орудие, уже вошедшее «в моду» на Западе и вполне годное, таким образом, как для показа и продажи (новое оружие!), так и демонстрации мастерства (не мелочь!). С

другой стороны, отлить фальконет проще; демонстрацию, скорее всего, производили на литых образцах – «самых современных, государь!».

⁷⁷Essenwein Quellen... А. 68, 69, 96а, 97, 98; Diener-Schönberg A. Das Fürstliche Zeughaus zu Schwarzburg // Z. Hist. Waffenkunde. 1906–1908. Bd. 4. S. 325–366; S. 347, 348; Sterzel D. Geschütze der maximilianischen Artillerie // Z. Hist. Waffenkunde. 1912–1914. Bd. 6. S. 214, 215. В Пронске (1597–1598): «фомколеты девятипядные». ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 255, 256.

⁷⁸Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). СПб., 1904. С. 61; Свод письменных источников... С. 315, 316.

⁷⁹«в прибавку три пищали девятипядных или сороковых». Свод письменных источников... С. 315, 316.

⁸⁰Пронск (1597–1598): «2 пушки медяны фомколеты девятипядные». ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 255, 256.

⁸¹Акты исторические. Т. 2. С. 307–312; ДАИ. Т. 11. С. 268, 270, 271.

⁸²Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 1; Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв.; ДАИ. Т. 11. С. 270.

⁸³ДАИ. Т. 9. С. 236. Также ссылки в прим. 82.

⁸⁴В докладе Леффлера горсовету Нюрнберга (4.9.1554) об итогах работы: 111 длинных фальконов в 5 фунтов, ствол 24 центнера и 37 калибров длины, 30 коротких фальконов в 5 фунтов, ствол 21 центнер и 31 калибр длины. 4 грв = 3,6 нюрнбергского фунта, все еще калибр фальконета. Neilmann, op. cit. S. 358.

⁸⁵Schön, op. cit. S. 14.

⁸⁶ДАИ. Т. 9. С. 234, 242, 263.

⁸⁷ДАИ. Т. 9. С. 237.

⁸⁸ДАИ. Т. 9. С. 228.

⁸⁹Вообще полковые пищали известны русским задолго до этого (1577). Разрядная книга... С. 490.

⁹⁰От немецкого Hackenbüchse – «пищаль с крюком»; подобно звучащие (фактически, искаженные немецкие) определения типа известны, между прочими, в английском, итальянском, французском и шведском языках.

⁹¹По словарю Даля, слово «притин», означающее главный конструктивный элемент такой пищали, имеет смысл не отношения к палисаду-тыну (тину?), а «предел движения или точку стоянья [чего-то]».

⁹²Рязань (1679). Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884. С. 118–120.

⁹³Коломна (1577–1578). Писцовые книги... С. 291.

⁹⁴Там же.

⁹⁵Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 2, 43; Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв. Также ссылки в примеч. 97.

⁹⁶Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв.

⁹⁷ДАИ. Т. 9. С. 229, 233, 263.

⁹⁸Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв.; Нерчинск (1672). Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды IV междунар. науч.-практ. конф. СПб., 15–17 мая 2013 г. Ч. I. СПб., 2013. С. 184–199; ДАИ. Т. 5. С. 293, 297.

- ⁹⁹ Хотя не исключено, что затинную пищаль могли измерять по ложе, а не по стволу.
- ¹⁰⁰ Также см. примеч. 37 и 39.
- ¹⁰¹ Добыча в Голбине (1577). Разр. книга. С. 529.
- ¹⁰² Акты исторические. Т. 2. С. 311; ДАИ. Т. 9. С. 228.
- ¹⁰³ Например, 2, 5, 8 и 13 грв. Владимирский сборник... М., 1857. С. 142.
- ¹⁰⁴ Необходимое уточнение к замечанию Кирпичникова и, как мы полагаем, кажущихся противоречий, отмеченных в той же работе. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1966.
- ¹⁰⁵ См. шротовницы Леонарда Гирля, длиной ок. 1 и ок. 2 арш. Górski, *op. cit.* S. 37–39.
- ¹⁰⁶ Fronsperger, *op. cit.*; Jähns M. *Geschichte der kriegswissenschaften [...]. Abt. 1. München; Leipzig, 1889. S. 631.*
- ¹⁰⁷ ДАИ. Т. 9. С. 234.
- ¹⁰⁸ Киев (1677): ДАИ. Т. 7. С. 164.
- ¹⁰⁹ Токарева Т.Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII–XVIII вв.
- ¹¹⁰ [А. Е.] *Vermischte Nachrichten № 52 // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. 1873. Bd. 20. S. 184.*
- ¹¹¹ Как указывает и А.Н. Лобин: Лобин А.Н. Пушечная изба и производство артиллерии в 1480-е–1500-е годы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 154.
- ¹¹² Наподобие 1-аршинной шротовницы в примеч. 105.
- ¹¹³ ДАИ. Т. 9. С. 228; Материалы для истории колонизации и быта... Харьков, 1886. С. 63.

С.А. Тарасов (Москва)

**303-я ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИОННАЯ
СМОЛЕНСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ
ОРДЕНА СУВОРОВА II СТЕПЕНИ ДИВИЗИЯ:
К 75-ЛЕТИЮ С МОМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ**

В 2017 г. ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ со дня формирования 303-й истребительной авиационной дивизии (иад), защищавшей воздушные рубежи страны на протяжении более 50 лет вплоть до 1994 г., когда в связи с проводимыми реформами в Вооруженных силах Российской Федерации она была расформирована. За это время данная дивизия принимала активное участие в боях Великой Отечественной войны, войны в Корее в 1950–1953 гг., неоднократно переформировывалась из истребительной в истребительно-бомбардировочную, смешанную и штурмовую авиационную дивизию. Меняла свое подчинение, переходя из состава Военно-воздушных сил в состав авиации противовоздушной обороны и обратно. За эти годы менялся и состав дивизии, и места ее дислокации. Изменялась и авиационная техника, состоявшая на ее вооружении.

И именно в этой дивизии в годы Великой Отечественной войны воевали авиационные подразделения сражающейся Франции в составе истребительной авиационной эскадрильи «Нормандия»¹, преобразованной впоследствии в 1-й отдельный истребительный авиационный полк «Нормандия» (Директива Генерального штаба Красной армии № 513619 от 05.07.1943 г.)², который в конце 1944 г. за отличное выполнение боевых заданий командования, за проявленные мужество и героизм летного французского и технического русского состава во время воздушных сражений при форсировании реки Неман и освобождении Литвы получил почетное наименование «Неманский» и с тех пор вошел в историю под именем «Нормандия–Неман» (Приказ Верховного Главнокомандующего № 0384 от 28.10.1944 г.) (ил. 1, 2). Указом Президиума

Ил. 1. Французские летчики, воевавшие в составе 303-й истребительной авиационной дивизии

Ил. 2. Советские и французские военнослужащие, воевавшие вместе в составе 303-й истребительной авиационной дивизии

Верховного Совета СССР от 19.02.1945 г. полк награжден орденом Красного Знамени³.

Решение о создании 303-й иад принимается в самом конце 1942 г., в разгар битвы под Сталинградом, когда взамен частей и соедине-

ний, не подлежащих восстановлению в силу понесенных потерь в ходе тяжелых боев, создавались новые. В соответствии с перечнем частей, входивших в боевой состав войск на 01.01.1943 г., 303-я иад упоминается как резерв ставки ВГК⁴.

По архивным документам установлено, что 303-я иад свое фактическое формирование начала на аэродроме Кубинка (Московская область) 7 февраля 1943 г. (Директива командующего 1-й воздушной армией № 00110 от 07.02.1943 г.)⁵. Доклад о формировании дивизии – к 20 февраля 1943 г.⁶

В соответствии с директивой командующего 1-й воздушной армией № 00142 от 18.02.1943 г. 303-ю иад полагалось иметь в следующем составе: управление дивизии, штат № 015/145; 275-я отдельная рота связи, штат № 015/217; 2666-я полевая почтовая станция, штат № 029/202-Б; 20-й, 523-й и 168-й иап, штат № 015/284; кроме того в состав дивизии вводился 18-й гв. иап⁷.

20-й иап (командир – Иван Андреевич майор Кукин) сформирован в марте 1938 г. в Смоленске. За участие в боях в Орловско-Брянской операции, сражении за Смоленск, участие в воздушных боях в районах Жиздра, Нарышкин, Спас-Деменск, ст. Красное, Чаусы данному полку присвоено почетное наименование «Смоленский». За бои в операциях на Богусhevском и Оршанском направлениях присвоено наименование «139-й гвардейский истребительный авиационный полк» (Приказ Народного комиссара обороны СССР № 55 от 14.04.1944 г.). За образцовое выполнение заданий командования в ходе Витебско-Оршанской и Минской операций полк награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 10.09.1944 г.). За отличия в боях в Тильзитско-Инстербургской операции войск 3-го Белорусского фронта награжден орденом Кутузова III степени (Указ ПВС СССР от 19.02.1945 г.)⁸.

523-й иап (командир – подполковник Сергей Иванович Чертов) сформирован с 3 по 26 сентября 1941 г. на ст. Сейма, Горьковской области. За отличия в боях при овладении городом и оперативно важным узлом Орша получил почетное наименование «Оршанский» (Приказ ВГК № 0182 от 06.07.1944 г.). За успешное выполнение заданий командования в боях за овладение Минском и проявленные при этом мужество награжден орденом Красного Знамени (Указ ПВС СССР от 23.07.1944 г.). За овладение Каунасом (Ковно) награжден орденом Александра Невского (Указ ПВС СССР от 12.08.1944 г.)⁹. За овладение городом и крепостью

Пиллау награжден орденом Суворова III степени (Указ ПВС СССР от 28.05.1945 г.)¹⁰.

168-й иап (командир – майор Константин Александрович Пильщиков) создан в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны СССР № 2880 от 13.02.1943 г. и Директивой заместителя Народного комиссара обороны № 511907 от 16.02.1943 г. путем реформирования 168-го авиационного армейского смешанного полка. К 20 февраля 1943 г. 168 иап сформировался и вошел в состав 303-й иад (Директива командующего 1-й воздушной армией № 00142 от 18.02.1943 г., приказ командира 303-й иад № 001 от 21.02.1943 г.)¹¹. С 28 апреля 1944 г. 168-й иап был выведен из состава 303-й дивизии (Постановление ГКО № 5630 от 14.04.1944 г.)¹². Позднее, в феврале 1945 г., за успешные боевые действия в период Восточно-Прусской операции 168-й иап был награжден орденом Суворова III степени¹³.

18-й гв. иап (командир – подполковник Анатолий Емельянович Голубов) создан путем преобразования из 6-го иап с присвоением наименования «18-й гвардейский истребительный авиационный полк» (Приказ НКО СССР № 70 от 07.03.1942 г.)¹⁴. За образцовое выполнение боевых заданий командования в летних операциях 1943 г. на Орловском, Брянском, Спас-Деменском, Ельнинском, Смоленском направлениях Западного фронта данный полк награжден орденом Красного Знамени (Указ ПВС СССР от 23.10.1943 г.). За проявленные храбрость, мужество и отвагу личного состава полка в боях с противником по прорыву Витебского укрепленного района южнее Витебска и на Оршанском направлении севернее Днепра, а также за овладение Витебском 18-му гв. иап присвоено почетное наименование «Витебский» (Приказ ВГК № 0175 от 02.07.1944 г.). За успешное выполнение заданий командования при овладении столицей Белоруссии Минском полк награжден орденом Суворова II степени (Приказ НКО СССР № 0230 от 28.07.1944 г.). За овладение городами Ланденбергом, Борганштайном (Восточная Пруссия) и проявленные при этом доблесть и мужество награжден орденом Красного Знамени (Указ ПВС СССР от 05.04.1945 г.)¹⁵.

В составе этого полка в качестве летчика с конца 1942 г. проходил службу старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев (старший сын Н.С. Хрущева). 11 марта 1943 г. он в составе группы самолетов Як-7 18-го гв. иап участвовал в воздушном бою с восемью ФВ-190. В ходе боя уничтожено четыре машины противника. С нашей стороны с боевого вылета не вернулся старший лейтенант Л.Н. Хрущев,

зачисленный в списки пропавших без вести, так как место падения его самолета установить не удалось¹⁶.

Позже в состав дивизии входили и другие полки, в том числе и вышеупомянутый полк «Нормандия», созданный на базе одноименной эскадрильи, находившейся с весны 1943 г. в оперативном подчинении 303-й иад¹⁷.

Следует отметить, что 523-й иап и 18-й гв. иап находились в составе 303-й иад на всем протяжении ее существования, вплоть до ее расформирования.

С февраля 1943 г. (то есть момента своего формирования) и до конца войны 303-я иад входила в состав 1-й воздушной армии (командующие – генерал-полковник С.А. Худяков, с мая 1943 г. – генерал-лейтенант М.М. Громов, с июля 1944 г. – генерал-полковник Т.Т. Хрюкин)¹⁸.

Ил. 3. Первый командир 303-й истребительной авиационной дивизии Константин Дмитриевич Орлов

20 января 1943 г. командиром дивизии был назначен подполковник Константин Дмитриевич Орлов, 1906 года рождения (ил. 3). Это был умелый летчик-истребитель, владевший техникой пилотирования на высоком уровне. В Красной армии с июля 1927 г. В 1928 г. окончил Военно-теоретическую школу ВВС РККА в Ленинграде, в 1929 г. – 2-ю военную школу летчиков им. Осоавиахима СССР в г. Борисоглебске, по завершении обучения в которой был оставлен в ней в качестве летчика-инструктора, а затем командира звена и отряда. В сентябре 1938 г. переведен на должность помощника командира эскадрильи в 11-й иап ВВС Московского военного округа. Приказом начальника ВВС округа от 28.12.1938 г. он был назначен инструктором по технике пилотирования этого же полка.

К началу 1943 г. Константин Дмитриевич имел уже и командный опыт. С 10 февраля 1940 г. исполнял должность помощника коман-

дира, а с 9 сентября – командира 146-го иап ВВС Одесского военного округа, который базировался на аэродроме Тарутино в Бессарабии. Хорошо он себя зарекомендовал и в первых боях Великой Отечественной. С началом войны, тогда еще майор, Орлов продолжал командовать 146-м иап на Южном фронте. В первые дни из-за отсутствия связи с командующим ВВС округа в течение 8 дней полку пришлось действовать самостоятельно. Летный состав совершал вылеты на «свободную охоту» и прикрытие боевых порядков наземных войск. С 24 сентября 1941 г. полк под его командованием входил в состав 76-й сад ВВС Южного фронта. До конца года он совершил 3055 самолето-вылетов. Лично майор К.Д. Орлов к этому времени имел на своем счету 31 боевой вылет, из них 4 – на штурмовку; в проведенных 4-х групповых воздушных боях сбил 1 самолет противника. За храбрость и мужество в боях, умелое командование полком он был награжден орденом Красного Знамени.

Ил. 4. Второй командир 303-й истребительной авиационной дивизии, командовавший ею с марта 1943 г. и до конца Великой Отечественной войны, Георгий Нефедович Захаров

В октябре 1942 г., уже подполковник, К.Д. Орлов был назначен заместителем командира 234-й иад. Следующим и вполне закономерным этапом в службе стал перевод во вновь формируемую 303-ю иад. Позже Константин Дмитриевич был назначен командиром 278-й истребительной авиационной Сибирско-Сталинской Краснознаменной дивизии, которой и командовал до конца войны. В 1949 г. ему было присвоено звание генерал-майор авиации¹⁹.

В марте 1943 г. в должности командира 303-й иад его сменил генерал-майор авиации Георгий Нефедович Захаров, который и командовал дивизией до конца войны (ил. 4). Несмотря на относительную молодость (родился в 1908 г.) он к моменту вступле-

ния в указанную должность уже имел достаточно хороший уровень военного образования, боевой и командный опыт.

В 1930 г. он был призван в РККА и зачислен красноармейцем в 7-ю Сталинградскую военную школу летчиков Приволжского военного округа. С декабря 1930 г. по декабрь 1933 г. учился в этой школе, по окончании с декабря 1933 г. находился на курсах командиров звеньев при 1-й военной школе летчиков им. А.Ф. Мясникова в пгт Кача. По завершении учебы с июля 1934 г. проходил службу старшим летчиком и командиром звена в 109-й авиационной эскадрилье ВВС Украинского военного округа в Киеве. С октября 1936 г. по июль 1937 г. участвовал в гражданской войне в Испании, за боевые отличия был награжден двумя орденами Красного Знамени (1936 и 1937). По возвращении в СССР вновь служил в 109-й авиационной эскадрилье ВВС Киевского военного округа в г. Васильков в должности командира авиаотряда. С ноября 1937 г. по октябрь 1938 г. находился в правительственной командировке в Китае, за что был награжден третьим орденом Красного Знамени (1938). По возвращении он был назначен командующим ВВС Сибирского военного округа. В 1939–1940 гг. находился на 6-месячных курсах при Академии Генштаба РККА, затем вновь исполнял должность командующего ВВС Сибирского военного округа. В ноябре 1940 г. назначен командиром 43-й иад ВВС Западного Особого военного округа.

В начале Великой Отечественной войны дивизия под его командованием в составе ВВС Западного фронта участвовала в тяжелых боях в Белоруссии, действовала в районах городов Барановичи, Минск, Бобруйск, затем сражалась под Оршей, Смоленском, Вязмой, дошла до Рузы. С октября 1941 г. генерал-майор авиации Г.Н. Захаров был начальником Военной школы летчиков-истребителей в г. Улан-Удэ. В апреле 1942 г., после расформирования школы, он был назначен начальником Ташкентской школы стрелков-бомбардиров. В начале 1943 г. вступил в командование 303-й иад.

В 1944 г. он был награжден французским орденом Почетного легиона. Всего за годы войны генерал-майор авиации Г.Н. Захаров произвел 154 боевых вылета, участвовал в 48 воздушных боях, сбив лично 8 и в группе – 2 самолета противника. За успешное выполнение боевых заданий командования, проявленные мужество и героизм 19.04.1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны (с июля 1945 г.) генерал-майор авиации Г.Н. Захаров командовал 1-м гвардейским истребительным авиационным корпусом²⁰.

В конце февраля 1943 г. дивизия вошла в состав действующей армии и приступила к совершению боевых вылетов.

Согласно журнала боевых донесений 303-я иад в составе всех своих четырех полков 21 февраля 1943 г. перебазировалась с подмосковного аэродрома Кубинка на прифронтовые аэродромы и в соответствии с боевым приказом 1-й воздушной армии № 001/оп сразу же получила боевое задание на 22 февраля 1943 г. Летному составу дивизии предписывалось «группами истребления не допускать бомбардирования боевых порядков наступающих войск ударной группировки армии» с одновременным прикрытием собственных штурмовиков, а также «находиться в готовности для уничтожения и отражения бомбардировочной авиации противника... и его разведчиков и вызова в зону истребления»²¹. Впоследствии эти задачи и плюс ведение воздушной разведки противника оставались приоритетными для командования дивизии.

Уже 23 февраля 1943 г. дивизия понесла свои первые боевые потери. С боевого задания не вернулся командир авиационной эскадрильи 523-го иап капитан Харченко. Подбит в воздушном бою и сел вынужденно сержант этого же полка Крамаренко. Самолет разбит, однако пилот остался жив и, получив ушибы, самостоятельно добрался до части²².

Этим же числом датируется и первый авиационный инцидент, не связанный с огневым воздействием со стороны противника. Старшина Гудков, возвращаясь с боевого задания, при заходе на посадку из-за отказа мотора разбил самолет Ла-5, но сам остался невредим²³.

В этот же день не вернулись с задания и четыре самолета (три Як-1 и один Як-7) из состава 20-го иап²⁴.

24 февраля 1943 г. четыре Як-1 из состава 20-го иап во главе с командиром полка майором Кукиным в 9.30 вступили в воздушный бой с двумя ФВ-190 и двумя Ме-109. В результате майором Кукиным сбит один ФВ-190, который стал первым (официально зафиксированным и учтенным) на счету 303-й дивизии. Чуть позже летчиками 168-го иап был сбит еще один ФВ-190. Однако радость первых побед была омрачена тем, что два Як-1 20-го иап (старший лейтенант Узовицкий и младший лейтенант Ковалев) не вернулись на свой аэродром с боевого задания. К счастью, на следующий день Узовицкий

самостоятельно прибыл в свою часть. Установлено, что он и Ковалев были подбиты истребительной авиацией противника и произвели вынужденную посадку. При этом младший лейтенант Ковалев получил ранение, требующее госпитализации, а его самолет, в силу полученных повреждений, подлежал списанию. Старший же лейтенант Узовицкий «отделался» легким ранением, а его самолет подлежал ремонту²⁵.

В те дни, когда погодные условия не позволяли выполнять боевые вылеты, полки дивизии «производили тренировочные полеты по кругу и в зону». К сожалению, и в ходе них из-за ошибок в технике пилотирования или отказа авиационной техники происходила потеря самолетов, а летный состав получал травмы или погибал²⁶. Когда метеоусловия не позволяли совершать даже учебных полетов, то личный состав дивизии занимался на земле.

Большое внимание командование дивизии уделяло анализу боевого применения как собственных истребителей, так и самолетов противника. Делались выводы, разрабатывались новые методы в подготовке летно-технического состава с целью повышения эффективности использования авиационной техники. Командирам подчиненных полков на это делалось строгое указание. Так, в архивных документах 303-й иад за 1943 г. упоминается: «В отчетах 18 ГИАП, 20 Смоленского ИАП и 523 ИАП совершенно не отражается тактика действий наших истребителей и тактика противника, не делаются выводов по тактическому использованию наших истребителей, их живучести, маневренности, преимуществах и недостатках перед истребителями противника. Не отражаются характерные тактические приемы в воздушных боях немецких летчиков и контрманевры наших летчиков. Характерные воздушные бои или совсем не описываются или описываются очень сжато, схемами, как правило, не иллюстрируются». Далее следует требование предоставлять месячные отчеты о боевой работе полков по схеме: 1) характер и результаты выполняемых боевых задач; 2) тактика действий наших истребителей (с выводами и схемами); 3) организация и осуществление взаимодействия с другими видами авиации (недостатки и выводы); 4) воздушная разведка; 5) тактика действий авиации противника (с выводами и сравнительным анализом с предыдущими месяцами); 6) описание наиболее характерных воздушных боев (обязательно иллюстрированное схемами); 7) боевая подготовка; 8) движение личного состава и самолетного парка; 9) служба связи; 10) служба тыла (с указанием недостатков в материально-техническом обеспечении); 11) выводы и предложения²⁷.

Особое внимание как одному из главных способов повышения боевой эффективности уделялось воздушной разведке, постоянству ее ведения (с обязательным фотографированием) и использованием для этого наиболее подготовленного летного состава.

Начиная с 1944 г. истребительные авиационные полки дивизии наравне с активно практикуемыми видами полетных заданий (прикрытие собственных войск от ударов с воздуха, сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков, штурмовка наземных объектов и войск противника, авиаразведка) стали все больше применять и другие их виды. Стали использоваться воздушная блокировка аэродромов противника, прикрытие самолетов-корректировщиков, увеличилось количество самолето-вылетов на свободную охоту и уничтожение разведывательных самолетов врага²⁸.

К зиме 1944–1945 гг. летный состав 303-й иад приобрел уже значительный боевой опыт, а командование дивизии – уверенные навыки в руководстве подразделениями. Это позволило осуществлять смелые и массированные воздушные удары по противнику. Так, в журнале боевых действий за период с 01.02.1945 г. по 28.02.1945 г. имеется подробное описание (иллюстрированное схемами) классического авиационного удара (в составе 26 самолетов Як-3 18-го гв. иап) по аэродрому Пиллау в районе Данцигской бухты 9 февраля 1945 г. с одновременным блокированием ближайшего аэродрома Гросс Хубникен с целью пресечения возможности противника выслать истребители прикрытия. Благодаря правильно выбранному маршруту полета, согласованным действиям, дерзким и смелым атакам летчиков противнику нанесен ощутимый урон (уничтожено и серьезно повреждено порядка 8 самолетов) без потерь со своей стороны. Одновременно с этим в ходе воздушных боев в течение дня сбито еще 10 самолетов врага (восемь ФВ-190 и два Ме-109). Зенитным огнем противника сбит один Як-9у гвардии лейтенанта Кутнякава из состава 139-го гв. иап. Летчик остался невредимым²⁹.

О возросшем мастерстве наших пилотов говорит и тот факт, что соотношение потерь уничтоженной авиационной техники стало в пользу наших войск. Так, по данным за 15 февраля 1945 г. авиационными полками 303-й иад в ходе одиннадцати воздушных боев было сбито 18 самолетов противника (пятнадцать ФВ-190 и три Ме-109). Потери дивизии за день – четыре самолета. Из них: не вернулся с боевого задания один самолет (Як-3), один самолет (Як-9у) подбит

зенитным огнем (летчик невредим), один самолет произвел вынужденную посадку (самолет разбит, летчик невредим) и один самолет (Як-9у) потерпел аварию (самолет поврежден, летчик невредим). Плюс силами дивизии произведена штурмовка аэродрома противника, после которой замечено несколько возгораний в ангарах³⁰.

В этот же день летный состав 139-го гв. иап осуществил прикрытие действий наших бомбардировщиков, скомбинировав метод непосредственного сопровождения и метод отсечения авиации противника. Эта воздушная операция носила классический характер. Принесла полный успех, позволив бомбардировщикам осуществить свое задание. Потерь среди бомбардировщиков и истребителей прикрытия не было. Противник при этом потерял три истребителя из числа самолетов, пытавшихся атаковать нашу авиацию³¹.

18 февраля 1945 г. зафиксирован факт беспрецедентного мужества пилотов 303-й иад, которое в совокупности с их накопленным мастерством, возросшей уверенностью в своих действиях и грамотной организацией поисково-спасательного обеспечения полетов позволило спасти командира звена 139-го гв. иап гвардии старшего лейтенанта Долголева, сбитого над территорией противника.

В этот день четыре Як-9у вылетели на штурмовку войск и техники противника на ледовых дорогах в районе Кенигсберга. Пройдя линию фронта и углубившись на территорию врага, самолеты были обстреляны зенитной артиллерией. Долголев получил прямое попадание. Его самолет загорелся, и он совершил вынужденную посадку вблизи войск противника. Выскочив из горящего самолета, летчик заметил группу немецких солдат, бежавших к нему. Однако оставшиеся наши самолеты начали их штурмовать с воздуха, не давая приблизиться к Долголеву. Одновременно ими был уничтожен и поврежденный самолет. Наш пилот не растерялся и сразу же скрылся в ближайшем лесу. Осмотрелся и начал выходить в сторону своих войск. Тем временем о случившемся по радио было доложено на свой аэродром, откуда выслали на смену новую четверку Як-9у для непрерывного прикрытия своего летчика.

Приземлившейся на своем аэродроме ведомый Долголева гв. младший лейтенант Михеев обратился к командованию за разрешением на вылет на вывоз своего ведущего на самолете По-2 и с разрешения командира дивизии через несколько минут поднялся в воздух.

Линию фронта Михеев преодолел в облаках на высоте 500 метров. Обнаружил Долголева, которого продолжала преследовать группа

немецких солдат, и, совершив с ходу посадку, подобрал последнего на глазах у изумленного противника, находившегося на расстоянии всего 500–600 метров, и вывез его в расположение своих войск.

За мужество и решительность, проявленные при защите своего командира звена всем летчикам, принимавшим в этом участие, командиром дивизии объявлена благодарность. За боевой вылет на самолете По-2 в дневное время с посадкой в тылу врага, за мужество и отвагу, проявленные при защите и вывозе своего ведущего гвардии младший лейтенант Михеев командующим 1-й воздушной армией от имени ПВС СССР награжден орденом Красного Знамени³².

В качестве примера воздушной активности частей дивизии в последние месяцы Великой Отечественной войны можно рассмотреть итоги боевых действий за февраль 1945 г. Всего за этот месяц 303-й иад произвела 2078 самолето-вылетов с общим налетом 1638 часов 25 минут. Произведено 37 воздушных боев, в которых сбит 41 самолет противника (один Ю-88, двадцать восемь ФВ-190 и двенадцать Ме-109) и плюс самолеты, уничтоженные и поврежденные на аэродромах базирования в результате штурмовки. Свои потери составили 15 самолетов (один сбит в воздушном бою, девять – огнем зенитной артиллерии и пять не вернулись с боевого задания). Безвозвратно потеряно восемь летчиков. Зафиксировано две катастрофы и восемь аварий³³.

15 апреля 1945 г. подразделения 303-й иад провели классическую воздушную операцию по блокированию аэродрома противника Ноиендорф (Восточная Пруссия) с одновременной его штурмовкой. Блокировка осуществлялась группами по 6–8 самолетов, попеременно сменявших друг друга. Перед уходом на свой аэродром каждая сменяемая группа производила штурмовку наземных объектов аэродрома и авиационной техники, расположенной на нем. Всего в период блокирования по аэродрому было произведено 93 самолето-атаки, в результате которых 7 самолетов врага уничтожено и 21 поврежден. Активная блокировка исключила для противника возможность использовать данный аэродром для работы своих истребителей и обеспечила свободу действий наших бомбардировщиков и штурмовиков. Наши истребители потерь не имели³⁴.

В последние месяцы войны преобладание нашей авиации в небе становится все заметнее. В донесениях и журнале боевых действий все чаще стали появляться записи о том, что в ходе боевых вылетов не было замечено каких-либо действий авиации противника. Все

больше потерь стало приходиться на огонь зенитной артиллерии и все меньше на воздействие истребителей врага. Соотношение сбитых и потерянных самолетов становится значительно большим в нашу пользу. Бывали дни, когда летчики 303-й иад сбивали по несколько самолетов, не теряя ни одного своего.

За апрель 1945 г. полки дивизии совершили 2983 самолето-вылета с общим налетом 2470 часов. Проведен 31 воздушный бой, в ходе которых сбито 34 самолета противника (двадцать один ФВ-190, двенадцать Ме-109 и один Хш-129) и плюс авиационная техника, поврежденная и уничтоженная в результате штурмовки аэродромов. Собственные боевые потери составили пять самолетов (один в ходе воздушного боя и четыре сбито огнем зенитной артиллерии). Боевых потерь в летном составе нет. Несколько самолетов утрачено в результате авиационных катастроф и аварий³⁵.

30 апреля 1945 г. летчики 303-й иад имели последний воздушный бой с авиацией противника в ходе Великой Отечественной войны, в котором они сбили два ФВ-190 и один Ме-109 (последние официально зарегистрированные воздушные победы летного состава 303-й иад в этой войне). Собственных потерь в этот день не было³⁶.

С первого по девятое мая 1945 г. встреч с авиацией противника не отмечалось. Воздушных боев не велось. Летчики дивизии ограничивались разведкой погоды и наземных войск врага, блокировкой аэродромов и штурмовкой расположений немецких войск. Боевых потерь в летном составе не было. Всего за девять дней мая на боевых самолетах произведено 287 вылетов с общим налетом 167 часов 27 минут³⁷.

Таким образом, за два с лишним года своего существования и активного участия в боях с немецкими войсками в годы Великой Отечественной войны 303-я иад зарекомендовала себя сплоченным воинским коллективом, умело и решительно сражавшимся с врагом. По архивным документам прослеживается увеличение боевого и летного мастерства пилотов дивизии, повышение профессионализма наземных специалистов, рост уровня командования. За годы войны личный состав расширил свои знания методов и способов ведения воздушного боя и приобрел новые навыки применения авиации в условиях крупномасштабных войсковых операций. Многие из этого спустя всего несколько лет пригодится солдатам и офицерам 303-й иад в ходе войны в Корее, в которой им пришлось принимать самое непосредственное участие.

За успехи в борьбе с противником 303-й иад как отличившейся в боях за освобождение Смоленска присвоено почетное наимено-

вание «Смоленская» (Приказ ВГК от 25.09.1943 г.). За овладение городом Молодечно и проявленные при этом доблесть и мужество она была награждена орденом Красного Знамени (Указ ПВС СССР от 23.07.1944 г.). За овладение городами Тильзит, Гросс-Скай-Сгиррен, Ауловепен, Жиллен, Каукемен и проявленные при этом доблесть и мужество награждена орденом Суворова II степени (Указ ПВС СССР от 19.02.1945 г.)³⁸.

В 1951–1952 гг. 303-й дивизии в составе 18-го гв. иап, 17-го и 523-го иап довелось принимать участие в Корейской войне. Весной 1951 г. дивизия перебазировалась железнодорожным транспортом в северо-восточный Китай на Мукденский аэроузел. Затем, собрав и облетав материальную часть, приступила к выполнению полетов, в соответствии с обстановкой и приказами вышестоящего командования. Через год дивизия вернулась из спецкомандировки на территорию Советского Союза³⁹.

С момента возвращения с войны на Корейском полуострове весной 1952 г. и до своего расформирования части и подразделения 303-й иад дислоцировались на территории Дальневосточного военного округа. В конце 1994 г., в связи с реорганизацией в Министерстве обороны Российской Федерации, данная дивизия прекратила свое существование.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 21890. Оп. 660659. Д. 1. Л. 2 об.

² Там же. Оп. 518531. Д. 1. Л. 31.

³ Там же. Оп. 660659. Д. 1. Л. 12.

⁴ Боевой состав Советской армии. Ч. III (январь–декабрь 1943 г.) / Отв. ред. Г.Т. Завионин. М.: Воениздат, 1972. С. 26.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 20265. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 290. Оп. 3282. Д. 29. Л. 34.

⁷ Там же. Л. 32, 33.

⁸ Там же. Ф. 22327. Оп. 795426. Д. 1. Л. 59, 60, 64, 65, 67.

⁹ Там же. Ф. 22752. Оп. 523679. Д. 1. Л. 36.

¹⁰ Там же. Оп. 827675. Д. 1. Л. 51.

¹¹ Там же. Ф. 22386. Оп. 518795. Д. 1. Л. 4, 7.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 22004. Оп. 518599. Д. 1. Л. 3, 12.

¹⁵ Там же. Л. 12 об., 31.

¹⁶ Журнал боевых донесений 303-й иад. Период с 21.02.1943 г. по 26.08.1943 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401895> (дата обращения 19.12.2016 г.).

- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 21890. Оп. 660659. Д. 1. Л. 2, 3.
- ¹⁸ Там же. Ф. 20265. Оп. 827799. Д. 1. Л. 66.
- ¹⁹ Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. II. Командиры авиационных дивизий ВВС и ВМФ, командующие дивизионными районами ПВО, командиры дивизий ПВО, зенитных артиллерийских дивизий РГК, истребительных авиадивизий ПВО, дивизий ВНОС, аэростатов зараженных, прожекторных дивизий и авиационных дивизий ВВС. М.: Кучково поле, 2014. С. 718–720.
- ²⁰ Там же. С. 556–557.
- ²¹ Журнал боевых донесений 303-й иад. Период с 21.02.1943 по 26.08.1943 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401895> (дата обращения 19.12.2016 г.).
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Так, 4 марта 1943 г. в ходе выполнения учебного показательного боя пилот 168-го иап младший лейтенант Нисинов вошел в крутое пикирование и врезался в землю. Самолет разбит и ремонту не подлежит. Пилот погиб. Там же.
- ²⁷ Указание начальника штаба 303-й иад подчиненным частям от 31.05.1943 г. № 0581 [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131799347&backurl=q%5C303%20%D0%B8%D0%B0%D0%B4> (дата обращения 21.12.2016 г.).
- ²⁸ Журнал учета боевых вылетов частей 303 иад за период с 19.10.1944 г. по 19.01.1945 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view?id=130749193&backurl=q%5C%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%B1%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B2%D1%8B%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%20303> (дата обращения 21.12.2016 г.).
- ²⁹ Журнал боевых действий 303-й иад за период с 01.02.1945 г. по 28.02.1945 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150402004> (дата обращения 22.12.2016 г.).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Журнал боевых действий 303-й иад за период с 01.04.1945 г. по 30.04.1945 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150402006> (дата обращения 24.12.2016 г.).
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Журнал боевых действий 303-й иад за период с 01.05.1945 г. по 09.05.1945 г. [Электронный ресурс] // Память народа: информационно-справочный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150402007> (дата обращения 25.12.2016 г.).
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 20265. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 35.
- ³⁹ Там же. Оп. 827799. Д. 1. Л. 24, 25.

Йорг Титце, Александр Штейнбрехер (Лейпциг, Германия)

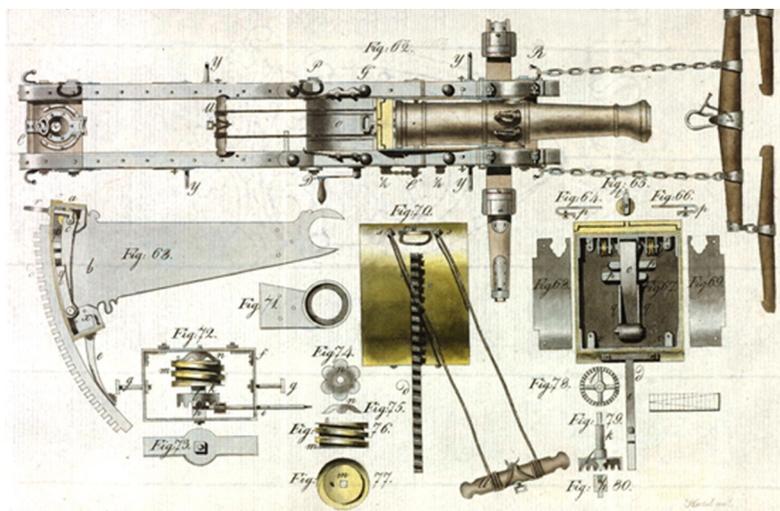
ТРОФЕЙНАЯ САКСОНСКАЯ 4-ФУНТОВАЯ ПУШКА СИСТЕМЫ БЫСТРОГО ЗАРЯЖАНИЯ В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ МО РФ

В СОСТАВЕ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находится уникальный экспонат времен Отечественной войны 1812 года. Это саксонская 4-фунтовая пушка системы быстрого заряжания.

Заметим, что в собрании Музеев Московского Кремля находится семь стволов этой же системы, и они также уникальны для истории Отечественной войны 1812 года тем, что являются первыми трофейными пушками, взятыми в этой кампании русскими войсками. Но особенность Санкт-Петербургского орудия в том, что оно единственное в мире, имеющее ствол в комплекте с уцелевшим механизмом быстрого заряжания и опрокидывания.

Когда в 1812 г. «Великая армия» Наполеона начинала военные действия против России, в ее состав входил VII армейский корпус, который был сформирован из саксонских войск. В этом корпусе находилось пять линейных полков пехоты, каждому из которых с июня 1812 г. было выделено по четыре 4-фунтовых пушки с орудийными расчетами линейной артиллерии, четыре ящика с зарядами и один обоз с артиллерийскими принадлежностями. Так на русскую территорию попали 20 единиц пушек системы «быстрого заряжания» M1766 (ил. 1).

Саксонская армия была реорганизована в 1766 г., тогда еще как армия княжества «Kurfürstentum Sachsen». В ходе этой реорганизации линейная артиллерия получила новые орудия: 4-фунтовые пушки с системой прицеливания и заряжания мастера Обенауса (так называемого быстрого заряжания). Всего произведено с 1767 до 1769 г. 98 таких стволов

Ил. 1. Схема орудия с механизмом быстрого заряжания и опрокидывания ствола

мастером Иоханом Готфридом Вейнхольдом в Дрездене. Из них в Санкт-Петербурге находится ствол с № 13, в собрании Музеев Московского Кремля – стволы с № 26, 27, 28, 30, 35, 95, 98. В коллекции Бородинского военно-исторического музея-заповедника находится еще один ствол с № 37.

В связи с этим интересен тот факт, что мастер Вейнхольд в то время был генеральным инспектором литейщиков колоколов и орудий во всем княжестве. То, что он сам в своей мастерской произвел эту работу, показывает важность проекта.

Конструктивные и технические характеристики данного орудия: длина ствола – 1320 мм; максимальная дальность выстрела – 1600 м; калибр – 82,5 мм; скорострельность – 8–12 выстрелов в минуту; масса ствола – 303 кг; масса всей пушки – 891 кг; типы выстрелов – 4-фунтовыми ядрами и картечью.

Особенность конструкции состоит в отсутствии винграда. На его месте находится «нос», который служит для фиксирования ствола в механизме опрокидывания. Также мы видим две петли, в которых укрепляется веревка механизма (ил. 2). Вся идея «быстрого заряжания» состояла в том, чтобы с помощью механизма опрокидывать ствол, сразу опускать туда уже подготовленный заряд, затем откиды-

Ил. 2. На месте винграда на стволе «нос» и 2 петли

вать ствол обратно – и произвести выстрел (ил. 3).

4-фунтовые саксонские орудия, которые находятся в Московском Кремле, попали в руки русских войск под командованием генерала кавалерии А.П. Тормасова в результате Кобринского сражения 17 (27) июля 1812 г. В тот день после девятичасового боя в Кобрине капитулировала саксонская пехотная бригада генерал-майора Кленгеля. В ее состав входили части уланского полка «Принц Клеменс», пехотные линейные полки «Король» и «Низемойшель» с восемью полковыми

4-фунтовыми орудиями. Семь из них сегодня мы можем увидеть в Московском Кремле, восьмое находится на территории Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Русские войска генерал-адъютанта барона Винценгероде захватили еще такие же пушки 13 февраля 1813 г. у города Калиша. Там были взяты четыре полковые 4-фунтовые орудия пехотного линейного полка «Антон» и еще две другие пушки. Где находятся все эти шесть

Ил. 3. Механизм опрокидывания ствола

трофейных орудий в настоящее время, мы достоверно не знаем. Так что точно установить, где и кем был взят трофей, который мы сегодня видим в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, пока невозможно.

В заключение следует сказать, что из 20 единиц пушек системы «быстрого заряжания» M1766 обратно в Саксонию в 1813 г. вернулись только 6. Так что имеется еще причина производить исследования и в будущем!

Deutsche Fotothek / Moebius, Walter; obj/72018976, obj/30116131.

Digiporta (www.digiporta.net) zu Weinhold.

Hauptstaatsarchiv Dresden – Bestaende 11269 (Hauptzeughaus) und 11342 (Artillerieformationen).

Neues Militaerisches Journal – Sächs. 4pfd. Kanonen – Hannover 1788/89.

Новоселов В.Р. Поверженные боги войны: трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

Rouvroy – Vorlesungen ueber einen Teil der Geschuetzlehre – Dresden 1809, 1811, 1823 und 1830.

Titze. Das saechsische Artillerie-Korps: Das Regiment Artillerie zu Fuss... 1810–1813. Norderstedt, 2012.

Попов А.И. Дело при Кобрине. М., 2013.

Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Гос. Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013 г. /

Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. 628 с.

Т.Ю. Токарева, К.С. Хайдаков (Сергиев Посад, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ САБЕЛЬ КУЗЬМЫ МИНИНА И ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

САБЛИ КУЗЬМЫ МИНИНА И ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО, представленные в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля, являются одними из ярких экспонатов музейной коллекции. Однако принадлежность сабель указанным историческим лицам вызывает у нас обоснованные сомнения. Поэтому история возникновения легенды о происхождении этих экспонатов нуждается в дополнительном изучении. Кроме того, обнаруженные нами новые данные позволяют рассмотреть историю предметов до их поступления в Оружейную палату Кремля.

В 1830 г. из Троице-Сергиевой лавры в числе других оружейных памятников из троцкого арсенала «по высочайшему повелению» поступили две сабли в серебряной оправе. В документах на прием указывается, что они «по словесному преданию старожилков Лавры» принадлежали князю Д.М. Пожарскому и Кузьме Минину¹. В Оружейной палате они были распределены по принадлежности: сабля в ножнах «под зеленым хозом» приписана Д.М. Пожарскому, а «под черным хозом» – К. Минину. Тогда же они получили и точную дату вклада – 1612 г.² Однако в документах Лавры дата вклада отсутствовала, принадлежность же была обратная, что видно из примечаний на полях реестра 1829 г., где под первым и вторым номерами записаны, соответственно, сабли К. Минина и Д.М. Пожарского³ (ил. 1).

Между тем, в документах нет сведений о вкладе в Троицкий монастырь сабель князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и гражданином Кузьмой Мининым в 1612 г. Кроме того, нет упоминаний о вкладах от них или их наследников каких-либо других сабель и в последующее время. Нет их и в нарративных источниках,

Ил. 1. Сабли Д.М. Пожарского (№ 1) и К. Минина (№ 2) из Оружейной палаты Московского Кремля. Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности русского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90. Фото Г.Н. Плахута. 2016

рассказывающих о Смутном времени, в том числе в одном из самых известных – «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря...» келаря Авраамия Палицына. Несмотря на то, что история осады, рассказанная им, содержит целый ряд неточностей, так как в это время он был в Москве, события, в которых он принимал непосредственное участие, сообщены келарем достоверно. Авраамий Палицын в 1612 г. находился в Москве при ее освобождении, о чем сообщает достаточно подробно, хотя и несколько преувеличивая свою роль в деле по примирению руководителей ополчения. Келарь Троицкого монастыря не забыл сообщить и о том, как он предложил казакам монастырские ценности, от которых они впоследствии отказались. Однако в «Сказании» ни слова не говорится о том, что после торжественного богослужения на Красной площади в честь освобождения Москвы, состоявшегося на Лобном месте, народные герои вручили в дар обители свои сабли. В других источниках, в которых повествуется о связях Д.М. Пожарского и К. Минина с Троицей и членами ее администрации, также отсутствуют данные о вкладе ими сабель⁴.

История появления легенды о принадлежности сабель Д. Пожарскому и К. Минину вместе с другими приписываемыми его вкладу предметами впервые была рассмотрена на конференции в Оружейной палате Московского Кремля в 2016 г.⁵ Изучение новых источников показало, что сабли хранились в монастыре до их передачи в Оружейную палату без известий о владельцах.

Возникает вопрос о действительной принадлежности указанным лицам хранящихся в Оружейной палате сабель, поступивших из лавры. Это заставляет нас вновь обратиться ко всем известным на данный момент документам, в которых содержится информация не только о рассматриваемых в настоящей статье, а также обо всех остальных, когда-либо хранившихся в Троицкой лавре.

Нам представляется крайне важным попытаться ответить на такие вопросы, как время и место создания предметов, этапы переделок, а также проследить их историю, зафиксированную в документах монастырского учета. Этим аспектам, на наш взгляд, в литературе не уделялось достаточного внимания, так как мнение об их принадлежности прочно утвердилось среди историков и специалистов.

Один из первых исследователей рассматриваемых вещественных памятников В.С. Курмановский в своей диссертации о сабельных клинках пишет, что сабля Минина «близка по своим морфологическим признакам к классической форме «шамшира» XVIII–XIX вв.»⁶.

Рассматривая форму и геометрию клинков изучаемых образцов, необходимо отметить, что относить клинки с большой кривизной лезвия к более позднему периоду (XVIII–XIX вв.) не совсем корректно. Распространенная версия об увеличении кривизны клинков персидских сабель, а также о снижении их веса с конца XVII в. представляется нам не совсем содержательной, тем более, что атрибуция предмета производится по комплексу признаков, таких как вид булата, способыковки, клейма, орнамента, материалы, форма эфеса и т. д.

Наличие сабель с разной геометрией клинка в собраниях музеев Московского Кремля, относимых к XVIII в., доказывает бытование разных типов сабель в Индо-Иранском регионе, и особенно в Персии. Это свидетельствует о взаимовлиянии культур оружейного искусства разных этнических групп и развитых торговых связях. Необходимо также учитывать и разделение длинноклинкового оружия по его функциональному – боевому или же парадному назначению. Наши исследования показали, что такой тип клинка, известный современным исследователям как шамшир⁷, являясь наиболее распространенным и функциональным типом «восточной» сабли, без сомнения, бытовал и в более ранний период. Формирование такого типа клинка мы можем отнести к XIV–XV вв.⁸

Так, известны шамширы с клинками разной кривизны, но со схожей геометрией клинка, относимые исследователями ко времени правления шаха Аббаса Сефевиды (1587–1629), хранящиеся в Военном музее Тегерана (Military Museum Tehran, № 323, 374, 394) и в Исламском музее Аббаса (Reza Abbasi Museum, № 1135); или, например, шамширы эпохи шаха Исмаила Сефевиды (1502–1524) из того же музея⁹.

В Музее армии Стамбула (Askeri Muze) также имеются шамширы с аналогичной формой клинка, датируемые серединой XVI в. (правление султана Сулеймана), которые считаются принадлежавшими ему. Конечно, мы можем подвергать сомнению указанную атрибуцию из названных музеев, но многие клинки из музейных коллекций имеют клейма мастеров и даты изготовления. Кроме того, они длительное время хранились в одном месте – арсеналах шаха (ил. 2).

Таким образом, рассматриваемые в нашем исследовании сабли К. Минина и Д.М. Пожарского по геометрии клинков следует считать примерами классических персидских шамширов с формой клинков, характерной для XVII в.

Ил. 2. Шамшир, середина XVI в. Стамбул. Музей армии.

В.Р. Новоселов одним из первых подверг сомнению принадлежность данных «реликвий» героям Смутного времени. Он указывает на ряд фактов, связанных с историей их передачи в Оружейную палату в 1830 г., акцентируя внимание на «сакральной» роли монастырских старожиллов в рождении данного предания¹⁰. В нескольких других публикациях также высказывались сомнения в их принадлежности, опирающиеся на новые данные¹¹.

Как уже было отмечено, в источниках нет упоминаний, что Дмитрием Михайловичем Пожарским и Кузьмой Мининым были вложены какие-либо сабли в Троицкий монастырь. Наиболее подробные сведения о вкладышах и вкладчиках в обитель Преподобного Сергия находим в троицких Вкладных книгах 1639 и 1673 гг., Описях имущества монастыря 1641/42 и 1701 гг.¹² Подробные перечни оружия с описанием сабель содержатся и в казначейских описях монастыря 1724, 1727, 1734, 1742, 1744, 1745, 1749, 1756 и 1789 гг.¹³

Полнота и достоверность указанных документов, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Наиболее подробные из них – это Вкладные книги 1639 года. Исследователями убедительно доказано, что источником сведений для них послужили аналогичные, но несохранившиеся книги предшествующего периода, из которых заносились сведения во вновь создаваемый кодекс¹⁴. То же относится и к описям казначейского имущества Троицы. Поэтому в них сохранялись первоначальные описания, переходившие из одной описи в другую, особенно при записи вкладов от известных лиц, но с добавлениями и уточнениями.

Единственным вкладом служилой «рухляди», поступившем от князя Д.М. Пожарского, были два комплекта воинского снаряжения вместе с лошадьми, данные им 10 января 1633 г. по своему рано умершему сыну Федору Дмитриевичу (27 декабря 1632 г.). Этот вклад описан детально: «141 (1633)-го генваря в 10 день боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский со своими детьми <...> дал жеребец аргамачей сер, седло кованное в чекан, серебро золоченое, покрыто бархатам золотным, на задней луке три бирюзки да три виниски червчатые, подпруги и пристуги и пуслища шелковые, у пристугов и у пуслищ наконешники серебряные, стремяна вольячные железные, на том же седле покровец турской, обложен бархатом рытым; муштук и ошеек, и паперсть, и похви серебряные оправные; уздочка серебряная, чепь поводная, а у ней два яблока, двои крюки все серебряные, вес 1 фунт 29 золотников. Да иноходец коур лыс, нагайской <...>, седло сафьянное, строчено золотом, подпруги и пуслища ременные, барс, пара пищалей в ольстрах, стволы и замки золочены, оправка на обоих серебряная, замки шкотцкие, узда и пахви, и паперсть серебряные белые, лысина серебряная окованная, ухват шелк лазорев, пряжка и з запряжником, и наконечник серебряные, морхи – шелк червчат з золотом, в цену за 100 за 80 за 5 рублей»¹⁵.

Как видим, сабель в данном вкладе не было.

Однако этот дар князя Д.М. Пожарского был продан троицким казначеем вскоре после поступления. На эти сведения ученые не обращали внимания ни в XIX, ни в начале XX в. Не заметили их и исследователи наших дней. Между тем, в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 года прямо сказано об этом: «*Муштук и ошеек, и пахви, и паперсть, и чепь поводная серебряны дачи князя Дмитрия Михайловича Пожарского по сыне ево по князе Федоре, и тот муштук со всем (выделено мной. – Т.Т.) по скаске казначея старца Симона (Азарьина) продан в 1635/6 году*»¹⁶.

Власти продали нарядный убор с вкладных лошадей, вероятно, потому, что князь неоднократно брал из казны монастыря в долг наличные деньги. Последний его займ в 300 рублей, залогом по которому он оставил в казне монастыря два дорогих ожерелья (похожие ожерелья упоминаются в его завещании), очевидно, выплачен не был, так как заемные расписки на него в тех деньгах хранилась в казне в 1641/1642 г.¹⁷.

Другие вклады Дмитрия Михайловича Пожарского, сделанные им на протяжении своей жизни в ТСМ, были денежными и земельными.

ми. Из имущественных даров он завещал монастырю, кроме денег на помин души (100 р.), что указано в его завещании 1642 г., еще и некий канчер серебряный¹⁸. Обращает на себя внимание в тексте завещания одно указание князя, которое могло бы послужить основанием для предположений о получении монастырем от его семьи предметов воинского снаряжения. Вместо денег, назначаемых на поминание его души, он просит наследников давать обителям «служилую рухлядь, **которая детям не пригодится**». Однако записей о дарах от его родных какой-либо «рухляди» после его смерти во Вкладных книгах нет. Крупное село Берсенево, оставленное князем после смерти сына Федора, было впоследствии от монастыря отчуждено¹⁹. Служилая же «рухлядь», завещанная князем своим детям, и в том числе шесть сабель, как уже упоминалось, ни от них, ни от их наследников в Троицу не поступала. Однако обращает на себя внимание сходство одной из сабель, оставленной по завещанию 1642 г. старшему сыну Петру, которая была и оправной, и в ножнах «под зеленым хозом». К сожалению, пока не удастся проследить историю оставленных князем Дмитрием Михайловичем князю Петру сабель, который прослужил недолго, но и он саблю монастырю не оставлял. Его вкладом в ТСМ были, спустя три года после смерти Д.М. Пожарского, 11 лошадей стоимостью около 40 рублей, данные обители в 1645 г.²⁰ Другим предметным даром, но уже от вдовы князя Дмитрия Михайловича Пожарского Феодоры Андреевны, был вклад 1643 г. серебряного кадила через год после смерти мужа, но не по нему, а по ее родным: Андрею Васильевиче Голицыне и его жене инокине Марфе Васильевне²¹. Никаких других вещей от наследников князя Д.М. Пожарского в монастырь более не поступало.

Таким образом, связь выставленной в залах Оружейной палаты Московского Кремля оправной сабли «под зеленым хозом» с именем князя Дмитрия Михайловича Пожарского не подтверждается документами.

То же относится к вкладам в Троицкий монастырь Кузьмы Минина, нижегородца, и его наследников. Они, по сравнению с вкладами князя, были очень скромными. Незадолго до решающей битвы за Москву, а именно 29 сентября 1612 г., Кузьма Минин подарил обители довольно дорогого, очевидно, боевого коня. Это был «*мерин бур сросл по цене за 16 рублей*»²². Его сын «Нефед Кузьмин сын Минина» в 1631 г., спустя много лет после смерти отца, 10 марта, дал в монастырь 50 рублей денег. Других вкладов от его наследников более не упоминается²³.

Из источников известно и то, что князь Дмитрий Пожарский вместе со всей армией в августе 1612 г. находился в монастыре несколько дней перед походом в Москву. О каких-либо оставленных им тогда дарах сведений нет. С ним вместе в Москву был послан и знаменитый троицкий келарь, который пишет о том, что, наоборот, монастырь кормил, поил, снабжал кормами для лошадей и даже позднее передал драгоценные богослужебные сосуды для выплаты жалования воинам ополчения. Отсутствуют известия об оставлении Пожарским боевого оружия в монастыре и после того, как он за год до этого, в марте 1611 г., был перевезен из Москвы в Троицу на лечение после тяжелого ранения, полученного им в боях за Москву.

Итак, если бы К. Минин и Д.М. Пожарский вложили бы после победы 1612 г. свои сабли – то их вклад обязательно был бы отражен во Вкладной книге, как записан в нее даже весьма скромный дар Кузьмы Минина от 29 сентября 1612 г., поступивший в обитель в очень напряженное время.

Другой важнейший и наиболее репрезентативный источник по истории коллекций монастыря – это Описание его имущества 1641–1642 гг. В ней также нет сведений о каких-либо хранившихся в монастыре саблях в серебряной оправе. В описании оружейной палаты ТСМ, его казны, ризницы, а также в приписных к нему монастырях нет ни одной «оправной» сабли.

Всего сабель в ТСМ было к 1641 г. 217 штук. Они лежали в разных хранилищах. В Троицком большом монастыре в казначейских кельях «под ведением» старца Симона Азарьина лежали 200 сабель: «в третьем сундуке 200 сабель с ножнами»²⁴. Как мы полагаем, все они не были оправными, так как в Описи предметы с драгоценными металлами и камнями описаны особо, причем почти всегда с указанием веса. Кроме того, правительственная комиссия, «считавшая» монастырь в 1641–1642 гг. «по доносу некоторых, не боящихся Бога», пересчитала даже все гвозди, а также произвела контрольное взвешивание некоторых ценностей. Все это, безусловно, доказывает, что члены комиссии, перебирая и пересчитывая лежавшие в сундуке 200 сабель, обратили бы внимание на оправные, если бы они там имелись. Например, лежавший в другом сундуке в троицкой же казне шлем, украшенный полудрагоценным камнем «достоканом» и жемчугом «уродцем», особо оговорен²⁵.

Как мы уже писали ранее, эти 200 сабель в отдельном сундуке были крупной партией, очевидно, нового, однотипного оружия, за-

купленного казначеем для монастырского гарнизона: троицких слуг и стрельцов.

Если учитывать и практику продажи дорогого военного снаряжения (как и других не нужных в хозяйстве обители предметов), то не удивительно, что к 1641 г. в обители уже не хранилось ни одной оправной сабли. Справедливости ради надо отметить, что их поступило с 1534 по 1642 г. всего около десяти. Из них только две были оправными (за 18 рублей)²⁶.

К 1641 г. в ТСМ находилось еще 17 сабель, лежавших в Оружейной палате, о которых сказано лишь, что они были «целыми и ломанными»²⁷. Эти, очевидно, старые сабли перечисляются в общем потоке разнообразных бытовых предметов, инструментов и сырья, лежавших вместе с годным и уже нефункциональным оружием в Оружейной палате. Ни об одной из них также не сказано, что они имели какую-либо оправу или украшения. При этом отметим, что даже наличие росписи золотом на оружии, хранившемся в Оружейной палате, оговаривается отдельно, как и камни на шлеме, лежавшем в казне. Например, при описании 111 «саадачных лубьев», один из которых украшен росписью золотом, говорится: «111 лубьев саадачных с колчаны старых и новых, да лубье с колчаном, писано золотом»²⁸.

Таким образом, к моменту составления Описи 1641/42 гг. в ТСМ не числится ни одной сабли в серебряной оправе. К сожалению, в следующей большой Описи монастыря, относящейся к 1701 г., оружие и Оружейная палата не описаны, в ней показаны только пушки. Вероятно, ведомости Оружейной палаты того периода были составлены отдельно и пока не найдены.

Первые описания оружия, в том числе и ветхого, перечни которого сопоставимы с Описью 1641 г., относятся к 1724 г. Они содержатся в Описях монастырской казны. Отметим, что оружие и другие бытовые предметы числились по ним вплоть до середины XIX в., когда Святейшим Синодом после выхода правительственного распоряжения было приказано выделить все древности из казначейских перечней и вести их учет по Главным описям монастырской ризницы, в особом разделе. По этой причине составители Описи Оружейной палаты Кремля 1884 г., по аналогии с практикой тех лет, указали, что сабли Д.М. Пожарского и К. Минина хранились в ризнице лавры. Логично предположить, что место их хранения должно было быть среди драгоценных реликвий русской старины, однако сабли эти в

действительности лежали в Рухлядной палате среди других материальных ценностей, не более.

В этой связи важно отметить, что поскольку в монастыре в XVIII – первой половине XIX в. все оружейные памятники с драгоценными включениями хранились в Рухлядной палате, а не в ризнице, их нельзя перепутать с какими-либо другими. Потому что никаких иных оружейных памятников, имеющих серебряные украшения, описи казны не фиксируют, из сабель – только эти две.

Таким образом, принятие этих «реликвий» за другие исключено: из описи в опись переходят сведения только о них. Это позволяет проследить по документам именно их историю. Остальное оружие лавры, коллекция которого насчитывала несколько тысяч предметов, и в том числе сотни сабель, хранилось в Оружейной палате. Его перечни приводятся в описях казны. Однако среди него не было изделий с серебряными украшениями. Единственным исключением, по незначительности имевшегося на нем серебра, был длинный меч с небольшим серебряным набалдашником.

Итак, рассматриваемые сабли последовательно описаны во всех 9 казначейских перечнях с 1724 по 1789 г. Весьма важно, что в них находим информацию о происходящих с ними изменениях и их причинах. Особенно ценны данные описей казны по сабле, приписываемой вкладу Кузьмы Минина, ножны которой ныне обтянуты кожей черного цвета.

Рассмотрим их подробнее.

В 1724 г., в первой из описей, она описана так: «сабля, оправа серебряная по бархату черному, во шести местах золочена, пояс оправлен, тесьма шелковая, полоса булатная». Вторая сабля: «сабля, оправа серебряная по зеленому хозу, в пяти местах оправа серебряная золочена, полоса булатная». Это описание соответствует сабле, приписанной Д.М. Пожарскому. Однако у первой наличествует шелковый пояс с серебром, который, возможно, ныне находится на сабле в зеленой коже. На другой также есть пояс, но он простой, «столбчатый», а не в виде тесьмы, хотя и из красного шелка, и он ныне без серебра. В Описи Оружейной палаты Московского Кремля 1885 г. пояс сабли К. Минина без серебряных элементов.²⁹

Попытаемся разобраться с этим противоречием.

К 1734 г. к описанию «мининской» сабли добавлено: «по осмотру ножны изломаны и бархат опрел». Эта опись казны более обстоятельная, чем предыдущая, поэтому данная запись не означает, что

сабля в 1724 г. была целая, а потом она была сломана. Весь источник содержит пометы подобного рода, так как составлялся при передаче от одного хранителя другому, более взыскательному и внимательному. Это подтверждается другими примерами, на которых мы здесь останавливаться не будем³⁰.

Монастырские власти, из соображений экономии, принимают решение снять с этой сабли, «праздно» лежавшей в Рухлядной палате, серебро. Драгоценный металл в виде обрезков, слитков, снятых с ветхих или ненужных вещей, использовался для создания «новоманерной» посуды. Подобная ситуация произошла и с саблей К. Минина. К 1755 г. с нее снимают серебряные украшения, которые, согласно практике, передаются как материальные ценности для хранения в казну. Благодаря оставленному казначеем описанию, мы узнаем, какие детали были с нее сняты и какого они были веса. С сабли было снято: «серебряных <штук больших десять (!), малых – девятнадцать (!), да две гайки небольших, в коих приправах весом 1 ф. 36 зол. с половиною» (то есть 565,21 г)³¹. Указанные в описании ценные детали сабли свидетельствуют о высокой стоимости клинка и, следовательно, об особом статусе его владельца. Клинки, декорированные в подобном стиле, мы видим на оружии османских мастеров, например, на сабле из Музея придворного и охотничьего вооружения Австрии. Она датирована XVII в., ножны украшены десятью «обоймицами-бляшками», две из которых имеют кольца для крепления подвеса.

Мы полагаем, что некоторые детали сабли были отремонтированы: сломанные ножны укреплены, а истлевший бархат заменен на кожу. К сожалению, время ремонта нам не известно. По изображениям этой сабли хорошо видны следы чинки, в частности, серебряные накладки смотрятся неорганично. В описании сабли Оружейной палаты 1885 г. указано, что кожа на ножнах во многих местах распорота, что, возможно, является следствием ее усыхания³². Там же отмечен и факт, что наконечник отсутствует, но не сказано, что почти весь убор с сабли был утрачен, потому что информация об утере деталей была неизвестна.

Именно в таком виде сабли и были переданы в Оружейную палату Московского Кремля. При этом сабля под зеленым «хозом» как более ценная была определена сотрудниками музея как вклад Д.М. Пожарского, а та, что в черной коже, соответственно, приписана Кузьме Минину. Однако богаче и нарядней была, на наш взгляд, сабля в

**Ил. 3. Сабли Д.М. Пожарского (слева, № 5923) и К. Минина (справа, № 5924). Фототип. Художник Панова // Описание Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. Альбом рисунков к Описи Московской Оружейной палаты. [1884].
Табл. 384**

Ил. 4. Сабли К. Минина (слева, № 5924) и Д.М. Пожарского (справа № 5923). Фототип. Художник Панова. Опись Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М. 1885. Альбом рисунков к Описи Московской Оружейной палаты. [1884]. Табл. 323

ножках под черной кожей, но, к сожалению, ее оправа весом около полкилограмма ныне утрачена.

Наиболее подробное описание сабель, а также рисунки с их изображением после их передачи в Оружейную палату содержатся в «Древностях российского государства»³³ и в Описи Оружейной палаты 1884 г.³⁴ (ил. 3, 4).

Благодаря найденным описаниям сабли из Описи 1724 г. и последующих, и в том числе описанию снятого серебра, появляется возможность представить ее первоначальный облик, что облегчает поиски аналогий.

Попробуем найти похожую саблю во Вкладных книгах среди поступивших после 1641/1642 гг. Описание одной из них привлекает особое внимание: «1642 года мая в 13 день по Иване Прохоровиче Войкове прислала вкладу жена его Ксения <...> за 50 рублей, саблю булатную кизылбашское дело, ножны оболочены бархатом черным,

оправа на ножнах серебро делано в чекан, и на поясе, и запряжки, и жуки серебряные ж, все золочено, пояс розных шелков, ткан в кружки»³⁵.

Таким образом, можно предположить, что сохранившаяся сабля «под черным хозом», ножны которой изначально были обтянуты черным бархатом, что соответствует описанию сабли из Описи казны 1724 г., могла принадлежать Ивану Прохоровичу Воейкову³⁶. Год его рождения неизвестен. Но так как во Вкладной книге сказано, что вклад сделан женой по душе, следовательно, он умер до мая 1642 г.

В других источниках находим упоминания о месте и роде службы И.П. Воейкова. Иван Прохорович упоминается в Дворцовых разрядах с 1627 по 1633 г., в частности, в должности московского полкового воеводы. В этом последнем году при подготовке Москвы к обороне от крымцев 24 июля ему был поручен участок острога за Тверскими воротами. «Того же (1633) месяца июля в 24 день указал государь быть для приходу Крымских людей, на Москве бояром и воеводам: <...> За Тверскими вороты Иван Прохоров сын Воейков»³⁷. За несколько лет до этого он числился московским дворянином, приглашался, например, к столу царя Михаила Федоровича в 1627 г. на праздник Богоявления в числе других служивых людей³⁸. Известно, что к царскому столу допускались лишь особо отличившиеся персоны или близкие родственники: случайных дворян редко награждали подобной честью. Перечень бояр и воевод, приглашенных тогда к царю, среди которых находился и боярин Д.М. Пожарский, убеждает в этом. Позднее, в 1630 г. Иван Прохоров сын Воейков упоминается окольничим для заимки станов при дворе патриарха Филарета Никитича во время двух богомольных походов 1630 г.³⁹

Таким образом, если сабля под черным хозом действительно принадлежала московскому воеводе Ивану Прохоровичу Воейкову, то она как боевое оружие русского дворянина первой трети XVII в. соответствует и времени, когда жил Д.М. Пожарский. Такое сходство позволило отбросить все сомнения в принадлежности предметов: в XIX в. предположения старожилов Лавры и соответствие эпохе оказались достаточными для атрибуции сабель.

Второй сабле, ныне приписываемой вкладу князя Д.М. Пожарского, точных аналогий пока найти не удалось. Сведения Вкладных книг ТСМ не дают ответа на этот вопрос. Из завещания князя Дмитрия Михайловича Пожарского известно, что он оставил своим сыновьям всего шесть сабель. Из них одна была оправной, и именно «под зеле-

ным хозом». Возникает вопрос: могла ли именно эта сабля оказаться вложенной в ТСМ после смерти владельца и его наследников?

Чтобы ответить на него, вновь обратимся к Вкладным книгам Троицы. Как уже говорилось, в них отсутствуют упоминания о вкладах сабель, поступивших от возможных наследников князя. Среди них и Петр Дмитриевич Пожарский, которому была завещана сабля «под зеленым хозом», его жена, дочери, зятья, внуки и внучки, умершие бездетными, имущество которых последовательно переходило от одного владельца к другому.

Остальные сабли, зафиксированные Вкладной книгой, поступившие в ТСМ уже после составления Описи 1641–1642 гг., среди которых могла быть сохранившаяся сабля «под зеленым хозом», как правило, поступали в комплекте служилой рухляди после троицких слуг. Из перечисленных Вкладной книгой сабель нет ни одной, описание которой можно было бы с относительно долей уверенности соотнести с сохранившейся.

Всего во Вкладной книге перечислено более 20 сабель, поступивших на протяжении второй половины XVII в. Из них наиболее близким аналогом может быть лишь одна, но очень условно. Сведения, сообщенные о ней, очень скупы и не могут служить основанием для атрибуции. «169 (1660)-го году декабря слуга Никита Кучин дал вкладом <...> саблю оправную полоса булатная, пояс у сабли шелковой, на поясу жучки и пряшки и наконешники серебряные».

Таким образом, вопрос о второй сабле нуждается в дальнейших изысканиях, тогда как нет никаких сомнений в том, что ныне приписываемая вкладу Кузьмы Минина сабля не может быть связана с его именем, так как не находит подтверждения в документах.

В.С. Курмановским приведены некоторые обмеры указанных сабель (по О.В. Двуреченскому). Клинок сабли К. Минина: длина (размеры даны для трех предметов сразу) 762–823 мм, ширина у пяты 30–35, кривизна лезвия 106–128, кривизна обуха 95–110, расстояние от конца клинка до участка максимальной кривизны обуха 340–380 мм. Полоса сабли Д.М. Пожарского: длина клинков сабель этого подварианта, выделенного В.С. Курмановским, колеблется от 830 до 860 мм, ширина у пяты сабли 35, кривизна обуха 75 мм⁴⁰.

Автор относит их к типу «клинков «архаической формы» без конструктивно выделенного расширения в прилежащей к концу части («селмани») и конструктивно выделенного острия, с однолезвий-

ным концом, аналогичных в этом отношении восточно-европейским сабельным клинкам XI–XIII вв.»⁴¹.

В свою очередь нам хотелось бы дополнить исследование В. Курмановского следующими наблюдениями.

Клинок сабли «Минина» по форме и геометрии является типичным для сабель Иранского региона сефевидского периода, выполнен из булата (к сожалению, разновидность булата и рисунок на поверхности сабли нами к настоящему времени не определен, потому что нам не представилось возможности для проведения соответствующего исследования).

На первой трети с правой стороны клинка сабли «Минина» выгравировано клеймо ромбовидной формы с надписью на арабском языке (указанной в описи 1885 г.): «Изделие Ахмеда мастера из Каира». Необходимо отметить, что клеймо такой формы пока известно в единственном экземпляре и не характерно для мастеров Ирана XVI–XVIII вв. Вероятно, оно может быть отнесено к мастерам мамелюкского Египта или кузнецу-египтянину, работавшему в Иране, на что указывает и ранний перевод надписи. К сожалению, перевод клейма по существующему в описи 1885 г. рисунку нам подтвердить не удалось (ил. 5).

Рукоять сабли, известная как «корабелла», характерна для сабель Ирана и Аравии, а также встречается на европейских образцах оружия этого периода⁴² (ил. 6).

Накладки (щечки) рукояти выполнены из клыка моржа, на одной из накладок видны следы ремонта – распил, который, вероятно, связан с ремонтом или заменой крестовины. На них же имеются три параллельные полосы-желобка у места крепления крестовины, которые, возможно, улучшали функциональные свойства сабли, так как при ухвате эфеса создавали дополнительное препятс-

**Ил. 5. Клеймо на сабле
К. Минина // Описание
Московской Оружейной
палаты.
Издано с высочайшего
его императорского
величества соизволения.
Ч. IV. Кн. 3.
Холодное оружие.
М. 1885. С. 183**

Рис. 6. Рукояти сабель Д.М. Пожарского и К. Минина.

Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90.

Фото Г.Н. Плахута, 2016. Фрагмент

твие к соскальзыванию руки. Вероятно, эти желобки, размещенные с обеих сторон, могли также служить местом крепления обмотки шнуром или проволокой. На аналогичных иранских шамширах XVI–XVIII вв. крестовины изготавливались из булата или обычной стали. Крестовины и детали из серебра характерны для оружейных изделий турецких мастеров.

Также отметим, что цвет патины и окислов на крестовине несколько отличается от цвета устья и обоймиц – серебряных деталей ножен. Обращает на себя внимание то, что на верхней дужке крестовины с правой стороны эфеса видно место ремонта (заклепка?). Это может свидетельствовать о монтаже (поздней замене) или ремонте крестовины, что косвенно подтверждается и наличием распила костной накладки рукояти.

Ножны сабли выполнены из дерева, обтянуты черной кожей, украшены серебряными деталями, декорированными растительным орнаментом в восточном стиле, вероятно, выполненными местными или европейскими мастерами.

Навершие ножен железное, тогда как в Описи оружейной палаты указано, что оно было при поступлении медным. Кем и когда произведена замена, нам неизвестно.

Клинок сабли Д.М. Пожарского также типичен для Иранского региона сефевидского периода, выполнен из булата, на первой трети правой стороны клинка нанесено клеймо, выполненное инкрустацией золотом в технике «зарнашин» (золотая проволока закрепляется в вырезанных в металле желобках (канавках) и шлифуется «заподлицо»). Клеймо выполнено в виде картуша «тыковка» с надписью «Султан Али, изделие Нури, сына Арисера», такой тип клейма характерен для шамширов, изготовленных в оружейных центрах Ирана в XVII в. (ил. 7).

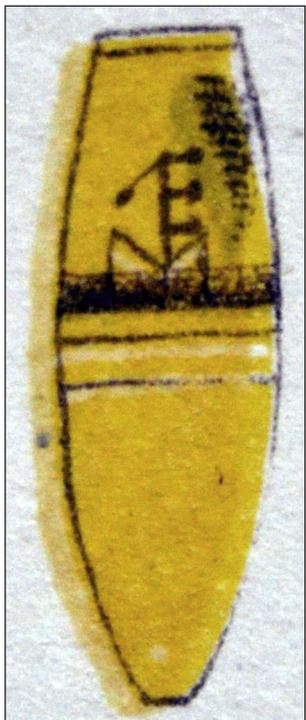

Ил. 7. Клеймо на сабле Д.М. Пожарского // Описание Московской Оружейной палаты. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С. 183.

Эфес сабли выполнен из желтого металла (в Описях Оружейной палаты золоченого серебра), состоит из крестовины и рукояти. Верхняя часть крестовины (дужка) утрачена. Рукоять, на наш взгляд, отличается по общему виду от остальных деталей сабли, ножен и крестовины. Вероятно, она могла быть более поздним дополнением взамен утраченной. Форма рукояти сабли восточно-европейского типа, позднее такая форма встречалась на саблях и тесаках XVIII–XIX вв., как с дужкой для защиты руки, так и без, и выполнялась из сплавов меди.

Ножны изготовлены из дерева, обтянуты зеленой кожей. Детали ножен выполнены из позолоченного серебра, украшены геометрическим и растительным орнаментом, выполненным в смешанном восточноевропейском стиле. Отметим высокий уровень мастерства ювелира, выполнявшего для нее декор.

На наконечнике ножен нанесено клеймо в виде зашифрованной в монограмме надписи, вариантом прочтения которой может быть надпись: «ZELM». Аналогичные клейма в виде крестограмм или монограмм встречаются на европейском оружии и не характерны для восточных мастеров. По всей вероятности, монограмма нанесена

на ножны позднее, возможно, одним из польских владельцев клинка (ил. 8–9).

Клинки рассмотренных сабель, вполне вероятно, могли бытовать во время жизни вышеуказанных исторических персонажей. Это позволило, в соответствии с легендой, соотнести их с именами Пожарского и Минина, поскольку их облик не противоречит эпохе, в которую жили герои Смутного времени. Форма клинка была распространена в XVI–XVIII вв. на большой территории Индо-Иранского региона и Русского государства. При этом детали эфесов и ножен сабель могли изнашиваться, теряться и неоднократно переделываться в соответствии с традициями и модой в более поздний период.

Таким образом, изучив сохранившиеся документы и предметы, мы пришли к выводу, что никаких документальных подтверждений принадлежности указанных сабель К. Минину и Д.М. Пожарскому нет. Однако данные сабли как историко-художественные памятники, бытовавшие в среде русского воинства, представляют значительный интерес и нуждаются в проведении дальнейших исследований.

Ил. 8–9. Монограмма на ножнах сабли Д.М. Пожарского.

Рис. акад. Ф.Г. Солнцева // Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III.

Броня, оружие, кареты и конская сбруя.

Альбом. Ч. III. М., [1853]. Табл. № 90.

Фото Г.Н. Плахута. 2016. Фрагмент;

Опись Московской Оружейной палаты.

Издано с высочайшего

его императорского величества соизволения. Ч. IV. Кн. 3.

Холодное оружие. М. 1885. С. 183.

- ¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4289; Ф. 396. Оп. 2. Д. 3452.
- ² «Ведомость старинному оружию, хранящемуся в Оружейной палате, которое по высочайшему повелению поступило из Троице-Сергиевой лавры». 1865 г.
1. Сабля князя Д. Пожарского 1612 г. Дл. 33 дюйма. Персидская, полоса булатная. В Оп. Оружейной палаты 1835 г. № 4847. Ч. 4; в Оп. Оружейной палаты 1861 г. № 5376. Ч. 3.
2. Сабля гражданина Космы Зах. Минина-Сухорукова 1612 г. Полоса египетская. Дл. 29 дюймов. В Оп. Оружейной палаты 1835 г. № 4848. Ч. 4; в Оп. Оружейной палаты 1861 г. № 5777. Ч. 3; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 107. Л. 1–1 об.; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. / А. Вельтман/. М., 1885. С. 183–184.
- ³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4289. Л. 21–21 об. «Выписка из описей казенного лаврско-го имущества, какия по оным состоят оружия, учиненная ноября дня 1829 года».
- ⁴ Сказание Авраама Палицына / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной, Е.В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 213–228, 323–328; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 145–157; Д. Голохвастов (И. Забелин). Ответ на рецензии и критику «замечаний» об осаде Троицкой лавры // Москвитянин. 1844. Ч. IV. № 7. С. 155–161; (Азарьин Симон) Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры, Радонежского чудотворца. Переведено со славянского в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. СТСЛ., 1908. С.40–44 и др.; Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина // Б.М. Клосс. Избранные труды. Т. I. М. 1998. С.482–545; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. IV. Т. VII–VIII. С. 635, 661–687.
- ⁵ Токарева Т.Ю. «Реликвии» Смутного времени: рождение исторических легенд. «Историческое оружие в музейных и частных собраниях». Международная научная конференция, посвященная 210-летию музея Оружейная палата». Москва. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» 8–10 ноября 2016 года.
- ⁶ Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI–XVII вв: морфология и конструктивные особенности. Дисс. ... канд. ист. наук. МГУ. М., 2010. С. 152.
- ⁷ Хайдаков К.С. Шамширы, старые сабли и тайны древних мастеров. М., 2013. С.16; Он же. Персидские сабли, некоторые вопросы атрибуции. М., 2016. С. 1.
- ⁸ Хайдаков. 2016. С. 83–85.
- ⁹ Manouchehr Moshtagh Khorasani. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to The End of the Qajar Period. Germany, 2006. P. 429, 431, 436, 438, 441.
- ¹⁰ Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования. Федеральное Гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. Ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»; 21 / Отв. ред. А.Л. Баталов. Вып. XXI. М., 2012. С. 319.
- ¹¹ Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. Вып. XI. Сергиев Посад, 2010. С. 79; Она же. Источники по арсеналу Троице-Сергиева монастыря XVII–XVIII веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. V. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 156.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд-е подгот. Е.Н. Клитиной, Т.Н. Манушиной, Т.В. Николаевой. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1987 (далее Вкладная книга ТСМ); Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. СПМЗ. Инв. № 289-рук ИХО.(далее Опись ТСМ 1641 г.); Переписная книга Троице-Сергиева монастыря 1701 г. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 27.

¹³ Описи казны ТСМ. СПМЗ. Инв. № 59-66 рук ИХО (далее Опись казны.); Опись казначейского имущества ТСЛ 1789 г. НИОР РГБ. Ф. 304. II. Д. 271; Опись имеющимся в Оружейной палате вещам, учинена июля дня 1825 года. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 3893. Л. 10.

¹⁴ Клитина Е.М. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство: Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 7–16; Кириченко Л.А. Отписные ризные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. (к проблемам выявления, датировки, реконструкции) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. Выпуск XI. Сергиев Посад, 2010. С. 20.

¹⁵ Вкладная книга ТСМ. С. 100–101; Об этом вкладе упоминается также и в Кормовой книге ТСМ 1674 г. Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Исследование и публикация. М., 2008. С. 168 (Л. 144).

¹⁶ Опись ТСМ 1641 г. Л. 464 об.

¹⁷ «На боярине на князе Дмитрие Михайловиче Пожарском по заемной памяти 300 рублей, в закладе в тех деньгах положено два ожерелья, одно ожерелье женское, низано жемчужном рефидью, и в нем 5 яхонтов лазоревых, да четыре лалы в гнездах, а у него 5 пугвиц золотых с чернью, резные с зерны гурмыжскими, и в них по четыре искры изумрудных и лаловых, а другое ожерелье мужское, низано жемчужном в шахматы, а у него два яхонта лазоревы, да лал на спнях з зерны гурмыжскими». Опись ТСМ 1641 г. Л. 373 об.; Ср. с описанием оставленных князем ожерелий дочери: «А что за дочерью мою за княжину Оксенью серги яхонты большие, да другие серги двойчаты лалы да изумруды, да что ожерелье выкупил п. и* Морозова* и тем всем душу ево поминал, истратил. А что достально моево приданово ожерелья орефид*, да обниз, да запястья, да монисто, да платья моево приданово, и то всей ей бедной княжине Овдоть*. Да что у ней взято ожерелья серги, а что серги яхонты лазоревы в закладе жены Морозовы* во штидесяти рублях на мои деньги, и те серги выкупить моими деньгами и отдать невестке моей княжине Марфе*». Цит. по: Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 151–153; См. также о заемных кабалах в: Кириченко Л.А. Заемные кабалы по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // ТСЛ в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI Международной конференции 29–31 октября 2008 года. Тезисы докладов VII международной конференции 23–25 сентября 2010 года. Сергиев посад, 2010. С. 92–100.

¹⁸ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 152.

¹⁹ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII вв. М., 2004. С. 95.

²⁰ Вкладная книга ТСМ. С. 101.

²¹ Там же. С. 136.

²² Там же. С. 138.

²³ Люди Кузмы Минина (дворовые: татарин Петр Матвеев сын и шуянин Арист Федоров сын) по его смерти дали еще один вклад в ТСМ – дворовое место в Нижнем Новгороде в 1623 г., 17 января, которым могли пользоваться «до своего живота». Там

же. С. 271.

²⁴ Опись 1641 г. Л. 365 об.

²⁵ «Сундук, а в нем по старым отписным книгам шелом бухарской, на городке камышок достокан лазорев, да жемчуг уродец». Опись 1641 г. Л. 353 об.

²⁶ Эти две сабли были вложены в монастырь в 1626/27 г. по князе боярине Иване Васильевиче Голицыне от его вдовы Ульяны Ивановны // Вкладная книга ТСМ. С. 135.

²⁷ Опись 1641 г. Л. 476 об.

²⁸ Там же. Л. 475 об.

²⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С. 183.

³⁰ Токарева Т.Ю. Описи казны второй четверти XVIII в. в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника (к характеристике коллекции) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VIII Международной конференции 3–5 октября 2012 года. Сергиев Посад, 2013. С. 243–252. Пометы казначея в тексте Описи казны 1734 г. опубликованы нами в: Токарева Т.Ю. 2016. С. 149–153.

³¹ Опись казны 1756 г. Л. 20 об.

³² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. М., 1885. С. 183–184.

³³ «Эти две сабли поступили <...> вместе с седлом Князя Пожарского и бердышами, кольчугами и ружьями защитников Лавры, во время осады польскими войсками под предводительством гетмана Сапеги, в 1608 году. Сабля Князя Пожарского, полоса булатная, Азиатского выкова. Рукоять, огниво и на ножнах устье, и наконечник, и пять обойм по зеленому хзу, серебряные, золоченые; при сабле пояс из разноцветного шелку с серебром. Задней части огнива и украшения на верху рукояти недостает. Сабля гражданина Минина, полоса булатная, Азиатского выкова; рукоять костяная, огниво серебряное, ножны из черного хза с двумя серебряными же обоймами. Пояс – гайтан шелковый. Наконечника не достает». Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М.: В типографии Александра Семена, 1853. С. 84.

³⁴ «№ 5923. Сабля князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1612 года. Полоса персидская, булатная, гладкая, длиною 33 дюйма, шириною 0,75 дюйма, на пяте клеймо с восточною надписью, насеченною золотом в переводе: “Султана Али”, “Изделие Нури сыра Арисера” (!–так). Лезвие сабли зазубрено и на конце ржавые пятна. Крест серебряный золоченый, один конец отломлен, черен обложен серебром золоченым, на нем пуговица медная, набалдашника нет. Ножны обтянуты хозом яриным, на них оправа, устье с кольцом, пять обоймиц, из них одна с кольцом и наконечник серебряные, золоченые, украшенные резьбою и оброну работою; на наконечнике резное клеймо или монограмма. Устье обломано; пояс шелковый, тесьма с золотом, на поясе пряжка, три запрыжника и крючек серебряные, обронные и золоченые. Эта сабля по окончании войны, была положена князем Пожарским в ризницу Свято-Троицкой Сергиевой лавры, где и хранилась до 1830 года, когда по Высочайшему повелению государя Николая Павловича, была передана в Московскую Оружейную палату вместе с описанною ниже саблею под № 5924, гражданина Космы Захаровича Минина-Сухорукаго. Обе сабли и седло Князя Пожарского препровождены в Палату при предложении наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры Архимандрита Афанасия, от 22 марта 1830 года за № 149. Дело Московской Оружейной палаты за 1830 год № 16. В Описи

1835 г. Ч. IV. Стр. 196, № 4847. Оценена в 100 рублей».

«№ 5924. Сабля гражданина Космы Захаровича Минина-Сухорукаго 1612 года. Полоса египетская, булатная, длиною 29 дюймов, шириною 1,25 дюйма, на пяте клеймо с восточною надписью; в переводе: “Изделие Ахмеда мастера из Каира”. Лезвие сабли зазубрено и вся она в ржавых пятнах; черен из белой кости; крест серебряный, с резьбою, на нем с обеих сторон сладено по три поперечных черточка. Ножны обтянуты хзом черным, на них усте и две обоймицы серебряные, обронная, местами золоченая; пояс столбчатый, из красного шелка, одна из обоймиц разорвана и кольца при ней нет, наконецника тоже нет и конец ножен обломан, оправа вся поломана, а кожа на ножнах и по швам распорота; пояс ветх. Поступала в Палату из Свято-Троицкой Сергиевой лавры в 1830 году вместе с саблею Князя Д.М. Пожарскаго.

В описи 1835 г., ч. IV, стр. 197, № 4848». Описание Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. Издано с высочайшего его императорского величества соизволения. М. 1885. С.183–184; Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты. [1884]. [Фототип. худож. Панова]. Табл. 323 и др.

³⁵ Вкладная книга ТСМ. С. 130.

³⁶ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I (1612–1627). Стб. 878; Т. II. (1628–1645) Стб. 109, 132, 337. СПб., 1851 (далее Дворцовые разряды).

³⁷ Дворцовые разряды. Т. II. Стб. 336–337.

³⁸ Дворцовые разряды. Т. I. Стб. 878. 1627: «Того же году генваря в 6 день у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси был стол, в золотой подписной палате, у стола были бояре: князь Юрья Еншеевич Сулешов, князь Дмитрий Михайлович Пожарской, окольниковый, дьяки <...>, дворяня: <...> Алексей <...> Трубецкой, Иван <...> Голицын, Андрей <...> Сицкой, Лукьян <...> Стрешнев, Семен <...> Звенигородский, Иван <...> Засекин, Дмитрий <...> Лодыгин, Роман <...> Гагарин, Степан <...> Проестев, Иван <...> Безобразов, Иван <...> Кондырев, Иван <...> Козловской, Федор <...> Волконской, Федор <...> Чернаго–Оболенский, Иван Прохоров сын Воейков... (20 человек дворян)» (выделено мной. – Т. Т.).

³⁹ Дворцовые разряды. Т. II. Стб. 109, 132. 1630: «Того же году генваря в 13 день ходил великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и все Руси в Звенигород к Саве к Сторожевскому, да в Боровск к Пафнутию чудотворцу, окольниковые были перед государем патриархом: Иван Прохоров сын Воейков, да Григорей Иванов сын Борняков». «Того же году мая в 2 день ходи святейший патриарх Филарет Никитич в Володимир, в Рожественский монастырь, молиться. Перед ним по станом: Иван Прохоров сын Воейков...».

⁴⁰ Курмановский В.С. 2010. С. 155.

⁴¹ Там же. С. 148

⁴² Хайдаков К.С. 2017. С. 85.

А.С. Толкацкая (г. Барнаул)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО 1940-Е ГОДЫ***

В НАЧАЛЕ XX в. предметов в археологическом собрании Барнаулского музея, за исключением изваяния барана тюркского времени, почти не сохранилось. В 1907 г. значительная часть экспонатов этнографических, биологических и археологических коллекций была передана в музей Томского университета (Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского). В 1911 г. из Барнаулского музея в музей Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) переданы библиотека и ряд коллекций, в одной из которых предметы археологии были в основном случайными находками¹.

20 июля 1913 г. последовало Высочайшее соизволение императора Николая II на предоставление Алтайскому подотделу здания бывшей лаборатории округа и на присвоение открываемым библиотеке и музее наименования «Музей и библиотека, учрежденные Алтайским подотделом ЗСОИРГО в 1913 году в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых». Одновременно была выделена значительная сумма в 5000 рублей на ремонт и реконструкцию здания. Ремонт, размещение в связи с начавшейся Первой мировой войной штабов 55-й и 56-й бригад Государственного ополчения позволили подотделу занять переданное здание только в феврале 1915 г. С ус-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

тановлением советской власти музей был передан в ведение отдела народного образования. Ходатайство о возвращении его в заведование Алтайским отделом РГО (с 1920 г.) было отклонено. В ноябре 1922 г. принято решение об управлении музея советом, в который входили старые сотрудники музея, члены РГО и представители губполитпросвета. И хотя события гражданской войны не лучшим образом сказались на коллекциях, уже в начале 1920-х гг. музей был открыт для посетителей². Распространение информации о деятельности учреждения способствовало передаче частными лицами в музей случайно обнаруженных археологических предметов. В первой половине 1920 г. экспозиция археологического отдела включала 150 экспонатов, которые размещались в половине витрины «коричневого цвета на 2 ската с узким стеклянным верхом на 2 стороны, внизу 12 выдвигаемых ящиков с каждой стороны», другую часть витрины занимали экспонаты исторического отдела. В музее проводились экскурсии, посетители имели возможность осмотреть экспозиции нескольких отделов (ботанического, картографического, памятников войны и революции) и коллекции (археологические, нумизматические, зоологические и др.).

Всего в музее было создано 11 отделов, в том числе отдел истории и археологии. Его заведующим стал Александр Павлович Киршевский, который приступил к работе в музее с 23 марта 1920 г. В круг его обязанностей входили сохранение коллекций и принятие мер к их пополнению путем экспедиций, предоставление кратких пояснений по экспозиции организованным группам посетителей. Согласно списку, помещенному в книге «Опись экспонатов фондов Алтайского краевого музея», А.П. Киршевским было доставлено более 60 археологических предметов, характеризующих различные эпохи древней истории Алтая. Экспедиция под руководством А.П. Киршевского пополнила экспонатами не только археологическое, но и этнографическое и палеонтологическое собрания музея. Она стала первым опытом обследования памятников на Алтае, осуществленным профессиональным археологом, сотрудником местного музейного учреждения.

Непродолжительная музейная работа с 1920 по 1921 г. проводилась другим заведующим отделом истории и археологии, Г.Н. Вагиным³. После 1921 г. из-за незначительности получаемых субсидий музей вынужден был отказаться от научных экспедиций и исследований, покупок коллекций. Вследствие этого в нескольких отделах прекра-

тилась работа, а деятельность музея ограничилась лишь демонстрацией экспонатов и хранением коллекций. В итоге, из-за неумелого обращения с экспонатами, многие из них испортились или пришли в негодное состояние. В связи с отсутствием среди сотрудников музея специалистов археологические экспедиции в последующие годы не осуществлялись, пополнение коллекций происходило за счет представлений в дар частными лицами случайных находок⁴.

Летом 1925 г. в музее побывал советский археолог М.П. Грязнов, осуществлявший археологические исследования на Алтае. Обратив внимание на экспозицию археологических предметов, он обнаружил, что экспонаты по мере поступления просто прикреплялись к картону и в таком виде представлялись на обозрение посетителям. Исследователь предложил свои услуги по приведению коллекции в надлежащий вид: перенумеровал экспонаты и снабдив каждый соответствующей этикеткой, расположить их в систематическом порядке. М.П. Грязнов работал с коллекцией бесплатно, и в дальнейшем он оказывал профессиональную помощь сотрудникам музея. В этом же году в одном из изданий Центрального бюро краеведения была опубликована статья «Барнаульский музей». Ее автор, хранитель Томского историко-археологического музея П. Славнин сообщал, что археологический отдел имеет небольшую коллекцию, а предметы этикетированы, указано их происхождение⁵.

Согласно «Справке по результатам обследования работы музея (научной, массово-краеведческой и популяризованной), проведенного ученым секретарем Общества изучения Сибири Н.К. Ауэрбах 23–27 ноября 1928 г.» археологические, этнографические, нумизматические и историко-революционные коллекции экспонировались на втором этаже, в зале, находящемся слева от входной лестницы. Инспектор отметил доступность для обозрения экспонатов этнографического, археологического, историко-революционного отделов. Н.К. Ауэрбах обратил внимание на то, что археологические коллекции (1059 экз.) состояли из подъемного материала, который в полной мере не отражал древнюю историю Алтая, и рекомендовал в дальнейшей работе музея уделить внимание их пополнению. В том числе, писал, что основным принципом расположения экспонатов в музее является систематический, разовых же выставок музеем не организовывал⁶. Следовательно, в 1918 г. в краевом музее была оформлена археологическая экспозиция. В последующие годы она, как и состав музейного собрания, постепенно пополнялась, чему способствовали

археологическая экспедиция под руководством А.П. Киршевского (1920 г.), передачи частными лицами случайных находок. Но основными проблемами по-прежнему являлись недостаточное финансирование и отсутствие в штате музея специалиста-археолога⁷.

Согласно отчету о работе Алтайского краевого музея за 1939 г. в экспозиционном плане отдела истории был собран вещественный материал первого раздела «Древнейшее население Алтайского края до прихода русских». Данная часть включала в себя материал, характеризующий экологическое и правовое положение алтайских племен, бывших под гнетом ойротских ханов «периода Джунгарии». Он был обработан в соответствии с экспозиционным планом. Однако экспозиционное оформление материала было задержано из-за отсутствия штатного столяра⁸.

Послевоенное время стало новым этапом в деятельности музея, что коснулось и экспозиционно-выставочной работы с археологическими коллекциями. Ряд ключевых проблем, существовавших в первой половине XX в. постепенно был решен. В 1940-е гг. краевой музей, как и местные учреждения культуры (в основном стараниями энтузиастов), после длительного перерыва стал организовывать археологические исследования, самостоятельные разведки и раскопки. Исследования зачастую инициировались «сверху», в рамках исполнения требований об охране объектов историко-культурного наследия. По результатам работ разворачивались и реконструировались археологические экспозиции. Принятые Советом министров РСФСР положения об экспозиционной работе краеведческих музеев определили приоритет подлинников при необходимости научно-вспомогательных материалов, три обязательных отдела экспозиции: природы, досоветской истории, советского периода. В данный период в Алтайском краевом краеведческом музее с приходом специалиста-археолога началась целенаправленная подготовка к организации тематико-экспозиционных комплексов по археологии Алтая: создавались научно-вспомогательные материалы, были выставлены палеонтологические коллекции. В целом весь отдел истории показывает основные события, которые происходили на территории Алтайского края от периода каменного века до Октябрьской революции 1917 г. В основе построения экспозиции лежали материалистический и марксистский методологические принципы. В качестве экспонатов было решено использовать не только оригинальные археологические и этнографические вещи, демонстрировавшиеся ранее, но и раз-

личные макеты, муляжи, фотографии и текстовые пояснительные материалы. В экспозиционных разделах, в том числе по археологии, активно использовались цитаты из работ Ф. Энгельса, И.В. Сталина и В.И. Ленина. Именно словами вождя открывалась и заканчивалась экспозиция. Разработкой тематико-экспозиционного плана и монтажом экспозиции по истории Алтая в этот период занимался Николай Яковлевич Савельев – заведующий отделом дореволюционной отечественной истории музея с 1946 по 1960 г. Материал по истории края размещался в двух залах второго этажа музея. Помещения были разобщены между собой отделом природы, что, по мнению Н.Я. Савельева, было крайне неудобно для обозрения экспозиции отдела в целом. В одном из залов «Историческое прошлое Алтая» был размещен стенд «Алтай до завоевания его русскими»⁹. Следует сказать, что все стенды, не только по археологическому собранию, были сделаны в 1946 г., а экспонаты взяты из фондов музея. В стенде с археологическими коллекциями в специальной витрине экспонировалось 166 натуральных объектов орудий и черепков глиняных сосудов, найденных на территории края археологическими экспедициями. Они были распределены на 3 отдела: а) орудия каменного века, б) орудия бронзового века, в) орудия железного века, внутри их – по местам их нахождения. В плоскостном материале этого стенда особую ценность представляла копия с карты Джунгарии, составленной в XVIII в.¹⁰ Необходимо отметить, что названия, состав стендов и разделов рассматриваемой экспозиции претерпевали изменения. Так, в кратком отчете Н.Я. Савельева за 1947 г. описывается стенд под названием «Западная Сибирь до завоевания русскими». В нем экспонировалось в специальной витрине уже не 166, а 177 натуральных объектов орудий и черепков глиняных сосудов, найденных на территории края археологами. Они распределялись внутри витрины также на 3 отдела: а) орудия каменного века (59 экз.), б) орудия бронзового века (67 экз.), в) орудия железного века (51 экз.). Над витриной на стене расположен плоскостной материал, показывающий орудия и быт древних народов Алтая – теле, хакасов и монголов¹¹. В документации по описанию экспозиции отдела истории АКМ по состоянию на 1 июля 1948 г. Николай Яковлевич указывал, что раздел «История Алтая до 1800 г.» состоял из 7 стендов с заголовками. Первый стенд – «Западная Сибирь до завоевания» – состоял из «большой витрины с археологической коллекцией музея, которая разделялась на 3 части: 1 часть – орудия каменного века: каменный топор и черепки глина-

ных сосудов из окрестностей с. Егорьевского Рубцовского района, каменный пест, топор и наконечники стрел (с. Фоминское), обломки каменных топоров и костяных наконечников стрел (с. Енисейское). 2 часть витрины – образцы орудий бронзового века: медные ножи (Чемал, с. Мамонтово, с. Камышенка), медные наконечники стрел (Большая речка, с. Камышенка, Кош-Агач). Особый интерес представляют медные браслеты, удила, рыболовный крючок, кинжал и почти целый с окрашенным орнаментом сосуд (Узняя), медный топор и кельт (Большая Речка), медные бляшки с литыми фигурками зверей и птиц (гора Иекту), шлифованный наконечник стрел и шило из кости (Большая Речка). 3 отдел – образцы орудий железного века: железная шпага (с. Бураково), стремя и наконечники стрел (Большая Речка), железные ножи (с. Фоминское) и много орнаментированных черепков глиняных сосудов. В коллекцию включены железные наконечники монгольских стрел как образцы вооружения монголов, долго владевших территорией края. В целом в коллекцию входит 164 предмета из разных экспедиций. Коллекция осмотрена доктором исторических наук, археологом, профессором М.П. Грязновым. Плоскостной материал расположен на стене над витриной. Это заголовки картин из альбома по истории СССР «Древнейшие скотоводы нашей страны» и «Древнейшие земледельцы нашей страны» и текст: «Каменный век – это та эпоха первобытной культуры, когда человек не был знаком с металлом и изготовлял орудия из камня, дерева, рога, кости. Каменный век имеет различную давность в странах с древнейшей культурой. Он кончился за многие тысячелетия до начала нашего летоисчисления: а у диких племен на островах Тихого океана каменный век в полном расцвете еще в 18 веке. Каменные орудия первоначально изготовлялись из твердых каменных пород, главным образом из кремния, кремневых речных галек. Кремьень раскалывался, осколок оббивался по одному из краев (получался нож) или по узкому поперечному краю (получался топор, скребок), или же он заострялся по одному концу (наконечник стрелы или копья). Позднее каменные орудия приготавливались из более мягких пород и полировались на какой-либо каменной плите. Каменный век сменился бронзовым веком, когда в качестве материала для орудий стали употреблять медь и бронзу (смесь меди и олова). Бронзовый век уступил место железному веку». Карты – «Народ Южной России V-х веков». Текст: «Племена хакасов, населявшие верховья реки Енисея и горы Алтая в 8–9 вв., создали государство во главе с каганом. Основным занятием

хакасов было земледелие и скотоводство. Верховья Оби и ее притоков населяли народы, называвшие себя теле. Они управлялись родовой знатью. От хакасов теле заимствовали письменность». Точная копия «Карты Джунгарии начала 18 века» озаглавлена: «Карта партикулярная калмыцкого кочевья контайшина владения, сочинена в 1722–1723 гг., в бытность у контайши». Две исторические справки, отпечатанные в типографии газеты «Алтайская правда». Одна из них описывает эпоху расцвета тюркской культуры и упадок хозяйства тюркской культуры, и упадок хозяйства и культуры на Алтае в период монгольского нашествия, и, особенно, перед приходом русских на Алтай. Вторая представляет собой расширенную хронологию событий на Алтае с III в. н. э. до 2-й половины XVIII в. Стенд завершается текстом: «Пустые богатства западной Сибири разжигали аппетиты русских купцов и московского князя. Завоевание огромной территории, населенной народами Сибири, кроме расширения русского государства открывало большие возможности для безупречной эксплуатации и грабежа туземного населения»¹². Согласно годовому отчету 1948 г. большую историческую ценность данного стенда имели три натуральные кольчуги XVIII в. По данному разделу Николай Яковлевич проводил экскурсии на тему «Жизнь первобытного человека» для лучшего освоения школьниками учебного материала¹³.

Виды экспозиций, созданных Н.Я. Савельевым, известны по фотографическим снимкам разных лет, хранящимся в фонде музея. На них зафиксировано большое количество текстового материала. Сам экспозиционер объяснял это так: «Ввиду недостатка литературы по истории края музей вынужден вводить в стенды относительно большой материал, поясняющий различные события в истории края»¹⁴. В последующие годы экспонирования стенд дополнялся археологическими материалами. В июне 1949 г. в музей из Горной Кольвани передали орудия древних рудокопов (ОФ 200, ОФ 201), найденные в отвалах Змеиногорского рудника. Данные предметы были включены в экспозицию отдела дореволюционной истории музея¹⁵.

Существующая экспозиция дореволюционного прошлого края в музее была создана до получения «Положения об областном, республиканском (АССР) краеведческом музее» и является отражением той стадии изучения местной истории, которая была достигнута на 1 января 1950 г. силами как самого музея, так и активными исследованиями местной истории¹⁶.

Экспозиционная площадь музея достигала 465 м². Н.Я. Савельев неоднократно поднимал вопрос о необходимости ее увеличения, иначе, по его словам, «останутся только узкие дорожки для прохода отдельных посетителей...»¹⁷. Он с сожалением констатировал, что не может продемонстрировать посетителям археологические находки и многое другое. С целью частичного решения этой проблемы Николай Яковлевич предлагал использовать «экспозиционные книжки». Данная конструкция увеличивала бы размещение плоскостных материалов в 10–15 раз, не сокращая пространство для посетителей¹⁸.

Следовательно, в результате многолетних научных изысканий в музейной деятельности Н.Я. Савельева им были определены и обоснованы основные направления в изучении дореволюционной истории Алтая и в соответствии с ними сформирована тематика разделов экспозиции. Благодаря его работе археологические предметы впервые стали экспонироваться с научной точки зрения и размещались согласно трем основным периодам исторического прошлого (каменный, бронзовый и железный века). Однако в отчетах о работе музеев за 1948–1949 гг. по отделам дореволюционной истории отмечалось, что ни в одном музее не было экспозиции, которая полностью отражала бы дописьменную историю края, так как твердо установленной периодизации тогда не было.

Таким образом, сравнивая экспозиционно-выставочную деятельность археологических коллекций Алтайского государственного краеведческого музея в начале XX в. с работой по данной теме в послевоенный период, можно сделать вывод о ее кардинальных изменениях. Археология в Алтайском крае вышла на новый уровень развития. После длительного перерыва, во второй половине 1940-х гг. и в последующих, возобновились работы предшествующего времени, начаты новые исследования, давшие важные материалы для исторических реконструкций.

---

¹ Фролов Я.В. История формирования коллекций скифского времени с территории лесостепного Алтая в археологическом собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. трудов. Барнаул, 2016. Вып. 3/15. С. 160–170.

² Падалкина О.В. Музей глазами современников // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. 17. С. 6–24.

- ³ Тишкина Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2. С. 217–223.
- ⁴ Тишкина Т.В. Музеи Алтая в первой половине 1920-х гг. // Вопросы музеологии. 2012. № 1/5. С. 59.
- ⁵ Тишкина Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула. С. 220.
- ⁶ Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 32.
- ⁷ Тишкина Т.В. Пополнение в 1920–е гг. археологических коллекций в музее Барнаула. С. 223.
- ⁸ АГКМ. ОФ 16115/25 П-17320.
- ⁹ Гусельникова М.В., Тишкина Т.В. Сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Николай Яковлевич Савельев // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 11. Барнаул, 2014. С. 26–29.
- ¹⁰ АГКМ. Годовой отчет АКМ за 1946 г.
- ¹¹ АГКМ. Краткий отчет научного работника АКМ тов. Савельева Н.Я. по поездке в г. Змеиногорск и горную Колывань с 7 августа по 22 августа 1947 г.
- ¹² АГКМ. Описание экспозиции отдела истории АКМ по состоянию на 1 июля 1948 г., составил зав. отделом Н.Я. Савельев.
- ¹³ АГКМ. Годовой отчет АКМ за 1948 г.
- ¹⁴ АГКМ. Годовой отчет АКМ за 1956 г.
- ¹⁵ АГКМ. Годовой отчет АКМ за 1949 г.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Гусельникова М.В., Попова И.В. Музейный хронограф Алтайского государственного краеведческого музея 1946–1990 годы // Краеведческие записки. Вып. 7. Барнаул, 2007. С. 152.
- ¹⁸ Гусельникова М.В., Тишкина Т.В. Сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Николай Яковлевич Савельев. С. 28.

О.Г. Ульянов (Москва)

ПЕРВЫЙ ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ НА РУСИ: ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОКИ ЧИНА РЫНД

Первые документальные сведения о рындах появляются в источниках во время правления государя Василия III, когда происходит сознательная переориентация великокняжеской власти на традиции и обрядность византийского двора, что обусловило появление новых дворцовых чинов, включая чин оружейничего, и структурализацию всего дворцового казнохранилища.¹ Правда, в литературе периодически встречаются ссылки на ошибочное утверждение А.Н. Кирпичникова в его докторской диссертации, что будто бы придворный секироносец упоминается в ряде летописных известий уже при отце Василия III с 1486 г.² На самом деле Львовская летопись под 1468 г. в широко цитируемом фрагменте текста содержит описание вовсе не русского, а татарского двора: «*придоша на татар... а другово бердышника*».³

Именно рындам, чье звание не являлось пожалованным,⁴ оружейничий конституировал на определенных условиях свои полномочия по надзору за Государевой оружейной казной. С момента самого раннего упоминания в разрядных книгах за 1521 г.⁵ рынд в количестве 6 человек эту казну составляли «*большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье, третий саадак, рогатина*» (всего 6 предметов парадного вооружения), в частности, в разрядах 1556 г. «*другой саадак*» назван «*писанным*», а «*третий или меньший*» – «*нахтермянным*». По свидетельству С. Герберштейна, в свите государя Василия III в 1526 г. уже находилось двое рынд – один с секирой «*из слоновой кости*», а другой – с шестопером, причем у обоих оружие было «*венгерского типа*».⁶ В этой связи заслуживает внимания тот факт, что в «Сказании» Якова Рейтенфельса (Jacob Reutenfels), по-

сетившего Россию в 1671–1673 гг., также упоминаются двое рынд, «которые в белом одеянии стоят по обеим сторонам царя, когда он сидит на престоле, один из них держит в руках **топор или секиру, украшенную слоновой костью**, а другой – **шестопер или булаву**».⁷

На византийское происхождение чина рынд указали одними из первых российские историки Ф.И. Миллер⁸ и Н.И. Новиков⁹, сославшись на историческое сочинение середины XII в. «царевны Анны Комниновой», т. е. на «Алексиаду» (Αλεξιάδα), в котором действительно упоминаются варяги (ил. 1) в качестве почетного

Ил. 1. Варяжская стража императора Льва V. Миниатюра. Хроника Иоанна Скилицы. XII в. Madrid, Biblioteca Nacional. MS Graecus. Vitr. 26-2. fol. 26va

караула василевса: «**варяги из Фулы (так я называю вооруженных секирами варваров)**» (II, 9), «**варвары-чужеземцы, носящие обычно мечи на правом плече**» (III, 9), «**Император выделил шесть воинов, которым поручил охрану своей особы и приказал следить за ним и ни на кого больше не обращать никакого внимания**» (VII, 3).¹⁰ По сообщению А. Поссевино, которому была предоставлена в 1581 г. аудиенция в Кремле, московские бояре при объяснении придворного обряда с участием рынд также приводили в пример «Мануйло, царя греческого»: «из давних лет во всех государствах ведетца... оруженники около государей стоят, то государей чин да и гроза».¹¹ Однако в «Скифской ис-

тории» 1692 г. А.И. Лызлова возникновение придворного чина рынд связано с посольством крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г., когда *«завязятя обычай, яко во время бытия послов иноземских пред лицом царским начата поставляти знаменитых четырех мужей, которых рындами называют, со обнаженным оружием: прежде с топорами, а потом недавних перемен начата поставляти таковых мужей с мечами обнаженными, соблюдения ради царского здравия и на страх послов, приступающих к целованию руки самодержца»*.¹²

Как показывает анализ всего комплекса источников, появление рынд при дворе государя Василия III правомерно связать с деятельностью казначея Ю.Д. Траханиота (Τραχανειώτης), занимавшего столь важное положение как *«главный советник государев»*, что *«Государь никоим образом не мог обходиться без его услуг»*.¹³ Его дядя Ю.М. Траханиот был одним из первых инициаторов преемственности византийского церемониала при дворе государя Ивана III, когда в сферу главных интересов московского правителя попадает знаменитое *«Donatio Constantini Magni»*,¹⁴ о чем свидетельствует наказ Ивана III своему послу Ю.М. Траханиоту ко двору Фридриха III в марте 1489 г.: *«от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними Римскими Цари, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии»*.¹⁵

Возникновение чина рынд при дворе государя Василия III впервые предположил Н.М. Карамзин, объяснив проникновением пышных византийских обрядов под влиянием царицы Софии Палеолог: *«Василий умножил число сановников одного, прибавив к ним оруженничего, ловчих, крайчего и рынд... рындами именовались оруженосцы, молодые, знатные люди, избираемые по красоте, нежной приятности лица, стройному стану: одетые в белое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топорицами, они ходили перед великим князем, когда он являлся народу; стояли у трона и казались иноземцам подобием ангелов небесных, а в воинских походах хранили доспех государев»*.¹⁶ Датировку Н.М. Карамзина поддержал А.В. Висковатов, разграничивший функции рынд во время военных походов и посольских церемоний: *«Рынды, учрежденные Великим Князем Василием Иоанновичем, отцом Грозного и почти всегда избиравшиеся из Стольников, были непосредственными неотлучными телохранителями Государей. В военное время, если сам Государь от-*

правлялся в поход, они и помощники их, подрынды, следовали за ним в качестве оруженосцев, т. е. имели на своей ответственности его оружие: «*большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье и сулицу, третий саадак, рогатину и доспех*». В походах рынды вооружались неодинаково, ибо, как уже выше замечено, в вооружении однообразия не было; в мирное же время оружием их были шестоперы, мечи и топоры, уже описанные выше под названием посольских. При поездках или шествиях Государя они следовали подле него, **один с топором, другой с шестопером** (см. свидетельство С. Герберштейна – sic!), а при аудиенциях послам становились по сторонам трона (иногда по одному, иногда по два), держа на плечах мечи, еще чаще топоры. На груди каждого от плеч до бедер висели крестообразно две золотые цепи, а одеждой были турецкие кафтаны и фереязи из камки, из парчи или из красного бархата более из белого; употребляли также и атлас; нередко подол и полы широко опушали горностаевым мехом. Принадлежностью наряда рынд была еще высокая белая шапка из рысьей черевины и белые сапоги».¹⁷

Точку зрения А.В. Висковатова совершенно проигнорировал А.К. Левыкин, пытавшийся выделить две разновидности чина рынд – лиц, назначавшихся на время военного похода для службы при государевом оружии, и личных телохранителей из царского эскорта на посольских приемах.¹⁸ Эта спорная гипотеза полностью противоречит источникам по данной теме, и те же посольские топоры рынд упоминаются в XVII в. не только в описаниях парадных приемов послов, но и в походных разрядах, и в царских Троицких походах и объездах. Лишь незнанием современной историографии¹⁹ и источниковедческой базы можно объяснить поддержку таких ошибочных взглядов Е.В. Пчеловым, приписавшим А.К. Левыкину первенство в новейшей литературе по вопросу о существовании особых воинских регалий в России и выделению круга предметов вооружения, имевших значение военных инсигний.²⁰

Следует подчеркнуть сознательное следование российских самодержцев дворцовым традициям и церемониалу византийских василевсов, хотя еще в 1483 г. Андрей Палеолог, став в 1473 г. единственным законным представителем всей династии Палеологов и ее прав на византийский престол, отдал хрисовул на ношение парадного оружия и инсигний византийских императоров графу Осорно.²¹ Тем

не менее, при государе Иване III обряд венчания Димитрия-внука в 1498 г. во многом оказался сходен с хиротониями кесарей в Византии.²² Лишь незнанием дворцового чина рынд можно объяснить отрицательное суждение В.И. Саввы в его известной работе 1901 г., что византийские церковно-гражданские обряды своим появлением в Москве никак не обязаны Софии Палеолог и пришедшим с нею на Русь грекам.²³

По данным С. Герберштейна, именно Ю.Д. Траханиот, пытаясь женить Василия III на своей дочери, организовал в 1505 г. смотрины государевых невест по древнему византийскому обычаю, практиковавшемуся в VIII–X вв. Критика Л.Е. Морозовой, поставившей данный факт под сомнение,²⁴ не учитывает достоверного сообщения Франческо да Колло, посетившего Россию в 1518 г.,²⁵ а также точного упоминания в трактате еп. Паоло Джовио (*Paulus Iovius Novocomensis*) со слов московского посла Дмитрия Герасимова 1525 г.²⁶ Вопреки ожиданиям Ю.Д. Траханиота, как отметил С. Герберштейн, Василий III «выбрал Саломею, дочь боярина Ивана Сабурова»,²⁷ брат которой Иван Юрьевич упоминается в чине рынды уже в 1522 г.²⁸

Столь существенное обстоятельство, т. е. знание Ю.Д. Траханиотом древних традиций византийского двора, тем паче ценно, что в поздней Византии должность протовестиария обратилась лишь в почетный титул, в то время как ее истоки восходят к бытовавшей при императоре Юстиниане должности магистра оффиция, который ведал не только оружейными мастерами и арсеналом Константинополя, но даже руководил внешней политикой Византийской империи. В свою очередь, должность магистра оффиция, название которой обязано римской терминологии в греческой транскрипции, в Древнем Риме также принадлежала начальнику императорского казнохранилища. Так же, как и в римскую эпоху, ведомство протовестиария со временем охватило несколько отделений или приказов, находившихся под управлением отдельных начальников, в том числе ему был подчинен архонт монетного двора²⁹.

Сходный генезис претерпело на Руси и ведомство оружейничего, как ранее было отмечено.³⁰ Впоследствии должность протовестиария, повлиявшая на учреждение при великокняжеском дворе в 1508 г. чина оружейничего с подчиненными ему рындами, вновь попала в центр внимания при царе Федоре Алексеевиче во

время разработки «Проекта устава о служебном старшинстве бояр»: *«греческий же протовестиарий сиречь первый нашего царского Величества казне хранитель, понеже имеет в своем хранении нашего царского Величества одежды и всякие многоценные вещи».*³¹

Нужно заметить, что при константинопольском дворе ведению протовестиария подлежали, кроме того, царские спафарии, которым было поручено нести царское оружие и сопровождать царя в походах. Во главе спафариев находился катепан и domestик царский, руководивший также спафарокандидатами и спафариями с секирами. Почти без изменений вся эта структура была воспринята на Руси с установлением института оружейничего, в распоряжение которого во время государевых походов поступали рынды и поддатни, сопровождавшие царское оружие, причем для каждого предмета царского вооружения назначался отдельный рында. Поступление в поддатни или в рынды считалось почетной привилегией отроков знатных дворянских фамилий, для которых в большинстве случаев оно было обязательным первым шагом к дальнейшему продвижению по службе.

Примечательное известие С. Герберштейна, что в 1517 г. все тот же Ю.Д. Траханиот пытался заявить в ходе переговоров о правах Василия III на Венгрию в силу происхождения венгров с территории Русского государства, следует сопоставить с его вышеприведенным описанием парадного оружия **«венгерского типа»** у рынд в охране государя Василия III в 1526 г.: *«один из них держал секиру из слоновой кости, называемую у них «топор», почти такой же формы, как на венгерских золотых; у другого же была булава, тоже подобная венгерской».*³² Данное свидетельство до сих пор не попадало в поле зрения оружейников, несмотря на известный факт чеканки двусторонней золотой монеты на Руси при государе Иване III с изображением венгерского короля св. Ласло I с парадным топориком в деснице в подражание золотым флоринам императора Сигизмунда I. В комментариях филологов к данному фрагменту текста С. Герберштейна «венгерский тип» парадного оружия ошибочно связан не с оружейной типологией, а с декором.³³

Однако уникальный золотой «угорский» дукат великого князя Ивана III и его сына-соправителя Ивана Молодого (ил. 2), отчеканенный в 1477/1478 гг.,³⁴ действительно содержит изображение парадного топорика, аналогии которому широко известны

Илл. 2. Золотой «угорский» дукат великого князя Ивана III и его сына-соправителя Ивана Молодого (ГЭ. ОН-Р-Аз-19. диаметр 2,4 см, вес 3,59 г. 958 проба)

среди парадного оружия XV–XVI вв. у дворцовой стражи европейских правителей, в частности, императора Священной Римской империи Максимилиана I.

В 1562 г. в походной Государевой оружейной казне впервые появились пищали и топоры. Почти синхронно 4 рынды, каждый из которых *«на плече нес красивый большой топор, блестящий серебром и золотом»*, были отмечены первый раз в 1564 г. Р. Барберини (Raffaello Barberini) в придворном церемониале у царя Ивана Грозного:

«шел он посреди четырех молодых людей, имевших от роду лет по тридцати...; двое из них шли впереди его, а двое других позади, но в некотором отдалении и на равном расстоянии от него; а одеты были все четверо одинаково: на головах у них были высокие шапки из белого бархата, с жемчугом и серебром, подбитые и опушенные вокруг большим рысьим мехом. Одежда на них была из серебряной ткани, с большими, серебряными же пуговицами до самых ног; подбита же была она горностаями; на ногах сапоги белые с подковками; каждый на плече нес красивый большой топор, блестящий серебром и золотом» (egli era messo in mezzo a quattro huomini di età di circa 30 anni robusti e grandi, figliuoli de' principali Signori, cioè due andavano inanzi lontano l'uno dall'altro e due a dietro co 'l medesimo ordine ma lontani parecchi passi da lui ugualmente, i quali erano vestiti di una sorte medesima, in questo modo: con berrettoni lunghi di velluto bianco con perle e argento foderati con gran mostra allo intorno di pance di lupi cervieri, con veste di tela d'argento infino à i piedi con bottoni molto grossi d'argento, foderate le vesti d'Hermellino, con stivali bianchi ferrati,

li quali portavano in su la spalla una bella e grande accetta per uno lavorata d'argento e d'oro).³⁵

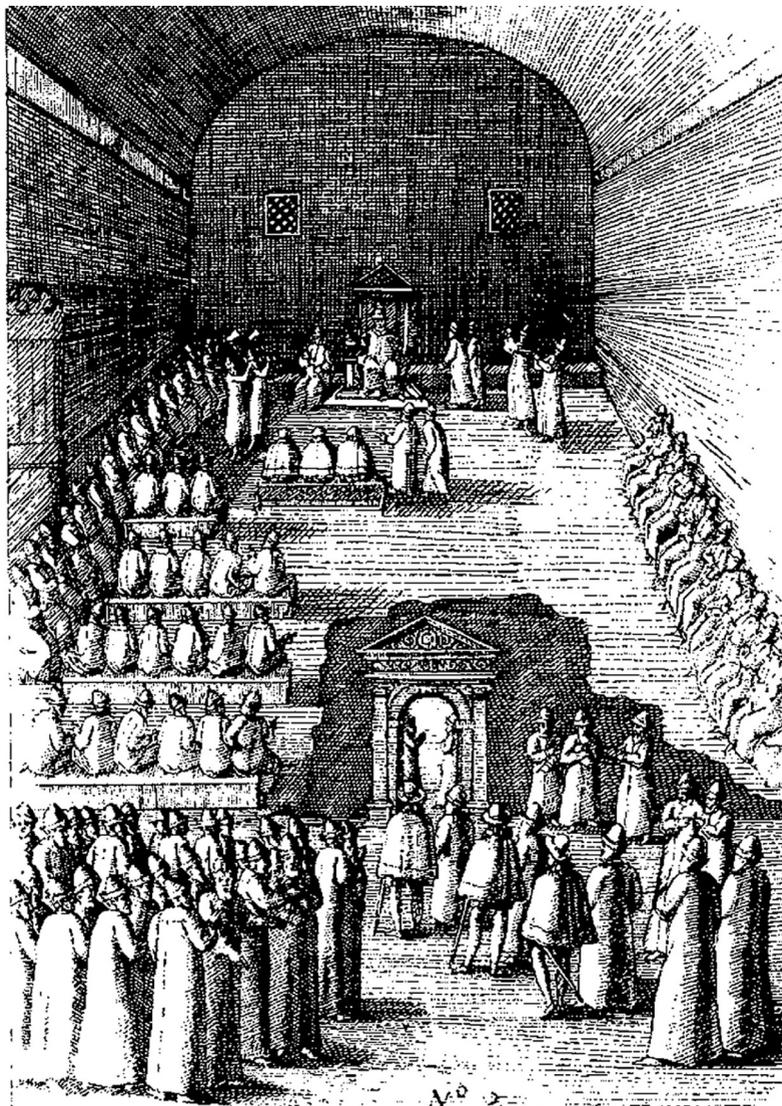
В специальной оружейведческой литературе еще ни разу не поднимался вопрос о дате создания знаменитых посольских топоров рынд и их возможном прототипе. Вместе с тем их первое упоминание в начале 1560-х гг. совпадает с визитом в Москву в сентябре 1561 г. митрополита египетского Иоасафа, который доставил царю Ивану Грозному грамоту Константинопольского патриарха Иоасафа II (1556–1565), подтверждающую право русского самодержца на царский титул, с патриаршим благословением, что имя русского царя будет внесено в диптихи для поминовения на литургии: *«да будешь и ты между царями как равноапостольный Константин... яко же преждеи царь благочестивы, самодержец Комнинос»*.³⁶ Вместе с Утвержденной грамотой 1560 г. делегация из Константинополя преподнесла в Московском Кремле книгу «Чин и устав о венчании и о поставлении царском», содержащую поздний византийский чин коронования (не ранее XIII в.). Неотъемлемой частью чина венчания на царство, как отражено в «Истории» императора Иоанна VI Кантакузина (Ἰωάννης ΣΤ΄ Καντακουζηνός), являлся торжественный выход василевса в сопровождении варяжского почетного караула с топорами: *«По обе стороны императора, справа и слева, благолепно следуют так называемые варяги, имеющие секиры (топоры), и по сотням отменно вооруженные молодые люди из благородных»*.³⁷ В «Хожение Игнатия Смольянина» с описанием чинопоследования венчания на царство византийского императора Мануила II Палеолога 11 февраля 1392 г. уточняется, что *«обанол царя 12 оруженника, от глав их до ногу все железно»*.³⁸ Судя по всему, вместе с чином венчания на царство в Москву были доставлены и парадные варяжские секиры (топоры) константинопольского происхождения, ставшие образцом для всех последующих посольских топоров рынд.

Этимология военного термина «рында»³⁹ все еще представляет загадку для специалистов, предлагающих те или иные спорные трактовки. Версии о древнеисландском (rond – «край щита, щит»), датском (rinde, gende – «бежать») и немецком (ronde – «дозор») источниках М. Фасмер отвергает, предлагая свою гипотезу происхождения из средненижнемецкого Ridder («рыцарь», «знаменосец»)⁴⁰. А.К. Левыкин заимствовал последнюю трактовку без ссылки на

М. Фасмера.⁴¹ В то же время ни С. Герберштейн, ни Я. Ульфельдт не употребляют русский термин «рында», видимо, для них совершенно иноязычного и неясного происхождения. В ряде словарей древнерусского языка можно встретить слово «рындель» («прапорносец»), отчасти близкий к термину «рында»,⁴² но никак не связанный с ним функционально с точки зрения вексиллологии.

По всей видимости, наиболее корректные этимологические параллели для «рынды» следует искать на византийской почве, откуда происходит сам чин. В описании внешнего вида варягов из личной охраны Исаака Комнина, которое изложил историк Михаил Пселл, называвший варягов «тавроскифами», есть одна фраза, вызвавшая затруднение у Я.Н. Любарского и других византинистов: «они заполняли **круг щита** и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами».⁴³ Некоторые авторы высказали предположение, что смысл выражения «заполняли круг щита» подразумевает строй «стена щитов».⁴⁴ Но в контексте перечисления предметов вооружения варягов вряд ли оправданно смешивать приемы их военной тактики. Наоборот, следует обратить пристальное внимание на конструктивные особенности круглого выпуклого византийского щита, посередине которого возвышался умбон (*umbon*), к тому же в поздневизантийский период широкое распространение получает именно баклер с умбоном в виде четырехгранного шипа. На Западе в позднем Средневековье приобретает особую популярность оружейный термин «gondel» (*исп.* – *gondel*, *фр.* – *rundel*, *англ.* – *rondell*, *нем.* – *runder*) в значении «круг», «круглый», «окружность», который вполне мог быть соотнесен применительно к византийскому круглому щиту варяжской стражи с дальнейшей трансформацией в собирательное название «рынд» по этой отличительной особенности.

«Четверо юношей, **державших в руках топорики**, одетых в белые полотняные одежды» («с топорами, сделанными по образцу алебард по русскому обычаю»)⁴⁵ упоминаются также в дневнике датского дипломата Якоба Ульфельдта, посетившего царя Ивана IV Грозного в Александровской слободе в августе 1578 г.⁴⁶ Достоверные изображения парадных топоров рынд были выполнены в издании 1608 г. И.Т. де Бри (1561–1623) по зарисовкам самого датчанина и позволяют провести оружиеведческую экспертизу с привлечени-

Ил. 3. Прием царем Иваном IV Грозным посольства Я. Ульфельдта в Александровской слободе. Гравюра И.Т. де Бри. 1608 г.

ем предметов парадного вооружения из фондов Оружейной палаты Московского Кремля.

Ил. 4. Парадный топор с золотой наводкой (5515 ОП)

Ил. 5. Парадный топор с серебряной декоративной насечкой и насеченным золотом двуглавым орлом под одним венцом с одной стороны и птицей с другой (5522 ОП). Длина с древком – 68,7 см

Рынды на гравюре И.Т. де Бри изображены без золотых цепей крест-накрест, о чем свидетельствует текст Я. Ульфелдта, но самое главное, они представлены с топорами не в положении «на плечо», а изготовленными для удара. Кроме того, парадные топоры рынд изображены двух типов, причем топоры у пары рынд, что по левую руку от царя, имеет характерную сужающуюся форму (ил. 3). Во время аудиенции английского посла в России

Джерома Бауса в октябре 1583 г. *«Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде, перед ним находились три его короны, по обе стороны царя стояли четверо молодых слуг из знати, называемых «рынды» (rindeys), в блестящих кафтанах из серебряной парчи с четьрьмя серебряными топориками».*⁴⁷

Наиболее близким по типу к посольским топорам рынд на гравюре И.Т. де Бри является парадный топор с золотой насечкой (5515 ОП), поступивший в Оружейную палату в 1810 г. из Рюст-Камеры «в числе молотков» (ил. 4). Близкую разновидность указанного типа посольского топора рынд представляет парадный топор (ил. 5) с серебряной декоративной насечкой и насеченным золотом двуглавым орлом под одним венцом с одной стороны и птицей с другой (5522 ОП), запи-

санный в Описи 1687 г. под № 7.⁴⁸ Дальнейшим развитием данного типа посольского топора рынд можно рассматривать парадный топор работы мастеров Оружейной палаты середины XVII в. из собрания Арсенала (ГЭ. В.О.-541).

Между тем, в современной литературе можно встретить ошибочные указания, что будто бы «самое раннее описание рынд принадлежит Адаму Олеарию, входившему в голштинское посольство 1632 г.».⁴⁹ Судя по отчетам 1604/1605 гг. французского политического агента Жака Маржерета, дворцовый чин почетного караула рынд на рубеже XVI–XVII вв. состоял в том, что *«по обе стороны от императора стояли по два молодых вельможи, одетых в платья из белого бархата, снаружи кругом обшитые горностаем на ширину в полфута, в белых шапках, с двумя золотыми цепями крестообразно на шее, и каждый с дорогим боевым топором из дамасской стали, они держат их на плече, словно готовясь нанести удар; все это олицетворяет величие государя»*.⁵⁰ Описание почетного караула рынд приведено также в записках поляка, находившегося в свите Марины Мнишек: *«по бокам царя стояло по два дворянина с бердышами, железными на золотых рукоятках. Верхняя одежда и штаны на них были из белого бархата, подшиты и окаймлены горностаем. Сапоги тоже белые, сами они были опоясаны цепями. По левую руку стоял Дмитрий Шуйский с обнаженным мечом, в парчовой одежде, подшитой соболями»*.⁵¹ Во время Смуты в комплексе парадного оружия рынд появился посольский меч, о чем упоминает Станислав Немоевский, ставший свидетелем свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек в мае 1606 г.: *«За боярами шли четверо в белом бархате, в рысьих, из передних частей, шлыках, с широкими секирами на плечах, а перед самым великим князем мечник Михайло Шуйский, племянник нынешнего великого князя, с мечом наголо, долгим и широким, в парчовой шубе, подшитой неважными соболями, руки всунуты в выпуски; шуба имела вид реверенды, какую употребляют наши придворные ксендзы. Ношенья этого меча раньше у них не было в обычае; он только что введен, когда узнали, что такая церемония бывает у нашего короля in solennitatibus. Все они имели на себе немалые золотые цепи, а многие из них и по две, крестом»*.⁵²

Как предположил А.А. Юзефович, к четырем «рындам с традиционными чеканами» был добавлен пятый «с обнаженным

мечом» при Лжедмитрии I, после смерти которого число рынд у трона первых Романовых было доведено до 6, но меч уже не фигурировал.⁵³ Эта гипотеза противоречит источникам 1656 и 1684 гг., в которых упоминаются *«посольские булатные мечи»* рынд, а также историческим данным, приведенным в дневнике секретаря шведского посольства Э. Кемпфера 1683 г., где сообщалось, что *«с обеих сторон стояли по два молодых князя, с накрытыми головами, держа в руках, на плечах своих, большие посеребренные мечи, как бы готовые для поражения подходящих к руке»*.⁵⁴ В своих записках за тот же период времени Г. Котошихин доложил, что *«подле царя ж, по обе стороны, стоят рынды, четыре человека, наряжены в белое платье камчатое на горностаях, в шапках белых же высоких, и в сапогах, в руках держат по топору нарядному з золотом и с серебром; а бывает на тех рындах платье и топоры царское; а люди они первой и другой и третьей статьи родов, боярские дети»*.⁵⁵ Более того, подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин указал в 1666 г. на разницу в числе рынд в почетном карауле у царского трона, связанную со статусом того или иного посольства: *«только Цесарским послом и Полским и Аглинским бывает перед Свейскими послами прибавка в естве и в питье, да рынд бывает по шесть человек»*.⁵⁶

В собрании Оружейной палаты во второй половине XVII в. действительно хранилось два парадных комплекта посольских топоров по две пары в каждом, что полностью обеспечивало полное вооружение в случае почетного караула из 6 рынд. В один парадный комплект входила пара булатных топоров с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами, которые в описи 1687 г. записаны под № 1: *«Два топора Турские, булат красной, каймы и обухи наведены золотом на обе стороны; под обухом по две мишени на обе стороны; под мишеньми в клеймах по орлу с корунами; топорища худые серебряные белые, да по два наконешника, да по две обоймицы чеканные золочены. А по нынешней переписи рч`с года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись. Цена тем топорам по сту по десяти рублей за топор»*.⁵⁷ Полностью соответствовала им пара топоров работы мастеров Оружейной палаты (5531 ОП, 5532 ОП), которая отличается лишь тем, что по середине топоров сделаны прорезные звездчатые репы и над ними насеченные золотом двуглавы

**Ил. 6. Парадный топор с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами (5533 ОП; ОР-2238).
Длина с древком – 99,0 см,
длина топора – 38,0 см,
ширина топора
с обухом – 29,5 см**

орлы, как отмечено в описи 1687 г. под № 2: «два топора Турские, булат красной, каймы и обухи наведены золотом на обе стороны; под обухи мишени и под мишеньми по клейму, в клеймах по орлику с коруны на обе ж стороны наведены золотом; среди топоров репы прорезаны; топорница худы серебряны белые, по два наконешника, да по две обоймицы чеканные золочены. А по нынешней переписи рч'е года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись. Цена тем топорам по сту по десяти рублей за топор».⁵⁸

Второй парадный комплект посольских топоров составляли четыре булатных топора (ил. 6) с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами работы мастеров Оружейной палаты, 1-я половина XVII в. (5533–5536 ОП; ОР-2238–2241), которые упомянуты уже в Описи Большого наряда 1642 г.: «Четыре топора, что бывають у Рынд при послех; по топорам с обе стороны в кругах набито золотом по орлу пластаному; по топором же около орлов и по обухом набиваны травки золотом же; у топоров топорница оправлены серебром чеканным золоченым; у топорниц с оба конца по яблоку, в них каменя бирюзы попорчены, а иные и выпадали. У топоров влагалища деревянные оболочены кожею, а внутри сукном зеленым». В Описи 1687 г. они записаны как «Четыре топоры Московское дело» под № 4: «стальные, наведены золотом травы розметные на обе

стороны, в травах по два льва, на стороне в середине по кругу, в кругах по орлу с корунами; с правой стороны в орле по человеку на коне колют змию; а с левой стороны в орле по индроку (единорогу); наведены золотом, обухи наведены золотом же, на обухах по два яблока, одни прорезные, другие грани косые, наведены золотом; топорница оправа серебряная, чеканная золочена; на конце в емах хозы белые серебряные, в наконешниках по десяти бирюзы, а у другога топора две бирюзы попорчены. А по нынешней переписи рч`с года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись; в двух топорах четырех бирюз нет, одна бирюза пополам переломлена, и половины нет. Цена тем топорам по семидесяти рублев за топор».⁵⁹

Равно как при дворе византийского василевса, где царским спафариям полагалось быть «в надлежащей форме»,⁶⁰ так и Государевы рынды облачались в парадное платье, выдавшееся из Государевой казны. О мастерах, «что делали рындам 4 белых сапога», впервые сообщается в расходной книге денежной казны Казенного приказа 1613 г. Численность рынд, установившаяся с воцарением династии Романовых, позволяет определить опись царской казны на Казенном дворе 1640 г., куда вошло одно из первых описаний «платья рынд»: «шубы горнастайные, 4 терлика... 4 кушака, 4 шапки, 10 сапоги сафьянные белые... 4 шубы на горностаиях».⁶¹ Унаследован был на Руси и неперемный атрибут константинопольских спафариев с секирами, а именно: парадный топор, благодаря чему одеяние рынд стало первым русским образцом форменной одежды, в которой неотъемлемым аксессуаром служило парадное оружие.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что византийский по своему происхождению чин рынд со всей своей обрядностью органично вписался в структуру кремлевского ведомства Большого Дворца, возвышая этикет русского самодержца до уровня василевсов «Нового Рима». Важнейшим атрибутом данного чина явились посольские топоры, ставшие подлинными шедеврами оружейного искусства московской школы. Угасание идеи «Москвы – Третьего Рима» ознаменовалось отменой Петром I в 1698 г. дворцового чина рынд.

- ¹ Устьянов О.Г. Институт оружейных и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 352–353.
- ² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 22.
- ³ ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 279 (Л. 406 об).
- ⁴ Яковлев А.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 4.
- ⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 185.
- ⁶ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 221.
- ⁷ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 311.
- ⁸ Миллер Ф.И. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. С. 58–59.
- ⁹ Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России, подготовил Н.И. Новиков // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XX. М., 1791. С. 222–224.
- ¹⁰ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 109, 133, 209.
- ¹¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1870. С. 224.
- ¹² Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. С. 147.
- ¹³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 106.
- ¹⁴ Устьянов О.Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 196–214.
- ¹⁵ Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. С. 17.
- ¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского История государства Российского: В 12 т. Т. VII. Гл. III. С. 110. прим. 231.
- ¹⁷ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 1. СПб., 1899. С. 51–52.
- ¹⁸ Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 57–58.
- ¹⁹ Устьянов О.Г. Институт оружейных и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 361. Примеч. 1.
- ²⁰ Пчелов Е.В. Символика воинских регалий московских царей // Власть. № 2. М., 2009. С. 114–116.
- ²¹ Регель В.Э. Хрисовулл императора Андрея Палеолога 13 апреля 1483 года // Византийский временник. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1894. С. 151–159.
- ²² Подробнее см.: Устьянов О.Г. «ROMA QUADRATA III». К 500-летию строительства дворца великого князя Ивана III в Кремле // Вехи русской истории в памятниках культуры. Макариевские чтения. Вып. V. Можайск, 1998. С. 508–529.
- ²³ Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. Минск, 2013. С. 195.
- ²⁴ Морозова Л.Е. 1) Знаменитые женщины Московской Руси XV–XVI века. М., 2014. С. 205–206; 2) К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. № 2. СПб., 2014. С. 156–167.
- ²⁵ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 66.
- ²⁶ Sulla legazione del principe di Mosca Basilio Magno a Clemente VII (noto anche come

Moschovia) prima edizione Pauli Iovii Novocomensis Libellus del legatione Basillii Magnii Principis Moschoviae, in aedibus F. Minitii Calvi, Romae, 1525; рус. пер.: Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 52.

²⁷ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 87.

²⁸ Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 68.

²⁹ Беляев Д.Ф. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 1. СПб., 1891. С. 176.

³⁰ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 351–366.

³¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.Б. Калачевым. Кн. 1. Отд. II. СПб., 1861. С. 32.

³² Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 163, 221.

³³ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. II. Bratislava, 1960. С. 510.

³⁴ Львов М.А. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. 5. Л., 1981. С. 106–111.

³⁵ Relazione di Moscovia Scritta da Raffaello Barberino al conte di Nubarola, Anversa li 16 ottobre, 1565 / a cura di Maria Giulia Barberini, Idalberto Fei. Palermo; Sellerio, 1996. 111 p.; рус. пер.: Сын отечества. Ч. III, № 7. 1842. С. 16. В работах с данным текстом В.Р. Мединского есть ссылки лишь на русский перевод 1842 г. и ни одного современного научного издания первоисточника.

³⁶ Ульянов О.Г. Венчание на царство Владимира Святого и утверждение царского титула Ивана Грозного в грамоте Константинопольского патриарха Иоасафа II // Историк и общество. Исторический факт и политическая полемика. М., 2011. С. 80–97.

³⁷ Johanni Cantacuzeni Historiarum. libri I. 41. V. I. Bonnae, 1828.

³⁸ ГИМ. Синод. 562; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008. С. 280–281.

³⁹ Kampfner Fr. Die Leibwache (rynda) Ivan IV. gemass den Angaben des Ranglistenbuch // Geschich-te Russlands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Gunter Stokl. Stuttgart, 1986. S. 142–151.

⁴⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 529.

⁴¹ Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 56.

⁴² Этимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 5: Р – Т. Киев, 2006.

⁴³ Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. СПб.: Алетейя, 2003. С. 290.

⁴⁴ Кашляк С. Г. Росы и Византийский Понт // Τμήμα σύνταξης. Pontos news.

⁴⁵ Щербачев Ю.Н. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // Русский вестник. СПб., 1887. Т. 189. 7 (июль). С. 139.

⁴⁶ Ульфельдт Якоб. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 320.

⁴⁷ Горсей Джером. Записки о России XVI – начало XVII. М.: МГУ, 1991. С. 84.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 136; Ульянов О.Г. Опись Оружейной палаты 1687 г. – Ultima Thule московской оружейной школы XVII в. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. IV. С. 287–303.

⁴⁹ Пономарева И.Г. Из истории русского дворцового церемониала (ранние известия о рындах) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Оргкомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова (Москва). № 4. М., 2015. С. 41–46.

⁵⁰ Смута в Московском государстве. М., 1989. С. 209–210.

- ⁵¹ Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 40.
- ⁵² Документы и материалы о свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек // Дневник Марины Мнишек. Приложение II. М., 1995. С. 184.
- ⁵³ Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 103–104.
- ⁵⁴ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // ЧОИДР. Кн. III. М., 1873. С. 338.
- ⁵⁵ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 69.
- ⁵⁶ Там же. С. 76.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 133.
- ⁵⁸ Там же. Л. 134.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Беляев Д.Ф. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. II. СПб., 1893. С. 40.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 4. Л. 298; Ед. хр. 65.

В.Б. Ушаков (Ростов-на-Дону)

ШТАТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ «RÝCHLA DIVÍZIA» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ (1941–1942)

XX ВЕК в истории человечества и военной истории стал эпохой глобальных вооруженных конфликтов. Две мировые войны потрясли и во многом изменили существовавший до их начала миропорядок. Российская империя, а позднее и Советский Союз стали активнейшими участниками этих вооруженных конфликтов. Вторая мировая война и как следствие ее эскалации Великая Отечественная война (1941–1945) изучается давно и серьезно, но, тем не менее, в истории данного вооруженного конфликта по-прежнему остается достаточно много узких, малоизученных вопросов. Одним из них является участие в боевых действиях на советско-германском фронте европейских вооруженных формирований, связанных с Германией союзническими обязательствами. В настоящем исследовании речь пойдет о формировании словацких вооруженных сил, а также участии в боевых действиях на юго-западном стратегическом направлении наиболее боеспособной части словацкой армии – подвижного моторизованного соединения, известного как *Rýchla divízia* (в переводе со словацкого «Быстрая дивизия»). В данном контексте особое внимание уделяется аспектам формирования, комплектования штатного вооружения как словацкой армии, так и непосредственно «*Rýchla divízia*» в условиях боевых действий на Восточном фронте в 1941–1945 гг.

Вопрос участия в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии вооруженных формирований ее европейских союзников до сих пор не утратил своей актуальности. Советская историография старательно обходила вниманием данную проблематику либо освещала ее поверхностно. В послевоенный период характерным было замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический

подход к оценке деятельности политического и военного руководства, ограничения на работу с архивными материалами и контакты с зарубежными учеными¹.

Советская историческая наука изучала участие вооруженных сил «инициативных» стран – союзников Германии неоднородно и с перекосами различного рода. В частности, если изучение участия итальянских союзников Третьего рейха в Великой Отечественной войне началось еще до ее окончания и связано с фиксацией фактического материала по проведению операции «Малый Сатурн», то освещение хода боевых действий, который вел Словацкий экспедиционный корпус, игнорировалось до начала 1970-х гг. В 1973 г. появилась статья Б. Арушяна «Боевые действия 12-й армии в начальный период Великой Отечественной войны»², которая оставалась единственной вплоть до начала 1990-х гг. Распад СССР и единой Чехословакии дает новый импульс исследованиям участия вооруженных сил Словацкой республики против СССР в Великой Отечественной войне. В 1998–1999 г. выходит четырехтомник «Великая Отечественная война. 1941–1945»³ с кратким изложением боевых действий РККА против словацких войск, в 2002 г. появляется работа М. Зефирова «Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе»⁴. В 2000-х гг. появляется монография историка-слависта докт. ист. наук В.В. Марьиной «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг.»⁵, а также цикл работ российских историков, посвященных боям союзников Германии на Верхнем Дону⁶. В 2009 г. была защищена кандидатская диссертация П. Шмидт «История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.»⁷.

Таким образом, обзор отечественной историографии, посвященный участию «*Rýchla divízia*» в боевых действиях против Красной армии, позволяет констатировать, что исследуемая тема фактически научно не разрабатывалась в заявленных территориальных и хронологических рамках. Принимая во внимание данный фактор, настоящее исследование ставит своей целью восполнить пробел в изучении исторических аспектов формирования *Rýchla divízia*, комплектования и применения штатного вооружения в боевых действиях на Восточном фронте в 1941–1942 гг. Эта цель будет решена с помощью материалов фондов Ростовского областного музея краеведения⁸, которые будут дополнены документально-архивными материалами.

**Ил. 1. Построение в ознаменование объявления независимости
Словацкой Республики. 14 марта 1938 г.**

Возникновение и развитие словацких вооруженных сил неразрывно связано с появлением в Восточной Европе словацкого национального государства 14 марта 1938 г. в процессе раздела Чехословакии (ил. 1). Оккупация Германией чешских территорий сопровождалась проведением протекционистской политики в отношении Словакии и создании в ее границах марионеточного государства. В формировании словацкой армии Третий рейх также принял активнейшее участие. основополагающими пунктами данного участия стали подготовка в Германии личного состава, передача вооружения и техники, а также влияние на формирование военной структуры словацких вооруженных сил. Уже в начале лета 1939 г. началось формирование структуры словацкой армии, которая изначально насчитывала около 25 000 человек. Было образовано Министерство народной обороны (Ministerstvo narodnej obrany (MNO)), Главное военное командование (Hlavné vojenské veliteľstvo (HVV)) и три главнокомандования, которым подчинялись пехотные, артиллерийские, бронетанковые полки и авиация. К концу лета 1939 г. силы словацкой армии были развернуты в 5 пехотных (1, 2, 3, 4, 5-й), 6 артиллерийских (1, 2, 3, 4, 51, 52-й) полков. Также по одному были сформированы автомобильный полк, полк ПВО и ВВС⁹. Таким образом, формирование словацкой армии началось и было во многом реализовано до законодательного оформления словацких вооруженных сил, которое произошло 18 января 1940 г. с появлением «Закона о вооруженных силах Словацкой

республики» (Branna moc Slovenskej republiky). Главнокомандующим словацкой армией был назначен генерал-лейтенант Фердинанд Чатлош. Центрами формирования армии стали Тренчин, Банска-Быстрица и Прешов, где разместились штабы командования дивизий (ил. 2).

Ил. 2. Двор казармы. На переднем плане 37-мм противотанковая пушка образца 1937 г. (3,7-см KPÚV vz. 37). Зима 1938–1939 гг.

В 1939–1940 гг. структура вооруженных сил Словакии неоднократно трансформировалась и приобрела завершенный вид к 1 мая 1940 г. Командования дивизий были переименованы в главнокомандования дивизионных областей (Veliteľ'stvo divíznich oblastí (VDO)). Номер области (VDO-1, 2, 3) соответствовал номеру дивизии. Еще одна трансформация постигла словацкие вооруженные силы, когда на базе 2-й дивизионной области в Банска-Быстрице было образовано командование сухопутных сил (Veliteľ'stvo pozemneho vojska (VPV)), которому было непосредственно подчинено подвижное соединение в составе танкового, двух артиллерийских полков, автомобильного батальона и батальона связи.

В процессе формирования словацких вооруженных сил стоит заметить, что основные образцы вооружения достались в наследство от армии Чехословакии. Из категории легкого вооружения, поступившего в словацкую армию, можно выделить основные типы: 9-мм пистолеты образца 1922 и 1924 гг. (CZ vz. 22, CZ vz. 24), 7,92-мм винтовки образца 1923 и 1924 гг. (Puška vz. 23, Puška vz. 24), 7,92-мм ручные

пулеметы образца 1926 г. (ZB vz. 26), 7,92-мм станковые пулеметы образца 1924 г. (ZB vz. 24), 7,92-мм модернизированные тяжелые пулеметы образца 1937 г. (ZB vz. 37)¹⁰. В целом можно констатировать, что проблем с легким пехотным вооружением словацкая армия не испытывала.

Таблица 1
Штатное легкое вооружение в составе армии
Словацкой республики

№ п/п	Наименование образца вооружения	Количество (ед.)
1	7,92-мм винтовки образца 1923 года	54357
2	7,92-мм винтовки образца 1924 года	176455
3	7,92-мм ручные пулеметы образца 1926 года	10100
4	7,92-мм станковые пулеметы образца 1924 года	2200
5	7,92-мм модернизированные станковые пулеметы образца 1937 года	285

В отличие от легкого вооружения, артиллерийское вооружение словацкой армии было самым разнообразным. Словацкие вооруженные силы использовали орудия и гаубицы 11 различных типов. Общее количество орудийных систем в словацкой армии насчитывало 587 единиц¹¹. Часть из них была передана Германией как фактическим протектором Словакии. Основная часть вооружения, поступающая от Германии, передавалась со складов, оставшихся от чехословацкой армии. К разнообразному артиллерийскому вооружению добавлялось минометное. Основную часть составляли 81-мм минометы образца 1936 г. и 140-мм тяжелые минометы образца 1918 г.¹². Еще одним непростым вопросом в формировании словацких вооруженных сил было комплектование соединений бронетехникой. На момент формирования первого словацкого бронетанкового соединения (Pluk utosnej vozby (PUV)) в распоряжении армии Словацкой республики находились бронеавтомобили, танкетки, малые и легкие танки (ил. 3).

**Ил. 3. Колонна малых танков LT vz. 34 (Lehký tank vzor 34)
на параде. 1938 г.**

Пополнение парка бронетехники происходило и после образования Словацкой республики в 1939–1940 гг. Были получены 8 броневедомостей ОА vz. 30 и 9 легких танков LT vz. 35. Кроме того, была достигнута договоренность о поставке легких танков LT vz. 38. В целом можно констатировать, что, учитывая размеры словацких вооруженных сил, насыщение соединений штатным вооружением соответствовало требованиям боеспособности. Такое положение со-

Таблица 2

Бронетехника в составе армии Словацкой республики

№ п/п	Наименование образца вооружения	Количество (ед.)
1	Бронеавтомобиль образца 1927 года (ОА vz. 27)	3
2	Бронеавтомобиль образца 1930 года (ОА vz. 30)	10
3	Танкетка образца 1933 года (LT vz. 33)	30
4	Малый танк образца 1934 года (LT vz. 34)	27
5	Легкий танк образца 1935 (LT vz. 35)	43

хранялось вплоть до начала Великой Отечественной войны (1941–1945).

Условия союзных договоров с Германией не требовали непосредственного участия словацкой армии в боевых действиях, но война была для военно-политического руководства Словакии реальным шансом доказать преданность Германии. В первый день войны Й. Тисо предложил руководству Третьего рейха направить в Россию словацкие войска, и в тот же день министерство народной обороны Словакии объявило скрытую мобилизацию. Это позволило довести численность армии до 90 533 человек, 50 689 из которых были включены в состав развертываемого Словацкого экспедиционного корпуса. Одновременно с развертыванием экспедиционного корпуса особым приказом № 1 от 22 июня 1941 г.¹³ была выделена «Быстрая группа» (Rýchla skupina), которая передавалась в подчинение 17-й полевой армии группы армий «Юг». Данное подвижное соединение словацкой армии начало боевые действия против Красной армии 26–27 июня 1941 г. В течение июня–августа 1941 г. соединение последовательно трансформировалось сначала в «Быструю бригаду» (Rýchla brigáda), а затем в «Быструю дивизию» (Rýchla divízia).

Сравнительный анализ численности личного состава и штатного вооружения показывает трансформацию соединения из бронетанкового в мотопехотное. В качестве штатного вооружения «Rýchla skupina» использовала 9-мм пистолеты vz. 24 (661 ед.), 7,92-мм винтовки vz. 24 (813 ед.), 7,92-мм ручные пулеметы vz. 26 (79 ед.), 7,92-мм станковые пулеметы vz. 24 (4 ед.), 37-мм противотанковые пушки vz. 37 (23 ед.), 75-мм горные пушки vz. 15 (4 ед.), 100-мм легкие гаубицы vz. 30 (9 ед.), бронеавтомобили ОА vz. 30 (3 ед.), легкие танки

Таблица 3

Этапы преобразования соединения «Быстрая группа»

Дата формирования	22 июня 1941 г.	7 июля 1941 г.	3 августа 1941 г.
Наименование	Rýchla skupina	Rýchla brigáda	Rýchla divízia
Личный состав (чел.)	1910	3546	8451
Офицеров (чел.)	59	117	301
Подофицеров (чел.)	27	39	90
Унтер-офицеров и солдат (чел.)	1824	3390	8060
Вооружение: пистолетов	661	1391	2111
винтовок	813	1665	4895
ручных/станковых пулеметов	79/4	126/101	265/57
противотанковых пушек	23	73	40
горных пушек	4	4	12
зенитных орудий	-	-	16
гаубиц	9	12	16
броневедомостей	3	5	-
танков	47	36	-
автомобилей	238	395	1094
мотоциклов	33	62	138
велосипедов	112	269	269

LT vz. 35, vz. 38, vz. 40. Данное штатное вооружение использовалось «Rýchla skupina» в течение июня – начала июля 1941 г., вплоть до реорганизации в «Rýchla brigáda». Сравнительный анализ штатного вооружения подразделений позволяет отметить количественные

изменения не только в личном составе, но и в вооружении. Резко увеличилось число 7,92-мм станковых пулеметов vz. 24 (101 ед.), поступили на вооружение 81-мм минометы vz. 36 (2 ед.), 105-мм полевые пушки vz. 35 (4 ед.), в то же время снизилось число броневтомобилей и танков. Данная трансформация говорит о попытке усилить огневую мощь при сохранении бронетанковой составляющей. Однако тяжелые бои и не менее тяжелые потери в районе Липовцы вынудили словацкое командование пойти на очередную трансформацию. Причинами этого служат сравнительно высокие потери в личном составе и технике, а также низкая подвижность соединения. В конце августа 1941 г. с переформированием «Rýchla brigáda» в «Rýchla divízia» подразделение окончательно трансформировалось из бронетанкового в мотопехотное. Кардинально возросло число автомототранспорта, что улучшило подвижность соединения. В отношении штатного вооружения возросла численность 7,92-мм ручных пулеметов vz. 26 (265 ед.) и снизилось количество 7,92-мм станковых пулеметов vz. 24 (57 ед.), что говорит о попытке улучшить мобильность соединения при сохранении высокого уровня огневой мощи. Вместе с тем возросло количество минометного вооружения, появились орудия ПВО: 20-мм автоматические пушки «Эрликон» (12 ед.), 88-мм зенитные пушки FLAK образца 1918 г. (4 ед.).

После переформирования «Rýchla divízia», с 23 августа 1941 г. дивизия действовала во 2–3-м эшелоне, взаимодействуя с немецкими войсками, а в конце сентября была передана в состав 1-й танковой группы генерал-полковника Э. фон Клейста. В 5.30 29 сентября 1941 г. «Быстрая дивизия» должна была выступить маршем по трассе Кременчуг – Потоки – Ревовка – Кобеляки – Царичанка – Топчино, выйти в район Почино – Маргаритовка – Карамарка – Шефское – Топчино¹⁴. После выхода в район дивизия поступила в распоряжение командующего 3-м моторизованным корпусом Э. фон Макензена. Она получила приказ сменить 13-ю танковую дивизию на позициях по реке Орель на участке Перещепино – Родзянки. На этом участке дивизия вела позиционные бои до 5 октября, когда часть ее была передана в состав 14-го моторизованного корпуса с непосредственным подчинением командованию 60-й моторизованной дивизии. Обе части дивизии должны были действовать в районе Гуляй-Поле – Пологи и содействовать блокированию войск Южного фронта на стыке 1-й танковой и 11-й полевой армий. К 10 октября 1941 г. соединения «Быстрой дивизии» вышли в назначенный район

и заняли Пологи. После взятия Пологов дальнейшее направление наступления было определено как район Хлебодаровка – Волноваха. Выйдя в район Хлебодаровки, «Быстрая дивизия» находилась там до конца октября 1941 г. 30 октября 1941 г. ее штаб получил предписание о передислокации к побережью Азовского моря на смену 60-й моторизированной дивизии. Дивизия поступала в распоряжение Главнокомандования побережья Азовского моря (ARKO 301-Artillereikommando)¹⁵. Под охрану в первых числах ноября 1941 г. был принят участок побережья от Мариуполя до реки Миус. Во второй половине ноября 1941 г. ход боевых действий в полосе 1-й танковой армии принял ожесточенный характер. 17 ноября танковые дивизии вермахта и войск СС перешли в наступление на Ростов-на-Дону и 21 ноября 1941 г. овладели городом.

Одновременно с немецкими в наступление перешли и войска Южного фронта под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко. К 21 ноября войска 9-й, 18-й и 37-й армий достигли значительного успеха и вышли на рубеж Дьяково – Миллерово – Родионово-Несветайское, нависая над группировкой противника, занявшей Ростов. Оставленные для прикрытия фланга дивизия СС «Викинг» и 16-я танковая дивизия отходили, прикрываясь мобильными танковыми группами, минометным и артиллерийским огнем. Угроза окружения вынудила командование 1-й танковой армии начать переброску основных сил 3-го моторизированного корпуса из Ростова. Однако ситуация осложнялась с каждым часом. 21 ноября 1941 г. «Быстрая дивизия» была вновь переподчинена 14-му моторизированному корпусу и получила приказ выдвинуться в район села Куйбышево. На участок Каменно-Тузловка – хутор Кумшатский, в стык обороны 1-й горной дивизии и 5-й моторизированной дивизии СС «Викинг» были переброшены два батальона из состава 20-го и 21-го мотопехотных полков и две гаубичные батареи¹⁶. Первыми на позиции прибыла 8-я пулеметная рота 21-го мотопехотного полка, которой удалось отразить несколько атак противника. Однако с подходом основных сил «Быстрой дивизии» натиск на ее позиции усилился. В сражении за Ростов наметился перелом в пользу Красной армии.

К 1–2 декабря 1941 г. под натиском войск Южного фронта «Быстрая дивизия» получила приказ отступить к основному рубежу, отведенному для ее обороны, в район Куйбышево. Это был довольно спокойный участок, советское командование не планировало здесь предпринимать крупномасштабных наступательных операций. До-

казательством этому служат записи в военном дневнике словацкого военнослужащего: «05.01.1942. Ночью спокойно, за исключением нерегулярной стрельбы артиллерии и минометов, в частности в пространстве к востоку от Ольховского»¹⁷. В начале второй половины февраля «Быстрая дивизия» занимает позиции на участке к северу от Куйбышево до Димитровки. К весне 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта противоборствующие стороны активно готовились к предстоящей борьбе за стратегическую инициативу. Подготовка к летнему наступлению велась и в «Быстрой дивизии». К 14 июля 1942 г. личный состав дивизии насчитывал 6696 человек (204 офицера, 66 подофицеров, 307 унтер-офицеров, 6117 солдат). Переформирована была и ее структура, к середине июля 1942 г. «Быстрая дивизия» включала: штаб управления, 20-й и 21-й мотопехотные полки, 5-ю разведывательную группу, артиллерийскую группу (две роты противотанковых и горных орудий), 2-й батальон связи, 7-ю и 8-ю зенитные батареи, 2-ю инженерную роту, медицинскую роту, транспортный автомобильный полк и части обеспечения. В качестве штатного вооружения были готовы к использованию 9-мм пистолеты vz. 22, vz. 24 (2041 ед.), ракетницы vz. 30 (187 ед.), 7,92-мм винтовки vz. 24 (4607 ед.), 7,92-мм ручные пулеметы vz. 26 (440 ед.), 7,92-мм станковые пулеметы vz. 24 (170 ед.), 81-мм минометы vz. 36 (33 ед.), 20-мм автоматические пушки «Эрликон» (8 ед.), 37-мм противотанковые пушки vz. 37 (23 ед.), 75-мм горные пушки vz. 15 (14 ед.), 88-мм зенитные пушки FLaK образца 1918 г. (4 ед.), 100-мм легкие гаубицы vz. 30 (6 ед.), 105-мм полевые пушки vz. 35 (6 ед.), кроме того, от вермахта были получены 50-мм противотанковые пушки «5 cm Panzerjägerkanone 38» в количестве 6 ед.¹⁸ Резко было увеличено количество личного стрелкового оружия, автоматического оружия, как ручных пулеметов, так и станковых. Это говорит о стремлении усилить огневую мощь мотопехоты, в том числе и при оборонительных боях, что, в первую очередь, связано с тем, что «Быстрая дивизия» вела длительные бои в оборонительном построении на Миус-фронте. Вместе с тем была усилена противотанковая эффективность ее подразделений.

Данное штатное вооружение было задействовано в ходе наступательных операций летней кампании 1942 г. 19 июля 1942 г. «Быстрая дивизия» перешла в подчинение группы генерала пехоты В. Ветцеля, командующего 5-м армейским корпусом. Задачей для дивизии было наступление по направлению Куйбышево – Лысогорки – Ростов, которое ее передовые соединения начали 20 июля

**Ил. 4. Словацкая мотопехота в районе с. Генеральское.
21–22 июля 1942 г.**

1942 г. В течение 20–21 июля разведка и мотопехотные батальоны преследовали отступающие части 31-й стрелковой дивизии 56-й армии Южного фронта. К исходу 21 июля 2-й батальон 21-го мотопехотного полка вышел к селу Генеральскому, где встретил упорное сопротивление советских войск. Этот населенный пункт располагался перед внешним рубежом обороны Ростовского оборонительного района. Упорный бой на подступах к селу и на его улицах продолжался до утра 22 июля 1942 г. В ходе боя мотопехотные батальоны начали форсировать реку Тузлов. Плацдарм на противоположном берегу реки удалось расширить настолько, что утром 23 июля три батальона (I/20, II/20 и II/21) смогли начать отсюда атаку на высоты, расположенные южнее Генеральского (ил. 4). После взятия высот потери «Быстрой дивизии» в ходе этих боев составили 13 убитых, 79 тяжелораненых и 5 пропавших без вести.

В 16.45 23 июля 1942 г. разведка «Быстрой дивизии», за которой следовал 2-й батальон 21-го мотопехотного полка, вышла к северным окраинам Ростова-на-Дону. На этом участке уже действовали боевые группы 4-го полка 13-й танковой дивизии, ввиду чего наступление было остановлено. 24 июля «Быстрая дивизия» возобновила наступление, имея целью выход к Зеленому острову. Наступая через поселок Чкалова и восточную часть Ростова-на-Дону, к исходу дня словаки заняли предмостное укрепление и Зеленый остров, а на сле-

дующий день первыми переправились на левый берег Дона (ил. 5). После захвата вермахтом Ростова-на-Дону «Быстрая дивизия» находилась в городе до 31 июля 1942 г., приводя в порядок материальную часть и собирая трофеи. 31 июля ей было приказано покинуть Ростов и следовать за германскими войсками. «Быстрая дивизия» была передана в подчинение генералу танковых войск Ф. Кирхнеру, командующему 57-м танковым корпусом 1-й танковой армии. В первых числах августа части дивизии медленно перемещались по направлению Ростов – Попов – Белая Глина – Новопокровская.

В целом анализируя все аспекты формирования, комплектования штатного вооружения и его применения в боевых действиях подразделениями «Rýchla divízia» на Восточном фронте в 1941–1942 гг., можно констатировать, что, несмотря на искусственное принижение роли и уровня боеспособности союзных Германии военных контингентов в советской историографии, «Rýchla divízia» на начальном этапе войны сохраняла высокую степень боеспособности. Несмотря на отдельные проявления дезертирства, дивизия успешно выполняла боевые задачи вплоть до коренного перелома в Великой Отечественной войне (1943). Однако к 1943 г. усталость от войны, высокие потери, этническая составляющая, воздействие советской пропаганды начали играть свою роль и создавать благоприятную почву для размышлений о переходе на сторону Красной армии не только среди солдат, но и офицеров. Не-

Ил. 5. Министр обороны Словакии генерал Ф. Чатлош и командир «Rýchla divízia» генерал Й. Туранец на левом берегу Дона. Ростов-на-Дону, 26–30 июля 1942 г.

удачная попытка массового перехода на сторону Красной армии была сделана еще в январе 1943 г., а 30–31 октября 1943 г. под Мелитополем в плен добровольно сдались 2600 военнослужащих «быстрой дивизии», которые впоследствии стали костяком для 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады.

¹ Илиевский Н.В. Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 4.

² Арушанян Б. Боевые действия 12-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. 1973. № 6.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4-х кн. М., 1998–1999.

⁴ Зефирова М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Венгрия. Румыния. Болгария. Хорватия. Словакия. Испания. М., 2002.

⁵ Марьина В.В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007.

⁶ Филоненко С.И. От Прута и Днестра, до Дона и Волги. Воронеж, 1999; Яценко К.В. Организация добровольческих военизированных формирований в годы Великой Отечественной войны (по материалам областей Центрального Черноземья). М., 2003; Филоненко С.И., Филоненко А.С. Острожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; Яценко К.В. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Афанасенко В.И., Медведев М.В. Разгром «нацистского интернационала» на Дону (1942–1943) // Вестник ЮНЦ РАН. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–96.

⁷ Шмидт П. История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

⁸ «Od Tatier po Kaukaz». MNO. Bratislava, 1943 // Ростовский областной музей краеведения. КП 1066.

⁹ Micianik P. Slovenska armada v tazení proti Sovietskemu zväzu 1941–1944 v operácii Barbarossa. Banská Bystrica, 2007. S. 14.

¹⁰ Ibid. S. 18–19.

¹¹ Ibid. S. 21.

¹² Ibid. S. 25.

¹³ Ibid. S. 217–219.

¹⁴ Ibid. S. 230–231.

¹⁵ Ibid. S. 239–240.

¹⁶ Шмидт П. Участие словацкой «быстрой дивизии» в боях на советско-германском фронте в 1942 году // Научные ведомости БелГУ. Сер. История, политология, экономика. 2008. № 13 (53). Вып. 7. С. 117.

¹⁷ Шмидт П. История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. С. 16.

¹⁸ Micianik P. Slovenska armada v tazení proti Sovietskemu zväzu 1941–1944. Rýchla divízia. Banská Bystrica, 2009. S. 91.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РОССИИ И ВМФ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОСТАВОК ГРУЗОВ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В 1914 г. НАЧАЛАСЬ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. На стороне германского блока (Четверного Союза, Коалиции Центральных держав) в войне находились Австро-Венгрия, Болгария, Германия и Турция. На стороне Антанты – 29 государств, а также британские доминионы Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и колония – Индия¹. В войне погибло и умерло от ран около 10 млн человек, получило ранения и увечья 20 млн, почти 10 млн скончалось от голода и болезней. Россия начала подготовку к войне позднее, чем Германия, где планы роста армии и флота были приняты в 1898 и 1900 гг., и ее союзницы, особенно Австро-Венгрия. Лишь в 1912 и 1914 гг. в России были утверждены программы по увеличению Балтийского и Черноморского флотов, в 1913 г. – «Большая программа по усилению армии», выполнение которых планировалось завершить в конце 1916–1917 гг. Никто не думал о быстром приближении войны, ее затяжном характере, блокаде каких-то водных бассейнов и портов, охране коммуникаций, создании военно-морского флота на Европейском Севере и т. д. В войне принимали участие 33 государства с общим населением 1,5 млрд человек – 75 % населения Земли и все пять имевшихся в мире империй: Австро-Венгерская, Британская, Германская, Российская и Турецкая. После войны сохранилась лишь одна – Британская, остальные распались. Театрами военных действий стали не только суша и моря, но и океаны. Потребовалось создание Балканского и Кавказского фронтов, выработка и выполнение коалиционных планов поставок вооружения, боеприпасов – всего необходимого для ведения войны.

Здесь необходимо упомянуть, что сразу же после окончания Русско-японской войны в размещении заказов на зарубежных верфях активное участие принимали российские военно-морские атташе. Новые корабли строились с учетом как опыта войны, так и появлявшихся новых видов кораблей в Западной Европе, Америке и Японии. Так, для русского флота во Франции был построен крейсер «Адмирал Макаров». А за несколько лет до начала Первой мировой войны был спроектирован и строился в Англии (наблюдатели К.А. Теннисон и А.П. Титов) крейсер «Рюрик», стоимость заказа составляла 1,5 млн фунтов. Это был наиболее крупный русский броненосный крейсер; один из самых удачных кораблей этого класса в мире. Создавался он для взаимодействия в бою с линейными силами флота. По своим боевым и тактическим качествам не имел аналогов среди русских крейсеров и вполне соответствовал в то время современным британским броненосным крейсерам типа «Minotaur» (по архитектуре и конструкции весьма напоминал итальянские крейсера типа «Amalfi»).

Опыт работы российских представителей на зарубежных судостроительных верфях, накопленный ими в период после окончания Русско-японской войны и до начала Первой мировой в 1914 г., в дальнейшем использовался при осуществлении в жизнь планов России по вооружению флота и армии.

Практику размещения военных заказов за рубежом Россия продолжила и в Первую мировую войну. Коалиционное сотрудничество стран Антанты развивалось от двусторонних совещаний-переговоров к союзническим конференциям – совещаниям по военным, политическим и территориальным вопросам; в содержательном плане – от информирования к координации, в определенной степени к планированию не только военных операций, но и взаимных поставок, реализации принятых решений. Всего в годы войны состоялось 9 конференций-совещаний с участием представителей России: по четыре в Англии и Франции и одна – в России. Во Франции и России принимали решения по военным вопросам и о коалиционных связях, в Лондоне наиболее важные обсуждаемые проблемы – политические и территориальные аспекты военного и послевоенного союзничества. В целях упорядочения размещения военных заказов за рубежом Особое совещание по обороне государства в 1915 г. приняло решение о создании за границей Комитета по изготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения и

Русского правительственного комитета в Лондоне. По аналогии с ними было одобрено Положение о закупках и заказах во Франции, Италии и Японии, однако специальных комитетов в этих странах не создавалось. Например, вся закупочная работа во Франции велась через русского военного атташе А.А. Игнатьева. Кроме того, при Особом совещании по обороне была создана Комиссия по учету и распределению иностранной валюты. Английское правительство в августе 1914 г. в лице министра иностранных дел Великобритании сэра Э. Грея предложило русскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу образовать совместную англо-русскую комиссию по образу уже действующей англо-французской или англо-бельгийской, которая занималась бы вопросами размещения военных заказов для России. Предполагалось назначить смешанную англо-русскую комиссию, в которой будут представлены адмиралтейство и военное министерство, с целью урегулирования закупок в Англии предметов снабжения для России. Вторым английским ведомством, с которым непосредственно сотрудничала Англо-русская комиссия, являлся специально созданный при военном ведомстве комитет, отвечающий за заказы оружия и боеприпасов. Связь с этим комитетом осуществлял генерал-майор Э.К. Гермониус. Созданный Англо-русский комитет должен был не только координировать и систематизировать размещение русских военных заказов за рубежом, но и стать органом, с помощью которого английское правительство могло бы контролировать русские заказы и закупки за границей. Изначально предполагалось, что этот комитет, централизовав все заказы, поступающие из России, сможет предотвратить повышение цен на английском рынке. Однако за первые 10 месяцев своей деятельности он ощутимых положительных результатов не дал. В Англо-русский комитет вошли председатель – представитель Министерства торговли и промышленности и члены комитета: морской агент, инженер-механик, осуществляющий закупку угля, военный агент. Во взаимоотношениях с английским правительством ожидалось, что комитет облегчит получение необходимых разрешений на выдачу заказов британским фирмам и согласия на вывоз готовой продукции. Надо отметить, что история взаимоотношений России и Англии всегда носила сложный и неоднозначный характер. Вместе с тем, в годы Первой мировой войны между Российской империей и Великобританией активно велось, хотя и с большими трудностями, военно-техническое сотрудничество в области морских вооружений, техники, приобретения

топлива (например, угля). Об этом свидетельствовала справка товарища морского министра от 8 августа 1915 г., которая одновременно дает представление о структуре российских военно-морских представительств в Англии, Америке и других странах. Она адресована начальнику Морского генерального штаба (МГШ).

В данном документе отмечалось, что от морского ведомства в Англию был командирован ряд должностных лиц со следующими задачами:

1. Морской агент (атташе. – *О. Ф.*) (штатная категория «капитан 1-го ранга»). На него возлагалось взаимодействие с английским адмиралтейством по вопросам, касающимся непосредственно флота, его вооружения и снабжения. Ему подчинялись другие должностные лица, командированные в Англию и осуществляющие наблюдение за выполнением заказов, закупкой товаров и материалов. Будучи, таким образом, осведомленным обо всех заказах и закупках, он производил платежи за них из средств, переводимых для него по каждому заказу отдельно.

2. Инженер-механик (штатная категория «капитан 1-го ранга»), подчиненный морскому агенту. На него возлагалась задача организации заготовки угля для российского флота и расчет за него.

3. В распоряжении инженера-механика состояли два штаб-офицера и три обер-офицера. Они осуществляли общие мероприятия по всем угольным операциям. Данные офицеры находились в тех районах Англии, в которых проходила сдача продукции.

4. Обер-офицер (штатная категория «лейтенант») был непосредственно подчинен морскому агенту для осуществления шифровальной телеграфной связи с МГШ.

5. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2-го ранга»). Исполнял поручения морского агента при производстве закупок для Морского министерства, а также на него возлагались обязанности:

- вести переговоры с английским Министерством амуниции;
- испрашивать у правительства Англии разрешения на размещение заказов английским фирмам и вывоз готовой продукции, материалов.

6. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2-го ранга»). Старший наблюдающий за изготовлением всех заказов, как по качеству, так и по соответствию с требованиями установленными условиями контрактов.

7. Два штаб-офицера и три обер-офицера наблюдающие. Осуществляли общие мероприятия контроля над ходом выполнения заказов на английских заводах.

8. Штаб-офицер инженер-механик (штатная категория «капитан 2-го ранга»). Приемщик на заводе фирмы «Виккерс» морских артиллерийских орудий для Морского министерства Российской империи.

На масштабы заграничных поставок также существенное влияние оказывали финансовые возможности царского правительства. Начиная с середины 1915 г., оплата заграничных заказов производилась за счет кредитов, предоставленных союзниками, главным образом Великобританией. Председатель Русского заготовительного комитета в Англии в телеграмме министру финансов отмечал: «Отсутствие свободного кредита самым пагубным образом отражается на размещении заказов. Не только новые заказы трудно провести, но и некоторые заказы, уже окончательно решенные, фактически не размещаются за отсутствием кредитов». Выявилась жесткая зависимость объемов российских заграничных поставок вооружений от размеров кредитов, предоставляемых Великобританией.

Военный министр России А.А. Поливанов в докладной записке отмечал: «Некоторые заграничные заводы ввиду перегруженности принятыми для исполнения заказами крайне неаккуратны в отношении сроков поставки, что, конечно, в свою очередь отзывается и на ходе дела снабжения». Немаловажным фактором в несвоевременных поставках оружия в Россию являлась и нехватка транспортных судов, что привело к серьезному кризису в доставке грузов в конце 1915 г. Этим, в частности, объясняется и несовпадение количества принятого за рубежом военного имущества с фактическим количеством доставленного непосредственно в Россию. Все эти факторы в конечном счете оказывали значительное влияние как на размеры союзной помощи, так и на ее эффективность. Англо-русский комитет, переименованный в 1916 г. в Русский правительственный комитет, действовал под контролем и в согласии с английскими государственными органами. Англия как главный кредитор России во время войны установила строгий контроль за расходованием средств, предоставленных ею в кредит. Контроль английского правительства распространился и на русские заказы в Америке. Американский комитет был подчинен Англо-русскому².

Таким образом, размещаемый за границей военный заказ проходил через три инстанции:

- 1) довольствующее главное управление Военного министерства;
- 2) Особое совещание по обороне, созданное для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, ставшее центральным звеном в системе экстраординарных органов военно-экономической мобилизации в стране;
- 3) Лондонский (или Американский) комитет, не считая комиссии по учету и распределению иностранной валюты, находившейся при особом совещании³.

Стоимость размещенных заказов в США, Англии, Франции, Швеции, Японии и других странах составила огромную сумму. Заказы лишь военного ведомства обошлись в 3,2 млрд руб., а внешний долг России за годы войны вырос на 7 млрд руб. и к концу 1917 г. достиг 11,3 млрд руб.⁴

На размеры и масштабы заграничных поставок, особенно в 1914–1915 гг., негативное влияние оказывало отсутствие четкой схемы их размещения и специализированных межгосударственных органов⁵. Фактически каждое царское ведомство самостоятельно занималось размещением заказов за рубежом, используя услуги посредников, что вело к удорожанию контрактов. Пресечь подобную практику и создать централизованный механизм размещения и закупки вооружений за границей удалось только в конце 1915 г. путем создания особых межгосударственных закупочных комиссий в США, Великобритании. Совет министров в начале 1916 г. постановил, «что все заказы правительственных учреждений и лиц должны идти через соответствующие правительственные, а не общественные организации»⁶.

Итак, основными государствами, где царское правительство производило закупку военно-технического имущества, являлись союзники по Антанте и США. Причем рынок США уже с самого начала войны стал приобретать решающее значение для России, став основным источником для заключения контрактов на производство и поставку военного имущества. К 1916 г. сумма военных заказов России в США составляла 1 млн 215 тыс. руб.⁷ Удельный вес США в импорте составлял более 60 %, в то время как до войны едва достигал 13,2 %⁸. Англия и Франция уже с самого начала войны стали активно эксплуатировать американский рынок. Как англичане, так и французы стремились к получению максимальной военной помощи от Америки и одержали победу только за счет ее материальной и моральной поддержки.

Закупки военного имущества в США начались с образованием комиссии при поселе Российской империи в США Ю.П. Бахметьеве, в составе генерального консула в Нью-Йорке М.М. Устинова, военного атташе и вице-консула. Главная задача комиссии заключалась в сборе информации о фирмах, готовых выполнить военные заказы для России, а непосредственно сами заказы размещались с помощью посредников.

Русский заготовительный комитет в Америке был образован в августе 1915 г.⁹ из представителей министерств: Военного, Морского, Торговли и промышленности, ЦВПК и Московского военно-промышленного комитета. Главные задачи комитета состояли в размещении заказов, организации наблюдения за выполнением заказов, в приеме готовой продукции и ее перевозке. В результате англо-русского финансового соглашения от сентября 1915 г. все расчеты по размещенным комитетом заказам должны были передаваться на предварительное рассмотрение Русского правительственного комитета в Лондоне, что ставило комитет в зависимость от Англии. С весны 1917 г. Русский заготовительный комитет в связи с предоставлением Соединенными Штатами России кредитов освободился от опеки Русского правительственного комитета в Лондоне, стал самостоятельно производить заказы и расчеты по ним в Америке. А спустя год после начала Первой мировой войны, 18 августа 1915 г. генерал-майор Л.А. Ковесский, начальник отдела общих дел, директоры завода «Ноблесснер» М.С. Плотников и Н.А. Карпов подписали договор на поставку пяти подводных лодок типа «Холланд». Флот Российской империи в 1916 г. заказал у Канады 17 субмарин. Они были построены по модификации проекта инженера Джона Филипа Голланда «Holland» 602GF/602L на временных верфях в Барнете, в заливе Буррард, недалеко от Ванкувера¹⁰. В России лодки были известны как «Американский Голланд». Постройка, страховка и доставка до Владивостока оценивались в 3 712 500 долларов (каждая подлодка по 742 500 долларов) или 7 239 375 рублей, а стоимость сборки в России, учитывая все виды снабжения – 1 340 250 рублей. Затем лодки были разобраны, переправлены на корабле во Владивосток, а далее по Транссибирской магистрали в Санкт-Петербург и Николаев, на российские верфи для окончательной сборки. До октябрьского переворота в Россию было поставлено 11 из 17 заказанных субмарин. Сдача первых трех подводных лодок планировалась через 9 месяцев (считая с 17.07.1915), остальных – через 10 месяцев. Каждая из

подводных лодок относилась к типу «602-F». Фирма «Ноблесснер» для наблюдения за отправкой подводных лодок командировала в Соединенные Штаты инженера Б.С. Ломницкого, а перевезли их три парохода – «Гишен Мару», «Коан Мару» и «Монтигль». Разгрузка и отправка частей подводных лодок проходила под руководством лейтенанта М.В. Копьева. Затем он и лейтенант Д.С. Карабурджи были назначены наблюдающими за сборкой, а по окончании сборки – первыми командирами двух подлодок. Вскоре Морское министерство (опять же по инициативе завода «Ноблесснер») заключило еще три договора (14.09.1916, 25.10.1916 и 08.02.1917) на поставку 12 аналогичных подлодок на общую сумму 28 872 тыс. рублей (без учета стоимости сборки). Первые шесть подлодок ввиду незначительных конструктивных отличий относились к типу «602-L» и «602-GF» (лодки предназначались для Черноморского флота), остальные, относящиеся к типу «602-R», должны были разделяться между флотилией Северного Ледовитого океана и Балтийским флотом. Черноморские подводные лодки, разделенные по 3 в каждой партии, перевозили пароходы «Арабиен», «Стрида», «Хазель Доллар», «Гарольд Доллар» и «Ункай мару». За разгрузкой во Владивостоке и отправкой наблюдали инженер-механик капитан первого ранга П.К. Иванов и лейтенант Н.Н. Максимович. Сборку также поручили Балтийскому заводу, причем черноморские подлодки должны были собираться в его Николаевском отделении (в дальнейшем завод «Ремсуд»). В Архангельск из Петрограда планировалось доставить три подлодки по внутренним водным путям на баржах. Доставленные для сборки в Николаев три подводные лодки 21 августа 1917 г. были зачислены в списки флота под обозначениями «АГ-21» – «АГ-23», а три остальные позднее – «АГ-24» – «АГ-26». Для руководства работами американская компания направила Джонстона в качестве главного инженера, Р.Б. Гилмора – инженер-механика и Т.А. Грейвса – инженер-электрика. Наблюдение с российской стороны осуществлял инженер С.С. Шапошников. Подлодки типа «АГ» во время Первой мировой войны и в последующее десятилетие относились к самым совершенным субмаринам в своем классе. Они активно участвовали во Второй мировой войне, где некоторые из них не только добились успехов, но и показали хорошую живучесть и надежность, причем наиболее отличились «А-3» и «А-5». Первая из них совершила 19 боевых походов, потопив 3 вражеских боевых корабля и транспорта, вторая – 12 боевых походов, потопив 4 вражеских боевых корабля и транспорта.

Благодаря совместным усилиям Антанте и ее союзникам лишь к концу 1915 г. удалось создать стройную систему организации заграничных заказов, и поэтому основной поток союзной помощи пришелся на 1916–1917 гг., когда пик кризиса вооружений царской армии уже прошел.

Важнейшим для России и ее союзников был вопрос безопасной доставки грузов в порты и, соответственно, сюда же входил и вопрос возможностей этих портов, развития их инфраструктуры. Самые крупные порты в России были в Архангельске, Владивостоке и Мурманске.

Здесь надо отметить, что в 1916–1917 гг. германскими подводными лодками, действовавшими в районе мыс Нордкап – Кольский залив, было потоплено около 50 торговых судов, доставлявших вооружение в Россию. Именно это заставило с 22 октября 1916 г. ввести вооруженное конвоирование судов. Военные суда обороны Кольского залива конвоировали торговые корабли от норвежской границы до Александровска, суда дивизии траления флотилии Северного Ледовитого океана – от Александровска до Иоканьги. В конвоировании принимали участие и корабли английского флота.

На Дальнем Востоке важнейшим и единственным открытым для внешней торговли портом был Владивосток. Он приобрел особое значение для поставок в Россию американских, японских, а также китайских грузов. В 1914 г. сумма заказов только интендантского ведомства в Японии составляла 32,3 млн руб., а в США – около 20 млн руб. К 1916 г. сумма только военных заказов в США составляла 1215 млн руб.¹¹

Для модернизации самого порта во Владивостоке в Японии было закуплено немало портового оборудования. В числе прочего там было построено и доставлено в Россию 8 плавучих и 29 железнодорожных кранов. Там же были приобретены за 9,5 тыс. фунтов два больших портовых крана, произведенные фирмой «Мицубиси», которые могли поднимать груз общей массой до 40 тонн. В результате предпринятых мер удалось почти в два раза увеличить грузооборот Владивостокского порта по сравнению с довоенным периодом. Если в 1914 г. грузооборот составлял 1 млн 323 тыс. тонн, то в 1916 г. уже 2 млн 620 тыс. тонн, т. е. цифры, которую планировалось достичь только к 1920 г. после капитальной реконструкции порта¹². Общая стоимость привезенных товаров во Владивосток исчислялось суммой в 211 474 руб. в 1915 г. и 555 364 руб. в 1916 г.¹³. В этот порт в

конце 1915 г. стали прибывать грузы из США, а основная масса – в 1916–1917 гг., когда американские фирмы стали выполнять свои обязательства и предоставлять продукцию по контрактам, заключенным в 1914–1915 гг. Они были главными поставщиками хлопка, шерсти, стрелкового оружия, патронов, пороха, взрывчатых веществ, автомобилей, паровозов, станков, каучука, цветных и черных металлов. Это позволило порту принимать значительные объемы грузов, переориентировав свою деятельность с экспорта на импорт. За годы войны во Владивостоке сложились предпосылки для его дальнейшего развития в последующие десятилетия, а центральные власти осознали важность Дальневосточного региона для экономического и социального развития страны в целом. Всего же за годы войны во Владивостокский порт было доставлено 4 236 545 тыс. тонн различных грузов, а вывезено 3 272 881 тыс. тонн, в итоге суммарный грузооборот порта составил цифру в 7 509 426 тыс. тонн¹⁴.

Другим регионом, причем одним из самых наиважнейших в силу ряда причин, в годы Первой мировой войны стал Архангельск. Он оказался единственным не блокированным, сравнительно свободным российским европейским крупным морским портом. Именно через него осуществлялись морские связи России с Англией и Францией¹⁵. В связи с этим необходимо упомянуть, что решения по этим, и особенно военным вопросам принимались на союзнических конференциях-совещаниях в Шантийи (севернее Парижа), где в годы войны размещалась резиденция верховного главнокомандующего французской армией и его штаб. В России верховный главнокомандующий и его штаб располагались в Ставке в Барановичах (с сентября 1915 г. – в Могилеве). Саммиты в Шантийи проходили 7 июля 1915 г., 8 декабря 1915 г., 12–14 марта 1916 г. и в ноябре 1916 г. На них Архангельск, Северный маршрут назывались, а после встреч подтверждались на практике как главные, основные в Европе, при выполнении поставок и других связей России с союзниками по войне с германским блоком¹⁶. Высший военный Совет Антанты был создан лишь в ноябре 1917 г. Две конференции в Лондоне характерны тем, что на первой из них кредит и военные заказы России были значительно уменьшены по сравнению с заявленными и утвержденными ранее в Шантийи. В то же время Англия дала согласие на посылку на север России большого числа кораблей охраны и тральщиков, что соответствовало и планам Британии по расширению своего влияния в нашей стране. Единственная конференция-совещание стран Антанты в России про-

ходила в Петрограде с 19 января по 7 февраля 1917 г. Из 10 500 тыс. тонн грузов, просимых нашей страной, конференция утвердила только 4250 тыс. тонн. Сюда вошло и оснащение техникой беломорских портов и Румынии. Союзники подтвердили, что Архангельск по-прежнему – главный европейский порт по связям с Россией. Англия настаивала на милитаризации работ в архангельском порту, на участии британских офицеров в Архангельске не только в наблюдении за разгрузочно-погрузочными работами, введенном с весны 1915 г., но и в руководстве ими. На лондонском саммите (октябрь 1917 г.) – последнем для Антанты с участием России – в центре стоял вопрос о доставке взрывчатых веществ зимой 1917–1918 гг. через Мурманск в архангельский аванпорт «Экономия». Таким образом, ежегодный импорт через порты Архангельской области в годы войны резко вырос, экспорт же уменьшился. Пик ввоза приходится на 1916–1917 гг., когда он увеличился по сравнению с 1913 г. более чем в 12 раз, что свидетельствует об эффективной деятельности русских военных и военно-морских представительств за рубежом. Для сравнения, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) через северные европейские порты СССР (Архангельск, Мурманск, Кемь, Сороку) ввезено из Англии, Канады и США около 4 млн. тонн грузов, то есть в 1,5 раза меньше, чем через эти порты в годы Первой мировой войны¹⁷. Реализация союзнических решений Антанты о грузовых перевозках, выполнение соглашений по экспортно-импортным поставкам, заказам – лишь одна проблема, решавшаяся через Архангельск в годы войны. Важное значение имело и решение через этот порт других коалиционных задач:

1. 17 августа 1916 г. между Антантой и Румынией была подписана Конвенция о вступлении последней в войну с Четверным союзом. Одно из условий – поставка Румынии различных припасов, выполнение заказов, которые шли также через Архангельск.

2. Комплектование и отправка во Францию частей Русского экспедиционного корпуса, численность которого составляла более 44 тыс. солдат и офицеров.

3. Пересечение границ России в Архангельске по межгосударственным соглашениям стран Антанты различными людскими потоками, особенно эмигрантами и реэмигрантами. Только в сентябре 1914 г. через Архангельск в Россию доставлено из Америки и Европы около 4000 эмигрантов и реэмигрантов¹⁸.

Морские порты Архангельской губернии имели огромное значение для транспортировки в центральные районы России закупемого за рубежом вооружения. Их доля в общем объеме обеспечения поставок в Россию иностранных заказов доходила до 80 %. На Архангельск и порты Белого моря приходилось 60 %, а оставшиеся 20 % — на Мурманск. На Владивосток и систему железных дорог Швеции и Финляндии приходилось 20 % (по 10 % на каждый транспортный коридор). Таким образом, северные порты сыграли чрезвычайно важную роль в снабжении русской армии и промышленности в годы Первой мировой войны, которое было достигнуто исключительно благодаря совместной работе портов Архангельска, Мурманска, Владивостока, когда, находясь в единой системе, они смогли обеспечить прием военных грузов, взаимодопняя друг друга.

И, конечно, здесь необходимо сказать и о конвойных операциях союзников, связанных с доставкой грузов, и потерях в результате боевых действий военно-морских сил Германии.

За годы войны Германии удалось существенно увеличить число подводных лодок, и казалось, что первые месяцы беспощадной подводной войны должны были подтвердить расчеты немецких стратегов в части проведения мероприятий по уничтожению торговых и военных флотов. Однако, несмотря на это, если в январе 1917 г. общие потери торгового флота союзников от действий немецких подводных лодок и мин составляли 368 500 т, в феврале того же года — 540 000 т, в марте — 593 800 т, то в апреле — уже 881 000 т. Но большего немцам достичь уже никогда не удалось. С этого месяца потери союзников на море неизменно снижались, и через год, в апреле 1918 г. «трофеи» немцев составляли лишь 278 700 т., т. е. меньше, чем в период, предшествовавший неограниченной подводной войне. Так, например, британцам удалось полностью сорвать планы немцев, проведя целый комплекс успешных мероприятий по нейтрализации подводной угрозы. К этим мерам можно отнести и создание новых типов глубинных бомб и минных сетей, изобретение гидрофонов и других приборов для обнаружения субмарин под водой. Были построены специальные суда-ловушки и новые типы противолодочных кораблей, активнее стала действовать и авиация.

Итак, система конвоев Антанты оказалась особенно эффективной.

К примеру, потери атлантических конвоев от действий подводных лодок в период с 26 июля 1917 г. по 5 октября 1918 г. составляли в

целом 0,79 % от числа всех конвоируемых судов, или 0,85 % в брутто-тоннаже¹⁹. Совместные действия союзников по Антанте привели в конечном счете к разгрому Германии в Первой мировой войне. Во всем этом был и вклад в дело общей борьбы с врагом, как на море, так и на суше, представителей русских дипломатических зарубежных организаций.

Выводы:

1. Координацией и финансированием деятельности российских представительств за рубежом руководил в ходе войны российский император Н.А. Романов как главнокомандующий армией и флотом с 1915 г., что позволило, в конечном счете, проводить слаженную работу между различными ведомствами и отраслями промышленности, поставить десятки миллионов тонн особо важных грузов из зарубежных стран в российские порты Архангельск, Владивосток, Мурманск и другие и насыщать флот и армию необходимыми видами вооружений, одновременно создавая их запасы на складах.

2. Заграничные учреждения России, в лице военно-морских аташе, проводили огромную работу по контролю за прохождением грузов от точки погрузки на заводах, судоверфях до доставки его в порт назначения, составляли маршруты караванов судов с грузами для России.

3. Немалую роль в поставках грузов в Россию сыграли союзнические конференции.

4. Опыт работы зарубежных представительств России, которые внесли неоценимый вклад в дело обеспечения армии и флота необходимыми видами вооружений в годы Первой мировой войны, был воспринят и после ее окончания, и во Вторую мировую войну, в годы борьбы с фашизмом. И в настоящее время деятельность российских представительств за рубежом, являющихся правопреемниками выше-названных, имеет важное значение для российской армии и флота.

Приложение.

Список военных и военно-морских агентов с 1914 по 1918 гг.

Австро-Венгрия

Военные агенты:

Винекен Александр Георгиевич, барон, полковник – 12.08.1913 – 19.07.1914, в Боснии (при австрийской оккупационной армии).

Морские агенты:

Врангель Петр Георгиевич, барон – 1913–1914.

Бельгия и Нидерланды

Военные агенты:

Агапеев Владимир Петрович, подполковник (с 6.12.1910 полковник) – 14.10.1909 – 9.02.1914;

Потоцкий Сергей Николаевич, полковник – 15.03.1914 – 1.07.1916;

Майер Людвиг (Леонтий) Андреевич, подполковник – 12.08.1914 – 1916

Бельгия, Испания и Португалия

Дмитриев В.И. – 1914.

Болгария

Военные агенты:

Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич, полковник (с 27.11.1914 генерал-майор) – 21.02.1911 – 24.10.1915.

Морские агенты:

Яковлев Василий Васильевич 9-й – 1915–1916.

Великобритания

Военные агенты:

Ермолов Николай Сергеевич, генерал-майор (с 29.03.1909 – генерал-лейтенант) – 7.01.1891 – 2.03.1905, 20.02.1907 – 1.08.1916.

Помощники военных агентов:

Николаев Александр Михайлович, полковник – 20.02.1914 – после 1.01.1916.

Морские агенты:

Корвин Лев Федорович – 11.1916;

Волков Николай Александрович – 07.1913 – 1917.

Германия

Военные агенты:

Базаров Павел Александрович, полковник – 4.02.1911 – 28.06.1914;

Потоцкий Сергей Николаевич – июль 1914.

Германия и Нидерланды

Беренс Евгений Андреевич 1-й – 1911–1914;

Римский-Корсаков Михаил Михайлович – 06.1914–1917 (в связи с войной только в Нидерландах).

Греция

Военные агенты:

Гудим-Левкович Павел Павлович, полковник – 14.10.1909 – 20.11.1916;

Муханов Александр Владимирович, полковник (с 1917 генерал-майор) – с 11.1916;

Леонтьев Максим Николаевич, генерал-майор – 1917.

Дания, Швеция, Норвегия

Военные агенты:

Ассанович Петр Львович – 6.12.1912 – 13.04.1914;

Кандауров Дмитрий Леонтьевич – апрель 1914;

Потоцкий Сергей Николаевич, полковник (с 1917 генерал-майор) – 1917.

Морские агенты:

Келлер Павел Федорович, граф, ст. лейтенант – 9.05.1911 – 1914;

Шташевский Владимир Арсеньевич (с 23.05.1916 в Швеции и Норвегии) – 1914–1917;

Бескровный Борис Сергеевич, капитан 2-го ранга (в Дании) – 23.05.1916 – 1917;

Веймарн Павел Петрович – капитан 2-го ранга (в Норвегии).

Испания

Скуратов А.П. – с августа 1909 по 1914.

Италия

Военные агенты:

Энкель Оскар Карлович, полковник – 28.01.1914 – 1917.

Морские агенты:

Врангель Петр Георгиевич, барон – 1913–1915;

Беренс Евгений Андреевич 1-й – 1915–1917.

Китай

Военные агенты:

Вальтер Рихард-Кирилл Францевич, полковник (с 1913 генерал-майор) – 14.04.1911 – 1915;

Блонский Василий Васильевич, подполковник – 1911–1917, в Мукдене (де-факто);

Афанасьев Стефан (Степан) Васильевич – 1911–1917, в Цицикаре (де-факто).

Помощники военных агентов

Николаев Александр Михайлович, подполковник – 1911–1914;

Татаринов Александр Александрович, подполковник – 1915;

Кременецкий Константин Александрович – 1915–1917.

Морские агенты:

Воскресенский Апполинарий Николаевич, ст. лейтенант – 1907–1914.

Персия

Военные агенты:

Вадбольский Николай Петрович, князь, полковник (с 1911 генерал-майор) – 18.09.1909 – 1914;

Прозоркевич Николай Васильевич, подполковник (полковник с 1915) – 1914–1916;

Майдель Владимир Николаевич, барон, генерал-майор – 16.10.1916 – 1917;

Клерже Георгий Иосифович, полковник – 1917–1918;

Старосельский Всеволод Дмитриевич, полковник – 1919–1920, в Мешхеде;

Скурат Лев Николаевич, подполковник (с 1915 полковник) – 1911–1917.

Румыния

Военные агенты:

Семенов Борис Анатольевич, полковник – 23.10.1913 – 3.07.1916;

Татаринов Александр Александрович, полковник – 1916.

Морские агенты:

Щеглов Александр Николаевич – 1914–1917.

Сербия

Военные агенты:

Артамонов Виктор Алексеевич, полковник (с 6.12.1915 генерал-майор) – 14.10.1909 – 1917.

Соединенные Штаты Америки

Военные агенты:

Голеевский Николай Лаврентьевич, полковник – 4.12.1912 – после 1.01.1916;

Николаев Александр Михайлович, полковник – 05.1916 – 1917.

Морские агенты:

Васильев Дмитрий Степанович – 3.04.1909 – 12.01.1915.

Турция

Военные агенты:

Леонтьев Максим Николаевич, генерал-майор – 8.03.1913 – 16.10.1914, в Эрзеруме (де-факто);

Вышинский Евгений Евгеньевич, подполковник – 1908–1914;

Шелковников Борис Алексеевич – до 1914, в Мосуле (де-факто).

Морские агенты:

Щеглов Александр Николаевич – 1909–1914.

Франция

Военные агенты:

Игнатьев Алексей Алексеевич, граф, полковник – 10.03.1912 – 1917.

Морские агенты:

Карцов Виктор Андреевич – 1910–1913;

Дмитриев Владимир Иванович 6-й, капитан 1-го ранга – 01.04.1913 – 1917.

Черногория

Военные агенты:

Потапов Николай Михайлович, подполковник (с 6.12.1906 полковник, с 6.12.1912 генерал-майор) – 10.06.1903 – 08.1916.

Швейцария

Военные агенты:

Ромейко-Гурко Дмитрий Иосифович, полковник – 12.04.1908 – 6.08.1914;

Головань Сергей Александрович, полковник (генерал-майор с 6.12.1915) – 13.09.1914 – 1917.

Швеция, Япония

Военные агенты:

Самойлов Владимир Константинович, полковник (с 1909 генерал-майор) – 09.1902 – 01.1905, 01.1906 – 1914;

Яхонтов Виктор Александрович, полковник – 10.1916 – 1917.

В распоряжении военного атташе:

Медзевич Сигизмунд Викентьевич, штабс-капитан – 1913–1914.

Япония

Морские агенты:

Воскресенский Апполинарий Николаевич, ст. лейтенант (1908) – 1907–1914.

Александр Колпакиди, Александр Север. Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. Военно-морская разведка. М.: Эксмо, 2010. С. 687–708.

Белозер В. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 4.

Белозер В., Смоловский А. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 5.

Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009. № 8.

Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009. № 9.

Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2.

¹ Большая Советская Энциклопедия (далее – БСЭ). 3-е изд-е. М., 1975. Т. 19. С. 340–341, 350–351.

² Виноградов П.В. Деятельность русского заготовительного комитета и организация заказов военного имущества в США во время 1-й мировой войны // Журнал «Теория и практика общественного развития». 2012. № 10. С. 169–174.

³ Там же.

⁴ Сенин А.С. Экономика России в годы Первой мировой войны // Журнал «XX век и Россия: общество, реформы, революции». 2014. № 2. С. 63–79.

⁵ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 361.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2000. (Переписка Главного управления Генерального Штаба с военными агентами в Англии, США, Франции). Оп. 1.

⁷ Селезнев Г.К. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957. С. 27.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Виноградов П.В. Деятельность русского заготовительного комитета... С. 170. Телеграмма ген. Э.К. Гермониуса А. И. Гучкову о необходимости получения в Соединенных Штатах кредита и тоннажа в связи с присоединением их к Антанте (см.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.; Л., 1957. С. 478–479):

«5 апреля 1917 г.

Додошу о нашем положении в Америке в связи с присоединением Соединенных Штатов к войне.

В настоящий момент необходимо:

- 1) Добиться кредита в Америке, независимого от Англии.
- 2) Добиться тоннажа для американских заказов независимо от английского.
- 3) Быть в курсе военных и морских планов войны Соединенных Штатов.

Для достижения означенных целей мы имеем посольство, военного, морского и финансового агентов. В тот момент, когда я уезжал из Америки, военный, морской и финансовый агенты были всецело поглощены текущей работой по Заготовительному комитету. Финансовый агент Угет, несмотря на то, что он сумел себя поставить хорошо в финансовых сферах Нью-Йорка, не мог ничего предпринять в отношении нашего кредита, не имея на то полномочий Кредитной канцелярии. Военный агент, связанный обязательством подписывать приказы о платежах по Заготовительному комитету и заказам по интендантству, не мог ни на один день выехать в Вашингтон, где, казалось, должно было бы быть его место, о чем я ему неоднократно говорил в Нью-Йорке. То же относится и к морскому агенту. Между тем английское правительство, для которого союз с Америкой представляет не больше интереса, нежели для нас, кроме обычных своих агентов, посольства военного, морского и финансового, не занятых никаким делом, кроме прямых обязанностей по службе, командировало в Америку товарища министра финансов Ливера, который живет там уже больше двух месяцев, одного из видных чиновников Министерства снабжения Буса, одного из главных членов комиссии Мильнера – Ледшаина. В последние дни выехал министр иностранных дел Бальфур. Такое соотношение наших представителей и английских не преминет отозваться неблагоприятно на наших делах в Америке. Гермониус».

- ¹⁰ Building Submarines for Russia in Burrard Inlet, by W.Kaye Lamb, in BC Studies No.71 Autumn, 1986.
- ¹¹ Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией. С. 27.
- ¹² Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Изд-во Хабаровского ун-та, 1999. С. 98.
- ¹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1857. Л. 15.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.
- ¹⁵ Санников Л.И. Архангельск и Антанта в 1-й мировой войне. 1914–1918 годы // Известия русского Севера. Журнал о жизни Северного края. 2014. № 4 (28). С. 5–8; История первой мировой войны. 1914–1918. М., 1975. Т. 2. С. 68–69, 147–150.
- ¹⁶ История первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 68–69, 147–150.
- ¹⁷ Поморская Энциклопедия. Т. 1. Архангельск, 2001. С. 195.
- ¹⁸ Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны: монография. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 171–181.
- ¹⁹ Шаццло В.К. США и подводная война Германии в 1914–1918 годах // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 32–48.

Г.А. Филиппов (Ставрополь)

РАНЕЕ НЕ ОПИСАННЫЕ ШАШКИ ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

ЗАКОНЧИВШАЯСЯ в 1864 г. Кавказская война обнажила множество проблем Российской армии, в том числе и в вооружении казачьих войск, особенно Терского казачьего войска (далее ТКВ). Поскольку оно было малочисленнее соседнего Кубанского казачьего войска (далее ККВ), ему уделялось меньше внимания, чем кубанцам¹.

Казачи были вооружены чем попало... Здесь и разнообразное оружие, состоявшее на вооружении Русской армии в различные годы, и европейские образцы, привезенные в качестве трофеев, а также приобретенные у торговцев, и изделия местных кавказских мастеров, полученные разным путем².

С целью упорядочения вооружения казаков командованием войска был размещен заказ на поставку холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике (далее ЗОФ). Этот заказ был сделан в 1886 г. и поступил в продажу в 1887 г.³. О более ранних заказах ТКВ на ЗОФ нам до сегодняшнего дня было не известно. И для этого существует ряд объективных причин: революционные события и последующая Гражданская война, которые проходили, в том числе, и на территории области Терского казачьего войска (Терская область). Поэтому часть архивных данных могла затеряться или была попросту уничтожена. В 2008 г. в частной коллекции нам удалось встретить интересную шашку, принадлежавшую Терскому казачьему войску, о чем свидетельствует травление на клинке картуша «ТКВ», выполненное готическим шрифтом в картуше (ил. 1).

Травление на этой шашке кардинально отличается от травления на такой же шашке, официально утвержденной и принятой на воору-

Ил. 1. Картуш «ТКВ» на шашке 1882 г.

Ил. 2. Картуш «ТКВ» на шашке начала 1900-х гг.

Ил. 3. Плоскость клинка на шашке 1882 г., противоположная плоскости с картушем «ТКФ»

Ил. 4. Картуш с аббревиатурой «ЗОФ» на шашке начала 1900-х гг.

жение в начале 1900 гг. Это хорошо известное и описанное оружие со слабоизогнутым клинком, с тремя долами (два узких, один широкий) и с площадкой с одной стороны плоскости клинка, на которой в растительном орнаменте в картуше способом травления готическим шрифтом нанесена аббревиатура «ТКВ» (ил. 2). С другой стороны

клинка, в таком же картуше, нанесены литеры «ЗОФ»⁴. На шашке, которую нам удалось изучить в 2008 г., на плоскости клинка, противоположной плоскости с картушем «ТКФ» какие-либо картуши отсутствуют (ил. 3).

Но самое интересное то, что на ее обухе есть надпись «Златоуст 1882 г.». А у пяты клинка есть приемочные клейма «П» и «С» в круге, которые также соответствуют этому году, в то время, как на последующих шашках стоят приемочные клейма, характерные для более поздних годов выпуска,⁵ и надпись на обухе отсутствует (вместо нее на другой стороне клинка стоит картуш с аббревиатурой «ЗОФ» и годом выпуска) (ил. 4).

В остальном, по геометрии, размерам, конфигурации клинка эта шашка является полностью идентичной той, которую позднее приняли на вооружение в ТКВ. Такой же трехдольный слабоизогнутый клинок с двумя узкими и одним широким долом и с характерной площадкой с одной стороны (на которой в картуше было нанесено травление «ТКВ»). Позднее, в 2010 г., нам удалось ознакомиться с еще одним клинком Терского казачьего войска, по всем параметрам схожим с предыдущими, за исключением того, что он имел две площадки под травление. Приемочные клейма на нем были такие же, как и на шашке 1882 г., т. е. «П» и «С» в круге. Это, по нашему мнению, говорит о том, что эта шашка принадлежит к выпуску 1880-х гг. Мы считаем, что именно она и является прообразом шашек ТКВ, принятых позднее на вооружение, так как это наиболее ранний известный нам образец, на котором присутствует картуш «ТКВ». Об этом, помимо приемочных клейм, говорят и две площадки, которые не встречаются на последующих образцах.

Мы склонны предполагать, что от площадки с одной стороны шашки отказались в дальнейшем с целью упрощения изготовления клинка, а значит, и удешевления производства. Таким образом, по нашему мнению, можно констатировать тот факт, что выпуск шашек ТКВ можно отодвинуть на несколько лет назад от общепринятых сроков.

---

¹ Фролов Б.Е. Холодное оружие Кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 235–237.

² Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска: Сост., по поруч. наказ. атамана Войска, О. Марграфом, П. Линтваревым и др. / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 234; Колосов Г.А. Условия

жизни населения Терской области с точки зрения нервно-психической гигиены. М., 1909. С. 48.

³ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 235; Фролов Б.Е. Холодное оружие Кубанских казаков. С. 235–237; Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С.131–133.

⁴ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 235, 262.

⁵ Фролов Б.Е. Холодное оружие Кубанских казаков. С. 149.

А.Е. Финченко (Санкт-Петербург)

РУССКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ДУЛЬНОЗАРЯДНОЕ ОРУЖИЕ В ФОНДАХ МАЭ

КОЛЛЕКЦИЮ русского охотничьего огнестрельного дульнозарядного оружия в фондах МАЭ собрания Кунсткамеры составляют 11 предметов. Приведем авторскую атрибуцию и описания некоторых из них.

№ XII-1275.

Из безномерного фонда МАЭ.

Северно-русское охотничье ружье калибра 14 мм кустарной работы второй половины XIX в. с искровым ударным кремневым замком карельского типа (ил. 1).

Ствол кованый из железа, восьмигранный, с небольшими традиционными утолщениями в казенной и дульной части. Железный целик и мушка изготовлены из красной меди и вбиты в специальные пазы («ласточкины хвосты») ствола. На ружье поставлен искровой ударный кремневый замок карельского типа. Весь механизм замка, кроме

Ил. 1. Ружье № XII-1275 из собрания Кунсткамеры

спускового устройства, расположен на внешней стороне замочной доски. Курок с длинными губами на прямой короткой ножке. Ножка курка заканчивается загнутым хвостом, служащим одновременно боевым взводом. Для устранения перекоса на оси курка закреплена курковая накладка. Пружина одна, двуперая. Нижнее перо пружины – боевая пружина, действующая на хвост курка снизу-вверх, верхнее перо – подогивная пружина. Крышка пороховой полки выполнена в виде железной пластинки, закрепленной на железном штыре. Спусковой механизм закреплен внутри ложи и состоит из прямой пружины с шепталом и спусковой тяги, одно колено которой расположено перпендикулярно замочной доске. При нажиге на спусковой крючок шептало утапливается, и курок под действием боевой пружины ударяет по огниву. Искры попадают на полку (крышку которой предварительно открывали) и воспламеняют затравочный порох.

В губы курка был вставлен кусок черного или светлого кремня (отсутствует), помещенного в прямоугольную тонкую свинцовую пластину или аналогичный кусок кожи (отсутствует).

Детали замка выкованы из железа. На огниве замка сохранились следы припоя из желтой меди. Спусковой крючок выполнен из рядовой животной кости.

Полная ложа с многопрофильным прикладом изготовлена из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. В цефье просверлено шомпольное гнездо. На ложе имеются два сквозных отверстия под ложевые кожаные кольца. В отверстиях, ближнем к дульному срезу, сохранился фрагмент ложевого кольца в виде куса тонкого кожаного ремешка. С левой стороны ложи (напротив замка) имеются 8 отверстий от гвоздей. Здесь крепился традиционный кожаный чехол, предохранявший в полевых условиях замок и затравочное отверстие ствола от попадания влаги и грязи. Ложа декорирована. На цефье имеются элементы скобчатой резьбы. Выступающий нижний тонкий элемент приклада украшен в технике профилировки; у затыльника приклада имеются геометрические узоры, выполненные в технике трехгранно-выемчатой и скобчатой резьбы. На цефье фрагментарно сохранились следы белой натуральной масляной краски, на прикладе – синей темперной.

Место изготовления: кустарные мастерские Русского Севера.

Размеры: общая длина – 1290 мм, длина ствола – 881 мм, максимальная высота – 205 мм, калибр – 14 мм, вес – 3568 г.

Материалы: железо, красная и желтая медь, кожа, рядовая животная кость, древесина березы, льняное масло, натуральная (масляная и темперная) краска.

Сохранность: отсутствуют шомпол, кремь, ложевые кольца, защитный кожаный чехол. Замок неисправен. Имеются трещины и сильные потертости на ложе.

№ 504-56.

Поступление 1899 г. от М.А. Круковского, Олонецкая губерния.

Охотничье нарезное ружье калибра 9 мм северно-русского кустарного производства первой половины XIX в. с искровым ударным кремневым замком карельского типа и нижним спусковым крючком).

Ствол восьмигранной формы с традиционными утолщениями патронника и дульной части изготовлен из железа. Прицельные приспособления (поперечный прямоугольный целик в виде щитка с прорезью и продольная прямоугольная мушка) изготовлены из железа и вбиты в специальные пазы («ласточкины хвосты») ствола. Канал ствола имеет 6 прямых нарезов. Внешние раковины ствола закрыты припоем из желтой и красной меди.

На ружье поставлен искровой ударный кремневый замок карельского типа (см. его описание выше) (ил. 2).

Первоначально на ружье стоял другой искровой ударный кремневый замок русского или карельского типа, о чем свидетельствуют сохранившиеся характерные вырезы в ложе и отверстие под его крепежный винт.

Ил. 2. Кремневый замок карельского типа ружья № 504-56 из собрания Кунсткамеры

Полная прямая ложа изготовлена из древесины березы и многократно покрыта пережженным льняным маслом. В цевье просверлено шомпольное гнездо. Шомпол круглой формы вырезан из древесины сосны. Рукоятка и вишер на шомполе не оформлены. По низу приклада выдолблено гнездо-пенал для хранения осаленных пыжей из мха или войлока. Откидная крышка пенала закреплена в сквозном отверстии приклада березовым нагелем. Кожаный фиксатор-задвижка крышки прибит к шейке приклада кованым железным гвоздем с широкой шляпкой. Ствол прикреплен к ложе железным крепежным винтом хвостовика и тремя ложевыми кольцами, два из которых (в казенной и дульной части) изготовлены из тонких прямоугольных железных пластин. Ложевое кольцо дульной части выковано из более толстой железной пластины с двумя дополнительными боковыми шипами-упорами по обеим ее боковым сторонам. Данное приспособление использовалось только в Олонецкой губернии и предназначалось для нарезных ружей калибром от 5 до 9 мм. Шип с левой или правой стороны (как удобнее) перед выстрелом упирался в кору дерева (ил. 3).

Антабки под ружейный ремень конструктивно не предусмотрены.

По верху ложевого кольца с упорами выбито родовое клеймо владельца ружья в виде андреевского креста с дополнительными (верхней и нижней) внутренними перекладами.

Ил. 3. Ложевое кольцо как шип-упор ружья № 504-56 из собрания Кунсткамеры

Размеры: общая длина – 1210 мм, длина ствола (без хвостовика) – 825 мм, максимальная высота – 115 мм, калибр – 9 мм, вес – 3255 г.

Материалы: железо, желтая и красная медь, древесина березы, сосны, кожа, льняное масло.

Сохранность: ударно-спусковой механизм неисправен (осела боковая пружина замка). Отсутствуют 2 железных крепежных винта замочной доски. На ложе имеются сколы, трещины и потертости.

№ XII-1278.

Россия, русские. Из безномерного фонда МАЭ.

Командная стрелечья ручная пицаль калибра 19 мм с искровым ударным кремневым замком карельского типа и нижним спусковым крючком. Пицаль, по всей видимости, изготовлена по специальному «командному» заказу мастерами одной из кустарных оружейных мастерских Олонецкой губернии во второй половине XVII в. В XIX в. повсеместно использовалась как зверовое («медвежье») охотничье ружье (ил. 4).

Ил. 4. Ружье № XII-1278 из собрания Кунсткамеры

Ствол выкован из железа, отмечен восьмигранной формой в казенной части и круглой формой в средней и дульной части. Канал ствола имеет 6 прямых нарезов. Дульная часть ствола завершается небольшим внешним раструбом. Патронник имеет традиционное расширение к срезу казенной части ствола. Железные прицельные приспособления (целик в виде щитка с прорезью и прямоугольная мушка) вбиты в специальные пазы («ласточкины хвосты») ствола.

На пицаль поставлен искровой ударный кремневый замок карельского типа.

Полная прямая ложа с многопрофильным прикладом вырезана из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. Поверх пропитки на ложу нанесен левкас (грунт из смеси рыбьего клея и белой глины или мелового порошка), а поверх него натуральная минеральная краска красного, белого и зеленого цвета. В цевье просвер-

лено шомпольное гнездо. Шомпол изготовлен из железной проволоки диаметром 8 мм. Рукоятка шомпола выполнена в виде загнутого крючка. Накладка головки крепежного винта хвостовика выполнена из тонкой желтой медной пластины квадратной формы со скошенными углами. Пластина прибита к ложе шестью железными коваными гвоздями.

В плоской нижней грани приклада выдолблено два гнезда-пенала для хранения осаленных войлочных пыжей и свинцовых шаровых пуль. Откидные крышки пеналов закреплены с одной стороны березовыми нагелями в сквозных отверстиях приклада. С другой стороны крышки зафиксированы поворачивающимися эллипсоидными задвижками, изготовленными из красной меди. Каждая задвижка прибита к прикладу железным кованым гвоздем. В каждой крышке имеется сквозное отверстие под крепление узлом кожаного ремешка, предназначенного для удобства открывания пенала. Ствол прикреплен к ложе крепежным винтом хвостовика и двумя нагелями (отсутствуют), проходящими в сквозных отверстиях ложи через ушки ствола.

Пищаль богато декорирована. На стволе (в казенной и дульной части) выбиты пояски-полукольца, а на раструбе (в дополнение к ним) продольные канавки, заполненные в технике таушировки медной проволокой. У поясков в дульной части ствола выбито пять косых крестов (ил. 5).

На раструбе выбито 4 звездочки и 34 крупных точки. По краю дульного среза ствола – 6 трилистников. На губах и ножке курка, на внешних гранях полки – прямые и косые линии, косые кресты.

Ил. 5. Декор ствола ружья № XII-1278 из собрания Кунсткамеры

На накладку под головку крепежного винта хвостовика в технике плоскорельефной чеканки нанесен растительный и геометрический орнамент. Многопрофильный приклад и часть цевья украшены геометрическим орнаментом, выполненным в технике глухой домово́й и углубленной (плосковыемчатой) резьбы. Ложа поверх левкаса выкрашена натуральными минеральными красками в сочетании красной, белой и зеленой цветовой гаммы. На патроннике выбито двойное клеймо мастера или мастерской (ил. 6).

Ил. 6. Клеймо на ружье № XII-1278 из собрания Кунсткамеры

Размеры: общая длина – 1106 мм, длина ствола (без хвостовика) – 725 мм, максимальная высота – 134 мм, длина шомпола – 746 мм, диаметр шомпола – 8 мм, калибр – 19 мм, вес – 7954 г.

Материалы: железо, желтая и красная медь, древесина березы, льняное масло, рыбий жир, глина или мел, натуральные минеральные краски.

Сохранность: ударно-спусковой механизм неисправен. Отсутствуют 2 крепежных винта замочной доски и 2 накладки под их головки, 2 кожаных ремешка крышек пеналов, 2 крепежных железных гвоздя накладки под головку крепежного винта хвостовика ствола, 2 нагеля крепления ствола к ложе, кремьень. На ложе имеются сколы, трещины, потертости и утраты красочного слоя.

Восемь однотипных охотничьих ружей с пижемской росписью ложи – поступления от А.В. Журавского, заведующего Печорской естественно-исторической станцией при Императорской Академии

Наук: № 1036 – 243, 244, 311 (поступление 1906 г.) и Д.Д. Травина, заведующего Печорским этнографическим областным музеем: № 2911 – 240, 241, 242, 243, 244 (поступление 1923 г.).

Все эти ружья изготовлены кустарным способом, имеют нарезные и гладкоствольные стволы калибра 8 и 9 мм, искровой ударный кремневый замок русского типа с боковым спусковым крючком и расписную ложу. Наиболее характерным образцом этого охотничьего оружия, повсеместно используемого в Печорском уезде Архангельской губернии до начала второй трети XX в., является экспонат коллекции Кунсткамеры за № 1036-244. Остановимся на нем подробно:

Поступление 1906 г. от Андрея Владимировича Журавского: Архангельская губерния, Печорский уезд, Русские.

Экспонат представляет собой дульнозарядное охотничье нарезное ружье калибра 8 мм кустарного производства второй половины XIX в. с искровым ударным кремневым замком русского типа и боковым спусковым крючком (ил. 7).

Ил. 7. Ружье № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

Ствол восьмигранной формы с традиционным утолщением патронника и небольшим внешним раструбом выкован из железа. Прицельные приспособления (поперечный прямоугольный целик в виде щитка с прорезью и продольная прямоугольная мушка) изготовлены из железа и вбиты в специальные пазы («ласточкины хвосты») ствола. Канал ствола калибра 8 мм имеет 6 прямых нарезов (ил. 8).

Ил. 8. Канал ствола ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

Казенный винт хвостовика закреплен в торце патронника ствола на резьбовом соединении. Традиционное сквозное отверстие в хвостовике конструктивно не предусмотрено.

На ружье поставлен искровой ударный кремневый замок русского типа (ил. 9). Замок специально изготовлен под боковой спусковой крючок. Из-за этого на замке конструктивно не предусмотрен традиционный спусковой механизм, предназначенный под нижний спусковой крючок: прямая пружина с шепталом и спусковая тяга.

Ил. 9. Кремневый замок русского типа ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

Основные элементы замка расположены на внешней стороне замочной доски: курок, огниво, пороховая полка, боевая и подогнивная (отсутствует) пружины. Курок с неподвижной нижней губой на прямой ножке, основание которой заканчивается крестовиной. Губы курка имеют железный стержень, исключаящий их перекокс при ударе об огниво. Кольцо верхней губы предназначено для захвата курка при его постановке на боевой взвод. Огниво представлено самой поздней формой – батареей, соединяющей в одно целое огниво и крышку полки.

Курок и огниво прикреплены к замочной доске железными крепежными винтами. Гнутая боевая пружина закреплена на внутренней стороне замочной доски железным штифтом. При отпускании с фиксатора бокового спускового крючка курок под действием боевой пружины, давящей на его носок сверху-вниз, ударяет по огниву. Искры попадают на полку и воспламеняют затравочный порох.

Пружины замка изготовлены из малоуглеродистой стали. Все остальные его детали – из железа. В губы курка был вставлен кусок

черного или светлого кремня, помещенного в прямоугольную тонкую свинцовую пластину или аналогичный кусок сыромятной кожи.

Боковой спусковой крючок с декоративными фигурными прорезями изготовлен из желтой медной пластины. В глухое отверстие шейки приклада (сквозь направляющую прорезь спускового крючка) вкручен железный винт с широкой головкой, фиксирующей ход спускового крючка, и штырь – фиксатор крючка при боевом взводе курка (отсутствует). Спусковой крючок через верхнее полукруглое сквозное отверстие был привязан к кольцу курка тонким кожаным ремешком или льняной веревкой (крепление отсутствует).

Полная прямая ложа с многопрофильным тонким прикладом и пятигранным цевьем вырезана из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. В цевье просверлено шомпольное гнездо. Шомпол изготовлен из толстой круглой желтой медной проволоки. Рукоятка шомпола (для удобства его извлечения из шомпольного гнезда) обмотана суровой скрученной льняной нитью. Нижняя кожаная антабка под ружейный ремень прибита к прикладу (сквозь тонкую железную прямоугольную пластину-шайбу) кованым железным гвоздем. Вторая аналогичная антабка была прибита к цевью. От нее сохранилось глухое отверстие на нижней грани цевья. Нижний конец ружейного ремня прикреплен к антабке приклада кольцом из латуни, взятым от лошадиной сбруи. На левой стороне ложи (напротив замка) имеются пять отверстий от мелких гвоздей. Здесь был закреплен традиционный для региона накидной чехол из сыромятной кожи, предохраняющий замок от влаги и грязи. Крепежный винт хвостовика ствола конструктивно не предусмотрен. Казенная часть ствола прикреплена к ложе березовым нагелем, проходящим в сквозном отверстии ложи сквозь ушко хвостовика казенного винта. Два ложевых кольца, прикрепляющие среднюю и дульную часть ствола к цевью, были изготовлены из плоских тонких прямоугольных медных или железных полос (отсутствуют). Об этом свидетельствует отсутствие сквозных отверстий в цевье, предназначенных для ложевых колец другой конструкции и материала.

Ружье богато декорировано. Ствол у патронника и дульного среза декорирован произвольным точечным орнаментом, выполненным в технике плоскорельефной чеканки. Спусковой крючок – фигурными прорезями и простейшим геометрическим орнаментом (волнистые линии), выполненным в технике двухмерной чеканки. Ложа полностью расписана растительным и геометрическим орнаментом в тра-

диционном стиле и технике Пижемской росписи (Пижма – левый приток Печоры). Роспись нанесена натуральными растительными и минеральными масляными красками черной, красной, коричневой и желтой цветовой гаммы. Поверх красочного слоя ложа покрыта природным бесцветным лаком. На прикладе ложи имеются фигурные вырезы, выполненные в технике глухой домовой и углубленной (плосковыемчатой) резьбы. По низу левой стороны ложи (у торца приклада) имеется сквозной полукруглый вырез (ил. 10), предна-

Ил. 10. Полукруглый вырез на прикладе ложи ружья № 1036-244 из собрания Кунсткамеры

значенный для дополнительного упора при стрельбе и характерный только для кустарных ружей этого региона. Этот вырез опускался на специальный крючок, обшитый сукном, или кольцо. Кольцо или крючок, как правило, были пришиты к охотничьей верхней одежде.

На левой стороне приклада имеется надпись: *«1890 го ме(ся)ца июль 15 чи(с)ла сию ложь делал Емельянь Чуркинъ».*

Ружье полностью изготовлено кустарным способом в одной из оружейных мастерских в деревнях на реке Пижма или на реке Усть-Цильма (левый приток Печоры, впадающий в пяти километрах ниже впадения Пижмы), известных со второй половины XIX в. изготовлением особых охотничьих ружей с боковым спусковым крючком, многопрофильным тонким прикладом и характерной росписью. Ложи, как правило, расписывали и подписывали отдельные мастера, владеющие грамотой и стилем старообрядческой традиции, известной по рисункам рукописных книг и аналогичной росписи на различных деревянных и берестяных предметах.

Размеры: общая длина ружья – 1228 мм, длина ствола (без хвостовика) – 804 мм, максимальная высота – 101 мм, длина шомпола – 779 мм, калибр – 8 мм, вес – 3503 г.

Материалы: малоуглеродистая сталь, железо, латунь, желтая медь, древесина березы, кожа, растительные и минеральные натуральные масляные краски, льняная нить, льняное масло.

Остальные ружья коллекции имеют небольшие отличия от представленного экспоната. Наиболее интересные из них представляют авторские надписи мастеров по росписи ложи. Приведем надписи на 5 аналогичных ружьях.

Текст выполнен пером и чернилами, авторским почерком, близким к подражанию печатному шрифту, публикуется с сохранением авторской орфографии:

№ 1036-243: *«1876 года месеца мд».*

№ 1036-311: *«1882-ого сию ложь делалъ Емельянъ Тимофеевиць Чуркинъ».*

№ 2911-242: *«1894 года месеца апреля лошь делалъ и писалъ Осипъ Сергеевъ (Мир?)ону Петровичу Чу[r]кину. Можнъ оружье(м) звери битъ. Всемъ говори: “Господи, благослови”. Цена педисять пять».*

№ 2911-243: *«1891 года месеца марта сию лошь делалъ Осипъ Сергеевъ [нрзб].....аш..... Вавилу Осиповичу Анишукову оружье-емъ стрелять росомахъ, лисиць, мядведей, цена ше(сть) гривенъ, оружье (беречь?)».*

№ 2911-244: *«1899 году месеца февраля 2 чи[с]ла сию ложу делалъ Емельянъ Чуркинъ».*

То, что ружья из Печорского уезда Архангельской губернии, доказывает тот факт, что в указанном регионе население широко использовало оружие местного кустарного производства, имеющее свои ярко выраженные конструктивные особенности и великолепный декор. Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что эти ружья использовались до второй трети XX в. и выдерживали конкуренцию с привозным охотничьим оружием фабричного производства, в том числе и с казнозарядным. Небольшая, но яркая коллекция русского охотничьего огнестрельного дульнозарядного оружия кустарного производства из фондов МАЭ несомненно внесет свой вклад в изучение образцов этнографического оружия различных регионов России, в том числе и иноэтничных.

В.И. Хозиков (Санкт-Петербург)

РУЖЕЙНЫЕ РАКЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ НА ВООРУЖЕНИЕ

ВНАЧАЛЕ ЛЕТА 1835 г. в Петербурге появился датский оружейник Карл Фосс. 8 июня 1835 г. (здесь и далее все даты даются по старому стилю. – *В. Х.*) из управления генерал-фельдцейхмейстера по этому случаю сообщали инспектору пороховых заводов генерал-лейтенанту Шульману следующее:

«Прибывший в С.Петербург Королевско-Датский подданный Фосс, намереваясь открыть нашему Правительству изобретенный им способ действовать метательными ракетами из обыкновенных ружей, изъявил желание подвергнуть изобретение свое предварительным опытам, отказываясь от всякого вознаграждения, если опыты не будут иметь успеха.

По докладу о сем Государю Императору, Его Величество Высочайше повелеть соизволил допустить сего иностранца к производству помянутых опытов, с тем, чтобы они были сделаны под непосредственным наблюдением Вашего Превосходительства».¹

22 июня от имени Фосса артиллерийскому ведомству были представлены следующие пояснения относительно его изобретения: «оное состоит в том, чтобы из обыкновенного пехотного ружья при обыкновенном способе заряжания стрелять родом зажигательных ракет, приготовление коих недорого, а притом и безопасно, имеющих нижеследующие главнейшие свойства:

1-е, Ракеты, пущенные из пехотного ружья, способны от ближайшей дистанции до 1600 Рейнландских фут (рейнландский или рейнский фут равен 0,316 метра. – *В. Х.*), засев в удобно-воспламеняемые предметы, оные зажечь, пущенные из пистолетов сие же действие произведут на расстоянии до 800 футов, для зажжения же таких

предметов, которые весьма легко воспламеняются, достаточно, чтобы ракета сквозь оные пролетела. Посему Фосс полагает, что ракеты его в особенности удобны для зажигания зарядных ящиков.

2-е, Сими ракетами можно стрелять из обыкновенных пехотных ружей, кавалерийских пистолетов, с одинаковой почти верностью, одинаковою силою и на одинаковом расстоянии, как обыкновенными пулями.

3-е, К хранению и перевозкам удобны, не требуя более внимания, чем обыкновенные боевые патроны».²

Также Фосс заявил, что готов передать свое изобретение русскому правительству за вознаграждение, а до того он готов «показать предварительный практический опыт с ракетами», для которого «ему только нужен дощатый и длиной и вышиной от 8 до 10-ти Рейнландских фут, толщиною четыре однодюймовые доски, укрепленные одна позади другой». Фосс особо оговаривал, что поскольку целью опыта является лишь общая демонстрация ружейной ракеты, то он настаивает на проведении его «на отдельном месте» в присутствии только инспектора пороховых заводов и одного его адъютанта.³

Вопрос о тайне у военного ведомства не встретил никаких возражений – документы, связанные с пребыванием Фосса в России, и так почти с самого начала стали помечаться грифом «секретно».⁴ От первоначального же условия продемонстрировать изобретение строго ограниченному кругу лиц датчанину, по-видимому, пришлось отказаться – испытательные стрельбы ружейными ракетами Фосса в итоге были проведены дважды, 13 и 16 июля 1835 г.⁵

Подводя итог испытаниям, проводившимся под его наблюдением, генерал Шульман 23 июля 1835 г. представил рапорт, в котором отмечал:

«Снаряд, названный Фоссом ружейной ракетой, состоит из медного цилиндра длиной около двух дюйм, в коем находится состав.

Таковых цилиндров у Фосса два разряда, одни снаряжены одним зажигательным составом, другие приспособлены к разрыву. В снаряженном цилиндре около 10¼ золотников весу.

Цилиндры мечутся из обыкновенного солдатского ружья или пистолета посредством порохового заряда <...>

Основываясь на полученных результатах, я заключаю: что зажигательные цилиндры Фосса могут быть употреблены с пользою: а) на расстоянии около 200 шагов для подрывания зарядных ящиков, б) на 300 саженой и более для зажигания в случае надобности де-

ревни, в коей дома соломою крыты, и в) что вероятно из изобретения иностранца Фосса можно будет извлечь некоторую пользу, приспособляя оное к действию из Артиллерийских орудий.

Цилиндры, приспособленные к разрыву, я полагаю менее полезными, но может быть произведут некоторое действие при употреблении оных против кавалерийских колонн». ⁶

В ответ 21 ноября 1835 г. из штаба генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ) генерал-лейтенанту Шульману был направлен рапорт, из которого следовало, что по докладу военного министра императору о результатах опытов над ракетами Фосса Николай I отдал распоряжение эти опыты повторить. ⁷

Новое испытание ракет Фосса состоялось 4 января 1836 г. на Волковом поле. Всего были сделаны три серии выстрелов: девять в импровизированный зарядный ящик, 14 в специально построенный щит и 3 для испытания дальности полета. Средняя дальность составила 1050 шагов, среднее отклонение от директрисы 24 шага, ракеты падали горящими и догорали уже на земле. Зажженные ракеты горели около 16 секунд. «Результаты сих опытов, – указывалось в отчете, – убеждают, что предложенный Г-м Фоссом снаряд может быть, с большою пользою, употреблен в военное время». ⁸

После этого начальник ШГФ князь Долгоруков 29 января 1836 г. запросил генерала Шульмана для доклада генерал-фельдцейхмейстеру: «в какой мере Иностранец Фосс заслуживает вознаграждения за сообщение нам изобретенных им ружейных зажигательных ракет и вполне ли он сообщил нам уже тайну составления сих снарядов или нет». Шульман доложил, «что относительно тайны составления ружейных зажигательных ракет Иностранец Фосс ничего еще не сообщил». Фосс же, добавлял Шульман, «мне сего числа лично вновь объявил, что до утверждения условий... тайну свою не откроет». ⁹

Какие именно условия выдвинул датский ракетчик, в докладе не говорилось – и не удивительно, что уже на следующий день, 1 февраля 1836 г., из ШГФ Фоссу было направлено предложение явиться на следующий день в штаб, для объяснений с его начальником. ¹⁰ Состоялся ли этот разговор или нет, и каковы были его результаты, нам на сегодня не известно. Но, по всей видимости, в артиллерийском ведомстве, явно заинтересовавшись ружейными ракетами, с самого начала решили не делать единственной ставки на Фосса. В пользу такого вывода говорит следующий документ: через три недели, 20 февраля, генералу Шульману поступил приказ генерал-фельдцейх-

мейстера: «чтобы ваше Превосходительство обще с Генерал Майором Бибиковым и полковником Философовым, изволили испытать действие приспособленных в нашем ракетном заведении ружейных ракет и представили Его Высочеству общее их достоинств заключение». Как следует из данного рапорта, заведующий Петербургским ракетным заведением генерал-лейтенант Козен доложил генерал-фельдцейхмейстеру о «приспособленных» под его руководством ружейных ракетах двумя днями ранее.¹¹

Шульман к такому повороту дела явно был не готов – что, в принципе, не удивительно, учитывая секретный характер, приданный всему делу о ружейных ракетах. Уже 23 февраля он запросил генерала Козена, «где находятся ружейные ракеты и в каком числе когда можно их видеть и приступить к предписанному испытанию, все ли нужное для сего имеется или должно еще сделать какие приготовления и от кого сие последнее будет зависеть». ¹² На следующий день Козен сообщил, «что приготовленные для испытания по воле Его Императорского Высочества Генерал-Фельдцейхмейстера ракеты, приспособленные к обыкновенным ружьям, находятся на Волковом поле в ракетном Заведении в довольно достаточном числе. Все что нужно к опытам приготовлено при Ракетном Заведении, и ни откуда ничего не нужно». ¹³

Из документа, таким образом, нельзя сделать однозначного заключения, когда именно в Петербургском ракетном заведении начали разработку собственных ружейных ракет – то ли еще в минувшем году, то ли уже в текущем, после «объяснений» Фосса в ШГФ. Но в любом случае, очевидно, что речь шла о ракетах собственной разработки. Явно учитывая это обстоятельство, генерал Шульман уже на следующий день, 25 февраля, предложил генералу Козену расширить запланированные испытания. Шульман писал: «Для полного заключения о действии ружейных ракет, приготовленных в нашем ракетном заведении, в сравнении с таковыми же предлагаемыми помощником Королевско-датского ракетного Заведения Фоссом, необходимо, чтобы испытание тех и других относительно меткости, силы, дальности полета и способности зажигать легко загораемые предметы, было произведено одинаково». ¹⁴ Козен, однако, в тот же день ответил категорическим, хотя и ясно мотивированным отказом, заявив, что имеет повеление генерал-фельдцейхмейстера представить только ракеты, приготовленные в Петербургском ракетном заведении, а о сравнительных опытах никаких предписаний ему дано не было. ¹⁵

Испытания ружейных ракет Петербургского ракетного заведения, судя по документам, также поводились минимум дважды, 26 февраля и 10 марта 1836 г.¹⁶ По итогам этих испытаний также был составлен журнал, в котором указывалось: «Гильзы к испытанным ракетам были сделаны частью из медной латуни, частью из листового железа, те и другие по длине спаены и с припаенными днами; готовые ракеты с медными гильзами длиной в 1 3/8 дюйма, весом в 7-мь золотников; с железными гильзами длиною в 1 5/8 дюйма, весом 14-ть золотников. У нескольких ракет как с медными, равно и железными гильзами, огонь составу сообщался посредством стопина, и остальных заготовка приспособлена без стопина <...>

По сим опытам оказалось, что ракеты вообще еще улучшения требуют, важнейшие недостатки оных были:

Ракетные гильзы недовольно правильно приготовлены, стены гильз не достаточно тонки.

Полет ракет недовольно правилен, большая часть попадала в предметы плашмя.

Заготовка дурно приспособлена, отчего много ракет не горело.

Огонь горящих ракет не довольно силен.

Но как Генерал-лейтенантом Козеном препровождена была к Председательствующему Комиссии после опытов приготовленная гильза без спаек, сделанная вообще гораздо правильнее прежних, члены комиссии положили:

До представления Его Императорскому Высочеству окончательного заключения о приспособленных в нашей лаборатории ружейных ракетах, испытать ракеты с улучшенными гильзами, и посему просить Генерал-лейтенанта Козена о приготовлении нескольких таких ракет с возможным устранением протчих при опытах замеченных недостатков».¹⁷

Козена неудача не смутила, уже 23 марта 1836 года он докладывал инспектору пороховых заводов, что «мною сделано надлежащее распоряжение о заготовлении в скором времени несколько ружейных ракет в новых гильзах, – и когда все будет к опытам готово, – я не премину о том Ваше Превосходительство уведомить».¹⁸

О том, как именно разрешилась ситуация с самим Карлом Фоссом, на сегодня можно судить только по косвенным свидетельствам. Скорее всего, имея в виду, с одной стороны, – желание военного руководства довести до приемлемого результата разработку ружейных ракет и принять их на вооружение, а с другой – явное преимущество

собственных фоссовских ракет над изготовленными в Петербургском ракетном заведении, было решено с датским конструктором все-таки договориться и технологию у него приобрести. Во всяком случае, в отношении генерал-фельдцейхмейстера управляющему военным министерством от 27 июня 1842 г. говорится, что по результатам опытов 1836 г. с Фоссом было заключено «условие», в соответствии с которым ему было выдано 15 тысяч рублей ассигнациями «за уступку нам 25 ракет, описания их состава и способа изготовления».¹⁹

Дальнейшее же ведение дела по ружейным ракетам было передано «Комитету по Артиллерийской части» – структуре, существовавшей при ШГФ. Вопрос рассматривался в заседании Комитета 17 февраля 1837 г., по результатам которого была составлена программа дальнейших испытаний.²⁰ Стрельбы состоялись в Красном Селе 31 июля 1837 г.²¹ Результаты их оказались, по-видимому, одновременно не настолько плохи, чтобы совсем отказаться от дальнейших работ, но и не настолько хороши, чтобы говорить о принятии ружейных ракет на вооружение. Работы продолжались, следующие испытания прошли уже в 1838 г., причем снова производились «сравнительные опыты из ружей зажигательными цилиндрами с пулями, оставленными Фоссом и таковыми же, приготовленными С. Петербургским Ракетным заведением по образцу Фоссовых». Результаты были признаны не отличными, но обнадеживающими, дающими основания для дальнейшего усовершенствования ружейных ракет: «все цилиндры воспламенялись при вылете и ни у одного из них пуля не оторвалась».²²

Не удалось (во всяком случае, пока) обнаружить никаких свидетельств о работах по ружейным ракетам в 1839 г. Скорее всего, в Петербургском ракетном заведении, по мере возможности, старались улучшить собственные разработки, а испытаний же не производилось вовсе, по крайней мере, каких-либо упоминаний о них, в отличие от 1837 и 1838 гг., нет. Годом же позже опыты производились один раз, 20 сентября, причем на этот раз стрельбы велись исключительно «зажигательными цилиндрами с пулюю, приготовленными в нашем Ракетном заведении по образцу Фоссовых». Подводя итоги стрельбам 20 сентября 1840 г., члены Комитета по артиллерийской части отмечали: что «зажигательные цилиндры из ружей на опыте 20-го Сентября оказали слабое действие» и что результаты опытов 1837 и в 1838 гг. «были гораздо удовлетворительнее нынешних». Вместе с тем, в журнале говорилось: «Несмотря на неудачный опыт 20-го Сентября из ружей зажигательными цилиндрами Комитет за-

ключает, что они с пользой могут быть употреблены на войне: для зажжения деревень, для взрыва ящиков и в партизанской войне для истребления парков, обоза и проч. Но чтобы цилиндры были всегда употребляемы соответственно цели назначения, то следует, по мнению Комитета... поставить в непрременную обязанность Ракетному заведению усовершенствовать приготовление зажигательных цилиндров с пулями, по крайней мере, чтобы цилиндры воспламенялись при вылете и пули от них не отделялись».²³

Окончательное решение, впрочем, зависело от «благоусмотрения» генерал-фельдцейхмейстера. Тот предпочел дальнейшее рассмотрение вопроса передать другой инстанции – Комитету об улучшении штуцеров и ружей (далее – КОУШР или Оружейный комитет. – В. Х.). 23 апреля 1841 г. из ШГФ председателю КОУШР генералу Храповицкому направили копию с цитированного выше журнала Комитета по артиллерийской части с просьбой рассмотреть вопрос в Комитете «при окончательном обсуждении достоинства зажигательных пуль Мале...».²⁴ Комитет, ранее не знакомый с делом, начал работу с нуля и для начала, 12 мая 1841 г., генерал Храповицкий попросил заведующего Ракетным заведением генерал-лейтенанта Козена предоставить несколько десятков ракет Фосса в связи с возложенным на Комитет поручением, поскольку «Оружейному Комитету неизвестно действие наших ружейных ракет».²⁵

28 мая и 7 июня 1841 г. на Волковом поле в присутствии членов Оружейного комитета состоялись опыты с ружейными ракетами Фосса.²⁶ Заключение на основании полученных результатов задержалось на полгода – КОУШР, в рамках поставленной задачи, занимался испытанием и других зажигательных боеприпасов, мнения о которых следовало суммировать. Наконец, по итогам заседания 31 января 1842 г., на котором рассматривались разные вопросы относительно зажигательного оружия, было составлено однозначное резюме по поводу ружейных ракет: «Комитет, усматривая из опытов им произведенных над сими ракетами (*Ракеты сии по образцу Фосса были изготовлены в Ракетном Заведении. – прим. КОУШР*) /журнал опытам прилагается/ что 17-ть выпущенных ракет на расстоянии 200, 180 и 120 шагов имели все столь не верный полет, что ни одна из них не попала в ящик, полагает: ракеты сии в настоящем их виде не могут принести никакой пользы, и потому дальнейшее над ними испытание прекратить».²⁷

Таким образом, в результате шестилетней работы Петербургское ракетное заведение с задачей разработать ружейные ракеты, даже

имея в своем распоряжении оставленные Фоссом образцы и описания, не справилось.

По всей видимости, о сложившейся ситуации было сообщено и Фоссу. Тот вскоре прислал письмо на имя Николая I, предложив повторно приехать в Россию и лично обучить нескольких мастеровых технологии изготовления ружейных ракет, добавив при этом, что стрелять ими можно будет не только из обычных гладкоствольных солдатских ружей, но и из принимаемых на вооружение нарезных штуцеров. Император распорядился передать вопрос на окончательное решение генерал-фельдцейхмейстера.²⁸ Последний 4 июля 1842 г. предписал председателю КОУШР обсудить дело в Комитете.²⁹ Там решение приняли довольно быстро, уже 19 июля 1842 г. генерал Храповицкий уведомил начальника ШГФ: «я полагаю полезным воспользоваться приездом в СПбург Датского Обер Кригс Комиссара Фосса для передачи нескольким ученикам способа выделки предлагаемых им ружейных ракет, в таком однако же случае если он сверх полученных уже им из нашего Правительства 15 т. руб. ассигнациями, не потребует еще денежного вознаграждения».³⁰

На сегодня не известно, состоялся ли обсуждавшийся визит Фосса в Россию или нет, и если состоялся, то каковы были его результаты. В целом же за последующие три года о ружейных ракетах информации удалось обнаружить совсем немного. В материалах Порохового и паркового отделения Артиллерийского департамента в числе дел, начатых по высочайшему повелению, упоминается заведенное 22 октября 1843 г. дело «О приготовлении в Ракетном заведении под надзором Полковника Внукова 2 т. зажигательных пуль и об отправлении их на Кавказ».³¹ Также в делах Штаба инспектора всей артиллерии имеется отношение председателю КОУШР от 20 июля 1850 г., в котором говорится: «В С.Петербургском Ракетном Заведении хранится, с 1843 года, 2150 ружейных зажигательных ракет Фосса, приготовленных для испытания стрельбы из крепостных ружей на Кавказе, но оставшихся неотправленными туда по неудобности их для предназначенной цели».³² Сопоставив эти два свидетельства, можно предположить, что в 1843 г. по повелению Николая I Петербургское ракетное заведение сделало еще одну попытку изготовить новую модификацию ружейных ракет, однако и она оказалась неудачной. После этого никаких сообщений о работах по ружейным ракетам в течение трех последующих лет обнаружить не удалось.

Однако не исключено, что Фосс и военное ведомство России (или, скорее, отдельные его представители) продолжали поддерживать контакты – без них едва ли бы был возможен следующий этап этой истории, отправной точкой которого можно считать 8 мая 1846 г., когда в Гельсингфорсе Фосс со своей стороны, а со стороны России инспектор стрелковых батальонов генерал Рамзай подписали договор, определявший условия приезда Фосса в Россию для работы над усовершенствованием ружейных зажигательных ракет.³³

Фосс прибыл в Петербург осенью; на этот раз для него была организована полноценная мастерская на базе Охтинского порохового завода, к конструктору прикомандировали несколько помощников и офицера-переводчика.³⁴ Датчанин работал до весны, одновременно стараясь усовершенствовать конструкцию и технологию изготовления ружейных ракет и передавая приемы работы русским мастерам. 14 марта 1847 г. начальник Охтинского капсюльного заведения полковник Носов докладывал и. д. инспектора пороховых заводов генералу Ваксмуту: «по удостоверению моему, зажигательные ружейные ракеты, изобретенные Датским Обер Кригс Комиссаром Фоссом, нижними чинами, занимающимися теперь изготовлением ракет, могут быть приготовлены без всякого со стороны Г. Фосса надзора и участия, и под руководством только офицеров к нему прикомандированным, при достаточной опытности и ловкости, совершенно по тем правилам, кои словесно были переданы им от Г. Фосса».³⁵

Два месяца спустя, после благополучно завершившихся испытания новых ракет, передав созданную им мастерскую со всем имуществом и инструментами в ведение начальника Охтинского капсюльного заведения, сдав оставшиеся от опытов 433 ружейные ракеты и 411 холостых патронов, Фосс 22 мая 1847 г. покинул Петербург.³⁶ Незадолго до его отъезда, 16 мая 1847 г. военный министр в отношении к генерал-фельдцейхмейстеру сообщил, что император повелел объявить «Высочайшее Его Величества благоволение, за содействие введению у нас ружейных зажигательных ракет, изобретенных Датским Обер Кригс Комиссаром Фоссом, управляющему Охтенским пороховым заводом Генерал Майору Синельникову и помощнику его по искусственной части капитану Вендену».³⁷ Этим как бы подводился итог работе датского ракетчика в России.

Вслед за отъездом Фосса, однако, не замедлили возникнуть два логически вытекавших из предшествовавших событий вопроса: как быть дальше с приобретенной технологией изготовления ружейных

ракет и с людьми, прошедшими обучение их производству?! На то, что своевременно об этом не задумались, прямо указал принимавший от Фосса дела полковник Носов. Передавая генералу Ваксмуту ведомости об употреблявшихся для приготовления ракет вещах и материалах, он в сопроводительном рапорте от 22 мая 1847 г. писал о «неизвестности, на каком положении будет введено приготовление зажигательных ружейных ракет, где оное будет производиться, какими мастерами, под чьим надзором и в ведении кого».³⁸

Напомним, что именно в этот день, 22 мая Фосс покидал Россию, между тем важнейшие организационные вопросы, касавшиеся результатов его работы, оставались без ответа. Сам по себе и. д. инспектора пороховых заводов не имел полномочий решить задачи, обозначенные его подчиненным – он лишь передал их вышестоящему командованию. Там, надо признать, откликнулись быстро: уже 30 мая 1847 г. начальник ШГФ предписал Ваксмуту «не оставить зависящим от Вас распоряжением об оставлении до времени под надзором Генерал-Майора Синельникова, главным начальством Полковника Носова и непосредственным ведением Штабс Капитана Плещова: Подпоручика Владимирова, токаря Григорьева, кузнеца Бурдакова и других мастеровых, занимавшихся изготовлением зажигательных ракет иностранца Фосса; вместе с тем поручить Генерал Майору Синельникову немедленно составить соображение о постоянном помещении мастерской для выделки этих ракет и об устройстве сего помещения, проекте штата этой мастерской, для присоединения онаго к штату Капсюльного заведения, и правил обучения офицеров и мастеровых изготовлению зажигательных ракет, для выделки оных у нас».³⁹

Составление и обсуждение проекта, штата и сметы мастерской ружейных зажигательных ракет заняло больше шести месяцев. За это время в артиллерийском ведомстве было принято решение снабдить ракетами Фосса все стрелковые батальоны, вооруженные литтисскими штуцерами и штуцерами Гартунга,⁴⁰ а позднее, 23 июня 1848 г. Комитет об улучшении штуцеров и ружей признал полезным вооружить ракетами Фосса также все штуцерные команды Гвардейского корпуса.⁴¹ Наконец, 13 августа 1848 г. Николай I утвердил положение Военного Совета, определявшее: «Для выделки ружейных зажигательных ракет по способу Иностранца Фосса, не устраивать особой мастерской, а машины, приборы и прочие вещи, устроенные Фоссом, установить в Охтенском капсюльном заведении... и затем

приступить к выделке ракет посредством обученных Фоссом четырех человек. . .». В помощь мастерам, обученным Фоссом, предписывалось назначить от Охтинского порохового завода одного фейерверкера и 10 рядовых, с производством им от содержания от завода, а надзор за содержанием в исправности ракетных машин и приборов поручить механику Охтинского капсюльного заведения. Дополнительно к повелению императора 20 августа 1848 г. Артиллерийский департамент распорядился изготовить 19 343 ружейных ракет для отпуска их войскам в число комплектных, а затем изготавливать ежегодно по 5000 ракет для отпуска их войскам на практические учения, причем все ракеты следовало изготавливать для запуска из штуцеров 7-линейного калибра.⁴²

Само производство ракет, впрочем, в силу организационных неурядиц, началось только в августе следующего 1849 г.⁴³ В течение первого месяца было изготовлено 2400 ракет, в сентябре 1849 – 2100, в октябре – 2120, в ноябре – 2050, в декабре – 730.⁴⁴ Николай I, следует заметить, по-прежнему не выпускал дело из поля своего внимания – в январе 1850 г., заметив в донесении инспектора стрелковых батальонов об осмотре 4-го стрелкового батальона, что этому подразделению до сих пор не поставлен положенный комплект ракет, он приказал немедленно разобраться в причинах, и уже через несколько дней директор Артиллерийского департамента сообщил в Штаб инспектора всей артиллерии (ШИВА), «что зажигательные Фоссовские ракеты отправлены еще не во все стрелковые батальоны по той причине, что они по малости и по незначительному весу не могут быть отправлены отдельно, а по мере представляющихся к тому случаев высылаются вместе с другими транспортами». В соответствии со сведениями Артиллерийского департамента на тот момент (документ датирован 28 января 1850 г.) комплектные зажигательные ракеты Фосса уже состояли в Л.-гв. Финском, Гренадерском, Резервном, 2-м и 3-м стрелковых батальонах, далее планировалось, что «в 4-й и 5-й батальоны ракеты эти будут отправлены на днях, как в комплект, так и для практических занятий, вместе с порохом, назначаемым отсюда в Киев». Также в ближайшие же дни ожидалась отправка фоссовских ракет в Кавказский стрелковый батальон. Последними должны были получить ракеты 1-й и 6-й стрелковые батальоны, куда их намечалось доставить зимним путем при отправлении пороха в Ригу и Москву.⁴⁵ Такой ответ, однако, военного министра не удовлетворил. 7 февраля он распорядился, чтобы фоссовские ракеты были

доставлены в стрелковые батальоны немедленно, не ожидая отправления других транспортов.⁴⁶

В июле 1850 г. изготовлением 950 ракет, как докладывал уже новый начальник Охтинского капсюльного заведения полковник Саблин начальнику ШИВА Безаку 1-му, «приготовление оных в настоящее время окончилось по данному в 1848 году от Артиллерийского Департамента наряду в 19343 ракеты, вновь же выделка ракет будет начата по назначению от Артиллерийского Департамента следующего наряда и по получению разрешения на заготовление потребных для этого дела материалов».⁴⁷

Но еще до того как был определен новый заказ появилось тревожное сообщение о том, что точность выстрелов ружейными ракетами снизилась. Первым об этом доложил инспектор стрелковых батальонов в рапорте «о меньшей верности полета присланных в Л.-Гв. Финский стрелковый батальон фоссоских ракет на сей год, сравнительно с ракетами доставленными прежде», содержание которого было включено во всеподданнейший доклад, выслушав который, Николай I повелел разобраться, «почему означенному батальону отпущены фоссоские ракеты не надлежащей доброты». После того, как дежурный генерал Главного Штаба Е. И. В. уведомил о повелении императора инспектора всей артиллерии, 16 апреля 1850 г. начальник ШИВА направил инспектору пороховых заводов генералу Гербелю отношение, прося сообщить «в возможной скорости, не было ли допущено при изготовлении ракет каких отступлений, против ракет приготовленных при самом Фоссе; и почему отпущены Л.Гв. Финскому стрелковому батальону недоброкачественные ракеты».⁴⁸

В тот же день, 16 апреля 1850 г. содержание этого отношения было передано полковнику Саблину.⁴⁹ На другой день, 17 апреля полковник подал ответный рапорт генералу Гербелю, суть которого сводилась к тому, что «никаких отступлений от правил, изложенных в описании Г. Фосса, подтвержденного Артиллерийским Отделением Ученого Комитета, при изготовлении ракет в заведении допущено не было. Следовательно, меньшую верность полета ракет, замеченную Г. Инспектором Стрелковых батальонов, в настоящем случае, надо полагать, что она может происходить от зазора между диаметром ракет и калибрами штуцеров, если только при этом заряды и углы прицеливания при стрельбе употреблялись согласно помещенным в конце вышеозначенного описания Г. Фосса, подтвержденного Артиллерийским Отделением Военно-Ученого Комитета».⁵⁰

19 апреля 1850 г. генерал Гербель передал содержание рапорта Саблина генералу Безаку, глубокомысленно присовокупив от себя в конце: «не говоря уже о том, что действительность выстрелов из огнестрельного оружия вообще весьма часто подчиняется случайностям, от науки и искусства не зависящим».⁵¹

Дальнейший поиск способа вернуть ружейным ракетам желаемые характеристики занял еще больше года; за это время Охтинское капсюльное заведение получило новый заказ – теперь уже на 32 358 ракет, к исполнению которого приступило 2 января 1851 г.⁵² И лишь в августе 1851 г., после многочисленных совещаний и обсуждений вопроса о повышении точности и дальности полета ружейных ракет, было принято решение: изготовить опытную партию калибром 6,9 линии, провести в трех различных стрелковых батальонах их сравнительное испытание с изготовленными ранее, и, в зависимости от результата, или и далее изготавливать ракеты данного калибра, или, «в случае неудовлетворительности оных, возвратиться неукошительно к пропорциям, определенным самим изобретателем, Г. Фоссом, изделие которого ракеты (так в оригинале. – В. Х.) оказали сначала столь изумительные результаты по всем предметам их предназначения».⁵³

Тем временем информация о возникшей проблеме дошла и до Фосса. Осенью 1851 г. он прислал письмо на имя Николая I, в котором предлагал снова приехать в Петербург и на месте найти решение.⁵⁴ После этого, фактически, повторилась ситуация пятилетней давности: предложение Фосса всесторонне обсуждалось, обставлялось условиями и в итоге было принято; датчанин 15 января 1852 г. прибыл на Охтинский пороховой завод⁵⁵ и проработал в своей прежней мастерской до середины лета. 30 июня 1852 г. он обратился к начальнику ШИВА Безаку с письмом, в котором сообщал, что «новые ружейные ракеты усовершенствованы мною до такой степени, что я ими вполне удовлетворен и считаю едва возможным улучшить их еще более».⁵⁶

16 июля 1852 г. Карл Фосс выехал из Петербурга в Гельсингфорс⁵⁷ на испытания, которым предстояло стать судьбоносными для разработывавшихся им ружейных ракет, а всего через две с небольшим недели, 4 августа 1852 г., как бы подводя итог своему третьему пребыванию в России, он направил инспектору стрелковых батальонов письмо, первые же строки которого говорили о результатах лучше всяких цифр и официальных отчетов: «Из произведенных ныне

здесь опытов над остроконечными ружейными ракетами, которые в последнее время изготовлены были по моему указанию на Охтенском пороховом заводе, Ваше Превосходительство вероятно изволили усмотреть, что результаты, в особенности относительно меткости, оказались не столь удовлетворительными, как можно было бы ожидать и желать, в чем я ныне убедился».⁵⁸ Далее Фосс давал пространное объяснение причинам своей неудачи, в котором по пунктам перечислил все – от физического недомогания до несовершенства имевшихся в его распоряжении станков. 15 августа 1852 г. он выехал из Гельсингфорса в Данию.⁵⁹ Впоследствии, несмотря на неудачу с ружейными ракетами, Фосс предпринял, хотя и безуспешно, еще две попытки продать свои услуги России, причем в совершенно новых областях. Сперва, во время начавшейся вскоре Крымской войны предложив организовать в Дании строительство канонерских лодок для Балтийского флота,⁶⁰ а тремя годами позднее попробовав заинтересовать сконструированным им казнозарядным орудием.⁶¹

Что же касается ружейных ракет, то тогда же, в 1852 г. еще одну попытку разработать их более совершенный тип предпринял начальник Охтинского капсульного заведения полковник Саблин. Параллельно с ним еще один боеприпас зажигательного действия для стрелкового оружия, правда, без использования реактивного движения, предложил поручик Форселлес. 3 октября 1852 г. ружейная зажигательная ракета Саблина и зажигательная пуля Форселлеса рассматривались в Комитете об улучшении штуцеров и ружей, по итогам которого было решено испытать оба боеприпаса⁶². Первые опыты, в соответствии с решением комитета, проводились под руководством Саблина, который в обстоятельном отчете дал отрицательный отзыв о пуле Форселлеса и положительный – о своей ракете.⁶³

На основании этого доклада в ноябре 1853 г. начальник Штаба инспектора всей артиллерии отдал приказ провести новое, расширенное испытание, допустив к нему уже только ракеты Саблина. Опыты состоялись в феврале 1854 г. в лейб-гвардии Финском стрелковом батальоне и были, как следует из рапорта командира батальона полковника Котена, прекращены уже после первого этапа – стрельбы на ближнюю дистанцию, «по неудовлетворительным результатам».⁶⁴

10 июня 1854 г. результаты опытов с ракетами Саблина были доложены инспектору всей артиллерии, который приказал «оставить таковое усовершенствование означенных ракет без дальнейшего хода».⁶⁵

После этого о ружейных ракетах в течение пяти лет будто бы и не вспоминали. Только 18 марта 1859 г. управляющий Артиллерийского департамента направил начальнику ШГФ отношение, в котором, сообщая, что в Петербургской лаборатории хранится 16 069 ружейных зажигательных ракет, приготовленных в 1850 и 1851 гг. для стрельбы из литтихских штуцеров, спрашивал, как следует с ними поступить, учитывая, что в настоящее время литтихские штуцера заменены 6-лин. винтовками. На всякий случай управляющий оговаривался, «что если будет разрешено отпустить ракеты для стрельбы из нарезных 7 лин. ружей, то, по мнению Департамента, было бы полезно предварительно ракеты испытать, так как они приготовлены 8 или 9 лет тому назад».⁶⁶

Распоряжение, однако, было прямо противоположным – 8 апреля 1859 года начальник ШГФ генерал-адъютант Баранцев сообщил, что «имея в виду, что зажигательные ракеты Фосса, по устройству своему, не могут иметь требуемой в настоящее время дальности и меткости выстрелов и, сверх того, отличаются, как оказалось на опытах, весьма слабым зажигательным действием, Его Императорское Высочество изволил предоставить Артиллерийскому Департаменту сделать распоряжение об уничтожении хранящихся в С. Петербургской Лаборатории 16.069 означенных ракет, с обращением металла ракетных гильз в продажу, или на потребности Технических Заведений, как окажется выгоднее по соображениям Департамента».⁶⁷ Фактически это означало формальное снятие ружейных ракет с вооружения.

Примечательно, что еще через три месяца после этого распоряжения, 22 июля 1859 г. в КОУШР была передана на рассмотрение записка полковника Есаулова о пользе ружейных зажигательных ракет в войне на Кавказе. Автор утверждал, что в начале июня в урочище Гомборы присутствовал на организованных по приказу командующего войсками Лезгинской кордонной линии генерал-майора Меликова показательных стрельбах ружейными ракетами Фосса, доставленными в Дагестанский отряд еще в 1850 г. Выпущенные ракеты успешно подожгли мишень, после чего Меликов приказал оставшиеся после испытания около 80 ракет взять в предстоящую экспедицию на Лезгинской линии, а полковник Есаулов сделал вывод, что эти подзабытые боеприпасы еще могут быть весьма полезны. «Принимая в соображение, что в здешней войне употребление зажигательных ракет и пуль может быть весьма действительным, при ис-

треблении неприятельских запасов хлеба, сена, легких деревянных построек, баркасов и тому подобного, и что в войсках не имеется для сего настоящих средств, то не признается ли полезным истребовать на Кавказ с первым транспортом Артиллерийских предметов, на первый раз от двух до трех тысяч ракет Фосса, или сколько будет можно, – писал полковник. – Впоследствии употребления этих ракет в разных отделах Армии, и в особенности в войсках Чеченского отряда и на правом крыле Кавказской линии, можно будет вывести правильное заключение о пользе распространения зажигательных снарядов на Кавказе и определить выгоднейшие условия их устройства, при которых они могут обнаружить наибольшее полезное действие, при правильном и расчетливом их употреблении. Независимо от сего полезно было бы просить о приспособлении зажигательных пуль к 7-ми линейным нарезным ружьям».⁶⁸

По непонятным причинам рассмотрение вопроса состоялось только четыре года спустя, когда уже и сам Есаулов из полковника стал генерал-майором, и не было Оружейного Комитета – его функции перешли к Оружейной Комиссии Временного артиллерийского комитета. В заседании 17 августа 1863 г. комиссия рассмотрела записку Есаулова и занесла в журнал следующее мнение: «Оружейная Комиссия, рассмотрев записку Полковника Есаулова, находит, что ракеты Фосса, проектированные для гладкоствольного оружия, с введением нарезного оружия утратили почти совершенно свое значение, вследствие малой их действительности и неправильности полета на расстояниях, превышающих несколько дальность прямого выстрела из нарезного оружия. Поэтому Комиссия считает не только излишним отправить на Кавказ просимое Полковником Есауловым количество ракет Фосса для испытания их в большом размере, но полагает, что ракеты эти должны быть оставлены вовсе, а дело о них считать оконченным, так как они лишены всякого значения наряду с улучшенными у нас боевыми ракетами, употребляемыми ныне постоянно на Кавказе, в отрядах Кубанской области и которые, без сомнения, всегда с успехом могут заменить собою ракеты Фосса».⁶⁹

На этот раз в уже более чем четвертьвековой на тот момент истории ружейных ракет в России действительно была поставлена точка.

* * *

Растянувшееся почти на четверть века дело о разработке и принятии на вооружение российской армии ружейных зажигательных

ракет отразило в себе все основные недостатки отечественного ВПК середины позапрошлого века. Во-первых, громоздкость и неповоротливость управленческих структур, зачастую взаимно дублировавших функции, что многократно замедляло и усложняло принятие даже незначительных решений; во-вторых, явную нехватку специалистов всех уровней, от простых мастеровых и рабочих до инженеров-конструкторов; в третьих, отсутствие альтернативы государственным предприятиям – развитой частной промышленности, способной быть эффективным и гибким элементом оборонного комплекса. Дополнительно следует отметить, – и это тоже показала история с ружейными ракетами, – что вся система военных НИОКР в России николаевского времени держалась прежде всего на инициативе и энтузиазме отдельных личностей, а не на выстроенной государственной политике (исключение составляли только периодически ставившиеся на высшем уровне ключевые задачи, вроде перехода с кремневых ружей на ударные или от парусного флота к паровому). В остальном же судьба тех или иных разработок целиком зависела от их авторов: как только конкретное лицо выходило из дела, оно заканчивалось само собой.

Вместе с тем нельзя не признать, что отрицательный результат в случае ружейных ракет был обусловлен прежде всего объективным несовершенством технологий. Реальных возможностей реализовать идею, опередившую свое время, на тот момент не существовало ни в одном государстве мира.

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 11–12.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 31–32.

⁷ Там же. Л. 38.

⁸ Там же. Л. 55, 63–64.

⁹ Там же. Л. 66–67.

¹⁰ Там же. Л. 68–69.

¹¹ Там же. Л. 70.

¹² Там же. Л. 71.

¹³ Там же. Л. 72.

¹⁴ Там же. Л. 73–74.

¹⁵ Там же. Л. 75.

- ¹⁶ Там же. Л. 81.
- ¹⁷ Там же. Л. 93–95.
- ¹⁸ Там же. Л. 97.
- ¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 111. Л. 16.
- ²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 59. Л. 101–102. (Судя по данному и последующим документам, Козен одновременно предложил начинить зажигательными пулями, примененными в ружейных ракетах, и орудийные снаряды (гранаты). – В. Х.)
- ²¹ Там же. Л. 110.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 111. Л. 2–3.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 1.
- ²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 111. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 7–9.
- ²⁷ Там же. Л. 12–13.
- ²⁸ Там же. Л. 16–17.
- ²⁹ Там же. Л. 15.
- ³⁰ Там же. Л. 18.
- ³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/1. Д. 217. Л. 59 об.
- ³² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 256. Л. 1.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 137. Л. 42–43.
- ³⁴ Там же. Л. 5–7, 9, 11, 15, 17.
- ³⁵ Там же. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Л. 66, 112, 137, 143.
- ³⁷ Там же. Л. 107.
- ³⁸ Там же. Л. 142.
- ³⁹ Там же. Л. 155.
- ⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 256. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Л. 9.
- ⁴² ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 163. Л. 124–126.
- ⁴³ Там же. Л. 264, 266, 272.
- ⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 364. Л. 43–47.
- ⁴⁵ Там же. Л. 48, 53.
- ⁴⁶ Там же. Л. 58.
- ⁴⁷ Там же. Л. 66, 69–71.
- ⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 163. Л. 277.
- ⁴⁹ Там же. Л. 278.
- ⁵⁰ Там же. Л. 279–280.
- ⁵¹ Там же. Л. 281.
- ⁵² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 364. Л. 72.
- ⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 256. Л. 21–22.
- ⁵⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 319. Л. 2–3.
- ⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 228. Л. 19.
- ⁵⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 319. Л. 117–120.
- ⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 228. Л. 82.
- ⁵⁸ Там же. Л. 159–160.
- ⁵⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 319. Л. 158.
- ⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–12.

- ⁶¹ Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 762. Л. 1–18.
- ⁶² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 319. Л. 189–190.
- ⁶³ Там же. Л. 229–236.
- ⁶⁴ Там же. Л. 250–251.
- ⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 228. Л. 254.
- ⁶⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 319. Л. 255.
- ⁶⁷ Там же. Л. 256.
- ⁶⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 111. Л. 24–26.
- ⁶⁹ Там же. Л. 22–23.

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

ОРУЖИЕ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МУЗЕЯХ КЫРГЫЗСТАНА*

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННОГО ДЕЛА КЫРГЫЗОВ Тянь-Шаня положили российские ученые и путешественники, совершавшие экспедиции на оз. Иссык-Куль и Чуйскую долину во второй половине XIX в. В течение последующего исторического периода исследование оружия кыргызских воинов позднего Средневековья и Нового времени на Тянь-Шане базировалось на весьма информативных сведениях, содержащихся в богатом эпическом наследии кыргызского народа. В сочинении первого кыргызского историка Б. Солтоноева рассмотрены особенности «воинского уклада» кыргызов, которые были весьма «искушенными в воинском деле». Кыргызские воины сражались только верхом на лошадях, использовали в боях копья, бердыши, дубинки, реже применяли сабли, но были меткими стрелками из луков и ружей.¹ В 1940-х гг. на основе изучения материалов кыргызского героического эпоса «Манас» этнографом С.М. Абрамзоном были выявлены особенности военной организации и рассмотрены некоторые виды военной техники у кыргызов Тянь-Шаня.² В последующие годы сведения о различных видах оружия, описанных в кыргызских эпических сказаниях, содержались в научных трудах кыргызских ученых: этнографов и фольклористов, специалистов по изучению эпического наследия кыргызского народа.³ Интерес к этой теме в Кыргызстане значительно вырос после того, как автором настоящей статьи были проанали-

---

* Работа выполнена по проекту «История военного дела древних и средневековых кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии», поддержанному Межгосударственной корпорацией развития.

зированы и систематизированы археологические материалы по вооружению енисейских кыргызов в периоды раннего и развитого Средневековья.⁴ В дальнейшем им были обобщены данные по военному делу енисейских кыргызов и зависимых от них племен – кыштымов монгольского времени.⁵ Были также введены в научный оборот некоторые находки предметов вооружения из памятников енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья.⁶

В течение нескольких последних лет, благодаря деятельному содействию кыргызстанских коллег и поддержке Межгосударственной корпорации развития, у автора настоящей статьи совместно с сотрудниками Института археологии и этнографии и Новосибирского государственного университета канд. ист. наук А.Ю. Борисенко и Ж. Орозбековой появилась реальная возможность для исследования предметов кыргызского вооружения эпохи позднего Средневековья и Нового времени в музейных собраниях Республики Кыргызстан. В 2013–2016 гг. участниками данного проекта были изучены находки предметов вооружения кыргызских воинов, которые хранятся в составе оружейных коллекций в государственных краеведческих, академических, университетских и частных музейных собраниях в г. Бишкеке, Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской и Нарынской областях Кыргызстана.

Главным научным хранилищем археологических и этнографических коллекций в стране является Государственный исторический музей Кыргызстана, который находится в столице страны Бишкеке. Среди оружейных коллекций, доступных в настоящее время для изучения и представляющих интерес для специалистов по истории военного дела кыргызов Тянь-Шаня, в экспозиции, посвященной истории Кыргызского каганата, экспонируется небольшая коллекция хорошо сохранившихся железных наконечников стрел. Среди них имеются наконечники с трехлопастным, трехгранным и ромбическим в сечении пером, с остроугольным острием, удлинненно-ромбической, вытянуто-пятиугольной и удлинненно-треугольной боевой головкой и короткой или удлинненной шейкой. Подобные наконечники стрел были на вооружении у западных тюрок и енисейских кыргызов в периоды раннего и развитого Средневековья, в том числе в оружейном комплексе воинов Кыргызского каганата.⁷ В музейной экспозиции представлены железные трехлопастные, трехгранно-трехлопастные и трехгранные наконечники стрел и костяная срединная боковая накладка лука с изображением сцены охоты пешего охотника, стреляю-

щего из лука в бегущих ланей, из памятников тюркского времени. В числе оружия, входившего в состав комплекса вооружения кыргызских воинов эпохи позднего Средневековья и Нового времени, можно отметить ружья на специальных сошках, служивших для упора, и кольчуги, вероятно, среднеазиатского производства.

Отдельные предметы вооружения из комплексов культур древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня и Семиречья выставлены в экспозиции музея Института истории материальной культуры Национальной Академии наук Кыргызстана в Бишкеке. Среди них имеются костяные накладки сложносоставных луков, железные наконечники стрел, образцы длинного клинкового оружия и кинжалы из памятников кенкольской культуры первой половины I тыс. н. э. из Таласской долины Кыргызстана. К комплексу вооружения кыргызских воинов позднего Средневековья и Нового времени может относиться ударная боевая гирия, представляющая собой шар с прямоугольной боковой петлей.

Некоторые предметы вооружения из раскопок археологических памятников кочевников древнетюркского и монгольского времени представлены в экспозиции музея Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына в Бишкеке. Среди них представлены концевые, срединные боковые и фронтальные накладки от луков, железные наконечники стрел с трехлопастным и плоским пером тюркских и монгольских воинов. Некоторые железные трехлопастные стрелы снабжены полыми костяными шариками-свистунками. В собрании хранятся железный наконечник копья с четырехгранным пером и конической втулкой, а также сабля с плавно изогнутым клинком и рукоятью и втульчатый боевой топор. Все эти находки происходят из памятников тюркских и монгольских кочевников, раскопанных в течение последних десятилетий археологами этого университета.⁸ В этом музее хранится кыргызский проушный боевой топор периода позднего Средневековья.

Представительная коллекция разнообразных предметов вооружения древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня и Семиречья хранится в Историко-археологическом музее Кыргызско-Российского славянского университета в Бишкеке. В музейном собрании имеются бронзовый черешковый двулезвийный кинжал и двухлопастные втульчатые наконечники копий; бронзовые двухлопастные, черешковые и втульчатые наконечники стрел с удлинненно-ромбическим пером; кинжалы-акинаки с прямым двулезвийным клинком, бабоч-

ковидным перекрестьем и брусковидным навершием эпохи развитой бронзы и культуры сакских кочевников эпохи раннего железа. В составе коллекции имеются средневековые железные трехлопастные и плоские наконечники стрел и киргызское железное копьё с ромбическим в сечении затупленным наконечником и длинной конической втулкой. Большая часть этих находок была обнаружена на памятнике Жаркынбаево, в ходе подводных поисков на дне оз. Иссык-Куль, в пределах Иссык-Кульской котловины.⁹

Большая коллекция предметов древнего и средневекового оружия хранится в частном музее «Раритет», находящимся в Бишкеке, который создан известным в Кыргызстане бизнесменом В.В. Кадыровым. В этом музейном собрании хранится представительная коллекция бронзовых наконечников стрел, которые могут относиться к сакской культуре раннего железного века, а также железных наконечников разных типов, которые могли входить в состав комплекса вооружения средневековых кочевников. В составе оружейной коллекции имеется немало предметов, которые должны относиться к комплексу вооружения киргызских воинов эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Среди них имеется железный наконечник стрелы с округлым в сечении пером удлинённо-треугольной, «пулевидной» формы; железный наконечник копья с ромбическим в сечении пером удлинённо-ромбической формы и конической втулкой; железная сабля с изогнутым клинком, напускным перекрестьем и отогнутым в сторону лезвия навершием рукояти; железный кинжал с двулезвийным дольчатým клинком, пластинчатым перекрестьем и прямой рукоятью; железные боевые топоры «ай-балта» с округлыми лезвиями и разными обушками; железное навершие булавы с выступающими шипами и многогранный кистень с боковой петлей.¹⁰ Данная коллекция содержит наиболее представительный, хотя и далеко не полный набор различных видов оружия ближнего и рукопашного боя киргызов Тянь-Шаня.

Отдельные находки предметов вооружения хранятся в Кыргызстане у некоторых частных лиц. В предшествующие годы в частном собрании антиквара А.М. Камышева в Бишкеке удалось осмотреть коллекцию, в которую входят бронзовые втульчатые наконечники стрел и чекан сакского времени, а также железные плоские и трехгранно-трехлопастные наконечники стрел средневековых номадов. В этой же коллекции до настоящего времени хранятся бронзовые и железные кистени киргызских воинов с грушевидной или много-

гранной ударной частью и выступающей боковой петлей. По имеющимся сведениям, эти находки происходят из окрестностей г. Токмака, пос. Горная Маевка и ущелья Шамси в юго-восточной части Чуйской долины.

Представительная коллекция предметов вооружения кыргызских воинов эпохи позднего Средневековья и Нового времени хранится в государственном музейном комплексе «Манас-Ордо» в Кыргызстане. В составе этой коллекции имеется железный втульчатый наконечник копья с ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы и конической втулкой, найденный в Таласской долине. В этом музее хранятся некоторые предметы вооружения, которые были найдены на городище Шельджи или Садыр-Коргон, которое находится в долине р. Талас. Оно продолжало функционировать вплоть до периодов позднего Средневековья и Нового времени. Среди обнаруженных в окрестностях этого памятника кыргызских предметов вооружения имеются боевые топоры «ай-балта» с низким или плоским обухом и расширенным округлым лезвием, а также железное навершие булавы с проемом для крепления на деревянной рукояти и вертикальными углублениями, образующими ударные ребра.¹¹ В этом музейном собрании хранится железный палаш с частично обломанным острием, прямым однолезвийным клинком и черенком рукояти.

Большая, информативная коллекция оружия хранится в государственном музее «Башня Бурана», который находится в с. Бурана, расположенном к югу от г. Токмака, в юго-восточной части Чуйской долины. В состав этого музейного комплекса входит средневековое городище, которое определено как средневековый город Баласагун, существовавший в период государства Караханидов. На площади этого города находится реконструированная средневековая башня и стелларий, на котором собрано значительное количество древнетюркских каменных изваяний. В экспозиции музея представлена значительная коллекция железных наконечников стрел разных форм, которые должны относиться к эпохе раннего и развитого Средневековья. Среди находок предметов вооружения, выставленных в экспозиции Буранинского музея, наибольший интерес представляет фрагмент конского защитного доспеха. Он составлен из железных панцирных пластин прямоугольной формы, соединенных между собой кольчужными кольцами. Вероятно, он представляет собой часть защитной попоны. Данная находка была обнаружена в Шамсинском ущелье. В собрании музея хранится железная сабля и боевые ножи.

Судя по имеющимся аналогиям, эти находки могут относиться к вооружению позднесредневековых кыргызских воинов.

В краеведческом музее г. Чолпон-Ата, расположенном на северном побережье Иссык-Куля, экспонируются различные бронзовые и железные предметы вооружения средневекового исторического периода. Среди них можно отметить находки фрагментов костяных накладок на лук и железные наконечники стрел. В их числе имеется массивный плоский наконечник стрелы с асимметрично-ромбическим пером, тупоугольным острием, пологими плечиками и упором, который может относиться к эпохе позднего Средневековья.

Отдельные находки предметов древнего и средневекового вооружения хранятся в краеведческом музее г. Нарына. В их числе – бронзовый втульчатый наконечник сакского времени. В экспозиции представлен крупный, массивный плоский наконечник стрелы, с зигзагообразным в сечении пером, частично поврежденной одной стороной и острием, который может относиться к эпохам развитого и позднего Средневековья. Этот наконечник был найден в Ат-Талинской долине.¹²

В народном музее им. В.А. Лапко при средней школе в с. Новониколаевка в Чуйской долине имеется представительная коллекция древних и средневековых предметов вооружения. В их числе – железные наконечники стрел с плоским, четырехгранным и линзовидным в сечении пером разных форм, а также сабля со слабоизогнутым, украшенным золотой чеканкой клинком и железные однолезвийные боевые ножи. Вероятно, к оружию эпохи позднего Средневековья и Нового времени могут относиться железные втульчатые наконечники копий, у которых повреждено или обломано перо, и полностью сохранившийся конический вток от копья, а также ружье на сошках.

Некоторые предметы средневекового оружия хранятся в музее при средней школе им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр в Таласской области Кыргызстана. Среди них – железные наконечники стрел разных типов, крюк от колчана, боевой топор и железная пластина от ламеллярного панциря. Все эти предметы были в разное время собраны на поверхности известного городища Шельджи, или Садыр-Коргон. В числе находок имеется боевой нож с частично сохранившейся, орнаментированной циркульным узором роговой рукоятью, который может относиться к оружейному комплексу кыргызских воинов эпохи позднего Средневековья. Предположительно к этому же времени может относиться железная втулка с частично сохранившейся цепью, которая могла служить для крепления боевой гири.

Некоторые предметы кыргызского оружия находятся в частном собрании, принадлежащем жителю с. Талды-Суу Иссык-Кульской области В. Фоменко. Среди них имеются боевые ножи с прямыми однолезвийными клинками. В составе коллекции находится железный броневой наконечник стрелы с коротким пером и треугольным острием.

Предпринятый опыт изучения предметов вооружения тянь-шаньских кыргызских воинов, относящихся к историческим эпохам позднего Средневековья и Нового времени, из музейных собраний и частных коллекций на территории Кыргызской Республики открыл возможность для целенаправленного формирования некоторой базы вещественных источников по данной теме, которая может быть существенно дополнена историческими и этнографическими сведениями, а также описаниями оружия из кыргызского героического эпоса. Судя по всем этим материалам, кыргызские воины обладали разнообразным набором наступательного оружия дистанционного и ближнего боя. В их распоряжении имелись также разнообразные средства индивидуальной металлической защиты. В эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени кыргызские воины были вооружены луками и стрелами, которыми они могли поражать противников в дистанционных боях. Судя по сведениям эпических источников и этнографическим материалам, в последующую эпоху они успешно освоили применение огнестрельного оружия и артиллерии. В ближних боях кыргызские конные воины могли поражать врагов копьями, наносить удары саблями и палашами, боевыми топорами «ай-балта», булавами и кистенями. Набор средств поражения противников в ближних боях включал различные виды древкового колющего, рубяще-колющего длинного клинкового, рубящего и ударного оружия. В рукопашных схватках они могли использовать кинжалы и боевые ножи. Для защиты от вражеских ударов кыргызские батыры применяли кольчуги, панцири, шлемы и щиты. Опыт изучения кыргызского вооружения в музейных и частных собраниях показал, что данные коллекции являются ценными хранилищами оружия, несмотря на то, что не все его виды, известные по эпическим, историческим и этнографическим источникам, сохранились до настоящего времени.

---

¹ Солтоноев Б. Из древней истории киргизов // Кыргыз: источники, история, этнография. Бишкек: Изд-во «Шам», 1996. С. 402–404.

- ² Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. 1. С. 170–171.
- ³ Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе: «Илим», 1989. С. 122–123.
- ⁴ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских киргизов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 131–138.
- ⁵ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 8–25.
- ⁶ Худяков Ю.С. Защитное вооружение киргизского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. С. 87–99.
- ⁷ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских киргизов. С. 84, 91–92.
- ⁸ Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Фирма «Айбек», 1996. С. 43–50, 120–125.
- ⁹ Ставская Л.Г., Джунушалиева Г.Д., Плоских В.В., Лужанский Д.В. Историко-археологический музей КРСУ. Бишкек: ОФ «Музеолог», 2013. С. 12, 13, 15, 76.
- ¹⁰ Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Археология и этнография. С. 78.
- ¹¹ Худяков Ю.С. Оружие ближнего боя киргизов Тянь-Шаня в позднее средневековье и Новое время // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и Нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 128.
- ¹² Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Рис. 57, 10.

Т.А. Цапина (Москва)

ЖУРНАЛЫ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА превзошла по количественным и качественным показателям все предыдущие войны. Это трагическое первенство относилось и к количеству военнопленных, которое за годы войны составило 8 млн человек. На долю России пришлось от 2, 5 до 3,5 млн человек, проведенных в плену от нескольких месяцев до 8 лет.¹ Переживания такой массы людей не воплотились в сопоставимое количество свидетельств и воспоминаний. Во многом это связано с тем, что для большинства бывших военнопленных эти годы страданий были заслонены впоследствии не менее драматичными событиями революций, Гражданской войны и дальнейшим ходом российской истории. О плене опубликованы были единичные дневники и воспоминания, преимущественно либо во время войны, либо вскоре после нее. Затем эта тема, за редкими исключениями, постепенно теряла свое место в советском источниковедении, и только в последнее время ей вновь стало уделяться должное внимание². До сих пор большая часть свидетельств о плене находится в архивах. Одним из таких хранилищ истории военнопленных Первой мировой войны является отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Здесь отложились и свидетельства творческой, духовной составляющей жизни узников военного времени – журналы военнопленных.

Рассмотрим некоторые из них, и в первую очередь рукописный журнал, вышедший из офицерской среды. В фонде № 504 историка И.А. Голубцова находятся материалы его тестя Алексея Константиновича Смысловского, участника Первой мировой войны, проведенного в германском плену 4 года (ил. 1). Эти материалы были переда-

ны в архив дочь Голубцова Е.И. Самгиной, сотрудницей ОПИ ГИМ. Предваряя описание журналов, скажем несколько слов об их редакторе и одном из авторов – Алексее Константиновиче Смысловском, биографией которого занимается его внук В.К. Смысловский³.

А.К. Смысловский родился в 1874 г. в Киеве, учился в 1-м Московском кадетском корпусе, затем в Михайловском артиллерийском училище. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В августе 1914 г. был командиром тяжелого артиллерийского дивизиона 2-й артиллерийской батареи. Участвовал в военных операциях в Восточной Пруссии, в бою у Бишофсбурга 13 (26) августа 1914 г. В конце сентября 1914 г. в составе армии Самсонова попал в плен. Смысловский содержался в офицерском

Ил. 1. А.К. Смысловский

лагере для военнопленных в Оснабрюке – небольшом городе в Нижней Саксонии. Попутно заметим, что здесь в 1898 г. родился Эрих Мария Ремарк. Отсюда же он ушел на фронт Первой мировой войны, а на улицы родного города перенес действие многих своих книг, в которых обессмертил эту грандиозную человеческую трагедию.

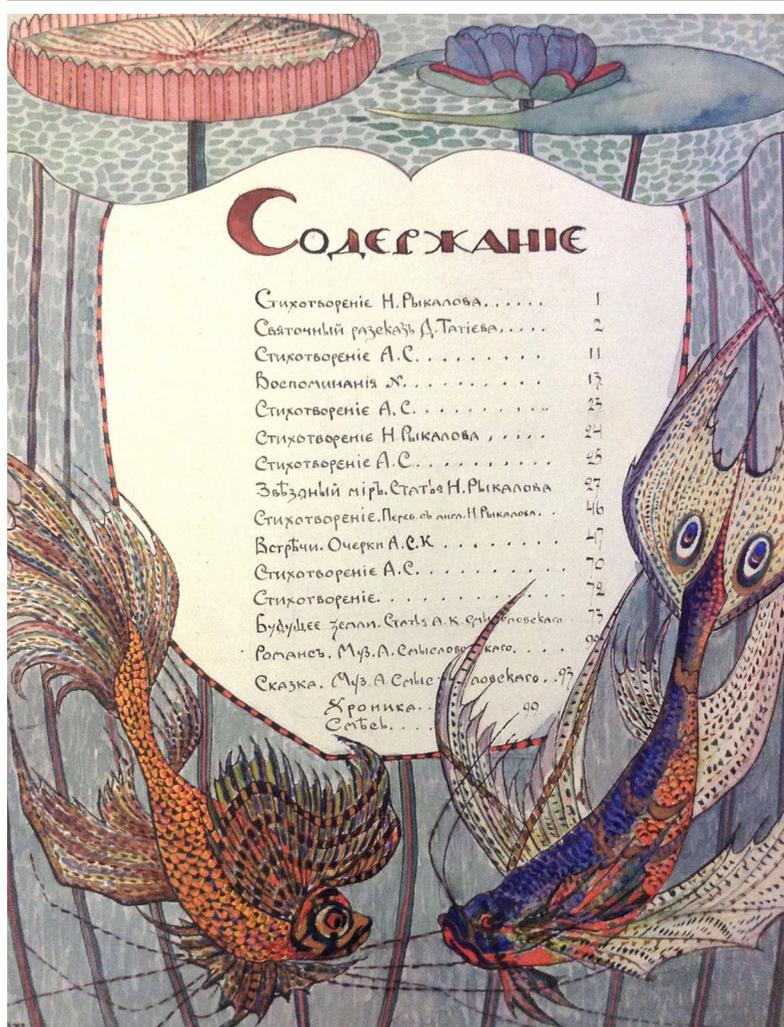
Итак, от времени пребывания А.К. Смыловского в плену в фонде сохранились фотографии⁴, отражающие жизнь военнопленных, а также четыре номера рукописного журнала-ежемесячника «На чужбине», который выходил под редакцией Смыловского в 1915 и 1916 гг.⁵ А.К. Смыловский не случайно стал редактором и одним из основных авторов журнала. Он и ранее имел склонность к сочинительству, что подтверждается наличием в фонде толстой рукописной тетради его стихов за 1892–1895 гг.⁶

Жизнь офицеров в плену, конечно, отличалась от жизни солдат. Они не принуждались к физическим работам, им выплачивалось небольшое жалование на свое содержание по постановлениям Гаагской конвенции. Однако многие офицеры все равно претерпевали порой крайнюю нужду и физические страдания. Также плен нес для них и тяжелые нравственные мучения. Процентное соотношение попавших в плен солдат и офицеров свидетельствует о том, что в офицерской среде чувство воинского долга, стремление к победе над врагом были развиты сильнее, и тем драматичнее были для них переживания плена, вызывавшего чувство стыда, досаду на вынужденное бездействие в годы борьбы с неприятелем и др. Большим испытанием для офицеров являлось и отсутствие какой-либо деятельности. Н.М. Жданов, пять лет возглавлявший Центральный комитет Красного Креста, член Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, отмечал, что, описывая свою жизнь, русские пленные офицеры чаще всего жаловались на вынужденную праздность. Стремлением преодолеть страдания и скуку, систематизировать свою жизнь, извлечь хоть какую-то пользу из жизни в плену объяснялось возникновение в различных лагерях самодеятельности, кружков самообразования, журналов.

Традиция проведения культурного досуга в лагерях военнопленных стала складываться, по наблюдениям О.С. Нагорной, к концу 1915 г., когда произошло некоторое упорядочивание лагерной системы. Именно к этому времени относится выпуск первого номера журнала «На чужбине». Нагорная приводит следующую систематизацию периодических изданий военнопленных: созданные по инициативе самих пленных, выпускавшиеся пленными с подачи и под руководством пропагандистских институтов, а также печатавшиеся и распространявшиеся немецкими и австрийскими военными органами⁷. Ежемесячник «На чужбине» относится к первому типу изданий.

Внешне журналы представляют собой альбомы с листами белой и сине-серой бумаги. Обложка первого номера обтянута тканью, на которую наклеена полоска бумаги с названием «Ежемесячник. На чужбине. 20 октября 1915 года». Обложки следующих номеров выглядят более репрезентативно (ил. 2). Объем первых трех номеров составлял порядка 50 листов, четвертый, последний номер был в четыре раза больше. Размеры альбомов 27 x 20 см. Тексты написаны чернилами печатными буквами, двумя–тремя разными почерками.

Первые три номера были выпущены в октябре–декабре 1915 г., а последний, самый объемный, четвертый номер вышел с большим

Ил. 2. Журнал «На чужбине»

временным интервалом лишь в мае 1917 г. Постоянными сотрудниками журнала были около 10 человек; часть из них подписывалась полным именем, часть – инициалами.

В предисловии к первому номеру редакция кратко формулировала цели издания: «дать читателю легкое и полезное чтение во всех отраслях знания».⁸ В предисловии ко второму номеру, вышедшему

20 ноября 1915 г., редакция помещает уже развернутое обоснование необходимости такого журнала и участия в нем. В нем говорится, что монотонность существования, а главное, отсутствие борьбы за жизнь и связанной с этим умственной и физической работы ведет к атрофии жизненной энергии и лишает узников лагеря приспособленности к текущей жизни. Большинство заключенных, следуя порой бессознательному инстинкту самосохранения, придумывает себе то или иное занятие или работу, к которой, однако, не видя в ней смысла, быстро охладевает. Поэтому, решив издавать свой журнал, редакция «имела целью прийти на помощь многим из своих товарищей, дав возможность одним найти занятие, другим переменить занятие... Кроме того, умышленно не задаваясь никаким направлением, принимая все произведения: литературные, художественные, музыкальные... редакция дает возможность... одним найти некоторое развлечение, другим вылить наболевшую душу, высказать свои мысли, избегая непосредственного спора и его последствий»⁹.

Журналу, судя по всему, предшествовали какие-то «понеделничные сообщения». По сравнению с ними преимущество журнального формата сообщений и общения редакция видит в оберегании их авторов от непосредственного общения с аудиторией, которого многие боялись.

Формат журнала «На чужбине» от номера к номеру в среднем постоянен. Имея литературную и гуманитарно-ознакомительную направленность, он включал в себя стихи, литературные, драматические произведения, хронику культурной жизни лагеря и театральную критику, нравоучительные сочинения, статьи научно-популярного содержания, музыкальные произведения, рисунки, ребусы, математические или шахматные задачи. Однако полного совпадения рубрик из номера в номер нет.

Остановимся более подробно на содержании каждого из разделов.

Поэтическая составляющая выпусков представлена, преимущественно, стихами Н. Рыкалова и автора, скрывающегося под инициалами А. С. Как правило, это типично лирические произведения; в ряде стихотворений Рыкалова («Вечер в плену», «Грезы пленного», «Тоска пленного») воспроизводились переживания пленных, их тоска по Родине и т. п. Эти стихи сопровождалась иллюстрациями того же Рыкалова или Б. Чуйкова с изображениями лагеря, камер, прогулок пленных под присмотром часовых и т. п. Приведем выдержку из одного из стихотворений:

А вести, все мрачные вести приходят.
Удачу здесь празднует враг.
Стреляют из пушек, победно трезвонят,
Чужой развевается флаг.
И больно, так больно душа замирает,
И сердце обида сосет;
А ветер все так же каштаны ласкает,
И дрозд беззаботно поет.¹⁰

Сентиментально-романтические рассказы, зарисовки, наброски, несколько манерные и надуманные, типичны для части модернистской литературы того периода. Значимое место в литературных штудиях военнопленных занимают воспоминания о прошлой мирной жизни. Д. Татиев, выпускник Воронежского кадетского корпуса, описывает поездку в 1911 г. с отцом в Бухару (№ 2). Рассказы-наброски «Съемки» и «На Ходынке» – об учебных картографических съемках юнкеров в московской Всесвятской роще и на Ходынке. В № 4 помещен «Отрывок воспоминаний» Н. Л. о жизни летом 1904 г. в дачной местности «Куоккала». Для авторов этих ностальгических зарисовок само их написание было отрадным временем плена, которое переносило их в привычную, счастливую довоенную жизнь.

В ряде номеров имелись драмы: например, в № 1 помещена сценка в стихах Н. Соборянина «Федот да не тот, или Лаврушка в ловушке», представляющая собой переделку басни И. Крылова «Демьянова уха». В предисловии к ней отмечено, что сценка эта шла с большим успехом в ряде учебных заведений, в императорском театральном училище, а в настоящей редакции она исправлена и дополнена автором.

Присутствовали и произведения нравственно-назидательного характера. Так, в № 1 в очерке «Белые рабыни» Дмитрий Т. излагает свои соображения о пагубности проституции и предлагает меры по борьбе с этим злом. Их он видит в предоставлении женщинам прав политических, гражданских и права на образования, что избавит их от экономической зависимости от мужчин. Все эти изменения, по мнению автора, возможны только при действительно высоком культурном развитии социального строя. В № 4 помещена повесть «Души погибшие» о вреде пьянства с иллюстрациями Н. Рыкалова.

Из журнала «На чужбине» мы видим, что в лагере шла насыщенная театральная жизнь. Театральные постановки были очень востребованны, в том числе и потому, что, как писал один из военноплен-

ных: «Театр давал нам величайшую из иллюзий: он на несколько часов освобождал нас от плена, переносил в прекрасную, свободную жизнь».¹¹ В лагере Оснабрюк в месяц давалось по 2–3 спектакля. Ставились преимущественно пьесы легкого содержания и собственного сочинения. Особенно заметна активность французской труппы. Одним из постоянных авторов французских постановок был капитан Millet. В фонде сохранились тексты пьес, им сочиненных, с дарственной надписью А.К. Смысловскому, который писал музыку к этим постановкам¹². Спектакли ставились как представителями одной страны, так и интернациональными силами. В декабрьском, рождественском номере из театральных постановок отмечена пантомима Леонтьева «Любовь и шут», в которой приняли участие русские и французские офицеры.

Тогда же, в декабре зрителям было представлено кабаре, осуществленное, судя по всему, русскими актерами, так как автор обзора отмечает доступность этого представления для иностранцев-зрителей, чем вообще «выгодно отличаются постановки русской труппы». Надо заметить, что в русской труппе был, по крайней мере, один профессионал, Карабанов, актер Камерного театра.

Достоинства пьес, качество исполнения разбирались в критико-театроведческих статьях. Наряду с вполне благосклонными и хвалебными отзывами критика была порой достаточно язвительна. Так, критик А. Т. пишет, что виденное напоминает ему дачные любительские спектакли, от которых участники получают больше удовольствия, чем зрители. О содержании пьесы, сочиненной заключенными их лагеря, он же пишет, что только «гнетущей скукой и отсутствием какого-либо дела можно хоть немного оправдать авторов пьесы, написавших подобную галиматью».¹³ Возможно, столь жесткие характеристики объяснялись необходимостью эмоциональной разрядки для людей, оказавшихся в среде, лишенной ярких психологических переживаний. Столь острые эскапады наверняка будировали ответные реакции и делали жизнь на время менее пресной.

В культурной жизни лагеря Оснабрюк много внимания отводилось музыке. В одном из номеров упоминалось о группе играющих на мандолине, в другом номере – о духовиках, в третьем – о трио, состоящем из виолончели, скрипки и фортепьяно. В последнем, четвертом номере речь идет уже о наличии трех оркестров: струнного, духового и балалаечного. Музыканты объединились в общий кружок, руководимый выборным комитетом. Среди военнопленных

был произведен сбор средств на приобретение недостающих инструментов. Каждым оркестром был дан отдельный концерт. В том же номере журнала сообщается и об организации небольшого симфонического оркестра под управлением А.К. Смысловского. В концерте, данном этим оркестром в апреле 1917 г., исполнялись отрывки из оперы «Садко» Римского-Корсакова и «Князь Игорь» Бородина, романс Глинки «Не искушай». По замечанию критика, этот концерт дал возможность иностранцам ознакомиться с красотой русской музыки, а русским возбудить живое воспоминание об отчизне. А.К. Смысловский, сочинявший музыку ко многим лагерным мероприятиям, помещает в журнале статью «Несколько слов о музыке».¹⁴

Сохранившиеся в фонде фотографии военнопленных актеров в сценических костюмах, фотографии оркестра (ил. 3) демонстрируют обеспеченность актеров театральным и исполнительским реквизитом. В журнале упоминается, что среди военнопленных происходили розыгрыши лотереи, сборы от которых шли на покрытие расходов на театральные постановки. Часть необходимых вещей ими приобреталась на собственные средства. Могла помочь и лагерная администрация. О. Нагорная пишет, что часто лагерная администра-

Ил. 3. Оркестр лагеря Оснабрюк

ция вполне охотно поддерживала культурные инициативы пленных, видя в них, в том числе, аргумент в международных переговорах о военнопленных и средство смягчения участи своих соотечественников во вражеском плену.¹⁵ Первая мировая война еще не приобрела того «тотального» характера, что, к несчастью, было в полной мере свойственно Второй мировой, и такие реверансы лагерной администрации в сторону военнопленных еще могли иметь место.

В каждом номере имелись материалы научно-популярного содержания. Из номера в номер помещались статьи А. Смысловского: «Жизнь земли» (№ 2), «Будущее земли» (№ 3) или Н. Рыкалова «Звездный мир» (№ 3), «Змеиное царство» (№ 4).

Имелись материалы, затрагивающие вопросы научно-технического прогресса и экономики. Таковы статьи последнего, четвертого номера, вышедшего летом 1917 г.: Савицкого «Научные основы агрономии» и П. Покровского «Белый уголь». В последней, посвященной производству электричества, автор выражает надежду, что с наступлением политической весны в России интенсивнее начнет развиваться промышленность и техника.

В конце журнала размещалась страничка юмора, а также ребусы и логические, шахматные или математические задачи.

Особо хотелось бы отметить изобразительное оформление журналов. В каждом номере в качестве иллюстраций к статьям помещены превосходные рисунки А. Демьяновича, П. Клементьева, Н. Рыкалова, А. Т., Б. Чуйкова. Иллюстрации, как правило, были выполнены отдельно, затем вырезаны и наклеены. Многие из них несут на себе черты модерна, близкого стилистике «Мира искусств». Помимо задач иллюстрации рисунки отображали типичные пейзажи родной стороны, столь дорогие сердцу людей, оказавшихся на чужбине. Среди типов социальной ностальгии военнопленных, систематизированных Э.Е. Абдрашитовым, он выделил отдельным пунктом тоску по местности, природе. «Несомненно, что пленные испытывали определенные мучения по поводу окружающей их природы. Отсутствие привычных глазу «ориентиров» давило на сознание пленных, усиливало ностальгические настроения. Особенно в этом плане актуален образ «русской березы» и «бескрайних просторов».¹⁶

Действительно, виды деревень, типичных российских пейзажей обильно представлены в журнале.

Между третьим и четвертым номерами ежемесячника имеется длительный временной интервал в полтора года. Возможно, это

было связано с дисциплинарными взысканиями, которые были наложены на лагерь Оснабрюк в 1916 г. Н.М. Жданов со ссылкой на отчет сестры милосердия де Витт, посетившей с инспекцией этот лагерь, пишет, что там с 28 мая по 22 сентября 1916 г. были проведены репрессии. Это были ответные меры германских властей на санкции астраханских властей, которые, в свою очередь, установили в подведомственном им лагере немецких военнопленных строгий режим в связи с побегом четырех человек. Де Витт писала, что, посетив лагерь Оснабрюк, она не увидела «ни одного нормального человека, до того они были все издерганы и нервно расстроены, что является прямым следствием перенесенного режима». Далее следовал перечень жестоких и унижительных карательных мер¹⁷.

Вышедший уже после Февральской революции, в мае–июне четвертый номер журнала отразил ее благотворное влияние на настроение военнопленных, рост их самообразовательных устремлений. Он был в четыре раза большим по объему, чем предыдущие. В нем много новых сведений о жизни лагеря: возникновении студии живописи, особого бюро для организации целого ряда лекций и даже целых курсов. В журнале приведен список уже состоявшихся лекций-сообщений. Перечислим некоторые, чтоб дать представление о круге интересов военнопленных: «О правилах светского спора», «1-ая Государственная Дума», «Физиологические опыты пр. Павлова над собаками», «О кинематографе», «Народная школа в Соединенных штатах», «Русская критика», «О Мужестве и его видах». Далее приведен список организованных систематических курсов и их ведущих: «Садоводство», полк. Баньковский, «История музыки», подполк. Смысловский, «Элементарная математика», полк. Демин, пр. Виноградов, пр. Покровский, «Фотография», кап. Шрейдер, «Электротехника», полк. Демин, «Политическая экономия», пр. Новацкий, «Бухгалтерия», Ситковский.

В этом же номере редакция сочла необходимым оговориться, что приниматься будут любые статьи, кроме политических, статей о современных военных событиях и др., способных «внести раздор в нашу среду». Тем не менее в номере имеется добродушно-сатирический рассказ «Революционеры». В нем изображен отец, рабочий-машинист, забегающей домой плотннуть наливки в перерыве между митингами. В его отсутствие дети решаются на демарш против «домашнего гнета». Отца, вернувшегося с очередного митинга, встречают «требования масс», как-то: «сам знаю, когда учиться», «две

копейки за четверки, за пятерки дороже», «за уши не драть» и т. п. Разогнав «манифестантов», отец с улыбкой смотрит на выставленные «платформы», и, довольный, замечает про себя: «Все в отца». Видимо, такое иронично-снихождительное отношение к событиям не задевало за живое ничьи взгляды. Отчасти о мировоззрении авторов журнала, их близости к просветительской народнической идеологии свидетельствует рассказ «Любовь не умирает», в котором главная героиня после смерти горячо любимого мужа идет работать в народ сельской учительницей и на этом поприще обретает новый смысл жизни.

По понятным причинам проблемы войны также не находят отражения на страницах журнала. Косвенным указанием на отношение к войне может служить пацифистский «Святочный рассказ» в рождественском номере. (№ 3). Отмечая, что характер черта из «Ночи перед Рождеством» Гоголя испортился, автор приписывает ему развязывание Русско-японской, Балканских и текущей войн. После года войны устали от нее и черти, и главный король. И вот собрались черти со всего мира – итальянский, французские, карлики и гном немецкие, ведьмы английские» решать, продолжать ли ее дальше. Голоса разделились поровну, однако по воле малороссийского черта чаша весов в пользу войны перевесила...¹⁸

Военнопленные с надеждой ждали от новой России изменения своей участи, хотели занять достойное место на Родине. Им важно было признание согражданами ценности и нужности их жизни, проведенной не по их вине вне пределов страны. Не случайно в последнем, четвертом номере имелось извещение о том, что журнал будет издан в России в том же виде, о чем будет дано объявление в газетах. Выпуск журнала в России должны были предвелять номера, для которых просили прислать личные воспоминания, впечатления, записки о войне и особенно плене. Видимо, речь шла о том, что в Россию будут переправлены номера журнала для их перепечатки. Особо оговаривается, что подлинные номера журнала будут сданы в Московский военно-исторический музей.

Был ли четвертый выпуск последним и какова дальнейшая судьба журнала, нам неизвестно. Однако известна судьба редактора журнала А.К. Смысловского. Он вернулся домой из плена в ноябре 1918 г., одно время преподавал в Высшей школе РККА им. ВЦИК Советов. В 1927 г. был осужден на три года ИТЛ. Отбывал наказание в Кеми. Затем был выслан в Нижний Новгород на три года. В романе А.И. Солженицы-

на «Август Четырнадцатого» персонаж Смысловский списан с его одноименного прототипа.

Музыкальная и артистическая одаренность А.К. Смысловского проявилась в его детях. Его дочь Вера Алексеевна (1903–1967) закончила музыкальное училище Гнесиных по вокалу, была певицей, затем посвятила себя педагогической деятельности, работала в Большом театре, театре Киноактера и др., была замдиректора издательств «Советский композитор» и «Музыка». Сын Игорь Алексеевич (1905–2000) был актером Камерного театра, театра Комедии в Ленинграде и Московского драматического театра им. Гоголя. Имел звания народного и заслуженного артиста РСФСР. Он был женат на А.Н. Акимовой, дочери Н.П. Акимова, художественного руководителя Ленинградского театра Комедии (ныне Санкт-Петербургский академический театр Комедии имени Н.П. Акимова).

Ежемесячник «На чужбине» дает интересный материал для ознакомления с жизнью военнопленных, ее культурно-духовной составляющей. Представляется также плодотворным рассмотрение журнального творчества военнопленных в контексте общих культурных тенденций начала XX в. Для этого времени характерно возобновление традиции создания литературных альманахов, журналов, всплеск творческой активности, а также стремление к социализации, объединению и выражению взглядов сообществ людей посредством печатного или рукописного органа. Будучи в плену в рамках вынужденной социализации, офицеры, находя близких по духу единомышленников среди собратьев-заключенных, стремились вместе преодолевать тяготы плена, в том числе путем совместного творчества. Пройдя обучение в военно-учебных заведениях, многие из них имели навыки рисования, музицирования, сочинительства. На рубеж веков также приходится активное развитие ученической периодики, в том числе и в военных училищах; не исключено, что создатели журнала в своем довоенном прошлом имели и такой ученический опыт. Также отметим, что, хотя офицеры лагеря Оснабрюк не принадлежали в своем большинстве к литературным, музыкальным или художественным кругам, тот контекст культурного бытования, в котором протекала довоенная жизнь России, и эстетический стиль того времени – модернизм не могли не отразиться на стилистике издания.

Другой тип журнального творчества военнопленных представляет собой еженедельный журнал «Вестник пленных» лагеря Фридрихсфельд около г. Везеля на Рейне. В фонде № 424, ед. хр.

119 ОПИ ГИМ хранится 7 номеров журнала за март–май 1915 г.¹⁹. Выдержки из него были опубликованы И. Журавской²⁰. Мы же обратимся к его структуре, мотивации издания и другим характеристикам. Журналы представляют собой нелинованные тетрадки в 4°, текст в которых набран на шапирографе. В первом номере во вступительной статье «Первое слово» сказано: «Дабы облегчить хотя немного страдания, отвлечь от дурных помыслов и объединить себя, т. е. нас, русских военнопленных в одно цельное, нераздельное, объединенное общество, мы пришли к убеждению, что только изданием журнала можно освещать вопросы жизни, указывать путь к облегчению участи пребывания нашего в плену»²¹. Этой цели – облегчению существования в заключении – подчинено содержание журнала, разбитого на отдельные рубрики. Знакомство с их содержанием дает нам сведения о тех или иных нюансах лагерной жизни.

Значительный объем всех номеров занимали взятые из немецких источников сведения о боевых действиях на разных фронтах. Это было связано с тем, что обилие слухов о военных действиях, как пессимистических, так и оптимистических, по замечанию редакторов, равно негативно отражалось на ослабленной нервной системе заключенных. Для борьбы с означенным злом решено было помещать в журнале перепечатки из немецких газет о ходе войны и затем совместно обсуждать их.

Особое место отводилось, так сказать, юридической помощи в отделе «Хроника». В нем читатели знакомились с практикой наказаний в лагере, чтобы быть в курсе, какие проступки ведут к наказанию, и остерегались их совершать. В ряде номеров приведены списки солдат, понесших те или иные наказания, с перечнем их провинностей. Из этих свидетельств мы узнаем о самовольном выходе пленных на прогулку, кражах, неисполнении приказаний старшего по бараку и даже его избиении, о невежливом обращении с унтер-офицерами, нарушении санитарно-гигиенических норм и др. Как видим, военнопленные прибегали к лагерной администрации за помощью в разрешении конфликтов между собой.

В «Хронике» давалась информация о трудовых повинностях. В № 3 помещены сведения о том, сколько, когда, в какой населенный пункт отправлено солдат в рабочие команды и на какие виды работ. За февраль–март 1915 г. на выкорчевывание леса, работу на частных заводах и т. д. отправлено из лагеря 1507 человек, а осталось в нем 1573. Заметим, что в одном из номеров была помещена выдержка из

постановлений Гаагской конвенции о том, на каких работах не могут быть используемы военнопленные.

В двух номерах в статьях «Азарт» и «Вслед Азарту» речь идет о разгуле в лагере страсти к азартным играм, их пагубному влиянию на материальное положение военнопленных. Эти сведения подкреплены и письмами читателей, которым отводилось в «Вестнике пленных» особое место. В одном из них – жалобы на стрелков, не слушающих дежурных, играющих до полуночи. В другом письме – примеры плохого отношения унтер-офицеров и старших по бараку к рядовым. Идея публикации писем на злободневные темы способствовала снижению социальной и эмоциональной напряженности внутри лагеря.

Лагерь Фридрихсфельд был интернациональным. В связи с этим авторы журнала держали курс на мир среди военнопленных разных национальностей. В № 3 сообщается, что в связи с карантинном русским заключенным запретили покупать хлеб в лавках французов; последние стали выменивать его на вещи со значительной выгодой для себя. Однако в следующей заметке – свидетельство о надувательстве русским солдатом француза, пытавшегося приобрести у русского солдата обувь.

Денежный отчет общества русских военнопленных за январь–апрель 1915 г., помещенный в № 6, знакомит нас с культурной жизнью лагеря и с затратами на нее. Из отчета, а также из вышеупомянутой статьи «Азарт», где приводится перечень культурных мероприятий лагеря, на которые предлагалось переключиться военнопленным во избежание от пристрастия к играм, мы узнаем, что в лагере имелаась библиотека, хор, совершались театральные постановки. Существовала школа по обучению грамоте, занятия чтением с объяснениями по воскресным дням, курсы французского языка, которые вел франкоговорящий военнопленный, и т. п.

Объемные статьи в № 4–5 знакомили с празднованием Пасхи в лагере. В разделе «Раешник деда Кузьмы» помещались стихи на злободневные темы. Небольшой раздел отводился под логические и математические задачи, ответы на которые помещались в следующих номерах.

Как видим, «Русский пленник», издававшийся в интернациональном лагере совместного пребывания солдат и офицеров, ориентирован преимущественно на практическую помощь заключенным себе в условиях лагерного быта, на информирование военнопленных о про-

исходящем на фронтах и внутри лагеря, на консолидацию русского лагерного сообщества и создание комфортного психологического климата. С № 7 планировалось опубликовать статьи «Пасека и ее доходность»; возможно, в планах редакции стояли и другие материалы познавательного характера.

Подводя итоги рассмотрения двух типов журналов военнопленных, отметим, что разный состав заключенных предопределял разное содержание и смысловую нагрузку изданий. Если журнал «На чужбине» служил творческой самореализации военнопленных офицеров, взаимопросвещению в различных областях знаний, заполнению времени вынужденного досуга, то «Вестник пленных» в большей степени способствовал решению практических задач внутри лагерной жизни. Оба издания представляют обширный материал о рядовых буднях лагерей узников военного времени, дают возможность заглянуть в микрокосм пленного сообщества, а также демонстрируют силу духа русских военнопленных, стремящихся в тяжелейших условиях вести достойное и активное существование.

---

¹ Нагорная О. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей / Под ред. И. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 534.

² Современная историография полно представлена в монографии О.С. Нагорной «Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922)». М., Новый хронограф, 2010.

³ <https://fotostrana.ru/user/21884014/blog/19422928/>; <http://www.proza.ru/avtor/smis11944>

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 276.

⁵ Там же. Ед. хр. 272–275.

⁶ Там же. Ед. хр. 277.

⁷ Нагорная О. Другой военный опыт. С. 262.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 272. Л. 1.

⁹ Там же. Ед. хр. 273. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 272. Л. 31.

¹¹ Цит. по: Абдрашитов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс. 2006. № 4. С. 133.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 271.

¹³ Там же. Ед. хр. 272. Л. 42.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 275. Л. 214.

¹⁵ Нагорная О. Другой военный опыт. С. 214.

¹⁶ Абдрашитов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне. С. 135.

¹⁷ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920.

С. 234.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 504. Оп. 1. Ед. хр. 274.

¹⁹ Всего же, по сведениям О. Нагорной, вышло 8 номеров. См.: указ. соч. С. 262.

²⁰ Журавская И. Три пайки хлеба // Родина. 1993. № 9–10. С. 136, 137.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 119. Л. 1.

Д.Г. Целорунго (п. Бородинское поле, Московская обл.)

**ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ
К ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМУ И МАТЕРИАЛЬНОМУ
СНАБЖЕНИЮ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОИНСКИХ
ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА**

ВОПРОСЫ продовольственного и материального снабжения личного состава русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г. в историографии до настоящего времени не нашли должного отражения. Вместе с тем по интересующей нас теме имеется источниковая база. Например, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) отложились как массовый исторический источник ведомости о месячном довольствовании воинских частей, которые прилагались ко всем полковым месячным строевым рапортам русской армии за 1812–1814 гг. Этот вид полковой делопроизводственной текущей документации как исторический источник до настоящего времени не введен в научный оборот¹.

В русской армии по состоянию на 1 января 1812 г. числилось 582 160 человек, включая запасные, резервные и гарнизонные воинские части, к тому же в казачьих формированиях состояло 109 627 человек, на большей части которых лежала обязанность по охране границ империи². В 1812 г. предполагался призыв земского ополчения численностью около 300 тыс. человек. Непосредственно против Наполеона в начале кампании 1812 г. Российская империя смогла выставить 210–220 тыс. человек. К июню 1812 г. Россия не имела возможности сосредоточить на своих западных границах больше войск, так как в это время она вела в Закавказье войну с Персией (Русско-персидская война 1804–1813 гг.), которая в 1812 г. разгорелась с новой силой. Россия также находилась в состоянии войны с

Англией (Англо-русская война 1807–1812 гг.), которая официально закончилась 18 июля 1812 г., а до этого момента Россия для охраны своего балтийского побережья была вынуждена держать против Англии около 20 тыс. человек. Кроме того, только 16 (28) мая 1812 г. был заключен Бухарестский мирный договор, положивший конец кровопролитной войне с Турцией (Русско-турецкая война 1806–1812 гг.)

Таким образом, в сложных внешнеполитических условиях, при необходимости вести боевые действия на дальних театрах войны перед государственным аппаратом Российской империи в 1812–1814 гг. стояла сложная задача – обеспечить всем необходимым свою более чем полумиллионную армию³.

В начале XIX в. была проведена реформа центральных органов русской армии. Военная коллегия была преобразована в Военное министерство. Комиссариатская и провиантская экспедиции стали самостоятельными отделами Военного министерства. В 1812 г. экспедиции были преобразованы в департаменты. Велась работа по определению функциональных обязанностей департаментов и решалась задача их взаимодействия⁴.

27 января 1812 г. было утверждено новое положение о полевом управлении войск под названием «Учреждение для управления большой действующей армией», которое было разработано с учетом опыта, приобретенного в войнах конца XVIII – начала XIX вв. и кроме вопросов собственно управления войсками содержало основы руководства силами и средствами материального обеспечения. На штаб армии возлагалась обязанность управления органами снабжения⁵.

В это время была установлена также обязательная ежемесячная отчетность для всех воинских частей русской армии перед Военным министерством о снабжении их продовольствием, фуражом, обмундированием, оружием и боеприпасами. Эти отчетные документы носили название «Ведомость о удовольствовании» или, современным языком, «Ведомость о довольствии полков и отдельных батальонов» за весь месяц по состоянию на первое число последующего месяца отчетного года. Эти ведомости прилагались к каждому из 12-месячных строевых рапортов воинских частей всех родов и видов войск и были предназначены для инспекторского департамента Военного министерства. К рапортам артиллерийских рот прилагались «Ведомости об артиллерии с ея принадлежностью», которые имели свою специфику и источниковедческий анализ которых мы оставляем за рамками нашего исследования.

Ведомости о довольствии воинских частей не были строго формализованы, в отличие, например, от месячных полковых рапортов, которые были четко формализованы и представляли собой таблицы, разделенные на определенное количество граф, образцы которых были опубликованы в приложениях к «Учреждению для управления большой действующей армией»⁶.

Месячная ведомость о довольствии воинской части представляла собой в наиболее полном виде отчет за месяц из шести пунктов, по состоянию на первое число последующего месяца. В первом пункте ведомости имелись данные о снабжении личного состава части за прошедший месяц провиантом, лошадей фуражом. Здесь указывалось, получил ли личный состав части положенное денежное довольствие за прошедшую треть года. В последующих пунктах ведомости речь шла о снабжении нижних чинов мундирными и амуничными вещами на два года вперед, наличие положенного комплекта ружейных патронов, отмечалась обеспеченность порохом и свинцом для обучения стрельбе, а также сведение о состоянии оружия (все ли оно в исправности). В последнем пункте ведомости указывалось место дислокации воинской части на момент составления документа. Часто этот пункт дополнялся записью об отсутствии или наличии в воинской части «заразных болезней» среди личного состава, а также о наличии или отсутствии «скотского» падежа. Правда, по нашему наблюдению, далеко не все месячные полковые ведомости о довольствии содержали указанную информацию. Для примера представим образцы полковых ведомостей довольствия, составленные в полковых канцеляриях в полном и в сокращенном виде. К образцам данного вида документа, составленным по полной форме, можно отнести ведомости о довольствии Псковского пехотного полка за сентябрь 1812 г.⁷ и донского казачьего полка Иловайского 12-го за январь 1814 г.⁸

Приведем тексты этих ведомостей:

«Ведомость о удовольствовании Псковского пехотного полка двух действующих батальонов» на 1 октября 1812 г.

«1) За минувший сентябрь нижние чины мукою и крупною, вином и говяжьими порциями все сполна удовлетворены, а частью и десятидневным сухарным провиантом, принятым в натуре от корпусного обер-провиантмейстера 7 класса Малыгина, лошади верховые с 1-го, а подъемные и вьючные с 16 по 1 октября фуражом, одним только овсом, принятым в натуре через корпусное дежурство.

- 2) Нижние чины положенными мундирными и амуническими вещами по 1813 г. и 1814 г. двухгодовыми удовлетворены.
- 3) Боевых патронов полный комплект.
- 4) Порох и свинец на обучение стрельбе получен на 1812 г.
- 5) Ружья состоят в должной исправности.
- 6) Оный полк расположен бивуаком при селении Тарутине».

«Ведомость о удовлетворении донского казачьего полка Иловайского 12-го» на 1 февраля 1814 г.

«1) Нижние чины удовлетворены в январе провиантом, а строевые лошади по 9 января от обывателей под квитанции, а затем будучи во французском владении от разных мест.

- 2) Нижние чины обмундированы и сбруя у лошадей в наличии.
- 3) Боевых патронов на каждого человека по 15-ти.
- 4) На учение порох на текущий год не принят.
- 5) Состоящее на людях оружие в исправности.
- 6) Полк находится в действующей армии под командованием генерала Витгенштейна, в авангарде под командованием графа Палена».

Для примера приведем полковые ведомости о довольствии Бутырского⁹ и 19-го егерского полков¹⁰, составленные в урезанном виде:

«Ведомость о удовлетворении Бутырского пехотного полка двух действующих батальонов» на 1 декабря 1812 г.

«Деньги за майскую треть получили; провиантом по наличному числу людей удовлетворены, бранным под квитанции от обывателей и покупными на занятые из полковых сумм деньги; подъемные казенные лошади удовлетворены из полковых сумм денег, прилипчивых и заразных на людях болезней нет, конского падежа нет».

«Ведомость о удовлетворении 19-го егерского полка двух действующих батальонов» на 1 октября 1812 г.

«Провиантом с 1 сентября по 1 октября по наличному числу людей удовлетворены, подъемные лошади на подножном корму. Жалованием за майскую треть удовлетворены».

Из приведенных примеров видно, что общим недостатком ведомостей о довольствии было то, что они содержали не вполне сопоставимую между собой информацию. Причина этого недостатка первоначально состояла в отсутствии требования к строгой формализации полковых ведомостей о довольствии.

Всего нами были подвергнуты источниковедческому исследованию ведомости о довольствии 7 пехотных полков русской армии за июнь–декабрь 1812 г.: Псковского, Московского, Либавского, Томс-

кого, Бутырского пехотных, 19-го и 40-го егерских¹¹. А также одного донского казачьего полка Иловайского 12-го за июнь–декабрь 1812 г., за январь–декабрь 1813 г., за январь–март 1814 г.¹²

Правда, по нашему наблюдению, во всех ведомостях о довольствии вышеназванных полков, которые мы подвергли источниковедческому анализу, были указаны факты о наличии снабжения провиантом данных полков. Отсутствие довольствия провиантом было указано в ведомости только одного полка – казачьего Иловайского 12-го за июль 1812 г. Следовательно, нами выявлено, что основной показатель полковых ведомостей о довольствовании провиантам вполне сравним.

Причем, этот недостаток можно компенсировать, воспользовавшись общим большим массивом данного вида источников, с помощью составления репрезентативных выборок по определенным пунктам, в которых имеется сопоставимая информация. Например, по данным о наличии боеприпасов, о снабжении фуражом и т. д.

Необходимо также отметить как положительный факт общую количественную репрезентативность полковых ведомостей довольствования, отложившихся за 1812–1814 гг. в РГВИА, по отношению ко всей генеральной совокупности данного вида источников, которые в 1812–1814 гг. существовали.

Так в 489-м фонде за 1812 г. отложились месячные рапорты на 70 % полков русской армии, за 1813 г. – на 65 %, за 1814 г. эти документы отложились в архивных материалах на 57 % полков русской армии¹³. Практически ко всем полковым месячным рапортам приложены полковые ведомости о месячном довольствии.

Существенное дополнение к информации из месячных полковых ведомостей о довольствии содержатся в десятидневных корпусных рапортах русской армии за 1812 г., которые в текстовой своей части содержат информацию о снабжении личного состава пехотных и кавалерийских корпусов продовольствием, обмундированием, боеприпасами и т. п.¹⁴ Подробный источниковедческий анализ этого весьма объемного комплекса исторических источников в данной статье мы не приводим, это будет темой дальнейшей нашей работы. Тем ни менее можно уже сейчас утверждать, что с помощью данных о довольствии из корпусных десятидневных рапортов можно судить о своевременности снабжения всем необходимым личного состава корпусов в целом и отчасти воинских частей, в них входивших. Так, если из месячных ведомостей о довольствии мы можем получить

представление о полноте снабжения данной воинской части за месяц всем необходимым в целом, то из десятидневных рапортов имеем возможность получить информацию о перерывах в снабжении в течение отчетного месяца и сделать вывод об их системности или случайности. Правда, здесь следует отметить, что как комплекс десятидневные строевые рапорты отложились только в качестве корпусных рапортов. Такой источник как десятидневные полковые строевые рапорты среди архивных материалов РГВИА практически не отложились, выявлено в фондах архива только несколько подобных ведомостей за один–два месяца. По всей видимости, эти документы из-за их большого количества в Военное министерство не отсылались, а собирались на уровне армий и воинских объединений.

Таким образом, введение в научный оборот месячных полковых ведомостей довольствия воинских частей русской армии за 1812–1814 гг. будет способствовать изучению вопроса снабжения продовольствием, фуражом, денежным содержанием, амуницией, обмундированием, оружием и боеприпасами воинских частей русской армии в тяжелых военных условиях 1812–1814 гг.

¹ См.: РГВИА. Ф.489. Оп. 1.

² Там же. Ф. 11. Оп. 3. Д. 584. Л. 2–4.

³ История тыла и снабжения Русской армии. Калинин, 1955. С. 98.

⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1903. Главное интендантское управление. СПб., 1903. С. 377. 379–385.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. XXXII. СПб., 1830. № 24975; Вещиков П.И. Военное хозяйство Русской армии в Отечественной войне 1812 года // Пространство и время. М., 2012. № 3 (9). С. 20–21.

⁶ См.: ПСЗ. Т. XXXII. № 24975.

⁷ РГВИА. Ф.489. Оп. 1. Д. 738. Л. 256.

⁸ Там же. Д. 3433. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 136. Л.192.

¹⁰ Там же. Д. 1745. Л. 237об.

¹¹ Там же. Д. 739, 493, 453, 980, 136, 1745, 1832.

¹² Там же. Д. 3431, 3432, 3433.

¹³ Целорунго Д.Г. Месячные рапорты как исторический источник (по документам канцелярий воинских частей русской армии, участвовавших в Бородинском сражении и в кампаниях 1812–1814 гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2014. Ч. 4. С. 328.

¹⁴ См.: РГВИА. Ф. 103; Шведов С.В. Состояние корпусов 1-й западной армии в октябре–ноябре 1812 года: новые факты. http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Shvedov_01.pdf

Томаш Цесельский (Ополье, Польша)

ПОСЛЕДНИЕ БОЕВЫЕ ТРИУМФЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО – БИТВЫ ПОД ЛЯХОВЦАМИ И НАКВАШЕЙ

НАЧАВШИЙСЯ в 1700 г. вооруженный конфликт, вошедший в историю под названием «Великая Северная война», дорогой ценой обошелся Великому княжеству Литовскому и его жителям. Литовская армия приняла участие в нем с самого начала, так как уже в 1700 г. оказала поддержку саксонской армии во время инфляндской экспедиции. В этих военных действиях участвовало, по мнению саксонских историков XIX в. О. Шустера и Ф.А. Франке, 1600 литовских солдат, Я. Виммер считал, что численность войск Великого княжества следует оценивать в 3000 частной армии Сапег и 1200 легкой татарской конницы¹. В отношении этой последней речь может идти о литовском отряде, которым командовал литовский подстольник генерал-майор Михал Потоцкий, он под конец сентября 1700 г. присоединился к саксонской армии, но, возможно, говорится о двух разных военных частях. К издержкам, связанным с формированием и снабжением польско-литовских вспомогательных войск во время кампании 1700 г., добавились повинности на содержание саксонских отрядов, квартирующих в Паланге и Кретингском старостве, а главным образом – на постоянную армию Великого княжества Литовского, насчитывающую накануне войны 3760 единиц (плюс трибунальская хоругвь)².

Существенное участие в первоначальной фазе конфликта могло означать, что в войне, начатой королем Августом II Веттинским против Швеции, литовцы сыграют важную роль. Этого, однако, не случилось, что было обусловлено гражданской войной в Великом княжестве, которая незамедлительно привела к почти полному развалу литовской армии. Не задержала этого процесса, а напротив, усилила

и развила в следующие восемь лет битва, состоявшаяся под Олькениками (Валькининками) 19 ноября 1700 г. Совершившийся в ее результате политический и военный раскол Великого княжества был необычайно сильным и основательным³, так как лишённые сначала власти, а затем гражданских прав и имуществ Сапеги сохранили достаточно многочисленных сторонников, а также способность содержать и предоставлять военные части. Благодаря этому они сумели противостоять вооруженным силам республиканцев, даже несмотря на то, что последние уже под Олькениками создали новую армию Великого княжества в размере 7700 жолдовых ставок. Командование ею, а также уездными хоругвями отдали Михалу Сервецию Вишневецкому, имевшему титулатуру генерального полковника, а затем великого гетмана⁴.

Лагерь республиканцев, имевший военное и политическое превосходство после Олькеникской битвы, и стал официально считаться Литвой, поддерживаемой Августом II и начиная с 1702 г. связанной военно-субсидиальной системой с Россией. Сапеги, однако, стали союзниками Швеции⁵, в результате чего военно-политический потенциал республиканцев оказался слишком слаб, чтобы они были в состоянии благополучно для себя разрешить внутренний конфликт в Великом княжестве. Прежде всего, однако, «республиканская Литва» не была в состоянии защитить территории государства от шведской агрессии, а военные события весной–летом 1702 г. не оставляли сомнений, что поводом этого была слишком слабая и неподготовленная к войне литовская армия⁶.

Вспыхнувший вооруженный конфликт Великого княжества со Швецией быстро использовали Сапеги, которые в середине 1702 г. восстановили свои вооруженные силы. Пользуясь военной и финансовой поддержкой шведов, они сумели в последующие годы постоянно содержать по несколько тысяч солдат. Невозможно на основании сохранившихся источников точно определить, сколько их могло быть. Как минимум, следует принять численность в 3000, так как такое количество конницы Сапег использовали осенью 1706 г. шведы, действующие в Польше. Именно эти конные отряды приняли позорное участие в битве под Калишем 29 октября 1706 г.⁷

Республиканская Литва также увеличила компут (штат) армии Великого княжества до 12 000 ставок на основании принятого летом 1703 г. на сейме в Люблине решения⁸. Благодаря русским субсидиям такая армия вскоре была создана, увеличивая при этом финансовую

нагрузку на жителей Литвы. Однако действительные издержки войны были значительно выше, так как следует учитывать финансирование уездных хоругвей и экспедиционных частей, содержание союзнических русских войск, а также военные контрибуции, которые накладывали шведы⁹.

Республиканские вооруженные силы не сумели предотвратить фактическое ограбление Литвы, хотя периодически насчитывали даже до 20 000 солдат регулярной армии, уездных хоругвей, частных отрядов и магнатских милиций. Участвовали они в крупномасштабных военных операциях; так, например, в 1703 г. около 6000 литовских солдат действовало на польской территории совместно с коронными и саксонскими войсками, а в 1704 г. несколько тысяч литовцев при поддержке русских заняли Курляндию и осаждали Селпилс¹⁰. Однако эффект этих действий был минимальным, а курляндская экспедиция 1704 г. закончилась поражением, понесенным в столкновении со значительно более слабой шведской армией генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта под Кройцбургом (Екабпилс, Jekabilis, Jakobstadt) 5 августа 1704 г. (7000 шведов победили 18 000 литовцев и русских под командованием М.С. Вишневецкого). В результате военные успехи республиканской Литвы свелись к завоеванию Старого Быхова 10 октября 1702 г. и победам в незначительных столкновениях с силами Сапег, как, например, у Шкуд 1 сентября 1704 г. Относительно чаще с победой из таких стычек выходил противоположный лагерь, и можно здесь припомнить столкновения летом 1704 г. под Друей и Янишками или же зимой 1706 г. под Олитой и Олькениками. Однако именно войска Сапег внесли свой вклад в крупные победы Лёвенгаупта над литовско-русскими и русскими армиями¹¹.

Истоки литовских военных неудач в 1701–1706 гг. главным образом лежат в политико-военном расколе Великого княжества Литовского, а также в недостатке способностей у командного состава. Часто проявлялись нерешительность, недостаток веры в собственные силы, а возможно, даже обыкновенная трусость. Чем еще можно было бы объяснить решение Михала Сервация Вишневецкого и жмудского старосты Григория Антония Огинского сдать в апреле 1702 г. Вильно и уклониться от битвы со шведско-сапегинской группировкой Карла Густава Мернер аф Морланда и Магнуса Стенбока, хотя, по данным Игнация Ольшовского, они располагали 20 000 вооруженных людей, а силы неприятеля следует оценить максимум в 10 000 солдат¹²?!

Военно-политическая ситуация на Литве изменилась зимой 1707 г., когда на сторону Карла XII и Станислава Лещинского перешел великий гетман Вишневецкий. Взамен за обещание сохранить на государственных постах его брата (краковского воеводы Януша Антония Вишневецкого) и еще нескольких сторонников, а также учитывать их при присвоении новых достоинств и староств, Михал Сервецкий согласился передать власть великого гетмана литовского виленскому воеводе Казимиру Яну Сапеге, сам довольствуясь полевым гетманством. Вишневецкий привел за собой большую часть армии Великого княжества, тем временем на стороне русских осталась только дивизия Григория Огинского и небольшие группировки Людвика Константина Потеля и Казимира Заранки¹³. Это позволило объединить большую часть литовского военного потенциала под скипетром Станислава I (а точнее – под властью Карла XII).

Изменения, произошедшие в 1707 г., привели к ухудшению политической и военной ситуации Великого княжества Литовского, поскольку реакция царя Петра I на отступничество Вишневецкого была быстрой и решительной. Русские армии сначала в июне 1707 г. заняли Старый Быхов, ликвидируя контролирующую до тех пор восточную часть белорусской территории группировку генерала артиллерии Кшиштофа Казимира Сенницкого, который только несколькими неделями ранее из рьяного «республиканца» превратился в подданного Станислава Лещинского. Затем русские предприняли наступление в западном направлении и, не встречая практически никакого сопротивления, овладели большей частью территории Великого княжества от Днепра до Вильно, Ковно и Бреста-Литовского. Войска, верные Вишневецкому, отступили в направлении Жмуди, где получили поддержку шведской и сапегинской армий¹⁴.

Военно-политическая ситуация изменилась в январе 1708 г., когда на земли Литвы вступила шведская армия Карла XII. Поддержанная литовским войском, она заставила русских поспешно отступить на Инфлянты и в окрестности Витебска. В марте 1708 г. Михал Сервецкий Вишневецкий и Казимир Ян Сапега, выполняя решения, принятые в предыдущем году, объединили свои военные группировки в лагере под Гераненами, создавая армию «из двух в единство соединенных». Насчитывала она 12 000 единиц, состояла из 7 гусарских хоругвей – 820 коней, 23 пятигорских и панцерных – 2520 коней, 3 полков легкой кавалерии – 2000 коней, 3 региментов рейтар – 1900 коней, 3 драгунских региментов – 2100 коней и 4 региментов

пехоты – 2700 единиц¹⁵. Через два месяца, 14 мая 1708 г. командование армией и титул великого гетмана литовского были переданы генеральному старосте великопольскому и бобруйскому Яну Казимиру Сапеге¹⁶, который был, пожалуй, наиболее талантливым литовским командующим времен Великой Северной войны.

Литовские союзники русских зимой и в начале весны 1708 г. потеряли часть своих воинских частей, которые перебежали в армию Сапег. Самая крупная группировка – дивизия под командованием Огинского, лишенная поддержки русских войск, была разбита шведами над рекой Орешей вблизи Любани и отступила на Вольнь¹⁷. В середине 1708 г. Ян Казимир Сапега предпринял попытку разбить дивизию Огинского, но последняя уклонилась от битвы, укрывшись в недоступных болотах в районе Сокаля, где дождалась помощи коронной армии великого гетмана Адама Николая Сенявского. Теперь Сапега, в свою очередь, не решился начать сражение с врагом, превышающим его численностью, и отступил под Брест-Литовский. Однако и он смог вскоре похвастать военными успехами, поскольку посланный на белорусскую территорию сильный отряд Валентина Хмары разбил в Мозырском уезде несколько хоругвей, признающих власть Огинского, а затем вытеснил русских из Орши¹⁸.

До весны 1709 г. Сапега эффективно оборонял территории Великого княжества, одновременно расширяя, довооружая и обучая литовскую армию. Основные ее силы расположились на квартирах в Пинском и Брестском уездах, а гетманская штаб-квартира находилась в Косове Подляском¹⁹. В феврале 1709 г. посетил Сапегу минский староста Кшиштоф Завиша, который в Косове – как записал он в своих мемуарах – провел четыре недели, «как в раю», в отборном обществе множества пань, государственных и военных служащих, с которыми «человек мог бы жить и до смерти»²⁰.

Период интенсивной жизни местного общества, приемов и игр длился не только на протяжении всего карнавала (до 12 февраля), но затянулся и на период поста. Под конец первой декады марта, в свою очередь, у Завиши в Роготной гостило многочисленное общество, прибывшее из Косова и с закончившего 23 февраля 1709 г. Главного Трибунала Великого княжества Литовского²¹. В этих встречах участвовали, кроме великого гетмана Яна Казимира Сапег и виленского воеводы Казимира Яна Сапег, также троцкий воевода Ежи Станислав Сапега, генерал-майор Юзеф Сапега, чашник литовский Кшиштоф Вершина, минский хорунжий Ян Завиша, мечник литовс-

кий Александр Пшездецкий и другие сановники, чиновники, трибунальские депутаты и юристы. Военное командование, помимо Сапег, представляли полковники Казимир Урбанович (служил у Станислава Лещинского, а не в литовской армии), (Анджей?) Конаржевский и Леон Новосельский (одновременно гетманский бунчучный)²².

В Роготной 8–9 марта 1709 г. состоялось совещание, на котором, видимо, было принято решение о приведении литовской армии в состояние полной боевой готовности. Это была реакция на обращения к литовцам Карла XII и Станислава Лещинского с целью побудить их предпринять решительные военные действия. Однако, если верить так называемой «Литовской хроничке», Ян Казимир Сапега еще долго не спешил начинать наступление против русских войск, их польских и литовских союзников. Поводом была агитация Эльжбеты Сенявской, которая уговаривала бобруйского старосту перейти на сторону русских, обещая ему сохранение гетманской булавы, хотя только полевого гетманства, так как титул великого гетмана должен был получить Григорий Огинский. Пассивность литовской армии могла привести к ссоре Сапег со Станиславом Лещинским, но эту ситуацию удалось смягчить, обмениваясь корреспонденцией, хотя появились и сообщения о мнимой поездке короля под Брест²³. Известно, действительно ли имело место посредничество Сенявских, гетмана Адама Николая и его жены Эльжбеты, целью которого было бы примирение Сапег с Григорием Огинским, срыву же которого способствовали главным образом переговоры последнего с князьями Вишневецкими²⁴. Эта информация заставляет осторожнее подходить к вопросу о том, что было главной целью экспедиции литовских войск весной 1709 г. на Волынь – оказание ли поддержки шведско-польским войскам Станислава Лещинского и генерала Карла Эрнста фон Крассова, пытающимся тогда пробиться к находящейся на Заднепровской Украине шведской армии Карла XII, или же желание разгромить дивизию главного соперника, претендующего на власть над литовской армией, – Огинского. В другом повествовательном источнике, повести монаха-базилианина Яна Олешевского «*Abrys domowey nieszcześliwości*» можно найти информацию о том, что главной причиной проведения волынской экспедиции было желание обеспечить армию лучшими условиями расквартирования на Волыни, чем это имело бы место в разоренных окрестностях Бреста²⁵. Под конец второй декады марта 1709 г. Ян Казимир Сапега созвал в лагере командный состав, в числе которого был и Кшиштоф Завиша, за-

писавший в своих мемуарах, что он выступил в этот военный поход как под влиянием словесных уговоров гетмана, так и ввиду материального побуждения, так как получил коня с полным снаряжением, пару тягловых коней и «турецкую саблю»²⁶. Не все войско получило приказ марша на Волынь, так как в Великом княжестве оставались под командованием генерал-майора Юзефа Сапеги 72 хоругви конницы, 1000 рейтар и 2 пехотных регимента, разделенных на четыре группировки²⁷.

В Вербное Воскресенье, то есть 24 марта, Сапега направился в военный лагерь и приказал начать марш. Через Камень Каширский и Несухойже²⁸ войско прибыло в Ковель, в котором провело пасхальные праздники (31 марта – 1 апреля). Командный состав принимал у себя в это время староста острешовский и ковельский Стефан Лещинский. Далее войско промаршировало около 75 км на юг под Локачи²⁹, где была организована штаб-квартира литовской армии. Военные отряды расположились в близлежащих местностях. По польским донесениям Сапега располагал, по крайней мере, 50 хоругвями конницы народного авторамента, 500 рейтарами и каким-то числом драгун, по мнению же русских – 56 хоругвями конницы и 16 эскадронами рейтар³⁰. Как кажется, это была кавалерийская дивизия, насчитывающая около 5000 солдат.

После нескольких дней отдыха, которые – как следует из «Relacji o Akcjey między Lachowcami i Białohorodką z generałem Inflantem i Jm Panem Ogińskim» – позволили также провести разведку местности, узнавая расположение подчиненных Григорию Огинскому частей и русских войск генерал-майора Николая Ифлянта³¹, Ян Казимир Сапега приказал начать дальнейшее продвижение. Автор «Литовской хронички»³² считает, что гетмана уговорил прибывший в Локачи эмиссар Станислава Лещинского, подканцлер литовский Станислав Антоний Щука³³.

В соответствии с гетманским приказом армия должна была продвигаться вдоль тракта, ведущего через Берестечко и Кременец под Ляховцы. Главной целью, стоящей перед Сапегой, была внезапная атака дивизии Огинского в местах ее расквартирования и, по возможности, уничтожение или же нанесение таких потерь, которые длительное время не позволили бы ей участвовать в военных действиях. Это казалось возможным ввиду численного перевеса группировки Сапеги над врагом, так как Огинский и Ифлянт располагали 3000–3500 литовских и русских солдат. Кроме того, квартировали

они в отдаленных друг от друга на около 16 км местностях Ляховцы³⁴ и Белогородка³⁵ в северной Вольни над рекой Горынью. С западной стороны группировку, которой командовал Огинский и Ифлянт, охраняли разьезды и форпосты, выставленные литовской кавалерией. По крайней мере, так дислокацию неприятельских сил представил Ян Казимир Сапега в «Relacji o Akcjej między Lachowcami i Białohorodką...», последняя же является самым обширным источником, описывающим экспедицию литовской армии³⁶. Ценным ее дополнением служат воспоминания Кшиштофа Завиши, командира той части армии, которая сыграла решающую роль в боях с врагом³⁷. Третьим источником является «Литовская хроничка», созданная в кругу недоброжелательно настроенных по отношению к Сапеге Вишневецких³⁸.

Сравнивая приведенную в них информацию, можно констатировать, что Ян Казимир Сапега одним из главных факторов достижения успеха считал быстроту марша и элемент внезапности. Поэтому, начиная марш 9 апреля³⁹ из Локачей, поделил своих подчиненных на несколько отрядов, и только их командиры были информированы о цели экспедиции, маршруте и месте соединения армии. Последнее произошло между Берестечком и Кременцом, т. е. почти в половине дороги до Ляховцев. К тому времени авангард Сапегы ликвидировал часть разьездов и выдвинутых вперед постов врага, от пленников получая точную информацию о месте расквартирования Огинского. Не встретили при этом никакого сопротивления, пока не приблизились к Малым Загайцам, отдаленным на около 26 км от Ляховцев⁴⁰. В тамошнем монастыре базилианов, окруженном рвом и валом, укрылось несколько десятков подчиненных Огинского под командой поручика или ротмистра Тарнавского. Они оказали отчаянное сопротивление, которое не сумели сломить несколько кавалерийских хоругвей под командованием ротмистров Миронского и Кошеновича. В этой ситуации Сапега решил послать им пополнение и дополнительно, не желая обнаружить свое присутствие, в Малые Загайцы отправил Завишу, который должен был склонить защитников монастыря к капитуляции. Однако минский староста ничего не добился, а лишь подвергся оскорблениям со стороны Тарнавского. В этой ситуации Сапега привел под Малые Загайцы целую дивизию, приказал спешить почетовых (челядников) части хоругви, которые и взяли монастырь штурмом. Тарнавский был расстрелян в наказание за оказанное сопротивление и заносчивое поведение, но главным образом для того, чтобы запугать других подчиненных Огинского⁴¹.

Бой за Малые Загайцы сдержал марш дивизии Сапеги, так как после занятия монастыря появилась необходимость распорядиться об организации отдыха, продолжавшегося до вечера 10 апреля. Наверное, это способствовало относительно раннему предупреждению Огинского о грозящей ему опасности. По мнению автора «Литовской хронички», до боя за Загаецкий монастырь дивизия Сапеги двигалась быстро и «тихо», поскольку после Берестечка она обходила все поселения. Однако экономя кременецких имений Вишневецких, услышав отзвуки боя или же случайно заметив передвижения литовской армии, уведомил об этом Огинского почти в последний момент, ночью с 10 на 11 апреля, когда под Ляховцы подходили части Сапеги⁴². Из донесения последнего известно, что вечером 10 апреля он дал приказ выступать, хотя кони еще не успели достаточно отдохнуть. Гетман хотел застигнуть врага ночью, но эта ночь была слишком темной, и после перехода около 10 км он был вынужден задержать марш. Возобновил его через несколько часов, и на рассвете отряды остановились над Горынью. По мнению Сапеги, только тогда его подчиненных обнаружил один из караульных постов врага и предупредил Огинского об опасности. Староста жмудский приказал немедленно отступить, что было выполнено исправно, так как авангард Сапеги под командой брестского каштеляна Григория Коптя и Кшиштофа Завиши застал в Ляховцах только караул аррьергарда Огинского⁴³. Кавалерийские хоругви авангарда после занятия поселения кинулись в погоню за врагом и добрались до реки Уловы, переправу через которую защищали русские гренадеры, располагающие одной пушкой. Завиша ввязался в бой с ними до подхода главных сил дивизии Сапеги. Ввиду численного перевеса литовцев русские отступили на восточный берег речки, повреждая и загорая таборными возами мостовую переправу. Однако это не удержало атаки дивизии Сапеги, так как три кавалерийские хоругви сумели преодолеть водное препятствие, захватить и удержать плацдарм на мосту. Постепенно через речку переправилась вся дивизия, что позволило литовцам сломить сопротивление русских гренадер и ворваться в Белгородку. Сапега ожидал, что Огинский и Ифлянт вступят с ним в бой, защищая штаб-квартиру русского генерала, но этого не произошло. Литовско-русские армии продолжали поспешное отступление, останавливаясь лишь в отдаленной на 60 км Лабуни⁴⁴ (Сапега) или в Озоховцах⁴⁵ («Литовская хроничка», письмо А. Меншикова). Помочь им старалась иррегулярная русская конница (казацкая и ва-

лашская) под командованием полковника А. Танского, но отступила, получив известие о поражении в стычке под Ляховцами-Белгородкой. Сапега после занятия Белгородки, в которой добыли не только обозы и запасы неприятеля, но также и генеральскую кухню, сдержал марш и 12 апреля приказал начать отступление к Берестечку, куда гетманская дивизия прибыла еще в тот же день⁴⁶.

Ян Казимир Сапега и Кшиштоф Завиша не сомневались в решительной победе литовцев. Гетман в своем донесении подчеркнул два факта: враг бежал и оставил победителю значительную материальную добычу. Потери в частях, которыми командовал, оценивал как незначительные⁴⁷. Завиша в своих воспоминаниях утверждал, что неприятель был изгнан с занимаемых квартир, теряя «множество обозов» и «несколько сотен Москвы, прежде всего, хорошо обмундированных гренадер». Добавил к этому и смерть Ифлянта, который «с отчаяния после поражения и постыдного бегства в неделю умер»⁴⁸. Автор «Литовской хронички» тоже несколько не сомневался, что дивизия Сапеги победила, хвалил мужество гетмана, который, когда его отряд был задержан при переправе через речку, спешил своих людей и лично повел их в атаку. Что касается случая смерти Ифлянта, то приписывал его чрезмерному пьянству с генералом Грановским⁴⁹.

Известен мне только один источник, приписывающий победу русско-литовской стороне – письмо генерала Александра Меншикова к царю Петру I от 25 апреля 1709 г. Из него следует, что Сапега застиг дивизию Огинского пребывающей на квартирах, но на помощь прибыл генерал Ифлянт во главе 500 человек. Они вступили под Белгородкой в победоносную схватку с бобруйским старостой. Сапега, видимо, потерял «несколько» человек, а равно несколько военных значков, вероятно, принадлежащих хоругвям. По его сообщению, с русской стороны погибло 5, а ранен 31 драгун⁵⁰. В очередном письме Меншиков передал царю полученное от великого коронного гетмана А.Н. Сенявского известие о смерти генерала Ифлянта⁵¹.

После битвы под Ляховцами-Белгородкой великий гетман литовский остановил проведение наступательной операции и на протяжении 6 недель стоял лагерем в Берестечке, проводя переговоры с собранной на сеймике волынской шляхтой об условиях содержания своей армии, а также якобы о снабжении своей «кухни»⁵². Одновременно солдаты отдыхали, а командиры развлекались охотой⁵³. В это время продолжались также консультации со Станиславом Лещинским, который вместе с польскими и шведскими войсками под коман-

дованием генерала фон Крассова в марте 1709 г. оставил Великую Польшу⁵⁴, передислоцировался в западную часть русского воеводства, организуя свою ставку в Высоцке. Вначале, 19 апреля, Сапега послал к королю Завишу, чтобы он разузнал, «что делать далее», а равно сориентировался о том, ведутся ли переговоры с командующим войсками сандомирской конфедерации гетманом и белзским воеводой Адамом Николаем Сенявским. Минский староста был хорошо принят в Высоцке, король Станислав Лещинский одарил его турецким конем, обещал пенсион в размере 3000 талеров и первый же освободившийся министерский пост Великого княжества Литовского. В королевской ставке Завиша пребывал 5 дней, но в лагерь под Берестечком возвратился лишь 3 мая⁵⁵. Неизвестны результаты его миссии, однако известно, что 7 мая Ян Казимир Сапега передал командование минскому старосте и лично отправился к королю⁵⁶.

После возвращения из Высоцка, 20 мая гетман отослал из Берестечка обозы под конвоем нескольких конных хоругвей, а остаток своей дивизии привел в состояние боевой готовности в связи с появлением под Вишневецом неприятеля⁵⁷. Это был авангард созданного в декабре 1708 г. «Заднепровского корпуса» под командованием генерал-фельдмаршал-лейтенанта Генриха фон дер Гольца, которому Петр I поручил задание не допустить вторжения на восточную Украину шведско-польских войск Станислава Лещинского и генерала фон Крассова. Вначале Гольц получил приказ не отдаляться от линии Днепра в западном направлении более чем на 20 миль (около 150 км) и поэтому зиму провел в Киеве. Петр I 15 января 1709 г. расширил дальность действия корпуса в западном направлении, но Гольц лишь в феврале или марте послал в глубь территории Речи Посполитой в качестве передовых отрядов части генерал-майора М. Ифлянта и полковника А. Танского с 3 драгунскими regimentами и полком валашской конницы (с частью этих отрядов Сапега столкнулся под Ляховцами). Сам фельдмаршал начал марш во главе основных сил корпуса, которые состояли из 3 драгунских и 3 regimentов пехоты, лишь на переломе апреля и мая 1709 г.⁵⁸ через Пиков и Плоскуров прибыл в Черный Остров⁵⁹, где соединился со своим авангардом, литовским войском Огинского и коронным Сенявского. На состоявшемся в начале второй половины мая совещании командующих союзнических армий было решено продолжить марш на запад, при этом русские части должны были продвигаться трактом, который далее всего был выдвинут на север и вел через Подкамень⁶⁰. Гольц включил в свой

корпус отряды, составлявшие до сих пор авангард, поэтому его силы увеличились до 6 драгунских, 3 пехотных полков и полка валашской конницы, и если численность частей тогда приближалась к штатному расписанию, то располагал более 10 000 солдат⁶¹. В литовской армии полагали, что русский корпус насчитывал 5 драгунских и 6 пехотных полков, т. е. более 12 000 солдат⁶². В битве у Подкаменя участвовала только часть из этих войск, но даже если это было только 6 полков, то и так русские были значительно сильнее в сравнении с литовской группировкой, в состав которой, по информации Сапеги, входили 33 пятигорские и панцерные хоругви, 7 татарских хоругвей и 300 рейтар и драгун⁶³. Завиша считал, что после того, как были отосланы обозы, у гетмана осталось 3000 солдат⁶⁴.

Неизвестно, имел ли Сапега понятие о значительном численном и огневом перевесе врага. Кажется, что нет, а обмануло его то, что корпус Гольца был сильно растянут на местности и казался гораздо более слабым, чем был в действительности. Автор «Литовской хронички» считал, что Сапега, предпринимая марш на врага, ожидал встретить слабую дивизию Огинского⁶⁵. Достоверно то, что после трех дней выжидания великий гетман литовский 23 мая отправился в направлении Почаева⁶⁶, поделив дивизию на две части. В первой, которой командовал ротмистр Миронский, находилось 17 пятигорских и панцерных хоругвей, а во второй, которая из-под Берестечка выступила в пятом часу после полудня, основными силами командовал лично гетман. После ночного марша дивизия достигла Почаева и остановилась утром 24 мая в лесу. Тогда же от пойманного попа узнали о марше основных русских сил к Подкаменю, а по оценке разезда татарина Корицкого состояли они из 6 пехотных и 5 конных полков. Сапега принял тогда команду над передней охраной, состоявшей из легких хоругвей, поручая командование главными силами Завише. Литовский авангард, следуя в направлении Подкаменя, наткнулся около замка Цетнеров под селом Наквашей⁶⁷ на русский интендантский отряд, состоявший из нескольких сотен солдат, который он разгромил, взяв в плен 2 офицеров и 32 драгуна. Пленников Сапега отослал в тыл дивизии под конвоем татарской хоругви Рубая, сам ожидая под Наквашей подхода остальной части своего войска. Вскоре атаку на его позицию провела иррегулярная русская конница, но была эффективно отбита. Вслед за побитыми казаками и волохами прибыла регулярная русская кавалерия, которая потеснила легкую литовскую конницу. Сапега отреагировал на это, направляя в

бой свои главные силы⁶⁸. Литовцам способствовал рельеф местности, который не позволял русским развернуть строй, последние были скучены на небольшом пространстве, ограниченном лесами, болотистой местностью и рекой Иквою⁶⁹. Гетман лично руководил атакой, в которой литовская конница сошлась в рукопашном бою с русскими, заставляя их отступить⁷⁰. В этот раз неприятель использовал условия местности и укрылся в лесу, дожидаясь поддержки со стороны артиллерии и полков пехоты, приведенных князем Михаилом Голицыным. Ввиду численного и огневого превосходства русских, не располагая пехотой и артиллерией, Сапега, после трехчасового боя (с 14 до 17 ч.), приказал отступить. Уходящих из-под Накваши литовцев, преследовала на расстоянии около 10 км только иррегулярная русская конница под командой полковника Танского. Она не была серьезной угрозой для дивизии Сапеги, которая около 23 ч. достигла Берестечка, чтобы на следующий день, 25 мая выступить вслед за обозами. Однако, 26 мая не нашла последних в условленном месте под Крыловом, поскольку из-за слухов о разгроме гетманской дивизии обозы отошли под Дубно⁷¹.

Сапега и его подчиненные не считали, что были побеждены, а только вынуждены были оставить поле битвы после того, как нанесли врагу серьезный урон. В литовском лагере оценивали, что на русской стороне пало около 1000 человек, осталось много раненых, в плен попало 50 солдат. Собственные потери оценивались около 100 убитых, раненых и попавших в плен к русским, среди последних самым высоким по рангу был бунчучный гетманский Леон Новосельский⁷². Завиша считал, что была разгромлена русская конница, которая потеряла 800 убитыми и более 1000 ранеными, но «едва ли кто-то из них выжил». Собственные потери он оценивал в 150 убитых и раненых⁷³. Автор так называемой «Литовской хронички» тоже признавал, что литовцы не понесли «большого урона»⁷⁴. В своих мемуарах Завиша, который во время боя командовал основной литовской группировкой, отметил: «Победа у нас»⁷⁵, а «Relacja Podjazdu odprawionego J[ego] M[ości] Pa[na] Hetmana W[ielkiego] W[ielkiego] X[ięstwa] L[itewskiego] z Moskwą pod Podkamieniem d[ie] 24. Maj 1709» заканчивается гордым утверждением: «Так тогда Литва поприветствовала гостей»⁷⁶.

Противоположного мнения был фельдмаршал Генрих фон дер Гольц, который доложил царю Петру I, что 24 мая посланные им 1500 драгун разбили группировку бобруйского старосты, в состав

которой входило 5000 солдат и некое количество нерегулярного войска. С русской стороны пало 16, раненых было 25 солдат. Потери противника Гольц не был в состоянии оценить, если речь шла об убитых и раненых, но его подчиненные взяли в плен 48 литовских солдат во главе с бунчучным Леоном Новосельским и добыли 6 знамен⁷⁷.

Русским приписывала победу также часть польско-литовских хронистов. Ян Олешевский в «*Abrysie domowey nieszczęśliwości...*» соединил в одну битву под Ляховцами и Наквашей, в которой как будто бы Сапега не только потерял много людей, но также сам был в большой опасности и «еле спас здоровье свое». После понесенного поражения литовцы «ускользнули» на территорию Великого княжества и затем постоянно квартировали в районе Бреста⁷⁸. Автор «*Pamiętnika Wielkiej Wojny Północnej*» Вавжинец Ф. Раковский считал, что под Наквашей литовцы были разбиты, потеряв более 3000 солдат⁷⁹.

Такая оценка результата столкновения под Наквашей могла быть эффектом намеренных пропагандистских усилий прорусского лагеря, равно как и эхом паники, посеянной в рядах литовской армии солдатами, которые сбежали с поля битвы до ее окончания. В действительности литовская армия в порядке отступила через Берестечко в окрестности Каменца Литовского⁸⁰. В последующие недели она вела себя очень пассивно и не пробовала оказывать сопротивление русским армиям, которые с востока занимали литовские земли, в августе вступив в Минск. В начале октября 1709 г. основные литовские силы находились в окрестностях Клещелей на Подляшье. Командование антишведской коалиции направило против них из-под Сольца 9000 русских и польских солдат под командованием генерала Полонского. Сапега не принял бой, признал Августа II законным повелителем и 12 октября 1709 г. приказал всем частям, остающимся под его властью, а также находящимся вне лагеря, чтобы сделали то же самое⁸¹.

В 1709 г. последний раз в истории Речи Посполитой Обоих Народов литовская армия показала значительную боевую ценность. В двух битвах она сумела сразиться с русской армией как с равным противником, хотя последняя в то время становилась одной из лучших армий Европы. В значительной мере было это заслугой командного состава во главе с гетманом Яном Казимиром Сапегой, который сумел сначала соответственно подготовить армию, а затем мотивировать подчиненных к проявлению мужества и стойкости на

поле боя, также перед лицом превосходящего численностью и силой огня неприятеля. Комментируя состоявшуюся под Наквашей битву, Кшиштоф Завиша утверждал: «Достаточно было польскому войску три часа находиться под непрерывным огнем, биться и выдержать и одержать победу, а не было наших и 3000 в бою»⁸².

---

¹ Август II Польский к К.Я. Сапега, лагерь под Рыгой, 25.09.1700 // Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Zamoyskich. Д. 3055. Л. 93; «relacja gazetowa spod Rygi» сентябрь 1700 // Biblioteka Narodowa w Warszawie. Д. 3097. С. 270; Schuster O., Francke F.A. Geschichte der sachsichen Armees. Leipzig, 1885. Th. 1. С. 146; Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717). Warszawa, 1956. С. 52–53; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie» z 1701 r. i jego wpływ na unię polsko-litewską w czasach saskich // Zapiski Historyczne. Т. LI (1986). З. 1, С. 86; Ciesielski T. Wojsko litewskie w latach 1698–1709 // Wojny północne w XVI–XVIII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem / Ред. В. Дубаś, А. Зiemełска. Toruń, 2007. С. 168–169; Он же. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1700–1709 w świetle polskiej i litewskiej literatury pamiętnikarskiej // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы к 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилев, 2008, С. 356–357.

² Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos (LMAB). Fondas [Ф.] 17. Д. 177. Л. 180–195 об; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 166–167.

³ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 169 и сл.; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie». С. 86 и сл.

⁴ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 169–170; Staszewski J. «Postanowienie wileńskie». С. 86.

⁵ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 358; Вицько Д. Шведське наступлення 1702 р. у Вялікім Князстві Литовськім і спроба рестаурації Сапегаў // АРСНЕ. № 6 (117), червень 2012: Вайсвова гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. С. 9–13.

⁶ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 359–362; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 15–56.

⁷ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 174–175.

⁸ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 251–252; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 172.

⁹ Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 179–182.

¹⁰ Там же. С. 172–173.

¹¹ Ciesielski T. Działania wojenne. С. 361–367; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 56–59.

¹² Ignacego Olszowskiego Pamiętnik w czasów Augusta II-go Króla Polskiego // Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (BJ). Д. 9743. С. 63; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 359–360; Вицько Д. Шведське наступлення. С. 27–28.

¹³ Wiśniowiecki M.S. Dla pamięci o się którego roku działo // Przeździecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Т. 1. Wilno, 1841. С. 103; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 367–368; Он же. Wojsko litewskie. С. 173–174, 177; Rachuba A. Polityka nominacyjna Stanisława Leszczyńskiego na Litwie w latach 1705–1709 // Przegląd Historyczny. Т. LXXXIII, 1992. З. 4. С. 622–624.

¹⁴ Wiśniowiecki M.S. Dla pamięci. С. 103; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 368.

- ¹⁵ Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 400. С. 38–40; Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 331; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 174.
- ¹⁶ Rachuba A. Polityka nominacyjna. С. 627–628; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 176.
- ¹⁷ Lietuobos Nacionalinė Martyno Mažvydo Biblioteka, Vilnius. PR 728. С. 435.
- ¹⁸ Тzw. „Kroniczka litewska” // Львівська Наукова Бібліотека НАН України ім. В. Стефаника (ЛНБ). Ф. 5. Д. 2085. Л. 50б. – 6; Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości у wewnętrznej niesnaski, woyny Korony Polskiej i Wielkiego Xięstwa Litewskiego / Изд. F. Kulczycki. Kraków, 1899. С. 68–69.
- ¹⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 6, 17; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy... wojewody mińskiego (1666–1721) / Изд. J. Bartoszewicz. Warszawa, 1862. С. 141; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 369.
- ²⁰ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 141–142.
- ²¹ Там же. С. 142.
- ²² Там же. С. 142–143.
- ²³ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об.
- ²⁴ Там же. Л. 13–13 об.
- ²⁵ Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości. С. 69.
- ²⁶ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143.
- ²⁷ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 266; Универсал Я.К. Сапиехы 2.03.1709, письмо Я.К. Сапиехы Я. Сапеху 19.03.1709 // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. без номера строн. J. Wimmer. Wojsko Rzeczypospolitej. С. 339; Ciesielski T. Działania wojenne. С. 309–310.
- ²⁸ Местечко Несухоиже на Воляни, севернее Ковля (более 20 км), сейчас село Воля на Украине, находится в Ковельском районе Волинской области. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych ziem słowiańskich (SGKP) / Ред. В. Chlebowski, W. Walewski, F. Sulimierski. Warszawa, 1886. Т. VII. С. 117; [http://pl.wikipedia.org/wiki/Wola_\(obwód_wołyński\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Wola_(obwód_wołyński)), [02.10.2016].
- ²⁹ Местечко на Воляни южнее Ковля, сейчас Локачі. SGKP. Warszawa, 1884. Т. V. С. 697–688.
- ³⁰ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143–144, 269–271; Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I. Богудухов 14.04 (25.04).1709 // Полтавская битва 27 июня 1709 года. Документы и материалы / Ред. Е.Е. Рычаловский. Москва, 2011. № 268, С. 348.
- ³¹ Николай Юсторович Ифлянт (Ifflant Mikołaj – в русскоязычных источниках и литературе Ифлант, Ифланд, Инфлант Николай) – офицер русской службы с 1707 г. в звании генерал-майора. (Полтавская битва. С. 567–568).
- ³² Пшемьслав П. Романюк считает, что им был Януш Антоний Корибут Вишневецкий: Romaniuk P.P. «Ilias Polski» księcia Janusza Antoniego Wiśniowieckiego, czyli «Kroniczka litewska» i Pamiętniki Ignacego Olszowskiego // Kwartalnik Historyczny. R. CXVII. 2010. Z. 3. С. 71–78.
- ³³ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об. – 14.
- ³⁴ Ляховцы, местность в Волинской области Кременецкого уезда, с 1794 г. Острожского. Современное название Белогорье (Білогір'я) – центр Белогорского района Хмельницкой области Украины. SGKP. Т. V. Warszawa, 1884. С. 53–54; <http://uk.wikipedia.org/wiki/Білогір'я>; <http://bilogiryanobk.ucoz.ru/index/0-6> [02.10.2016].
- ³⁵ Белгородка – местность в северной части Волинской области в Заславском уезде над речкой Выдавкой. Сейчас Белгородка (Білогородка) – село в Изяславском районе

- Хмельницкой области Украины. SGKP. T. I. Warszawa, 1880. С. 190; http://uk.wikipedia.org/wiki/Білогородка_Ізяславський_район [02.10.2016].
- ³⁶ AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ³⁷ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143–144, 269–271.
- ³⁸ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 13 об. – 14 об.
- ³⁹ Relacji o Akcjej między Lachowcami i Białohorodką z generałem Infantem i Jm Panem Ogińskim // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.; У Завишы 7 апрель: Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 143.
- ⁴⁰ Сейчас Малые Загайцы (Малі Загайці).
- ⁴¹ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ⁴² ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14.
- ⁴³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144.
- ⁴⁴ Местность в Волинской области в Кременецком уезде, позднее Заславском на юго-восток от Заслава. Сейчас Новолабунь – село в Полонском районе Хмельницкой области Украины. SGKP. T. V. С. 563; [http://pl.wikipedia.org/wiki/Labuń_\(obwód_chmielnicki\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Labuń_(obwód_chmielnicki)), [02.10.2016].
- ⁴⁵ Село в Кременецком уезде Волинского воеводства: Liczba głów żydowskich w Koronie z taryf roku 1765 wyd. J. Kleczyński i F. Kluczycki. Kraków, 1898. С. 15.
- ⁴⁶ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144, 270; ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об.
- ⁴⁷ Relacji o Akcjej // AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudło [Д.] 1. Б. н.
- ⁴⁸ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 270–271.
- ⁴⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об. Нельзя однозначно подтвердить, о котором из братьев идет речь – Франтишке Иерониме или Станиславе. Вопрос о том, что один из них имел генеральский чин, не смог выяснить автор их биографий Ю.А. Геровский, хоть в отношении первого констатировал, что уже с 1708 г. был генералом: Granowski Hieronim Franciszek a також Granowski Stanisław, Polski Słownik Biograficzny. T. VIII. Wrocław, 1959–1960. С. 546–547, 550–551.
- ⁵⁰ Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I. Богудухов 14.04 (25.04).1709 // Полтавская битва. № 268. С. 348.
- ⁵¹ Письмо генерала князя А.Д. Меншикова Петру I... обоз под Борсклу 8.05(19.05).1709 // Полтавская битва. № 286. С. 367.
- ⁵² ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 14 об.
- ⁵³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144–145.
- ⁵⁴ Cieślak E. Stanisław Leszczyński. Wrocław, 1994. С. 60.
- ⁵⁵ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 144.
- ⁵⁶ Там же. С. 145.
- ⁵⁷ AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie (AR). Дз. II. Д. 2167. С. 1.
- ⁵⁸ Полтавская битва. С. 245, 559, 589.
- ⁵⁹ Село над Южным Бугом Подольского воеводства, 20 км западнее от Плоскурова (Хмельницкого), сейчас Черный Остров (Чорний Острів) в Хмельницком районе Хмельницкой области Украины. SGKP. T. I. С. 767; Чорний Острів; [http://uk.wikipedia.org/wiki/Чорний_Острів_\(сміт\)](http://uk.wikipedia.org/wiki/Чорний_Острів_(сміт)) [12.10.2016].
- ⁶⁰ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18.
- ⁶¹ Силы корпуса Гольца вычислены на основании: Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I. Kraków, 2010. С. 73–76, 121–122 и сл.
- ⁶² AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 2.

- ⁶³ Там же. С. 1.
- ⁶⁴ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁶⁵ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18.
- ⁶⁶ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 1. Завиша сообщает, что гетман 21 мая выступил с разездом «на самого генерала Гольца»: Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁶⁷ Местность, расположенная на небольшом расстоянии от Подкаменя в северном направлении, сейчас Накваша. SGKР. Warszawa, 1885. Т. VI. С. 889; <http://uk.wikipedia.org/wiki/Накваша> [08.10.2016].
- ⁶⁸ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 1–3.
- ⁶⁹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 3–4; ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷² AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 4.
- ⁷³ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 271.
- ⁷⁴ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 18 об.
- ⁷⁵ Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145.
- ⁷⁶ AGAD. AR. Дз. II. Д. 2167. С. 4.
- ⁷⁷ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 158, 300; См.: Письмо графа Г.И. Головкина Петру I... обоз под Полтавой 22.05 (3.06) 1709 // Полтавская битва. № 298, С. 383.
- ⁷⁸ Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości. С. 69–70.
- ⁷⁹ Rakowski W.F. Pamiętnik wielkiej wojny północnej / Ред. М. Nagielski, М. Wagner. Warszawa, 2002. С. 113–114.
- ⁸⁰ Там же. С. 145, 146, 273.
- ⁸¹ ЛНБ. Ф. 5. Д. 2085. Л. 19, 29–29 об; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 145–146, 273–275; Ciesielski T. Wojsko litewskie. С. 176; Тен же. Działania wojenne. С. 370.
- ⁸² Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy. С. 271.

И.П. Цуканов (Курск)

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

1990-Е ГОДЫ – качественно новый этап развития краеведения в России. С падением жесткой структуры централизма во всех областях общественной, научной и культурной жизни страны происходит значительное усиление самостоятельности российских регионов, а вместе с тем их экономическое, политическое и культурное обособление от Москвы. Отсутствие жесткой регламентации в области краеведения, прекращение или, по меньшей мере, значительное ослабление идеологического давления сверху привело к его более естественному развитию. Однако это имело и отрицательные последствия. Резкое изменение социально-экономической и политической ситуации на рубеже 1980–1990-х гг. существенно отразилось на развитии школьного краеведения и музеев. Это особенно коснулось тех музеев, которые в своем названии имели некую идеологическую окраску: ленинских, посвященных партийным и советским деятелям, героям революции и Гражданской войны, пионерской и комсомольской славы. Смена общественно-экономических отношений в стране привела к изменению воспитательных ориентиров. Навязывание общественными организациями и определенными лицами негативного отношения к понятиям «патриот», «патриотизм» способствовало, на наш взгляд, росту устойчивой бездуховности и открыто безнравственным отношениям в обществе. Поддержки со стороны государства были лишены во многих регионах России краеведческие детские объединения и поисковые отряды. В большинстве российских городов был снят Почетный караул у Вечного огня на братских могилах воинов Великой Отечественной войны.

Практически никаких новых поступлений в этот период действующие школьные музеи боевой славы не получали, так как за многие годы поиска ветераны частей и соединений отдали в музеи все экспонаты, которые имели, и написали воспоминания обо всем, что помнили. А ведь в каждом регионе было создано по пять–семь отрядов, ведущих одну и ту же тему, и ветераны не знали, кому порой отдавать предпочтение. Кроме того, многие из них ушли из жизни.

В справке Курского городского отдела народного образования за 1990 г. отмечалось: «В настоящее время снизилась посещаемость школьниками музеев. Так, в течение календарного 1989 года в музее «Юные защитники Родины» не было учащихся 18 школ города. Только недооценка руководителями школ, учителями, воспитателями роли патриотического воспитания в нравственном становлении граждан может служить одной из причин создавшегося положения. Другой причиной является слабая работа, как в школах, так и в самих музеях по поиску новых форм привлечения детей к изучению истории родного края»¹.

Руководители школьных краеведческих исследований учащихся и школьных музеев переживали чувство растерянности, ощутив бесполезность своей бескорыстной деятельности. Почти полное прекращение финансирования системы образования, социальная незащищенность педагогов, обнищание большей части населения пагубно сказались на состоянии системы внешкольного образования детей.

Перемены, произошедшие в государстве, общественной жизни в конце 1980-х – начале 1990-х годов, негативно отразились на состоянии туристско-краеведческого движения. Деидеологизация общества и появление новых приоритетов привели к изменению содержания деятельности образовательных учреждений. Значительно сократилось участие детей в организованных объединениях. Всесоюзная пионерская организация и ВЛКСМ прекратили свое существование. В то же время многие педагоги школ и внешкольных учреждений, воспитанные на традициях отечественной школы, пионерской и комсомольской организаций, понимали, что отказ от воспитательной работы с учащимися может иметь весьма негативные последствия. И после короткого периода застоя начался процесс постепенной реанимации различных форм детских объединений, ставящих перед собой цель занять детей интересным и полезным делом. Одним из наиболее привлекательных для подростков направлений деятельности стало краеведение.

Поскольку Всесоюзная экспедиция «Моя Родина – СССР» прекратила свое существование в 1989 г., ее необходимо было чем-то заменить. Впервые о создании нового туристско-краеведческого движения было заявлено на X Всесоюзном пионерском слете в «Артеке» (21.09–2.10.1990 г.). Там была представлена программа «Судьбы России», разработанная Центром детско-юношеского туризма (ЦДЮТ) РСФСР. В программу входили следующие целевые программы: «Возрождение культуры», «Летопись родных мест», «Забытые захоронения», «Книга памяти», «Экология», «Уходящие деревни», «История местного краеведения», «Устная история», «Разрушенная память» и др.

Программа дорабатывалась и совершенствовалась творческим коллективом, включавшим сотрудников ЦДЮТ РСФСР, руководство Союза краеведов России и ряд специалистов. Полный текст программы Всероссийского туристско-краеведческого движения учащихся «Отечество», включавшей девять целевых программ: «Летопись родного края», «Экология», «Великая Отечественная война», «Литературное краеведение», «Школьные музеи», «Этнография», «Археология», «Геология» и «Путешествие по малым городам России», впервые был опубликован в «Вестнике детско-юношеского туризма в России»². Таким образом, с ее содержанием смогли познакомиться педагоги. Это дало возможность нацелить детские коллективы на работу по программам нового движения. В октябре 1994 г. Программа движения «Отечество», после некоторой переработки и редактирования, была представлена на Всероссийской научно-практической конференции по проблемам краеведения в Калуге, организованной Министерством образования РФ. На конференцию были приглашены представители органов образования, культуры, учителя, преподаватели педагогических вузов. Одним из главных итогов конференции стало одобрение программы туристско-краеведческого движения учащихся РФ «Отечество». В последующие годы работа над содержанием программы движения и целевых программ, входящих в нее, была продолжена.

В марте 1993 г. в Москве состоялась конференция активистов движения «Отечество», положившая начало проведению ежегодных научно-практических конференций школьников России. Фактический старт массовому туристско-краеведческому движению учащихся РФ «Отечество» был дан в июле (Москва) и сентябре (Владивосток, Всероссийский детский центр «Океан») того же года на слетах юных

туристов-краеведов России. Таким образом, с 1993 г. началось широкое распространение программы, стала складываться система мероприятий, проводимых в рамках движения «Отечество»³.

Движение «Отечество» вобрало в себя лучшие традиции школьного краеведения и опыт, наработанный на местах. Основной его смысл – помочь детям лучше узнать свой родной край, глубже понять особенности его природы, истории и культуры, их взаимосвязь с природой, историей и культурой страны и мира, принять участие в созидательной деятельности, развить свои способности. Движение базируется на двух принципиальных положениях: добровольности участия и использовании средств туризма и краеведения в деятельности детских коллективов.

Программа движения намечает основные направления, тематику и ориентиры туристско-краеведческой работы, позволяет юным туристам-краеведам и их руководителям выбрать интересное, посильное для реализации и общественно полезное дело. Юные туристы-краеведы проводят исследовательские походы и поисковые экспедиции, разрабатывают туристско-краеведческие маршруты, составляют географические и иные описания, фиксируют воспоминания старожилов и свидетелей исторических событий, пишут краеведческие очерки, собирают документальные и вещественные памятники для школьных музеев.

II Всероссийская конференция активистов движения «Отечество» (1994) проходила отдельно для европейской части России в марте в Москве (231 участник, работали секции: «Краеведение и культура», «Великая Отечественная война», «Краеведение и экология», «Археология», секция руководителей) и для Сибири и Дальнего Востока в апреле в Красноярске (80 участников, работали секции: «Краеведение и образование», «Великая Отечественная война», «Путешествия и открытия», «Краеведение и здоровье», секция руководителей). Следующая Всероссийская конференция военных историков, посвященная 50-летию Победы (Москва, март 1995 г.), объединила представителей европейской и азиатской частей России. Она работала по направлениям военных историков, школьных музеев, культурного и природного наследия. Начиная с IV конференции (Москва, март 1996 г.) впервые был выпущен сборник тезисов выступлений участников конференции⁴. Эта практика была продолжена на следующих конференциях⁵.

Программа «Отечество» была утверждена в декабре 1998 г. Министерством общего и профессионального образования Российской

Федерации и Союзом краеведов России⁶. Движение стало включать 19 программ, в том числе «Военная история России», «Великая Отечественная война», «Дети и война», «Поиск», «Школьные музеи». Участникам движения давалось право работать по федеральным программам или по своим региональным, тематическим, целевым и иным.

Рост количества участников движения и соответственно заявок на участие в конференциях привел к тому, что с 1999 г. конференции начали проводиться в два потока, а в 2000 г. было организовано три потока. Причем первый и второй потоки VIII Всероссийской конференции посвящались 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и проводились весной, а на третьем потоке, прошедшем осенью, были представлены доклады, тематически не связанные с годовщиной Победы. Были изданы два сборника большого формата⁷, в которые вошли тезисы и аннотации работ почти пятисот участников конференции. На этом выпуск сборников был прекращен.

Мероприятия, проходившие в рамках движения «Отечество», способствовали росту интереса учащихся к истории, культуре и природе родного края, особенно в российской провинции; росту количества краеведческих объединений и музеев образовательных учреждений. Конкурсы, слеты, конференции участников движения стали проводиться во многих регионах России. Постепенно складывалась система конкурсов в масштабах страны – от муниципальных до всероссийских.

Признание успехов исследовательской деятельности юных краеведов было выражено в том, что четыре лауреата XIII Всероссийского конкурса исследовательских краеведческих работ обучающихся «Отечество», посвященного 60-летию Победы в Великой Отечественной войны, были номинированы на получение стипендии за успехи в области образовательной деятельности, культуры и спорта в 2005 г. В 2006 г. 64 победителя и призера Всероссийского конкурса были удостоены Президентской премии, учрежденной для поддержки талантливой молодежи.

С 1993 г. Министерством образования Российской Федерации начала проводиться работа по укреплению и развитию движения детских и молодежных поисковых отрядов и краеведческих клубов учреждений образования России, оказанию помощи педагогам – руководителям поисковых отрядов и школьных музеев, созданию условий для повышения качества их деятельности. По решению участни-

ков Всероссийской конференции поисковиков в 1994 г. при Центре развития системы дополнительного образования детей Минобразования России (ЦРСДОД) был организован Совет педагогов-поисковиков – представителей различных регионов России, созданный для решения вопросов координации работы отрядов, выбора приоритетных направлений поисковой деятельности.

Важным делом нужно считать организацию и проведение Минобразованием России Всероссийских сборов детей и подростков-активистов поисковых отрядов и военно-исторических музеев образовательных учреждений. Первые из них, посвященные 50-летию Великой Победы, состоялись в Курске (январь 1995 г.), в МДЦ «Артек» (апрель–май 1995 г.)⁸.

Незабываемым для многих стало участие в I Всероссийском сборе поисковых отрядов образовательных учреждений, проведенном 4–10 января 1995 г. в Курске Комитетом по делам молодежи Курской области, Дворцом пионеров и Центром «Поиск» под эгидой Экспериментального центра краеведения, этнографии и туризма Министерства образования РФ. 22 региона России прислали лучших своих представителей. Участники обменялись опытом, побывали в музеях: краеведческом, Курской битвы, «Юные защитники Родины», «Командный пункт Центрального фронта», музеях школ № 43, 20, 35 г. Курска. Была развернута выставка поисковых материалов. Курский сбор положил начало дружбе школьников-поисковиков⁹.

Министерство образования РФ, совместно с Комитетом РФ по делам молодежи, в 1996–2008 гг. проводило во Всероссийском детском центре «Орленок» специализированные учебные смены, в которых участвовали подростки из России и Беларуси. Сотни школьников-поисковиков в общении со своими сверстниками из десятков регионов России, с руководителями поисковых отрядов – подвижниками поискового движения – обретали уверенность в правоте своего дела, делились опытом, накопленным в своих поисковых отрядах и школьных музеях¹⁰.

В сентябре 2003 г. в рамках специализированной смены «Команда XXI век» был проведен «Всероссийский сбор юных поисковиков». В «Орленке» побывали 120 юных поисковиков из 34 субъектов Российской Федерации. В рамках сбора была организована выставка-презентация поисковых объединений России, музея Боевой Славы, спортивные соревнования «Тропа поисковика», ключевое дело смены – конференция «Нам доверена Память...»¹¹.

Важными этапами осмысления педагогического феномена поиска на местах боев стали Всероссийские научно-практические конференции педагогов-поисковиков «Место боя как исторический памятник периода Великой Отечественной войны» (1995 г., Петрозаводск), «Психолого-педагогические аспекты поисковой работы» (1996 г., Екатеринбург), по итогам которых были изданы научно-методические сборники¹². В Петрозаводске 5–8 декабря 1995 г. в работе конференции приняли участие 76 человек из 27 регионов России, а также из Украины и Белоруссии. В ходе конференции на пленарном заседании и двух секциях: особенности поисковых работ последнего времени; психолого-педагогические аспекты поисковой работы, – участники конференции отметили, что поисковыми отрядами была проведена большая работа по вовлечению в научный оборот новых источников по истории Великой Отечественной войны, по обнаружению в архивах новых документов о боях, о погибших, об оставшихся в живых, по сбору их воспоминаний. Целенаправленно велась работа по изучению педагогического феномена поиска. Был создан ряд новых педагогических технологий¹³.

При поддержке ЦРСДОД с 1994–1996 гг. при поисковых объединениях России начали функционировать учебно-методические центры по вопросам совершенствования поисковой педагогики, подготовки кадров руководителей и актива поисковых отрядов: для поисковых отрядов Урала, Сибири и Поволжья – в Екатеринбурге; для поисковых отрядов южных областей России, Калмыкии и Краснодарского края – в Волгограде; для поисковых отрядов и объединений Черноземья – в Курске¹⁴. Учебно-методические центры имеют свои программы деятельности, издают методическую литературу, проводят семинары, участвуют в подготовке экспедиций.

Поисковые организации, в которых руководители ответственно подходят к подготовке и проведению экспедиций, проводят обучение этому сложному делу по программам, включающим в себя курс истории, основы техники безопасности, туристические навыки, медицинскую и специальную подготовку. Программы обучения молодых поисковиков разработаны в Свердловской, Новосибирской, Смоленской, Волгоградской, Курской, Ульяновской, Калужской областях, Республике Татарстан¹⁵. Программа учебно-методических сборов руководителей поисковых отрядов подготовлена в Курске¹⁶.

В рамках движения «Отечество» проводились Всероссийские смотры музеев образовательных учреждений, посвященные 50, 55

и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Прошедшие смотры не только показали состояние работы школьных музеев, но и вызвали новый патриотический подъем, дали импульс к более глубокому осмыслению истории Отечественной войны, судеб воинов, тружеников тыла, детей войны¹⁷.

За два с лишним десятилетия своего существования движение «Отечество» набрало силу и продолжает развиваться и привлекать в свои ряды новых педагогов и учащихся, расширять географию, активизировать работу в регионах. Об этом говорит, например, увеличение количества работ, поступающих на заочные этапы всероссийских олимпиад, конкурсов и чтений; рост количества команд на слетах. В реализации программы принимают участие порядка 1 млн учащихся¹⁸.

Однако в развитии движения имеются и проблемы, которые связаны прежде всего с финансированием и материально-техническим обеспечением туристско-краеведческой деятельности. Другой проблемой является кадровое обеспечение: педагогический состав стареет, мало молодых педагогов приходит работать в учреждения дополнительного образования. Хотя в последние годы наблюдается приход в образовательные учреждения в качестве педагогов и методистов бывших воспитанников, прошедших школу конференций, конкурсов, олимпиад, слетов, лагерей, экспедиций туристско-краеведческого движения Российской Федерации «Отечество».

Туризм и краеведение являются важной составной частью социальной деятельности. Они способствуют творческому, физическому, общественному развитию подрастающего поколения. И в этом помогает реализация программ движения «Отечество».

---

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 1325. Л. 20.

² Вестник детско-юношеского туризма в России. 1993. № 5–6.

³ Из истории детского туризма в России (1918–2008). М., 2008. С. 200–201.

⁴ Там же. С. 201, 270.

⁵ См.: Всероссийская конференция участников туристско-краеведческого движения «Отечество». Сб. докладов. Вып. 1. М., 1997. 120 с.; Вып. 2. М., 1997. 140 с.; Вып. 3. М., 1997. 92 с.

⁶ Письмо Министерства общего и профессионального образования РФ от 7.12.1998 г. №653/19-15 «О программе туристско-краеведческого движения обучающихся Российской Федерации «Отечество» // Сборник нормативных правовых документов и

материалов по поисковой деятельности в системе образовательных учреждений Российской Федерации. М.: ЦРСДОД, 2001. С. 49–54.

⁷ См.: VIII Всероссийская конференция участников туристско-краеведческого движения «Отечество». Сб. тезисов. М., 2000. 152 с.

⁸ Сборник нормативных правовых документов. С. 89.

⁹ ГАКО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 256. Л. 42–43; Д. 268. Л. 75.

¹⁰ Сборник нормативных правовых документов. С. 90.

¹¹ Летопись поискового движения России. Ростов н/Д: Южный рубеж, 2003–2005. С. 8.

¹² Место боя как исторический памятник периода Великой Отечественной войны. М., 1996. 94 с.; Психолого-педагогические аспекты поисковой деятельности. Екатеринбург, 1996. 70 с.

¹³ Место боя как исторический памятник периода Великой Отечественной войны // Вестник детско-юношеского туризма в России. 1996. № 1. С. 6.

¹⁴ Сборник нормативных правовых документов. С. 88–89.

¹⁵ См.: Программа работы поискового отряда // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи. Поисковое движение. Екатеринбург, 2004. С. 47–58; Куликовских Н.Г. Программа курса подготовки молодых бойцов поисковых отрядов учреждений образования // Методическое пособие по организации и проведению поисковой работы. Смоленск, 1999. С. 73–78; Методические материалы по организации полевой поисковой работы на территории Волгоградской области. Волгоград, 2000. 84 с.; Методика подготовки молодых поисковиков. Курск, 2002. 112 с. и др.

¹⁶ Цуканов И.П., Лукин А.А. Программа учебно-методических сборов руководителей поисковых отрядов (клубов) и организаторов военно-спортивных игр // Подготовка учащейся молодежи к защите Отечества в условиях военно-спортивного клуба и военно-патриотического объединения: организационно-методические и правовые основы. Курск, 2004. С. 205–220.

¹⁷ Из истории детского туризма в России. С. 202.

¹⁸ Туманов В.Е. Наследие в школьном музее. М., 2011. С. 51.

К.В. Черенцова (Санкт-Петербург)

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ
НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ № 7
(г. ЛЕНИНГРАД) ПО СОЗДАНИЮ МИНОМЕТНОГО
ВООРУЖЕНИЯ В 1936–1940 ГОДАХ**

ОРГАНИЗАЦИЯ научно-исследовательских работ (НИР) и опытно-конструкторских работ (ОКР) является важнейшим этапом в создании новых видов вооружения. Одними из основных критериев успеха в этом направлении являются количество генерируемых идей и качество их проработки. Все это предъявляет высокие требования к налаживанию собственно научно-исследовательского процесса в организации и взаимодействия с профильной производственной базой. В случае проведения НИР и ОКР в рамках одной структуры количество промежуточных инстанций между конструкторскими подразделениями и цехами значительно сокращается, что в целом позволяет, при необходимости, форсировать процесс изготовления опытных образцов и передачу его на заводские испытания.

В середине 1930-х гг. перед советской промышленностью стояла именно такая задача – создание в сжатые сроки новых видов артиллерийского вооружения, в частности, артиллерии ближнего боя (траншейной артиллерии). В Ленинграде с середины 1936 г. была начата работа по созданию на Государственном Союзном машиностроительном заводе № 7 специализированного конструкторского бюро (КБ) по минометостроению и профильного производства – 8 июня 1936 г. вышел приказ Главного управления Военной промышленности (ГУВП) № 19 «О концентрации минометного производства на заводе № 7 и укомплектовании штатов минометного бюро».¹

К этому времени в структуре предприятия имелась сложившаяся организационная система, направленная на создание опытных образцов вооружения и их производственную реализацию. В период с 1929 до начала 1934 г. в состав технического отдела завода (подразделения, курировавшего основные составляющие деятельности предприятия, касающиеся технических вопросов) входило КБ, которое занималось текущими артиллерийскими заказами, научно-исследовательский отдел, а также военно-опытный отдел с собственной производственной базой.² В марте 1934 г. был образован конструкторский сектор по военным заказам с опытным цехом в составе технико-производственного отдела.³ В марте 1935 г. было сформировано бюро опытных и научно-технических работ.⁴

Необходимость соответствия новым задачам и высоким требованиям к уровню организации, предъявляемым руководством отрасли, требовала от завода проведения дополнительных мероприятий.

3 июня 1936 г. приказом № 66 директора завода № 7 М.А. Богомолова было утверждено «Положение об опытных и опытно-исследовательских работах», в соответствии с которым невыполнение цехами и отделами опытных работ расценивалось как срыв особо важных оборонных заданий, и в их отсутствие (по тем или иным причинам) программа цеха, даже при выполнении плана по валовой продукции, считалась невыполненной.⁵

Затем 2 января 1937 г. приказом директора завода № 7 М.Е. Мельникова за № 14 и в соответствии с приказом Народного Комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) от 14 августа 1936 г. «Положение о техническом отделе Машиностроительного завода» была утверждена новая структура технического отдела (ТО) предприятия. Данная реорганизация была проведена «в целях усиления технического руководства, осуществления наиболее четкой организации управления производством, а также ускорения и улучшения технической подготовки производства».

В состав ТО (начальник – заместитель главного инженера Р.А. Турков) вошли: технолого-нормировочный подотдел, конструкторское бюро № 1, конструкторское бюро № 2, конструкторское бюро № 3, бюро проектирования новых производств и контроля подготовки производства, опытный цех, бюро стандартизации и нормализации.

В структуру технолого-нормировочного подотдела вошли: сектор технологических разработок, сектор технического нормирования, сектор проектирования инструментов и приспособлений, секция

технической информации, обмена опытом и техническая библиотека, бюро рабочего изобретательства (БРИЗ). В структуру КБ № 3 входили три группы, возглавляемые инженерами Б.И. Шавыриным, Л.И. Горлицким и В.Н. Сидоренко соответственно.⁶ Таким образом, основные технические силы предприятия были сконцентрированы в аппарате заводоуправления, что позволяло централизованно управлять технической подготовкой производства.

Учитывая объемы и важность работ, проводимых конструкторами завода № 7 по разработке минометного вооружения, 14 марта 1937 г. приказом директора завода М.Е. Мельникова за № 35 группа под руководством Б.И. Шавырина получила новый статус: «С целью расширения работ по группе “а” в СКБ-3 таковую выделить в самостоятельное Конструкторское бюро № 4 (СКБ-4) с подчинением непосредственно Нач<альнику>Техн<ического> Отдела. Начальником СКБ-4 назначаю инженера Шавырина Б.И.».⁷

В развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по основным тематикам завода – минометной и артиллерийской – главком в 1937 г. были направлены дополнительные средства, которые надлежало направить на форсирование проведения НИРов и ОКРов. В связи с этим техническому, инструментальному отделам завода совместно с цехами предписывалось развернуть работу по выдвинутым и утвержденным директором завода темам, плановому отделу разработать положение о привлечении научно-технических кадров завода к исследовательским работам путем заключения с ними трудовых соглашений, лаборатории завода, помимо участия в утвержденных работах, разработать инструкции, регламентирующие порядок проведения, оформления, экспертизы и приемки исследовательских работ.⁸

7 августа 1937 г. приказом директора завода № 7 М.Е. Мельникова за № 103 и в соответствии с приказом начальника 3-го главного управления Народного Комиссариата оборонной промышленности (НКОП) за № 25с была учреждена должность главного конструктора завода, который являлся заместителем главного инженера по опытным работам и проводил работу по плану, утвержденному директором завода. В подчинение главного конструктора из ведения начальника технического отдела передавались КБ-3 и КБ-4, а также опытный цех № 11. Временно исполняющим должность главного конструктора завода был назначен Б.А. Тихоненко.⁹

Учитывая значительные успехи коллектива Б.И. Шавырина по созданию новых систем минометов, 11 марта 1938 г. вышел приказ

НКОП № 78сс, во исполнение которого в мае 1938 г. был издан приказ по заводу № 57 об организации на базе КБ-4 и цеха № 11 специального конструкторского бюро № 4 (СКБ-4). Начальником СКБ-4 был назначен Б.И. Шавырин, с непосредственным подчинением ему цеха № 11. Примечательно, что в административном отношении СКБ-4 подчинялось директору завода, а в части программных заданий – 3-му главному управлению НКОП. В дальнейшем в развитие приказа №78сс цех № 11 был переименован в мастерскую № 1 СКБ-4, участок «М», находившийся в цехе № 3, – в мастерскую № 2 СКБ-4.¹⁰

14 марта 1938 г. вышел приказ Народного комиссара оборонной промышленности Л.М. Кагановича № 103, в котором перед военной промышленностью была поставлена задача усилить внимание к технологической составляющей производства: «Осуществление значительного роста производства в сравнительно короткий срок требует резкого повышения темпов производства. Мелкосерийное производство должно превратиться в крупносерийное, последнее в необходимых случаях должно превратиться в массовое... Главная задача состоит в том, чтобы максимально усилить организационно-техническое руководство во всех звеньях оборонной промышленности. Технология должна занять центральное место на заводах, как основа развития производства...» Во исполнение данного приказа 13 апреля 1938 г. на заводе № 7 была учреждена должность главного технолога, который подчинялся непосредственно главному инженеру. Главным технологом был назначен Р.А. Турков. Тем же приказом была учреждена должность главного конструктора завода, подчинявшегося главному инженеру завода. Главным конструктором был назначен И.А. Зелихман. В подчинении главного конструктора находились СКБ-3, СКБ-4 и опытный цех № 11.¹¹

Следствием внимания к технологической составляющей производства был пересмотр организации контроля качества работ, в том числе и производимым под руководством и по чертежам СКБ-4. В связи с этим 30 ноября 1938 г. на заводе № 7 было введено «Временное положение о работе отдела технического контроля (ОТК)» (до получения из НКОП и 3-го главного управления типового положения об ОТК завода). В рамках организационной структуры создаваемого ОТК при мастерских № 1 и 2 СКБ-4 были образованы филиалы ОТК, работу по техническому контролю в них осуществлял инженер ОТК по опытным работам, подчинявшийся непосредственно начальнику ОТК.¹²

Несмотря на все прилагаемые усилия по развитию проведения НИР и ОКР на предприятиях военной промышленности, руководство отраслью оценивало положение дел в этом направлении как еще недостаточно соответствующее требованиям времени. В целях усиления внимания руководства подведомственных заводов к проведению НИР и ОКР 21 февраля 1939 г. был издан приказ 1-го главного управления Народного Комиссариата вооружения (НКВ) за № 55, в котором для директоров заводов устанавливалась персональная ответственность за выполнение в 1939 г. плана по НИР, который приравнивался к производственному плану и считался неотъемлемой частью общезаводской программы. На заводе № 7 организация проведения и контроль над исполнением плана по НИР была поручена научно-исследовательскому сектору отдела главного технолога (ОГТ), также были назначены ответственные лица за качество и сроки выполнения НИР.¹³

Согласно новому «Положению о порядке проведения научно-исследовательских работ на заводе № 7» лица, ответственные за реализацию утвержденных тем, совместно с сотрудниками научно-исследовательского сектора ОГТ организовывали бригады для выполнения намеченной работы и разрабатывали смету и рабочий план, которые утверждались главным инженером или главным технологом. После утверждения сметы и плана выделялся наряд, на который переносились все расходы по теме. На этапе производственного выполнения работ по теме привлекались специалисты из профильных цехов и отделов. По окончании работ составлялся отчет, который представлялся на рассмотрение технического совещания при научно-исследовательском секторе ОГТ, где давалась оценка производственной ценности работы и вырабатывались способы внедрения ее в производство. Рассмотрение и защита отчетов по наиболее важным темам проходили в научном совете НИИ-13 НКВ СССР (специализированный научно-исследовательский институт по артиллерийским конструкциям и производству).¹⁴

Приказом по заводу № 65 от 20 апреля 1939 г. было введено в действие «Положение о порядке работ по подготовке новых производств на заводе № 7». Согласно данному положению процесс подготовки от начала производства до перехода к валовому выпуску представлял собой утвержденную последовательность этапов, которые надлежало соблюдать в неукоснительном порядке.

На первом этапе – «Порядок выпуска чертежей в производство» – КБ должны были представить данные о планируемых сроках работы

и количестве деталей в сектор планирования и контроля подготовки производства, на основании которых сектором устанавливались сроки выпуска чертежей. Данные сроки утверждались главным инженером и передавались в КБ для исполнения. Готовые чертежи согласовывались с ОГТ и проходили контроль в бюро нормализации и стандартизации. Дата выпуска чертежей определялась датой их передачи в светокопию. Также на данном этапе устанавливались сроки выпуска спецификаций, технических условий, утвержденных заказчиком, проходило определение ведущих деталей и узлов.

На втором этапе – «Порядок работ по подготовке производства в отделе главного технолога, заготовительных цехах и других отделах» – на основе спущенных чертежей ОГТ составлял предварительный технологический процесс, который затем корректировался сектором планирования и контроля подготовки производства с учетом действующих технических и экономических позиций (планируемые объемы производства, сложность изделия, оснащенность производства, экономические характеристики выпуска данного изделия и т. д.). Полученные лимитные цифры утверждались главным инженером и директором завода и являлись обязательными для ОГТ. Затем на основе предварительного технологического процесса составлялся график подготовки производства, который утверждался директором завода и направлялся для исполнения на производство. На основе данного (основного) графика составлялся развернутый график, в который были включены сроки работ заготовительных цехов (литейного, кузнечного, прессового). Также на данном этапе ОГТ проводилась разработка технологического процесса на ведущие и взаимозаменяемые детали и сборку, корректировка необходимых спецификаций, составлялся общий график производственного цикла на изделие в целом.

На третьем этапе – «Порядок работы по материальному оснащению подготовки производства» – в соответствии с указанными в общем графике сроками проводилась работа по изготовлению штампов, специального инструмента и приспособлений для ведущих и взаимозаменяемых деталей. Контроль над этой работой осуществлял инструментальный отдел, который должен был представлять отчеты в сектор планирования и контроля подготовки производства один раз в шесть дней.

На четвертом этапе – «Проверка подготовки производства на установочной партии» – проходило апробирование технологического

процесса, а также подготовленных инструментов и приспособлений. Данная работа проходила в производственном цехе при участии представителей ОГТ. Отчет о ней также представлялся в сектор планирования и контроля подготовки производства один раз в шесть дней.

В завершение проводились необходимые испытания для окончательного решения вопроса о переводе изделия на валовое производство, результаты которых фиксировались в акте с обязательным участием представителя заказчика. Для начала проведения работ по валовому изготовлению изделия и в соответствии с ТУ-НКО № 1 для чертежей представителем заказчика утверждались заводские чертежи, по которым изготавливалась установочная партия (со всеми изменениями). Таким образом, за основу принимались чертежи изделия, по которым была изготовлена опытная партия, прошедшая все необходимые испытания, окончательно сверенные с опытными образцами. Разрешение на запуск подготовки производства валовой продукции давалось приказом по заводу, по представлению начальника соответствующего КБ и подтвержденного представителя заказчика.¹⁵

В продолжение работы по упорядочению конструкторской деятельности и в целях регламентации проведения ОКР по минометной тематике приказом по заводу от 24 апреля 1939 г. за № 67 была утверждена представленная начальником СКБ-4 Б.И. Шавыриным «Инструкция о порядке изготовления и испытания конструкций СКБ-4, выпуска чертежей и технических условий (ТУ) и внесения в них изменений по опытным образцам, опытным сериям и валовому производству».

В соответствии с данной инструкцией была установлена следующая последовательность действий. Согласно содержанию первого раздела – «Изготовление опытных образцов и подготовка их к заводским испытаниям» – изготовление опытных образцов перед заводскими испытаниями должно было производиться по чертежам и ТУ, утвержденным начальником СКБ-4 со штампами «опытный образец» и года изготовления. Отступления от них допускались только с письменного разрешения начальника СКБ-4 или уполномоченного им лица.

Для более четкой организации изготовления опытных образцов технико-плановыми бюро (ТПБ) опытных цехов СКБ-4 составлялся сокращенный технологический процесс, маршрут деталей, перечень

и альбомы чертежей необходимых приспособлений и инструмента. При изготовлении опытного образца не в опытных цехах СКБ-4 данная работа проводилась ОТГ завода. В обоих случаях все технологические материалы должны были передаваться технологическому отделу СКБ-4 для концентрации всех материалов по производству опытных образцов. Обеспечение инструментами и приспособлениями возлагалось на инструментальный цех, их перечни утверждались главным инженером завода.

После изготовления деталей, их подгонки и окончательной сборки опытного образца проводилась его разборка на отдельные детали для их окончательной поверки и фиксации отступлений от чертежа и ТУ.

Согласно второму разделу – «Порядок прохождения заводских испытаний опытных образцов» – к заводским испытаниям допускались образцы, принятые ОТК в соответствии с утвержденными в СКБ-4 чертежами и ТУ. Также перед отправкой изделия составлялся совместный акт СКБ-4 и ОТК о допуске к испытаниям, к которому прикладывались перечень отступлений от чертежей и ТУ СКБ-4 и копии сертификатов и паспортов основных деталей. Проведение заводских испытаний осуществлялось по программе, составленной СКБ-4 и утвержденной начальником СКБ-4, в присутствии ведущего инженера СКБ-4, который вел журнал испытаний и по их окончании составлял подробный отчет, включающий в себя все данные, полученные во время испытаний, результаты совместного осмотра с представителями ОТК и цеха состояния изделия после его переборки и т. д.

Окончательное заключение о результатах заводских испытаний дает начальник СКБ-4. Изделие считается прошедшим заводские испытания при условии их проведения в полном соответствии с утвержденной начальником СКБ-4 программой, исправной работы всех механизмов, отсутствия повреждений и соответствия фактических характеристик тактико-техническим требованиям. В случае признания результатов заводских испытаний неудовлетворительными все изменения должны были фиксироваться в чертежах, а изделие повторно направляться на испытания.

Согласно третьему разделу – «Порядок прохождения полигонных испытаний» – к ним допускались образцы, полностью выдержавшие заводские испытания. Для полигонных и войсковых испытаний заказчику предъявлялся опытный образец, принятый ОТК завода в

соответствии с чертежами и ТУ, о чем составлялся подробный акт за подписями директора завода, начальника СКБ-4, начальника производства, начальника ОТК и представителя заказчика. Также заказчику предъявлялись чертежи, ТУ и описание изделия, перечень всех отступлений от чертежей и ТУ, допущенных СКБ-4 в данном образце, сертификаты и паспорта на основные детали. Полигонные и войсковые испытания проводились по программе заказчика в присутствии представителя СКБ-4. Все изменения, необходимость которых была выявлена в ходе испытаний, вносились в чертежи, и в зависимости от результатов испытаний изделие могло быть исправлено и направлено на повторные испытания.

Согласно четвертому разделу – «Изготовление и подготовка к испытаниям опытных серий для выпуска чертежей лит. «А»» – СКБ-4 изготавливало опытную установочную серию на основе чертежей опытного образца с учетом поправок, внесенных после заводских, полигонных и войсковых испытаний. Чертежи опытной серии (для подготовки валового производства лит. «А») должны были быть утверждены заказчиком, соответствовать ТУ-НКО § 266–284 и иметь штампы «опытная серия» и года изготовления. К изготовлению опытной серии можно было приступать только после утверждения заказчиком чертежей опытного образца и договора на серию. Изготовление опытной серии осуществлялось в опытных цехах СКБ-4 в соответствии с укрупненным технологическим процессом, составленным ТПБ СКБ-4 и утвержденным ТО СКБ-4. Контроль изготовления осуществлялся ОТК завода пооперационно, согласно чертежей, ТУ и технологического процесса, отступления от них допускались только при наличии письменного разрешения начальника СКБ-4 или уполномоченного им лица.

Согласно пятому разделу – «Порядок прохождения испытаний образцов опытной серии для подготовки чертежей валового производства лит. «А»» – изготовленные образцы опытной серии, принятые ОТК завода, направлялись на заводские испытания по программе, утвержденной начальником СКБ-4, о чем составлялся акт с участием СКБ-4 и ОТК, с приложением всех необходимых документов и сертификатов. После успешного прохождения образцами опытной серии заводских испытаний, их переборки и вторичной приемки ОТК они передавались заказчику для окончательной приемки вместе с чертежами опытной серии, откорректированными ТУ, кратким техническим описанием изделия, перечнем всех изменений и отступ-

лений и т. д. Передача изделий опытной серии на войсковые и полигонные испытания сопровождалась актом за подписями директора завода, начальника СКБ-4, начальника производства, начальника ОТК и представителя заказчика.

В шестом разделе – «Порядок выпуска из СКБ-4 чертежей и ТУ и внесения в них изменений – по опытным образцам и сериям и валовому производству» – регламентировались правила согласования, передачи чертежей и их оборота между конструкторскими и производственными подразделениями СКБ-4 и завода № 7.¹⁶

Для разрешения основных технических и организационных вопросов приказом директора завода А.Д. Каллистратова в мае 1939 г. на предприятии был создан технический совет под председательством главного инженера, в который вошли 12 специалистов-инженеров. Согласно «Положению о техническом совете» на него возлагались разработка и обсуждение технического и организационного развития завода, предварительное обсуждение технических заданий и проектов и их экспертиза, разработка тематики и предварительное утверждение планов и результатов НИР, ОКР и рационализаторских работ, проводимых на заводе, разработка мероприятий по их внедрению на производство. Технический совет завода № 7 в своей работе должен был поддерживать тесную связь с техническим советом Народного Комиссариата вооружения (НКВ).¹⁷

2 июля 1939 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г. о реорганизации руководства изобретательским делом и в целях ускорения внедрения изобретений и усовершенствований были изданы приказ и положение НКВ СССР за № 171 «О работе по изобретательству в системе НКВ СССР», в которых устанавливались основные нормы организации изобретательского дела на предприятиях НКВ СССР, сроки проведения работ по внедрению новаторских предложений. В их числе указывалось, что конструкторская разработка и изготовление опытных образцов должны были включаться в план работ профильного цеха, при этом конструкторская и производственная изобретательская деятельность в части предметов вооружения могла осуществляться только при наличии договоров с заказчиками и по планам, утвержденным НКВ СССР. В их развитие на заводе № 7 был издан приказ, согласно которому всем начальникам цехов и отделов завода надлежало руководствоваться приказом и положением НКВ, также в нем еще раз подчеркивалась приоритетность разработки и внедрения изобретений путем включения их в план первоочередных работ по заводу.¹⁸

Также в июле 1939 г. была издана инструкция (приложение к приказу НКВ СССР «О порядке сдачи опытных и научно-исследовательских работ, отчетности по ним и их финансирования», согласно которой все НИР и ОКР, выполняемые в соответствии с планом, утвержденным Народным комиссаром вооружения СССР, по их окончании должны были сдаваться курирующим их НИИ, Главным управлениям или Техническому совету НКВ СССР. Перечень тем устанавливался отдельно по каждому предприятию председателем Технического совета НКВ СССР, утверждался Народным комиссаром вооружения СССР и входил в годовой план опытных и научно-исследовательских работ. Данной инструкцией устанавливалась квартальная и годовая отчетности заводов, КБ и НИИ. Квартальные отчеты должны были представляться в Главное управление, которому было подведомственно предприятие, и в НИИ, под контролем которого проходили работы, в срок не позднее 15 числа следующего за отчетным кварталом месяца. В том же порядке представлялись годовые отчеты, в срок до 5 февраля следующего за отчетным кварталом года.¹⁹

3 апреля приказом НКВ СССР № 103с было утверждено проведение организационных изменений в структуре конструкторских подразделений завода № 7, что, в свою очередь, отражалось и на организации ОКР по минометостроению.²⁰ В соответствии с указанным обстоятельством приказом по заводу от 16 апреля 1940 г. № 75 был создан отдел главного конструктора на базе КБ-3 и СКБ-4 с объединением их в одно конструкторское бюро и с подчинением ему цеха № 11, созданного на базе цехов № 11, 12, 33 (цеха № 12 и 33 были ликвидированы). Временно исполняющим обязанности главного конструктора, начальником конструкторского бюро был назначен Л.И. Горлицкий. Начальнику СКБ-4 Б.И. Шавырину надлежало сдать Л.И. Горлицкому все дела СКБ-4 и цехов № 11 и 12.²¹ На этом работа Б.И. Шавырина на заводе № 7 вынужденно подошла к своему завершению, и приказом НКВ СССР от 29 апреля 1940 г. № 125с начальник СКБ-4 завода № 7 Б.И. Шавырин с группой конструкторов с 7 мая 1940 г. был переведен в НИИ-13.²²

Результатом работы СКБ-4 завода № 7 под руководством Б.И. Шавырина в период 1937–1940 гг. стала разработка и принятие на вооружение следующих систем минометного вооружения: 82-мм батальонный миномет БМ-37, 120-мм полковой миномет ПМ-38, 107-мм горновьючный полковой миномет ГВ-38, 50-мм ротный миномет РМ-38, а также большой морской шточный бомбомет БМБ-1.

Подобный успех конструкторской мысли в значительной степени был связан с актуальной на данном этапе развития военной промышленности страны темой – поиском таких организационных форм проведения НИР и ОКР, которые в итоге позволили в сжатые сроки создать новую, отвечающую современным требованиям систему вооружения для ведения ближнего боя.

---

¹ Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2 (1933–1937): Сборник документов / Под ред. А.А. Кольцокова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: ООО «Издательство ТЕРРА», 2011. С. 841.

² Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Д. 23. Л. 18–19; Д. 33. Л. 69; Д. 43. Л. 69; Д. 55. Л. 77.

³ Там же. Д. 65. Л. 139 об.; Д. 66. Л. 143.

⁴ Там же. Д. 75. Л. 58.

⁵ Там же. Д. 80. Л. 87.

⁶ Там же. Д. 82. Л. 50, 50 об.; Личное дело Б. И. Шавырина. Б/н.

⁷ Там же. Л. 117, 125 об.

⁸ Там же. Л. 178.

⁹ Там же. Д. 83. Л. 152.

¹⁰ Там же. Д. 86. Л. 50, 95.

¹¹ Там же. Л. 7, 8.

¹² Там же. Д. 89. Л. 46–54.

¹³ Там же. Д. 91. Л. 110.

¹⁴ Там же. Л. 122–124.

¹⁵ Там же. Д. 92. Л. 73, 82–87.

¹⁶ Там же. Л. 95, 98–106.

¹⁷ Там же. Д. 93. Л. 42, 44–48.

¹⁸ Там же. Д. 95. Л. 80; Ф. Приказы НКВ СССР. Д. 1. Л. 49–55.

¹⁹ Там же. Л. 77–79.

²⁰ Щерба А.Н. Военная индустрия Санкт-Петербурга – Ленинграда в 1900–1940 гг. (научно-исторический труд). М.; СПб.: «Политехника-сервис», 2012. С. 335.

²¹ Архив ОАО «Машиностроительный завод “Арсенал”». Д. 98. Л. 116–117.

²² Там же. Д. 99. Л. 33.

А.А. Черноусов (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ АДМИРАЛА А.С. ГРЕЙГА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XIX ВЕКА

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Николая I наряду со многими преобразованиями в государственном управлении, в армии и на флоте характеризовался низким вниманием императора к вопросам злоупотреблений государственных и военных чиновников. По свидетельству современников, многие высокопоставленные чиновники могли «смело отступать от существующих постановлений. Злоупотребление доходило до того, что некоторые министры даже оскорблялись ссылками на закон, если ссылки эти указывали на незаконность их намерений или стесняли их самовластие. Беспорядок этот мало-помалу спускался по всем ступеням правления и, наконец, проник во все слои»¹. В сформировавшейся государственной системе злоупотреблений Черноморский флот не являлся исключением.

С 1816 по 1833 г. Черноморским флотом командовал адмирал Алексей Самуилович Грейг (ил. 1). Он был подлинно бое-

Ил. 1. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал А.С. Грейг

вым адмиралом – участвовал во всех экспедициях Д.Н. Сенявина, где проявил себя геройски, принимал участие в Заграничном походе русской армии в 1813 г., успешно командовал Черноморским флотом в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Однако к концу 1820-х гг. Черноморский флот под его руководством пришел в упадок. Одной из основных причин этого являлось глубокое проникновение в системы управления Черноморским флотом и Николаевским и Севастопольским военным губернаторством преступных группировок, ставящих своей целью личное обогащение, а не интересы флота и государства в целом.

Благодаря бесконтрольности со стороны Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга (ни один источник не указывает на то, что он имел какую-то личную выгоду), на флоте и в приморских городах образовались преступные группировки по национальному принципу: греческая и еврейская. До 1830-х гг. на Черноморском флоте в финансовых и экономических делах большое влияние имела греческая диаспора, имевшая своих представителей среди черноморского адмиралитета. Однако к началу 30-х гг. XIX в. в результате жесткой борьбы еврейская группировка начала постепенно выдавливать греческую со всех уровней властных структур. По существу, две крупнейшие финансово-этнические преступные группы начали передел сфер влияния на Черноморском флоте.

Немалую роль в этом сыграла жена Грейга Юлия Михайловна (Лия), еврейка по национальности, имевшая на адмирала неограниченное влияние (ил. 2).

Современники адмирала расходятся во мнениях: некоторые говорят о тайном

Ил. 2. Ю.М. Грейг

венчании Алексея Самуиловича и Юлии, некоторые утверждают, что они никогда не были женаты, но факт в том, что Николай I не дал высочайшего соизволения Грейгу на вступление брак. Тем не менее, на Черноморском флоте Юлия Михайловна считалась де-факто женой Грейга.

Фактически именно она держала в своих руках всю верхушку еврейской группировки, которую возглавляли купцы М. Серебряный и Ш. Рафаилович. Их поддерживала коррумпированная флотская верхушка во главе с обер-интендантом Черноморского флота и портов контр-адмиралом Н.Д. Критским и рядом других офицеров, занимавших большей частью береговые тыловые должности. Пользуясь своим влиянием, Юлия Михайловна добилась назначения на выгодные должности родственников и близких знакомых.

Достаточно полную характеристику этой женщине дал капитан 2-го ранга Н.П. Римский-Корсаков, прибывший в Севастополь для осмотра госпиталей и ревизии Севастопольского порта во всеподданнейшей записке императору. Так как Римский-Корсаков являлся человеком посторонним на Черноморском флоте и вряд ли имел какие-то личные предубеждения против кого-либо, то его оценки можно принять как более-менее объективные.

«По прибытии моем в Николаев адмирал (А.С. Грейг. – А. Ч.) сделал мне честь – пригласил к себе обедать. Гостей было много, еврейка Юлия была хозяйка. И хотя до одного человека всем известно, что она никогда, ни явно, ни тайно, не была с ним обвенчана, но при всем том ее называли высокопревосходительством, целовали у ней руку, и вообще она играла роль адмиральши. За столом она не умолкала, но говорила по большей части о службе, и так смело судила об офицерах и их сортировала, что я удивлялся адмиралу, который внимательно ее слушал и редко противоречил. После обеда она лично мне говорила, из целого флота не оставила никого от адмиралов до мичманов, чтобы, говоря об них, не прибавить: “я его знаю, он хороший офицер – он худо служит – я об нем говорила – я об нем просила – о, я его проучу – он человек дурной”, и пр, и пр. Весь сей разговор адмирал редко противоречил и вообще казался мне покорным ее слугой.

Такого рода суждения и тон женщины, ни по каким отношениям не имеющей право вмешиваться в службу – вещи всегда для всех священной – невольным образом заставили меня узнать ее покорооче. Стал об ней расспрашивать, и мне стоило только по секрету

об ней заговорить, чтобы также по секрету услышать тысячу самых искренних против ея проклятий и множество примеров, из коих каждый мог меня удостоверить, что суждения Юлии не есть только один пустой набор слов, впрочем при мне еще весьма скромный, но и самое дело... Отличительные свойства сей женщины суть злость, мстительность, непомерная жажда к деньгам. И мне прямо говорили, что попасть под гнев Юлии – значит потерять всей своей карьере по службе. А в доказательство представляли... пример... по осуждению контр-адмирала Цаца. При этом случае я не смею умолчать об его деле. Контр-адмирал Цац имел репутацию человека весьма честного и кроткого... что довести об нем до сведения В.[ашего] В.[еличества] я полагаю своим неперменным долгом. Цац теперь под судом, и чем дело кончится, не известно. Но единогласно все говорят, что до суда его доведет мщение Юлии.

Зная подобные примеры, все ее и ненавидят...»²

Благодаря влиянию Юлии Михайловны, все подряды по флоту проходили через руки еврейской группировки. Как вспоминает современник: «Кораблестроение заставляло многого желать, благодаря пронырству евреев, сумевших завладеть с подрядов этой важной отрасли. Личный состав флота переполнился греками, стремившимися удержать значение не столько доблестью и любовью к делу, сколько подмеченной в них еще древним летописцем лестию»³. Бороться и тем, и другим было за что. Главный командир Черноморского флота и портов сосредоточил в своих руках огромнейшую власть. Ему подчинялись порты Черного моря со всеми своими службами, портовым хозяйством, причалами, складами, карантинном и т. д. Нельзя забывать, что через порты Черного моря шел очень большой товарооборот внешней торговли. Трудно даже представить, какие деньги крутились вокруг всего этого и какие капиталы наживались теми, кто имел хоть какое-то отношение к этой бездонной кормушке.

Вдобавок ко всему, адмирал А.С. Грейг, по всей видимости, практически не отчитывался за финансы перед Петербургом, что косвенно подтверждает тот факт, что только 2 апреля 1830 г. император издал именной указ Грейгу о предоставлении копий контрактов на сумму свыше 10 тысяч рублей морскому министру⁴. Все это открывало для коррупции и злоупотреблений практически неограниченные горизонты.

В 1829 г. для проведения ревизии Севастопольского порта император направляет флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Н.П. Рим-

ского-Корсакова, которому была поставлена задача по «подробному осмотру всех провизий, провианта и снарядов всякого рода для флота, заготавливаемых по Севастопольскому порту»⁵.

По результатам ревизии Римский-Корсаков пишет императору объемный доклад о состоянии дел на Черноморском флоте, в котором рассказывает о массовых злоупотреблениях местных чиновников и подрядчиков. В докладе он перечисляет выявленные злоупотребления и указывает что «всех вообще припасов, а особливо по порту, гораздо меньше, нежели сколько можно было предполагать в главном Черноморском порте и в военное время... продовольственная часть здесь в отменно дурном положении и злоупотребления по ней так велики, что оне требуют тщательнейшего исследования... неявка в такелаже очень далеко превосходит здесь той, какая была открыта в Кронштадте в 1826-м году», а «здешний порт гораздо беднее, нежели как можно было сие предполагать»⁶.

По результатам ревизии Николай I повелел немедленно командировать в Севастополь контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена для проверки результатов Римского-Корсакова и потребовал от Грейга, «дабы по открытии виновных Ваше высокопревосходительство тотчас отправили их для предания суду в Санкт-Петербурге»⁷.

Комиссия под руководством контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, проведя повторно ревизию Севастопольского порта, подтвердила выводы Римского-Корсакова. Это не помешало адмиралу Грейгу ходатайствовать перед императором о помиловании «невинно страдающих» чиновников-казнокрадов, подвергая сомнению компетентность ревизоров⁸. Он ссылаясь на неправильно оформленные документы, на легкомыслие и упрямство офицеров, не желающих подписывать рапорта о благополучном состоянии дел на флоте, низкое качество следствия, некомпетентность и предвзятость ревизоров, невозможность отрывать чиновников от дел и т. д.

Дело о злоупотреблениях тянулось больше года. Все это время шла переписка всех инстанций и различные интриги. Вся суть всей этой возни очень четко сконцентрирована в рапорте адмирала Грейга императору от 28 июня 1830 г., написанном по результатам ревизии Ф.Ф. Беллинсгаузена. Для полного понимания позиции Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга в вопросах злоупотреблений на подчиненном ему флоте автор считает необходимым привести этот рапорт целиком:

«Его Императорскому Величеству
Главного командира Черноморского флота
и портов

Рапорт

Во исполнение высочайшей Вашего Императорского величества воли, объявленной мне отношением г. Начальника морского штаба от 30-го сентября прошлого 1829 года № 410 произведенное контр-адмиралом Беллинсгаузеном общее с флигель-адъютантом капитаном 2 ранга Римским-Корсаковым следственное дело, о обревизовании Севастопольского порта, представленное ко мне при рапорте от 31-го истекшего мая за № 195, вместе с сим отправлено от меня к князю Меншикову. О чем Вашему Императорскому величеству всеподданнейше доношу.

По высочайшей вашего императорского величества воле, в помянутом отношении ко мне г. начальника морского штаба № 410 изъясненной, я обязан открытым следствием виновных тотчас отправить для предания суду в С. Петербурге, но прочитавши рапорт г. Беллинсгаузена и усмотрев по оному множество обвиняемых, в том числе имеющих на себе весьма важные должности или поручения чиновников, удаление коих от нынешних занятий, для отправления в С. Петербург, представляется совершенно невозможным, как по неимению кем заменить сих лиц, так и потому, что на одну сдачу состоящих на обязанностях их магазин[ов] или заготовлений, потребно нарочитое время, я нахожу себя в затруднительном положении, каким образом надлежит мне в сем случае поступить?

А как сверх того в рапорте г. Беллинсгаузена обвиняются и несколько человек подрядчиков, людей гражданского ведомства, имеющих ныне на обязанности своей весьма важные подряды и поставки, на коих простирается ли Высочайшее повеление отправление в С. Петербург для суждения, в отношении ко мне г. Начальника морского штаба не упомянуто, для того как о первом, так и последних осмеливаюсь испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления.

Многое число обвиняемых чиновников Черноморского департамента заставило меня вникнуть в сущность причин, поставленных к их обвинению, и обозреть самое производство следствия, по исполнении чего дерзаю всеподданнейше представить правосудному вниманию Вашего Императорского Величества, следующие найденные мною по делу сему открытия:

1) Большая часть чиновников обвинена по одним выражениям следователей, без всяких законных оснований.

2) С некоторых из обвиненных не было даже требовано объяснений.

3) Из тех объяснений кои представлены к делу в рапорте г. Беллинсгаузена прописано то только, что соответствовало намерению следователей, а о том, что служило бы к оправданию чиновников, умолчано.

4) Ни в каких случаях не видно, чтоб кто-либо из поставленных в свидетели был спрошен под присягою, даже и тогда, когда обвиняемые сего требовали, по опасению, конечно, чтобы мнение следователей не было опровергнуто и невинный был оправдан.

5) Все многосложные толкования о такелаже, покупкою приобретенном, основаны на освидетельствовании двух только тросов, и на опытах сделанных не только противно установленным правилам, но даже не согласных с благоразумием. Сверх сего не видно, чтобы следователи хотя малейшее заботились узнать: возможно ли было в таком экстренном случае достать лучший такелаж и где? Или по низким ценам и каким именно? Суждение же их о такелаже, выделанном на казенном заводе, показывает незнание обстоятельств дела, которое решились осуждать: и позволяют себе обвинять начальство в том, что оно не делало невозможного.

6) Не видно, чтобы спрошены командиры или офицеры судов, кои сим такелажем снабжены были и кои по опытности на самом деле должны быть наилучшие судии о качестве онаго.

7) Выказывая 125 четвертей найденной якобы дурного качества не принятой муки, следователи умалчивают о количестве свыше 15.600 четвертей муки хорошей, да и об отпущенном якобы худом, по их мнению, провианте отказались принять присяжные доказательства, по коим можно бы было удостовериться в противном.

8) Занимаясь единственно осуждением провианта и провизии, найденных в магазинах, остерегались однако спрашивать команды, где, когда, и кому таковые были отпущены.

9) Исследователи самовольно занимались такими предметами, о коих в доносах не было даже и упомянуто, чем осмелились выйти из пределов, высочайше для них положенных.

10) Некоторые пробы провизии сделаны без всяких законных доказательств истины, так что они не имеют другого основания, как только одних выражений следователей, несправедливость коих иногда сама собою обличается.

11) Во многих случаях содержание бумаг представлено в превратном виде, от чего и самое заключение делается не справедливо.

12) В числе прочих обвинены такие люди, старанием коих сделанная казне и службе польза всем известна, и за то только, что оне поступили по установленному порядку и как следовало ревностным и усердным чиновникам.

Представляя отеческому вниманию Вашего Императорского Величества вышеописанные обстоятельства, к коим можно бы прибавить множество подобных несправедливостей, дерзаю всеподданнейше умолять благость Вашу, всемилостивейший государь, для исследования и раскрытия настоящей истины сего дела, повелеть кому угодно составить комиссию из членов от морского ведомства, во вся независящих, поставя им в обязанность сохранить порядок, положенный законами, тогда одни только истинно виновные подвергнут будут заслуженной участи, а невинные избавятся от наведенного на них постыдного подозрения и сохранятся к пользе службы Вашего Императорского Величества.

28 июня 1830 № 1123»⁹.

Как видно из этого рапорта, Грейг перед императором старается всячески оправдать людей, по уши погрязших в злоупотреблениях и приведших Черноморский флот к упадку.

16 апреля 1831 г. адмирал Грейг пишет начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову, что дело по произведенному вице-адмиралом Беллинсгаузеном и флигель-адъютантом Римским-Корсаковым обревизованию Севастопольского порта уже решено, виновным «оставлены представления о награде», а некоторые лишены довольствия. Также Грейг просит Меншикова известить его об окончательном решении, чтобы он «мог возобновить ходатайство свое об оказании чиновникам тем справедливого за службу воздаяния»¹⁰. А. Меншиков ему отвечает, что «дальнейшее по делу сему производство прекращено именным высочайшим указом... в ожидании общей в свое время ревизии в государственном контроле отчетов по управлению Севастопольским портом»¹¹. В итоге все осталось без изменений.

Неоднократно вопросы злоупотреблений на Черноморском флоте выносили наверх офицеры и цивильные чиновники. Как правило, за подобные демарши они расплачивались карьерой и иногда свободой.

Так, строитель кораблей инженер-полковник Каверзнев, отказывающийся строить корабли из гнилого леса, поставляемого купцами

Варшавским и Рафаиловичем, их подельником обер-интендантом Черноморского флота Критским, был обвинен в перерасходе строительных материалов при постройке судов в Николаевском адмиралтействе в 1829–1830 гг. По этому обвинению Грейг отозвал представление на повышение Каверзнева и вынудил его подать в отставку. В результате рассмотрения этого дела специально созданной комиссией вины Каверзнева не нашли¹².

Бухгалтер канцелярии Черноморского департамента чиновник 8-го класса Яцын написал донесение в Петербург об имеющихся злоупотреблениях при расходовании средств на постройку судов, сооружение зданий, заготовку леса. В нем фигурируют поставки на флот и строительство кораблей действительным статским советником Перовским и Серебряным и его компаньоном Варшавским. Смета Серебряного, завышенная против сметы купца Корабельникова в несколько раз, Грейгом была признана выгодной. В итоге Грейг обвинил Яцына в небрежном исполнении служебных обязанностей и приказал отстранить его от должности¹³.

За раскрытие злоупотреблений флотского руководства был отстранен от должности начальник строительного отделения Черноморской строительной экспедиции подполковник Богданов. За «неповиновение» был отстранен от должности и незаконно предан суду морской строительной части инженер-капитан Бурачков (на незаконность действий Грейга ему указал лично император).

Показателен также эпизод с осуждением контр-адмирала Ф.И. Цаца, упомянутый Римским-Корсаковым в письме Николаю I.

Обер-интендант Черноморского флота контр-адмирал Ф.И. Цац очень принципиально подходил к заключению подрядов и требовал их досконального выполнения от подрядчиков. Это вызывало сильное недовольство еврейской преступной группировки. Сохранились документы по конфликту Цаца с одним из ее ведущих членов купцом Серебряным из-за заключенных контрактов. В дело вмешалась Юлия Михайловна Грейг, и по ее настоянию контр-адмирал Цац был отстранен от должности и предан суду по делу «о противозаконных действиях и беспорядках»¹⁴. Контр-адмирал Ф.И. Цац, не дождавшись приговора, скончался 2 октября 1829 г. в Севастополе. На его место был назначен (опять же не без вмешательства Юлии Михайловны) капитан 1-го ранга (позже контр-адмирал) Н.Д. Критский, который очень органично вписался в преступную группировку (несмотря на то, что сам был греком) и стал играть в ней весомую роль.

Апогеем развития ситуации явилась история трагической гибели капитана 1-го ранга А.И. Казарского – легендарного командира брига «Меркурий». В июне 1833 г. Казарский выехал в Николаев, куда он был командирован по Высочайшему повелению для ревизии. Перед отъездом он сообщал одному из своих друзей: «Сегодня я уезжаю, а Вас прошу приехать ко мне в Николаев в четверг: Вы мне там

Ил. 3. Контр-адмирал М.П. Лазарев

много поможете добрым дружеским советом, а в случае не дай Бог чего, я хочу вам передать многое»¹⁵. По прибытии в Николаев, на одном из приемов Казарский был отравлен. Император приказал Начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову приехать в Николаев и лично разобраться в случившемся, но истина так и не была установлена¹⁶.

Подавление распоясавшихся преступных группировок и слом системы злоупотреблений, установленной при Грейге, связаны с именем контр-адмирала Михаила Петровича Лазарева, 17 февраля 1832 г. назначенного начальником штаба Черноморского флота (ил. 3).

Н. Закревский дал Лазареву следующую характеристику: «тверд, несговорчив и даже груб... Он не терпел искательства и неправильных просьб, в особенности, если вместо ...ова или ...ского назначить куда-то ...аки или ...пуло. За это его и невзлюбили»¹⁷.

Лазарев активно взялся за наведение порядка на флоте, восстановление боевой готовности кораблей. Не менее активно начала противодействовать Лазареву коррумпированная верхушка флота. «Всё против меня вооружается, а ответственность предвижу немалую»,

«предвижу много преград, а бесполезным быть не хочется», – писал Лазарев своему другу А.А. Шестакову¹⁸.

Если Н.Д. Критский прямо саботировал все распоряжения и требования Лазарева, то А.С. Грейг занимал позицию пассивного противодействия: он одобрял предложения Лазарева, но никаких действий по их реализации не принимал и позволял Критскому не исполнять их.

Отчаявшись добиться от Грейга каких-либо действий по восстановлению боеготовности флота, Михаил Петрович вышел с рапортом напрямую к Начальнику главного морского штаба А. Меншикову: «Я неоднократно входил с представлением к г. главному командиру Черноморского флота и портов... о исправлении оказавшихся на кораблях эскадры худостей... и... всегда получал уведомления, что от него... предложено было обер-интенданту Черноморского флота и портов в удовлетворение таковых требований моих, сделать надлежащее распоряжение, но со стороны последнего (Критского. – А. Ч.) не токмо не было никакого исполнения, но даже не обращемо было и малейшего внимания, чрез что... суда эскадры во многом нуждались»¹⁹. Также в одном из писем Меншикову Лазарев писал: «я не знаю, когда наступит то счастливое для Черноморского флота время, что мы избавимся от столь вредного для службы человека, каков во всех отношениях есть г.[осподин] Критский»²⁰.

В 1833 г. Лазарев, находясь в Севастополе, неоднократно требовал от Критского прислать материалы и рабочих из Николаева для ремонта кораблей, но так и не получив необходимого, был вынужден написать рапорт князю А.С. Меншикову. Рапорт был представлен императору, которым была наложена резолюция: «К.[нязю] Меншикову привести в ясность по прибытии в Николаев»²¹. Приезд Меншикова в Николаев на ситуацию на Черноморском флоте не повлиял.

По всей видимости, для укрепления позиций Лазарева на флоте император назначает его в свиту с присвоением звания генерал-адъютант. В своем письме Шестакову от 31 июля 1833 г. Лазарев писал: «Как мне благоразумнее в теперешнем случае поступить, не знаю – должность генерал-адъютанта есть быть фискалом и доносчиком, а я до сего времени ни тем, ни другим не бывал, хотя вовсе не считаю бесчестным выводить наружу злоупотребление, но покамест не знаю, как это сделать»²². 2 августа 1833 г. Николай I подписывает указ о назначении М.П. Лазарева временно исполняющим обязанности Главного командира Черноморского флота и портов в связи с переводом адмирала Грейга в Петербург. Это очень встревожило

коррупцированную верхушку. Критский подал в отставку, при этом производя усиленное разграбление Николаевского адмиралтейства. Лазаревым была предотвращена попытка вступления Критского в новые подряды по поставке некачественной парусины²³. 8 октября 1833 г. Лазарев официально вступает в управление Черноморским флотом и портами, а 31 декабря 1834 г. он был утвержден в этой должности.

Необходимо отметить, что, вступив в управление Черноморским флотом, Лазарев не стал резко менять кадровый состав управления флота. Он взял под свой жесткий контроль все закупки, подряды, работу всех органов военного и гражданского управления. Практически по всем финансовым и кадровым вопросам Лазарев принимал решение самостоятельно, что привело к резкому уменьшению возможностей для злоупотреблений. После этого многие чиновники, использовавшие свои должности в личных корыстных интересах, сами были вынуждены покинуть эти посты²⁴.

Еще 20 ноября 1829 г. на имя Николаевского и Севастопольского военного губернатора А.С. Грейга был дан высочайший указ «О мерах по переселению евреев из Севастополя и Николаева», представленный затем в Сенат и Комитет министров. Согласно указу императора евреям запрещалось жить в этих городах, имевших статус военных портов. Они были обязаны продать недвижимую собственность и переселиться в любые другие приморские города²⁵. Фактически началась массовая высылка евреев, продолжавшаяся в течение нескольких лет. В Севастополь и Николаев евреи могли приезжать только временно, на срок, произвольно устанавливаемый для них военным губернатором. Затем последовал рескрипт императора о воспреещении «допускать евреев к подрядам по Черноморскому ведомству»²⁶. В 1831 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщил в Главное управление ЧФ о том, что император запретил отдавать и постройку военных пароходов с подряда купцам-евреям²⁷. Как отмечалось выше, при Грейге повеление императора фактически игнорировалось коррупцированной флотской верхушкой.

Если Грейг всеми возможными способами старался не выполнять этот указ, то Лазарев использовал все меры по выселению евреев из Николаева и Севастополя. Кроме того, он предпринимал попытки выселения из этих городов греков. И хотя полностью выселить их не смог, но численность их резко снизилась.

Воспитанник М.П. Лазарева И.А. Шестаков позже писал: «Соблазнительная близость арсенала и адмиралтейства, доставлявших огромные средства, вместе с властью распоряжаться рабочей государственной силой смешали понятия о частной собственности с казенной... К должной идее о собственности не могли привыкнуть люди, всю жизнь не знавшие относительно общественных средств различия между моим и твоим»²⁸

Необходимо заметить, что после выселения по указу императора евреев из Севастополя и Николаева подрядчики кораблестроения в Николаеве Рафаилович, Серебряный продолжали строить корабли, но были взяты под жесткий контроль. Лазарев сам ездил в Спасское адмиралтейство два раза в неделю для контроля хода строительства кораблей²⁹.

Таким образом, мы видим, что при попустительстве и откровенном покровительстве Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга, его практической финансовой неподотчетности Петербургу, в конце концов произошло срастание еврейской и греческой преступных группировок с коррумпированной верхушкой флота. Одним из ведущих звеньев этой сети была Юлия Михайловна Грейг, имевшая практически неограниченное влияние на мужа.

Искоренение коррупции на Черноморском флоте было одним из первых действий, предпринятых М.П.Лазаревым. Ее искоренение, или, во всяком случае, жесткое подавление, дало толчок развитию как материальной базы, так и кадрового состава флота.

---

¹ О современной политической и внутренней жизни России. Записка от 1855 г. // Русская старина. 1886. Кн. 6. С. 183.

² РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 20. Л. 15–16.

³ В. И. Михаил Петрович Лазарев // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 347–361.

⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 42. Л. 20–21.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 11–11 об.

⁶ Там же. Л. 17–20.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 46–47.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 44.

¹¹ Там же. Л. 44 об.–45.

¹² Там же. Д. 36. Л. 1–10.

- ¹³ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1949. Л. 1–8.
- ¹⁴ Там же. Д. 2093. Л. 1–12.
- ¹⁵ Александр Иванович Казарский. Воспоминания Фаренниковой Елизаветы // Русская старина. 1886. № 7.
- ¹⁶ Записка графа Бенкендорфа от 8 сентября 1833 года о скоропостижной смерти флигель-адъютанта Казарского // Морской сборник. 1907. № 12.
- ¹⁷ Закревский Н. Записки врача морской службы // Морской сборник. 1863. № 3. С. 31.
- ¹⁸ Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. 1918. № 2–3. С. 115–117, 212–214.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 205. Д. 1367. Л. 32–34.
- ²⁰ Лазарев М.П.: Документы / Под ред. А.А. Самарова: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1961. Т. 2. С. 68.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 564. Л. 35 об.
- ²² Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии. С. 121–123.
- ²³ Лазарев М.П. Документы. Т. 2. С. 137.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. № 3703. С. 500–503.
- ²⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Д. 187. Л. 20.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2331. Л. 17 об.
- ²⁸ РНБ ОР. Ф. 856. Д. 1. Л. 44. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. 19. Отдел писем. Д. 121, ч. 4, 1839 г., п. 9. Л. 1–2.

А.Н. Чубинский (Москва)

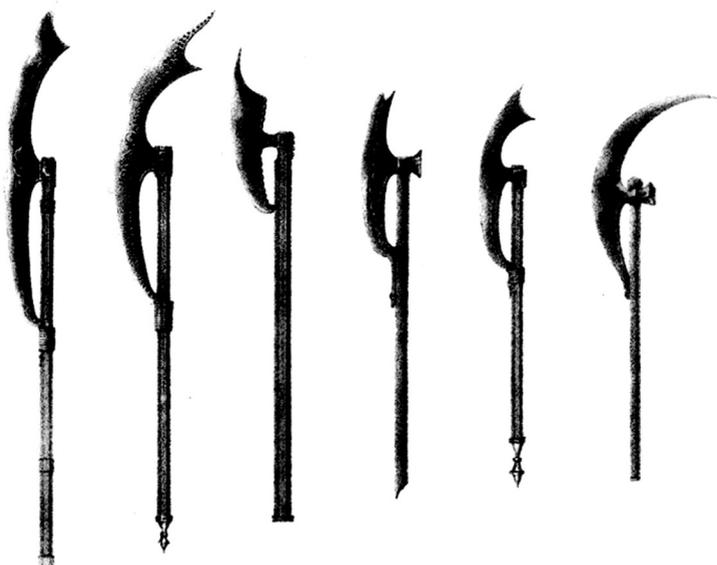
О РУССКИХ БЕРДЫШАХ

В СРАВНЕНИИ с другими видами русского вооружения XVI–XVII в. бердыши могут считаться достаточно хорошо изученными. Множество историков оружия, начиная с А.В. Висковатова и кончая исследователями начала XXI в.,¹ уделяли внимание этому интересному типу вооружения. Изображения бердышей, опубликованные А.В. Висковатовым (ил. 1) и Ф.Г. Солнцевым (ил. 2) сделали это оружие узнаваемым и создали основу для его типологизации.

Слабой стороной изучения бердышей является отсутствие хоть сколько-нибудь точных датировок. В настоящий момент в музеях России нет ни одного бердыша, датировка которого не была бы чисто умозрительной². Тем не менее, весьма успешно развивалась типологизация этого вида оружия.

Результатом более чем полуторавекового исследования бердышей явилось создание типологической схемы, автором которой можно считать эрудированного археолога О.В. Двуреченского. Эта типология (ил. 3) включает четыре типа, выделенные по форме лопасти топора (при перечислении типов даются также их названия, употребляющиеся другими исследователями):

1. «Бердыши топорovidные»³.
2. «Бердыши с месяцевидным лезвием и роговидным верхним концом, откованным в одно острие» (другие названия: «бердыши в одно острие», «бердыши в виде полулуния», «бердыши в виде полумесяца»).
3. «Бердыши с верхним концом, срезанным в виде полумесяца», или «бердыши с верхним краем в два острия» («полулуние с развитым пером»).

Русское вооружение съ XIV до половины XVII столѣтій,

Ил. 1. Бердыши из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова. 1841 г.

4. «Бердыши с острове́рхим концом и ромбическим лезвием»⁴.

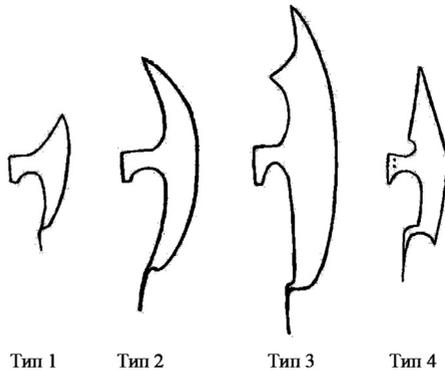
Прежде всего, нужно сказать несколько слов о терминологии, используемой при описании бердышей (равно и топоров). Практически все наименования вышеприведенных типов неудачны. Если мы вспомним исходное определение бердыша – «топор на длинном древке» – то название «бердыши топовидные» буквально означает «топоры топовидные» (тип 1). Наименование «бердыш в одно острие» (тип 2) представляется искусственным и несамостоятельным, вторичным по отношению к наименованию «бердыш в два острия». При этом ясно, что бердыши этого типа являлись более ранним и классическим вариантом этого оружия. Неправильным представляется и название «бердыш в два острия»⁵ (тип 3), ибо выступ на тупье не является острием (у некоторых образцов этот выступ намеренно закруглен) и для нанесения колющего удара не приспособлен. «Верхний конец, срезанный в виде полумесяца» – также неудачное определение, так как сравнение с полумесяцем

уже используется при определении бердыша в целом. С нашей точки зрения, оружие этого типа можно назвать «бердыши с елманью». Елмань – известный исторический оружейный термин, обозначающий выступ или расширение на обухе в верхней части сабельного клинка. Применение этого термина к описанию одного из типов бердышей является интуитивно понятным и не может вызвать путаницы. Еще Э.Э. Ленц использовал термин елмань при описании формы бердышного топора⁶.

Но не во всех случаях перенос термина из близкой предметной области будет оправданным. Нельзя назвать удачным «перо» как обозначение верхней части бердышного топора. Этот исторический термин применяется к боевой части рогатин и копий, которая непосредственно предназначена для колющего удара и обладает осевой симметрией в отличие от острия бердышей.

Ил. 2. «Бердыши и топоры» из альбома Ф.Г. Солнцева «Одежды Русского государства» 1869 г.

Ил. 3. Типология русских бердышей по О.В. Двуреченскому

Крайне неточны и некоторые ранние определения бердыша, например, в словаре С.А. Тучкова 1818 г.: «Старинное оружие... широкий, наподобие полумесяца топор, насаженный на древке, длиной в рост человеческий, имеющий сверху копье...»⁷. Верхнее острие лопасти топора в русском языке имеет достаточно точное наименование «носок» («носок топора») ⁸, которое гораздо точнее, чем «перо» и «копье» и, кроме того, может быть общим для всех топоров. Тот факт, что у ряда бердышей у острия имеется поперечное утолщение, аналоги которого встречаются на наконечниках рогатин и стрел, подтверждает, что эти образцы были рассчитаны на нанесение колющего удара.

Наконец, хотелось бы высказать полное несогласие с использованием термина «лезвие» по отношению к лопасти топора или даже всей металлической части оружия. В равной степени этот термин неприменим к клинку клинкового оружия. Лезвие – это линия, заточенная кромка, но ни в коем случае не массивная часть оружия. При этом часть исследователей именуется «лезвием» металлическую часть топора в целом, «железко», следовательно, в их понимании обух также оказывается частью «лезвия». Крайне огорчительно читать определение бердыша, данное известным историком оружия Л.А. Бобровым: «топор с вытянутым месяцевидным бойком (пером, лезвием), насаженным на длинное... древко»⁹. Боевая часть бердыша не является ни бойком, ни пером, ни лезвием, все эти оружейные термины абсолютно не подходят для характеристики бердышного топора. Недостаточное понимание оружейной терминологии демонстрирует и фраза О.В. Двуреченского: «Топор бердыша состоит из следующих конструктивных частей – лезвие, тупие, обух и косица»¹⁰. Вообще говоря, конструктивными частями любого изделия являются исходные детали. Из перечисленного исследователем конструктивной частью может быть назван лишь обух (возможно, еще и косица), в то время как лезвие и тупье формируются в процессе изготовления и могут являться деталями топора только в метафорическом смысле, но ни в коем случае не могут быть конструктивными частями.

Надо заметить, что термин «обух» применительно к древковому рубящему оружию имеет два значения¹¹. Первое из них – собственно обух, «тупая сторона острого орудия», та часть топора, которая может использоваться как ударно-раздробляющее оружие (или же как бытовой инструмент, тяжелый молоток). Именно в этом смысле термин употреблялся в документе 1683 г.: «И приказал служилым лю-

дем вязать и ковать и бить насмерть меня... рычагами и бердышными обухами»¹². Второе значение – часть топора, образующая проушину (отверстие для топорича). Так, в 1690 г. на балансе Ченцовского железоделательного завода в Каширском уезде числилось «94 обуха бердышных, 10 обухов топорных»¹³. В этом документе обухом названа отдельная деталь бердыша (топора), которая в дальнейшем могла быть сварена с лопастью топора, откованной отдельно. Во избежание путаницы мы предлагаем использовать термин обух, по возможности, в первом смысле, а для обозначения массивной части топора, внутри которой находится проушина, использовать обозначение «обушная часть (топора)».

Итак, наше видение терминологии, необходимой для описания бердышей, таково. Металлический наконечник¹⁴ оружия включает в себя лопасть и обушную часть, разделенные шейкой¹⁵. Форму лопасти (или полотна) определяют линия лезвия, верхнее и нижнее тупье. Термин «длиннолезвийный топор»¹⁶ вполне приемлем, как и «широколопастный топор». На верхнем тупье может находиться выступ, который допустимо называть елманью. Верхняя заостренная часть лопасти называется носком топора или острием, нижняя часть завершается косицей (аналогом пожилин на длиннодревковом оружии), началом которой является место прилегания к древку¹⁷. Проушина, у которой может варьироваться поперечное сечение, проходит внутри обушной части, а обух представляет собой поверхность, поперечную по отношению к лопасти топора, которая может быть использована для нанесения удара.

Возвращаясь к типологии О.В. Двуреченского, отметим ее внешнюю эффективность. На первый взгляд, пользуясь этой схемой, имеющиеся в музеях бердыши легко сгруппировать и подготовить для дальнейшего исследования. Но первые два типа не имеют формальных морфологических критериев, по которым их можно было бы различить. Более того, если составить ряд из бердышей с постепенно увеличивающимися размерами (ил. 4) то мы увидим плавный переход от образцов, близких по форме к бытовым топорам, к классическим бердышам с вытянутой лопастью и выраженным острием. На представленной иллюстрации невозможно понять, где именно кончаются бердыши типа 1 и начинаются бердыши типа 2.

Анализ изображения (ил. 4) может привести к двум противоположным выводам. С одной стороны, кажется очевидным, что представленный ряд можно трактовать как развитие исследуемого оружия.

Ил. 4. Бердыши. Россия, XVI–XVII вв. (?). Музеи Московского Кремля

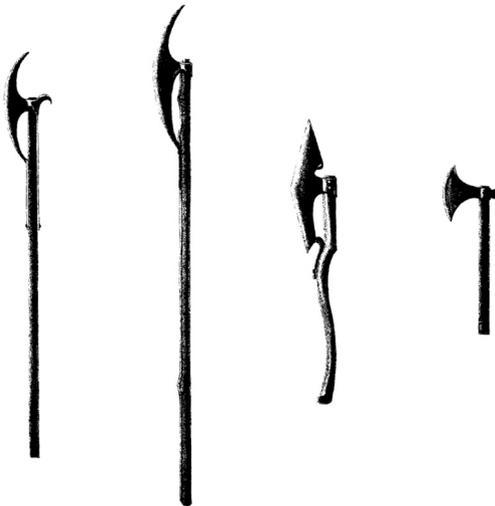
Но сравнение первого и последнего бердыша заставляет думать, что они не принадлежат к одному типу оружия: если первый из бердышей обладает только качествами рубящего оружия, то последний из них и рубит, и режет, и колет. Таким образом, эти два образца имеют заметно отличающийся набор тактико-технических характеристик, что ставит вопрос: насколько правомерно относить оба предмета к одному классу оружия, объединенному под названием бердышей? Верно ли, что оружие всех четырех вышеприведенных типов носило одно и то же историческое название?

Итак, на повестку дня становится вопрос, с которого наше исследование должно было бы начаться: какое именно оружие мы называем бердышом и какие у нас имеются для этого основания? По мнению О.В. Двуреченского, «бердыш представляет собой вид топора или секиры¹⁸, имеющий такой характерный признак как косица — оттянутая вниз нижняя часть лезвия топора, приспособленная для скрепления с древком-ратовищем. Косица есть один из важных элементов, который позволяет отнести тот или иной топор или секиру к бердышам»¹⁹. Таким образом, определяющим элементом бердыша, с точки зрения О.В. Двуреченского, является косица.

Однако А.Е. Писарев явно не придерживался этого определения и не относил имеющие косицу «топоровидные бердыши» к бердышам²⁰. В книге «Военное дело на Руси в XIII–XV вв.» А.Н. Кирпичников постулировал существование русских бердышей в XV в., ни разу не упоминая косицу как их неперменный элемент²¹. Также мнение О.В. Двуреченского противоречит известному определителю оружия 1953 г. М.М.Денисовой и др., где бердышами названы топо-

Ил. 5. Бердыши и топоры из «Краткого определителя русского боевого оружия XI–XIX веков» М.М. Денисовой и др.

Ил. 6. «Топоры» из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова. 1841 г.

ры с самой разной длиной лезвия и древка, в том числе те, которые не имеют дополнительного крепления в виде косицы (ил. 5)²². Э.Э. Ленц при выборе номенклатуры русского древкового оружия называл бердышом оружие на древке²³, а то же самое оружие без ратовища именовал просто топором²⁴. Наконец, еще в издании А.В. Висковатова несколько образцов широколопастных топоров на длинных древках с крепежной косицей не были отнесены к бердышам, а названы просто топорами (ил. 6)²⁵.

Мнения зарубежных историков оружия мы не будем учитывать, так как они используют название русского оружия (*англ.* berdysh, bardiche; *нем.* Berdysch; *польск.* berdysz) достаточно про-

извольно. Так, В. Бехайм, рассуждая о бердыше как разновидности североευропейского пехотного топора и полагая его появление, по всей видимости, в Скандинавии в XV в., привел изображение характерного русского бердыша середины – второй половины XVII столетия как оружия придворной стражи конца XV в.²⁶ Также европейские оружейеды зачастую называли бердышами такое оружие, которое вообще не бытовало в России XVI–XVII вв.²⁷

Наконец, ни один из отечественных исследователей не пытался подтвердить свое определение бердыша ссылками на источники или привести пример конкретного музейного предмета, для которого историческое наименование было бы известно точно. По существу никто из современных оружейедов не задавался вопросом, какое именно историческое название носило то оружие, которое в XIX–XXI вв. публиковалось под привычным названием бердышей. Тот факт, что в музейных собраниях образцы оружия этого типа записаны в инвентарных книгах как бердыши, не является доказательством того, что во время своего активного использования эти образцы носили то же название. Аналогичным образом, ни для одного бердыша, упоминавшегося в письменных источниках эпохи Московского царства, не реконструирован его внешний вид. Форма бердыша (вернее, выявленных типов бердышей) предполагается исследователями самоочевидной. Сопоставление сведений из письменных источников о широком хождении бердышей у стрельцов с изображениями стрельцов у Августина Мейерберга и Эрика Пальмквиста является лишь косвенным доказательством соответствия названия *бердыш* топору с характерной вытянутой лопастью.

Терпят неудачу и попытки исследователей найти наиболее ранее упоминание бердыша в письменных источниках. О.В. Двуреченский ссылается на цитату из книги английского посла Джильса Флетчера, впервые изданной в 1591 г.: «У стрельца или пехотинца нет никакого оружия, кроме ружья в руке, бердыша на спине и меча с боку...»²⁸. Однако эта цитата является переводом, эта же фраза на английском, приведенная еще А.В. Висковатовым, не содержит слова бердыш, а в качестве вооружения стрельца упоминается «his striking hatchet at his back»²⁹. Английское *hatchet* – это топор, но это наименование не позволяет хоть сколько-то приблизительно уточнить его тип, не говоря о наличии у этого оружия косицы.

Также О.В. Двуреченский указывает, что «с этого периода [1580-х] упоминания о бердышах становятся повсеместны, их хоро-

шо отличают западные путешественники от других типов топоров, секир и древкового оружия смешанных типов». И с этим утверждением нельзя согласиться. Англичанин Ричард Джемс, составивший в 1618–1619 гг. русско-английский словарь, дал следующее определение: «Bardish, the Mугiks speare»³⁰, дословно «бердыш, мужицкое копье». Можно лишь предположить, что Джемс уподоблял виденные им бердыши оружию с наконечниками типа европейской глефы или сибирской пальмы, предполагавшими нанесение рубящих ударов. Но факт того, что Джемс фиксирует крайне расплывчатое определение бердыша, очевиден.

Ранние русские источники дают повод подозревать, что оружие, называвшееся в них *бердышами*, вовсе не обязательно являлось бердышом в современном смысле. Так, согласно приходным книгам Болдина-Дорогобужского монастыря, в 1587 г. были куплены «для береженья от лихих людей дитенышам монастырским два бердыша немецкие, дано за оба бердыша две гривны»³¹. Вряд ли мы когда-либо узнаем, какое именно оружие в 1587 г. именовалось *немецким бердышом*, но сам термин указывает на то, что это оружие чем-то отличалось от русских бердышей, и можно быть уверенным, что в современной классификации это оружие получило бы иное название. Наличие косицы на топорах, отмеченных в документе, весьма проблематично.

Нельзя хоть сколько-то уверенно определить и боевое оружие, которое фигурировало в посольском статейном списке 1592 г. под именем бердыша. В этом документе сообщается о грабежах, чинимых подданными Сигизмунда III по отношению к гражданам России: «Ехали изо Пскова в судне озером к Печерскому монастырю псковичи посадские люди... Захарко да Павлик и пристали были на государеве исаде на Черемщах, и туто приехав на них в лотках Якова Сиговского служебник Войтех с Измены со многими литовскими людьми, с самопалы и з бердыши и с топоры, да того Захарка и Павлика ограбили»³². Можно лишь констатировать, что тип этого оружия чем-то отличался от привычных топоров, упомянутых в том же документе.

Другая ранняя фиксация слова *бердыши* содержится в отчете русского посольства, отправленного к императору Рудольфу II в 1596 г. В документе рассказывалось о том, как послов встречали во Вроцлаве: «А как ехали к городу... в посаде по улицам стояли тутошние мещане и дробанты с пишалми и с бердыши, и ходили прапорщики

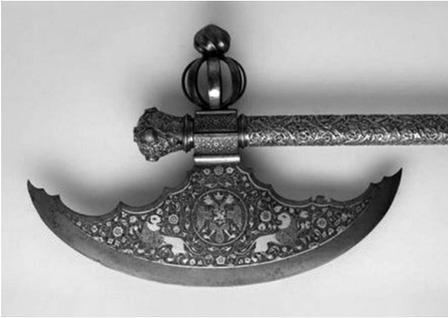
по улицам до посольского двора с прапоры, с набаты и свирелми»³³. Древковое оружие, которым были вооружены «драбанты» во время торжественной встречи послов и которое было названо в документе *бердышами*, возможно, являлось алебардами.

Самое раннее упоминание бердыша в качестве оружия встречается в 1576 г. в документах русского посольства, отправленного к императору Максимилиану II: «от городских ворот и до Посольного двора стояло дрябов с самопалами и с бердыши человек с две тысячи, все в латах»³⁴. Вероятнее всего, под бердышами и здесь подразумеваются алебарды, но в любом случае, исключено, что определяющим при выборе названия для этого древкового оружия было наличие на нем такого крепежного элемента как косица.

Итак, ранние источники говорят о том, что привычный зрительный образ, возникающий у историков оружия при упоминании бердыша, может решительным образом отличаться от того реального оружия, которое упоминалось в письменных источниках. В свете вышесказанного крайне недостоверными выглядят такие противоречащие друг другу утверждения современных исследователей: «Бердыши в западных изобразительных источниках встречаются со второй половины XIV в»³⁵. «Бердыш – отечественное изобретение, изготовляли его только в России... лезвия боевых бердышей достигали в длину от 23,5 см в XV–XVI вв. до 60–80 см в XVI–XVII вв.»³⁶. Оба высказывания, по сути, безосновательны: не зная точного определения русских бердышей и не имея точных данных о времени их бытования, недопустимо экстраполировать это название на европейское оружие и приводить его размеры.

Пожалуй, единственный исследователь, который ответственно подошел к теме определения исторической формы бердышей – А.Е. Писарев, который писал: «Бердыш не описан подробно ни в одном из известных на сегодняшний день источников, лишь в некоторых случаях упоминается сравнение его формы с полумесяцем»³⁷.

Самое раннее упоминание бердыша в письменных источниках, которое мы можем сопоставить с сохранившимся оружием, находится в дневнике Марины Мнишек 1606 г. В рассказе о торжественной встрече в Кремле, которая была устроена Лжедмитрием для своего будущего тестя Юрия Мнишека, упоминается, что «по бокам царя стояло по два дворянина с бердышами железными на золотых рукоятках», далее, когда лже-царь отправился в церковь, «за ними шли приближенные с бердышами, четыре дворянина, которые находились

Ил. 7. Топор посольский. Москва, конец XVI в. Музеи Московского Кремля

при царе, а пятый — с мечом»³⁸. Без сомнения, речь идет о царских телохранителях рындах, а *бердышами* (в польском тексте используется слово *berdysz*)³⁹ были названы знаменитые посольские топоры, скорее всего, московской работы (ил. 7). Для этого оружия помимо широколопастного топора характерна круглая в сечении проушина.

Ил. 8. Бердыш. Украина (?), 1648 г. (?). Национальный музей в Кракове

Обоснованно называть-ся бердышом может также один образец древкового оружия, хранящийся в Национальном музее Кракова. Это мемориальный бердыш, название которого удостоверяет надпись на лопасти топора: «Под Замосцем я, Богдан Хмельницкий... [далее следует перечисление его политических противников. — А. Ч.] сим бердышем заграю на их толстых шиях козака. Року 1648 месяца листопада 11 дня»⁴⁰ (ил. 8). Этот бердыш, как и посольские

топоры, имеет симметричную лопасть топора и ударный поражающий элемент на обухе, но не имеет косицы. К сожалению, подлинность этого оружия вызывает большие сомнения⁴¹.

Еще один музейный предмет, который во время своего активного бытования носил название бердыша, был найден в ходе анализа дела 1676 г. об ограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым⁴². Это дело включает несколько челобитных, взаимно противоречащих друг другу. В первой из них архимандрит монасты-

ря жаловался на воеводу Мещеринова, который, по его словам, ограбил монастырскую казну, присвоив себе, в том числе, и некоторое количество оружия. В ответной челобитной бывший воевода Мещеринов, все имущество которого было к тому времени изъято, излагал дело в ином ключе. А именно, что часть имущества была взята «ратными людьми» его полка во время захвата монастыря в 1573 г. в качестве трофеев: «они имали у воров на бою и в кельях рухледь и платья»⁴³. Также Мещеринов настаивал на том, что конфискованное у него новым воеводой оружие принадлежало ему лично, и привел подробный список изъятого, в который входило, в том числе «семь бердышов, **один из них двойной** [выделено мною. – А. Ч.], цена три рубли с полтиною»⁴⁴. Список показывает, что часть имущества, конфискованного у бывшего воеводы, в действительности не могла принадлежать монастырю (например, «Книга ратного строю полковая печатная, цена три рубли», «великого государя жалованье: жалованная пицаль винтовальная, ствол воронен, насечен серебром, ложа яблонная, нарезана раковинными»⁴⁵), однако ко времени написания челобитной все это имущество уже было зафиксировано в монастырских переписных книгах.

Известно, что часть соловецкой оружейной казны сохранилась в Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге. В настоящий момент в экспозиции этого музея выставлен бердыш, наконечник которого имеет одну проушину и две лопасти топоров, сваренных в верхней части, каждая из которых в нижней части имеет крепезную косицу (ил. 9). Если источником поступления этого своеобразного бердышного лабриса является Соловецкий монастырь, то с наибольшей вероятностью этот «двойной» бердыш тождественен упоминавшемуся в челобитной Ивана Мещеринова 1676 г. Основания для такой идентификации –

Ил. 9. Бердыш двойной.
Россия, до 1673 г. (?).
ВИМАИВнВС

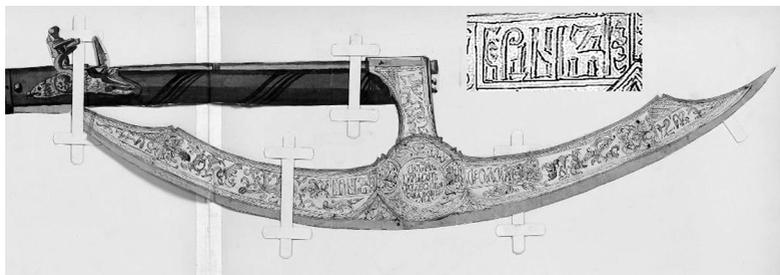

Ил. 10. Бердыш. Москва, до 1689 г. Музеи Московского Кремля

уникальность «обоюдного» бердыша: как в письменных источниках, так и в музейных собраниях – это единственный предмет такого рода. Кому бы ни принадлежал этот бердыш изначально (воеводе Мещеринову⁴⁶ или Соловецкому монастырю), наверняка он был изготовлен до сентября 1673 г., то есть до начала осады обители царскими войсками.

Другой предмет из музейного собрания, который в XVII в. определенно назывался бердышом, хранится в Оружейной палате. Это бердыш с прорезной лопастью (ил. 10), описание которого в ходе нашей работы было найдено в Описи имущества князей Голицыных 1689 г.: «Бердыш большой прорезной с обухом; цена 13 алтын 2 деньги»⁴⁷. «Обух» в данном описании означает выступ в виде молотка. Известно, что оружие В.В. Голицына и его сына было конфисковано и передано в Оружейную палату в 1689 г. Ранее этот бердыш ошибочно определялся как поступивший в музейное собрание из Санкт-Петербургской Рюст-камеры в 1810 г. и из Троице-Сергиевой лавры в 1830 г.⁴⁸ Происхождение оружия определенно русское (о чем говорят изображения единорога и льва), но он имеет нетипичный для русских бердышей обух, оттянутый молотком, и круглую в сечении проушину.

В архиве Музеев Кремля имеется еще один экспонат, который устанавливает прямое соответствие между названием *бердыш* и внешним видом оружия, ему соответствующего. Это акварель первой половины XIX в., на которой в натуральный размер изображено комбинированное оружие, у которого ружейный ствол с цевьем являются древком бердыша (ил. 11)⁴⁹. В нашем недавнем исследовании⁵⁰ было высказано предположение, что изображенное на рисунке оружие (наверняка утраченное безвозвратно) первоначально

Ил. 11. Изображение бердыша-ружья и подписи на нем на акварели первой половины XIX в. Музеи Московского Кремля

входило в вышеупомянутый арсенал князей Голицыных и значилось в Описи 1689 г. как «бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком, покрыт кожей красною»⁵¹. Так или иначе, но наиболее вероятное время изготовления этого оружия – последние десятилетия XVII в.; судя по рисунку, на нем был установлен кремневый замок французского типа. Сомнения в том, что на момент своего изготовления этот образец носил название *бердыш*, рассеивает надпись на лопасти топора, воспроизведенная на акварели: «Бердыш Феодора Ивановича Стремоухова...»⁵². Лопасть топора со слабовыраженной елманью завершалась косицей, гвоздь (винт) крепления которой к древку-стволу, возможно, являлся также креплением для замка.

Наконец, имеется еще один изобразительный источник, подтверждающий историческую форму русского бердыша. Среди рисунков шведского разведчика Эрика Пальмквиста, посетившего Россию в 1673–1674 гг., имелось изображение, которое, насколько нам известно, ни разу не публиковалось историками оружия. Раскрашенный акварелью рисунок⁵³ (рис. 12) представляет характерный бердыш с елманью и рядом отверстий вдоль тупья, косица которого закреплена гвоздем,

Ил. 12. Изображение бердыша и подпись из альбома Эрика Пальмквиста 1663 г.

а также обмотана тонким кожаным ремешком (?) красного цвета. Название оружия удостоверяет надпись на старошведском языке «Een Rysk Bardisch, efter Brukeligh Facon och Storleek» («Обычный русский бердыш в натуральную величину»)⁵⁴. Крайне важно, что в текстовой подписи к рисунку Пальмквист отметил типичность формы этого бердыша. Оружие этого типа наряду с ружьем присутствовало также на хрестоматийном изображении русского стрельца. Заметим, что лишь этот источник позволяет нам сопоставить историческое название *бердыш* (*Bardisch*) с характерным типом оружия, прочие приведенные нами примеры относятся к «маргинальным» бердышам (двойной бердыш и топор, комбинированный с ружьем, парадный бердыш с оттянутым обухом) или к оружию, которое с современной точки зрения не является бердышом (посольские топоры).

Таким образом, письменные и изобразительные источники XVII в. подтверждают, что бердышами могли называться, в том числе, широколопастные топоры с крепежными косицами, но, парадоксальным образом, наиболее раннее оружие, для обозначения которого современники употребили слово *бердыш*, – посольские топоры (ил. 7). Эти топоры, как и прорезной бердыш из арсенала князей Голицыных (ил. 10) имели круглые в сечении проушины.

Заметим, что типология О.В. Двуреченского построена на двух предположениях: этот ученый считает, что, во-первых, определяющим элементом бердыша была косица, и во-вторых, что все бердыши имели проушину сходной («подтреугольной») формы⁵⁵. Как выяснилось, оба предположения противоречат источникам. Следовательно, типология бердышей должна быть, по меньшей мере, расширена.

Практически все исследователи не обращали пристального внимания на тот факт, что бердыши в документах второй половины XVII в. часто упоминались параллельно с *топорками*. Замечательно, что А.Е. Писарев попытался определить этот вид оружия, отталкиваясь от изобразительных источников: «Коротколезвийные топоры без косиц в руках московских стрельцов на чертеже «Отпуск стрельцов водяным путем на Разина» логично истолковать как топорки, тем более, что бердыши и топорки состояли на вооружении московских стрельцов одновременно»⁵⁶. Мы примем как рабочую гипотезу это предположение А.Е. Писарева (не считая, разумеется, что название топорки в XVII в. последовательно прилагалось к древковому оружию с отличительными тактико-техническими характеристиками).

В действительности в письменных источниках бердыши часто идут бок о бок с *топорками*. В 1656 г. в деле об изготовлении по царскому указу древкового оружия в вотчинах Спасо-Прилуцкого монастыря было «велено топорки и бердыши делать с образцов, ни болши, ни менши, весом были бы таковы ж, а делать в железе и в укладе добром, а те топорки насадить на долгие топорщища мерою двух аршин, а бердыши насадить на деревье же как ведется, а на концах... у деревья у бердышев велеть делать маленькие копейца... а сковав и насадив топоры на топорщища и бердыши на ратовища, привезть к нам на Вологду»⁵⁷. Заметим, что этот документ чаще всего толкуется таким образом, будто бы в нем указан стандарт длины древка бердышей, в то время как в тексте ясно указано, что длина два аршина должна быть у топорщиц для топорков.

Согласно государеву указу 1658 г. в Москве предполагалось «в нынешнем во 166 году... зделать вновь наспех против обрасца 2000 топорков с крюки и 2000 бердышей с крюки»⁵⁸.

В 1661 г. псковский голова должен был обеспечить охрану города сотенными людьми «с ружьем с пищальми, с копыи, с топорки и с бердыши»⁵⁹.

В росписи Суздаля 1676 г. числилось «суздальцев посацких людей 280 человек с пищальми, триста тридцать три человека с бердыши, сто сорок семь человек с рогатины, семдесят пять человек с топорки... да оброчный бобылей 75 человек с бердыши и с рогатины и с топорки»⁶⁰. В царской грамоте конца 1687 г. вяземскому воеводе Андрею Бутримову предписывалось изготовить для солдатских полков «для Крымского походу... сделать наскоро в Вязьме 357 бердышов да восьмьсот пятьдесят семь полупичных железец... против образцов, каковы присланы с Москвы», причем в Вязьму были отправлены урядники солдатских полков, «с которыми на то дело прислано железо и сталь»⁶¹. В 1669 г. на железных заводах Петра Марселиса было изготовлено и «взято в полк к боярину и воеводе князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи... 2000 бердышей... да 4000 полупичных железец в Агеев полк Шепелева да 500 топорков в Стрелецкой приказ»⁶². Причем те же топорки в другом документе были названы более развернуто: «Да по памяти ж ис Пушкарского приказу... зделали 4000 полупичных железец, 500 топориков путных»⁶³. В арсенале Пскова в конце XVII в. хранилось «383 бердыша и путных топорков целых и ломаных»⁶⁴.

Таким образом, предположение А.Е. Писарева подтверждается источниками: помимо бердышей было массово распространено оружие со сходными тактико-техническими характеристиками, которое именовалось топорками. Однако вышеприведенная цитата 1689 г.: «бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком»⁶⁵ – показывает, что наименования бердыш и топорок были взаимозаменяемыми. Развивая гипотезу А.Е. Писарева, мы предполагаем, что широколопастные топоры вне зависимости от того, имели они косицу или нет, могли именоваться в документах как бердышами, так и топорками.

Косвенным доказательством этому служит известная цитата из сочинения Авраамия Палицына, описывающего боевые столкновения между польскими интервентами и защитниками Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. Один из защитников обители, «крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силен вельми... в руках оружие держаше бердыш... и сечаше бердышем своим на обе страны врагов и удержеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не возможе... и многих тогда вооруженных и во бронях уязви»⁶⁶. С нашей точки зрения, крестьянин по прозвищу Суета классическим русским бердышом вряд ли смог «уязвить» нападавших, облаченных «в брони», то есть металлические доспехи. Более вероятно предположение, что Суета остановил интервентов при помощи чисто рубящих ударов, которые были бы заметно более эффективными при использовании тяжелого топора с относительно коротким лезвием, то есть оружия, которое в более позднее время будет чаще называться топорком.

Возвращаясь к проблеме отсутствия четких критериев в типологии О.В. Двуреченского при различении типов 1 и 2 (так называемых «топоровидных» и классических бердышей), мы можем предложить следующее решение. Первый из них следует пополнить топорками, не имеющими косицы, и именно эти топорки зададут максимальный размер оружия, в этот тип входящего. Иными словами, самый большой из топорков будет определять наиболее длинное полотно топора, которое может успешно функционировать без введения нового крепежного элемента – косицы. А принадлежащим к типу 2 будет бердыш с косицей, если длина его лопасти длиннее, чем у любого топорка без косицы. Это различие также условно, но обосновано с технической стороны.

Обратим внимание на массовые заказы бердышей и топорков в 1650-х гг., очевидно, обусловленные необходимостью снабжения

оружием армии перед лицом Русско-польской войны 1654–1667 гг. Вышеприведенные цитаты говорят о том, что оружие изготовлялось по установленным образцам. Например, в 1668 г. на «Тульских и Коширских заводах велено сделать 2000 бердышей с укладом самых добрых по чертежу, каков чертеж подали в Пушкарском приказе генерала Миколаева полку Бовмана полковники Альбрехт Шневенц да Миколай Фанзален... а сделал те бердыши послати в полк» Григория Григорьевича Ромодановского⁶⁷.

Как ни странно, ни один исследователь не задавался вопросом: какого вида образцы бердышей (и топорков) рассылались из столицы? Письменные и изобразительные источники не дают ответа на этот вопрос, но совокупный анализ бердышей в современных музейных собраниях позволил бы дать предположительный ответ. Если среди множества музейных бердышей выделяется однотипное оружие со сходными весо-размерными характеристиками, то мы обоснованно можем предположить, что это оружие было изготовлено по имевшимся образцам.

Думается, что именно таким образом может быть разгадана загадка появления бердышей с елманью. Подавляющее большинство топоров этого типа представляет отчетливый, сложившийся тип оружия без следов развития своей главной отличительной детали – «елмани». С нашей точки зрения, такая форма бердыша была разработана военными специалистами⁶⁸ в Москве (в Пушкарском приказе?) в 1650-е гг., там же были изготовлены образцы, которые рассылались в провинциальные производственные центры. Как можно судить по вышеприведенной оценке Эрика Пальмквиста, к 1674 г. древковое оружие этой формы стало «обычным русским бердышом». Также мы можем указать примерный вес «образцового» бердыша для 1673 г. Согласно документам железных заводов Петра Марселиса «в прошлом во 181-м году... по росписи ис Посольского приказу... отпустил он с Тульских железных заводов в донской отпуск на Воронеж... с сотником московских стрельцов с Никитою Есиповым... 3000 бердышев, весу в них 183 пуда»⁶⁹. Если предположить, что все отпущенные бердыши были однотипными и выполненными по одному и тому же образцу, то его вес был немногим менее килограмма⁷⁰.

Наличие в музеях большого количества достаточно однообразных топоров с косицей («топоровидных бердышей», см. рис. 4, второй и третий в ряду) также позволяет предполагать, что это оружие массово изготавливалось для нужд армии, начиная с середины XVII в., по

Ил. 13. Бердыш и топорок. Россия, вторая половина XVII в. Музеи Московского Кремля

имевшимся моделям. Но в этом случае, в отличие от бердышей с елманью, сам тип оружия сформировался ранее.

Бердыш с елманью и бердыш-топорок (ил. 13), происходящие из исторического арсенала Троице-Сергиева монастыря, похоже, представляют собой образы серийного оружия. Бердыш имеет длину лопасти (без учета косицы) 45 см, вес ок. 800 г; топорок – лопасть 26,5 см, вес ок. 550 г.

Объединяющей деталью для вышеперечисленных массовых видов бердышей служит форма обушной части, общая с традиционными русскими дровосечными или плотницкими топорами. Для этой формы

характерна проушина с сечением в виде треугольника со сглаженными углами и обух с выступом в нижней части (этот выступ уменьшал нагрузку на заднее ребро древка). Такую же обушную часть имеют топорки без косицы, которые, по нашему предположению, в XVI–XVII вв. также могли именоваться бердышами.

В то же время, на протяжении XVI и XVII вв. в Московском царстве существовали и другие бердыши, – с круглой проушиной и, чаще всего, с молотком или иным поражающим элементом на обухе. Для них мы достаточно уверенно можем указать источник появления или заимствования, – это турецкое оружие, причем если в XVI в. заимствовались формы, близкие к «секирам мамлюков» (например, посольские топоры), то в XVII столетии влияние на русское оружие могло оказывать турецкое вооружение на длинных древках, по форме лопасти аналогичное классическим русским бердышам.

К сожалению, лишь прорезной бердыш из собрания князей Голицыных (ил. 10) может быть точно определен как русский, а другие немногочисленные бердыши с круглой проушиной, атрибутированные в музеях как изготовленные в России⁷¹, вполне вероятно, имеют турецкое происхождение. Отличительные черты турецких «бердышей» тирпанов, к которым относится круглая проушина, прямая обушная часть, возможно, с молотком, описал Д.А. Власов⁷²; к этим признакам мы добавим короткую косицу и выступающую вырезную часть лопасти чуть выше косицы.

Тем не менее, на факт массового изготовления русских бердышей с круглыми проушинами может указывать следующая цитата 1654 г. из документов Александро-Свирского монастыря: «велено насадить топорки на долгие топорища мерою двух аршин, а топорища были бы круглые, а бердыши велено насадить на дерево же как ведется»⁷³. С большой вероятностью, круглые в сечении топорища соответствовали круглым проушинам наконечников.

Очень вероятно, что турецкое древковое оружие, в свою очередь, испытывало влияние русского. Так, в парижском Музее армии хранится оружие, определенное как русский бердыш, имеющее, тем не менее, персидскую (?) владельческую надпись⁷⁴. С нашей точки зрения, это наверняка турецкое оружие (с чисто турецкой лопастью топора, свойственной для тирпанов), но его обушная часть очень характерна для русских топоров и бердышей.

Итак, отличительной чертой русского бердыша была не варьирующаяся форма лопасти и не крепежная косица, а характерная обушная часть, общая для боевых и бытовых топоров. Тем самым предположение Д.А. Власова о том, что «бердыш на Руси... был заимствован у польско-венгерской пехоты» лишается доказательной силы. Тем более, этот исследователь, несмотря на декларируемые им аналогии русских бердышей в Европе, не привел ни одного музейного европейского «бердыша», который бы повторял по форме хотя бы один русский образец.

Что касается предположения А.Е. Писарева о том, что русские бердыши как тип оружия были заимствованы в Турции⁷⁵, то эта гипотеза в целом ошибочна, но справедлива для небольшой части этого оружия с круглой проушиной.

Возвращаясь к типологии О.В. Двуреченского, скажем несколько слов о «бердышах с острроверхим концом и ромбическим лезвием» (тип. 4). В действительности, в музейных собраниях встречается

**Ил. 14. Бердыш (berdysz).
Польша, ок. 1673 г. Музей
Войска Польского**

несколько подобных образцов, причем форма их обушной части типично русская. Но в целом у нас нет достаточных оснований считать это оружие русским. Вызывают вопросы нехарактерные для русских бердышей отверстия для крепежных гвоздей, сделанные по бокам обушной части этих топоров⁷⁶. Способ приваривания косицы непосредственно к тупью топора, оставляющий нижнее острие, также не имеет аналогов у русского оружия. Наконец, совершенно нерусской выглядит форма лопасти топора, сходная более всего с некоторыми европейскими образцами типа вулжа (Voulge) или лохаберского топора (Lochaber Axe). Ближайший аналог этой «ромбической» лопасти встречается на польских специализированных бердышах, которые были приняты на вооружение в польской пехоте при короле Яне III Собесском. Эти небольшие бердыши (ил. 14) не имели косицы и использовались как подсошки при стрельбе из мушкетов⁷⁷. Этот факт может объяснить появление устойчивой легенды о том, что русские бердыши также служили подпорками для ружей русской пехоты.

Так или иначе, топоры странной «ромбической» формы лишь гипотетически могут оставаться в числе типологизируемых русских бердышей⁷⁸. Возможно, это трофейное оружие, производившееся в западнорусских землях или на территории Речи Посполитой. Гораздо более оправданным будет выделение особого подтипа среди классических бердышей – оружия, снабженного крюком на обухе. Хотя этот тип в музеях представлен минимальным количеством образцов⁷⁹, рисунки подобных бердышей были опубликованы еще А.В. Висковатовым (ил. 6) и Ф.Г. Солнцевым (ил. 2). Наконец, у нас имеется свидетельство источника 1658 г. о массовом изготовлении «топорков с крюки и бердышей с крюки» (см. выше). Бердыши с крюком на обухе были полными аналогами алебард по набору поражающих элементов.

Итак, один из важнейших выводов нашего исследования – ошибочность представлений о том, что историческое наименование *бердыш*, которое мы встречаем в письменных источниках, жестко связано с оружием определенной формы с заранее известными тактико-техническими характеристиками. Немногочисленные упоминания бердышей в документах XVI в. показывают, что это слово в большинстве случаев не могло относиться к привычному для нас оружию, образ которого был сформирован в XIX в. историками оружия и художниками. Для XVII столетия мы можем более уверенно соотнести название *бердыш* с привычным образом широколопастного топора на длинном древке. Но к части такого оружия в источниках могло прилагаться название *топорок*.

В целом наименование *бердыш* в документах XVI–XVII вв. применялось к оружию принципиально разных типов, что ставит вопрос о правомерности использования современного термина *бердыш* и более важный общеметодический вопрос о соотношении современного названия для эмпирически выявленного типа оружия и исторических наименований, совпадающих с современным, область применения которых нам известна лишь отчасти. Однозначного ответа на эти вопросы нет, но в нашем случае мы можем предложить такое решение. Русскими бердышами мы можем считать преимущественно рубящее оружие, имевшее (или предполагавшее) достаточно длинное древко для удержания двумя руками, боевую часть в виде широкой и сверх-широкой лопасти (с косицей или нет) и обушную часть, повторяющую хозяйственные топоры с треугольной проушиной. При этом обух бердышей, как правило, был рассчитан на использование в качестве рабочего инструмента. В число русских бердышей также входило оружие с месяцевидной лопастью, оформление обушной части которого с круглой в сечении проушиной было заимствовано у турецкого (?) рубящего оружия⁸⁰. Первый вид бердышей заметно преобладал над вторым в количественном отношении, и для второго вида мы не всегда можем быть уверены в его русском происхождении.

В письменных источниках к обоим видам этого оружия могли прилагаться названия *бердыш* и *топорок*, весьма вероятно, топор, а в ранних документах, возможно, *секира* или *оскорд*. Из этих названий в качестве оружейных терминов разумно использовать лишь два первых: «бердыш» – для обозначения всего класса русского длиннодревкового рубящего оружия, а «топорок» – как синонимическое

название для бердышей с относительно коротким лезвием («топорovidных бердышей») с косицей или без нее.

Другие виды оружия, к которым в XVI–XVII вв. в источниках прилагалось наименование *бердыш* – русские посольские топоры или европейские алебарды – не имеет смысла классифицировать как бердыши с современной точки зрения. Эти свидетельства письменных источников не относятся к массовому русскому оружию, возможно, представляют собой оружейные метафоры, и мы можем принять их лишь как данные о раннем крайне темном этапе развития русского бердыша.

В завершение работы мы изложим гипотетическую историю появления и развития русского бердыша. Как оружие пехоты он появился в XVI в. и существовал в виде топорков, скорее всего, без косицы, название *бердыш* применялось к нему редко. Примерно на рубеже XVI–XVII в. к бердышам приспособили крепезную косицу, что сделало их более надежным и прочным оружием, позволило вытянуть лопасть и, в частности, оформить носок топора в виде колющего острия. Классический бердыш – с косицей и вытянутой лопастью – активно развивался в первой половине XVII в., но неясно, можно ли назвать это оружие массовым для этого времени. Примерно в середине XVII столетия появился бердыш с елманью, возможно, как образцовое и уставное оружие, также получило государственную поддержку изготовление бердышей-топорков. Лопастей топорков все более удлинялись, появились сверхдлинные и декорированные образцы. С этого времени бердыши, безусловно, сделались массовым оружием, ими вооружались стрелецкие и солдатские полки, казаки, горожане и крестьяне, они наполняли арсеналы городов и монастырей; название *бердыш* в это время стало повсеместным и однозначным, хотя продолжало использоваться и наименование *топорок*.

---

¹ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. 2008. № 9. С. 15–29; Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 300–307; Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 456–478. <http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov>. Время обращения 31.01.2017; Бискуп Н.Р. Оружие на древках из собрания Государственного Эрмитажа. Проблема терминологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014

года. Ч. I. СПб., 2014. С. 172–173; Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. С. 154–194.

² Как справедливо заметил А.Е. Писарев, единственным исключением является бердыш из раскопок, проведенных на месте битвы под Берестечком 1651 г.; этот образец с классической бердышной лопастью имеет точную верхнюю датировку. В публикации А.Е. Писарева также приведены фотографии двух бердышей из собрания ГИМа, на которых гравированы даты (Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 18, 27). Мы сомневаемся в том, что эти даты, как и изображения, были нанесены в XVII в.

³ В кавычки мы заключаем авторские современные термины, которые, с нашей точки зрения, являются неудачными.

⁴ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160.

⁵ Такое название заставляет подозревать, что речь идет о двузубце или боевых вилах.

⁶ См.: Ленц Э.Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 94.

⁷ Тучков С.А. Военный словарь. М., [1818] 2008. С. 51. Также «копье» упоминается как часть бердыша в издании 1911 г., см.: Оружейная палата. Путеводитель. Составили хранители Оружейной Палаты Ю.В. Арсеньев и В.К. Трутовский. М., 1911. С. 130.

⁸ См., например: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М., 1882. С. 417, статья «Топор».

⁹ Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев... С. 301.

¹⁰ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160.

¹¹ У клинкового оружия обухом называется та часть клинка, аналог которой на топорах именуется тупьём.

¹² Сказка крестьян деревни Гилевой о жестоких поступках сына боярского Федора Фефилова. 1683 // ДАИ. Т. X. Акты, относящиеся к расколу в Сибири. № VII. С. 11.

¹³ Отказные книги подьячего Пушкарского приказа Сергея Севергина боярину Льву Кирилловичу Нарышкину на Тульские, Каширские и Алексинские железные заводы. 1690 // Крепостная мануфактура в России. Ч. I. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930.

¹⁴ Подобный термин непривычен, но он более предпочтителен, чем «железко», «насад» или «лезвие». Кроме того, понятие «наконечник» объединяет топоры и древковое оружие.

¹⁵ Шейка присутствует у всех бердышей и у большинства топоров.

¹⁶ См.: Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 22.

¹⁷ Как отдельную деталь описать косицу удается не всегда. Надо полагать, что в ряде случаев косица приваривалась к нижнему концу лопасти, но в других случаях она являлась выгнутой при ковке частью лопасти, причем иногда не имела ясно выраженной границы с последней.

¹⁸ Определение бердыша как особого рода секиры методологически не представляется верным. «Секира» – нечто в высшей степени неопределенное, в музеях не хранится ни одного предмета оружия, который обоснованно носил бы это название.

¹⁹ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 156.

²⁰ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты.

²¹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 22–23.

- ²² Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. Табл. VIII. № 62–66.
- ²³ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. № 399–409.
- ²⁴ Там же. № 411–480.
- ²⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб. 1841. Табл. 69. Думается, что эпоху Николая I еще были живы представления о бердышах как о функциональном оружии, и материалы А.В. Висковатова в известной мере заслуживают доверия.
- ²⁶ Бехайм Вендален. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 266–267. Рис. 428.
- ²⁷ В издании Музея Войска Польского (Marianna Brzuskiwicz et al. Zbiory Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie. Warszaw, 1997. S. 12) бердышом назван «каплевидный» топор (скорее всего, хозяйственного назначения), который бытовал лишь в Европе в XV–XVI вв. и известен под названиями долвар (фр., англ. doloire) и wagoner's axe.
- ²⁸ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 157.
- ²⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Сноска 170. С. СХХIII.
- ³⁰ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619. Л., 1959. С. 192.
- ³¹ Приходно-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря // РИБ. Т. 37. Пет-роград, 1923. С. 75.
- ³² Выписи из статейного списка посольства Афонасия Резанова 1592 // Новые доку-менты о России конца XVI – начала XVII в. М.: МГУ, 1967. С. 92.
- ³³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностран-ными. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. II. С 1594 по 1621 год. СПб., 1852. С. 313.
- ³⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностран-ными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851. С. 671.
- ³⁵ Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII ве-ка. С. 458.
- ³⁶ Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). М., 2004. С. 453.
- ³⁷ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 16.
- ³⁸ Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 40, 53.
- ³⁹ См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra opisanie przez jednego tam obecnego. Roku MDCV do rok MDCIX // Акты исторические, относящиеся к России, извле-ченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 163.
- ⁴⁰ Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соиз-воления П.Н. Батюшковым. [Альбом]. Вып. 7. Холмская Русь. СПб., 1885. Ил. № 15; Суцук Юрій. Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького у колек-ціях музеїв Європи (пошук, знахідки, атрибуція). Київ, 2006. С. 44, 88, 89; Тоїчкін Д.В. Козацька шабля XVII–XVIII ст. Історико-зброєзнавче дослідження. Киев, 2007. С. 290.
- ⁴¹ В музейной инвентарной карточке имеется запись: «Торюг... prawdopodobnie falsyfikac XIX wieku». Суцук Юрій. Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького у колекціях музеїв Європи. С. 64.

- ⁴² Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводою Иваном Мещериновым // ЧОИДР. 1884. Кн. I. С. 22–41.
- ⁴³ Там же. С. 29.
- ⁴⁴ Там же. С. 40.
- ⁴⁵ Там же. С. 36, 38.
- ⁴⁶ Некий Иван Мещеринов упоминался при Тульских железных заводах в 1660-е гг.
- ⁴⁷ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на из московском большом и на загородном дворах, что за Никитскими вороты в привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893. Ст. 135. Других прорезных бердышей не было ни в собрании музея, ни в ранних описях Оружейной палаты.
- ⁴⁸ Городцов В.А. Описание холодного оружия: Топор, бердыш, алебарда, протазаны и эспонтоны // Отчет Российского исторического музея в Москве 1906 г. М., 1907. С. 115, 116. Интересно, что этот исследователь процитировал описание бердыша из Описи имущества Голицыных и параллельно описал сам предмет из музейного собрания как разные образцы оружия.
- ⁴⁹ Богатская И.А. «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Т. 1. М., 2014. С. 363, № 431.
- ⁵⁰ Чубинский А.Н. Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX вв. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Ч. V. СПб., 2016. С. 341–358.
- ⁵¹ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ⁵² Также в надписи приведены несколько строк из Псалма 117, молитвы об оборонении врагов, и из Книги Притч.
- ⁵³ Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. Л. 28, с. 254.
- ⁵⁴ Там же. С. 254.
- ⁵⁵ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160. Круглую проушину этот исследователь считал нетипичной и поздней.
- ⁵⁶ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 25.
- ⁵⁷ Грамота Маркела, архиепископа Вологодского и Великопермского в Спасо-Прилуцкий монастырь. 1656 // ААЭ. Т. 4. № 91. С. 131.
- ⁵⁸ Память из Приказа Большого дворца о сделании топорок и бердышей с крюками. 1658. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5913. Л. 1.
- ⁵⁹ Цитируется по: Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 15.
- ⁶⁰ Смотренный список города Суздаля. 1676 // ДАИ. Т. 9. № 9. С. 21.
- ⁶¹ Царская грамота вяземскому воеводе Андрею Бутримову. 1687 // ДАИ. Т. 12. № 5. IV. С. 16–17.
- ⁶² Дело об уплате денег Петру Марселису за железные изделия. 1669 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. № 100. С. 370.
- ⁶³ Челобитная Петра Марселиса в Посольский приказ о приеме в Пушкарский приказ железных изделий. 1668 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. С. 362.

- ⁶⁴ Росписной список, по которому окольничий и воевода Иван Иванович Головин принял город Псков от воеводы Кирилы Нарышкина. Ок. 1699. РГАДА. Ф. 159. Дела новой разборки. Оп. 1. Д. 220. Л. 9.
- ⁶⁵ Описание имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ⁶⁶ Сказание Авраамия Палицина. Издание Императорской археографической комиссии. СПб., 1909. С. 189–190.
- ⁶⁷ Две памяти из Пушкарского приказа в Посольский приказ о принятых с Тульских и Каширских заводов железных изделиях. 1668 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. № 97. С. 368.
- ⁶⁸ Разработка этой формы была предпринята с учетом типичных повреждений классических бердышей. Анализ собрания бердышей Музеев Московского Кремля показывает, что, помимо полной или частичной утраты косицы, самым частым повреждением бердышей («в одно острие») была утрата острия или даже всей верхней половины лопасти топора. Судя по всему, расширение лопасти бердышного топора должно было укрепить эту подверженную поломке часть оружия.
- ⁶⁹ Дело об уплате денег Петру Марселису за поставленные в 178 году в Пушкарский приказ материалы. 1670 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 412.
- ⁷⁰ Если исходить из величины русского фунта в 409 г., то приведенные в источнике данные позволяют определить вес образцового бердыша в 998 г.
- ⁷¹ Государственный Эрмитаж. Инв. № 3.О. 7904; Государственный исторический музей. Инв. № 4896 Ор, 7021 Ор. Автор выражает искреннюю благодарность хранителям Н.Р. Бискуп (ГЭ) и Т.В. Чистоговой (ГИМ) за возможность познакомиться с этим оружием.
- ⁷² Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века. С. 460–461. К сожалению, в этой работе нет ссылок на опубликованные образцы этого оружия.
- ⁷³ Акты Александрова Свирского монастыря XVII в. Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 157. Ст. 4. [Картотека древнерусского словаря. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН].
- ⁷⁴ Musée de l'Armée. N inventaire: 216 Po. [Электронный ресурс] <http://www.musee-armee.fr/collections/base-de-donnees-des-collections/objet/bardiche-ayant-appartenu-a-underviche.html>. Время обращения: 31.01.2017.
- ⁷⁵ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 29.
- ⁷⁶ Такое крепление, по меньшей мере, не технологично, так как ослабляет наиболее уязвимую часть древка. Автор благодарит за это ценное наблюдение научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. Богданова.
- ⁷⁷ Brzezinski Richard. Polish Armies 1569–1696. Vol. 2. L., 1987. P. 14; Квасневич Владзимеж. Лексикон холодного и метательного оружия. СПб., 2012. С. 23.
- ⁷⁸ Возможно, топоры подобной формы появились в западнорусских землях или на территории Речи Посполитой, а сохранившиеся образцы могут являться трофеями.
- ⁷⁹ ВИМАИВиВС, см.: Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 187, рис. 108; Государственный Эрмитаж. Инв. № 3.О. 7907.
- ⁸⁰ Источник заимствования – более ранние кавалерийские топоры или «мамлюкские секиры» – мы не можем указать точно, это тема для отдельного исследования.

А.Г. Шалковский, О.Л. Высоцкий (Санкт-Петербург)

КОНТРБАТАРЕЙНАЯ БОРЬБА В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ советской артиллерии, без выполнения которой нельзя было рассчитывать на успех разрушения бетонной основы «линии Маннергейма» и, в конечном счете, операции по ее прорыву, являлась контрбатареинная борьба. В то время, да и сейчас она не является самоцелью, а служит лишь средством для обеспечения атаки. История войн давала немало примеров, когда несвоевременно подавленная артиллерия противника контрподготовкой срывала атаки наступающего или расстраивала его войска в такой степени, что атаку приходилось прерывать и приводить их в боеспособное состояние.

Контрбатареинная борьба в рассматриваемый период строилась, как правило, исходя из опыта Первой мировой войны, так как опыт борьбы с артиллерией в войнах Испании и Китая, если и внес в нее что-то новое, то эти изменения в основном были связаны с широким применением в ней авиации. Большинство зарубежных уставов указывало, что для борьбы с артиллерией противника следовало создавать специальные артиллерийские группы, при этом рекомендовалось батарею не уничтожать, а подавлять короткими, но мощными огневыми налетами. Расход снарядов при этом устанавливался в зависимости от способа определения координат батареи: самолетом, по аэрофотоснимку, звукометрией и т. п.

В Красной армии борьба с артиллерией противника регламентировалась Боевым уставом артиллерии¹ и возлагалась на артиллерийскую группу дальнего действия (ДД), создаваемую в корпусе, являясь главной задачей группы. Боевая деятельность группы ДД планировалась штабом начальника артиллерии корпуса, который

предусматривал использование авиации, планируя выделение части ее для обслуживания группы из расчета два самолета на каждый дивизион группы.

Управление огневой деятельностью группы ДД рекомендовалось жестко централизовать, что достигалось распределением всех целей между дивизионами непосредственно командиром группы, который, учитывая способ определения местоположения цели, способы пристрелки и имеющиеся средства корректирования, в нужных случаях усиливал дивизионы дополнительными батареями. Часть батарей группы ДД следовало выделять в огневой резерв для подавления вновь обнаруженных батарей противника

Таким образом, рекомендации БУА-II-37 по борьбе с артиллерией противника представляли собой лишь свод наиболее общих рекомендаций по рассматриваемой проблеме, не раскрывая ни механизма ее организации в корпусе, не давая практических советов по наиболее типичным случаям ее организации в корпусе, дивизионах и батареях. Отсутствовали в БУА-II-37 и какие-либо указания по вопросам борьбы с артиллерией противника при прорыве укрепленного района и ее особенностях.

Между тем борьба с артиллерией укрепленного района значительно осложнялась тем, что оборудование мест для элементов ее боевого порядка, их маскировку и подготовку системы артиллерийского огня эта артиллерия проводит заблаговременно. Как показывал опыт, огневые позиции и наблюдательные пункты артиллерии укрепленного района подготавливаются и оборудуются из расчета не менее двух–трех огневых позиций и наблюдательных пунктов на каждую батарею. С выбранных огневых позиций заблаговременно по определенным ориентирам на разных рубежах готовятся установки для стрельбы, которые проверяются пристрелкой. Так, каждая финская батарея имела до 5–7 подготовленных огневых позиций и несколько наблюдательных пунктов, которые постоянно менялись в ходе боя при выполнении огневых задач.

Огневые позиции финской артиллерии были хорошо оборудованы в инженерном отношении: орудия находились в окопах с перекрытиями в несколько накатов, а орудийные окопы ходами сообщения были связаны с землянками и укрытиями для расчетов (ил. 1), что предохраняло артиллерийские подразделения от потерь в личном составе и материальной части и тем самым обеспечивало большую живучесть артиллерии укрепленного района.

Ил. 1. Финские орудия располагались в окопах с перекрытием в два–три наката

Элементы боевого порядка финской артиллерии тщательно маскировались, проверялись наблюдением с самолета и наземных рубежей перед передним краем. Тщательная маскировка финских позиций сильно затрудняла их обнаружение на аэрофотоснимках и визуальным наблюдением с воздуха, а также с наземных наблюдательных пунктов. При маскировке наблюдательных пунктов и особенно огневых позиций финны проявили большое искусство и изобретательность. Их батареи часто занимали огневые позиции на опушках леса, под деревьями. При стрельбе под воздействием ударной волны от выстрелов снег с деревьев постоянно осыпался, и оголенные от снега деревья могли выдать местоположение батареи. Чтобы избежать этого, оголенные ветви деревьев финны покрывали ватой. При стрельбе из орудий впереди них образуется так называемый задульный конус – потемневший сектор растаявшего и разбросанного снега, хорошо видимый на фотоснимках при фотографировании с самолета. И здесь финны нашли оригинальный выход: на каждой батарее у них имелись белые маскировочные сети мелкого плетения, которыми они закрывали демаскирующие секторы перед стволами орудий при появлении советской авиации.

В еженедельной сводке английского командования об обстановке на театрах войны от 17 ноября 1939 г. говорилось:

«Опытный американский корреспондент, побывавший в Испании и Абиссинии, сказал, что он никогда не видел настолько искусно замаскированных артиллерийских батарей»².

Полевая артиллерия финской армии насчитывала около 420 орудий³, большую часть которых (около 73 %) представляли бывшие русские 76-мм полевые орудия обр. 1900 и 1902 гг., а также 75-мм орудия французского и шведского производства, которые к началу войны сильно устарели. Кроме того, эти орудия, имея настильную траекторию, не очень подходили для применения в условиях переесеченной и лесистой местности Финляндии; и артиллеристы сталкивались с большими трудностями при выборе огневых позиций, обеспечивающих стрельбу на небольшие дальности, а также при поражении целей, расположенных за различными естественными укрытиями.

Ограниченное количество тяжелых артиллерийских систем (114 штук) включало французские 152-мм тяжелые гаубицы системы Шнейдера обр. 1913 г., а также русские 107-мм корпусные пушки обр. 1910 г. и 122-мм легкие гаубицы обр. 1910 г. Кроме того, на армейских складах хранилось 238 устаревших орудий, часть которых впоследствии пришлось направить в войска.⁴

Ограниченным был и боекомплект выстрелов. По финским оценкам, армия располагала 271 378 выстрелами к орудиям всех калибров, однако их подавляющая часть – 205 тыс. выстрелов – приходилась на 75- и 76-мм системы.⁵ Следовательно, в среднем на одно орудие приходилось по 646 выстрелов. Уместно упомянуть, что к началу Первой мировой войны средняя норма обеспечения боеприпасами в европейских армиях составляла не менее 1200–1500 снарядов на одно орудие, однако даже такого запаса хватило только на первый период боевых действий.⁶ Серьезным недостатком обеспеченности финской полевой артиллерии боеприпасами являлось ограниченное число выстрелов к орудиям калибра 107-мм и крупнее. Как полагал К.Г. Маннергейм, имевшегося запасов боеприпасов Финляндии могло хватить: 81-мм мин – на 22 дня боев, 76-мм снарядов – на 21 день, снарядов для 122-мм гаубиц – на 24 дня, снарядов тяжелой артиллерии (от 152-мм и выше) – на 19 дней.⁷ До поступления иностранной помощи финнам приходилось использовать снаряды старой русской армии, некоторые трубки и взрыва-

тели которых даже покраснели от ржавчины. В ряде случаев более трети снарядов не разрывались.

Наряду с полевой, финская армия располагала многочисленной береговой артиллерией. В наследство от Российской империи ей достались береговые батареи в Финском и Выборгском заливах, а также на Ладожском озере. В составе береговой артиллерии имелись 35 батарей береговой обороны со 115 орудиями калибра от 120 до 305 мм.

В ходе войны Финляндия получила большую помощь от ряда государств. Большое количество орудий и боеприпасов было поставлено Францией и Швецией. Всего было поставлено 876 орудий и минометов и более 750 тыс. снарядов и мин, однако многие из них прибыли в Финляндию в очень плохом состоянии и слишком поздно, чтобы участвовать в Советско-финляндской войне.⁸ Зарубежные поставки дали возможность почти в 3 раза увеличить численность полевой артиллерии Финляндии и в какой-то мере удовлетворить потребность в артиллерийских боеприпасах.

Но обширные закупки за границей и использование трофейного вооружения привели к его излишнему разнообразию, что серьезно затрудняло обучение личного состава артиллерийских подразделений, боевое применение вооружения и материально-техническое обеспечение войск. Несмотря на серьезное увеличение численности финской полевой артиллерии, она по-прежнему уступала советской по численности и техническому оснащению. Как следует из данных таблицы 1, характеризующей соотношение сил по артиллерии в полосе наступления 50-го стрелкового корпуса, превосходство советской артиллерии колебалось в пределах от 2,2 : 1 (по противотанковой артиллерии) до 10,8 : 1 (по тяжелым пушкам) при общем соотношении по пушкам и гаубицам 5,7 : 1 в пользу советской артиллерии.⁹

Таким образом, финская армия была оснащена малой по численности, в большинстве устаревшей артиллерией. Ограниченным был и боекомплект выстрелов, и это серьезно ограничивало ее огневые возможности.

Недостаточную численность артиллерии финны старались компенсировать искусством ее боевого применения. Широкое использование временных, запасных и ложных огневых позиций, ведение огня кочующими взводами и орудиями создавали впечатление о наличии у них большого количества батарей. Огонь обычно велся по

Таблица 1

**Соотношение сил по артиллерии в полосе 50-го ск
(по данным на 10 февраля 1940 г.)**

Наименование вооружения подразделений 50-го ск	Количество	Части противника	Наименование вооружения подразделений противника	Количество	Соотношение
Противотанковые орудия:		3-я и 5-я пехотные дивизии, 8-й, 7-й и 15-й пехотные полки, 1-й батальон 9-го пехотного полка,	Противотанковые орудия:		
37-мм орудия	-		37-мм орудия	72	-
45-мм орудия	161		45-мм орудия	-	
Всего:	161		Всего:	72	2,2:1
Легкие пушки	96		Легкие пушки	24	4:1
Тяжелые пушки	43		Тяжелые пушки	42	10,8:1
Легкие гаубицы	72		Легкие гаубицы	122	6:1
Тяжелые гаубицы	130		Тяжелые гаубицы	202	6,5:1
Всего:	341	резервы 13-го и 14-го пехотных полков	Всего:	60	5,7:1
Минометы	80		Минометы	90	1:1,1

заранее пристрелянным рубежам и участкам перед передним краем обороны. Характер же ведения огня – короткие огневые налеты с быстрой сменой огневых позиций – не давал возможности своевременно нацелить разведку, особенно инструментальную, на определение координат стреляющих орудий. Затрудняли ведение разведки и малая продолжительность светового дня, сложные метеорологические условия – туманы, снегопады, которые часто не давали возможности использовать аэростаты наблюдения и артиллерийскую авиацию.

Широкое применение ложных батарей, звуковой имитации и имитации вспышек выстрелов с ложных огневых позиций, ведение огня в периоды огневой деятельности артиллерии наступающего – вот лишь короткий перечень приемов и методов маскировки деятельнос-

Ил. 2. Ложная огневая позиция финской батареи в районе Кархула

ти артиллерии финнов, которые требовали от артиллерийских штабов стрелковых корпусов и дивизий четкой организации разведки, умения грамотно оценить демаскирующие признаки каждой цели, способности отличить ложную позицию от действительной, делать правильные выводы из анализа обработанных разведывательных данных.

Исключительная скупость рекомендаций БУА-П-37 по организации контрбатарейной борьбы вынудила штаб артиллерии 7-й армии во главе с комбригом Леонидом Александровичем Говоровым разработать и разослать в декабре 1939 г. «Указания по организации контрбатарейной борьбы на фронте 7-й армии», сыгравшие большую роль в организации борьбы с финской артиллерией. Необходимость их разработки обуславливались также серьезными недостатками и упущениями в организации разведки батарей противника, сборе и анализе разведанных о них.

Специально выделенные наблюдатели за батареями противника на наблюдательных пунктах артиллерии отсутствовали. В артиллерийских штабах не велись карты с анализом данных об обнаруженных батареях противника, анализ донесений, поступавших с наблюдательных пунктов, от батарей звуковой разведки, авиации и воздухоплавательных отрядов и от пехоты, в штабах начальников артиллерии корпусов, дивизий и групп артиллерии ДД сводился лишь к фиксации полученных данных в разведывательных сводках

и схемах. Работа средств инструментальной и воздушной разведки зачастую не планировалась и должным образом не обеспечивалась. Упущено было и руководство разведывательной работой штабов начальников артиллерии дивизий со стороны штабов начальников артиллерии корпусов, которые, в свою очередь, не руководили штабами групп артиллерии ДД. При ведении разведки батарей противника редко использовались простые, но очень эффективные способы засечки батарей по секундомеру и блеску выстрела в ночных условиях. Воронки от разрывов снарядов, как правило, не изучались, в то время как по ним можно хотя бы приблизительно определить направление на батарею противника, тип и калибр стреляющих орудий.

Не все благополучно обстояло и с практикой поражения финских батарей. Оно, как правило, велось одной батареей и очень редко дивизионом, тем самым нарушалась требуемая «Правилами стрельбы наземной артиллерии 1939 г.» плотность подавления цели, в результате чего обстрелянные батареи противника вскоре вновь оживали.

Указания, разработанные штабом артиллерии 7-й армии, по существу явились первым серьезным документом по ведению контрбатарейной борьбы и впервые в доступной форме подробно излагали порядок ее ведения, начиная от организации разведки до фиксации результатов огня. Указания требовали решительной перестройки всей системы борьбы с артиллерией. В частности, они подчеркивали необходимость четкого планирования работы органов разведки, постановки перед ними конкретных задач с указанием районов возможного расположения батарей противника. Указания детализировали, дополняли и конкретизировали основные положения БУА-П-37. Они предписывали организацию постоянного взаимодействия между командными пунктами общевойсковых командиров, командно-наблюдательными пунктами артиллерийских начальников и средствами разведки. За обнаруженными батареями требовалось установить систематическое наблюдение, фиксируя время их работы, а полученные сведения тщательно анализировать, сопоставлять и обрабатывать, на основе чего могло быть сделано заключение о достоверности огневых позиций, с которых батареи вели огонь.

Указания подтверждали рекомендации Устава о целесообразности придания средств разведки (звукометрических взводов, самолетов и аэростатов) непосредственно дивизионам групп артиллерии ДД, что должно было обеспечить быстрое подавление батарей противника, которое следовало вести немедленно по их обнаружению и,

как правило, огнем дивизионов. Для этого в группах артиллерии ДД рекомендовалось иметь круглосуточное дежурство батарей и дивизионов. Батареи противника, наблюдаемые с аэростата или самолета, рекомендовалось не подавлять, а уничтожать, так как в этом случае имелась возможность корректировать огонь на поражение и достоверно установить результат выполнения огневой задачи.

Появление Указаний, несомненно, способствовало улучшению организации контрбатарейной борьбы. К концу декабря в полосах действий 7-й и 13-й армий действовало четыре разведывательных артиллерийских дивизиона, две отдельные разведывательные батареи, четыре эскадрильи корректировщиков и два воздухоплавательных отряда. Для ведения контрбатарейной борьбы в подготовительный период были созданы корпусные и дивизионные группы артиллерии ДД, которые получили наименования по номеру корпусов и дивизий. В составе групп насчитывалось 2–3 (24–36 орудий), а в корпусах, наступавших на направлении главного удара армии, в группах артиллерии – от 6 до 9 дивизионов (см. таблицу 2).

Тактика действий финской артиллерии (кратковременность выполнения огневых задач), с одной стороны, требовала от командиров групп артиллерии ДД поражение вновь обнаруженных батарей противника вести немедленно по их обнаружении, так как батарея могла вскоре сменить позицию. Огонь следовало вести с максимально достижимой скорострельностью, чтобы застать расчеты у орудий. Удачным огневым налетом можно было вызвать большие потери в личном составе батареи и тем самым снизить ее огневые возможности. С другой стороны, действие финских батарей с нескольких огневых позиций обуславливало необходимость делать тщательный анализ разведывательных данных и при возможности осуществлять доразведку поражаемой батареи противника. Иными словами, батарея должна была подвергаться немедленному огневому воздействию только в том случае, если ее местоположение установлено точно.

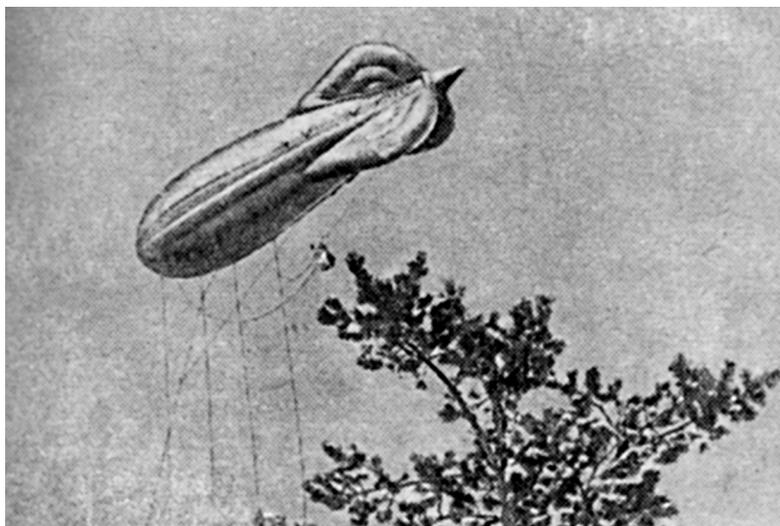
Уже с января, с началом активной работы всех средств разведки, ее эффективность резко повысилась, чему в немалой степени способствовало массированное использование этих средств на решающих направлениях. Так, на направлении главного удара 7-й армии было развернуто 8 из 10 взводов звуковой разведки (80 %); действовало 15 из 18 самолетов (более 80 %) и оба воздухоплавательных отряда. Советской разведывательной авиации приходилось действовать в сложных метеорологических условиях, в то время как кратковремен-

Таблица 2

**Состав корпусных и дивизионных групп артиллерии
дальнего действия 7-й армии**

Стрелковые корпуса	Группы артиллерии дальнего действия	Состав групп	Количество		
			Дивизи- онов	Батарей	Орудий
19-й ск	ДД-19	320-й пушечный артиллерийский полк	3	9	36
	ДД-136	455-й корпусной артиллерийский полк	3	9	36
	ДД-24	28-й корпусной артиллерийский полк	3	9	36
	ДД-90	1-й и 2-й дивизионы 43-го корпусного тяжелого артиллерийского полка	2	6	24
Итого			11	33	132
50-й ск	ДД-50	1-й и 2-й дивизионы 49-го корпусного тяжелого артиллерийского полка	2	6	24
	ДД-123	24-й корпусной артиллерийский полк	3	9	36
	ДД-100	1-й и 2-й дивизионы 21-го корпусного тяжелого артиллерийского полка	2	6	24
Итого			7	21	84
3-й ск	ДД-49	311-й пушечный артиллерийский полк	3	9	36

ность пребывания самолетов в воздухе усложняла возможность их использования для корректирования огня. Сказывался и недостаток разведывательной авиации. Например, артиллерия 50-го стрелкового корпуса на 29 января 1940 г. насчитывала 327 орудий и минометов, в том числе орудий калибра 107 мм и выше – 231. Эту группировку

Ил. 3. Аэростат артиллерийского наблюдения во время ведения разведки

артиллерии обслуживали всего 6 самолетов из 16-го корректировочного авиаотряда.¹⁰

Для корректирования огня артиллерии с успехом использовались аэростаты, которые днем и ночью висели в воздухе на удалении 2,5–3 км от «линии Маннергейма» (ил. 3). С высоты 450–500 м наблюдатели аэростатов просматривали не только передний край, но и ближайшую глубину финских позиций, поэтому финнам теперь приходилось использовать для подвоза материальных средств и переброски живой силы только темное время суток. Аэростаты артиллерийского наблюдения использовались для разведки огневых средств противника, его инженерных сооружений, наблюдения за передвижением и сосредоточением войск и техники и, как правило, для корректирования огня артиллерии. В гондоле аэростата обычно размещались два артиллерийских наблюдателя, которые по телефонному кабелю передавали результаты наблюдения в штаб отряда, а когда проводилось корректирование артиллерийского огня – непосредственно в артиллерийские части.

Применение аэростатов позволило значительно повысить точность стрельбы, так как давало возможность корректировать огонь по целям и наблюдать за его результатами. Результативность кон-

трбатарейной борьбы резко возросла и, кроме того, благодаря использованию аэростатов зачастую можно было поразить батарею прежде, чем она успеет открыть огонь. Своей работой они внесли серьезный вклад в борьбу с финской артиллерией, и, видимо, он был настолько весом, что его не мог не отметить даже маршал К.Г.Маннергейм:

*«Разведка русских, в особенности осуществляемая с воздушных шаров, затрудняла деятельность артиллерии, что становилось еще более тревожным фактором, если учесть, что, несмотря на скудность в боеприпасах, артиллерия все больше превращалась в ядро обороны».*¹¹

Особенно сложной оказалась борьба с минометами. Малая масса минометов обеспечивала им чрезвычайную маневренность, что позволяло обороняющимся широко использовать «кочующие» минометы и минометные батареи. Кроме того, минометы могли вести огонь даже из-за больших укрытий, что серьезно затрудняло их обнаружение наблюдением. Весьма затруднительно было найти их и по звуку, так как они стреляли почти беззвучно, да и в лесу звук быстро затухал в результате многократного отражения от деревьев. Разработать эффективные способы борьбы с минометами не удалось, поэтому она обычно сводилась к огневым налетам по участкам, откуда, как предполагалось, велся минометный огонь.

Массированное использование технических средств разведки на главных направлениях не замедлило сказаться на ее результатах.

Об эффективности различных видов разведки дают представление данные о числе артиллерийских батарей, разведанных в подготовительный период в полосе наступления 50-го стрелкового корпуса 7-й армии, приведенные в таблице 3, откуда следует, что две трети батарей были обнаружены взводами звукометрической разведки (ВЗР). Треть результатов, полученных звукометрической разведкой, была подтверждена другими видами разведки – измерительно-пристрелочными взводами (ИПВ), авиацией и аэрофоторазведкой. В целом же в ходе войны звуковой разведкой было разведано 65 % батарей противника, сопряженным наблюдением – 16 %, армейской авиацией – 10 %, измерительно-пристрелочными взводами – 5 %, аэростатами наблюдения – 4 %.¹²

Таблица 3

**Число артиллерийских батарей противника, разведанных
в подготовительный период в полосе наступления
50-го ск 7-й армии**

Число разведанных артиллерийских батарей	Средства разведки			
	ВЗР	ИПВ	Авиация	Аэрофото- разведка
13	6 (46 %;)	1 (8 %)	2 (15 %)	4 (31%)

Опыт свидетельствует, что большинство стрельб групп артиллерии ДД по финским батареям проводилось с помощью взводов звуковой разведки, хотя до войны считалось, что привлечение звуковой разведки для пристрелки и контроля стрельбы возможно лишь в отдельных случаях. В ходе войны был впервые опробован способ создания звуковых реперов, применение которого позволяло учесть систематическую ошибку звуковой разведки. Использование способа было особенно эффективно в условиях слабого развития топографической основы в районах огневых позиций артиллерии.

Результаты обследования огневых позиций, подвергавшихся подавлению, после занятия района огневых позиций нашими войсками, итоги контрбатарейной борьбы в полосе наступления 50-го корпуса были вполне удовлетворительными: из 13 обследованных батарей противника в полосе корпуса 12 имели все признаки подавления, а одна – уничтожения (ил. 4).¹³ Таким образом, в практику ведения контрбатарейной борьбы впервые был внедрен контроль результатов стрельбы на подавление и уничтожение батарей противника, который проводился специально выделенными подразделениями.

Опыт Советско-финляндской войны свидетельствовал о возрастании роли артиллерийской инструментальной разведки. Звукометрическая разведка превратилась не только в основной инструмент обнаружения стреляющих батарей противника, но стала надежным средством обслуживания пристрелки по ним в сложных метеорологических условиях, а также при отсутствии надежной топогеодезической основы. Значительно повысило эффективность артиллерийской разведки и огня артиллерии применение авиации, однако то обстоятельство, что она не была подчинена артиллерийскому ко-

Ил. 4. Остатки уничтоженной финской батареи

мандиру, препятствовало оперативному использованию авиации в наиболее напряженные моменты боя и операции.

Несмотря на имевшиеся недостатки, широкое использование артиллерийской инструментальной разведки (звукометрической разведки, измерительно-пристрелочных средств, корректировочной авиации и аэростатов наблюдения) обеспечивало определение координат и ведение точного огня по ненаблюдаемым целям, что в значительной мере давало возможность увеличить глубину огневого воздействия на группировки войск противника.

Опыт борьбы с артиллерией финнов показывал, что надежное подавление батарей противника достигалось в период их огневой деятельности по заранее подготовленным данным, так как в этом случае имела уверенность в том, что батарея находится на своей огневой позиции, а орудийный расчет – вне укрытий. Ограниченное число тяжелых орудий не позволяло финским артиллеристам принимать контрбатарейный поединок, и они уходили в укрытия, ведя огонь урывками, с таким расчетом, чтобы звукометрическая аппаратура наступающих не успевала произвести засечку, а аэростат наблюдения – скорректировать ответный огонь. В связи с этим советские артиллеристы почти не имели потерь от огня финской артиллерии средних и крупных калибров.

Таким образом, начиная со второй половины января, организация контрбатарейной борьбы принимает стройную систему. В ней прояв-

ляются те основные черты, которые в полной мере получили развитие во время Великой Отечественной войны: строгая централизация, четкое взаимодействие огневых и разведывательных подразделений, выделение специальных дежурных подразделений. Благодаря численному и качественному превосходству советской артиллерии удалось завоевать огневое господство на поле боя. Несмотря на попытки финнов скрыть истинную группировку своей артиллерии и минометов, применяя различные способы дезориентации звуковой, оптической и воздушной разведки, советская артиллерия вела успешную борьбу с артиллерийскими и минометными батареями противника, чем обеспечила успех той ее части, которая была выделена для разрушения долговременных оборонительных сооружений стрельбой прямой наводкой. Высокая эффективность контрбатарейной борьбы заставляла финских артиллеристов постоянно совершенствовать инженерное оборудование и маскировку позиций, менять тактику боевого применения артиллерии.

---

¹ Боевой устав артиллерии РККА. Ч. II. 1937 г. (БУА-II-37). М.: Государственное военное издательство НКО СССР, 1937. С. 98–103.

² Public Record Office. Cab. 66/3. Weekly Resume No. 11.

³ Советско-финляндская война 1939–1940: В 2 т. Т. 1 / Сост. П.В. Петров, В.Н. Степанов. СПб.: Полигон, 2003. С. 129.

⁴ Зимняя война 1939–1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998, С. 194.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1. С. 128.

⁷ Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Варгиус, 1999. С. 284.

⁸ Легкие полевые орудия (75-мм – 84-мм). [Электронный ресурс]. Код доступа: [http://www.jaegerplatoon.net/Finnish army 1918-1945: ARTILLERY PART 3.htm](http://www.jaegerplatoon.net/Finnish%20army%201918-1945%3A%20ARTILLERY%20PART%203.htm).

⁹ Готовцев А.И. Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939–1940 гг. Приложения (документы и схемы). М.: Высшая ордена Суворова I степени Военная академия им. К. Е. Ворошилова, 1947. Приложение 27.

¹⁰ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 45.

¹¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. С. 324.

¹² Артиллерийская разведка. Л.: Военная артиллерийская командная академия, 1955. С. 25.

¹³ Готовцев А. И. Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939–1940 гг. Приложение 16.

Е.Д. Шелковникова (Москва)

РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБОРОТА СТАРИННОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС)

СТАРИННОМУ ОРУЖИЮ принадлежит значительная роль в эволюционном развитии общества, государства и личности. Изучение и анализ современного нормативного состояния разрешительной системы в сфере его оборота целесообразно начать с обращения к истории основных этапов ее становления и развития, поскольку в «интерпретации связей политики, права и законности необходим конкретно-исторический подход»¹.

Первые упоминания об оружии встречаются еще в договорах Руси с Византией 907–971 гг., где слово «оружие» упоминалось в нескольких значениях. Во-первых, оно выступало как элемент клятвы при заключении договоров между князьями, в случае нарушения которой следовало наказание – смерть от своего собственного оружия²; во-вторых, как средство причинения вреда здоровью³ и в-третьих, как снаряжение воина, на которое вводилось ограничение в ношении его русскими людьми на территории иностранного государства⁴. В «Русской Правде» оружие и, в частности, меч упоминается как вооружение дружинника, дорогостоящее имущество и элемент статуса представителя власти⁵. Характерно, что в данный исторический период к оружию относились как к обычному предмету быта, поэтому каких-либо специальных норм, направленных на ограничение его оборота, не существовало.

Впоследствии нормы Соборного Уложения 1649 г. уже отделяют оружие от предметов хозяйственно-бытового назначения. Оно уже начинает рассматриваться в качестве предмета, который может быть специально использован для причинения вреда жизни и здоровью государя и иных лиц. Отныне оружие становится источником по-

вышенной опасности. А со второй половины XVII в. государство криминализирует использование оружия, угрожающего личной безопасности подданных, и законодательно вводит ограничения на его оборот⁶, положив тем самым начало формированию разрешительной системы оборота оружия в России.

Оружие военное и гражданское в контексте его целевого назначения является источником повышенной опасности, поэтому возникновение и функционирование разрешительной системы в сфере его оборота обеспечивает, в первую очередь, соблюдение требований безопасности личности, общества и государства.

Сущность разрешения применительно к теме нашего исследования составляет юридически значимое согласие государства на совершение действий в рамках конкретной стадии оборота оружия. Поэтому разрешения являются исходным началом правового регулирования оборота оружия в целом. Как необходимый атрибут государственного управления разрешительная система осуществляется путем правотворческой и правоприменительной деятельности уполномоченных на то государственных органов.

Разрешительная система оборота оружия как составная часть разрешительной системы России имеет весьма протяженную историю формирования, которая нами подразделяется на следующие этапы: царский (до 1917); советский (1917–1991) и современный (с 1992 г. по настоящее время). При этом на различных этапах развития российской государственности она складывались постепенно в зависимости от особенностей конкретной социально-политической обстановки в стране и ряда иных факторов.

Теперь обратимся непосредственно к предмету нашего исследования – возникновению разрешительной системы оборота старинного (или же древнего, как его называли в те давние времена) оружия.

Предпринятая нами попытка историко-правового исследования старинного оружия в России в процессе его движения (оборота) показала следующее. На различных этапах развития российской государственности отдельные стадии оборота старинного оружия: его изготовление, купля и продажа, передача, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, ремонт, перевозка, изъятие, уничтожение, ввоз и вывоз, – складывались постепенно⁷.

Будучи весьма выразительным памятником культуры, старинное оружие не менее реально отражает события прошлого, чем произведения живописи, скульптуры или даже литературные повествования.

Ведь помимо своего прямого целевого назначения – использования для поражения живой или иной цели, оружие имеет и иное предназначение – культурное и образовательное. В оружии как предмете декоративно-прикладного искусства собраны воедино технические достижения, конструкторская мысль и художественный стиль определенной исторической эпохи.

Однако именно в таком аспекте древнее оружие не рассматривалось в царский период Российского государства в качестве источника повышенной опасности и соответственно законодательно не ограничивалось в обороте. Собрательством и коллекционированием оружия в Российской империи совершенно свободно мог заниматься всякий желающий. А самой дефиниции «древнее оружие» в российском законодательстве не имелось, поскольку оно к разрешительной системе царского периода и не относилось.

Однако в начале XX в. коренное изменение социально-политической обстановки внутри страны и на международной арене все-таки вынудило государство ввести некоторые временные ограничения оборота древнего оружия. Данный исторический период сопровождался бурными и во многом трагическими событиями внутри страны и за ее пределами. Произошедшие три русские революции, участие России в Первой мировой войне в конечном итоге привели к краху самой империи. Все это не могло не найти отражение в ужесточении оружейного законодательства. Приведем лишь два документа: Высочайшее утвержденное Николаем II Мнение Государственного Совета от 10 июня 1900 г. «О запрещении изготовления и привоза из-за границы огнестрельного оружия образцов, употребляемых в войсках» и Высочайшее постановление императора «О продаже и хранении огнестрельного оружия, а также взрывчатых веществ и об устройстве стрельбищ». Соответственно были ужесточены и таможенные ограничения на ввоз и вывоз огнестрельного оружия военных образцов.

Кроме того, помимо официально изданных законодательных актов в Российской империи существовали и секретные циркуляры, предназначенные губернаторам и генерал-губернаторам, в которых содержались ограничения и запреты на владение и ношение оружия различными сословными категориями, разрешенные в открыто изданном Своде законов.

Так, в офицерской среде того времени было совершенно обычным хранение дома некоторого количества оружия (до 15 и более единиц): личных сабель, шашек, палашей и шпаг, охотничьих ружей, пистоле-

тов и револьверов для самообороны, памятных трофеев и семейных реликвий. Это оружие часто украшало стены квартиры, но называть коллекцией его в большинстве случаев нет веских оснований, поскольку его владельцы не занимались целенаправленно собирательской деятельностью; во всяком случае, подтверждений этому пока не найдено. К примеру, в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется дело 1906–1909 гг. «О коллекциях оружия, имеющихся у генералов, штаб, обер-офицеров и классных чинов артиллерийских частей, управлений и заведений, расположенных в С.-Петербурге и его окрестностях», в котором приводятся десятки фамилий офицеров и чиновников, хранивших дома оружие в тех или иных количествах. «Дело предваряется следующим документом от 16 сентября 1906 г.: «В виду того, что некоторыми из артиллерийских офицеров возбуждаются вопросы о том, как поступить с имеющимися у них на частных или казенных квартирах коллекциями оружия и не требуется ли, ввиду объявления г. Петербурга на положении чрезвычайной охраны, получения особых разрешений на право хранения такого оружия, – по приказанию Его Императорского Высочества генерал-инспектора артиллерии запрошено было по этому поводу заключение С.-Петербургского градоначальника, который отзывом от 9-го минувшего августа за № 6679 уведомил, что к хранению коллекций оружия офицерами, состоящими на службе, с ведома их непосредственного начальства, с его стороны препятствий не встречается. По докладу настоящего отзыва генералу-инспектору артиллерии Его Императорское Высочество приказал вопрос этот передать в канцелярию управления для объявления по управлению с тем, чтобы чинами его, имеющими коллекции оружия, были предоставлены описи такого оружия»⁸. В деле приводятся описи домашних «арсеналов», составленные самими владельцами или на основании докладов их начальников. При изучении этих описей можно попытаться сделать вывод о том, кто из владельцев действительно занимался коллекционированием или хотя бы хранил сложившиеся ранее домашние, пусть и небольшие, собрания оружия»⁹.

В качестве исключения из общего правила приведем лишь один (но зато какой!) пример распространения действия разрешительной системы царского периода на древнее оружие. Это хранящийся в фондах ГИМ и любезно предоставленный нам И.Н. Палтусовой документ: Билет № 1897 от 23 октября 1902 г. за подписью и. д. Московского обер-полицейстера полковника Русина, выданный отстав-

ному капитану Вадиму Семеновичу Турнеру на дозволение иметь в квартире холодное и огнестрельное оружие с указанием конкретного перечня такового.

Проведенный нами историко-правовой анализ показал, что к началу XX в. разрешительная системы оборота оружия в России практически сформировалась, избежав крайностей в виде вседозволенности и тотального запрета. В Своде законов Российской империи нормы административного права, регулирующие оружейную сферу, рассредоточены по различным уставам, законам и постановлениям. Причем для административного законодательства того времени, закреплявшего разрешительные отношения в оружейной сфере, был характерен запретительный тип регулирования. Однако при этом древнее оружие объектом разрешительной системы не являлось. Поэтому у частных лиц, занимавшихся коллекционированием древнего оружия, как правило, была лишь одна необременительная обязанность – соблюдать законодательные установления Свода законов Российской империи в отношении коллекционирования современных видов оружия военного образца, не нарушая их.

Впрочем, для истинных коллекционеров древнего оружия – рядовых подданных Российской империи – сам процесс кропотливого собирания коллекции подчас становился не только своеобразной культурным увлечением, но и образом жизни, человеческой судьбой¹⁰.

Ситуация коренным образом изменилась с началом революционных потрясений 1917 г.

Октябрьская революция 1917 г., приведшая к краху Российской империи, с неизбежностью повлекла за собой слом разрешительного порядка оборота оружия царского периода, особенностью которого являлось сословное ограничение круга его невластных участников¹¹.

В дореволюционной России в частных руках находилось довольно большое количество оружия для самых различных целей: служебной деятельности, самообороны, а также просто как предмет быта и интерьера. Социалистическое государство, декретировав принцип «вооружение трудящихся... и полное разоружение имущих классов»¹², должно было создать иные формы и методы контроля над оборотом оружия на основе классового подхода к созданию и функционированию разрешительной системы, объектом которой теперь стало и древнее оружие как своего рода источник повышенной опасности для власти Советов.

В советский период считалось, что древнее оружие есть атрибут царизма и дворянского и буржуазного быта, который отвергался но-

вой властью. Поэтому судьбы практически всех частных коллекций древнего оружия складывались практически одинаково. В лучшем случае они были вывезены владельцами за рубеж, а в худшем – разграблены, разобраны на составные части либо тайно проданы. И лишь «оставшиеся в живых» предметы оружейной старины оказались в музейных собраниях Советской России, зачастую лишившись своей целостности и истории.¹³

Декрет СНК РСФСР «О сдаче оружия» от 10.12.1918 г.¹⁴ прямо обязывал население и гражданские учреждения сдать огнестрельное и холодное оружие, все выданные до сих пор разрешения на хранение объявлены недействительными. Однако согласно Инструкции к данному Декрету исключением являлись члены Российской коммунистической партии. Именно принятием данного Декрета с Инструкцией к нему и было положено начало разрешительной системе оборота оружия, включая и старинное оружие, в советский период.

Вплоть до середины 1920-х годов властный элемент разрешительной системы оборота оружия в советской России имел неоднородную структуру и еще не вполне сложился институционально. Разрешительную деятельность одновременно осуществлял целый ряд субъектов: СНК РСФСР и его Чрезвычайная Комиссия, ОГПУ РСФСР, органы милиции НКВД РСФСР.

Советская власть с 1922 г. вела уголовную ответственность за хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения.

В послевоенные годы был издан ряд нормативно-правовых актов, в основном касающихся изменения порядка приобретения оружия населением. Для выполнения этих задач важная роль отводилась участковым уполномоченным (впоследствии – участковым инспекторам). Характерно, что методическая литература для разрешительного направления деятельности милиции в советский период издавалась строго в рамках служебного пользования¹⁵.

На практике разрешительная система, осуществляемая органами внутренних дел, складывалась из предварительной проверки объектов, выдачи разрешений, последующего гласного и негласного надзора, контроля и проведения профилактических мероприятий¹⁶. Разрешительную систему в республиканских, краевых и областных центрах организовывали управления административной службы милиции или отделы службы МВД–УВД. В остальных местностях работу по обеспечению разрешительной системы проводили отделы (отделения) внутренних дел горрайисполкомов.

При осуществлении разрешительной системы органы внутренних дел руководствовались Инструкцией, объявленной приказом МООП СССР № 15-1968 г. «О порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов к нарезному оружию, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских, торговли нарезным огнестрельным и холодным оружием». Деятельность участковых инспекторов милиции в разрешительной сфере осуществлялась в соответствии с Инструкцией по службе участкового инспектора, введенной в действие приказом МВД СССР № 250-1970 г.

В соответствии с возложенными задачами органы внутренних дел выполняли следующие функции: выдавали разрешения на приобретение, хранение и перевозку огнестрельного оружия, на открытие оружейно-ремонтных предприятий, магазинов, торгующих огнестрельным оружием; вели учет объектов разрешительной системы и осуществляли контроль за их состоянием, принимали меры к устранению выявленных недостатков; осуществляли контроль за соблюдением правил хранения огнестрельного оружия, а также правил их перевозки; за соблюдением сроков действия разрешений; за соблюдением должностными лицами и гражданами правил разрешительной системы; выявляли и учитывали случаи утрат и хищений, а также использования не по назначению, и другие нарушения правил разрешительной системы, принимали меры к пресечению нарушений, а также в установленном порядке – по привлечению виновных к административной или уголовной ответственности; проводили профилактические мероприятия, направленные на предупреждение нарушения правил разрешительной системы¹⁷.

Нельзя не отметить весьма негативные моменты, связанные с отсутствием в советском законодательстве понятия «старинное оружие» и специального правового режима его оборота. Так, Инструкцией МВД СССР 1975 г. было установлено, что «в музеях для экспонирования разрешается хранить только оружие, приведенное в состояние, непригодное для производства выстрела»¹⁸.

Однако имелся и позитив. Так, в Инструкции МВД СССР 1987 г. впервые было сформулировано понятие «историческое оружие, под которым понималось «дульнозарядное, фитильное, колесное, кремневое и капсюльное нарезное и гладкоствольное огнестрельное оружие, изготовленное до 1878 года». Историческим оружием также

считались их копии. И главное, в данной инструкции оговаривалось, что действие разрешительной системы, осуществляемой органами внутренних дел, на такое оружие не распространяется.¹⁹ Указанная Инструкция МВД СССР регулировала разрешительную систему оборота оружия вплоть до принятия первого Закона Российской Федерации «Об оружии» 1993 г.²⁰

Теоретические разработки ученых-административистов советского периода основывались на восприятии разрешительной системы в сфере оборота оружия как нормативно установленного порядка приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов к нарезному оружию, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских, торговли нарезным огнестрельным и холодным оружием²¹. При этом подчеркивалась обусловленность введения разрешительной системы потенциальной опасностью конкретных предметов (оружия), полностью или частично изъятых из гражданского оборота²². Соответственно юридическое значение разрешительной системы понималось как «обязательное получение предварительного разрешения на совершение определенных, конкретных действий, регламентированных законами и иными нормативно-правовыми актами»²³, а ее основное назначение – «охрана государственного порядка, общественной и личной безопасности граждан от всех преступных посягательств»²⁴. При этом, если в первые десятилетия советской власти назначение разрешительной системы, как правило, ограничивалось сферой охраны государственной безопасности и общественного порядка²⁵, то позднее очевидной стала также взаимосвязь разрешительного порядка регулирования и охраны прав граждан (личной и имущественной безопасности)²⁶.

Таким образом, оборот оружия, включая старинное оружие, традиционно являлся объектом разрешительного воздействия Российского государства в советский период на уровне ведомственного нормативного регулирования. При этом объем, характер и виды разрешений изменялись в зависимости от особенностей общественных отношений, политического режима и других факторов, включая криминогенную обстановку в стране.

Начало 90-х гг. XX в. было ознаменовано кардинальным преобразованием экономического и политического строя России, повлекло и кардинальные изменения разрешительной системы в целом. Если в советский период содержание разрешительной системы ограничи-

валось деятельностью органов внутренних дел²⁷, то на современном этапе с учетом широкого распространения разрешительной системы за пределы, далеко преобладающие компетенцию органов внутренних дел, ее сущность изменилась.

Ныне разрешительная деятельность органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом гражданского и служебного оружия осуществляется с применением соответствующих норм конституционного, административного и иных отраслей права в совокупности с их правоприменительной деятельностью. Однако сами «рамки правового регулирования разрешительной системы в сфере оборота оружия должны определяться с учетом реальных потребностей российского общества на конкретном этапе его развития»²⁸.

Первый за всю историю государства российский законодательный акт об оружии – Закон РФ № 4992-1 «Об оружии» 20.05.1993 г.²⁹ – регламентировал ряд важнейших для безопасности общества и государства вопросов. В нем впервые были сформулированы дефиниции оружия и его видов (ст. 1–5) а также содержалась норма, раскрывающая понятие «оборот оружия» (ст. 1). На основании ст. 28 Закона контроль за оборотом оружия на территории Российской Федерации возлагался на органы внутренних дел и органы, уполномоченные выдавать лицензии на производство оружия. Однако дефиниции «старинное оружие» данный Закон не содержал, поэтому разрешительный порядок оборота старинного оружия в России, как и в советский период, сохранялся. И соответственно, старинное оружие по-прежнему являлось источником повышенной опасности с наличием соответствующей административной и уголовной ответственности за нарушение установленного действующим законодательством порядка оборота гражданского оружия

Положением «О Министерстве внутренних дел Российской Федерации»³⁰ была предусмотрена организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению выполнения требований лицензионно-разрешительной системы. Соответственно Приказом МВД России от 4 апреля 1994 г. № 102 утверждено «Положение об управлении лицензионно-разрешительной работы». Это управление является структурным подразделением Главного управления обеспечения общественного порядка МВД России. Его основными задачами является организация работы лицензионно-разрешительных подразделений органов внутренних дел по выполнению требований Федеральных законов «Об оружии» и «О частной детективной и охран-

ной деятельности в Российской Федерации», анализ состояния дел на местах и оказание практической помощи. В составе МВД–УВД субъектов Российской Федерации образованы подразделения лицензионно-разрешительной работы, непосредственной задачей которых является осуществление контроля за оборотом служебного и гражданского оружия на подведомственной им территории.

Вступивший в силу 1 июля 1997 г. ФЗ «Об оружии» правовой режим статуса старинного оружия так и не изменил, вернее, его просто не было. Оборот старинного (антикварного) оружия в нашей стране осуществлялся без получения соответствующих лицензий органов внутренних дел при наличии заключения историко-искусствоведческих экспертизы о признании его культурной ценностью в порядке, определяемом п. 2 постановляющей части постановления Правительства РФ № 814-1999 г. «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации». Данное заключение составлялось экспертами, аттестованными Росохранкультурой (а затем Министерством культуры РФ), которые и должны были его зарегистрировать в этом же федеральном органе исполнительной власти. И к 2012 г. на журнальном учете в Министерстве культуры РФ состояло порядка 650 частных коллекционеров старинного оружия. Как видим, в реальной жизни в отсутствие законодательной базы старинное оружие спокойно находилось в относительно свободном частном обороте: ввозилось на территорию РФ, покупалось, продавалось, коллекционировалось, экспонировалось и проч.

В преддверии годовщины Отечественной войны 1812 г. Государственной Думой РФ практически единогласно был принят в третьем чтении Федеральный закон № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” (по вопросу особенностей, порядка и условий оборота оружия, имеющего культурную ценность)», который вскоре был одобрен Советом Федерации, подписан Президентом России и уже 13 июля 2012 г. вступил в юридическую силу³¹.

С принятием поправок в ФЗ «Об оружии» впервые в истории государства Российского в его законодательстве появились новые дефиниции: «оружие, имеющее культурную ценность» и «старинное (антикварное) оружие». Однако Закон отнес оружие, имеющее культурную ценность, к виду оружия гражданского, что сделало его объектом разрешительной системы органов внутренних дел. Соответс-

твенно, регулируемый до этого времени Министерством культуры РФ оборот старинного (антикварного) оружия был прекращен.

Остается сожалеть, что ряд положений ФЗ «Об оружии», увы, не соответствует историческим реалиям, что вызывает вполне обоснованное недоумение и беспокойство. Так, частью первой ст. 1 проекта Федерального закона «Об оружии» введено понятие старинного (антикварного) оружия: «огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (*за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами* – выделено нами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года». Такая законодательная дефиниция не только существенно ограничила реальный круг памятников оружейной старины, но и явно противоречит мировой истории развития огнестрельного оружия. Ведь из законодательного определения понятия «старинное (антикварное) оружие» выпала весомая группа исторических памятников огнестрельного оружия XVI–XIX вв., составляющих национальное достояние России и хранящихся ныне в музейных собраниях и частных коллекциях. Закон не отнес к старинному (антикварному) оружию многоствольные, казнозарядные, магазинные ружья и пистолеты XVI–XVII вв., сложные оружейные конструкции охотничьего оружия XVIII в., прославленные разработки русских и иностранных оружейников XIX в. Зато старинное (антикварное) оружие» ныне является гражданским оружием (для культурных и образовательных целей), что ограничивает его свободный оборот как культурного достояния России. А с июля 2016 г. оно является объектом разрешительной системы и контроля лицензионно-разрешительных подразделений Национальной гвардии России (п. 3 ст. 5 ФЗ N 226-ФЗ от 3 июля 2016 г. «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»³²).

Таким образом, на протяжении рассматриваемых нами трех исторических периодов развития России отношение государства к старинному оружию и правовая оценка действий с ним претерпевали существенные изменения. Царский период: древнее оружие – вначале обычный предмет бытования, затем – историко-культурная ценность, не отнесенная к разрешительной системе. Советский период: старинное оружие на подзаконном уровне включено в разрешительную систему как предмет повышенной опасности. Современный период: правовой режим старинного (антикварного) оружия государс-

твом четко не определен. Законодательно признанное культурной ценностью старинное (антикварное) оружие одновременно – подвид гражданского оружия (для культурных и образовательных целей) и как предмет повышенной опасности все тот же объект разрешительной системы страны со всеми проблемами его легального оборота.

Полагаем, в ближайшие годы подобная двойственность правового режима старинного (антикварного) оружия сохранится, что явно идет не на пользу отечественной культуре. Воистину, «*levius fit potentia, quidquid corrigere est nefas*» («Что невозможно изменить, нужно перетерпеть»). *Горацій. Оды*.

¹ Шахрай С.М., Мелехин А.В., Левакин И.В. Теория права и государства: учетно-методический комплекс. М.: Государственное научное учреждение «Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации», Высшая школа государственного аудита (факультет) МГУ, 2009. С. 114.

² Договор Руси с Византией 944 г. // Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С. 31; Договор Руси с Византией 971 г. // Там же. С. 59.

³ Сходные по формулировке положения содержатся в договорах Руси и Византии 911 и 944 гг. // Там же. С. 3–57.

⁴ Договор Руси с Византией 907 г. Там же. С. 65.

⁵ Русская Правда. 3–57; Договор Руси с Византией 907 г. Там же. С. 65. Русская Правда краткой редакции // Памятники русского права. С. 77–78; Русская Правда пространной редакции // Там же. С. 110–111.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1: 1646–1648 гг. С. 474.

⁷ См.: Кулинский А.Н. 1) К истории собраний и частного коллекционирования оружия в дореволюционной России. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Изд. Галерея «Русские палаты», 2004; 2) Коллекционеры оружия в дореволюционной России: новые данные исследований // Бомбардир. 2008. № 20; 3) Частные коллекции оружия в западных губерниях Российской империи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2010, Ч. 1. С. 417–455; Шелковникова Е.Д., Ефимов С.В. Старинное оружие в России. СПб.: Русская коллекция, 2010. С. 8 и др.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Галерея «Русские палаты», 2004. С. 11.

¹¹ Более подробно об этом см.: Субанова Н.В., Шелковникова Е.Д. Теоретические и правовые основы становления и развития разрешительной системы оборота оружия в России до 1917 г. // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 4.

¹² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов 24/11.01.1918 г. СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.

- ¹³ См.: Е.Д. Шелковникова, С.В. Ефимов. Старинное оружие в России. С. 114–122.
- ¹⁴ СУ. 1918. № 93. Ст. 933.
- ¹⁵ См., например: Жаворонков Н.М. Разрешительная система // Библиотечка участкового уполномоченного милиции. М.: Высшая школа МООН РСФСР, 1964.
- ¹⁶ См.: Жаворонков Н.М. Разрешительная система // Библиотечка участкового инспектора милиции. М.: Высшая школа МВД СССР, 1973. С. 4–7.
- ¹⁷ Фефилова В.Ф. Методологические вопросы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел по осуществлению разрешительной системы // Сб. науч. тр. ВНИИ МВД СССР. № 55. М., 1980. С. 66–67.
- ¹⁸ Инструкция о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами, утв. Приказом МВД СССР от 04.12.1975 № 300. П. 2.13.
- ¹⁹ Инструкция о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами, утв. Приказом МВД СССР от 01.12.1987 № 246. П. 1.3.
- ²⁰ Инструкция о работе органов внутренних дел по осуществлению разрешительной системы, утв. Приказом МВД СССР от 06.05.1987; Инструкция о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами, утв. Приказом МВД СССР от 01.12.1987. № 246.
- ²¹ Советское административное право: Учебник / Под ред. В.И. Поповой, М.С. Студеникиной. М.: Юридическая литература, 1988. С. 296–297; Советское административное право (Общая и Особенная части) / Под ред. Ю.М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1973 С. 551–552; Студеникин С.С., Власов В.А., Евтихийев И.И. Советское административное право. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 297; Советское административное право (Особенная часть) / Под ред. Ю.М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1964. С. 268; Студеникин С.С. Советское административное право. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 262; Советское административное право: Учебник / Под ред. П.Т. Василенкова. М.: Юридическая литература, 1981. С. 389.
- ²² См., напр.: Советское административное право / Под ред. Р.С. Павловского. Киев: Вища школа, 1986. С. 362.
- ²³ Административное право / Под ред. Ю.М. Козлова. М., 1968. С. 542.
- ²⁴ Власов В.А., Студеникин С.С. Советское административное право. М., 1959. С. 276.
- ²⁵ См., напр.: Советское административное право. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 204.
- ²⁶ См., напр.: Еропкин М.И., Попов Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л., Лениздат, 1973. С. 114–115.

²⁷ См., напр.: Управление в области административно-политической деятельности / Под ред. А.Е. Лунева. М., 1979.

²⁸ См.: Н.В. Субанова, Е.Д. Шелковникова. Теоретические и правовые основы становления и развития разрешительной системы оборота оружия в России до 1917 года. С. 39.

²⁹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 24. Ст. 860.

³⁰ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605.

³¹ Российская газета. 2012. 13 июля.

³² Там же. 2016. 6 июля.

Е.Д. Шелковникова, В.И. Прыгов (Москва)

ARMES DE LUXE ОТ ЛЕПАЖ В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

*Лепаж – славный
ружейный мастер¹.*

КЛАССИКИ мировой литературы – О. де Бальзак, А. Дюма-отец, Ф.-Р. Шатобриан, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. – в своих произведениях увековечили дуэльные гарнитуры парижской оружейной мануфактуры Лепаж (Le Page)². Так сформировался «бренд», который стал тесно ассоциироваться с материально-бытовой культурой высших слоев европейской аристократии XIX в. Однако внимательное изучение произведений фирмы позволяет выявить самые разные грани литературного контекста их репрезентации.

В первую очередь, дуэльные гарнитуры органично включались классиками литературы в канву повествования, что придавало облику героев убедительность, подчеркивало их рафинированный вкус и состоятельность. В «энциклопедии русской жизни», как образно назвал В.Г. Белинский «Евгения Онегина» (1823–1830), мы находим подробное описание дуэли на кремневых пистолетах между его героями – Евгением Онегиным и Владимиром Ленским (Глава VI, строфа XXV):

«Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.

Примчались. Он слуге велит
Лепажу стволы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам»³.

«Лепажу стволы роковые» сопутствовали самому поэту в последние дни его жизни. Современные историки-оружиееды до сих пор пытаются раскрыть тайну местонахождения дуэльного гарнитура А.С. Пушкина в его дуэли с Дантесом. Существует и такая версия, что Пушкин прибыл к месту дуэли 27 января 1837 г. с собственным дуэльным гарнитуром фирмы Лепаж. Достоверно также известно, что 24 января 1837 г. он отнес ростовщику А.П. Шишкину столовое серебро, под залог которого получил 2200 рублей. Возможно, часть этих денег пошла на оплату пистолетов, которые он выбрал в «Магазине военных вещей» Алексея Куракина на Невском проспекте, 13. Однако в расходных книгах мануфактуры «Лепаж» в Париже за 1837 г. не содержится записи о заказе Пушкиным дуэльного гарнитура. По словам К.К. Данзаса, секунданта Пушкина, «пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака»⁴. Нынешнее местонахождение дуэльного гарнитура Пушкина и пистолетов д'Аршиака пока так и неизвестно.

Дуэльный гарнитур Лепажу пушкинской поры упомянут в курьезной истории из повести С.Д. Довлатова «Заповедник», где он с ностальгией вспоминает свою молодость – летнюю подработку экскурсоводом в доме А.С. Пушкина в Михайловском:

«Перешли в кабинет... Демонстрирую портрет Байрона, трость, этажерку... Вдруг слышу.

– Пистолеты настоящие?

– Подлинный дуэльный комплект системы Лепажу.

Тот же голос:

– Лепажу? А я думал – Пушкина.

Объясняю:

– Пистолеты той эпохи. Системы знаменитого оружейника Лепажу. Пушкин знал и любил хорошее оружие. У него были такие же пистолеты...»⁵.

Упоминание о дуэльных пистолетах Лепажу также имеется и в драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835) в монологе князя Звездича о возможной дуэли с Арбениным⁶:

«Арбенин в свете жил, – и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии – кровавую развязку.
А рассердился он, – и в этом нет беды:
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага».

Высокородные герои целого ряда поздних романов А. Дюма-отца: «Капитан Памфил», «Полина», «Сальватор (книга II; книга IV)», «Шевалье де Сент-Эмин», «Блэк», «Эрминия», «Корсиканские братья», «Парижские могикане» (т. I) и др. к месту «кровавой развязки» всенепременно являлись с дуэльным гарнитуром фирмы Лепаж. Вот характерное описание дуэли из романа «Полина» (1838): «Мы ожидали не более пяти минут, когда приехал граф со своими секундантами... У графа были пистолеты работы Лепажа, у меня – работы Девима, те и другие с двойным замком и одного калибра, как, впрочем, почти все дуэльные пистолеты»⁷.

Впрочем, описания дуэлей на шпагах времен «Трех мушкетеров», на наш взгляд, читаются с большим интересом, нежели на лепажах. Да и сам автор знал о дуэлях отнюдь не понаслышке, имея на своем счету по крайней мере одну дуэльную историю.

О. де Бальзаку даже тир А. Лепажа на улице Гюрде⁸ послужил для краткой, емкой и сразу понятной современникам характеристики героя в «Шагреновой коже» (1831): «Милостивый государь, степень бакалавра я получил в тире Лепажа, в Париже, а степень доктора – у короля рапиры Серизье»⁹.

Но не менее важна для нашего исследования совершенно иная форма литературного контекста – использование европейского культурного наследия в декоративном оформлении ряда выдающихся произведений фирмы. Разнообразные виды парадного и подарочного оружия мануфактуры Лепаж, в дополнение к своему функциональному назначению, были декорированы мастерами-ювелирами и поэтому становились в глазах современников драгоценными изделиями, символом роскоши и принадлежности к «высшему обществу». Поэтому отдельные эпизоды истории бытования, к сожалению, многочисленных известных произведений фирмы вполне могли бы служить самостоятельными литературными сюжетами.

Ил. 1. Париж. ул. Ришелье, 8. 1920 г.

Для более глубокого понимания ныне не всегда очевидной семантики литературного контекста парадного и подарочного оружия от Лепаж следует обратиться к анализу его роли и места в повседневной жизни представителей придворных кругов и высшей аристократии во взаимосвязи с основными вехами истории мануфактуры. Представители нескольких поколений семьи Лепаж¹⁰ на протяжении почти двух веков вносили свой вклад в создание, поддержание и преумножение высокой репутации фирмы, получившей мировое признание (ил. 1). Заказчики и клиенты Лепаж, такие как Людовик XV, Людовик XVI, первый консул, а затем император Наполеон, Людовик XVIII, Карл X, Луи-Филипп, – это центральные фигуры противоречивой и подчас драматичной истории Франции на протяжении второй половины XVIII – XIX вв. Очень показательным примером королевского заказа служат парные пистолеты¹¹, исполненные для внука правящего короля Карла X, девятилетнего наследника престола графа Анри Шарля д'Артуа, герцога Бордо¹² из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (ил. 2). Юного герцога предполагалось также обучать и меткой стрельбе, поэтому рукоятки сделаны уменьшенного размера, под детскую руку. Декоративное оформление предметов очень насыщенное и персонифицированное: владельческая монограмма присутствует в трех местах, а в орнаментации имеются такие элементы

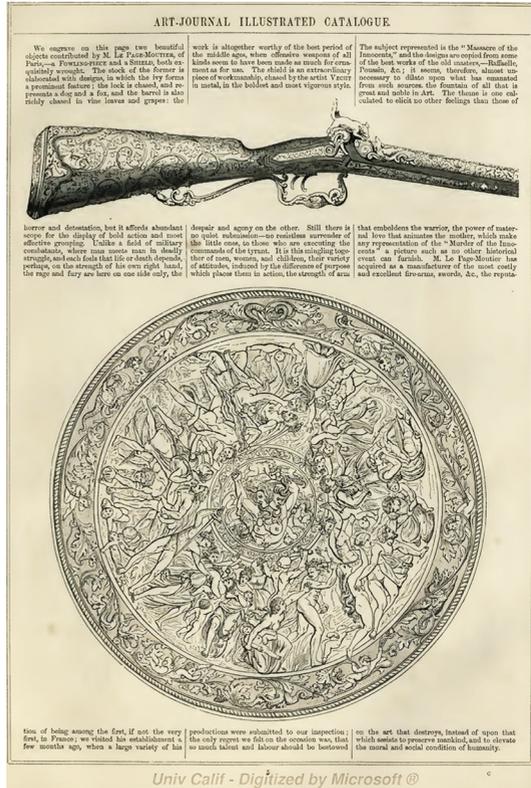
Ил. 2. Парные пистолеты для девятилетнего наследника престола графа Генриха (Анри) Шарля д'Артуа, герцога Бордо. Франция, Париж. 1829 г. Мастер А. Лепаж. Сталь, золото, дерево; литье, резьба, чеканка, насечка (длина каждого пистолета 28,6 см)

как геральдические лилии Бурбонов, лавровые и пальмовые ветви. На верхней части стволов нанесена золотой насечкой маркировка мастера «Лепаж, оружейник короля в Париже».

С наступлением эры всемирных выставок мануфактура Лепаж выходит за национальные рамки и добивается мирового признания в ходе этого этапа развития искусства декорирования высокохудожественных образцов оружия. Лучшие мастера-оружейники стремились к тому, чтобы их работы стали предметами национальной гордости, соответствовали самым взыскательным вкусам и высокому уровню общественного интереса. Именно поэтому предназначавшиеся для экспонирования на всемирных универсальных выставках образцы парадного оружия отличались совершенно особым характером. Тем более, что каждая из них воспринималась современниками как эпохальное событие европейского масштаба. Там происходил не только

обмен творческими идеями между мастерами, но и появлялись новые состоятельные заказчики. Королевский патронаж и широкое освещение в прессе этих мероприятий привлекали огромное число зрителей. Издание иллюстрированных отчетов и каталогов давало возможность еще больше увеличить охват аудитории этих выставок.

Виллюстрированном каталоге первой всемирной выставки 1851 г. в Лондоне экспозиции мануфактуры Лепаж–Мутье отведена полная страница¹³ с гравированными воспроизведениями двух изделий: охотничьего ружья и щита (ил. 3). Над изготовлением последнего трудился крупнейший парижский мастер Антуан Веште (1799–1868)¹⁴, прежде сотрудничавший с Ф.-Д. Фроман-Меризом, а также и с английскими придворными серебряниками «Хант энд Роскелл»¹⁵. Он был не только превосходным художником-модельмейстером, но и чеканщиком, тяготевшим к стилистике позднего ренессанса и барокко. Благодаря виртуозному владению техникой чеканки, А. Веште в равной степени успешно работал как в серебре, так и в стали, что позволяло ему обращаться также и к декорированию парадного оружия. Произведения¹⁶, выпол-

Ил. 3. Произведения из экспозиции Лепаж, воспроизведенные на с. 5 Иллюстрированного каталога Универсальной всемирной выставки 1851 г. в Лондоне

Ил. 4. Рафаэль. Избиение младенцев. Набросок. Перо, коричневые чернила. 1510–1514 гг. 23,2 x 37,7 см. Британский музей. Лондон

ненные им для экспозиции Лепаж, заслужили всеобщее признание и принесли ему призовую медаль Лондонской выставки 1851 г.

На гравированном воспроизведении щита, представленном в каталоге выставки, в текстовых пояснениях указано авторство¹⁷ А. Веште и тема многофигурной композиции фриза, занимающего основную его часть. Это евангельский сюжет «Избиение младенцев»: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет»¹⁸. Обращение мастера к этой теме основывалось на произведениях великих живописцев прошлого – Рафаэля (ил. 4)¹⁹, П.П. Рубенса (ил. 5)²⁰, Н. Пуссена, однако потребовалось совершенно иное композиционное решение и использование других, присущих чеканному рельефу, выразительных средств. А. Веште прибегает к стилистике необарокко, с присущими этому стилю динамикой, эмоциональной напряженностью, разнообразными сложными ракурсами, для передачи всей полноты драматизма и трагичности изображаемой сцены.

Ил. 5. П.-П. Рубенс. Избиение младенцев. Ок. 1611–1612 гг. Масло, дерево. Галерея искусств Онтарио. Торонто, Канада

«Щит итальянских поэтов»²¹, также выполненный А. Веште, входил в состав экспозиции Лепажа–Мутье на Лондонской выставке 1851 г. Именно тогда он был приобретен для музея Южного Кенсингтона (ныне музей Виктории и Альберта), где хранится по настоящее время. На этом примере можно не только увидеть «в материале» произведение столь высокого уровня, но и своеобразную визуализацию на темы итальянской ренессансной поэзии. Щит изготовлен из стали с помощью основных ювелирных техник – чеканки и гравировки. Орнаментация и фигуративные изображения покрывают всю его поверхность. Краевая часть щита выполнена в виде плоского кольца, декорированного чеканным растительным орнаментом и четырьмя медальонами с профильными портретами итальянских поэтов эпохи Ренессанса: Данте Алигьери (1265–1321), Франческо Петрарка (1304–1374), Лудовико Ариосто (1474–1533), Торквато Тассо (1544–1595). Основная часть щита представляет собой участок сферической поверхности, на котором выделяются четыре резерва, располагающиеся над портретными изображениями поэтов. В каждом из

них представлена многофигурная композиция на сюжет из сочинений соответствующего автора. Из «Ада» Данте изображен кентавр Какус, атакуемый змеями. Над портретом Петрарки изображена сцена обращения поэта к императору Карлу V с просьбой облегчить бедственное положение Италии – сюжет, связанный с его дипломатической перепиской. Из поэмы Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» воспроизведен эпизод, как Руджер в рыцарских доспехах спасает Анжелику от морского чудовища. В «Освобожденном Иерусалиме» Торквато Тассо взят сюжет о том, как двое рыцарей – датчанин Карл и Убальд – направились на поиски Ринальдо, последовавшего за Армидой. Пространство между резервами занимает гротесковый орнамент, состоящий из маскарон, плетенки, растительных побегов и листьев. В центральной части щита располагается необычной и сложной формы умбон. Его поверхность у основания декорирована плетеным ремешковым орнаментом и маскаронами. В данном произведении в полной мере отразилось отношение к ренессансной эпохе как «золотому веку» европейской культуры.

Ил. 6. Щит «итальянских поэтов». А. Веште, Лепаж. Париж (Лондон). 1851 г. Сталь, чеканка, гравировка

Художественное совершенство и разнообразие техник в декоративном оформлении охотничьего ружья, изображенного в иллюстрированном каталоге выставки 1851 г. (ил. 3), вероятно, сопоставимо с известными аналогами из крупнейших музейных²² и частных²³ собраний. Сцены охоты, маскароны, растительный и ремешковый орнамент в технике обронной резьбы обильно украшают²⁴ ложу, стволы, замочные доски и спусковые скобы. Замки и краевые части скоб выполнены в виде объемно трактованных фигур животных, каждая из которых представляет собой прекрасный образец малой анималистической пластики. Но не менее интересно, что в истории бытования второго из этих ружей (ил. 7) имеется эпизод, подходящий для использования в качестве колоритной детали соответствующего литературного произведения. Это охотничье ружье в качестве дипломатического подарка было преподнесено активному участнику борьбы

Ил. 7. Охотничье ружье Лепаж–Мутье. 1860. Подарок 1879 г. президенту Мексики от президента Французской республики

с французской интервенцией 1861–1867 гг., генералу, а впоследствии президенту Мексики Мануэлю Гонсалесу²⁵ от президента Французской республики Жюля Гриви²⁶. Подарок был сделан в 1879 г. в ознаменование принципиально новой эры политических отношений между Мексикой и Францией, означавшей полное примирение и отрицание политики, проводимой Наполеоном III.

Рассмотренные примеры охотничьих ружей Лепаж столь выдающегося художественного и ремесленного качества позволяют по-новому взглянуть на известный литературный анекдот²⁷, приводимый М.И. Пыляевым. Князь Иван Голицын, выезжая из Парижа в Россию, решил купить в подарок великому князю Константину Павловичу лучшее охотничье ружье у Лепаж, а тот, зная пристрастие князя к картам, предложил выиграть ружье. В итоге И. Голицын проиграл три миллиона франков предприимчивому оружейнику, но все же, будучи в Варшаве, ружье в подарок Константину Павловичу преподнес.

Декоративное оформление пары пистолетов²⁸ (ил. 8), также входивших в состав экспозиции мануфактуры Лепаж на лондонской всемирной выставке 1851 г., тесно связано с интересом к искусству Средних веков, захватившим Европу еще с начала XIX в. Обронная резьба, объемные изображения хтонических существ, химер и драконов на них выполнены А. Веште. Обращение мастера к стилистике неоготики – это дань общеевропейской моде, ярко отразившейся в архитектуре, изобразительном и прикладном искусстве. В истоках

же этого направления было увлечение «рыцарскими» романами эпохи романтизма. Как писал Н.В. Гоголь в 1831 г.: «Могущественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все»²⁹.

Таким образом, литературные контексты произведений мануфактуры Лепаж разнообразны, сложны и многоплановы. Этому способствовал не только широкий круг клиентуры, куда входили также фигуры исторического масштаба, но и феномен всемирных выставок. Возникшее творческое партнерство с гениальным художником-ювелиром и чеканщиком-виртуозом А. Веште апеллировало к литературным категориям общеевропейского классического гуманитарного образования – ренессансным авторам и библейским текстам.

Vita brevis ars longa... Ныне, в XXI в., *armes de luxe* мануфактуры Лепаж по праву заняли достойное место не только в истории оружия, но и мировой культуре, чего, пожалуй, не скажешь ни о каком ином оружейном доме.

Ил. 8. Парные пистолеты. Франция, Париж; Великобритания, Лондон. 1851 г. Мастер Л. Лепаж-Мутье, А. Веште. Стволы: Л. Бернар. Сталь, золото; литье, резьба, чеканка, насечка (длина каждого пистолета 40,3 см)

¹ Примечание А.С. Пушкина, сделанное им в тексте романа «Евгений Онегин». См.: А.С. Пушкин. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. С. 116.

² Мы будем использовать транскрипцию фамилии «Лепаж», принятую в работах отечественных специалистов.

³ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 89.

⁴ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. Издано в пользу фонда Пушкинского Лицея Общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. С. 100.

⁵ Довлатов С.Д. Заповедник. Нью-Йорк, 1983. С. 27.

⁶ Лермонтов М.Ю. Маскарад. URL: http://librebook.ru/maskarad_4/vol1/3 (дата обращения: 12.01.2017).

⁷ Дюма А. Полина. М.: РОСМЭН, 2002. С. 64.

⁸ См.: Палтусова И.Н. «Лепаж стволы роковые». Дуэльные пистолеты из собрания ГИМ. М., 2003. С. 261.

⁹ О. де Бальзак. Шагреновая кожа. М., 2007. С. 233.

¹⁰ Мануфактура «Fauve Le Page»: основана в 1717 г. (по другим данным в 1716 г.) Луи Пини (Louis Pigny, ?–1749), выполнявшим заказы Людовика XV; в 1723 г. к нему присоединился женившийся на его племяннице Пьер Лепаж (Pierre Le Page, 1709–1783), поставщик герцогов Орлеанских; с 1743 г. название мануфактуры меняется на Лепаж; с 1780 г. ему наследует племянник Жан Лепаж (Jean Le Page, 1743(46) – 1834), получивший с 1779 г. почетное звание «Arquebusier et fourbisseur» («аркебузер и шлифовщик») Парижа, поставщик Людовика XVI, Наполеона Бонапарта, Людовика XVIII. Среди его клиентов были граф де Коленкур, маршалы Э. Груши и А. Массена. Ему наследовал с 1822 г. сын Анри Лепаж (Jean André Prosper Henri Le Page, 1792–1854), «аркебузер и шлифовщик» Парижа, поставщик Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа, участник и призер ряда национальных промышленно-художественных выставок (1823, 1827, 1834, 1839). С 1842 г. дело переходит к зятю, Луи Мутье, и название мануфактуры меняется на Лепаж–Мутье (Le Page–Moutier). Участие фирмы в национальных (Париж, 1844, 1849) и всемирных (Париж, 1855; Лондон, 1851, 1862) выставках было отмечено медалями разного достоинства. С 1865 г. в дело вошел племянник – Эмиль Анри Лепаж (Emile Henry Le Page, 1840–1929; его отец Louis Didier Faugé был женат на дочери Анри Лепаж), с 1868 г. ставший единоличным владельцем. Под его управлением мануфактура успешно принимала участие во всемирных выставках (Париж 1867 (серебряная медаль), 1878 (золотая медаль), 1889 (Гран-при); Вена 1873 (медаль Прогресса)). Также он становится официальным поставщиком российского Императорского Двора. Его заслуги были отмечены орденом Почетного Легиона (кавалер 1878, офицер 1894). В 1913 г. оружейник Дюмон получает контроль над фирмой, но сохраняет на некоторое время название бренда (источник: http://www.mashpedia.com/Faug%C3%A9_Le_Page).

¹¹ Музей Метрополитен, Нью-Йорк. Инв. № 2013.511.1–.3а–к

¹² Граф Генрих (Анри) Шарль д'Артуа, герцог Бордо (фр. Henri Charles d'Artois, duc de Bordeaux), более известен как граф де Шамбор (comte de Chambord; 29 сентября 1820, Тюильри, Париж – 24 августа 1883, Фросдорф, Австро-Венгрия).

¹³ The illustrated catalogue of the Universal exhibition, published with the Art journal (1851). P. 5.

¹⁴ Truman Ch. ed. Sotheby's concise encyclopedia of silver. London, 1999. P. 203.

¹⁵ История возникновения этой ведущей в Англии фирмы связана с творческой деятельностью Пола Сторра (1771–1844). С 1807 г. он стал сотрудничать с фирмой «Ранделл, Бридж и Ранделл». Для фирмы Ранделла работали известные рисовальщики, скульпторы, модельеры, среди которых был Джон Флакман. Он один из первых обратился к старым стилям – готике, Ренессансу, рококо – как источникам формальных идей. Но наиболее известным модельером стал Пьюджин. В 1842 г. фирма «Ранделл, Бридж и Ранделл» перестала существовать, а ее ведущие мастера Бенджамин Смит и Пол Сторр создали собственные предприятия. Фирма Сторра со временем преобразовалась в фирму «Сторр, Мортимер и Хант», а с 1841 г. – в «Хант и Роскелл».

¹⁶ Основное из них – «Щит итальянских поэтов» (1851), хранится в Музее Виктории и Альберта.

¹⁷ В тот период времени это делалось крайне редко.

¹⁸ Мф. 2:16–18.

¹⁹ набросок для гравюры. Британский музей, инв. № 1860.0414.446.

²⁰ Источник: <http://www.ago.net/new-art-thomson-collection>

²¹ Музей Виктории и Альберта в Лондоне. V&A Museum number 1482-1851.

²² Ружье охотничье двуствольное с капсюльными замками. Инв. № XII.4751. Королевский Арсенал. Великобритания, Лидс. Экспонировалось на всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. и было отмечено призовой медалью. Столь же насыщенный и сложный декор отличает Дульный гарнитур с капсюльными пистолетами из собрания ГИМ. Инв. № 48635-2223. Изготовлен в 1898 г., экспонировался на всемирной выставке в Париже 1900 г. Был приобретен А.А. Катуаром де Бионкуром в 1913 г. (Палтусова И.Н. Коллекция А.А. Котуар де Бионкура. М., 2003. С. 137).

²³ Ружье охотничье двуствольное с капсюльными замками. 1860 г. Находилось в собрании музея Старого Запада клуба Хэрольдс, Невада, США. Продано в частную коллекцию на Аукционе Рок Айленд, торги 2 мая 2014 г. лот 1392, цена продажи 253 тыс. долларов.

Источник: <https://www.rockislandauction.com/detail/61/1392#detail>

²⁴ Перед выставлением на торги Аукциона Рок Айленд ружье было представлено ювелирам компании Shreve & Company. По их заключению «в настоящее время в мире нет гравера столь высокой квалификации, а если бы таковой и существовал, то ему потребовалось бы 5–10 лет, чтобы выполнить такую работу».

²⁵ Мануэль Гонсалес (Manuel González, 18 июня 1833 – 10 апреля 1893) – мексиканский военный и политический деятель, президент Мексики в 1880–1884 гг.

²⁶ Жюль Гревй (Jules Grévy, 15 августа 1807–9 сентября 1891) – французский политический деятель, президент Франции (Третья республика, 1879–1887).

²⁷ Источник: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003685393#?page=346>; Этот случай приведен в каталожном описании Ружья охотничьего с кремневым замком, 1783–1789, Ж. Лепаж. (Палтусова И.Н. Коллекция А.А. Котуар де Бионкура. С. 86).

²⁸ Музей Метрополитен. Нью-Йорк. Инв. № 2013.514.2

²⁹ Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени. Собр. соч. в 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 79.

К.В. Шмелев (Санкт-Петербург)

**«ЧЕРТЕЖ РУССКИМ И ШВЕДСКИМ ГОРОДАМ»
КАК ИСТОЧНИК О ФОРТИФИКАЦИИ
ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ В ПЕРИОД
ВОЙНЫ 1656 ГОДА. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ в 1617 г. Столбовского мира между Швецией и Московским царством привело к появлению новой границы между этими государствами. Характер расширения владений Швеции в Восточной Европе привел к тому, что линия границы проходила по нескольким участкам, в русской традиции, несомненно, восходящей к более раннему времени, именовавшимся «Карельским», «Немецким Свейским» и «Литовским» рубежами¹. Существует достаточно большая историографическая база, связанная с изучением данного вопроса, прежде всего документов, связанных с функционированием границ, причем как в русской, так и в шведской, финской и прибалтийской историографии. Исследованию пограничья с точки зрения памятников археологии придавалось, несомненно, меньшее значение, хотя на протяжении последних 20 лет был проведен ряд работ, связанных с изучением объектов, непосредственно относящихся к линии границы или обеспечению ее функционирования. Период XVII столетия – время бурного развития европейской картографии, изменения границ между государствами, что, безусловно, отражалось в издававшихся тогда географических листах и сочинениях. Ряд европейских карт показывает маркировку русско-шведской границы, но подобных документов, созданных в России, практически нет. По сути, единственное исключение – созданный в середине XVII в. так называемый «*Чертеж ветхой городам русским и шведским до Вязжского моря*»².

Данный документ несколько раз привлекал внимание исследователей. Первая публикация карты – в прорисовке и с рядом технологических (печатных) искажений – была произведена в 1951 г.

И.А. Голубцовым³. План Пскова с данной карты (также в прорисовке) был опубликован В.Д. Белецким в сводной работе по изображениям Псковского кремля XVII–XIX вв.⁴. Детальные планы городов опубликованы М.И. Мильчиком⁵, полная полихромная публикация карты и комментариев к ней подготовлена автором данной статьи и в настоящее время находится в печати⁶.

Со времен первого издания В.А. Голубцова принята привязка данного памятника к периоду войны 1656–1659 гг. и связь его с боевыми действиями в Ингерманландии, проходившими под руководством воеводы Силы Потемкина⁷. М.И. Мильчик, опубликовавший «Грамоту новгородского воеводы князя Ивана Голицына и дьяка Василия Шпилкина...»⁸ от 18 декабря 1656 г., являющуюся своего рода сопроводительным документом к изготовлению карты, уверенно датировал «чертеж» последними месяцами этого года⁹.

Карта, размером 97 x 75 см, выполнена на восьми листах бумаги, подклеенных на общий бумажный лист, усиленный полосками полотна. Состояние документа (на 1950 г.) считалось неудовлетворительным, имелись многочисленные дыры и утраты бумаги. Ориентация карты – на север, масштаб и градусная сетка на карте отсутствуют. Первый издатель данной карты И.А. Голубцов отмечал, что данная особенность характерна для русской картографии XVII в. Вероятно, что при создании карты использована какая-то западноевропейская, скорее всего голландская, топооснова¹⁰. Цвет чернил для основных линий карты – черный, подписи (возможно, одновременные) сделаны черными и светло-коричневыми чернилами. Окраска чертежа: реки – от темно-синей до голубой краски, моря и озера – сине-бурой, суша – грязно-желтой краской. На карте показаны (без установленного масштаба) города и крепости: Новгород, Псков, Олонец, Корела (Кексгольм), Орешек (Нотебург), Ладога, Канцы (Ниен), Ям, Копорье, Ивангород, Нарва, Гдов, Порхов, Русса, Вастнарва, Дерпт, Ревель, Выборг, Або и ряд других. Крупные города (прежде всего Новгород и Псков, а также Выборг и Корела) показаны в виде подробных, но безмасштабных планов укреплений, более мелкие – в виде условных изображений стен и башен, впрочем, отражающих в ряде случаев характерные особенности фортификации конкретных крепостей. Также в ряде случаев показаны неукрепленные поселения и монастыри. Географический охват территории включает в себя Ботнический залив на северо-западе, Ладожское озеро на северо-востоке, Новгород и озеро Ильмень на юго-востоке, часть Рижского

залива на юго-западе. Детализация гидросети, населенных пунктов и дорожных путей наиболее подробна для территории Московского царства и шведской Ингерманландии, на территории Финляндии и Прибалтики точность детализировки снижается (показаны только наиболее крупные пункты), Ботнический залив показан только береговой линией, без детализировки и каких либо населенных пунктов (имеется только подпись «*Стекольна*» – Стокгольм) или укреплений. По мнению ряда исследователей, степень детализации карты связана с характером исходных данных при ее создании – карта составлялась на основании знаний опрошенных информантов¹¹. Кроме текстовых пояснений к изображениям, карта содержит подробные указания на расстояния между пунктами.

Помимо перечисленных городов и крепостей на карте нанесено изображение еще одного объекта – линии границы Московского царства и Швеции по договору 1617 г. Граница показана прерывистой линией по суше и частично (через Ладожское озеро) по воде, вдоль линии в нескольких местах присутствуют уточняющие подписи «*Граница*». Крайняя северо-восточная точка указана на восточном берегу Ладожского озера, северо-западнее Олонца, где показан также пограничный (рубежный) камень. Противоположная, юго-западная точка границы находится где-то на юге современной Псковской области.

В данном случае нас интересует ряд изображений, связанных с функционированием границы 1617 г.

В юго-западной части карты нанесены два пункта, соотносимые с замком Нейгаузен (Neuhausen, совр. эст. Vastseliina) к северо-западу от линии границы и Печерским монастырем к востоку (ил. 1.1). Укрепления Печерского монастыря в данном случае не показаны, но изображен характерный элемент рельефа – здание помещено в овраге, в соответствии с расположением реального пещерного храма Успения Пресвятой Богородицы 1473 г. Рисунок изображает трехглавый храм со сводчатым центральным порталом и тремя щелевидными окнами на фасаде. Размещенные по краям рисунка деревья, видимо, должны символизировать пещерную конструкцию храма. Все остальные культовые сооружения, нанесенные на данную карту, показаны в виде условных значков – упрощенных (круг с крестом) или в виде типового рисунка одностолпного храма. Данное же изображение – единственное, несущее некие индивидуальные черты. Учитывая, что существующая церковь Успения перестроена в XVIII в. в

- 1 - Нейгаузен и Печорский монастырь.
- 2 - Юрьев Ливонский (Дерпт) и замок Отепя - Медвежья Голова (?).
- 3- Гдов.
- 4 - Васкнарва и неизвестное укрепление на восточном берегу Наровы
- 5 - Нарва, Ивангород, Ям.
- 6 - Копорье
- 7 - Ниеншанц (Канцы)
- 8 - Зарецкий острог (?).
- 9 - Нотебург (Орешек), граница в районе р.Лава, Ладога
- 10 - пограничный (Варашев - ?) камень и Олонец.

Ил. 1. «Старинная до-Петровская карта, на которой, между прочим, обозначены местности, где ныне Петербург и Петербургская губерния» («Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря»).

РГАДА. Разр. XVI. Д. 387. Укрепления вдоль линии русско-шведской границы 1617 г.

стиле барокко, в данном случае мы, вероятно, имеем дело с наиболее ранним изображением этого храма в его первоначальном виде, хотя и несущим, безусловно, некоторую условность.

Изображение замка Нейгаузен (ил. 1.1) достаточно условно – мы видим некую постройку в виде участка стены между двумя башнями, увенчанными остроконечными кровлями, на заднем плане видны еще три башенные кровли. Рисунок выполнен светло-коричневыми чернилами и не раскрашен. Вероятно, это попытка изобразить только часть замка, взятого штурмом русскими войсками в том же 1656 г., а именно: пятибашенную цитадель – собственно замок, без учета городских укреплений Нейгаузена.

Севернее указанных пунктов изображен город Юрьев Ливонский (Дерпт – Dörpt, совр. Tartu) на реке Омогже (Омовжа – эст. Эймыге). В данном случае (ил. 1.2) изображение достаточно условно, показывает участок стены с тремя башнями, на заднем плане видны кровли многочисленных башен и построек. Рисунок частично раскрашен темно-охристой краской. Город Дерпт известен по многочисленным рисункам XVI–XVIII вв., изображение на русской карте не несет каких-либо элементов, характерных для укреплений Дерпта эпохи Нового времени.

Юго-восточнее Юрьева, ниже по течению Омовжи, практически на берегу Чудского озера показано еще одно укрепление (ил. 1.2). К сожалению, подпись и часть изображения повреждена, видны только две башни, участок стены между ними и кровля еще одной башни. На межбашенном участке прясла имеется округлое изображение – по всей вероятности, воротный проем. Подошвы башен и стены изображены на разном уровне, что подчеркнуто специально выделенной линией, фундамент западной башни находится значительно ниже восточной. Возможно, мы имеем дело с попыткой изобразить особенности рельефа, например, укрепление, находящееся на возвышенном холме или крутом берегу водоема. Стены и башни на переднем плане окрашены в темно-охристый цвет. Важно отметить, что в настоящее время не известно ни одного каменного фортификационного сооружения XVII в. или предшествующего времени при слиянии Эймыге и Чудского озера. Вероятно, можно предположить ошибку составителей карты или их информаторов. Рискнем предположить, что это попытка изобразить один из каменных

замков Дерптского епископства. Таковых в районе южнее Тарту известно два. Южнее города находится Оденпе (Odenpah, эст. Oterä – Отепя, в русских источниках «Медвежья Голова»). Данное укрепление действительно находится на одиночном холме с очень крутыми склонами. Однако его расположение совсем не соответствует пункту, показанному на карте, реальный замок находится сильно западнее, кроме того, в настоящее время господствует мнение, что укрепления Оденпе перестают использоваться к рубежу XV–XVI вв.¹² Другим, более вероятным претендентом являются укрепления замка Алдертурн (Aldenthorn, Oldenthorn, Vanakastre, Вана-Кастре). Данное укрепление, прикрывающее путь по реке Эймыге, известно с рубежа XIII–XIV вв., после XVII столетия было заброшено. В настоящее время замок полностью разрушен. Известны гравюры конца XVIII в.¹³, изображающие его как сильно руинированное четырехугольное укрепление с четырьмя башнями, расположенное на естественном островке в русле реки Эймыге¹⁴. Если высказанное предположение верно, то мы имеем дело с наиболее ранним изображением замка Алдертурн.

На противоположном берегу Чудского озера (ил. 1.3) показаны укрепления русского города Гдова (1431–1434). К сожалению, рисунок сильно поврежден, уверенно опознаются только крайние башни, а также многочисленные островерхие крыши башен и, возможно, внутренних построек. Рисунок не раскрашен. Укрепления Гдова изображены частично, в XVII столетии они имели шесть башен¹⁵, в настоящее время не сохранилось ни одной.

Севернее, у слияния Наровы и Чудского озера, показаны еще два укрепления (ил. 1.4). На западном берегу Наровы каменное сооружение, подписанное «Сырен...». Это, безусловно, изображение замка Нейшлосс (Neuschloss, эст. Vasknaeva, в русских источниках Сыренск или Сыренец). Изображен участок прясла стены с двумя башнями и многочисленными кровлями других башен или внутренних построек. Рисунок частично (башни и стена на переднем плане) раскрашен в кирпично-охристый цвет. М.И. Мильчик, отмечал, что изображение данного объекта не имеет ничего общего с реальными планами Васкнарвы XVII в.¹⁶ и, вероятно, имеет характер условного значка, отображающего некое условное каменное укрепление.¹⁷ На противоположной, русской стороне Наровы показано укрепление округлой формы из вертикально поставленных заостренных бревен. В настоящее

время какие-либо фортификационные сооружения на восточном берегу Наровы не зафиксированы, хотя имеются сведения местных краеведов о выявлении городища в районе современной деревни Скамья¹⁸.

Выше по течению Наровы показаны укрепления Нарвы (Narva, русск. Ругодив) и Ивангорода (ил. 1.5). Они, так же, как и в ряде других случаев, изображены достаточно условно, в виде ряда башен с участками зубчатых стен между ними. М.И. Мильчик отметил, что если укрепления Ивангорода показаны с некоторой долей условности, но все же приближенно к реалиям XVII в, то нарвские стены не имеют с укреплениями этого города ничего общего¹⁹. Им же была отмечена ошибка рисовальщика, изобразившего мост через Нарову в южной части Ивангорода²⁰. Однако при внимательном рассмотрении рисунка можно заметить, что художник пытался нарисовать два моста, но только южный был раскрашен в окончательной редакции карты. Возможно, что мы имеем дело с попыткой изобразить мост в северной части города и еще какое-то сооружение на реке в южной. На наш взгляд, наиболее вероятные кандидаты на это место – сооружения, связанные с мельницами южнее Нарвы. В частности, деревянный мост через протоку Наровы показан на гравюре Антониса Хутериса²¹.

Крепость Ям (подписано «*Ямо. Горо*») изображена восточнее Ивангорода (ил. 1.5). Изображение сделано по стандартной схеме: три башни с участками прясел между ними, над стенами видны кровли внутрикрепостных сооружений, рисунок окрашен желто-охристой краской. Несмотря на стандартность изображения, рисунок, вероятно, действительно отражает реалии середины XVII столетия, в это время вид со стороны р. Луги действительно был схож с изображенным, что подтверждается рядом синхронных изображений²². Со стороны реки наблюдатель действительно должен был видеть три береговые башни, при этом две из них относились к древнейшей части крепости – цитадели²³. В цитадели же находился крепостной храм Архангела Михаила, изображение церковного купола можно видеть над стеной цитадели в правой части рисунка.

Копорская крепость (ил. 1.6) показана северо-восточнее Яма, на берегу Финского залива. Раскрашенный красно-охристой краской рисунок демонстрирует южное прясло стены между двумя башнями,

западная частично перекрывает еще одну башню, т. е. на западном фасе крепости показаны две близко расположенные башни. Стены и башни имеют зубчатое завершение без кровли, над стеной виден купол и часть кровли крепостного храма – церкви Спаса Преображения. По мнению М.И. Мильчика, изображение крепости условно, так как на рисунке отсутствует изображение моста и воротного проема, расположенного между башнями в восточной стене²⁴. Рискнем предположить, что в данном случае изображение как раз достаточно реалистично, рисовальщик действительно изобразил две близко расположенные башни на одном из фасов крепости, но при этом совершил ошибку, зеркально перевернув изображение.

В центральной части карты, южнее Копорья, практически на линии границы (ил. 1.7) находится пункт, подписанный как «Заречье». Данная точка, к сожалению, показана условным значком, в виде простого, не закрашенного кружка. С большой долей вероятности данный пункт может быть интерпретирован как Зарецкий острог, укрепленная точка на трассе Ивангородской дороги из Новгорода в Нарву²⁵. На местности данный пункт до настоящего времени не локализован, предположительно, он должен находиться в районе современной деревни Глумицы Волосовского района Ленинградской области. Кроме того, с данным пунктом связан ряд документов,²⁶ свидетельствующих о функционировании его как укрепления еще в период до 1617 г. и использовании его также и в шведское время²⁷.

На северном берегу Невы (ил. 1.8) расположено обозначение города Ниен (Niēn, Nyēn, русск. Канцы), показанное, как и Зарецкий острог, значком в виде простого кружка. Почему на данной карте отсутствует изображение укреплений Ниена, бывшего одним из целей похода 1656 г. в Ингредманландии? Кроме того, опубликованные документы²⁸ свидетельствуют, что именно после взятия летом 1656 г. Канцев и вышел указ царя о составлении данной карты. Однозначного ответа на данный вопрос в настоящее время не существует. Однако рискну предположить, что, возможно, ответ связан с характером укреплений в данных пунктах. Все отображенные в виде условных или реальных крепостей пункты имели либо каменные/кирпичные укрепления, либо, как Олонецкая крепость или безымянный острог в устье Наровы – деревянные. Крепость Ниен первого этапа строительства 1611–1656 гг.²⁹, как и, по ряду сведений, Зарецкий острог

имела земляные укрепления. Возможно, по каким-либо причинам составители карты не считали необходимым отдельно отображать на карте подобные сооружения. Хотя необходимо заметить, что земляные бастионные укрепления Большого Бояршего города в Новгороде были отображены в данном источнике с необычайной точностью³⁰.

Восточнее Ниена, в устье Невы (ил. 1.9) показаны укрепления крепости Нотеборг (Nöteborg, рус. Орехов, Орешек). Укрепления изображены стандартно, в виде линий стен и башен, окрашенных в охристо-красный цвет. Данное изображение не соотносится с известными планами крепости на период XVII в. и синхронными изображениями, прежде всего рисунком А. Олеария 1636 г.³¹ К востоку от Орешка изображена пограничная река Лава (Лаба), впадающая в Ладожское озеро. Примечательно, что существовавший с 1620-х гг. Лавуйский острог, во время войны 1656 г. использовавшийся в качестве базы снабжения войск, наступавших в Ингерманландии,³² на данной карте не показан. Восточнее, в устье Волхова стандартный значок в виде одностолпного храма показывает постройки Николо-Медведского монастыря (подписан как «*Никола на устье*»), существовавшая там с 1610-х гг. застава также не обозначена³³.

Южнее Волховского устья показана Ладожская крепость. Изображение крепости (ил. 1.8) достаточно условно, вновь прослеживается обращенное к реке прясло стены, ограниченное двумя башнями, и крыши построек (или других башен) за стеной. Интересно, что рисунок заметно отличается от других изображений крепостей на данной карте. Постройка окрашена в светло-желтый цвет, а на поверхности стены и башен нанесены горизонтальные линии, возможно, имитирующие конструкцию из бревен. В то же время, все известные источники говорят о каменной ладожской крепости, по крайней мере, с начала XII в., а возможно, и с периода раннего Средневековья³⁴. Возможно, что составители карты пытались таким образом изобразить стены не собственно Ладожской (в настоящее время Староладожской) крепости, а Земляного города Ладоги. Бастионные деревоземляные укрепления Земляного города примыкают к каменной крепости с юга, по результатам исследований данного сооружения ясно, что в XVII столетии поверх земляных валов были установлены деревянные рубленные стены с башнями³⁵.

На восточном берегу Ладожского озера расположено еще несколько объектов. Город Олонец показан на северном берегу реки Олонки, впадающей в Ладожское озеро (в действительности Олонецкий кремль расположен на мысу у слияния рек Олонки и Мегреги). Примечательно, что первоначально на карте имелся условный значок, в виде не закрашенного чернильного кружка, аналогичного обозначению Канцев и Зарецка. Затем, поверх него было нанесено (более светлыми чернилами) изображение трех башен с пряслами и крышами внутренних построек. Поверх изображения сделаны поперечные линии, имитирующие бревенчатые конструкции, как и в случае с Ладожской крепостью. Рисунок не раскрашен. С момента первой публикации карты в 1950 г. данный рисунок считается наиболее ранним изображением Олонецкого кремля (сооружен в 1649 г.)³⁶.

Севернее Олонца на линии границы показан крупный камень с подписью «камень на границе». По всей вероятности это так называемый «Варашев камень» на берегу Ладожского озера у современной деревни Погранкондуши. Данный объект упоминается в ряде документов, относящихся к периоду демаркации пограничной линии 1617 г.,³⁷ и более поздних описаниях, фиксирующих нанесенную на камень межевую запись и изображения: «на камени грань, крест в кругу, да короны и годовое число»³⁸. Полевые исследования показали, что данный объект представляет собой крупный (до 3 м в высоту) естественный гранитный валун кубической формы, находящийся в 2,5 км к юго-западу от современной деревни Погранкондуши, на берегу Ладожского озера³⁹. На верхней грани камня нанесено изображение креста в круге, выше него дата «*лета ЗРКС (7126–1618) года*».

Таким образом, карта, известная как «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря» оказывается одним из малоизвестных источников по истории русско-шведской границы середины XVII в., фортификации и сухопутных путей в Новгородской земле, шведской Ингерманландии и Прибалтике. Нельзя не отметить, что для ряда памятников данная карта оказывается уникальным источником, содержащим наиболее ранние их изображения. Важно также то, что рисунки на карте, безусловно, отражают не реальную картину, а некие представления об объекте, полученные рисовальщиком от информаторов. Безусловно, перспективным представляется сравнение вышеописанных данных

с синхронными изобразительными источниками и материалами археологических исследований.

¹ Селин А.А. Русско-шведская граница 1617–1700. СПб., 2016; Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века // Новый часовой. 2004. № 15–16; Темушев В.Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2010. С. 208–224.

² В описи РГАДА обозначено название «*Старинная до-Петровская карта, на которой, между прочим, обозначены местности, где ныне Петербург и Петербургская губерния*», вероятно, присвоенное при поступлении в архив в XVIII в. РГАДА. Разр. XVI. Д. 387, также доступна на официальном портале РГАДА: <http://rgada.info/geos2/zargos.php?номер=740>.

³ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на карте сер. XVII в. // Вопросы географии. Т. 20. М., 1950.

⁴ Белецкий В.Д. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб., 1997.

⁵ Miltchick M. Die Darstellung von Festungen und städten an der Ostsee auf einer russischen landkarte von 1656 // Castella Maris Baltici VII. Greifswald, 2006. S. 75–92; Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 271–297.

⁶ Шмелев К.В. «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря» – памятник русской картографии XVII в. В печати.

⁷ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого... С. 287.

⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Д. 301. Л. 447–452. «Грамота новгородского воеводы князя Ивана Голицына и дьяка Василия Шпилкина царю Алексею Михайловичу о составлении карты Великаго Новгорода, новгородских и псковских пригородов, а так же с русскими городами, находящимися под властью Швеции и роспись дорогам».

⁹ Точная датировка – между взятием Канцев (Ниена) и серединой декабря 1656 г., когда карта была доставлена в Москву, о чем имеется надпись на оборотной стороне полотна: «Таков чертеж прислали к государю из Великаго Новагорода воевода князь Иван Голицин да диак Василий Шпилкин в нынешнем во 165 году декабря в 13 день з жильцом с Ёвем Малечкиным».

¹⁰ В.А. Голубцов предполагал, что в качестве топоосновы была использована карта А. Буреуса начала XVII в. Голубцов В.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого... С. 294.

¹¹ См. подробнее: Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г.

¹² A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942. S. 116.

¹³ Гравюры из собрания Иоганна Кристофа Бротце. J. C. Brotze. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente. Riga, 1792.

- ¹⁴ A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. S. 113.
- ¹⁵ Кирпичников А.Н. Крепость древнего Гдова. СПб., 2000.
- ¹⁶ Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. С. 287.
- ¹⁷ Нужно отметить, что часть изображений крепостей на данной карте не имеет каких-либо признаков реальных сооружений и, вероятно, обозначена условными значками, показывающими наличие каменных укреплений в данной точке.
- ¹⁸ Устное сообщение краеведа из гор. Сланцы А.Ю. Иванова.
- ¹⁹ Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. С. 286–287.
- ²⁰ Там же. С. 287.
- ²¹ Goeteeris A. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616... Graven-Hage, 1619. Малков Ю.Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутериса (1615 год) // Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования. М. 1981. С. 341.
- ²² См. например, рис. А.Олеария 1634 г. (по: Косточкин В.В. К характеристике памятников военного зодчества московской Руси конца XV в. – начала XVI в. // МИА. № 77. 1958. С. 135).
- ²³ Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 180.
- ²⁴ Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. С. 287.
- ²⁵ Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1996. С. 21.
- ²⁶ Материалы, связанные с острогом, отложились в ряде архивов. См. например: Отписка Ф. Аминова новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на р. Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород. 1616, до 30.06 // Научный архив Санкт-Петербургского института истории. Кол. 124. Оп. 1. Картон I. Д. 580; Кормовые книги Зарецкого острожка Микиты Матвеевича Зиновьева. 1614. 15.07 // NOA, Riksarkivet, Stockholm, Serie I: 125; Память губному старосте М. Неелову о выходе И. Прокофьеве. 1623. 6.03 // Научный архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 109. Д. 255; и др.
- ²⁷ См. например: Селин А.А. Ивангородская дорога. С. 65, 66, 68, 160, 186, 189, 209, 210, 213, 214, 237, 259, 260, 344, 376, 390–392, 400, 411, 415, 416, 418, 443–445, 498, 509, 656, 731.
- ²⁸ Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. С. 296.
- ²⁹ Сорокин П.Е. Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А., Попов С.Г., Семенов С.А. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб., 2009. С. 191–192.
- ³⁰ Мильчик М.И. Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г. С. 275–277; Голубцов В.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого... С. 290.
- ³¹ Кирпичников А.Н., Савков В.М. Крепость «Орешек». Л., 1979. С. 58–60.
- ³² Шмелев К.В. «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря» – памятник русской картографии XVII в. С. 10.

- ³³ Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века; Селин А.А. Русско-шведская граница 1617–1700. С. 428–431.
- ³⁴ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 93.
- ³⁵ Кирпичников А.Н. 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 471–499; Скрипникова Н.Ю. Новые наблюдения об устройстве «Земляного города» Старой Ладоги (по материалам археологических раскопок Е.А. Рябинина в 1981–1982 гг.) // *Stratum plus*. 2012. № 5.
- ³⁶ Мильчик М.И. Олонецкая крепость: градостроительные аспекты ее строительной истории // Рябининские чтения–2007. Петрозаводск, 2007; Голубцов В.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого... С. 287.
- ³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. № 19. СПб., 1830. С. 204–216.
- ³⁸ Озерецковский Н. Путешествие по Ладожскому и Онежскому озерам. СПб., 1785. С. 122–123.
- ³⁹ Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века. С. 20.

Г.Н. Шумкин (Екатеринбург)

ПРОИЗВОДСТВО ЧУГУННЫХ ОРУДИЙ НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В XVIII–XIX вв. предпринималось несколько попыток организовать на Урале производство артиллерийских орудий из чугуна. Как правило, они были вызваны обострением международной обстановки (например, войнами с Турцией или с Наполеоном). Но когда ситуация входила в норму, литье орудий прекращалось – организовать это технологически сложное производство за короткий срок на должном уровне не удавалось, а расходовать бюджетные средства на продолжение опытов, в то время как другие предприятия (прежде всего – Олонцекие заводы) изготавливали высококачественные орудия, не представлялось целесообразным. Исключение составила последняя попытка, в результате которой уральские заводы производили орудия из чугуна достаточно долго – более 40 лет – в 1830–1870-е гг.

Производство чугунных орудий в середине XIX в. не часто привлекало внимание исследователей¹ – оно оказалось «в тени» более ярких сюжетов (например, организации производства стальных орудий, стрелкового и холодного оружия; промышленного переворота и т. д.). Однако и в этой малоизученной теме есть период, который остался вне поля зрения историков – середина 1850 – середина 1860-х гг. Лучше всего эту лауну в историографии иллюстрирует коллективная монография «Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней», обобщающая результаты исследований по истории военной промышленности Урала, в которой сведения об этом периоде отсутствуют². Данное сообщение является попыткой проследить развитие производства чугунных орудий на Урале в середине XIX в., сосредоточив особое внимание на периоде середины 1850 – середины 1860-х гг.

В начале 1830-х гг. орудия из чугуна изготавливались только на одном предприятии – Александровском заводе Олонецкого горного округа. Его производственных мощностей было недостаточно для обеспечения орудиями флота, крепостей и береговой обороны, вследствие чего возникла идея возобновить их производство на Урале, где оно было прекращено 15 годами ранее. В 1833 г. Каменскому и Верхнетуринскому заводу было заказано 26 орудий³. Эти орудия предполагалось изготовить, используя шведские технологии, а затем сравнить со шведскими орудиями (чугунные орудия, отлитые шведскими заводами «Финспонг» и «Окер», считались лучшими в мире)⁴. Опыты растянулись на несколько лет, но в целом завершились успешно. По словам главного приемщика Бикбулатова, «отливка опытных орудий... под наблюдением артиллерийских офицеров... обнаружила обширные средства наших заводов и доказала на опыте, что наши орудия не только чистотою отделки, но и крепостью металла уже стали на ряду с орудиями шведской артиллерии»⁵. На уральские заводы стали поступать крупные заказы: в 1834 г им был дан наряд на 606 орудий для крепостной артиллерии; в 1838 г. – на 493 орудия для береговых батарей; в 1843 г. – на 460 орудий для вооружения южных крепостей⁶.

Таблица 1

Ежегодный объем производства артиллерийских орудий, установленный «Штатами и основными положениями» 1847 г. для казенных горных заводов Урала*

Заводы	Пушки						Карронады			Единороги			Всего	
	3-п	36-ф	24-ф	18-ф	12-ф	6-ф	90-ф	24-ф	12-ф	1-п	1/2-п	1/4-п	Кол-во	Вес, пуд
Каменский	4	11	11	-	-	-	-	-	-	11	-	-	37	7207
Нижнеисетский	4	11	11	-	-	-	-	-	-	11	-	-	37	7207
Итого, Екатеринбургский округ	8	22	22	-	-	-	-	-	-	22	-	-	74	17415
Верхнетуринский	-	4	5	6	7	9	6	7	9	7	8	9	77	7683
Всего	8	26	27	6	7	9	6	7	9	29	8	9	151	25098

*Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. СПб., 1847. С.

266, 282, 338.

Производительность Верхнетуринского завода по выплавке чугуна была выше, чем Каменского завода (четыре домны на первом и одна на втором), но из-за высокой ломкости чугуна, выплавленного преимущественно из твердоплавкого магнитного железняка, Верхнетуринский завод специализировался на орудиях средних и малых калибров, а Каменский – на крупнокалиберных орудиях (см. табл. 1). На Каменском заводе орудия отливались прямо из домны. На Верхнетуринском заводе перед отливкой чугуна дополнительно переплавляли в отражательной печи; затем (с 1840 г.) орудия отливали из вагранки либо прямо из домны. Вспомогательным предприятием Каменского завода, на котором осуществлялась механическая отделка части отлитых орудий, являлся Нижнеисетский завод; для Верхнетуринского – Верхнебаранчинский.

Орудийное производство постоянно модернизировалось. В 1834–1853 гг. станочный парк заводов увеличился с 20 до 44 единиц; были построены железные дороги для перевозки отлитых орудий. В Верхнетуринском заводе построен линейный чан, вмещавший сразу две опоки. На Каменском заводе, испытывавшем острый дефицит энергоресурсов, были установлены новые водяные колеса и три паровые машины⁷. Управляющий Каменского завода Грамматчиков разработал технологию литья орудий с гладкой поверхностью, не нуждавшихся в последующей обточке⁸ («валовое» производство орудий без наружной обточки заводы так и не смогли освоить, поэтому в 1859 г. от использования этой технологии, имевшей исключительно эффект снижения издержек, отказались).

Однако вследствие недостаточной технической базы, слабости энергетики заводов, необходимости выполнения сверхнарядных заказов, изменения нарядов, технологических трудностей и иных причин годовой наряд по орудиям систематически не выполнялся. В 1834–1852 гг. уральские заводы выполнили только 47,5 % нарядов – 1542 орудия (18 % чугунных орудий, произведенных в стране). Их производительность была более чем в 4 раза ниже, чем производительность Александровского завода. В итоге, к началу Крымской войны дефицит орудий в крепостной артиллерии достигал 1586 единиц⁹. Более того, артиллерии катастрофически недоставало новейших бомбических пушек.

**Производство артиллерийских орудий заводами Урала
в 1837-1861 гг.***

Год	Пушки							Единороги		Карронады		Чугунные пробные мортирки
	3-п.	36-ф.	30-ф.	24-ф.	18-ф.	12-ф.	6-ф.	1-п.	1/2-п.	96-ф.	12-ф.	
1837	–	20	–	14	–	4	5	16	–	–	–	–
1838	–	–	–	6	3	1	–	1	–	–	–	–
1839	–	9	–	–	–	–	5	42	–	8	–	–
1840	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1841	–	1	–	–	–	–	–	13	14	–	–	–
1842	12	–	–	–	–	–	–	16	12	–	–	–
1843	12	–	–	–	–	–	–	11	3	–	–	–
1844	9	3	–	2	–	–	–	29	21	–	–	–
1845	8	–	–	2	–	–	–	10	27	–	–	–
1846	10	2	–	–	–	–	–	13	81	–	–	–
1847	11	9	–	6	–	1	–	1	122	–	–	–
1848	8	7	–	9	–	–	–	4	84	–	–	50
1849	11	3	–	18	–	–	–	17	45	–	–	–
1850	3	–	–	22	–	24	25	10	24	–	–	–
1851	–	2	–	–	–	10	31	7	–	–	–	–
1852	–	–	–	16	–	–	–	11	67	–	–	–
1853	–	–	–	8	–	–	18	12	19	–	15	–
1854	4	6	–	4	–	28	14	9	120	–	8	–
1855	14	1	–	23	–	–	–	16	141	–	–	–
1856	1	–	1	3	–	1	1	11	1	–	–	–
1857	–	–	–	–	–	–	–	30	15	–	–	–
1858	–	–	–	–	–	–	–	97	–	–	–	–
1859	–	–	–	15	–	–	–	17	–	–	–	–
1860	–	–	–	84	–	–	–	–	–	–	–	–
1861	–	–	–	25	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	103	63	1	257	3	69	99	393	796	8	23	50

* Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугунно-литейного дела для артиллерийских припасов в России // Артиллерийский журнал. 1863. №. 5. Отдел неофициальный. С. 342–343.

Во время Крымской войны объемы выпуска увеличились (см. табл. 2). Если до войны ежегодно изготовлялось, в среднем, 80–90 орудий, то в 1854 г. было выпущено 193, в 1855 г. – 195. Чтобы стимулировать производство, был расширен станочный парк, модернизировано энергетическое хозяйство. Военное ведомство ослабило требования при приемке орудий (в 1855 г. разрешило принимать орудия с отбитым винградом; в 1856 г. – с сыпью и царапинами на стволе)¹⁰. Однако с валом заказов заводы не справлялись. Особенно

тяжелая обстановка сложилась на Каменском заводе, где с 1853 г. наблюдалось «расстройство литья». В 1854 г. Каменскому заводу было назначено в наряд орудий общим весом 23,7 тыс. пуд., а изготовлено только 7,9 тыс. пуд.¹¹. К изготовлению орудий подключилась Екатеринбургская механическая фабрика, которая начала отливать пушки из чугуна, подаренного частными заводчиками.

В результате прочность орудий, сдававшихся Каменским заводом, резко упала. «Дурное качество приготавливаемых там орудий» было «доказано положительно»¹². В 1856 г. Каменскому заводу «валовое» производство было запрещено впредь до подбора «благонадежного рудного смешения»; все орудия, отлитые во время войны, были признаны «сомнительными»¹³. С 1856 по 1860 г. на Урале орудия в наряд изготовлял только Верхнетуринский завод. Несмотря на то, что его орудия не вызывали особых нареканий, Верхнетуринскому заводу также было рекомендовано провести исследования с целью выявления лучшего «рудного смешения».

В 1857–1859 гг. на Каменском и Верхнетуринском заводах были проведены обширные исследования. Анализировалось влияние на крепость чугуна состава шихты; печей, в которой переплавлялся чугун; размер прибыли; влияние вторичной переплавки чугуна; отбеливания чугуна в процессе переплавки; качества топлива и т. д. В результате были подобраны оптимальные «рудные смешения» и режимы литья¹⁴. По образцу Александровского завода для переплавки чугуна на заводах были построены по четыре отражательных печи. Результаты исследования оказались очень благоприятными. По свидетельству главного приемщика Одинца все опытные 12-фунтовые пушки «не только выдержали усиленную пробу, но и многие выдержали весьма большее число разрывных выстрелов»¹⁵. В 1859 г. горным заводам был дан наряд на 156 3-пудовых, 40 36-фунтовых бомбических пушек и 30 1-пудовых единоголов¹⁶.

Но главная проблема – отливка однородных больших болванок – решена не была¹⁷. Еще в 1856 г. горным заводам был дан заказ на новейшие 60-фунтовые бомбические пушки – первые орудия, специально спроектированные для борьбы с броненосцами. Однако с организацией их производства возникли затруднения: если Верхнетуринский завод и Александровский завод Олонцкого округа изготовляли слабые орудия, то на Каменском заводе пушечно-литейное дело было в неудовлетворительном состоянии. Поэтому основной заказ на 500 60-фунтовых бомбических пушек достался шведским

заводам «Ставшё» и «Финдспонг» (однако, как выяснилось позже, шведские пушки также оказались «мало благонадежны»¹⁸). В 1859 г. после завершения опытов по подбору «рудного смешения» заводы вернулись к отливке 60-фунтовых пушек. Но, как оказалось, «в орудиях больших калибров чугун тех шихт, которые при испытании орудий 12-фунтового калибра оказались наилучшими, не дал вполне удовлетворительных результатов»¹⁹ – на испытаниях выгорало запальное отверстие, появлялись трещины, пушки преждевременно рвались. В 1861 г. в связи с отсутствием «уже надобности в 60-фунтовых пушках», Артиллерийский комитет предложил «опыты над отливкою этих орудий» прекратить, «тем более, что при нынешнем состоянии уральских заводов нельзя и ожидать, в скором времени благоприятных результатов по этому делу»²⁰. Тем не менее, изготовление 60-фунтовых пушек для опытов продолжилось.

Поскольку проблема с литьем чугунных орудий кардинально не решалась, начались опыты с иными технологиями. В качестве альтернатив предлагались: навивка на железный стержень стальной проволоки, ее проварка и проковка²¹; сварка орудий из железных полос и обручей по технологии английского фабриканта У. Дж. Армстронга²²; скрепление чугунных пушек железной проволокой или стальными кольцами и др. Самой перспективной альтернативой представлялось изготовление орудий из литой стали, которая и была реализована в результате строительства златоустовской Князе-михайловской фабрики, а затем Пермского сталепушечного завода и Обуховского сталелитейного завода.

Из прочих вариантов неплохие результаты были получены в ходе опытов с укреплением чугунных пушек железной проволокой, навивавшейся на вертлюжную и казенную часть ствола под натяжением, которые провел артиллерийский приемщик Семашко в 1859–1860 гг. на Верхнетуринском заводе и в 1861–1862 гг. на Каменском заводе. Для своих опытов он использовал забракованные орудия. В Верхней Туре в результате испытания стрельбою на разрыв скрепленная проволокой 12-фунтовая пушка разорвалась на 108-м выстреле – оторвалась торельная часть, при этом все остальное орудие осталось целым (лучшие нескрепленные орудия выдерживали в среднем 71 выстрел); 60-фунтовая пушка вообще не разорвалась – в ней только образовалась трещина²³. Опыты на Каменском заводе дали такой же результат – скрепленные орудия оказывались в разы прочнее нескрепленных: скрепленная 60-фунтовая пушка разорвалась на 152-м выстреле, а нескрепленная – на 15-м²⁴.

В 1863–1864 гг. была, наконец, разрешена проблема литья тяжеловесных чугунных орудий. Во время гражданской войны в США Россия проявила себя одним из немногих союзников северян. Американцы передали России технологию литья чугунных орудий в опоку со вставленным стержнем, изобретенную Т. Родманом. Способ литья в опоку со стержнем был хорошо известен. Специфика метода Родмана заключалась в том, что чугун заливался в предварительно нагретую опоку, а стержень охлаждался водой; в результате чего

Таблица 3

**Производство артиллерийских орудий Каменским
и Верхнетуринским заводами в 1854–1867 гг.
(по данным ежегодных отчетов Государю Императору)**

Год	Пушки							Единороги		Карронады		Чугунные пробные мортирки
	3-п.	36-ф.	30-ф.	24-ф.	18-ф.	12-ф.	6-ф.	1-п.	½-п.	96-ф.	12-ф.	
1837	–	20	–	14	–	4	5	16	–	–	–	–
1838	–	–	–	6	3	1	–	1	–	–	–	–
1839	–	9	–	–	–	–	5	42	–	8	–	–
1840	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1841	–	1	–	–	–	–	–	13	14	–	–	–
1842	12	–	–	–	–	–	–	16	12	–	–	–
1843	12	–	–	–	–	–	–	11	3	–	–	–
1844	9	3	–	2	–	–	–	29	21	–	–	–
1845	8	–	–	2	–	–	–	10	27	–	–	–
1846	10	2	–	–	–	–	–	13	81	–	–	–
1847	11	9	–	6	–	1	–	1	122	–	–	–
1848	8	7	–	9	–	–	–	4	84	–	–	50
1849	11	3	–	18	–	–	–	17	45	–	–	–
1850	3	–	–	22	–	24	25	10	24	–	–	–
1851	–	2	–	–	–	10	31	7	–	–	–	–
1852	–	–	–	16	–	–	–	11	67	–	–	–
1853	–	–	–	8	–	–	18	12	19	–	15	–
1854	4	6	–	4	–	28	14	9	120	–	8	–
1855	14	1	–	23	–	–	–	16	141	–	–	–
1856	1	–	1	3	–	1	1	11	1	–	–	–
1857	–	–	–	–	–	–	–	30	15	–	–	–
1858	–	–	–	–	–	–	–	97	–	–	–	–
1859	–	–	–	15	–	–	–	17	–	–	–	–
1860	–	–	–	84	–	–	–	–	–	–	–	–
1861	–	–	–	25	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	103	63	1	257	3	69	99	393	796	8	23	50

* Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугуно-литейного дела для артиллерийских припасов в России // Артиллерийский журнал. 1863. №. 5. Отдел неофициальный. С. 342–343.

вначале происходила кристаллизация не внешнего слоя чугуна, а, наоборот, внутреннего, пузырьки газа успевали выйти из отливки, а не оставались в отливке в виде «раковин». Освоение данной технологии решило проблему изготовления крупнокалиберных чугунных орудий. В 1863–1864 гг. к производству орудий по американскому способу приступили Каменский и Верхнетуринский заводы. Объемы выпуска начали расти (см. табл. 3), но успех был недолгим. В 1867 г. Горный департамент распорядился производство орудий в Верхней Туре и Каменске прекратить, сославшись на то, что сопротивление разрыву чугуна верхнетуринских и каменских орудий оказалось меньше, чем орудий нового Пермского чугунопушечного завода.

Технология Т. Родмана позволила получить от чугуна то, чего так долго добивались артиллеристы – стабильного литья прочных орудий крупных калибров. В 1864 г. в связи с предполагавшимися заказами армии и флота на крупнокалиберные чугунные орудия директор горного департамента В.К. Рашет и главный начальник горных заводов Урала А.А. Иосса приняли решение построить на Каме, рядом с Пермским сталепушечным, Пермский чугунопушечный завод. Каменский и Верхнетуринский заводы в принципе могли изготавливать 15-дюймовые орудия весом до 1000 пуд. каждое, «но по отдаленности их от сплавных рек и вследствие чрезвычайной тяжести орудий, доставка сих последних к пристаням была бы сопряжена с чрезвычайными затруднениями и потребовала бы огромных расходов». Стоимость строительства нового завода должна была определена в 112 тыс. руб., а его оборудования — в 170 тыс. руб.²⁵.

В 1864 г. под руководством Г. Л. Грасгофа началось строительство Пермского чугунопушечного завода. К 1868 г. оно было завершено. Завод обошелся казне в 325,3 тыс. руб.²⁶ Он был оборудован шестью отражательными печами, двумя мостовыми кранами, 12 сверлильными станками. Сырьем для литья орудий служили чугуны Верхнетурского, Каменского и Уткинского заводов. В 1865 г. была успешно испытана опытная 12-фунтовая пушка, а со следующего года началось «валовое» производство. При переходе к серийному выпуску качество орудий упало – пушки не выдерживали пробы 35-ю прогрессивно-усиленными выстрелами. Требования при приемке были вновь ужесточены, что решило проблему с прочностью орудий²⁷. Завод приступил к производству 12- и 24-фунтовых пушек и 5-пудовых мортир (см. табл. 4). Крупнокалиберных орудий, ради которых он строился, завод не выпускал, единственным исключением стала

**Производство артиллерийских орудий
Пермским заводом в 1866–1873 гг.**

Год	Заказ тыс. руб.	Изготовлено								Всего тыс. руб.
		пушки				мортиры				
		12-фн		24-фн		5-п		8-дм		
		шт.	тыс. руб.	шт.	тыс. руб.	шт.	тыс. руб.	шт.	тыс. руб.	
1866	108,8	—	—	82	50,3	—	—	—	—	50,3
1867	98,6	—	—	116	80,5	—	—	—	—	80,5
1868	173,8	19	6,3	105	65,8	49	33,8	—	—	105,9
1869	140,3	101	39,7	65	42,8	13	7,9	—	—	90,4
1870	90,8	93	52,7	34	34,3	—	—	—	—	87
1871	81,9	139	101,4	3	4,6	—	—	—	—	106
1872	103,7	187	116,3	2	1,9	—	—	—	—	118,2
1873	261,1	41	31,5	42	88,6	—	—	1	2,2	122,3

Составлено по: РГИА. Ф. 37. Оп. 35. Д. 48. Л. 60; Д. 54. Л. 57; Д. 60. Л. 76; Д. 66. Л. 70; Д. 72. Л. 147; Д. 78. Л. 311; 84. Л. 267; Д. 90. Л. 280.

пермская «царь-пушка» – 20-дюймовая гладкоствольная колумбиада (копия орудий морских и береговых орудий США). Она была изготовлена в виде опыта, но в серию не пошла. Такими орудиями предполагалось вооружать русские мониторы, если бы опыты с 9-дюймовыми стальными пушками закончились неудачей, но поскольку эти опыты оказались успешны, от производства 20-дюймовых орудий отказались²⁸.

В 1867 г. ГАУ поставило перед Горным департаментом задачу организовать на пермских заводах производство чугунных орудий, скрепленных стальными кольцами. Опыты по скреплению чугунных орудий, которые были начаты Семашко в 1859 г., продолжались в течение 1860-х гг. Перевести исследования в плоскость выполнения военных заказов побудили успехи, достигнутые Францией. В 1859 г. на вооружение французского флота были приняты чугунные орудия, скрепленные стальными кольцами, однако их эффективность была низкой. В 1864 г. во Франции начались исследования с целью выработки рационального способа скрепления орудий. Как только в 1867 г. опыты принесли положительный результат – 7 пушек выдержали испытание в 500 выстрелов, – ГАУ потребовало от горных заводов того же. Чугунные скрепленные стальными кольцами орудия были крайне необходимы для вооружения береговой артиллерии. Прочных отечественных стальных орудий еще не было, а бронза была слишком мягким металлом для производства берего-

вой артиллерии. Оставалось либо заказывать за границей стальные орудия, либо организовать на русских заводах производство чугунных, скрепленных стальными кольцами.

В 1868 г. завод изготовил скрепленную 8-дюймовую пушку. Она была признана удовлетворительной, но на вооружение не поступила. Вследствие чего в горном ведомстве возникло впечатление, что такие орудия артиллерии больше не нужны, и работы по производству скрепленных орудий были приостановлены. В 1871 г. Артиллерийский комитет вернулся к вопросу о скрепленных пушках. Члены Комитета заявили, «что опыты непременно следует вести, и притом так, чтобы вслед за окончанием опытов завод, в случае успеха их, мог бы прямо приступить к валовому изготовлению орудий»²⁹. Без чугунных скрепленных орудий (несмотря на то, что они уступали стальным в прочности) не было возможности быстро выполнить план вооружения крепостей – его реализация растянулась бы на десятилетия. В 1871 г. произошло слияние Пермских сталепушечного и чугунопушечного заводов в единое предприятие – «Пермские пушечные заводы». Слияние было произведено «в том предположении, чтобы в случае приготовления чугунных орудий, одетых стальными кольцами, производство это не встретило препятствия»³⁰. С 1873 г. Пермский пушечный завод начал изготавливать скрепленные чугунные орудия. Объединенный завод изготовлял из чугуна орудия для крепостной артиллерии: 12-фунтовые пушки, 24-фунтовые длинные и короткие пушки, 11-дюймовые береговые пушки, 8-дюймовые и 9-дюймовые мортиры.

Последними чугунными орудиями, поступившими на вооружение русской артиллерии, были скрепленные стальными кольцами 11-дюймовые пушки. В 1879 г. Пермский завод получил условный заказ на 20 11-дюймовых (280-мм) чугунных пушек обр. 1877 г. Отливка стволов была закончена в 1880 г. В 1881 г. были проведены испытания первой пушки, которые показали низкое качество стволов с чугунным каналом. Было принято решение вставить в стволы чугунных пушек стальные трубы. В 1886 г.³¹ (по другим данным – в 1887 г.³²) размер заказа был сокращен до 10 пушек. Первая чугунная пушка со стальным стволом была изготовлена в 1890 г. Последние три пушки были сданы артиллерийскому приемщику в 1895 г.

Таким образом, в производстве чугунных орудий на предприятиях Урала в середине XIX в. выделяется ряд этапов. В середине 1830-х гг., адаптировав к местным условиям шведские технологии,

Верхнетури́нский и Каменский заводы приступили к производству орудий. До Крымской войны качество орудий не вызывало нареканий артиллеристов, однако производительность заводов сохранялась на низком уровне. Модернизация производства была направлена на расширение производительности и снижение производственных издержек. Резкий рост объемов производства во время Крымской войны привел к падению качества продукции. В 1857–1859 гг. заводы провели исследования по подбору «рудного смешения», которые дали благоприятный результат в отношении 12-фунтовых пушек, но качество 60-фунтовых орудий по-прежнему оставалась нестабильным, вследствие чего опыты по подбору шихты и режима плавнения были продолжены. В 1863–1864 гг. Каменский и Верхнетури́нский заводы перешли на технологию Т. Родмана, благодаря которой была решена проблема литья крупнокалиберных орудий. Однако в 1867 г. орудийное производство на этих заводах было закрыто. Центр производства чугунных орудий переместился в Прикамье, где в 1864–1868 гг. был построен Пермский чугунопушечный завод. Орудия из чугуна производились до 1880-х гг., они существенно уступали в прочности стальным орудиям, но рассматривались как дешевая замена дорогим стальным. С переходом к «дальнобойным системам» обр. 1878 г. артиллерия перестала заказывать чугунные орудия.

---

¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973; Вострокнутов В.Д. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Б.м., 1901; Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1980; Ружосув Е.Ю., Суржикова Н.В. «...Построить и завести большой железной завод...»: От Каменского чугуноплавильного до ЗАО «Уралэлектромаш». Екатеринбург, 2011; Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугунно-литейного дела для артиллерийских припасов в России // Артиллерийский журнал. 1863. №. 5. Отдел неофициальный. С. 249–343; Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.

² Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. С. 135–137, 159.

³ По два экземпляра из тугоплавких и легкоплавких руд: 36-фунтовых, 24-фунтовых, 12-фунтовых пушек крепостной артиллерии; 12-фунтовых и 6-фунтовых пушек, 1-пудовых и ½-пудовых единорогов полевой артиллерии; 24-фунтовых и 12-фунтовых пушек, 1-пудовых, 1-пудовых единорогов и 5-пудовых, 2-пудовых и ½-пудовых мортир осадной артиллерии.

- ⁴ Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугунно-литейного дела для артиллерийских припасов в России // Артиллерийский журнал. 1863. № 5. Отдел неофициальный. С. 249.
- ⁵ Там же. С. 266.
- ⁶ Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. С. 135–136.
- ⁷ Ляпин В.А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. (технико-экономический аспект развития) // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 91.
- ⁸ ПСЗ II. № 25093.
- ⁹ Ляпин В.А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. С. 92.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 833. Л. 3; Оп. 2. Д. 897. Л. 58 об.; ПСЗ II. № 29317, 31037.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 506. Оп. 1. Д. 11. Л. 178.
- ¹² Перечень занятий в заседаниях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. За октябрь 1856 г. // Артиллерийский журнал. 1856. № 5. Официальный отдел. С. 93.
- ¹³ Перечень занятий в заседаниях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. За январь 1857 г. // Артиллерийский журнал. 1857. № 1. Отдел официальный. С. 13.
- ¹⁴ Ботышев Ф. 1) Об испытаниях, производящихся в Верхнетуринском заводе с целью улучшения в нем пушечнолитейного производства и некоторые замечания относительно этого производства и сделанных по предмету его испытаний в Каменском заводе // Артиллерийский журнал. 1860. № 3. Отдел ученый и технический. С. 126–140; 2) Отчет о занятиях комиссии по предмету усовершенствования пушечного дела в Верхнетуринском заводе // Горный журнал. 1860. № 4. С. 3–51. Режим доступа: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6295>.
- ¹⁵ Перечень занятий в заседаниях Временного Артиллерийского комитета за август месяц // Артиллерийский журнал. 1859. № 6. Отдел официальный. С. 180.
- ¹⁶ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 г. СПб., 1861. С. 196.
- ¹⁷ Очерк преобразования в современной артиллерии. СПб., 1889. Т. 1. С. 249.
- ¹⁸ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. О горном промысле. Часть II. О нарядах, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствами. СПб., 1867. Приложение X. С. 16.
- ¹⁹ Н.П. Об испытаниях, производившихся на заводах Каменском и Верхнетуринском с целью приискания наилучших рудных смесений на отливку чугунных крепостных орудий // Артиллерийский журнал. 1864. № 10. Отдел неофициальный. С. 763.
- ²⁰ Перечень занятий в заседаниях Временного артиллерийского комитета. За июнь 1861 г. // Артиллерийский журнал. 1861. № 9. Отдел официальный. С. 376–377.
- ²¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 283. Л. 1–8.
- ²² РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 44. Л. 13–15.
- ²³ Семашко В. Опыты над чугунными орудиями, скрепленными железом, произведенные по повелению его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера на Верхне-Туринском заводе в конце 1859 и начале 1860 года // Артиллерийский журнал. 1861. № 9. Отдел ученый и технический. С. 675–688.
- ²⁴ Семашко. Опыты над чугунными орудиями, скрепленными железом 1860–1862 года // Артиллерийский журнал. 1863. № 8. Отдел неофициальный. С. 621–631.
- ²⁵ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 58. Л. 22 об.
- ²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 35. Д. 66. Л. 79 об.

²⁷ РГВИА. Ф. 506. Оп. 1. Д. 16. Ч. 1. Л. 190, 228.

²⁸ Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880. Часть вторая. СПб., 1880, С. 70–71.

²⁹ Обзор журналов артиллерийского комитета за июль 1871 г. // Артиллерийский журнал. 1871. № 11. Офиц. отдел. С. 759.

³⁰ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 75. Л. 20–21.

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 324. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 188. Л. 1–1 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 426. Л. 7.

Е.А. Юркевич (Санкт-Петербург)

ЖЕНСКИЕ УДАРНЫЕ БАТАЛЬОНЫ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ

«БОЧКАРЕВСКИМИ ДУРАМИ» назвал Маяковский женщин-солдат, пытавшихся в октябре 1917 г. защищать Зимний дворец¹. Попытка защитить Временное правительство и клеймо «дуры» – вот и все, что большинство знает о Марии Бочкаревой и ее женском батальоне смерти. А между тем все было совсем не так просто. И Зимний защищал совсем не бочкаревский батальон...

В июле 1889 г. в семье Леонтия Семеновича и Ольги Елеазаровны Фролковых, жителей деревни Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии родился третий ребенок – дочь Мария. Семья Фролковых была очень бедной. В надежде на лучшую долю через несколько лет после рождения Маши она перебралась в Сибирь, в поселок Ксеньевский под Омском. Но и переселение не спасло от бедности, и Маруся Фролкова с детских лет вынуждена была постоянно трудиться, чтобы помочь семье. Была она нянькой, домашней прислугой, работала в бакалейной лавке. Повзрослев, освоила и специальность укладчицы асфальта, и на этом поприще доросла даже до бригадира. Трудилась за копейки и практически без выходных.

В пятнадцать лет, в январе 1905 г., Мария вышла замуж за Афанасия Бочкарева. Брак не сложился. Афанасий оказался горьким пьяницей. Марию он жестоко бил, заставлял пить вместе с ним. Она пыталась покончить с собой, а потом сбежала от мужа. А затем встретила мясника Янкеля Бука, которого полюбила без памяти. Впрочем, Бук был в первую очередь не мясником, а бандитом. Когда Бука арестовали, Бочкарева добровольно отправилась за ним в ссылку в глухую тайгу. Но и Бук не оправдал ее надежд. Он был страшно ревнив, часто бил Марию, пил, а все деньги, заработанные гражданской женой,

проигрывал в карты. Мария была в отчаянии. И тут грянула Первая мировая война. Движимая искренним патриотическим чувством, Мария Бочкарева решила идти сражаться за Отечество².

В ноябре 1914 г. женщина обращается к командиру расквартированного в Томске 25-го резервного батальона с просьбой зачислить ее солдатом. Командир батальона предложил ей сделаться сестрой милосердия, но Мария стояла на своем: хочу быть именно солдатом! И тогда командир батальона предложил ей... отправить телеграмму Императору Николаю II с просьбой разрешить ей поступить на военную службу солдатом и даже сам помог составить текст телеграммы. Никто и не думал, что просьба настырной крестьянки будет удовлетворена. Но вскоре пришла телеграмма от Государя, в которой он разрешил Марии поступить на военную службу. И она была зачислена рядовым «охотником», т. е. добровольцем, в 25-й резервный батальон под именем Якова Бочкарева. Император помог ей осуществить ее мечту³.

С первого дня службы «Яшка» проявила себя дисциплинированным и расторопным солдатом. Товарищи, встретившие ее появление в батальоне смехом и шутками, вскоре искренне ее полюбили, а «Яшка» с удовольствием окунулась в солдатскую жизнь. Дошло до того, что накануне отправки на фронт она с друзьями-солдатами отправилась... в публичный дом, что называется, на «слабо»! И даже, ради шутки, принялась заигрывать с какой-то тамошней девицей. И тут ее «застукал» какой-то офицер... Анекдот про женщину-солдата в публичном доме еще долго гулял по Томску. А товарищи еще больше привязались к отчаянному «Яшке»⁴.

В феврале 1915 г. Мария оказалась на фронте, рядовым 28-го пехотного Полоцкого полка, одного из старейших в Русской армии⁵. Золотыми буквами на страницы полковой истории было вписано и имя «Яшки» – Марии Бочкаревой.

Буквально в считанные дни слава о храброе солдате «Яшке» распространилась по всему полку, а потом и дальше. Бочкарева сотни раз ходила в разведку, участвовала в рукопашных схватках, вынесла на себе с поля боя несколько сот раненых. К февралю 1917 г. Мария Леонтьевна – командир разведывательного взвода, старший унтер-офицер, кавалер Георгиевского креста 4-й степени, двух Георгиевских медалей и медали «За усердие» с бантом⁶. К тому времени она сама была четырежды ранена и даже успела побывать в немецком плену, правда, всего несколько часов. Храбрый и грамотный коман-

дир, прекрасный боевой товарищ, «Яшка» пользовалась огромной любовью всех знавших ее солдат и офицеров. Она по праву была гордостью родного полка!⁷ Но позволим себе не согласиться с утверждением, например, А.В. Арановича о том, что Бочкарева была полным Георгиевским кавалером⁸.

Страшным ударом для Бочкаревой как для истинной патриотки стала Февральская революция и последовавший за этим безудержный развал армии. Пусть Мария Леонтьевна и не была сторонницей монархии, но необходимость сражаться с немцами до победного конца она понимала четко и ясно, чего никогда и не скрывала. Много раз пыталась она усюветить поддавшихся революционной демагогии солдат, за что несколько раз едва не была убита. Но, несмотря ни на что, продолжала твердо стоять на своем⁹.

В начале мая 1917 г. в полк приехал председатель IV Государственной Думы М.В. Родзянко. После митинга председатель полкового комитета представил Родзянко Бочкареву. Говорливый думец заинтересовался храбрым унтером, пригласив Марию в Петроград, чтобы попытаться вместе сделать что-нибудь для предотвращения развала армии. В столицу Бочкареву провожал весь полк. Вернуться в родную полковую семью ей больше не довелось...

Вскоре Родзянко пригласил Марию на заседание солдатских депутатов в Таврический дворец. Именно тогда, во время этого заседания, ее вдруг осенила мысль о создании специальной женской воинской части. Тогда же Бочкарева и озвучила эту идею, которую Родзянко горячо поддержал. 14 мая она уже докладывала о своей идее Верховному Главнокомандующему генералу от кавалерии А.А. Брусилову. Тот, лебезивший перед новой властью, идею тоже поддержал. А вскоре Мария побывала на аудиенции у военного министра А.Ф. Керенского. Тот также быстро согласился на формирование новой воинской части, естественно, поручив это дело автору идеи. Бочкарева с готовностью согласилась, пообещав Керенскому, что дисциплина и моральный дух ее подчиненных будут на должной высоте¹⁰.

Зачем Бочкарева создавала столь экзотическое формирование? Ее целью было, как говорила она сама, пристыдить не желающих воевать солдат-мужчин¹¹.

21 мая 1917 г. Мариинский театр. Благотворительный вечер в пользу увечных русских воинов. Слово предоставляется унтер-офицеру Марии Бочкаревой. С замиранием сердца выходит она на сцену

и обращается к присутствующим в театре с горячим призывом вступить в Первый женский батальон смерти. Тут же в него записалось около полутора тысяч женщин¹².

С 22 мая формирование батальона пошло полным ходом. Для расквартирования батальону выделили здание Коломенского женского института (Коломенской женской гимназии) на Торговой улице (современный адрес – ул. Союза Печатников, д. 16)¹³.

Бочкарева лично отбирала буквально каждого бойца, безжалостно изгоняя «морально неустойчивых» – проституток, экзальтированных барышень, искательниц приключений и т. п. От поступивших в батальон она требовала беспрекословного подчинения и жесточайшей дисциплины. Бочкарева даже не разрешала разговаривать во время приема пищи. А нерадивому «солдату» запросто могла вклеить затрещину. А рука у старого фронтовика «Яшки» была тяжелой...

Одним из факторов проверки личного состава «на прочность» стал категорический приказ Бочкаревой всем девушкам, поступившим в батальон, остричься наголо. Не обошлось без слез и стонов, но подчинились все...¹⁴

Первоначально в батальоне было около 2 тысяч женщин, несколько офицеров и сорок унтер-офицеров в качестве инструкторов. Служба была нелегкой – подъем в пять часов утра, приведение себя в порядок, молитва, короткие перерывы для приема пищи, а все ос-

Ил. 1. 1-й Петроградский женский батальон

тальное время – занятия: строевая подготовка, изучение оружия, уставов и т. д. И так – до десяти часов вечера¹⁵ (ил. 1).

Жесткий отбор дал свои плоды. Почти половину добровольцев батальона составляли курсистки и женщины со средним образованием. В их числе была грузинская княжна Татуева, а адъютантом, т. е. начальником штаба батальона стала Надежда Скрыдлова, дочь адмирала¹⁶ (ил. 2).

Помимо жесткой дисциплины и беспрекословного подчинения, Бочкарева поставила еще одно условие: в батальоне не будет места никаким комитетам и агитаторам. Керенский и тогдашний командующий Петроградским военным округом генерал А.П. Половцев пытались надавить на Бочкареву и заставить ее разрешить сформировать солдатский комитет в своем батальоне. Бочкарева отвечала категорическим отказом. «Яшка» не стеснялась кричать на Керенского, а во время последнего скандала на «комитетскую» тему, уже на фронте, публично сорвала с себя офицерские погоны и бросила их в лицо «министру-председателю». Керенский струсил и оставил Бочкареву в покое. Пожалуй, после Февральской революции из всех частей Русской армии только в батальоне Бочкаревой не было пресловутых «солдатских комитетов» – источников развала и дезертирства¹⁷.

На почве неприятия Бочкаревой «революционной демократии» в батальоне возник раскол. Большая часть добровольцев обвинила Боч-

**Ил. 2. Н. Скрыдлова с чинами
1-го Петроградского женского батальона**

**Ил. 3. 1-й Петроградский женский батальон со знаменем
у Исаакиевского собора**

кареву в «старорежимных замашках» и «ограничении свободы» и отказалась ей подчиняться. Мария Леонтьевна «демократок» из батальона беспощадно выгнала. Из двух тысяч с ней осталось всего триста женщин, но это были те, кто готов был беспрекословно подчиняться своему командиру, идти за ней на смерть¹⁸.

21 июня 1917 г. на Мариинской площади Петрограда, у Исаакиевского собора, после торжественного молебна состоялось торжественное вручение батальону знамени и его освящение. Знамя было необычным. На белом (по другим данным – светло-желтом) полотнище был вышит черным шелком большой православный восьмиконечный крест, а вокруг креста – надпись: «Первая женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». На оборотной стороне знамени – икона Спаса Нерукотворного и по углам – черные «мертвые головы» (ил. 3). Впервые в истории Русской Армии имя командира части было вышито на ее знамени. В связи с этим в случае гибели Марии Бочкаревой это знамя должно было быть изъято из батальона и передано на хранение в какой-либо храм или военный музей, а батальону дано новое.

В тот же день Керенский вручил Бочкаревой погоны прапорщика¹⁹ (ил. 4).

Ко времени получения знамени батальон получил и новые, особые погоны – белые, с черно-красным просветом²⁰ (ил. 5). Черный цвет

Ил. 4. М.Л. Бочкарева. 1917 г.

символизировал смерть, а красный – свободу. Кстати, начавшие формироваться в это время другие женские батальоны смерти носили обычные, защитного цвета погоны, поэтому на фотографиях того времени «бочкаревских» бойцов очень легко узнать.

А 23 июня батальон ушел на фронт. Отважных женщин провожал весь Петроград – с цветами, музыкой, транспарантами. В числе провожающих были и представители Петроградского гарнизона. Двадцать пять тысяч здоровых вооруженных мужчин радостно провожали на смерть триста женщин, обуреваемые одним желанием – самим не попасть на фронт!²¹

Ил. 5. Погон 1-го Петроградского женского батальона

Вечер 8 июля – первый бой – в районе Сморгони, у г. Крево. Вообще-то он должен был начаться еще в три часа утра, но солдаты-мужчины на митингах все не могли решить – атаковать или не атаковать. К Бочкаревой присоединились только 75 офицеров с винтовками и около 300 солдат. И «Яшка» повела их в атаку... Батальон действовал исключительно героически, но это не изменило ситуации. В конце концов часть пристыженных солдат женский батальон все-таки подержала, но порыв не достиг цели – немцы перешли в контратаку. Батальон попал под губительный огонь с фронта и с флангов и начал отходить. Потери составили более 50 человек. Тяжело ранена, уже в пятый раз, была и Бочкарева... Ее отправили в один из госпиталей Петрограда. Батальон остался на фронте, но в боях больше не участвовал²². Впрочем, для женщин-воинов собственные, русские солдаты оказались страшнее немцев. За стремление воевать до победного конца бочкаревский батальон большинство солдат ненавидело. Женщины жили под постоянной угрозой смерти и насилия, но, не в пример солдатам-мужчинам, продолжали сохранять дисциплину и высокий боевой дух²³.

После выздоровления Бочкарева побывала в Ставке, встретилась с Верховным Главнокомандующим генералом Л.Г. Корниловым, съездила в Москву – проинспектировать Московский женский батальон. Там, в Москве, Бочкареву едва не убили «революционные солдаты»... Разочарованная, измученная, она вернулась к батальону, на фронт... Далее – вновь Москва, Петроград, встречи с Корниловым, Родзянко, Керенским, безуспешные попытки убедить «министра-председателя» навести в армии порядок. И снова – фронт, ненависть распустившейся солдатни и тяжелые раздумья о судьбе армии и России...²⁴

После большевистского переворота Бочкарева – к тому времени уже поручик – распустила батальон. Из-за того, что каждую «ударницу» солдаты готовы были безжалостно растерзать на месте, батальон вынужден был буквально в течение получаса скрытно покинуть свои окопы, а его роспуск происходил втайне, на лесной поляне. Переодетые кто в гражданскую одежду, кто в форму сестер милосердия, с поддельными документами, девушки-солдаты поодиночке уходили в неизвестность. Первый русский женский батальон перестал существовать...²⁵

Но кто же тогда были те «дурь», которые защищали Зимний дворец и Временное правительство? Все просто. Это была вторая

рота 1-го Петроградского женского батальона, сформированного в июне–июле 1917 г. Инициатором его создания выступил Женский Военный Союз. Часть его чинов составили те, кто был «отбракован» Бочкаревой при формировании ее батальона. Формировался 1-й Петроградский батальон в Михайловском замке и насчитывал 1000 женщин-доброволиц, 12 офицеров и 3 унтер-офицера (командиры – все мужчины). Командовал батальоном капитан Лосков. В начале августа новосформированная часть была переведена в Левашово²⁶.

24 октября 2-я рота батальона под командованием поручика В.А. Сомова была вызвана в Петроград якобы для парада. Так она и оказалась в Зимнем дворце. Сопротивления рота, как и весь остальной гарнизон, практически не оказала. Вот как описывал сдачу ударниц участник захвата Зимнего дворца анархист Ф. Другов:

«Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим «врагам». Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук и, как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом убегала... С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались возможностью «полапать» девчонок. Проходя дальше по строю, ударницы, освоившиеся уже с «вражеской» обстановкой, раздавали шлепки налево и направо. Толпа гоготала в блаженном веселии»²⁷.

Женщин-ударниц отконвоировали в бывшие казармы Лейб-Гвардии Гренадерского полка, а на следующий день отпустили по специальному распоряжению Военно-революционного комитета. Слухи о поголовном насилии над ними сильно преувеличены. Уже вскоре батальон был расформирован²⁸.

Кстати, к октябрю 1917 г. в Русской армии существовало четыре женских батальона смерти: Бочкаревой (на фронте), 1-й Петроградский, 2-й Московский и 3-й Кубанский (в Екатеринодаре). Формирование женских батальонов в других городах так и не было завершено²⁹.

А Бочкарева, распустив свой батальон, вновь с риском для жизни отправилась в Петроград. Там, задержанная как офицер, она была доставлена в Смольный и даже встретилась с Лениным и Троцким. Впрочем, пролетарским вождям женщина сразу заявила, что в гражданской войне ни на чьей стороне воевать не будет. С тем ее и отпустили, правда, отобрав револьвер и шашку. А по дороге домой сбросили с поезда, и она едва не погибла...

В январе 1918 г. Бочкарева по вызову некоего «генерала Х.» вновь приехала в Петроград, где получила задание пробраться на Дон, к генералу Корнилову. Под видом сестры милосердия она отправилась в путь. Рискуя жизнью добралась Бочкарева к Корнилову. А тот поручил ей... отправиться с агитационной поездкой за границу – просить помощи у союзников в борьбе против большевиков. И вновь – дорога с поддельными документами до Владивостока, и, наконец, 18 апреля 1918 г., после многих злоключений – отплытие в США. Несколько месяцев она пробыла в Америке, выступая с рассказами о положении в захваченной большевиками России и прося помощи. Она встречалась с госсекретарем США Р. Лансингом, министром обороны Н. Беккером, президентом США В. Вильсоном. Ее горячо приветствовали американские феминистки. А вечерами, в гостинице, русскому эмигранту Исааку Дон Левину она диктовала свои воспоминания (сама Мария Леонтьевна едва умела писать). Над мемуарами Бочкарева работала не ради собственной славы, а для того, чтобы передать гонорар от издания книги на лечение ее бывших подчиненных-ударниц, раненых вместе с ней на фронте. Так появились воспоминания Марии, которые она назвала «Яшка». Впервые книга вышла в 1919 г. в Нью-Йорке на английском языке (в 2001 г. вышло издание на русском языке).

В августе 1918 г. Бочкарева прибыла в Лондон. В Англии, как и в США, ее встречали с большим интересом и воодушевлением. Ее принял даже король Георг V.

27 августа Мария Леонтьевна прибыла в Архангельск. Здесь, на Севере, она вновь пытается создать женские подразделения, но не получает поддержки у командующего здешними белыми частями генерала В.В. Марушевского. И она едет домой – в Томск. Осенью 1919 г. состоялась встреча Бочкаревой с адмиралом А.В. Колчаком, который предложил ей сформировать женский военно-санитарный отряд. Создать его Мария Леонтьевна так и не успела – дни Сибирской белой армии были сочтены...

По занятии большевиками Томска Бочкарева сама явилась к коменданту города, сдала ему оружие и предложила свое сотрудничество. С нее взяли подписку о невыезде, а в ночь на Рождество 1920 г. арестовали и отправили в Красноярск, в Особый отдел 5-й армии. После нескольких допросов, в ходе которых реальных доказательств контрреволюционной деятельности Бочкаревой не нашли, ее решено было отправить в Особый отдел ВЧК в Москву. Но в тот момент в Красноярск прибыл заместитель начальника этого самого Особого отдела И.П. Павлуновский, имевший чрезвычайные полномочия от самого Ф.Э. Дзержинского. Долго разбираться он не стал и на постановлении об отправке Бочкаревой в Москву написал: «Бочкареву Марию Леонтьевну – расстрелять». 16 мая 1920 г. приговор был приведен в исполнение... Решением прокуратуры Омской области от 9 января 1992 г. М.Л. Бочкарева была полностью реабилитирована³⁰.

Не от семейных неурядиц, не из-за дешевой романтики, а движимая искренним желанием защитить от врага свою Родину ушла на фронт Мария Бочкарева. Долгие годы имя ее поливали грязью, историю ее подвига замалчивали. Но пришло время вернуть доброе имя этой замечательной русской патриотке, Георгиевскому кавалеру, русскому офицеру, создателю первого русского женского боевого подразделения. Вечная ей память и слава!

---

¹ Маяковский В.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 394.

² Бочкарева М.Л. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы: В записи Исаака Дон Левина. М., 2001. С. 39–112.

³ Там же. С. 115–119, 124.

⁴ Там же. С. 126–129.

⁵ Кулегин А.М. Звезда женского батальона. СПб., 2007. С. 2.

⁶ Лазарев С.А. Герои Великой войны известные и неизвестные. СПб., 2007. С. 325.

⁷ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 139–188; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 2–3.

⁸ Аранович А.В. К вопросу о петроградских женских батальонах (лето – осень 1917) // Третьи Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1999. С. 26.

⁹ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 191–203.

¹⁰ Там же. С. 203–215.

¹¹ Там же. С. 214.

¹² Там же. С. 217–218.

¹³ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 218; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 4; Беляева Г. Прогулки по старой Коломне. СПб., 2009. С. 234–235.

¹⁴ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 219–222; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 5–6.

- ¹⁵ Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁷ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 219, 231–233, 235, 236, 239–241, 262, 263.
- ¹⁸ Там же. С. 228–233.
- ¹⁹ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 247–250; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 7.
- ²⁰ Русская армия 1917–1920: Обмундирование, знаки различия, награды и нагрудные знаки / Сост. О.В. Харитонов, В.В. Горшков. СПб., 1991. С. 32.
- ²¹ См.: Аранович А.В. К вопросу о петроградских женских батальонах (лето – осень 1917). С. 26.
- ²² Бочкарева М.Л. Яшка. С. 269–283; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 7–8; Аранович А.В. К вопросу о петроградских женских батальонах (лето – осень 1917). С. 27.
- ²³ Бочкарева М.Л. Яшка. С. 305–306, 309–311.
- ²⁴ Там же. С. 310–316.
- ²⁵ Там же. С. 322–331.
- ²⁶ Бочарникова М. В женском батальоне смерти: 1917–1918 // Добровольцы: Сборник воспоминаний. М., 2001. С. 178–182; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 9–11; Аранович А.В. К вопросу о петроградских женских батальонах (лето – осень 1917). С. 27–28.
- ²⁷ Цит. по: Революции 1917 года в России как серия заговоров. М., 2017. С. 49–50.
- ²⁸ Бочарникова М. В женском батальоне смерти: 1917–1918. С. 197–205; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 11–14; Аранович А.В. К вопросу о петроградских женских батальонах (лето – осень 1917). С. 28.
- ²⁹ Дроков С. Предисловие к русскому изданию // Бочкарева М.Л. Яшка. С. 20.
- ³⁰ Там же. С. 22–31; Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 14–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Высоцкий Олег Леонидович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, заместитель директора.

Гусев Михаил Юрьевич – Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), полковник медицинской службы, начальник отделения.

Кабанов Павел Александрович – Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), старший ординатор.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич – Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь), заведующий кафедрой, доцент, доктор исторических наук.

Пиллишвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Пислегина Алла Владимировна – АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» (Нижний Тагил), директор Музейного комплекса.

Приходько Михаил Анатольевич – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, старший преподаватель, кандидат юридических наук.

Прыгов Вадим Игнатьевич – Ассоциация искусствоведения (Москва), независимый исследователь, кандидат искусствоведения.

Прямыцын Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат военных наук.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Российский институт стратегических исследований (Уфа), старший научный сотрудник, доцент, кандидат исторических наук.

Рогожин Александр Александрович – Орловский музыкальный колледж, преподаватель, кандидат исторических наук.

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская область), старший научный сотрудник, хранитель фонда.

Роднов Михаил Игоревич – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.

Рудакова Людмила Петровна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Рябая Светлана Анатольевна – Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, доцент, кандидат исторических наук.

Сабуров Леонид Давыдович – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Сергиевский Илья Александрович – Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательский институт (военной истории) (Москва), старший научный сотрудник, старший лейтенант.

Сибилева Ольга Павловна – региональное управление военной полиции (по Западному военному округу) (Санкт-Петербург), офицер отделения (информационно-аналитического).

Сибирцева Ирина Александровна – заведующая Музеем истории Завода № 9 им Ф.Ф. Петрова (Екатеринбург).

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Смирнов Андрей Анатольевич – Московский архитектурный инс-

титут (Государственная академия), доцент, кандидат исторических наук.

Соболев Владислав Юрьевич – Санкт-Петербургский государственный университет, старший научный сотрудник.

Соколов Владимир Андреевич – Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), ассистент кафедры, кандидат медицинских наук.

Стрельченко Александр Владимирович – Московский психолого-социальный университет.

Талантов Сергей Вадимович – коллекционер антикварного оружия, частный исследователь (Москва).

Тарасевич Юрий Георгиевич – Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь), старший преподаватель.

Тарасов Сергей Анатольевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (Москва), заместитель начальника отдела.

Титце Йорг – Музей оловянных фигурок (Лейпциг, Германия), сотрудник.

Токарева Татьяна Юрьевна – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (Московская область), старший научный сотрудник.

Толкацкая Анна Сергеевна – Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул), младший научный сотрудник.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени прп. Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, профессор, кандидат исторических наук.

Устьянцев Сергей Викторович – АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» (Нижний Тагил), научный редактор, кандидат исторических наук.

Ушаков Виктор Борисович – Ростовский областной музей краеведения (Ростов-на-Дону), заведующий отделом.

Филатов Олег Васильевич – Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Филиппов Герман Анатольевич – частный коллекционер и исследователь (Ставрополь).

Финченко Александр Евгеньевич – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), главный специалист, кандидат исторических наук.

Хайдаков Камил Саидович – частный коллекционер (Москва).

Хозиков Владимир Игоревич – общество «Деловая информация» (Санкт-Петербург), директор.

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), главный научный сотрудник, профессор, доктор исторических наук.

Цапина Татьяна Александровна – Государственный исторический музей (Москва), научный сотрудник.

Целорунго Дмитрий Георгиевич – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская область), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Цесельский Томаш – Институт истории Опольского университета (Ополье, Польша), директор, профессор, доктор исторических наук.

Цуканов Игорь Павлович – Курский государственный университет, руководитель Центра патриотического воспитания молодежи, кандидат исторических наук.

Черенцова Ксения Владимировна – Федеральное государственное унитарное предприятие «Конструкторское бюро “Арсенал”» (Санкт-Петербург), начальник группы.

Черноусов Андрей Анатольевич – Учебный военный центр при Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения, профессор, кандидат исторических наук, капитан 2-го ранга.

Чубинский Александр Николаевич – Музеи Московского Кремля, научный сотрудник.

Шалковский Алексей Геннадьевич – Санкт-Петербургский государственный университет, заместитель первого проректора, старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Шелковникова Елена Дмитриевна – Московский государственный лингвистический университет, профессор, доктор юридических наук.

Шмелев Кирилл Владимирович – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник.

Шумкин Георгий Николаевич – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), старший научный сотрудник.

Штайнбрехер Александр – Музей оловянных фигурок (Лейпциг, Германия), сотрудник.

Юркевич Евгений Иванович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Якимов Дмитрий Константинович – Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), ассистент, кандидат медицинских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пивоварчик С.А.</i> Польские укрепленные районы в оценке советских специалистов	3
<i>Пилишвили Г.Д.</i> Проблемы комплектования и обучения бойцов истребительных батальонов НКВД в начальный период Великой Отечественной войны на примере Курской области.....	18
<i>Пинк И. Б.</i> Опытные магазинные винтовки конструкции С. И. Мосина 80–90-х гг. XIX в. в собрании Тульского государственного музея оружия	26
<i>Пислегина А.В., Устьянцев С.В.</i> Новые поступления Музея бронетанковой техники «Уралвагонзавода»: история создания и бытования боевых машин	33
<i>Приходько М.А.</i> Структурная организация Морского министерства в 1811–1831 годах	44
<i>Прямыцын В.Н.</i> Метеорологическое обеспечение самолетов ВВС США на аэродромах Полтавского узла (июнь – август 1944 года).....	54
<i>Рахимов Р.Н.</i> Между национальной идеей и политикой: развал Уфимского гарнизона в 1917 году.....	63
<i>Рогожин А.А.</i> Служба, родство и покровительство в петровской России: Б.П. Шереметев в «деле полковника Рожнова» в 1713-1715 годах	76
<i>Родионов Е.А.</i> Огнестрельное охотничье оружие Чехии конца XVII – первой половины XVIII века в коллекции Гатчинского дворца-музея.....	92
<i>Роднов М.И.</i> Мобилизация автотранспорта в Уфимской губернии в 1914 году.....	107
<i>Рудакова Л.П.</i> История одного памятника. Пушка Кашпира Ганусова в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (вторая половина XVI века).....	113

<i>Рябая С.А.</i> Опыт благотворительной деятельности в Вятской губернии в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов (по материалам местной прессы)	123
<i>Сабуров Л.Д.</i> Музейное собрание оружия и военной техники в экспозиции и на смотровой площадке Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации	130
<i>Сажина И.Н.</i> Фронтовой дневник старшины Терехова.....	147
<i>Сергиевский И.А.</i> Создание независимой службы контроля качества военной продукции на оружейных заводах в ходе военной реформы Д.А. Милютина (по материалам РГВИА).....	156
<i>Сибилева О.П.</i> Искусство войны: стратегия и тактика ведения войн. Информационная война как важнейшая составляющая современных вооруженных конфликтов	167
<i>Сибирцева И.А.</i> О выдающемся конструкторе артиллерийских систем. К 115-летию со дня рождения Ф.Ф. Петрова	179
<i>Славнитский Н.Р.</i> Степан Лукич Игнатьев на посту коменданта Санкт-Петербургской крепости (1734–1747)	193
<i>Смирнов А.А.</i> О боеспособности русских запасных нижних чинов и нижних чинов германского ландвера в августе 1914 года (по воспоминаниям русских офицеров)...	203
<i>Соболев В.Ю.</i> Которской погост в системе средневековых крепостей Запада Новгородской земли.....	216
<i>Соколов В.А., Кабанов П.А., Гусев М.Ю., Якимов Д.К.</i> Боевой путь военного врача А.Н. Орлова в годы Великой Отечественной войны. Жизнь как пример для будущих поколений	230
<i>Стрельченко А.В.</i> Средневековый меч из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	235
<i>Талантов С.В.</i> Разновидности картушей на клинках шашек и кинжалов Кубанского и Терского казачьих войск конца XIX века.....	244
<i>Тарасевич Ю.Г.</i> Номенклатура артиллерии среднего и малого калибра в Московской Руси XVI–XVII веков	252
<i>Тарасов С.А.</i> 303-я истребительная авиационная Смоленская Краснознаменная ордена Суворова II степени дивизия: к 75-летию с момента формирования.....	272

<i>Титце Й., Штайнбрехер А.</i> Трофейное саксонское 4-фунтовые орудия системы быстрого заряжания в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ	287
<i>Токарева Т.Ю., Хайдаков К.С.</i> К вопросу об атрибуции сабель Кузьмы Минина и Дмитрия Михайловича Пожарского из собрания Оружейной палаты Московского Кремля.....	291
<i>Толкацкая А.С.</i> Археологические коллекции в экспозиционно-выставочной деятельности Алтайского государственного краеведческого музея в началеXX в. по 1940-е годы	314
<i>Ульянов О.Г.</i> Первый почетный караул на Руси: византийские истоки чина рынд.....	323
<i>Ушаков В.Б.</i> Штатное вооружение «Rýchla divízia» в процессе формирования и в ходе боевых действий на Восточном фронте(1941–1942).....	341
<i>Филатов О.В.</i> Роль зарубежных представительств России и ВМФ в обеспечении поставок грузов в Первую мировую войну.....	355
<i>Филиппов Г.А.</i> Ранее не описанные шашки Терского казачьего войска	374
<i>Финченко А.Е.</i> Русское охотничье огнестрельное дульнозарядное оружие в фондах МАЭ	378
<i>Хозиков В.И.</i> Ружейные ракеты Российской империи: история разработки и принятия на вооружение.....	390
<i>Худяков Ю.С.</i> Оружие Кыргызов Тянь-Шаня в музеях Кыргызстана	409
<i>Цапина Т.А.</i> Журналы русских военнопленных Первой мировой войны в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея	417
<i>Целорунго Д.Г.</i> Документы, относящиеся к продовольственному и материальному снабжению личного состава воинских частей русской армии как источник по истории эпохи Отечественной войны 1812 года.....	433
<i>Цесельский Т.</i> Последние боевые триумфы Великого княжества Литовского – битвы под Ляховцами и Наквашей	439

<i>Цуканов И.П.</i> Изучение истории Великой Отечественной войны в образовательных организациях России в конце XX – начале XXI века	457
<i>Черенцова К.В.</i> Организационные аспекты проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на машиностроительном заводе № 7 (г. Ленинград) по созданию минометного вооружения в 1936–1940 годах	466
<i>Черноусов А.А.</i> Роль главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга в формировании системы злоупотреблений на Черноморском флоте в конце 20-х – начале 30-х годов XIX века	478
<i>Чубинский А.Н.</i> О русских бердышах	492
<i>Шалковский А.Г., Высоцкий О.Л.</i> Контрбатарейная борьба в Советско-финляндской войне	519
<i>Шелковникова Е.Д.</i> Разрешительная система оборота старинного оружия в России (историко-правовой дискурс)....	534
<i>Шелковникова Е.Д., Прыгов В.И.</i> Armes de luxe от Лепаж в литературном контексте	548
<i>Шмелев К.В.</i> «Чертеж Русским и Шведским городам» как источник о фортификации пограничных крепостей в период войны 1656 года. История и археология	561
<i>Шумкин Г.Н.</i> Производство чугунных орудий на Урале в середине XIX века	574
<i>Юркевич Е.И.</i> Женские ударные батальоны в Петрограде в 1917 году	587
Сведения об авторах	599

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 02.05.2017.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 19.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 150 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленной технологии и дизайна.
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 262.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillery@yandex.ru

www.artillery-museum.ru

